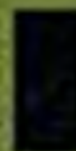

ЮЛИЯ КАМТОР

война и мир

МИХАИЛА ТУХАЧЕВСКОГО

Война и мир
Михаила
Тухачевского

Юлия Кантор

— ведущий научный сотрудник Государственного Эрмитажа, специалист по политической истории России первой половины XX века, известный журналист. Ее публикации в «Известиях», «Времени новостей», журнале «Звезда» о закрытых ранее страницах ленинградской блокады, о 1920—1930-х годах в истории Эрмитажа, о последних днях адмирала Колчака, о загадочных «приключениях» перемещенных ценностей времен Второй мировой войны, о прототипах героев знаменитого фильма Романа Полански «Пианист» и многие другие неизменно вызывают читательский интерес и общественные дискуссии.

Он был специалистом в ужасной профессии. Его профессия заключалась в том, чтобы шагать через трупы, и как можно успешнее

Дмитрий Шостакович о Михаиле Тухачевском.

Еще о нем же: «творец советской военной доктрины», «палач крестьянства», «красный Наполеон», «неотразимый донжуан»...

От автора

*Не мы выбираем время —
это время выбирает нас.*

Каждая историческая эпоха формирует своих героев и антигероев. Эпохи сменяют друг друга, и массовое сознание в одночасье превращает недавних кумиров в изгоев. Так возникают и закрепляются идеологические клише и исторические мифологемы. В России, да и не только в ней, история традиционно воспринимается как инструмент политического воздействия. Но для политики первична не истина — политика руководствуется целесообразностью.

«Сегодня красные, а завтра белые — они бесцветные по существу», — это социальное наблюдение поэта Серебряного века — не про М. Н. Тухачевского. «Бесцветные по существу» его ненавидели. Он их — презирал. Он был яркой, знаковой личностью для российской политической реальности первой трети прошлого столетия. Вопрос только — каков он, этот «знак». Книга «Война и мир Михаила Тухачевского» является попыткой ответить на этот вопрос.

О Тухачевском практически не осталось бесстрастных воспоминаний.

Мемуаристы его либо боготворят, либо ненавидят. Подлинных архивных материалов о нем опубликовано минимум, зато огромно количество популярных монографий и статей, в которых тонут немногочисленные серьезные научные исследования. Из-за явного дефицита инфор-

мации, базирующейся на документальных первоисточниках, имя Тухачевского окрашивается то в самые мрачные, то сусально–светлые тона. Одни биографы, «выхватывая» отдельные фрагменты его жизни, видят в нем палача, потопившего в крови Кронштадтский мятеж и задушившего крестьянское восстание на Тамбовщине, другие — сверхуспешного полководца Гражданской войны и дальновидного теоретика–милитариста.

Каких только клише нет о Тухачевском! «Творец советской военной доктрины» и «палач крестьянства», «карьерист, предавший свой класс» и «красный Наполеон», «непобедимый демон Гражданской» и «неотразимый донжуан»... Штампы корректируются политическим контекстом или в худшем и, нередком случае, — политической конъюнктурой.

Недостаток документального материала о Тухачевском десятилетиями «компенсировался» избыточностью надстройки из домыслов. Послереволюционная апологетика в отношении него сменилась в конце 1930–х приговором (в прямом и переносном смысле) и глухим замалчиванием. Потом, после реабилитации, возникли «канонические» биографические очерки о Тухачевском — «солдате революции». В 1980–е годы, наконец, появилась возможность изучать историю по первоисточникам — но поток документальных публикаций, посвященных недавнему прошлому, оказался сколь бурным, столь же и кратковременным. Инфантильная эйфория постсоветского раскрепощения прошла, породив смутную неудовлетворенность и горьковатую социальную рефлексию. И документальность вскоре снова уступила место политизированности. Парадокс, но инерция давно снятого запрета продолжает действовать до сих пор — ценнейшие, давно рассекреченные, вынутые из спецхранов документы оста-

ются не востребуемыми... Тухачевский по-прежнему будоражит сознание: в нем «неразгаданность» и — неоднозначность. В этой личности есть и некое «ускользание» от прямых ответов на фатальные вопросы истории. В его жизни и судьбе множество запомнившихся побед — и почти нет поражений. Время меняло акценты, предъявив счет за победы едва ли не больший, нежели за поражения. В его судьбе — странные параллели, как бы случайные совпадения. Он, красиво воевавший в 1914-м, был взят в плен в Польше — под Ломжей, где погиб его прадед, герой войны 1812 года. Этот плен «сломал» его ратный путь в Первой мировой и во многом предопределил дорогу в революцию. Сокрушительное поражение, оказавшееся «скрыто фатальным», Тухачевский, уже прославленный полководец Гражданской, пережил тоже в Польше. Юнкером Александровского училища он мечтал продолжить семейную традицию — служить, как и его предки, в Семеновском полку. Мечта сбылась. Подпоручик Тухачевский страстно желал попасть в Генеральный штаб — в Петербург. Через 10 лет после Октябрьского переворота он действительно занял кабинет в здании Главного штаба — как командующий Ленинградским военным округом. И на его глазах арестовывали офицеров-семеновцев, хранивших знамя полка. Именно это время на столе командующего ЛВО появился «Подпоручик Киже»... Первая зарубежная страна, куда он попал — Пруссия. Он был там пленником, и отношение Германии, как к врагу навсегда сохранилось в нем, пусть и смикшированное необходимостью вынужденного военного партнерства в конце 20-х. Германия 30-х — государство, постаравшееся извлечь максимальную выгоду из «дела Тухачевского» и приложившее руку к его фабрикации... Бежав из плена в 1917 году, Тухачевский попал во

Францию, и воспитанное дворянской средой и литературой восприятие этой страны как вечной цитадели революционного свободолюбия, усилило его радость от долгожданного и так трудно добытого освобождения. 20 лет спустя Франция стала местом последней зарубежной командировки Тухачевского. Тогда он, уже маршал Советского Союза, встретился со своими друзьями по плену, также сделавшими военную карьеру. Встретился, чтобы вести переговоры об антигитлеровской коалиции. (В 60-е годы президент Шарль де Голль, близко общавшийся с Тухачевским еще в немецком плену, посещая СССР, пытался встретиться с вернувшимися с из лагерей родственниками Тухачевского, но ему было отказано в этом...) Победа над белочехами в Самаре и разгон самарского комитета Учредительного собрания (комуча) — первый взлет Тухачевского — полководца. Из Самары началось его восхождение к вершинам советской военной карьеры. Самара же — последняя точка этой карьеры: незадолго до ареста Тухачевского сослали туда — командовать Приволжским военным округом... Между этими вехами — жизнь. Он побеждал — и оказался проигравшим, а побежденные им воспринимаются ныне как выигравшие. История в XXI веке опять предложила причудливый сюжет. Генерала Деникина перезахоронят в России: его прах, привезенный из США, будет покоиться на кладбище Донского монастыря. Рядом с поросшей быльем ямой, где зарыты, не погребены даже, останки расстрелянных по «Делу военных». Надгробный памятник Деникину, появится во многом и потому, что командарм Тухачевский дал белому генералу возможность остаться в истории побежденным, и по этой причине, в социальной мифологии, — незапятнанным. Тот и другой с равной ис-

кренностью и с равной же жестокостью боролись за Россию...

Тухачевский любил и отлично знал литературу, и музыку. Образность мышления проступает даже в жестких текстах его приказов. Он умел наслаждаться «горьким привкусом цветущей сирени» и размышлять о применении газов против крестьян. Его войска брали в заложники не только вооруженных мужчин, но беременных женщин и малолетних детей. Во имя призрака светлого будущего он утверждал кровавое настоящее. Будущее захлебнулось кровью, и заложником Системы стал уже он сам, а затем — его близкие.

Тухачевский не был исключением из правила — сотни царских офицеров в чине от поручика до генерала перешли на сторону большевиков до объявленной ими насильственной мобилизации. Но он не являлся и «типичным представителем» коммуниста-фанатика. Сын дворянина, чей род ведет начало из 12 века, и крестьянки, он лавировал во времени и нередко шел напролом. Он порой казался гибким до приспособленчества, но легко мог нарушить любые субординационные препоны — если чувствовал за собой силу. Тухачевский — воинствующий атеист и он же — фаталист, внимательно прислушивавшийся к голосу судьбы и, вероятно, расслышавший его как в 1917-м, так и в 1937-м.

Он не был банальным карьеристом: пришел к большевикам раньше, чем многие, — да и они сами — убедились в долговечности их пребывания у власти. Тухачевский не являлся представителем плебса, позволявшего манипулировать собой, он сам был талантливым манипулятором. Иначе не стал бы столь успешным полководцем, которому пришлось сначала бороться с тотальной анар-

хией одетого в шинели красного пролетариата и только потом — с белыми. Он, размышлявший об «экспорте мировой революции», раньше других «разглядел» опасность Гитлера для России и методично, концептуально пытался противостоять ей. Потом был 1937-й, как бы «перевесивший» все... Но кроме смерти у Тухачевского была еще и жизнь.

Что составляло его внутренний мир, каким было его окружение? Кто формировал его мировоззрения, какие обстоятельства сыграли ключевую роль в его становлении, какие — при кажущейся значимости остались на периферии? Кто был для Тухачевского «референтной группой», как и почему менялись пристрастия, какие черты характера доминировали, какие являлись фоном? Чем руководствовался он, принимая те или иные решения, делая выбор? За известным «пунктиром» его военной карьеры — огромные пробелы, восполнение которых способно изменить восприятие этой личности и ее роли в российской истории.

История — это сочетание фактов и образов. Помимо документов, хранящихся в государственных федеральных, региональных и ведомственных архивах, есть еще хранящиеся в домашних, семейных собраниях письма, мемуары, фотографии, наконец. Еще живы те, кто помнит и готов рассказывать. Бесстрастность архивных первоисточников и искренняя субъективность личных воспоминаний — две, быть может, равноправные составляющие исторической правды. Увы, колоссальное количество материалов безвозвратно исчезло из архивов во время перманентных политических катаклизмов, сотрясавших страну в XX веке.

И это тоже — факт правды. Тем ценнее сохранившееся, тем важнее изучить его.

Стержнем книги «Война и мир Михаила Тухачевского» стали документы из российских и немецких архивов, большинство которых вводится в научный оборот впервые. В сочетании с уже опубликованными материалами и исследованиями российских и зарубежных историков, они могут позволить значительно расширить представление об одной из самых влиятельных и интересных фигур отечественной политической истории. И, что в неменьшей степени важно, дадут возможность взглянуть на знакомые исторические события, в новом ракурсе — основываясь на неизвестных ранее фактах.

* * *

Работа над этой книгой не была бы логически и концептуально завершенной без подробного исследования материалов хранящегося на Лубянке архивного следственного дела на маршала Тухачевского и других участников одного из самых громких процессов XX века — мрачно знаменитого «Дела военных» (№ Р-9000 на Тухачевского М. Н., Якира И. Э., Уборевича И. П., Корка А. И., Эйдемана Р. П., Фельдмана Б. М., Примакова В. М. и Путьны В. К.). Вот уже почти 70 лет уникальный документ является «белым пятном». Внучатый племянник маршала Н. А. Тухачевский, дав мне доверенность на изучение этого документа в Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ), предоставил таким образом возможность открыть драматические страницы политической истории. Такой поступок заслуживает тем большего уважения и благодарности, что сам Н. А. Тухачевский до тех пор докумен-

тов не видел: соответствующий запрос на Лубянку мы отнесли вместе.

Впервые исследованы архивные следственные дела:

№ Р–23914 на Н. Е. Тухачевскую–Аронштам — жену М. Н. Тухачевского;

№ Р–41897 на С. М. Тухачевскую — дочь М. Н. Тухачевского;

№ Р–9003 на Н. Н. Тухачевского — брата М. Н. Тухачевского;

№ Р–5159 на М. В. Бейер (Тухачевскую) — жену Н. Н. Тухачевского;

№ Р–12028 на С. Н. Тухачевскую — сестру М. Н. Тухачевского;

№ Р–4328 на О. Н. Гейман–Тухачевскую — сестру М. Н. Тухачевского;

№ Р–3454 на Е. Н. Арватову–Тухачевскую — сестру М. Н. Тухачевского;

№ Р–3325 на Ю. И. Арватова — мужа Е. Н. Арватовой–Тухачевской;

№ Р–4330 на М. Н. Тухачевскую–Владимирову — сестру М. Н. Тухачевского;

№ Р–4329 на З. Ф. Тухачевскую — жену А. Н. Тухачевского, второго брата М. Н. Тухачевского;

№ Р–34523 на Е. К. Гриневича — тестя М. Н. Тухачевского.

Архивное следственное дело № П–63124 на А. Н. Тухачевского, брата М. Н. Тухачевского, хранится в Государственном архиве Российской Федерации и также

впервые вводится в научный оборот (ГАРФ, ф. 10035, оп. 1).

Помимо архивных следственных дел 1930—1940 годов на маршала и его родственников, мною было изучено также хранящееся в ЦА ФСБ РФ архивное следственное дело № Н–212 на «Приволжскую шпионскую организацию» 1919 года, где также фигурирует М. Н. Тухачевский. В книге использованы специально подготовленные по моим запросам архивные справки на людей, составлявших личное и профессиональное окружение М. Н. Тухачевского в разные годы (№ Р–675 на Н. Н. Фадеева; № Р–12805 на Ю. И. Кузьмину;

№ Р–18091 на А. Я. Протас; № Р–3802 на Т. Ф. Домбаля;

№ Р–10195 на М. А. Владимирова и др. — на основании справок по архивным следственным делам). Все эти материалы публикуются впервые и, соответственно, впервые вводятся в научный оборот.

Отдельная благодарность — сотруднику Центрального архива ФСБ РФ Д. А. Шibaеву. Его профессиональная эрудиция, методологическая помощь и консультации позволили с максимальным исследовательским эффектом проанализировать весьма значительное количество первоисточников.

Впервые публикуются и касающиеся М. Н. Тухачевского документы времен Гражданской войны из Самарского Областного государственного архива социально-политической истории (СОГАСПИ, ф. 3500, оп. 1, д. 284, д. 256). В связи с этим — благодарность руководителю отдела использования документов А. Г. Удинцеву. Также никогда не публиковались материалы из Российского государственного военно-исторического архива о до-

революционном периоде жизни Тухачевского и его семьи (РГВИА, ф. 2584, оп. 1, д. 2971; ф. 291, оп. 1, д. 43, д. 44, д. 49, д. 50). Также вводятся в научный оборот документы из фондов Государственного музея политической истории России с имеющей отношение к Тухачевскому информацией о Кронштадтском восстании 1921 года (ГМПИР, ф. 2, оп. 3470, ф. 6). Интерес представляют и не публиковавшиеся ранее документы из Российского государственного военного архива о пребывании М. Н. Тухачевского в Ленинградском военном округе (РГВА, ф.157, оп. 2, д. 159; ф. 37605, оп. 2, д. 2).

Не менее важны и документы из немецких архивов. В книге «Война и мир Михаила Тухачевского» вводится в научный оборот массив документов, детально рассказывающих о пребывании Тухачевского в плену в время Первой мировой войны, его побегах из лагеря для военнопленных. Они хранятся в Главном Государственном Баварском военном архиве (Bayer. Hauptstaatsarchiv Munchen, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. IL Inf. Brig. № 289, № 119/1). Впервые публикуются материалы из находящегося в Федеральном архиве Фрайбурга личного фонда В. фон Бломберга — начальника германского генштаба, — информирующие о советско–германских отношениях конца 1920–х годов и роли в них М. Н. Тухачевского (Bundesarchiv Militerarchiv Freiburg № 52/2 Blomberg: Lebenerinnerungen — handschriftlich). Они изучены с разрешения П. фон Бломберга, внука немецкого военачальника. Впервые публикуются фрагменты хранящихся в Федеральном Государственном архиве ФРГ (г. Кобленц) дневников гитлеровского министра пропаганды Й. Геббельса с оценками «Дела военных» (Bundesarchiv Koblenz. Joseph Gobbels Tagebuch, 37 NL118/64,118/63).

Многоаспектности изучения темы весьма способствовала и работа в личных архивах. Особо хочется поблагодарить В. И. Уборевич, дочь командарма, расстрелянного в 1937–м по «Делу военных» вместе с Тухачевским. В. И. Уборевич предоставила для публикации документы огромной эмоциональной и фактологической силы: свои письма к Е. С. Булгаковой, вдове знаменитого писателя. Они публикуются впервые, как и другие эпистолярные документы из ее личного архива, являющиеся штрихами к портрету сложнейшей эпохи. Ю. В. Хитрово предоставила из своего архива неизвестные до сих пор воспоминания сестры маршала Е. Н. Арватовой–Тухачевской. Ю. В. Хитрово передала для публикации также и письма людей, бывших свидетелями и участниками различных эпизодов жизни М. Н. Тухачевского, представляющих исторический интерес. Все они публикуются впервые.

Также вводится в научный оборот Отчет о поездке в Россию В. фон Бломберга из личного архива семьи Бломберг (Blombergs P. Privates Archiv. Reise des Chefs des Truppenamts nach RussLand. (August/September, 1928)^[1]. Хотелось бы поблагодарить российских и немецких специалистов, оказавших существенную помощь в работе над книгой «Война и мир Михаила Тухачевского».

Работа над монографией, требующая продолжительной работы в российских и зарубежных архивах и музеях, не была бы возможной, если бы не решение директора Государственного Эрмитажа члена–корреспондента РАН М. Б. Пиотровского ввести это исследование в число при-

¹ Во введении перечислены лишь основные документы и материалы, впервые вводимые в научный оборот. Подробный список всех использованных архивных документов приводится в приложении — в указателе источников (с.)

оритетных научных направлений, связанных с деятельностью эрмитажного Музея Гвардии. Работа закончена — книга перед вами.

1. ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО

Все это было, было, было...

Свершился дней круговорот.

Какая ложь, какая сила

Тебя, прошедшее, вернет?

Александр Блок

Рубеж XIX и XX столетий принес России тревожное предчувствие будущего и ностальгию по ушедшему. Осыпался старый привычный уклад, рождалась новая смутная эра. Еще поводом для гордости и даже заявкой на привилегированность было понятие «род», но уже заявлял о себе новый класс, привыкший покупать права как имущество. До фатальных потрясений оставалась четверть столетия, но время прежней «незыблемости основ» явственно уходило в прошлое. Сломы эпох неизбежно рождают архетип, воспитанный прежними поколениями, их этикой и традицией, и одновременно стремящийся навсегда порвать с ними, создав нечто новое. Воплощением такого архетипа стал Михаил Николаевич Тухачевский, родившийся 3 (16) февраля 1893 года.

Род Тухачевских берет свое начало от графа Идриса (Индриса), выходца из Священной Римской империи, поступившего в 1151 году на службу к великому князю Киевскому Мстиславу Владимировичу. Потомки графа верно служили русским князьям и царскому престолу. В XV веке при Василии II Темном отличился представитель седьмого поколения Богдан Григорьевич, за что был пожалован селами Скорино и Тухачевым Серпейского уезда, а также

волостью Тухачевской (станом) с деревнями в Московском уезде и прозван Тухачевским¹. Согласно поколенной росписи этот род находится в родстве с Голенищевыми–Кутузовыми и, соответственно, с Хитрово, Толстыми, Сумароковыми, Киреевскими.

К концу XIX века разветвленный и богатый когда-то род оскудел: пышное генеалогическое древо зачахло, оставив одну ветвь. Последним носителем фамилии, имевшим потомство, в то время был Николай Николаевич Тухачевский. Он женился уже в зрелом возрасте и совершил «громкий» мезальянс: потомственный дворянин сочетался браком с крестьянкой! Формально этот шаг уже не нарушал правовых норм Российской империи конца XIX века, однако резко, как и лет сто-двести назад, диссонировал с нормами и традициями дворянско-аристократической этики. Дитя наследника аристократического рода, имевшего «римские корни», и простолюдинки (дочери недавнего крепостного), Михаил Тухачевский подсознательно ощущал двойственность, «ущербность» своего происхождения.

Его бабка по отцовской линии, Софья Валентиновна, дружила с Тургеневым. Потому «Дворянское гнездо» в доме Тухачевских читали с вдвойне болезненной автобиографичностью.

«Случилось так, что в числе горничных Анны Павловны находилась одна очень хорошенькая девушка, с ясными, кроткими глазками и тонкими чертами лица, по имени Маланья, умница и скромница. Она с первого раза приглянулась Ивану Петровичу; и он полюбил ее: он полюбил ее робкую походку, стыдливые ответы, тихий голосок, тихую улыбку; с каждым днем она ему казалась милей. И она привязалась к Ивану Петровичу всей силою

души, как только русские девушки умеют привязываться, — и отдалась ему. В помещичьем деревенском доме никакая тайна долго держаться не может: скоро все узнали о связи молодого барина с Маланьей... Поднялся гвалт, крик и гам: Маланью заперли в чулан; Ивана Петровича потребовали к родителю... С внутренней дрожью во всех членах, Иван Петрович объявил... что чувствует себя выше всяких предрассудков, а именно — готов жениться на Маланье»².

Сведений о том, «поднялся ли гвалт» в доме Тухачевских, когда отношения Николая Тухачевского и его дворовой девушки Мавры Милеховой, стали известны Софье Валентиновне, не сохранилось. Но, судя по зафиксированным воспоминаниям, истории реальная и художественная «по интонации» совпадали.

Старожил поместья А. П. Косолапов рассказывал:

«Жил в ту пору в нашем селе... бедный мужик. Звали его Петр Прохорович Милехов. И вот у него, у этого бедного мужика, было пять дочерей, и... все они были красавицы... Ну а Мавра, так и говорить нечего — красавица: что ростом, что статностью, что лицом... Работала она у Тухачевских в имении, и Николай Николаевич полюбил ее. Бывало, стоит, смотрит на Мавру и все улыбается... Конечно, старше ее годами, а так сам по себе ничего — рослый, чернявый, только глаза были какие-то утомленные. Софья Валентиновна понимала, что ее Коленька влюбился в Маврушу...»

Идиллическая картина внесловного брака по любви несколько размывается документами. В РГВИА хранится свидетельство, выданное Тухачевскому, на основании определения Смоленского окружного суда.

«Смоленский Окружный Суд, в силу состоявшегося 23 августа 1896 года определения и на основании представленных в Окружный Суд документов выдал сие свидетельство... Михаилу Николаевичу Тухачевскому, записанному в метрической книге Московской Феодоро–Студитской что за Никитскими воротами церкви за тысяча восемьсот девяносто третий год, части первой о родившихся, в том, что он родился 3 февраля тысяча восемьсот девяносто третьяго года... крещен 5 марта тысяча восемьсот девяносто третьего года; вероисповедания православнаго; восприемниками при крещении были: врач Николай Александрович Крамарев и вдова надворнаго советника Екатерина Яковлевна Аутовская».4 То есть только в 1896 году (через три года после рождения) М. Н. Тухачевский получил свидетельство о рождении, причем в силу судебного определения. Наиболее вероятной причиной столь позднего юридического «признания» может быть незаконнорожденность. Это предположение косвенно подтверждается и «специфичностью» восприемников при крещении: врача и надворной советницы. Если исходить из того, что родители Тухачевского обвенчались в 1896 году, то вне брака кроме Михаила родились его братья Николай (1890) и Александр (1895) и сестра Надежда (1892).

А вот документ о причислении Михаила Николаевича к роду Тухачевских.

«Смоленскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія Свидетельство.

Дано сие из Смоленскаго Дворянскаго Депутатскаго Собранія, на основании п. 6 ст. 350 и 374 т. IX Свод. Зак. издан. 1899 г., потомственному дворянину Михаилу Николаевичу Тухачевскому, родившемуся 3-го февраля 1893

года, в том, что он, определением Смоленского Дворянского Депутатского Собрания, 31 июля 1901 года причислен к роду отца его Николая Николаевича Тухачевского, внесенному во вторую часть родословной книги и утвержденному указом Правительствующего Сената, по Департаменту Герольдии, от 15 декабря 1886 года за № 5361 Смоленск, августа 2 дня 1901 года. Гербовый сбор уплачен»5.

Дворянские дети, родившиеся в браке, автоматически причислялись к роду родителей. Тухачевский же, как видно из свидетельства, причислен к роду отца только в 1901 году — ему исполнилось уже восемь лет. Остается только догадываться, как уязвляли его эти неурядицы. И как страдало самолюбие, порождая болезненное подсознательное стремление к «компенсации».

Классик психоанализа К. Г. Юнг отмечал:

«Комплексы всегда содержат в себе нечто вроде конфликта или, по крайней мере, являются либо его причиной, либо следствием. Во всяком случае, комплексам присущи признаки конфликта, шока, потрясения, неловкости, несовместимости. Это так называемые «больные» точки... о которых не очень-то хочется вспоминать и еще меньше хочется, чтобы о них напоминали другие, но которые зачастую самым неприятным образом напоминают о себе сами... Комплекс или обладание комплексом не обязательно означает неполноценность. Это значит только, что существует нечто несовместимое, неассимилированное, возможно даже, какое-то препятствие, но это также и стимул к великим устремлениям и поэтому, вполне вероятно, даже новая возможность для успеха... Но они означают также и неисполненное в индивидуе, об-

ласть, где, по крайней мере, сейчас он терпит поражение, где нельзя что-либо преодолеть или осилить»⁶.

Так в детском мироощущении Тухачевского возникла первая, неосознаваемая, но ощущаемая трещина. Трещина тем более глубокая, что сызмальства и всю жизнь он был нежным, любящим сыном.

На смоленской земле прошли первые годы будущего маршала. Всеми делами в имении управляла его бабушка^[2 1]; отец мало интересовался хозяйством. Имение Александровское, когда-то огромное и богатое, после отмены крепостного права постепенно пришло в упадок, его пришлось заложить, а через несколько лет — продать с торгов, к большой печали семьи, расстававшейся с ним как с частью собственной родовой истории. (Еще одна литературная аллюзия — чеховский «Вишневый сад».) Тухачевские перебрались в небольшое имение Софьи Валентиновны близ села Вражское Чембарского уезда Пензенской губернии. Там жили летом, во время школьных каникул, зимой — в Пензе.

«Жизнь во Вражском была скромной... дом был одноэтажный, в несколько комнат. Самая большая комната имела по три больших окна с каждой стороны. Украшением и единственной роскошью этой комнаты были больше зеркала и два рояля — на одном, по преданию, играл сам Рубинштейн. Отец, Николай Николаевич, отлично музицировал в четыре руки с Софьей Валентиновной. Моцарт, Бетховен, Шопен были их любимыми композито-

² Предки Софьи Валентиновны, в девичестве Гаспариш, — французы. Остались в России после войны 1812 года. Она была женой Николая Александровича Тухачевского, смоленского губернского секретаря. Серьезно занималась музыкой, брала уроки у Николая Рубинштейна.

рами. Из Москвы к Тухачевским приезжал гостить знаток и ценитель Скрябина, ученик Танеева Н. С. Жилиев»⁷.

С Жилиевым, ставшим в 30–е годы профессором московской консерватории, М. Н. Тухачевский поддерживал дружеские отношения всю жизнь. (После расстрела маршала в 1937 году Жилиев был репрессирован.) Михаил Николаевич с детских лет унаследовал от отца и бабушки любовь к музыке. Дети были способными музыкантами. Александр готовился к поступлению в консерваторию — позднее он стал учеником Гольденвейзера по классу рояля, а затем выбрал виолончель... Наибольшие надежды подавал самый младший, Игорь. Его считали вундеркиндом.

Летом дети занимались домашними работами и хорошо отдыхали: устраивали свои спектакли, концерты, художественные вечера. Бабушка и отец играли на рояле, брат Александр — на виолончели, сам Миша — на скрипке. Играли в шахматы, шашки, городки. Миша увлекался астрономией, аккуратно следил за погодой, соорудив вместе с братом Николаем самодельную метеорологическую установку⁸.

Елизавета Николаевна, младшая сестра маршала, вспоминала:

«Я могу рассказать о ранних годах его жизни только со слов людей, окружавших его в детстве, главным образом, нашей матери Мавры Петровны. По ее рассказам он был необыкновенно подвижным, живым и предприимчивым мальчиком и его ни на минуту нельзя было оставлять без присмотра. Например, когда он научился ходить, то для него пришлось взять отдельную няньку, т. к. нянька, общая для всех детей, должна была все свое внимание уделять только ему, во избежание какой-нибудь ка-

тастрофы. Главной обязанностью этой новой няньки было ходить сзади Миши и держать его за рубашку, ни на минуту ее не выпуская»⁹.

Специалисты по возрастной психологии называют таких детей гиперактивными. Из этих «разрушительно любопытных», возбудимых детей вырастают люди, стремящиеся к абсолютному лидерству, нередко жесткие.

Портниха Тухачевских, Полина Дмитриевна, почти всю жизнь жившая у них и обшивавшая всю семью, рассказывала, что маленький Миша был совершенно неистощим на разные выдумки и шалости, которые часто кончались для него даже наказанием, но это никогда нисколько не портило его настроения и он тут же продолжал выдумывать новые шалости, вовлекая в них своих братьев и любимую сестру Надю.

«Полина Дмитриевна была очень религиозна, почти монашка, не знаю, как она прижилась в нашей антирелигиозной семье, но и она настолько любила Мишу, что прощала ему даже его всякие антирелигиозные выходки, которые он любил проделывать, — вспоминала сестра Тухачевского Елизавета Николаевна. — Михаил Николаевич и в детстве отличался необыкновенной физической силой. Любил верховую езду, городки, упражнялся с гантелями, а больше всего любил борьбу. Его сверстники—мальчишки из Вражского, будучи уже взрослыми, рассказывали об их играх в войну, и по рассказам их, выигрывала всегда та сторона, в которой находился Михаил Николаевич. Бороться же он выходил и на двоих. Но игры и развлечения никогда не мешали ему очень много читать...»¹⁰ Он запоем читал на русском и французском языках классику и модных авторов (литературные герои, интересовавшие больше других, — Андрей Болконский и Став-

рогин). Вообще, «книжность» — неременная составляющая для дворянского быта — в семье Тухачевских культивировалась. В девятнадцати километрах от Вражского — Тарханы, имение бабушки Лермонтова. Туда не раз ездили Тухачевские. Неподалеку — Ясная Поляна, куда, по семейным преданиям, Тухачевские ездили в гости к Толстому. В уездном городе Чембаре некогда учился Белинский, в Пензе тянул служебную лямку СалтыковЩедрин, рядом, в Наровчате, родился и провел детство Куприн. Словом, Пензенская губерния имела литературную славу. К началу XX века Пенза была одним из просвещенных русских городов, ее шутя называли «мордовскими Афинами». В городе были мужские и женские гимназии, художественная школа с неплохой картинной галереей, богатая библиотека имени Лермонтова, читальня имени Белинского, в создании которой принимал участие Чехов. Кстати, Пенза с 60-х годов XIX века была местом ссылки польских революционеров, позднее — народовольцев, а в конце века — социалдемократов¹¹. И рожденные литературой образы, питавшие отроческое воображение, смешивались с фактами повседневной жизни.

Михаил, будучи подростком, сочинял пьесы для домашнего театра и сам же играл главные роли. Пьесы сочиняли сами и рисовали смешные афиши. Главными действующими лицами бывали Михаил и Шура. Николай открывал и закрывал занавес, а также исполнял обязанности суфлера. Игорь играл на рояле. Потом, уже в гимназии, на смену самодеятельным пьесам пришел Чехов.

В инсценировке чеховской «Хирургии» Михаил играл роль фельдшера, а в «Канители» — дьячка.

Характерный штрих. Тухачевский не любил рассказывать о неприятностях. И не жаловался на обидчиков —

эта черта не исчезла и когда он стал взрослым. (Как сохранилось и тщательно скрываемое неумение быстро «стряхивать» с себя, забывать обиды и неудачи).

«У нас во Вражском, во дворе, летом после сенокоса свозили и складывали большие скирды сена. Старшие братья и сестра любили туда взбираться и проводить там время. Обычно выбирался один какой-нибудь стог сена, который к осени приходил в полную негодность. Но это никого не смущало. Братья, сестра, их товарищи и подруги там сидели, разговаривали, а нас, маленьких, туда подсаживали к нашему большому удовольствию. И вот один раз мать увидела, что братья с товарищами затеяли там борьбу и возню, и кто-то неудачно толкнул Мишу. От неожиданности он не успел зацепиться за кого-нибудь и полетел вниз, ударившись сильно грудью о землю. Когда мать подбежала к нему, то увидела, что он не только не мог говорить, но даже дышать. Мать очень перепугалась и, когда Миша отдышался и смог, наконец, разговаривать, она потребовала сказать ей, кто его столкнул со скирды, но ни уговоры ее, ни требования не помогли, и он виновника так и не выдал»¹², — рассказывала Е. Н. Тухачевская.

Тухачевский учился в Пензенской гимназии с 1904 по 1909 год. В документах гимназии сохранились такие записи:

«несмотря на свои способности, учился плохо», «прилежание — 3», «внимание — 2», «за год пропустил 127 уроков», «имел 3 взыскания за разговоры в классах»

Есть заявление священника на педагогическом совете:

«Тухачевский Михаил не занимается законом Божиим». Сестры маршала вспоминали, что Н. Н. Тухачевский был атеистом и детей воспитывал в том же духе. Ему это удалось.

«Один раз, за чаем, Михаил Николаевич начал рассказывать какие-то антирелигиозные истории, которые сам тут же и выдумывал.

Мать, уже привыкшая к таким разговорам, все же не выдержала и потребовала, чтобы он замолчал. Но Миша, под смех братьев и товарищей, сидевших за столом, продолжал дальше. Тогда мать, видя, что требования и просьбы не помогают, и желая заставить его замолчать и рассердившись не на шутку, вылила ему на голову чашку с остывшим чаем. Все долго смеялись, но больше всех мокрый Миша»¹⁴.

Товарищ Тухачевского по гимназии В. Г. Украинский рассказывал об уроках закона Божьего:

«Иногда после елейного рассказа о чудесных исцелениях и вообще чудесах святых угодников лукаво и вместе с тем почтительно Михаил спрашивал:

— Батюшка, вы и на следующем уроке будете рассказывать нам сказки?

Священник возмущался и удалял Мишу из класса»¹⁵.

В дневниках гимназистов на последней странице было напечатано «свидетельство», его заполнял священник в дни Великого Поста; он подтверждал подписью и печатью, что гимназист был на исповеди и причащался. Этот документ гимназист вручал классному наставнику. Но неожиданно открылось, что гимназист Михаил Тухачевский ни разу не был на исповеди и не причащался. Это произ-

вело ошеломляющее впечатление. Был вызван к директору отец. Мальчика с трудом уговорили исповедаться и причаститься...

Миша был взят из гимназии по собственному желанию родителей, согласно их письменному заявлению.

Свидетельство об окончании четырех классов Пензенской Первой мужской гимназии, выданное «бывшему ученику Тухачевскому Михаилу, сыну дворянина, выбывшему по переходе в пятый класс по прошению родителей», выглядит колоритно: по всем предметам — «тройки», и лишь по французскому языку — «отлично»¹⁶.

В 1909 году Тухачевские переехали в Москву. Здесь старшая из сестер — Надя, закончившая гимназию и имевшая право «получить от министерства народного просвещения свидетельство на звание учительницы начальных училищ и заниматься обучением на дому»¹⁷, давала уроки — семья была стеснена в средствах. Братья поступили в разные учебные заведения, причем Миша — в 10-ю московскую гимназию. Будучи потомственным дворянином, Тухачевский имел право после окончания гимназии поступить в закрытое военно-учебное заведение, готовившее к офицерской службе¹⁸.

Интерес к воинской службе, «баталиям и викториям», проявился у Тухачевского рано. М. Н. Балкашин, друг семьи, вспоминал:

«Миша отличался особой живостью характера. С раннего детства у него была любовь к военным, все равно, будь то солдат, пришедший на вольные работы, захавший в гости исправник или кто-либо другой, лишь бы он был в военной форме. Меня, когда я приезжал к Тухачевским юнкером, а потом офицером, он буквально обожал, сейчас же завладевал моей шашкой, шпорами и

фуражкой. Заставлял меня рассказывать разные героические эпизоды из наших войн, про подвиги наших солдат и офицеров. Десятилетним мальчиком он зачитывался историей покорения Кавказа во времена Ермолова и Паскевича. В юношеском возрасте он увлекался походами и сражениями великих полководцев. Русскую военную историю он знал превосходно, преклонялся перед Петром Великим, Суворовым и Скобелевым»¹⁹.

Среди кумиров также — Наполеон, среди любимых кампаний — Отечественная война 1812 года, в связи с чем — особое почтение к поэту-гусару Денису Давыдову.

Когда Михаилу исполнилось 18 лет, он поступил в Первый московский императрицы Екатерины II кадетский корпус — в седьмой, выпускной класс. В Высочайше утвержденном положении о кадетских корпусах сказано:

«Воспитание в кадетских корпусах, живо проникнутое духом христианского вероучения и строго согласованное с общими началами русского государственного устройства, имеет главной целью подготовку воспитывающихся юношей к будущей службе Государю и Отечеству — посредством постепенной с детского возраста выработки в кадетах тех верных понятий и стремлений, кои служат прочной основой искренней преданности престолу...»²⁰ Преданность престолу, как показали последующие события, в Тухачевском воспитать не удалось ни кадетскому корпусу, ни Александровскому училищу. Искреннюю преданность Отечеству — да, в меру собственного понимания того, что составляет его (Отечества), пользу.

Н. Кулябко (выпускник Гнесинского училища и, позднее, консерватории, где учился у Н. С. Жиляева. — Ю. К.), познакомившись с семейством Тухачевских в 1912

году, «не без предубеждения» отнесся к юнкеру Тухачевскому:

««Будущая опора трона», — подумал я о нем. Однако не кто иной, как сам Михаил Николаевич, тут же заставил меня усомниться в правильности этого моего предположения. Братья сообщили Михаилу, что они готовятся к посещению Кремлевского дворца, где обязательно будут «августейшие» особы. К моему удивлению, он встретил это сообщение довольно скептически.

— Что же, ты не пойдешь? — удивились братья.

— Меня это не очень интересует, — пожал плечами Михаил и заторопился к себе в училище.

Из дома мы вышли вместе. По дороге завели разговор о революции пятого года. Михаил с острым интересом расспрашивал меня, и я окончательно убедился, что мой спутник — юноша серьезный, думающий, отнюдь не разделяющий верноподданнических взглядов, характерных для большинства кадетов и юнкеров. Постепенно я все больше проникался симпатией к Михаилу Николаевичу.

Наши беседы раз от разу становились все более откровенными.

Михаил не скрывал своего критического отношения к самодержавию и так называемому «высшему обществу»»²¹.

Могущая показаться юношеской бравадой неприязнь не была случайной. Пренебрежение к «властям предержащим» — рефрен публичного поведения Михаила Тухачевского.

Е. Н. Тухачевская:

«Помню такой случай, который в первый момент меня озадачил, но потом заставил размышлять, насколько, конечно, это было возможно в моем возрасте. Году в 1910 или 1911–м в Москву приезжал царь. Мы жили тогда около Гоголевского бульвара. И вот один раз нянька, пойдя с нами гулять, увела нас посмотреть на царя, который проезжал где-то поблизости. Отец нам ничего не сказал, но с нянькой какие-то разговоры были. Вечером, в субботу, когда нас уже уложили спать, в детскую пришел Михаил Николаевич. Он, видимо, куда-то собирался уйти, так как был в шинели, но очень долго пробыл с нами. Спрашивал, зачем мы ходили смотреть на царя. Ведь царь, говорил он, такой же обыкновенный человек, как и все другие, и на него совершенно незачем смотреть, и что мы очень нехорошо поступили, что сходили и посмотрели. Таким недовольным и рассерженным я его никогда не видела, поняла тогда только одно:

если Миша так недоволен, значит, мы сделали действительно что-то очень нехорошее»²².

Тухачевский быстро и с удовольствием втянулся в кадетскую жизнь. Директором первого Московского кадетского корпуса был генерал В. В. Римский-Корсаков, родственник композитора, высокообразованный, любящий свое дело человек. Благодаря ему корпус — одно из старейших военно-учебных заведений России — стал учебным заведением, по уровню знаний своих воспитанников превосходившим гимназии и реальные училища. Корпус отличался хорошим составом преподавателей. Офицеры-воспитатели, особенно имевшие печальный опыт русско-японской войны, стремились развить в своих воспитанниках чувство национальной чести, долга перед Родиной²³.

Кроме обычных общеобразовательных предметов по программе гимназии, за исключением латыни, полагались следующие внеклассные занятия: строевое обучение, гимнастика, фехтование, плавание, музыка, пение и «танцевание на основах инструкций, утверждаемых Военным министром».

Единственный для Тухачевского учебный год в кадетском корпусе начался 16 августа 1911 года. Кадетский корпус был военизированной средней школой, причем преподавание общеобразовательных предметов было поставлено хорошо, направлялось на развитие самостоятельности.

Воспитание основывалось на советах классических педагогических авторитетов — Яна Амоса Коменского и Жан-Жака Руссо. Характерно, что в качестве одной из целей ставилась выработка скромности и непритязательности в быту.

Само устройство внутреннего распорядка включало в себя элементы военизации. Кадеты объединялись в строевые роты, а в ротах делились на отделения. Руководителями были офицеры-воспитатели. Военные занятия состояли из строевого обучения, стрелковой подготовки, прогулок-экскурсий, подвижных игр. В конце года директор производил строевой смотр и проверку знаний: устраивались состязания по гимнастике²⁴. Кадет Тухачевский неоднократно становился обладателем призов по фехтованию и борьбе.

«Когда он приходил из корпуса, а позднее из военного училища, то в доме всегда становилось веселее и оживленнее, — рассказывает сестра Тухачевского. — Маленьким Михаил Николаевич мечтал научиться играть на скрипке, но скрипку ему так и не купили и, будучи каде-

том, он достал руководство по изготовлению скрипок и по этому руководству сам сделал себе скрипку. Делал он ее только по воскресеньям, когда приходил домой... Делал ее в столовой, нам смотреть не возбранялось. В то время у него не было никаких приспособлений, как впоследствии, все делалось примитивно. Например, обичайки он выгибал на разогретом пестике от медной ступки. Скрипка была очень быстро готова, и я не знаю, кто больше радовался, сам создатель ее или все окружающие. После того, как скрипка была сделана, в доме появилось новое увлечение: трио в составе Михаила Николаевича — скрипка, брат Александр — виолончель и второй брат Игорь — рояль. Играли обычно по вечерам в субботу и воскресенье, когда Михаил Николаевич приходил из корпуса. Нас, детей, укладывали спать, мы просили не закрывать дверь и слушали и до сих пор любимые наши трио — Мендельсона, Шумана, Моцарта. В соседнем переулке была библиотека, куда Михаил Николаевич часто ходил. Иногда он туда брал с собой меня».

Семья была для него значима всегда. Эта рожденная теплым детством связь не порывалась всю жизнь. Став взрослым, уже во время Гражданской, и позже, командуя Западным фронтом, Тухачевский постоянно вызвал к себе сестер и мать. (Это, кстати, было закономерным поводом для разнообразных нареканий окружающих.) Сестры его боготворили. Вот лишь один курьезно-трогательный штрих:

«Мы за неделю успевали соскучиться по Мише. Однажды, провожая его после выходных в корпус, мы насовали ему в карман шинели конфеты, полученные от родителей. Думали сделать сюрприз.

Миша рассказывал потом со смехом, что на раздувшийся карман обратил внимание дежурный и потребовал от кадета «привести себя в порядок». Миша полез в карман, где все наше подношение уже давно растаяло, превратившись в липкий ком. Тем не менее, он был страшно доволен»²⁵.

В 1912 году отмечалось 100-летие Отечественной войны 1812 года. «Отечественная война и ее герои» стали темой выпускного сочинения кадетов. В качестве пособия рекомендовалась «Война и мир» Л. Толстого. Экскурсия на Бородинское поле была проведена в условиях походной жизни, с применением разведки, сигнализации и с использованием полевой кухни. В корпусе Тухачевский составил словарик военно-исторических событий по русской истории и в этой же тетради записал меткие пословицы и поговорки: «Бой отвагу любит», «Смелый приступ — половина победы», «Крепка рать воеводой», «Умей быть солдатом, чтобы быть генералом». 1 июня 1912 года Тухачевский получил аттестат об окончании кадетского корпуса и высшее для выпускника корпуса звание вице-фельдфебеля. Аттестат был одним из лучших. Средний балл 10,39 из 12 возможных. Максимальные оценки — 12 баллов — Тухачевский получил по словесности, географии, истории и законоведению. 11 — по алгебре и геометрии, химии, физике, космографии²⁶. Ему предстояла дальнейшая учеба — в привилегированном военном учебном заведении — Александровском училище. Тогда Тухачевскому снова напомнили о «подпорченной» родословной:

возникла необходимость в документе, подтверждающем происхождение, — с указанием принадлежности к потомственным дворянам.

С 1 сентября 1912 года он был зачислен в списки Александровского военного училища юнкером 2-й роты. Учитывая, что в кадетском корпусе Тухачевский проучился всего год, наибольшее формирующее личность воздействие на него оказало, конечно, пребывание в училище. Каким оно было? Куприн, выпускник Александровского училища, в повести «Юнкера» почти документально описал их альма-матер:

«Помещение училища (бывшего дворца богатого вельможи) было, пожалуй, тесновато для четырехсот юнкеров в возрасте от восемнадцати до двадцати лет и для всех их потребностей. В середине полуторазэтажного здания училища находился большой, крепко утрамбованный четырехугольный учебный плац. Со всех сторон на него выходили высокие крылья четырех ротных помещений...

Между третьей и четвертой ротами вмещался обширный сборный зал, легко принимавший в себя весь наличный состав училища, между первой и второй ротами — восемь аудиторий, где читались лекции, и четыре больших комнаты для репетиций. В верхнем этаже были еще: домашняя церковь, больница, химическая лаборатория, баня, гимнастический и фехтовальный залы»²⁷.

Александровское военное училище, считавшееся вторым после Павловского и третьим после Пажеского корпуса по престижности, имело репутацию либерального по духу образования. Что вполне устраивало отца будущего маршала и, скорее всего, наиболее соответствовало характеру самого Михаила. Тухачевского. Но вероятнее, что выбор именно Александровского училища для получения военного образования был обусловлен не духовнонравственными предпочтениями, а ограниченностью финансовых средств семьи. Обучение Тухачевского

в Москве стоило дешевле, чем в любом военном училище Петербурга, — не нужно было снимать квартиру (здесь жила вся семья), не нужно было искать место, где столоваться, да и сама жизнь в Москве была дешевле, нежели в столице.

Однако для военной карьеры обучение в этом училище, несомненно, создавало гораздо большие сложности, особенно для выпуска в гвардию. Гвардейских вакансий для Александровского училища было очень мало.

А. Н. Посторонкин, выпускник московского Алексеевского военного училища, был знаком с Тухачевским, так как подготовка по стрельбе, лагерно-полевые и тактикоманевренные учения в Александровском и Алексеевском училищах проходили совместно. Посторонкин эмигрировал из России, категорически не приняв Октябрьский переворот, и написал воспоминания о товарище юности по заказу Пражского архива. В это время Тухачевский — один из самых успешных «красных генералов» и, соответственно, один из самых ненавидимых белоэмигрантской средой выходцев из царского офицерского корпуса. Несмотря на субъективность, этот документ представляет несомненный интерес, так как является одним из немногих свидетельств начала карьеры Тухачевского.

«Отличаясь большими способностями, призванием к военному делу, рвением к несению службы, он очень скоро выделяется из среды прочих юнкеров.

19-летний юноша... быстро вживается в обстановку жизни юнкера тогдашнего времени. Дисциплинированный и преданный требованиям службы, Тухачевский был скоро замечен своим начальством, но, к сожалению, не пользуется любовью своих товарищей, чему виной явля-

ется он сам, сторонится сослуживцев и ни с кем не сближается, ограничиваясь лишь служебными, чисто официальными отношениями. Сразу, с первых же шагов Тухачевский занимает положение, которое изобличает его страстное стремление быть фельдфебелем роты или старшим портупей–юнкером»²⁸.

«Юнкера» Куприна:

«Из него уже вырабатывается настоящий юнкер–александровец. Он всегда подтянут, прям, ловок и точен в движениях. Он гордится своим училищем и ревностно поддерживает его честь. Он бесповоротно уверен, что из всех военных училищ России, а может быть, и всего мира, Александровское училище самое превосходное.

И это убеждение, кажется ему, разделяет с ним и вся Москва — Москва, которая так пристрастно и ревниво любит все свое, в пику чиновному и холодному Петербургу: своих лихачей, певцов, актеров, и, конечно, своих стройных, молодых, всегда прекрасно одетых, вежливых юнкеров... Живется юнкерам весело и свободно. Учиться совсем не так трудно. Профессора — самые лучшие, какие только есть в Москве. Искусство строевой службы доведено до блестящего совершенства, но оно не утомляет: оно граничит со спортивными соревнованиями. Правда, его однообразие чуть–чуть прискучивает, но домашние парады с музыкой в огромном манеже на Моховой вносят и сюда некоторое разнообразие»²⁹.

Александровское училище в конце XIX века славились и великолепной военной библиотекой. Бывший воспитанник его В. А. Березовский, крупнейший книгоиздатель, подарил ей все свои издания, числом более трех тысяч³⁰.

Среди военных книг, проштудированных Тухачевским юнкером, значилось более полусотни названий, среди них работы известных русских военных историков и теоретиков А. К. Байова, А. Г. Елчанинова, В. П. Михневича и других³¹.

Наиболее интересные занятия проходили летом. Лагерь училища располагался на Ходынском поле. Здесь производились тактические учения, стрельба и топографические съемки. Для ознакомления юнкеров младшего класса со строями, походными порядками и боевыми действиями составлялась рота военного времени из юнкеров старшего класса, и все преподаватели тактики объясняли своим группам суть занятий. В октябре училище выходило на Воробьевы горы, где отряд из пехоты, кавалерии и артиллерии производил боевую стрельбу.

Е. Н. Тухачевская вспоминала идиллию московских каникул.

«В то лето брату Игорю подарили футбольный мяч. Мяч этот почти никогда не лежал спокойно, он вечно был в игре, но когда приходил Миша, то игра в футбол становилась особенно веселой.

Обычно, приходя из корпуса или училища, он встречал нас, младших детей, и, конечно, нашего пойнтера шоколадного цвета, который был как бы членом нашей семьи. Тут же начиналась возня с собакой, поднимался шум. Михаил Николаевич брал с дивана валики и подушки и начинал бросать их в собаку, на что та отвечала громким лаем. На шум спешили отец, бабушка, мать. Все уже знали, что пришел Миша»³².

Как любое другое учебное заведение с устоявшимися и престижными традициями, Александровское военное

училище формировало определенный стереотип поведения.

«Александроны», как и «павлоны», как и «николаевцы», имели свое лицо, свой облик, свои традиции»³³. «Александроны» считались отражением «порезформенного либерализма» в армии и гвардии. Они сами по себе были некоторой «фрондой» в офицерском корпусе гвардии³⁴. Как вспоминал генерал А. Спиридович, «Александровское училище в Москве — не строгое, даже распущенное, офицеры не подтягивают, смотрят на многое сквозь пальцы, учиться не трудно, устраиваются хорошие балы»³⁵.

Куприн:

«Юнкер четвертой роты, первого курса Третьего военного Александровского училища понемногу, незаметно для самого себя, втягивается в повседневную казарменную жизнь, с ее внутренними законами, традициями и обычаями, с привычными, давнишними шутками, песнями и проказами... Парад в Кремле... объединил всех юнкеров в духе самоуверенности, военной гордости, радостной жертвенности, и уже для него училище делалось «своим домом», и с каждым днем он находил в нем новые, маленькие прелести...

После обеда можно было посылать служителя за пирожными в соседнюю булочную Савостьянова. Из отпуска нужно было приходить секунда в секунду, в восемь с половиной часов, но стоило заявить о том, что пойдешь в театр, — отпуск продолжается до полуночи»³⁶.

Тухачевский учился с явным удовольствием: учеба для него — больше, чем получение образования, она способ самореализации, самоутверждения. Строевую службу, всю специальную подготовку он воспринимал с

максимальной добросовестностью, возведенной едва ли не в абсолют.

«На одном из тактических учений юнкер младшего курса Тухачевский проявляет себя как отличный служака, понявший смысл службы и требования долга, — писал Посторонкин. — Будучи назначенным часовым в сторожевое охранение, он по какому-то недоразумению не был своевременно сменен и, забытый, остался на своем посту. Он простоял на посту сверх срока более часа и не пожелал смениться по приказанию, переданному им посланным юнкером.

Он был сменен самим ротным командиром, который поставил его на пост сторожевого охранения 2-й роты. На все это потребовалось еще некоторое время. О Тухачевском сразу заговорили, ставили в пример его понимание обязанностей по службе и внутреннее понимание им духа уставов, на которых зиждилась эта самая служба. Его выдвинули производством в портупей-юнкера без должности, в то время как прочие еще не могли и мечтать о портупей-юнкерских нашивках.

Великолепный строевик, стрелок и инструктор, Тухачевский тянулся к «карьере», он с течением времени становился слепо преданным службе, фанатиком в достижении одной цели, поставленной им себе как руководящий принцип достигнуть максимума служебной карьеры, хотя бы для этого принципа пришлось рискнуть, поставить максимум-ставку»³⁷, — в оценке Посторонкина сквозит то ли ревность, то ли зависть.

При переходе в старший класс Тухачевский получил приз за первоклассное решение экзаменационной тактической задачи. За глазомерное определение расстояний

и успешную стрельбу получил благодарность по училищу.

Будучи великолепным гимнастом и бесподобным фехтовальщиком, он стал обладателем первого приза на турнире училища весной 1913 года — сабли только что вводимого образца в войсках для ношения по желанию вне строя³⁸.

В дни Романовских торжеств, когда Александровскому и Алексеевскому военным училищам приходилось ввиду приезда государя-императора с семьей в Москву нести ответственную и тяжелую караульную службу в Кремлевском дворце, портупей-юнкер Тухачевский отменно, добросовестно и с отличием исполнял караульные обязанности, возложенные на него³⁹.

«Знаменная рота всегда на виду, и на нее во время торжеств устремляются зоркие глаза высшего начальства. Поэтому-то она и составлялась (особенно передняя шеренга) из юношей с наиболее красивыми и привлекательными лицами. Красивейший же из этих избранных красавцев, и непременно портупей-юнкер, имел 40 высочайшую честь носить знамя и называться знаменщиком» , — так описывал «лучших из лучших» Куприн.

Портупей-юнкер Тухачевский во время несения парадной караульной службы по поводу Романовских торжеств впервые был представлен Его Величеству, обратившему внимание на его выправку и особенно на действительно редкий случай для младшего юнкера получения портупейюнкерского звания. Государь выразил свое удовольствие, узнав из краткого доклада ротного командира о служебной деятельности портупей-юнкера Тухачевского.

«Ровно в полдень в центре Кремля, вдоль длинного и широкого дубового помоста, крытого толстым красным сукном, выстраиваются четыре роты юнкеров Третьего военного Александровского училища. Четыреста юношей в возрасте от восемнадцати до двадцати лет. Царь пройдет мимо... в трех–четыре шагах, ясно види мый, почти осязаемый... Сияет над Кремлем голубое холодное небо.

Золото солнца расплескалось на соборных куполах, высоко кружатся голуби... Ожидание не томит. Все радостно и легко возбуждены...

И вот какое–то внезапное беспокойство, какая–то быстрая тревога пробегает по расстроенным рядам. Юнкера сами выпрямляются и подтягиваются без команды... В ту же минуту в растворенных настежь сквозных золотых воротах, высясь над толпою, показывается царь... Он величествен. Он заслоняет собою все окружающее... Сладкий острый восторг охватывает душу юнкера и несет ее вихрем, несет ее ввысь... Какие блаженные, какие возвышенные, навеки незабываемые секунды!»⁴¹.

В отличие от героя Куприна, Тухачевский к встрече с самодержцем отнесся без восторженного упоения. К этому времени подростковый нигилизм в отношении к Николаю II был подкреплён ещё одним фактором — сугубо личным.

Отец Тухачевского, окончательно перестав сводить концы с концами, обратился к императору с прошением принять детей на обучение за казенный счет — как потомков героя войны 1812 года. Вот черновик этого документа, хранящийся в РГВИА.

«Ваше Императорское Величество!

Родной дед мой, Александр Николаевич Тухачевский, участвовал в Отечественной войне 1812 года... и во всех последующих войнах 1813,1814,1828,1829,1830 и 1831. В это последнюю кампанию он был в сражении убит.

В минувшем 1812 году ваше величество даровали потомкам участников Отечественной войны много милостей, превеличайшая есть воспитание и образование их детей на казенный счет. Я не решился тогда же ходатайствовать для своих детей об этой милости...

надеясь справиться с трудною задачей собственными средствами окончить образование девяти детей своих. Но теперь на это ушли уже мои последние средства, а заработать что-либо личным трудом я не могу по причине болезненного состояния.

В этой крайности мне остается одна надежда на безпредельное милосердие Ваше Государь, один исход — обращение к милости Вашего Императорского Величества с ходатайством о принятии на казенный счет в один из московских институтов дочерей моих Софии и Ольги и в московскую консерваторию сыновей моих Александра и Игоря в память заслуг их прадеда Александра Николаевича Тухачевского.

О такой Монаршей милости я решаюсь просить за них в надежде что голос мой, голос отца семейства истинно нуждающегося будет услышан и мы будем утешены в эти дни общей радости нашей верноподданных Вашего Императорского Величества, встречающих Вас в столице, где 300 лет тому назад наши предки торжествовали вступление на престол Вашего Предка, Государь, первого Царя из Дома Романовых.

Вашего Императорского Величества верноподданный дворянин Николай Николаевич Тухачевский»⁴²^[3].

Подтверждением действительно бедственного положения семьи Тухачевских, вынудившего ее главу пойти на столь унижительный шаг, как подобное прошение, служит еще один документ. Это свидетельство, выданное Смоленским губернским предводителем дворянства отцу будущего маршала 20 июня 1913 года:

«Дано потомственному дворянину Николаю Николаевичу Тухачевскому в том, что он состояния крайне бедного, обременен семейством, состоящим из 9 человек детей, жены, матери и никаких имуществ, как движимых так и недвижимых или других средств существования не имеет»⁴³.

Тем унижительнее было Тухачевским получить отказ.

«Ответ на прошение о принятии детей на казенный счет, отправленное в Канцелярию Его Императорского Величества Дворянину Николаю Тухачевскому Пршение Ваше, поступившее 27 мая с. г. как поданное по истечение срока, установленного в... правилах^[4], оставлено без последствий.

Канцелярия Его Императорского Величества по принятию прошений.

11 ноября 1913 года»⁴⁴.

³ Орфография и пунктуация сохранены.

⁴ Высочайше утвержденные правила по принятию прошений и просьб, приуроченных к празднованию столетия войны 1812 года, опубликованные в № 48 Правительственного вестника от 20.02.1912.

В напряженной учебе прошли два года. 12 июля 1914 года Михаил Тухачевский стал офицером. Из перво-разрядных юнкеров, получивших по знанию военной службы не менее 11 баллов, а по общеобразовательным предметам не менее 9, отличнейшим оказался Тухачевский. На этом основании он был произведен в подпоручики гвардейской пехоты, что давало возможность поступить в гвардию. Выпуск состоялся в лагере, в лесу между Ходынским полем и Покровским–Стрешневым.

Тухачевский любил вспоминать выпускной бал Александровского училища. Было много рукопожатий и поцелуев.

На торжественном вечере веселились до утра. Замечательный танцор, Тухачевский красиво исполнял и грустный вальс, и лихую мазурку. Он еще не знал, что этим вечером кончается только что начавшаяся юность. Получивший 300 рублей на экипировку гвардии подпоручик Михаил Тухачевский назначался в столичный гарнизон — в лейбгвардии Семеновский полк, один из двух старейших и привилегированных полков Российской империи, основанных еще Петром.

«Петр I во время пребывания своего в Москве в 1683 году собрал для своей забавы в воинских играх около 50 юношей из дворян и назвал их потешными. Новоизбранные сии солдаты помещены были в селе Преображенском, близ Москвы на берегу реки Яузы; но когда число сих потешных достаточно приумножилось, тогда Петр I перевел часть оных в близлежащее село Семеновское, от чего потешные разделились на Преображенских и Семеновских.

Первые начальники у сих потешных были Лефорт и Гордон, бывшие в Российской службе первый подполков-

ником, а второй генерал–майором. В 1690 году Петр I с сим войском, которое год от году приумножалось, начал учреждать на Преображенских полях и под селами Семеновским и Красным разного рода примерные воинские обучения. В 1694 году была примерная осада нарочно построенной крепости при селе Кожухове в 4 верстах от Москвы, и сие воинское ученье названо было Кожуховским походом. В 1695 году потешные переименовались полками:

Преображенским и Семеновским, и того же года оба сии полка названы были Лейб–Гвардией»⁴⁵, — сказано в «Истории полков», написанной в XIX веке.

Предки Тухачевского начали служить в лейб–гвардии Семеновском полку еще с первого его набора, с конца XVII века. Служили они в полку и в начале XIX века, в его составе принимали участие в Отечественной войне 1812 года. С 1811 по 1820 год в лейб–гвардии Семеновском полку служил, как уже упоминалось, прадед маршала, Александр Николаевич Тухачевский. Он был «кореным»

семеновцем. Начав службу в 1811 году с подпрапорщиков, к 1812 году был произведен в прапорщики. В 1813 году стал подпоручиком. В 1815 году — поручиком; в 1817 году — штабс–капитаном; в 1820 году — капитаном и командиром роты. После так называемого «семеновского дела» — бунта полка в 1820 году был переведен подполковником в Галицкий пехотный полк. С 1817 года в лейб–гвардии Семеновском полку служил и родной брат прадеда маршала — Николай Николаевич Тухачевский. Он начал службу в лейб–гвардии Кавалергардском полку, и в 1817 году был переведен подпоручиком в лейб–гвардии Семеновский⁴⁶.

Поступая в гвардию, Михаил Тухачевский рассчитывал продолжить ускоренную гвардейской службой карьеру в Академии Генерального штаба. Для открытия удачной военной карьеры очень важно было попасть в гвардию.

«Гвардия давала положение в свете. В смысле карьеры там были лучшие перспективы. Главное же, в гвардию принимали людей с разбором и исключительно дворян. Гвардейский офицер считался воспитанным человеком в светском смысле слова. В армии же такой гарантии не могло быть... в гвардейских полках тоже был известный шик, но уже более утонченный и благородный»⁴⁷.

В числе его близких приятелей в полку были подпоручик П. А. Купреянов, подпоручик Н. Н. Толстой и его брат подпоручик И. Н. Толстой, прапорщик барон А. А. Типольт, подпоручик Б. В. Энгельгардт, подпоручик Д. В. Комаров. Достаточно близкие приятельские отношения были у М. Тухачевского со штабс-капитаном Р. В. Бржозовским (в 1917 году ставшим командиром Семеновского полка) и штабс-капитаном С. И. Соллогубом.

Тухачевского, Толстого, Бржозовского и Соллогуба изначально сблизило и то, что все они были выпускниками Александровского училища. (Бржозовский стал последним, кто провожал Тухачевского из революционного Петрограда в Москву — в новую жизнь. С остальными своими приятелями по полку он после Первой Мировой встретился в Гражданскую, с некоторыми из них продолжил контакты и в 20-е годы, сохранив юношескую привязанность.) Второй старейший полк гвардейской пехоты, Семеновский, формально был равноценным своему «полку-близнецу», однако по составу офицеров, по их родо-

витости, по их связям при дворе все-таки уступал Преображенскому.

Но прохождение М. Тухачевского как первого по баллам выпускника-александровца в лейб-гвардии Семеновский полк не могло быть обеспечено лишь уровнем успеваемости.

Вновь направленные в гвардейские полки выпускники военных училищ проходили еще фильтрацию через офицерские собрания самих полков, где весьма требовательно относились к происхождению, социальным характеристикам кандидата и его ближайшего окружения.

Кандидат должен был обладать также безупречными политическими взглядами, мировоззрением, ничем в этом отношении не запятнанной репутацией.

Важную роль (порой даже решающую) играла принадлежность кандидата к старой «полковой фамилии».

В этом отношении принадлежащий к «семеновской фамилии» М. Тухачевский оказался в полку «своим». Теперь честолюбие и тщеславие его должно было быть удовлетворено.

Перед ним открылась перспективная военная карьера.

Близкий друг семьи Тухачевских, известный музыкант Л. Сабанеев вспоминал о блестящем выпускнике Александровского училища и новоиспеченном гвардейце:

«Он был стройным юношей, весьма самонадеянным, чувствовавшим себя рожденным для великих дел»⁴⁸.

Источники и литература

1. Личный архив Н. А. Тухачевского. Поколенная роспись рода Тухачевских (по материалам: архива Древних актов, Военно-исторического архива и другим материалам)/ Сост. Д. Белоруков.

М., 1984, с. 1.

2. Тургенев И. С. Дворянское гнездо. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. М.: Наука, 1981. Т. 6, с. 31–32.

3. Никулин Л. Тухачевский: Биографический очерк. М.: Воениздат, 1964, с. 12.

4. РГВИА, ф. 291, оп. 1, д. 43, л. 5.

5. Там же, л. 6.

6. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М., 1996, с. 94.

7. Никулин Л. Указ. соч., с. 14.

8. Тодорский А. И. Маршал Тухачевский. М.: Политиздат, 1966, с. 10.

9. Личный архив Ю. В. Хитрово. Арватова–Тухачевская Е. Н.

Воспоминания о М. Н. Тухачевском, с. 1. Машинопись.

10. Там же, с. 2.

11. Никулин Л. Указ. соч., с. 18.

12. Личный архив Ю. В. Хитрово. Арватова–Тухачевская Е. Н.

Воспоминания о М. Н. Тухачевском, с. 3.

13. Никулин А. Указ. соч., с. 20.
14. Личный архив Ю. В. Хитрово. Арватова–Тухачевская Е. Н.
Воспоминания о М. Н. Тухачевском, с. 1.
15. Никулин Л. Указ. соч., с. 20.
16. РГВИА, ф. 291, оп. 1, д. 49, л. 9.
17. РГВИА, ф. 291, оп. 1, д. 44, л. 6.
18. Тодорский А. И. Указ. соч., с. 11.
19. Соколов Б. В. Тухачевский. Жизнь и смерть красного маршала.
М.: Вече, 2003. с. 17.
20. Никулин А. Указ. соч., с. 23.
21. Кулябко Н. Н. Я рекомендовал его в партию // Маршал Тухачевский:
Воспоминания друзей и соратников. М.: Воениздат, 1965, с. 26–27.
22. Личный архив Ю. В. Хитрово. Арватова–Тухачевская Е. Н.
Воспоминания о М. Н. Тухачевском, с. 3–4.
23. Никулин Л. Указ. соч., с. 24 24. Тодорский А. И. Указ. соч., с. И.
25. Личный архив Н. А. Тухачевского. Аудиокассета с записью воспоминаний Е. Н. Арватовой–Тухачевской.
26. Куприн А. И. Юнкера // Куприн Л. И. Собрание сочинений.
М.: Худож. лит., 1958. Т. 6, с. 199.

27. Посторонкин В. Н. Неизвестное о Тухачевском // Военно–исторический журнал, 1990, № 12, с. 88.
28. Куприн А. И. Указ. соч., с. 194.
29. Тодорский А. И. Указ. соч., с. 12.
30. Даинес В. О. Михаил Николаевич Тухачевский // Вопросы истории, № 10, 1989, с. 40.
31. Личный архив Ю. В. Хитрово. Арватова–Тухачевская Е. Н.
Воспоминания о М. Н. Тухачевском, с. 1—5.
32. Минаков С. Сталин и его маршал. М.: Яуза, Эксмо, 2004, с. 136.
33. Там же, с. 193.
34. Спиридович А. И. При царском режиме // Архив русской революции.
М., 1993. Т. 15/16, с. 970.
35. Куприн А. И. Указ. соч., с. 198–199.
36. Посторонкин В. Н. Указ. соч., с. 88—89.
37. Там же.
38. Там же, с. 89.
39. Куприн А. И. Указ. соч., с. 204.
40. Там же, с. 195–197.
41. РГВИА, ф. 291, оп. 1, д. 49, л. 2–2 об.
42. Минаков С. Указ. соч., с. 52.
43. РГВИА, ф. 291, оп. 1, д. 49, л. 3.
44. Тодорский А. И. Указ. соч., с. 13—14.

45. Писарев А. Семеновцы // Родина, 1999, № 2, с. 24.

46. Минаков С. Указ. соч., с. 139–140.

47. Трубецкой В. С., князь. Записки кирасира //Князь Трубецкие.

Россия воспрянет. М., 1996, с. 370—371.

48. Минаков С. Указ. соч., с. 122

2. МИГ БУРНОЙ СЛАВЫ И ПОБЕД

Сотрясаемый взрывами, вибрирующий воздух фронта внезапно возбуждает нас, ...фронт — от него исходит нечто вроде электрического тока, который мобилизует какие-то неведомые нервные окончания¹.

Э. М. Ремарк

«— Убили, значит, Фердинанда-то нашего, — сказала Швейку его служанка.

Швейк, несколько лет тому назад, после того как медицинская комиссия признала его идиотом, ушел с военной службы и теперь промышлял продажей собак, безобразных ублюдков, которым он сочинял фальшивые родословные...

— Какого Фердинанда, пани Мюллер? — спросил Швейк...

— ...Эрцгерцога Фердинанда. Того, что жил в Канопице, того толстого, набожного...

— Иисус, Мария! — вскричал Швейк. — Вот-те на! А где это с паном эрцгерцогом случилось?

— Укокошили его в Сараеве. Из револьвера. Ехал он там со своей эрцгерцогиней в автомобиле»².

Эта история, столь саркастически изложенная участником Первой мировой, а затем и российской Гражданской, подданным Австро-Венгрии Ярославом Гашеком,

была «стартовым выстрелом» для начала Первой Мировой войны.

Ефрейтора Гашека, горько насмехавшегося над «идиотизмом войны», судьба забросила из австрийских окопов в российский плен, потом — вместе с чехословацким корпусом — в Самару. Там он перешел на сторону большевиков, работал политагитатором. А в штабе Пятой революционной Красной армии судьба свела его с командующим — Михаилом Тухачевским. Оба они — участники империалистической войны, пленники, сидевшие в лагерях враждующих держав, увлекшиеся там марксизмом, вступившие в партию, — вошли в историю. Один — как писатель-пацифист, другой — как военачальник, укреплявший мощь большевистской империи. Кстати, Тухачевский очень любил «Похождения бравого солдата Швейка». Бывают странные сближенья...

Мировая война принесла в историческую антропологию понятие «потерянное поколение». Небывалая жестокость «ненужной войны» корежила психику даже победителей.

Со сдержанной горечью, очень по-мужски, рассказал об этом писатель, чью молодость также перечеркнула война — Эрих Мария Ремарк.

«Фронт представляется мне зловещим водоворотом, — размышляет его герой. — Еще вдалеке от его центра, в спокойных водах уже начинаешь ощущать ту силу, с которой он всасывает тебя в свою воронку, медленно, неотвратно, почти полностью парализуя всякое сопротивление»³.

Фронт — национальное унижение — паралич морали.

Эта рожденная войной социологическая парадигма деформировала поколение тогдашних двадцатилетних, лишив нравственного иммунитета и тем самым обусловив неизбежность революционных катаклизмов...

Эхо Сараевского убийства прокатилось по всей Европе.

Террорист Гаврила Принцип, расстрелявший 28 июня 1914 года правителя огромной империи, лишь ускорил эскалацию давно назревшего мирового конфликта. В Венском Военном музее с тех пор экспонируются материальные атрибуты конца «старого мира», на крови которого рождалось новое смутное европейское время, — автомобиль эрцгерцога, его окровавленный мундир и кровать, на которой австро–венгерскому правителю суждено было провести последние часы.

Австро–сербский инцидент, ставший предтечей Первой мировой, вывел на военно–политическую карту в качестве основного фигуранта Россию. Австро–Венгрия и Германия обвинили Россию в том, что правительство страны не только знало о готовящемся покушении, но и подталкивало к нему Сербию. Противоположную версию позднее выдвинул сын убитого эрцгерцога Максимилиан Гогенберг, заявивший, что отца убили агенты германской секретной службы, так как он мешал осуществлению великодержавных планов Вильгельма Второго. Впрочем, эти споры носили скорее схоластический характер: убийство было использовано политиками держав, давно уже готовившихся к вооруженному противостоянию.

А в самой России Сараевское убийство сравнивали с гибелью Александра II — также от руки террориста (Гриневецкого) на Екатерининском канале Санкт–Петербурга. Втянутая в европейский конфликт Россия в 1914 году

имела слабого монарха, негибкую дипломатию, бурно развивающиеся политические партии, в том числе радикального толка, лишь зарождавшиеся институты парламентской демократии и давно не реформированную армию. Спустя 10 лет, прошедших после позорной войны с Японией и подавления революции 1905 года, ставшего первым опытом использования войск против собственного народа, армия нуждалась в радикальном обновлении — как техническом, так и моральном.

(Заметим: в подавлении декабрьского вооруженного восстания в Москве активно участвовал Семеновский полк — гордость императорской гвардии...) Власть во главе с мнительным, легко поддающимся внушениям монархом, поглощенным семейными делами куда больше, чем государственной деятельностью, завела страну в социальный тупик. Заложницей ситуации стала армия. Она считалась гарантом неприкосновенности самодержавия, но при этом находилась на периферии внимания политического истеблишмента.

Лишь в предвоенные годы военное министерство и Генеральный штаб попытались осуществить программы и реформы, направленные на укрепление ее расшатанной организационной структуры, техническое переоснащение и повышение боеспособности. Генштаб занялся разработкой принципов военного искусства, соответствующих характеру современной войны. Затраты на содержание и техническое обновление армии, тем не менее, практически не увеличивались. Что же до воспитания морально-патриотического духа, акцент «по старинке» делался на сохранение и укрепление традиций, а не на психологическую подготовку к предстоящей войне «нового типа».

Перспективы войны оценивались военным руководством государства как «кратковременные и незначительные». Военное искусство, организация и снабжение всех войск были сориентированы на скоротечную войну. Эта ошибка военных теоретиков и верхушки военных стратегов стала миной замедленного действия, взорвавшейся к середине 1915 года.

Война усугубила назревшие в армии противоречия и проблемы.

Вошедшая в социально–политический кризис Россия, хоть и располагала достаточно большой армией, имевшей крепкие традиции, оказалась не в состоянии «планировать ход войны». В первые месяцы боевой дух армии держался на сублимированном национальном чувстве. Характеризуя народные настроения в 1914 году, граф Головин писал:

«Первым стимулом, толкавшим все слои населения России на бранный подвиг, являлось сознание, что Германия сама напала на нас... Угроза Германии разбудила в народе социальный инстинкт самосохранения»⁴.

И солдаты, и офицерство переживали высочайший патриотический подъем: накануне августа 1914 года 96% подлежащих призыву явились на мобилизационные приемные комиссии⁵. Увы, уже полгода спустя апатия и разочарование, усугублявшиеся очевидной невняtnостью политических причин затягивавшейся бойни, практически полностью заглушили чувство патриотизма. Предложить армии что–либо духоподъемное правительству, снедаемому интригами и властебоязнью, оказалось сложнее, чем снабдить окопы необходимым оружием.

Коалиционная стратегия Антанты была выстроена таким образом, что Россия в самые острые периоды вой-

ны играла ключевую роль в поражении Германского блока.

Это предопределило результаты Первой Мировой войны к 1917 году. Выпавшие на долю русской армии испытания требовали от ее личного состава, прежде всего от солдат и младших офицеров, находившихся в гуще боевых действий, в окопах, не только верности долгу и присяге, но и безупречной спаянности и дисциплины. Правительство рассчитывало компенсировать выносливостью и вымуштрованностью солдат русской армии недостаточное материально–техническое оснащение войск, уравновесить силы, противопоставив экономически более развитому противнику людскую массу. Это почти демонстративное нежелание тратиться на вооружение армии, варварское отношение к человеческой жизни стало на многие десятилетия «метой» боевого армейского строительства России.

«Огромные жертвы, плохое снабжение вооружением, неудачи на фронте, особенно в ходе кампании 1915 года, серьезно отразились на моральном состоянии армии и всей страны, вызвав политический кризис. Как на фронте, так и в тылу у многих закрадывалось сомнение в конечном успехе в войне. Брожение докатилось до глубокого тыла»⁶.

В кампании 1914—1915 годов большая часть кадрового офицерства была либо убита, либо выведена из непосредственного участия в боевых действиях — ранениями или пленом.

К весне 1915 года кадрового офицерского состава осталось в пехоте от 1/3 до 2/5 от общего числа. К осени того же года в пехотных полках остается не более 20% процентов кадрового офицерского состава⁷. В летнюю

кампанию 1914 года и зимнюю кампанию 1914—1915 годов на 10 убитых и раненных приходилось 6—7 попавших в плен⁸.

Восполнить страшную убыль кадрового, получившего профессиональное образование до войны, офицерства должны были прапорщики запаса и офицеры производства военного времени. С 1914 по 1917 год пришлось призвать более 300 000 некадровых офицеров — лиц, получивших гражданское образование и сдавших экзамен на офицерский чин. Они и стали командовать ротами и батальонами...

За годы войны из солдат в прапорщики было произведено более 20 000 человек. Изменение социального состава нового офицерства не могло не сказаться и на психологическом состоянии армии.

«Из тысячи прапорщиков, прибывших зимой 1915—1916 годов на доукомплектование 7-й армии Юго-Западного фронта, 700 происходили из крестьян, 260 — из купцов, мещан и рабочих и только 40 — из дворян»⁹.

Верховное командование, рассчитывая на ведение кратковременной войны, не берегло ни офицерские, ни унтер-офицерские кадры, вливая их в ряды действующих частей. На этом, в частности, акцентировал внимание генерал А. И. Деникин:

«С течением времени, неся огромные потери и меняя 10—12 раз свой состав, войсковые части, по преимуществу пехотные, превращались в какие-то этапы, через которые текла непрерывная человеческая струя, задерживаясь ненадолго и не успевая приобщиться духовно к военным традициям части»¹⁰.

Усугубляющим фактором стало отсутствие в среде новоиспеченных офицеров «полкового братства». У офицества предвоенного времени ощущение «полковой семьи»

культивировалось в кадетских корпусах, затем в училищах и, наконец, в собственно армейской или гвардейской среде.

Появление в таком социуме вчерашних солдат было деморализующим даже не столько из-за сословных предубеждений как таковых, сколько из-за резких ментальных нестыковок. Говорить о внутреннем единстве армии уже не приходилось.

«В ходе Первой мировой войны русский офицерский корпус очень сильно изменил свое лицо, по сравнению с довоенным временем, и далеко не был уже той сплоченной силой, которая обеспечивала внутреннюю и внешнюю безопасность страны на протяжении столетий. Поэтому далеко не все его представители приняли участие в борьбе за российскую государственность против Коммунистического интернационала в годы Гражданской войны, предпочтя по соображениям личного порядка отречься от своего прошлого и профессии и остаться в стороне от нее, а многие (пусть в большинстве и по принуждению) даже сражались на стороне разрушителей России против своих недавних сослуживцев»¹¹.

Все более осложнявшаяся внутриармейская ситуация вынудила 28 членов Государственной Думы и Государственного совета, входивших в состав «Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства », подать Николаю II «Всеподданнейшую записку».

В этом документе указывалось:

«Принцип бережливости людской жизни не был в должной мере воспринят нашей армией и не был в ней достаточно осуществлен.

Многие офицеры не берегли себя; не берегли их, а вместе с тем и армию и высшие начальники. В армиях прочно привился иной взгляд, а именно, что при слабости наших технических сил мы должны пробивать себе путь преимущественно ценою человеческой крови. В результате в то время, как у наших союзников размеры ежемесячных потерь их армий постепенно и неуклонно сокращаются, уменьшившись во Франции по сравнению с начальными месяцами войны почти вдвое, у нас они остаются неизменными и даже имеют склонность к увеличению»¹².

Для изменения ситуации, считали авторы «Записки», нужно разъяснить всем высокопоставленным военачальникам, что безответственное, неоправданное расходование людских жизней недопустимо. Этот призыв симптоматичен вдвойне: иллюстрируя отсутствие внимания к «человеческому материалу» у руководства военного ведомства и генштаба, он демонстрировал бессилие даже облеченных государственной властью гражданских чиновников, их неспособность воздействовать на происходящее на фронтах.

Члены Совещания по обороне в качестве рецепта сохранения боеспособности армии видели «бережливое расходование человеческого материала в боях при терпеливом ожидании дальнейшего увеличения наших технических средств для нанесения врагу окончательного удара»¹³.

«Записка» членов Особого совещания, полученная в Ставке и доведенная до сведения командующих фронтами, вызвала со стороны последних саркастическое негодование. Выразителем общей точки зрения стал генерал А. А. Брусилов^[5].

Он писал:

«Наименее понятным считаю пункт, в котором выражено пожелание бережливого увеличения наших технических средств для нанесения врагу окончательного удара. Устроить наступление без потерь можно только на маневрах: зря никаких предприятий и теперь не делается, и противник несет столь же тяжелые потери, как и мы... Что касается до технических средств, то мы пользуемся теми, которые у нас есть: чем их более, тем более гарантирован успех; но чтобы разгромить врага или отбиться от него, неминуемо потери будут, притом — значительные»¹⁴.

Вторил Брусилову главнокомандующий армиями Северного фронта генерал Рузский, указавший в своем ответе, что война требует жертв, и любой нажим в этом вопросе на военачальников может привести к снижению инициативности. Более того, Рузский, не будучи уверенным, «что с продолжением войны мы превзойдем своих противников в техническом отношении», считал сбереже-

⁵ Имя генерала А. А. Брусилова вошло в учебники истории прежде всего в связи с наступлением армий Юго-Западного фронта летом 1916 года. — так называемым Брусиловским прорывом. «В ходе наступательной операции русские армии (573 тыс. человек, 1770 орудий) прорвали позиционную оборону австро-венгров (448 тыс. человек, 1301 орудие) и продвинулись на 60—150 км, нанеся противнику огромный урон (1,5 млн.

человек). Потери наступавших составили 0,5 млн. человек. Однако развить не поддержанное другими фронтами наступление не удалось» (Российские офицеры // Военно-исторический журнал № 1, 1994, с. 49).

ние людских ресурсов в таких условиях крайне невыгодным.

В таком контексте предложение «заменить энергию, заключающуюся в человеческой крови, силою свинца, стали и взрывчатых веществ» выглядело даже наивным.

В войне 1914–1917 годов российское войско одержало несколько больших побед — выиграв Галицийскую битву, осуществив Брусиловское наступление и взяв Эрзерум. Выдержав множество тяжелых сражений, оно, увы, потерпело судьбоносное поражение в Восточной Пруссии и потеряло в 1915 году Польшу и Галицию. С этого перелома начался окончательный крах царской армии, уже неостановимый, достигший пика к 1917 году. (Об этом — в главе «1917 год».) Тухачевский был участником первого наступления армий Брусилова и Рузского в Галиции, наступательных операций русских войск в Польше, то есть того периода войны, когда она носила маневренный, наступательный характер, когда боевой дух войск был максимально высоким.

Он провел в окопах Первой мировой семь месяцев, ставших для него хоть и коротким, но насыщенным и успешным боевым опытом. Увиденное в эти месяцы явилось для наблюдательного, получившего прекрасную теоретическую подготовку молодого офицера примером катастрофической «недееспособности» армейского руководства в новых условиях. Всегда подчеркнута критично относившийся к Николаю II и его генералам, самоуверенно рассуждавший о реорганизации армии, юный Тухачевский смог теперь не из учебного класса и не с парадного плаца, а из окопа наблюдать за ситуацией, анализируя происходящее на уровне микро-и макросоциума. Топчась в слякоти польских полей и перелесков, ночуя под мок-

рым снегом Ивангорода, можно согреть себя мыслями о грядущих свершениях, выстраивать боевые операции, которые в совсем недалеком будущем, конечно же, станут реальностью.

Но, обладая живым умом и кругозором, даже будучи всего лишь подпоручиком, выпущенным на поле боя прямо из училища, нельзя не видеть иррациональности происходящего.

Тухачевский, разумеется, не мог знать о переписке гражданских и военных властей о «сбережении человеческого материала», не имел общefронтowych сводок, но из своего окопа он видел красноречивую военную повседневность. Он в этом отношении был, как сказали бы в советское время, «типичным представителем» либерального молодого офицерства, начавшего анализировать кризис и приходившего ко все большему разочарованию. Впрочем, личная судьба подпоручика складывалась более чем удачно.

«Стык» двух реальностей — внешней, социальной, и внутренней, личной — усиливал в его мировоззрении двойственность, столь удивлявшую окружающих. Он сделал выбор, и судьба пока оставалась на стороне этого выбора.

Галицийская битва (август–сентябрь 1914 г.) — стратегическая операция Юго–Западного фронта, целью которой был разгром австро–венгерских войск и овладение Галицией.

Она велась на фронте протяженностью в 320—400 км между Вислой и Днестром. В результате боев Австро–Венгрия потеряла 400 тысяч человек, Россия — 230 тысяч 15. Освободив Галицию и австрийскую часть Польши, русские войска создали угрозу вторжения в Венгрию

и Силезию, вынудив германское командование экстренно перебросить часть сил с Западного на Восточный театр военных действий.

Эти бои на Юго–Западном фронте и стали боевым крещением выпускника московского Александровского военного училища, только что произведенного в подпоручики Михаила Тухачевского. Блестяще окончивший училище Тухачевский так и не успел приобщиться к светской офицерской жизни.

«Выпуск был произведен на три недели раньше нормального ввиду объявления мобилизации, а именно 12 июля 1914 г. Был произведен в офицеры и вышел в Семеновский полк, с которым сразу же и выступил на войну»¹⁶, — упоминал Тухачевский в автобиографической «Записке о жизни».

Перед отправкой на фронт он заехал домой. Сохранилось лирическое воспоминание об этом прощании:

«Михаил Николаевич держал себя непринужденно, утешал мать, даже острил и все поглядывал вдоль перрона, точно кого–то ждал. Поцеловав в последний раз мать, Тухачевский встал на подножку и смотрел куда–то вдаль. Поезд уже тронулся, когда со стороны вокзала появилась девушка. Михаил прыгнул на платформу, обнял девушку, поцеловал ей руку и, догнав поезд, на ходу вскочил на подножку»¹⁷.

Боевые действия начались для подпоручика Тухачевского роты Семеновского полка 1 августа 1914 года — сразу с ожесточенных боев. С 19 августа по 3 сентября полк принимал участие в Люблинской операции. Он проявил явное и вполне объяснимое стремление выделиться — стать первым.

Юношеская, безоглядная смелость, амбициозность, замеченная еще в училище, сочетались с холодным умом и умением на практике применять совсем недавно полученные теоретические знания. Несомненно, куража добавляло и ощущение ответственности перед предками — потомственными «семеновцами» дедом и прадедом. «Есть упоение в бою». В течение семи месяцев пребывания на фронте Тухачевский получил пять орденов — беспрецедентно, как по количеству, так и по качеству полученных наград.

Впервые о Тухачевском заговорили при взятии Семеновским полком города Кржешова. Так, князь Ф. Касаткин Ростовский, служивший капитаном в Семеновском полку, вспоминал:

«Второй батальон, в 6-й роте которого находился Тухачевский, сделав большой обход, неожиданно появился с правого фланга австрийцев, ведущих с остальными нашими батальонами фронтальный бой. И принудил их поспешно отступить. Обход был сделан так глубоко и незаметно, что австрийцы растерялись и так поспешно отошли на другой берег реки Сан, что не успели взорвать подготовленный к взрыву деревянный высоководный мост через реку. По этому горящему мосту, преследуя убегающего неприятеля, вбежала на другой берег 6-я рота со своим ротным командиром капитаном Веселаго и Тухачевским. Мост затушили, перерезали провода, подошли другие роты, переправа была закреплена, причем были взяты трофеи и пленные»¹⁸.

Горящий мост, успешная атака — настоящее «боевое крещение», вдохновляюще красивый фронтовой дебют.

Подробно описал этот бой и другой однополчанин подпоручика Тухачевского — полковник Зайцов, русский военный историк–эмигрант.

«Взять в лоб Кржешовский тет–де–пон, однако, несмотря на потери и доблестное фронтальное наступление наших батальонов, было нам не по силам. Слава Кржешовского боя, разделенная всеми его участниками, все же в особенности принадлежит нашему 2–му батальону, командир которого полковник Вешняков решил, по собственному почину, обойти Кржешовский тет–де–пон и атаковать его с юго–востока, прорываясь вдоль Сана к переправе.

Командир 6–й роты капитан Веселаго, во главе своей роты, бросился на горящий мост и, перейдя по нему р. Сан, овладел переправой.

Кржешов пал, и Семеновцы перешли через р. Сан, захватывая пленных, пулеметы и трофеи. Смелый почин нашего 2–го батальона и удар 6–й роты дали нам Кржешовский тет–де–пон и сломали фронт сопротивления австрийцев по Сану»¹⁹.

Результатом этой красивой тактической операции стало отступление 1–й австрийской армии к Кракову и далее в западную Галицию за реку Дунаец.

За Кржешовский бой командир роты капитан Веселаго получил Георгиевский крест, Тухачевский — Владимира 4 степени с мечами. О Тухачевском заговорили, но сам он своей первой наградой был недоволен, считая, что так же, как и Веселаго, заслужил Георгиевский крест.

Это недовольство явилось для Тухачевского лишь дополнительным стимулом, подстегивавшим его стремление к самоутверждению на поле боя.

«...Не могу сказать, чтобы он пользовался особенной симпатией товарищей. Первый боевой успех, конечно, вскружил ему голову, и это не могло не отразиться на его отношениях с другими. Его суждения часто делались слишком авторитетными. Чуждаясь веселья и шуток, он всегда был холоден и слишком серьезен, что совсем не было свойственно его возрасту, часто с апломбом рассуждая о военных операциях и предположениях. С товарищами был вежлив, но сух, и это особенно бросалось в глаза в нашем полку, где все жили одной дружной семьей. Строевой офицер он был хороший...» — такие воспоминания оставил князь Касаткин–Ростовский.

Другая характеристика является вполне логичным дополнением к портрету «слишком серьезного, держащегося одиночкой, безупречного в службе» подпоручика. Это любопытнейшее свидетельство оставил отец приятеля Тухачевского — подпоручика Н. Н. Толстого:

«Он очень молод еще, но уже выделяется заметно: хладнокровен, находчив и смел, но... Непонятно, на чем все это держится?»

Это тип совершенно особой формации. Много в нем положительных качеств, он интересен, но в чем-то не очень понятен. И откуда берутся такие? Молодой из ранних. Ни во что не верит, нет ему ничего дорогого из того, что нам дорого; ум есть, отвага, но и ум, и отвага могут быть нынче направлены на одно, завтра же — на другое, если нет под ним оснований достаточно твердых; какой-то он... — гладиатор! Вот именно, да, гладиаторы, при цезарях, в языческом Риме могли быть такие. Ему бы арену да солнце и публику, побольше ее опьяняющих рукоплесканий. Тогда есть резон побеждать или гибнуть со славой... А ради чего побеждать или гибнуть за что — это

дело десятое...»²¹ Склонному к героической романтике, начитанному, увлекавшемуся древней военной историей Тухачевскому, вероятно, самому понравилось бы такое уподобление. Некоторая подверженность рисовке, отмечавшая его еще в детстве и юнкерской юности, стремление к лидерству и потребность в пьянящих рукоплесканиях — все это в сочетании с явной профессиональной неординарностью — личностная доминанта Тухачевского периода Первой мировой войны. Стоит ли удивляться, что в порыве откровенности он, не сдерживая эмоций, признавался молодым однополчанам:

«Для меня война — все! Или погибнуть, или отличиться, сделать себе карьеру, достигнуть сразу того, что в мирное время невозможно!

... В войне мое будущее, моя карьера, моя цель жизни!»²² Тогда казалось, что цели он достиг с безапелляционной уверенностью и фантастически быстро.

Дальнейшая боевая судьба была благосклонна к изобретательному и в открытом бою, и в разведке молодому гвардейцу.

Что ни бой, то успех, что ни операция, — придуманная и осуществленная, — то орден. В послужном списке Тухачевского великолепный перечень наград за боевые отличия:

уже упомянутый орден Св. Владимира 4 степени с мечами и бантом, Св. Анны 2 степени с мечами, Св. Анны 3 степени с мечами и бантом, Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость» и Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом²³. (В Российском Государственном военно-историческом архиве сохранился лист-представление к шестому ордену — Св. Станислава 2 степени. Однако наградного листа в архиве нет, как нет этого ордена и в

послужном списке Тухачевского, датированном 1 ноября 1917 года.) Даже лаконичное описание в штабных документах подвигов Михаила Тухачевского читается как панегирик. Орден Св.

Станислава 3 степени с мечами и бантом — за то, что «переправившись 26 сентября 1914 года на противоположный берег реки Вислы, нашел и сообщил место батареи неприятеля у костела и определил их окопы. На основании этих сведений наша артиллерия привела к молчанию неприятельскую батарею»²⁴.

С 4 по 15 октября полк воевал в Ивангородской области:

за бои 10–13 октября под Ивангородом Тухачевский удостоен ордена Св. Анны 3 степени с мечами и бантом. С 16 октября по 30 ноября — семеновцы брошены в бои под Краковом, и подпоручик Тухачевский «зарабатывает» орден Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость» — за бой 3–5 ноября под Посадом «Скала»²⁵. Таким образом, график боев точно совпадает с перечнем боевых заслуг.

Упоминание еще об одной награде — ордене Св. Анны 2 степени с мечами содержится в «списке офицеров лейб-гвардии Семеновского полка по старшинству в чинах » за 1917 год. В этом документе получение награды датировано 1915 годом²⁶. Наградной лист свидетельствует «о высочайшем утверждении пожалования командующим 9-й армии... ордена Анны 2 степени... за боевые отличия, отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военных действий»²⁷. Для подпоручика получить такой орден — событие почти невозможное. По существовавшей тогда практике на него могли рассчиты-

вать чины не ниже капитана. Тухачевский и здесь стал исключением.

Судя по архивным материалам, ордена Тухачевский получал в среднем раз в три недели. Даже обладая гипертрофированной скромностью, трудно не испытать головокружение от таких, действительно ярких, успехов.

Тухачевский особой скромностью не отличался, но тем не менее позднее, уже в 1920–е годы, даже в узком кругу никогда не бравировал этими наградами. Возможно, считал их остывшим достоянием «давно минувших дней» или, что не менее вероятно, не желал будить ностальгию...

«С фронта он часто писал и однажды осенью 1914 неожиданно приехал. Это было уже после смерти нашего отца, который умер после его отъезда. Миша рассказал нам, что он очень беспокоился об отце, так как о нем ему ничего не писали и он понял, что что-то случилось, попросился отпустить его в Варшаву лечить зубы, а сам приехал в Москву на один день, где и узнал правду»²⁸.

Тухачевского, склонного к некоторому высокомерию, порой «оскорбительно вежливого», то есть державшего дистанцию, в полку не слишком любили. К этой взаимной прохладце отношений у некоторых наверняка приешивалась и зависть. Ему явно, вызывающе везло, но везло заслуженно.

Он был успешен не только в аффекте — красивых боевых вылазках, но и в тяжелой окопной повседневности. Даже недоброжелатели не зафиксировали ни одного сколько-нибудь неблагоприятного поступка, какого-либо недочета даже в рутинной части несения службы. Солдат не чурался (эта при вычка пригодилась ему позже, в

Гражданскую), окопные осенне–зимние тяготы переносил легко. И всегда был начеку.

«Бросалась в глаза его сосредоточенность, подтянутость, — отмечал А. А. Типольт, служивший в той же роте Семеновского полка, что и Тухачевский. — В нем постоянно чувствовалось внутреннее напряжение, обостренный интерес к окружающему»²⁹.

Воздух фронта заставлял бурлить кровь, пьянил воображение...

А сосредоточенность и внутреннее напряжение никак не мешали Тухачевскому временами попросту ребячиться.

«Скучая во время долгого окопного сидения, — рассказывали его приятели–офицеры, — он смастерил лук–самострел и посылал в недалекие немецкие окопы записки обидного содержания. В промежутках между сражениями такими же записками договаривались о перемириях для уборки раненых или убитых, оставшихся между окопами.

Об этой затейливой выдумке простодушно вспоминали и позже»³⁰.

Тухачевскому был 21 год.

С 25 января по 4 марта 1915 года Семеновский полк принимал участие в Ломжинской операции русских войск.

19 февраля 1915 года под Ломжей Тухачевский попал в плен^[6]. Обстоятельства пленения стали предметом острых

⁶ В Ломже был похоронен убитый при штурме Варшавы прадед Михаила Тухачевского, полковник–семеновец, герой 1812 года.

дискуссий в белоэмигрантской среде в 1920–е годы, они же замалчивались в советской историографии, посвященной Тухачевскому. Бывшие царские офицеры, в большинстве своем не простившие подпоручику «измены», склонны были трактовать его пленение в амплитуде от неумелости до трусости (то и другое не выдерживает критики: к февралю 1915 года Тухачевский, как уже упоминалось, имел блестящую — до неправдоподобности, если бы не сохранившиеся документы — боевую биографию). В советское (сталинское) время официальная идеология приравнивала плен к предательству, и эта «подробность» биографии держалась под спудом. (Кстати, по той же причине практически нет советских исследований, посвященных пребыванию солдат и — тем более — офицеров в плену во время Первой мировой.) «Весь горизонт, от края до края, светится смутным красноватым заревом. Оно в непрерывном движении, там и сям его пререзают вспышки пламени над стволами батарей... Грохот первых разрывов одним взмахом переносит какую-то частичку нашего бытия на тысячу лет назад. В нас просыпается инстинкт зверя, — это он руководит нашими действиями и охраняет нас. В нем нет осознанности, он действует гораздо быстрее, гораздо увереннее, гораздо безошибочнее, чем сознание... Быть может, это наша жизнь содрогается в самых сокровенных тайниках и поднимается из глубин постоять за себя»³¹, — Ремарк трансформировал «быт» боя в эпическую ирреальность.

Командир Семеновского полка генерал-майор И. С. Эттер описывал сражение 19 февраля так:

«С 8 час[ов] утра неприятель стал буквально осыпать снарядами тяжелой и легкой артиллерии, поражая

главным образом восточную часть леса и район, то к северу от леса, что у Витнихово^[7].

В 11 часов утра на восточную часть леса началась неприятельская атака. 5-я рота — частный резерв правого боевого участка — была немедленно двинута для непосредственной поддержки, а 2-я рота полкового резерва направлена из д. Витнихово к резервному окопу 5-й роты. Ураганный огонь, перенесенный неприятелем вглубь по резервам, отсутствие ходов сообщения замедлили движение поддержки, 5-я же рота понесла большие потери и подошла к южной опушке, потеряв всех офицеров и половину нижних чинов.

Южная опушка была занята неприятелем. В это время наши правофланговые роты в лесу (6-я и 7-я роты) были обойдены справа из окопов соседней роты, 6-я и 7-я роты... не отступили, приняли удар, произошла рукопашная схватка, и почти никто из них не вернулся»³².

Значительная часть «принявших удар» была убита, остальные, за редкими исключениями, взяты в плен, среди них — Михаил Тухачевский.

Офицер-гвардеец Семеновского полка Г. Бенуа писал, что в феврале 1915 года под Ломжей «после упорных и тяжелых боев» полк, «имея далеко впереди себя 6-ю роту (где находился Тухачевский.— Ю. К.), окопался и занял оборону. Ночью, перед рассветом, поднялся густой туман. Пользуясь им как дымовой завесой, батальон немцев обрушился без выстрела с гранатами на передовую роту.

⁷ Витнихово расположено примерно в 8 км к северу от Ломжи.

Силы были неравны. Ротный командир был убит, многие солдаты геройски погибли и только человек сорок успели, отстреливаясь, отойти к своим. Человек тридцать попали в плен, вместе с ними получивший удар прикладом по голове подпоручик М. Тухачевский, которого подобрали в бессознательном состоянии»³³.

Другой участник тех же событий Ю. Макаров так описывает этот, последний для Тухачевского в 1915 году, бой:

«Веселаго схватил винтовку и довольно долго отбивался, но наконец упал, получив одну пулевую рану и две штыковых. С ним вместе бешено отбивались человек 30 его верных солдат. И все они полегли рядом со своим командиром. Человек 10 с прапорщиком Типольтом, раненным в руку, отстреливаясь, успели отбежать назад и присоединиться к полку. Человек 30 были забраны в плен и вместе с ними Тухачевский. Как говорили, он получил удар прикладом по голове и был подобран в бессознательном состоянии. Славная 6-ая рота фактически перестала существовать»³⁴.

Воспоминания князя Ф. Касаткина–Ростовского идентичны мемуарам Макарова:

«Тухачевский, как передавали случайно вырвавшиеся из немецкого кольца люди, в минуту окружения, по-видимому, спал в бурке, в окопе. Когда началась стрельба, видели, как он выхватил шашку и, стреляя из револьвера, отбивался от немцев»³⁵.

Версии, как видно из процитированных фрагментов, совпадают. Справедливости ради следует сослаться на источник, предлагающий иное видение этого военного эпизода:

очерк выпускника Алексеевского военного училища А. Н. Посторонкина. В конце 1920–х годов Пражский архив собирал мемуары белоэмигрантов, причем неплохо за них платил, что было для многих единственным источником существования.

А. Н. Посторонкин мог выполнить «социальный заказ» — тем более, что искренне ненавидел Тухачевского, перешедшего на сторону новой российской власти.

«Немцы окружили с тыла 6–ю роту семеновцев, положение коей усугублялось поднявшейся метелью, ветром и ночной порой. При внезапном появлении противника, что называется, «на носу» и с тыла, постепенно и решительно окружавшего железным кольцом указанную роту, люди вначале достаточно растерялись от неожиданности, но потом оправились и вступили в отчаянную схватку, упорно отбиваясь штыковым боем от численно превосходивших их немцев. Командир роты, капитан, на ходу вступает в командование группами людей и в страшном штыковом бою пал смертью героя: он был убит, на его теле, найденном нами впоследствии и опознанном по тому лишь признаку, что на трупе был нетронутым Георгиевский крест, было обнаружено более 20 пулевых и штыковых ран, что указывает на упорную личную борьбу капитана Веселаго».

Далее — о Тухачевском:

«Подпоручик Тухачевский лежал в легком наносном окопчике и спал, завернувшись в свою черную бурку, по-видимому, в ужасный момент появления врага он спал или дремал. Пробужденный

шумом, он с частью людей принял участие в штыковом бою, но, не будучи раненным и, вероятно, не используя всех средств для ведения боя, был захвачен в

плен...»³⁶ Бросается в глаза явная негативность оценок. Заметим:

Посторонкин не только не воевал в той же роте, что и Тухачевский, он не был семеновцем...

При передаче сведений о потерях Семеновского полка в штаб фронта произошла ошибка, и в газете Военного министерства «Русский инвалид» от 27 февраля появилось сообщение о гибели подпоручика Тухачевского. Его мать едва перенесла этот удар. Сопротивляться горю у нее уже не было сил: только что закончившийся 1914 год был тяжелым для семьи — умер ее глава, Николай Николаевич, умерла 23-летняя сестра Михаила Надежда, художница, выпускница Строгановского художественного училища. К счастью, ошибка скоро обнаружилась, и Мавра Тухачевская стала ждать писем от «воскресшего» любимого сына. Ожидание длилось долго.

Для подпоручика Тухачевского, привыкшего за полгода к чреватой смертью, но в силу этого еще более упительной для него фронтовой жизни, начались томительные будни немецкого плена. Два с половиной года он изобретательно и лихорадочно пытался сократить время, бесстрастно отнимавшее у него деятельную жизнь. И пять побегов из плена говорят о его характере едва ли не больше, чем пять добытых в бою орденов.

Источники и литература

1. Ремарк Э. М. На Западном фронте без перемен.

Л.: Лениздат, 1959, с. 45.

2. Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка. М.: Правда, 1958, т. 1, с. 25. (Библиотека журнала «Огонек»)

3. Ремарк Э. М. Указ. соч., с. 45.
4. Первая Мировая война. Дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. акад. РАН Ю. А. Писарев, д. ист. н. В. Л. Мальков. М.: Наука, 1994, с. 155.
5. Там же.
6. Там же, с. 156.
7. Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне // Военноисторический журнал, № 2, 1993, с. 65.
8. Там же, с. 64.
9. Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 годах, т. 1, кн. 1, с. 85.
10. Деникин А. И. Очерки русской смуты: Репринт. М.: Наука, 1991, т. 1, вып. 1, с. 25—26.
11. Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М.: Центрполиграф, 2002, с. 3.
12. Головин Н. Н. Указ. соч., с. 60—66.
13. Там же, с. 61.
14. Там же.
15. Российские офицеры // Военно-исторический журнал, №1, 1994, с. 49.
16. Центральный Архив ФСБ РФ (в дальнейшем ЦА ФСБ РФ) Архивное следственное дело (в дальнейшем АСД) Р-9000 на М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича и др. Т. «Судебное производство». Конверт.
«Записка о жизни от 27.09.1921»

17. Никулин Л. В. Тухачевский: Биографический очерк. М.: Воениздат, 1964, с. 30.
28. Минаков С. Сталин и его маршал. М.: Яуза, Эксмо, 2004, с. 161.
19. Зайцев А. А. Семеновцы в 1914 году. Гельсингфорс, 1936, с. 32–33.
20. Минаков С. Указ. соч., с. 32.
21. Толстой С. Н. Осужденный жить: Автобиографическая повесть.
М., 1998, с. 177.
22. Касаткин–Ростовский Ф. Воспоминания о Тухачевском // Семеновский бюллетень, 1935, № 15; Часовой, 1936, № 162, с. 12.
23. РГВИА. Послужной список М. Н. Тухачевского, ф. 291, оп. 1, д. 43, т. 1, л. 268.
24. Там же, л. 385.
25. Там же, л. 384 об.
26. РГВИА, ф. 2584, оп. 1, д. 2971, л. 183.
27. Там же, л. 183.
28. Личный архив Ю. В. Хитрово. Арватова–Тухачевская Е. Н. Воспоминания о М. Н. Тухачевском, с. 5.
29. Типольт А. А. Такое не забывается // Маршал Тухачевский:
Воспоминания друзей и соратников. М, 1965, с. 19.
30. Толстой С. Н. Осужденный жить: Автобиографическая повесть.
М, 1998, с. 177–178.

31. Ремарк Э. М. Указ. соч., с. 46—47.

32. В свой полк из плена через шесть границ: Новые документы о М. Н. Тухачевском / Сост. Шабанов В. М. // Военно–исторический журнал, № 5,1996, с. 90.

33. Минаков С. Указ. соч., с. 164 34. Макаров Ю. Моя служба в Старой Гвардии 1905—1917 г. Мирное время и война. Буэнос–Айрес, 1951, с. 283.

35. Минаков С. Указ. соч., с. 164.

36. Посторонкин А. Н. Неизвестное о Тухачевском// Военно–исторический журнал, №12,1990, с. 90.

3. В ПЛЕНУ ОЖИДАНИЙ

Человек предпочитает самую тревожную свободу самому безмятежному порабощению.

Жан-Жак Руссо

К 10 июня 1915 года в немецком плену находился 5391 русский офицер¹. Этот «один» — плененный под Ломжей подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка Михаил Тухачевский.

«В газетах было напечатано, что Михаил Николаевич убит, а недели через две выяснилось, что он попал в плен. Вскоре из плена пришло первое письмо, и потом он нам писал довольно регулярно. Каждое, буквально каждое письмо начиналось словами: «Жив, здоров, все великолепно».

Обычно это были почтовые открытки. Когда в нашей семье узнали, что Миша в плену, то все единогласно решили, что скоро мы его увидим, так как вне всякого сомнения он оттуда очень скоро убежит.

Часто в его открытках бывала фраза, что он надеется скоро увидеться.

Но время шло, менялся адрес лагеря для военнопленных, а его все не было»², — вспоминала Елизавета Николаевна, сестра Тухачевского.

Для Тухачевского несвобода, оторванность от Родины и от активной жизни были самым тяжким наказанием. Два проведенные в плену года не только стали школой непокорности, не только выкристаллизовали в нем почти фанатичное упорство в достижении цели, но и несомнен-

но сформировали подсознательный страх оказаться в ситуации бездействия.

В последующие годы он как бы наверстывал упущенное.

«Самые знаменитые узники Ингольштадта XX века — Шарль де Голль и Михаил Тухачевский. Французы часто бывают здесь. Они хотят увидеть места, где во время Первой мировой был непокорным узником их кумир — Шарль де Голль. Интересующихся Тухачевским россиян у нас до сих пор не было»^[8], — директор Баварского музея армии доктор Эрнст Айхнер работает в музее со дня его открытия.

Ингольштадт — один из красивейших старых городов в Верхней Баварии. Великолепная архитектура в сочетании с привлекательным ландшафтом. Но ингольштадтские узники были — в прямом и переносном смысле слова — далеки от этих красот: форты, построенные в первой трети XIX века, как бы опоясывают город на расстоянии 10–12 км от его географической границы. Это кольцо фортов так и называется «пояс фортификаций». Во время Первой мировой форты уже потеряли свое первоначально стратегическое значение и использовались как помещения ингольштадтского лагеря для военнопленных.

Фортификационные сооружения Ингольштадта на протяжении всего XIX века выполняли важнейшую оборонительную функцию, поскольку являлись «геополитическими воротами в Верхнюю Баварию». Крепость в XIX веке была визитной карточкой старого города: не случай-

⁸ Директор Баварского музея армии, доктор архитектуры Эрнст Айхнер рассказал об этом мне во время беседы в музее.

но ее центральную часть тогда заново отстроил великий баварец Лео фон Кленце. Центральная часть крепости с характерным для Кленце строгим и элегантным архитектурным абрисом и ныне является, пожалуй, главной ингольштадтской достопримечательностью.

Здесь с 1972 года находится Баварский музей армии. К сожалению, из 12 фортов, представлявших собой интереснейший с точки зрения военного зодчества образец ансамбля укреплений, сохранился лишь один — XII, получивший имя Принца Карла. Остальные были разрушены после Второй мировой войны американскими оккупационными войсками как «оборонительные сооружения, представлявшие опасность». Форт Принца Карла уцелел потому, что к послевоенному времени вокруг него выросла деревушка.

Форты уничтожали огромным количеством взрывчатки, взрывная волна могла попросту стереть с лица земли дома мирных жителей. Разумеется, американцы отлично понимали, что форты XIX века — уникальные памятники — не представляют реальной опасности для оккупационных войск в поверженной Германии. Однако в них с конца Второй мировой войны хранились бомбы, снаряды, мины. Не использованные во время военных действий боеприпасы гораздо дороже было вывозить на полигон для уничтожения, нежели взорвать прямо в помещениях, превращенных в склады...

Но и по форту Принца Карла можно судить, как выглядел «оборонительный пояс» в начале прошлого века, ибо все составляющие Ингольштадт форты были практически одинаковыми по архитектуре и внутреннему устройству и приблизительно идентичными по размеру. Посетив благодаря дирекции Баварского музея армии

форт Принца Карла, мне удалось увидеть нетронутые временем помещения, где содержались офицеры — военнопленные Первой мировой.

Ныне форт — охраняемый государством памятник архитектуры.

Однако не реставрировался он как минимум с начала XX века. Часть помещений арендует фирма, занимающаяся обезвреживанием «наследия войны» — снарядов, гранат и других боеприпасов, оставшихся в баварской земле со времен Второй мировой. Здесь хранится взрывотехнический инвентарь. Большинство же помещений никак не используются и пребывают в отнюдь не музейном состоянии, что «приближает» их к исторической действительности 1914—1917 годов. Мелкий красный кирпич сводчатых потолков, бесконечные мрачные сырые коридоры с тяжелыми дверями казематов даже теперь производят угнетающее впечатление. Замкнутое пространство крошечного двора, окруженного высокой кирпичной стеной, способно нагнать тоску на самого беспечного экскурсанта.

Как и 90 лет назад, на территорию фортаходишь через железные ворота, с лязгом, будто нехотя, раскрывающие заржавевшие створы. Дальше — нависший над безводным рвом широкий мост, ведущий в тяжелые кованые ворота самого здания. Открыть их — задача для тяжелоатлета.

За ними — широкая «штольня», цементный пол которой под небольшим углом поднимается вверх: в позапрошлом веке по ней в форт закатывались пушки.

Огромные ядра и сейчас аккуратными горками сложены вдоль стен — уже как экспонаты. Казематы для пленных располагались на первом этаже. Из широкого

«пушечного » коридора второго этажа в помещение казематов ведет крутая каменная винтовая лестница. Второй этаж, естественно, гораздо более сухой и светлый, нежели полуподземный первый, предназначался для «обустройства» общественных занятий: здесь размещались читальный зал, мастерские, хозяйственные помещения.

IX форт стоял на правом, низком и заболоченном, берегу Дуная. В этом смысле он был самым некомфортным:

жарким летом кирпичные стены казематов покрывались «испариной», осенью на сводах нередко появлялась плесень, зимой в углах камер и на окнах поселялся иней. Каждый форт был окружен рвом, однако вопреки обычной крепостной традиции эти рвы не заполняли водой. Вода в холодные баварские зимы из непреодолимой преграды превратилась бы в помощницу неприятеля, штурмовавшего укрепление по льду. Однако ров вокруг форта IX всегда наполнялся водой — из-за болотистой почвы. Ныне на месте форта находится воинская часть Бундесвера, и будучи на ее территории^[9] можно убедиться в том, что и теперь тот ров, хотя и заросший и обмелевший, по-прежнему полон воды.

Прусское военное министерство небезосновательно считало, что побег из фортов Иногольштадта невозможен. Потому сюда из других немецких лагерей направлялись самые отчаянные беглецы-рецидивисты. Через некоторое время выяснилось, что их концентрация превратила Ингольштадт в своего рода кружок по обмену опытом. Английские, французские, бельгийские, русские

⁹ На ее территории я побывала в сопровождении директора Баварского военного музея и пресс-атташе части.

офицеры–беглецы совместно планировали очередные попытки освобождения. По вечерам в фортах сверяли карты, делая на них пометы, рисовали маршруты, искали наиболее безопасные способы не нарваться на патрули и законопослушное местное население, обязанное немедленно сообщить властям о беглецах. Такие посиделки, подогретые хорошим вином, покупать которое у марки-тантов, имевших доступ в лагерь, узникам не возбранялось, нередко заканчивались шумным весельем. А надзи-ратели, скованные гуманными нормами Женевской кон-венции, чувствовали себя беспомощными, пытаясь утихо-мирить буйствующих пленников.

Тухачевский уже имел богатый опыт пребывания в лагерях:

до Ингольштадта он пережил целую героико–роман-тическую Одиссею. В сухих сводках досье на Тухачевско-го, хранящихся в Баварском военном архиве, эти приклю-чения выглядят так. В лагере Штральзунд получил 6 дней ареста за конфликт с надзирателем; за попытку к бегству военный суд Галле 16 мая 1916 года приговорил его к трем неделям «домашнего ареста». В лагере Ба-д–Штуер Тухачевский получил 14 дней «домашнего аре-ста» за отказ следовать служебным распоряжениям де-журного офицера. Еще 14 дней ареста — за «недозволен-ное отдаление от предписанного местонахождения » (по-пытка к бегству. — Ю. К.)З.

Уже вернувшись в Россию, Тухачевский в рапорте командующему Семеновским резервным полком описал свои похождения с той же протокольной точностью.

«В плен я был взят в немецкой атаке на участке на-шей позиции у д. Пясечно. Оттуда с остановками я был перевезен немцами до солдатского лагеря Бютова, где

временно провел три дня и был отправлен далее в Штральзунд в офицерский лагерь Денгольм»⁴.

Сохранилось прошение брата Тухачевского — Александра, направленное начальнику Петроградского окружного штаба.

«В конце февраля текущего года брат мой, подпоручик лейбгвардии Семеновского полка... Михаил Николаевич Тухачевский попал в плен к германцам. В настоящее время я получил от него письмо из Штральзунда, где он ныне находится, с просьбой о ходатайстве перед Вашим Высокопревосходительством о выдаче причитающегося ему жалования на мое имя со времени последней выдачи ему оного. При сем честь имею покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство сделать зависящее от Вас распоряжение об ускорении вышеизложенной просьбы ввиду неотложных уплат по поручению брата. 28 мая 1915 г.»⁵.

К этому времени «подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка» в Штральзунде уже давно не было. В рапорте командующему полком Тухачевский писал:

«Через два месяца я бежал с подпоручиком Пузино, переплыв пролив между Денгольмом и материком, и шел дальше на полуостров Дарсер-Орт, откуда, взяв лодку, думал переправиться по морю на датский полуостров Фальстер, до которого было всего 36 верст.

Но случайно мы были оба пойманы через 5 ночей охраной маяка на берегу. После того как я отсидел в тюрьме и под арестом, я был через некоторое время отправлен в крепость Кюстрин, в форт Цорндорф^[10]. Через

¹⁰ Сокамерником Тухачевского в лагере Цорндорф был Ролан Гарос. — Ю. К.

три недели я был оттуда отправлен в солдатский лагерь Губен... Через месяц... я был отправлен в лагерь Бесков.

В Бескове я был предан военному суду за высмеивание коменданта лагеря, был присужден к трем неделям ареста и отбыл их. Из Бескова я был переведен в Галле, откуда через три месяца в Бад-Штуера 6 сентября 1916 г[ода] я убежал с прапорщиком Филипповым, спрятавшись в ящики с грязным бельем, которое отправляли в город для стирки. По дороге на станцию, в лесу, мы вылезли из ящиков, и так как немецкий солдат, везший белье, не был вооружен, то очень нас испугался и не мог задержать. После этого мы шли вместе 500 верст в течение 27 ночей, после чего я был пойман на мосту через реку Эмс у Зальцбергена, а прапорщик Филиппов благополучно убежал и через три дня перешел голландскую границу и возвратился в Россию. Поймавшим меня солдатам я объявил, что я русский солдат Михаил Дмитриев из лагеря Миндена, надеясь легко убежать из солдатского лагеря. Пока обо мне наводили справки, меня посадили в близрасположенный лагерь Бекстен-Миструп.

Проработав там вместе с солдатами пять дней, я опять убежал со старшим унтер-офицером Аксеновым и ефрейтором Красиком. Через три ночи пути, удачно переплыв реку Эмс и канал, идущий вдоль границы (оба препятствия охранялись), я был пойман последней линией часовых к западу от Меппена, оба же солдата благополучно пробрались в Голландию. К этому времени я был уже настолько переутомлен, что не в состоянии был опять идти в солдатский лагерь и потому, назвавшись своим именем, я возвратился опять в лагерь Бад-Штуер, проведя несколько дней в тюрьме в Меппене. В БадШтуере я отсидел три недели под арестом и был отправлен в

крепость Ингольштадт, в форт IX, лагерь для бежавших офицеров»⁶.

Таким образом, в Ингольштадте Тухачевский чувствовал себя среди его узников, таких же рецидивистов, как он сам, весьма комфортно.

В Ингольштадте, куда Тухачевский прибыл 18 ноября 1916 года из Бад-Штуера, его товарищами по форту IX были капитан Шарль де Голль, капитан де Гойс, командир батареи Карту — все они, как известно, стали впоследствии видными военными и политическими деятелями Франции. Компания, как видим, более чем привлекательная, исключительная, даже для воли. Ингольштадтским братством гордились. Де Голль писал матери:

«Поддерживающим обстоятельством в нашем положении является отличное товарищество, которое царит среди нас. Оно препятствует возникновению морального одиночества»⁷.

Попав в другой лагерь, он печалился:

«Я не жалел бы о том, что я сменил лагерь, если бы не отсутствие моих прекрасных товарищей»⁸.

Из воспоминаний о Шарле де Голле:

«После помещения в Ингольштадт, в качестве наказания за многократные побеги, он не утратил мужества. Работал, читал лекции, бегло комментировал фронтовые сообщения. Нетрудно было представить, как он каждый вечер вел воображаемые армии к победе».

Так свидетельствовал французский публицист, приятель де Голля и Тухачевского Реми Рур⁹, также сидевший в то время в IX форте. Рур вспоминал также, что капитан де Голль в глухом каземате, куда доносились сна-

ружи лишь звуки шагов коридорных надзирателей, часенко рассказывал о реальных боях, в которых он принимал участие, главным образом в Шампани. Тогда же де Голль поделился товарищами новыми планами — начатой работой над своей первой книгой «Разногласия у врага»¹⁰. Среди его первых слушателей — русский подпоручик Михаил Тухачевский.

«Это был молодой человек, аристократически–раскованный, худой, но весьма изящный в своей потрепанной форме. Бледность, латинские черты лица, прядь волос, свисавшая на лоб, — придавали ему заметное сходство с Бонапартом времен Итальянского похода »¹¹ — таким было первое впечатление, произведенное Тухачевским на обитателей форта IX.

Его появление, по воспоминаниям, сопровождалось скандалом, впрочем, типичным для «встреч» лагерных старожилов с новичком, приведенным под конвоем: «Если у тебя есть компас и карты, бросай их! Тебя сейчас будут обыскивать!»¹² Далее Тухачевский услышал обязательные для «стычек» с немецкими надзирателями крики: «Боши!

Мы вас «имеем»!» Франкофил Тухачевский органично вошел в среду французских офицеров–пленников — в большинстве своем аристократов. Тому способствовало и великолепное знание языка. На французском он с детства говорил, как на родном.

«Он был очень симпатичным и охотно навещал своих французских товарищей... охотно рассказывал... о своем детстве в Пензе, родне, воспитании, о французской или итальянской бабке, и все это без меланхолии»¹³.

Его дружба с де Голлем и Реми Руром была абсолютно закономерной. С де Голлем Тухачевского, несомненно,

объединяло острое переживания происходящего, стремление к активной деятельности и радикализм. Оба молодых пленника стремились иметь суждение обо всем происходящем, в пользу чего говорили и широкий кругозор, и уверенность в себе. Не случайно французские приятели, шутя, «перекроили» фамилию «Тухачевский» на «Тушатушский», то есть касающийся всего, обо всем имеющий мнение.

Кстати одному из своих французских товарищей — капитану де Гойсу — Тухачевский помог бежать, откликнувшись за него на поверке, благодаря чему пропажа пленника была обнаружена не сразу, и он смог благополучно скрыться.

Ставший впоследствии генералом, де Гойс и в 30–е годы с благодарностью вспоминал об «обаятельном и мужественном русском подпоручике»¹⁴.

Форт IX лагеря Ингольштадт был одним из самых суровых по условиям в этой крепости. Да и у нее самой была недобрая слава. В отечественной историографии Первой мировой войны вопрос содержания русских офицеров–военнопленных изучен слабо. Но, не получив представления об «атмосфере повседневности», невозможно анализировать метаморфозы ментальности обитателей лагеря. Дета ли быта можно выяснить, изучая немецкие исследования, богатые материалы фондов и экспозиции Баварского музея армии.

Каждому офицеру полагались кровать с матрасом и подушкой, постельное белье и два одеяла. Стул и табуретка, устройства для подвешивания одежды и размещения пищевых продуктов (шкаф, тумбочка или комод), бак для мытья, сосуд для воды, полотенце, стол, ведро. Предусматривалось «достаточное отопление и освещени-

е»15. В каждом каземате размещались от трех до восьми офицеров, что трактовалось представителями дипломатических миссий Красного Креста как «страшная скученность». Казематы форта IX имели, например, площадь 12 х 6 м каждый, то есть 72 м². В каждом — по 7 офицеров, то есть на каждого приходилось по 10 м². В фортах наряду с помещениями, где был только холодный душ, имелись и другие, в которых находились душ и ванна с холодной и горячей водой.

На их работу военнопленные часто жаловались. Испанский представитель посольства назвал ванное помещение «плачевным»16. К физическим неудобствам добавлялись и нравственные:

«Офицеры были подвержены взглядам немецких солдат, которые в любое время могли сюда войти, так как душевые имели разделительные перегородки, но не имели дверей»17.

Заключенные могли обливаться холодной водой столь часто, как желали, но не реже «одного раза в неделю». Эти регулярные процедуры были основанием для жалоб русских военнопленных лагеря Ингольштадт своему правительству 18.

Содержание офицеров оплачивалось из их жалования в соответствии с чином, но изымать на эти расходы разрешалось не более половины денежного довольствия.

Французским и бельгийским офицерам оставшаяся половина жалования выдавалась на руки, русские же не получали ничего — их жалование в Германию не переводилось.

Они могли рассчитывать лишь на помощь из дома.

Особая тема — питание. Обеспечение военнопленных едой стало к 1915 году проблемой из-за неожиданно большого числа пленных и блокадой со стороны антигерманской коалиции. Согласно постановлению прусского военного министерства от 1 апреля 1915 года, каждый военнопленный получал ежедневно 85 г белка, 40 г жира, 475 г углеводов, — в общей сложности 2 700 ккал.

(Столько же причиталось немецким солдатам, призванным на фронт.) Вначале общее питание военнопленных в отдельных лагерях было передано в частные руки. Но, по наблюдениям того же ведомства, некоторые предприниматели не выполняли взятые обязательства по поставке продуктов питания, «доходило даже до недобросовестности — например, колбаса наполнялась мукой и водой, а молоко разбавлялось водой»¹⁹. Была даже создана правительственная комиссия, которая проверяла качество продуктов, поставляемых «частниками». 24 апреля 1915 года министерство Пруссии санкционировало переход лагерей на ведение собственного хозяйства.

Еда должна была быть «в достаточном количестве и питательной», «по возможности разнообразной». Однако из-за экономических проблем военного времени продукты дорожали, рацион скудел: пленным офицерам в 1915 году стали давать только снятое молоко и исключили из их рациона белый хлеб. «Выпеченный из заменителей хлеб французы ели только «при необходимости», отдавали его русским или выбрасывали...»²⁰ Подобные «тяготы» не давали покоя французским пленникам, склонным даже проводить забастовки против некачественного питания. Куры сначала были только в форте «Принц Карл» и форте X, и остальные части лагеря восстали против такой дискриминации. С начала 1917 года несущки появились во всех фортах: плен без свежих яиц, очевидно,

превосходил все представления о прусской жестокости. Яйца поставлялись военнопленным офицерам и немецким надзирателям. В целом «в качестве сглаживания ситуации» лагерной комендатуре надлежало озаботиться увеличением доли мясных и овощных продуктов. После многократных обращений

офицерам было разрешено в сопровождении конвойных и переводчика ходить в город за покупками, например, за фруктами. Немецкие солдаты–надсмотрщики, правда, часто удивлялись, что военнопленные жаловались на еду... Командование лагеря раз в месяц направляло в военное министерство недельные меню, которые возвращались с «критическими замечаниями и рекомендациями». «Сегодня давали мед, вкусом и цветом похожий на ваксу»²¹, — писал Тухачевский родным.

Кухни имелись в каждой части лагеря Ингольштадт.

Надзор осуществлял постоянный офицер или унтер–офицер.

К работе на кухне привлекались и подключались подручные из «особо чистых военнопленных». Доверенные лица военнопленных обязаны были «постоянно быть на кухне и передавать возможные пожелания»... В ингольштадтском офицерском лагере не было столовых, офицеры питались в своих казематах, где они обслуживались ординарцами.

Тарелки, ножи, ложки и вилки приобретались офицерами за свой счет.

Однообразие меню частенько вызывало нарекания пленных аристократов. Чтобы получить представление о причинах недовольства, процитируем меню.

Меню с 24.10 по 6.11.15 Воскресенье Утро: кофе с молоком и сахаром День: ореховый суп, жаркое из свинины с салатом и картофелем Вечер: какао с джемом Понедельник Утро: кофе с молоком и сахаром День: рисовый суп, говядина с белокочанной капустой и картофелем Вечер: сыр из саго, печеночный паштет Вторник Утро: кофе с молоком и сахаром День: ореховый суп, говядина со шпинатом и картофелем Вечер: рисовый суп и десертный сыр Среда Утро: кофе с молоком и сахаром День: рисовый суп, копченое мясо Вечер: суп из саго, регенбургские колбаски с картофелем Четверг Утро: кофе с молоком и сахаром День: ореховый суп, говядина с белокочанной капустой и картофелем Вечер: суп из саго и сыр «Эмменталь»

Пятница Утро: кофе с молоком и сахаром Обед: кислые щи, говядина с зеленым салатом и картофелем Вечер: печеночный паштет с картофелем Суббота Утро: кофе с молоком и сахаром День: суп-жюльен, голубой сазан с картофелем Вечер: ореховый суп, регенбургские колбаски с картофелем Воскресенье Утро: кофе с молоком и сахаром День: кислые щи, говядина с картофелем Вечер: какао с джемом Понедельник Утро: кофе с молоком и сахаром День: ореховый суп, жаркое из свинины с салатом и картофелем Вечер: суп из саго, селедка с картофелем Вторник Утро: кофе с молоком и сахаром День: кислые щи, говядина с капустой и картофелем Вечер: ореховый суп и десертный сыр Среда Утро: кофе с молоком и сахаром День: суп из саго, жаркое из говядины с картофелем Вечер: овощной суп, печеночный паштет с картофелем Четверг Утро: кофе с молоком и сахаром День: ореховый суп, говядина с морковным пюре Вечер: кислые щи, десертный сыр, картофель Пятница Утро: кофе с молоком и сахаром Обед: суп из саго, говядина,

овощное пюре и картофель Вечер: кислые щи и колбаса
Суббота Утро: кофе с молоком и сахаром День: ореховый суп, морская рыба, с картофелем Вечер: суп из саго и сыр «Эмменталь»²² Дополнительно к этому рациону можно было приобрести и множество других продуктов: чай за 25 пфеннигов, какао — 80 пфеннигов за 250 г, бульонные кубики — 10 пфеннигов за штуку, томатный соус — 50 пфеннигов, селедка в томате — 90 пфеннигов за упаковку, лимонад — 12 пфеннигов за бутылку, вино, табак и сигареты и т. д.

Дополнительными источниками питания являлись «подарки» с родины или от благотворительной организации.

С 1 февраля 1916 по 31 января 1917 года, например, пленные британцы получили 5 млн пакетов–подарков в среднем по 4,1 кг каждый, французы — 22,3 млн пакетов по 3,6 кг. Информации о русских в ингольштадских материалах нет. Благотворительная помощь в виде посылок с одеждой первоначально отклонялась немецкой стороной, но в мае 1915 года была разрешена с учетом развития обстановки...

«Немецкие купцы имели право приходить в лагерь и составлять список продуктов и бытовых предметов на основе просьб пленных офицеров, туда могли входить вещи, не упомянутые в лагерном реестре»^[11].

Нетрудно заметить, что хронические стычки между заключенными и лагерным начальством из-за условий содержания были вызваны в основном желанием по-

¹¹ С доктором исторических наук, специалистом по проблематике Первой мировой войны и, в частности, по истории Ингольштадтского лагеря, автором ряда исследований, посвященных его узникам, Гердтом Треффером я встречалась в Ингольштадте.

конфликтовать, демонстрацией несломленности духа и даже капризами скучавших пленников.

Один из первых «подвигов» Тухачевского, призванных продемонстрировать эту «несломленность», — участие в похищении сундука с картами местности и компасами, изъятыми лагерной охраной при обысках узников, готовивших побег или пойманных после него. Пикантности происшествию и адреналина злоумышленникам добавляло то, что сундук был похищен непосредственно из бюро коменданта Ингольштадта. Эта проделка, осуществленная русскофранцузским коллективом, осталась безнаказанной. Похищенное было тщательно спрятано в казематах, а обыск, впрочем, проведенный, по свидетельствам самих же обыскиваемых, лишь символически, результатов не дал²³.

На протяжении всего пребывания в Ингольштадте Тухачевский настойчиво лез на рожон. Это объяснялось не столько юношеским протестным задором, сколько, как он сам впоследствии признавался однополчанам, желанием попасть в тюрьму, которая охранялась менее строго, чем лагерь. Сохранилось письмо Тухачевского, адресованное коменданту форта. Форма и содержание этого документа беспрецедентны не только по подчеркнутому несоблюдению субординации, но и по мотивировке недовольства:

«Сегодня, во время поисков подкопов, низшие чины Германской Службы отодрали занавески, защищающие меня от тяги из окна, и разбросали все мои вещи на столе. По уходе они ничего не поставили на место и не устроили. Все это произошло в моем отсутствии, и когда я возвратился, я нашел все в ужаснейшем беспорядке.

Предполагая, что производство этих поисков не имеет целью устройство беспорядка, и считая такое отношение низших чинов к офицеру оскорблением, я письменно заявляю об этом, прошу разбора этого дела и ограждения меня в будущем от подобного произвола.

Подпоручик Тухачевский 20 марта 1917 года»²⁴ Искасть подкоп представители Германской службы охраны лагеря начали отнюдь не по наитию. Незадолго до того Тухачевский и его товарищи, вероятно, вспомнив графа Монте-Кристо, решили прорыть лаз на свободу. Они «ночью, раздвинув доски пола, рыли подкоп, днем тайно выносили землю. Кончилась эта попытка неудачей»²⁵. Как не вспомнить меткое наблюдение одного из приятелей Тухачевского по ГХ форту: «В его поведении многое было навеяно литературой»²⁶. Среди любимых писателей Тухачевского того времени Гамсун, Чехов, немецкие романтики, конечно, Достоевский и только входящий в моду футурист Маяковский. Не забыта мировая военная история: настольная книга русского подпоручика — «Мемориал Святой Елены» Лас-Каза, разумеется, на французском. Столь прихотливый набор пристрастий свидетельствует не только о разносторонней начитанности (культ чтения, как уже упоминалось, формировался в доме Тухачевских несколькими поколениями), но и о склонности к героико-романтической литературе с ярко выраженным личностным началом, и об открытости новому. «Амплитуда» — от сдержанной поэтики Гамсуна до жесткого социального психологизма Достоевского. Между этими полюсами — сам двадцатитрехлетний Тухачевский.

Потребность в чтении удовлетворялась вполне — даже «книжный гурман» де Голль писал родным, что в форте оборудована хорошая библиотека²⁷. Библиотеки в немецких лагерях, в том числе и в Ингольштадте, были

организованы самими военнопленными с помощью благотворительных обществ. Офицеры, в основном пожилые, покупали за свой счет книги на сумму в среднем до 1000 марок в месяц^[12]. В Ингольштадтском барачном лагере имелаась читальня и библиотека.

В фортах также были созданы библиотеки. Библиотека форта Орфф, например, располагала 750 французскими и 650 русскими книгами, форта VII — 1100 книг, «в основном, романы, далее — исторические и философские произведения»²⁸, преимущественно на французском языке. В библиотеках каждого форта имелся читальный зал, для освещения которого предусматривалась дополнительная доза керосина.

В Ингольштад поступали только журналы и газеты, лояльно настроенные к Германии или прошедшие цензуру.

К последним относились «Русские ведомости», «Le Buxellois» и «Gazette de Lorraine». В начале, по указанию военного министерства, несколько экземпляров давались библиотекам бесплатно, позже число бесплатных поступлений сократилось до двух экземпляров, направлявшихся уже не в библиотеки, а в комендатуру лагерей.

Тухачевский входил в число политизированных пленников, регулярно следивших за происходящим на фронтах и в тылу и по вечерам бурно обсуждавших новости. Ситуацию в армии, ее поражения и затянувшуюся войну он переживал крайне остро. Февральская революция, падение монархии, возвышение Керенского, ставшего главой Временного правительства, многим пленникам-соотечественникам Тухачевского показались обнаде-

¹² Доктор Герд Треффер рассказал об этом в беседе со мной зимой 2005 года.

живающими. Со злой иронией относившийся к «беспомощному самодержцу» подпоручик Тухачевский, якобы, по мемуарным свидетельствам белоэмигрантов, «был первым сорвавшим с себя погоны и нацепившим красный бант»²⁹. Ненавидевшие Тухачевского его бывшие соотечественники искажали факты в угоду пристрастиям: находящиеся в плену офицеры были обязаны в соответствии с лагерными порядками ходить без погон, потому даже при желании сорвать с себя погоны Тухачевский не смог бы. Что до истинного отношения к погонам, то характерен эпизод, в действительности произошедший с Тухачевским вскоре после того, как он попал в плен:

«Я был... отправлен в солдатский лагерь Губен на солдатское довольствие за отказ снять погоны. Через месяц погоны были сняты силой»³⁰.

А вот красный бант в связи с февральской революцией — вполне возможен...

Свидетельство самого Тухачевского:

«Впервые серьезно стал интересоваться политикой с Февральской революции, когда и началось мое знакомство с основами марксизма.

Оторванный от России и имея лишь немецкие газеты, не дававшие полного представления о развитии революции, я сочувствовал в первые дни эсерам, но скоро отказ последних от принятия государственной власти в руки социалистов дискредитировал их в моих глазах. Тому же содействовало и знакомство с учением Маркса, последователем которого я становился»³¹.

Тухачевский начал внимательно отслеживать деятельность большевиков в России. Агитационная литература, в том числе социал-демократическая, проникала в

лагерь из Швейцарии. Проблем с изучением марксизма у Тухачевского, хорошо знавшего немецкий, не было. Да и программа, и брошюры с постулатами политической деятельности РСДРП также, вероятнее всего, попадали в Ингольштадт из Цюриха. Н. К. Крупская писала в воспоминаниях:

«Еще когда мы жили в Берне, начата была и довольно широко поставлена переписка с русскими пленниками, томившимися в немецких лагерях. Материальная помощь, конечно, не могла быть очень велика, но мы помогали чем могли, писали им письма, посылали литературу»³².

Свойственный молодости максимализм помноженный на стремление к лидерству, усиленное годами вынужденного лагерного бездействия... Радикализм формирующегося политического кредо двадцатитрехлетнего Тухачевского вполне объясним. Весьма характерно, что Тухачевский, сам того не зная, солидаризировался с той частью российской интеллигенции, которая изначально сочувствовала либеральным политикам, но отвернулась от них из-за их властебоязни. Собственно, эта властебоязнь, как показали последующие события, и привела страну к революционному тупику. Тухачевскому импонировали те, кто был готов к решительным, хоть и жестоким действиям.

Первую — «лингвистическую» — смену настроений Тухачевского зафиксировали его французские друзья:

«Хозяева называли меня по-прежнему «Ваше благородие», но я их называл «товарищами», — рассказывал Тухачевский Реми Руру, вернувшись с обеда из соседнего каземата, где находились его русские приятели.

«Однажды, — вспоминал Рур, — я застал Михаила Тухачевского очень увлеченного конструированием из

цветного картона страшного идола. Горящие глаза, вылезающие из орбит, причудливый и ужасный нос. Рот зиял черным отверстием. Подобие митры держалось наклеенным на голову с огромными ушами. Руки сжимали шар или бомбу... Распухшие ноги исчезали в красном постаменте... Тухачевский пояснил: «Это — Перун. Могущественная личность. Это — бог войны и смерти». И Михаил встал перед ним на колени с комической серьезностью. Я захохотал. «Не надо смеяться, — сказал он, поднявшись с колен. — Я же вам сказал, что славянам нужна новая религия. Им дают марксизм, но в этой теологии слишком много модернизма и цивилизации. Можно скрасить эту сторону марксизма, возвратившись одновременно к нашим славянским богам, которых христианство лишило их свойств и их силы, но которые они вновь приобретут. Есть Дажьбог — бог Солнца, Стрибог — бог Ветра, Велес — бог искусств и поэзии, наконец, Перун — бог грома и молнии. После раздумий я остановился на Перуне, поскольку марксизм, победив в России, развяжет беспощадные войны между людьми. Перуну я буду каждый день оказывать почести»»³³.

Тухачевский шутил, но этой шуткой он серьезно и внятно обозначил свои политические симпатии, интуитивно предугадывая ближайшее будущее России. Ему нравилось эпатировать. «Кощунствуя спокойно и весело, он затем галантно осведомлялся: «Я вас не шокирую? Мне было бы очень досадно...»»³⁴ Тухачевский в Ингольштадте увлекся резьбой, изготавливая забавные фигурки. Из плена домой в 1917 году он привез любимые игрушки — вырезанных им из дерева маленьких идолов...

Монотонность лагерных будней может тяжело сказываться на состоянии психики, — констатировала комендатура Ингольштадта. «Миновала вторая пасха во

время моего пребывания в плену. Не могу утаить от вас, что испытываю огромную невыразимую тоску», — признавался родным Шарль де Голль³⁵. Переклички членили дни на части. В декабре 1914 года в фортах VIII, IX, X переклички проходили в 9.00, 11.00, 14.00 и в 16.00, причем две из них — в казематах и две — во дворах фортов, «при неблагоприятной погоде» — под укрытием. Между поверками военнопленным разрешалась «ходьба». За нахождение вне каземата после 16.00 военнопленный мог быть наказан, вплоть до расстрела³⁶. В начале 1915 года «психическая»

проблема проявилась очевидным образом, в связи с чем были созданы условия для духовных и физических занятий военнопленных. «Вы часто спрашиваете меня, гуляю ли я.

Да, по меньшей мере два часа в день, по территории форта...

Как только позволит погода, я снова начну заниматься спортом»³⁷, — писал де Голль матери.

Среди заключенных в офицерском форте Ингольштадта было несколько художников. Наиболее известный из них — бретонец Жан-Жюль Лемордан. Он сделал наброски портретов товарищей по форту IX и зарисовки окрестностей — они сохранились до наших дней и даже экспонировались в Баварском музее армии^[13]. Темами другого художника были, наряду с ландшафтами, обнаженное тело и эротические сцены.

...Русские военнопленные с наибольшей охотой занимались поделками из конского волоса, изготовлением

¹³ Они публикуются впервые в России в данной монографии.

колец, браслетов — для рук и для часов, которые хорошо раскупались как товарищами по плену, так и гражданским населением.

Устраивались даже «рукодельные» выставки. Образцы этих поделок и сейчас демонстрируются в Баварском музее армии.

В фортах существовал театр, в основном французский.

(Русский театр был лишь в одном форте.) Но в нем могли играть и знавшие французский русские офицеры. К их числу относился и Тухачевский.

Любопытны воспоминания о лагерных спектаклях.

«Театральные вечера были большим событием. Зрители приходили в «безукоризненной униформе». В части каземата устраивался буфет, где угощались вином. Восторг зрителей вызывали женские роли.

Сцена в этих случаях наполнялась запахами, порождающими выражение «женского начала во французском характере». Исполнители женских ролей были одеты в специально присылаемые французам и бельгийцам для этой цели с родины чулки, белье, дамские платья и т. д.

«Дамы» в перерывах между действиями были окружены «кавалерами», которые сопровождали их «под ручку» в буфет. Наиболее успешные исполнители женских ролей удостоивались особого внимания и галантности, даже «целования ручки»»³⁸.

Жизнь преподносила сюжеты, ничуть не уступавшие театральным — от фарса до драмы. Тухачевский — на первых ролях.

Против него было возбуждено дело об оскорблении унтерофицера. Инцидент носил трагикомический характер, что заметно даже по тексту донесения от 8 апреля 1917 года.

«Унтер–офицер Ганс Абель в IX форте вечером 7 апреля в 9.00 предпринял предписанную перекличку в казарме левого крыла.

Когда Абель проверял камеру номер 9, то обнаружил, что одного офицера нет. Потому он осмотрел всю камеру и нашел застеленную койку. Чтобы выполнить свои обязанности, он должен был убедиться в том, что на ней лежит именно тот офицер (которого он недосчитался на перекличке. — Ю. К.). Абель осветил карманным электрическим фонариком одеяло койки бегло против лица данного офицера — лейтенант Тухачевский (русское звание «поручик»

эквивалентно немецкому «лейтенант» — Ю. К.). Тот немедленно закричал на Абеля: «Вонючий хам, пошел вон! Сукин сын, вон!» На что Абель спокойно переспросил: «Что вы сказали?!» Лейтенант Тухачевский снова закричал: «Вонючий хам, пошел вон! Сукин сын, вон!» Абель записал эти оскорбительные выражения и вышел из помещения»³⁹.

Дело было передано в суд ингольштадтской комендатурой 14 апреля. Три дня спустя суд, изучив поданные материалы, счел их недостаточно информативными и санкционировал более точное расследование обстоятельств:

«Выяснить, был ли осведомлен обвиняемый, и если да, то откуда, что Абель — его лагерное начальство»⁴⁰.

Уточнения, сделанные после скрупулезного расследования:

«Подсудимый был в достаточной мере осведомлен, что унтерофицер принадлежит к надзорному персоналу военнопленных и является для него начальником, исполняющим служебные обязанности.

Об этом также гласят и доски объявлений форта, разъясняющие пленным правила содержания и распорядка. Обвиняемый владеет немецким языком и, таким образом, мог прочесть и понять надписи. Подсудимый знал, что унтер-офицер поднял одеяло, чтобы контролировать его местонахождение. Обвиняемый с середины ноября 1916 года находится в форте IX и знает правила содержания.

Таким образом, вопрос о юридически значимой ошибке отпа 41 дает...»

Тухачевский, разумеется, был вызван на допрос.

«Обвиняемый... утверждал, что унтер-офицер грубо сорвал с него покрывало и ногтем поцарапал ему лоб... Абель же заявил, что был очень осторожным при осмотре...»

В итоге — приговор:

«Слова обвиняемого являются оскорблениями и носят неуважительный характер, они были высказаны непосредственно против унтер-офицера. Не было ни повода, ни оснований со стороны обвиняемого вести себя подобным образом»⁴³.

Тухачевский был приговорен к шести месяцам тюрьмы.

Несомненно, вынесению жесткого приговора «пособствовала» и устоявшаяся репутация Тухачевского:

«Лейтенант Тухачевский — дерзкий молодой офицер, который дерзил унтер-офицерам и адресовал им оскорбительные реплики»⁴⁴.

Как упомянуто в судебном определении, наказание Тухачевского имело еще и назидательный характер: некоторые пленные офицеры Ингольштадта «высокомерно и нагло» обращались с унтер-офицерами, служившими в лагерном охранном персонале. Узники попросту отказывались признавать лагерный регламент, в соответствии с которым охрана, включая низшие чины, являлась для них вышестоящим персоналом, которому надлежало безоговорочно подчиняться.

Для того, чтобы оградить унтер-офицеров от унижений со стороны пленных, суд вынес Тухачевскому «образцовый» — максимально жесткий — приговор, чтоб «другим было не повадно»⁴⁵.

Уже спустя три дня Тухачевский письменно информировал председателя ингольштадтского суда генерал-лейтенанта Лангнетцера:

«В связи с объявленным мне приговором суда от 13 июля 1917 года, предусматривающего шесть месяцев тюрьмы за оскорбление унтер-офицера Абеля, я обращаюсь в Высший Военный суд Нюрнберга, поскольку я не был оправдан.

Лейтенант Тухачевский Ингольштадт форт IX комната 15 16 июля 1917 года»⁴⁶.

Ожидая, пока баварская судебная машина перевертит в различных инстанциях дело об оскорблении унтер-офицера, заскучавший было Тухачевский влип еще в

одну историю — конфликт с комендантом лагеря генералом Петером. Гуляя по двору форта Тухачевский столкнулся с комендантом. Увидев небрежно одетого, засунувшего руки в карманы русского лейтенанта, генерал замедлил шаг и спросил: «Почему вы меня не приветствуете — не отдаете честь?» Тухачевский молчал. «Немедленно выньте руки из карманов и отдайте честь!» Никакого внимания.

«Лейтенант, вы увидите, что вам это дорого обойдется!»

Тухачевский поднял глаза и холодно поинтересовался:

«Сколько марок?»⁴⁷ Этот эпизод впоследствии многократно и с удовольствием вспоминали французские и русские товарищи Тухачевского по плену, передавая «апокриф»

вновь прибывшим. Да и самому Тухачевскому сюжет явно нравился: в его рапорте командиру полка, написанном уже после удачного побега из плена, это происшествие, единственное из всех им перечисленных, описано с кульминационной цитатой: «Сколько марок»⁴⁸. Комендант лагеря генерал Петер сарказма пленного подпоручика не оценил и подал в суд.

С этого момента расследования двух дел об оскорблении — унтер-офицера Абея и генерала Петера — шли параллельно и тянулись до 1919 года. Документы переходили из Ингольштадта в Нюрнберг (в Верховный военный суд Баварии) и возвращались обратно. Назначались все новые даты разбирательств, пока, наконец, 4 октября 1917 года на очередном штампе не возникла размашистая надпись от руки красным карандашом:

«Судебное заседание состояться не может, поскольку подсудимый снова убежал»⁴⁹.

Пятый по счету побег оказался успешным. Информация о нем дошла до Нюрнберга лишь два месяца спустя.

Еще полгода спустя, в энный раз пунктуально поинтересо вавшись, не пойман ли беглец, 8 апреля 1918 года судебное представительство третьего баварского Королевского армейского корпуса было вынуждено констатировать:

«Нет сомнений в том, что побег лейтенанта Тухачевского удался. Предлагаем вернуться к рассмотрению дела 1 апреля 1919 года»⁵⁰.

А начиналось все так. 16 августа 1917 года в комендатуру лагеря Ингольштадт поступил рапорт «О русском лейтенанте Тухачевском М. Н., полк инфантерии, о русском капитане Чернивецком С. С, штаб 53 дивизии, в связи с попыткой побега. Сегодня 9 русских офицеров, давших письменно честное слово и обязавшихся во время прогулки не предпринимать попыток к бегству, были выведены на прогулку унтер–офицером Гофманом по установленному маршруту... На обратном пути два русских офицера — лейтенант Тухачевский и капитан Чернивецкий быстро пошли вперед, в то время, как унтер–офицер Гофман остался замыкающим колонну пленных. По прибытии домой оба названных офицера отсутствовали. Предположительно они находились поблизости от Цухеринга и пытаются оттуда продвигаться далее. Капитан Чернивецкий совсем не говорит по–немецки, Тухачевский — только на ломаном. Обязательства честного слова (бланки заявлений. — Ю. К.) и личные карточки заключенных прилагаются»⁵¹.

Содержание стандартного бланка обязательства^[14]:

«Объявление.

Я даю свое честное слово, в случае моего участия в прогулке, во время самой прогулки, т. е. с выхода из лагеря и до возвращения в него обратно, не совершать побега, во время прогулки следовать всякому распоряжению конвойных и не совершать никаких действий, угрожающих безопасности германского государства.

Я знаю, что на основании § 159 свода военных законов о наказаниях, военнопленный, совершивший побег несмотря на данное честное слово, подвергается смертной казни»⁵².

Какова же была жажда освобождения, если Тухачевский и Чернивецкий решились на побег, зная, что в случае поимки их ждет смерть...

Комендатура лагеря зарегистрировала это донесение лишь через 5 дней — 21 августа 1917 года. Ответ последовал еще через 5 дней — 26 августа. Немецкое дело-производство, что в военное, что в мирное время, к счастью для беглецов, велось без спешки.

Тухачевскому бежать удалось, правда, с некоторыми осложнениями. Об этом он сам рапортовал полковому начальству:

«Начало побега было очень неудачно. Сразу же в лесу мы наткнулись на жандарма, который нас долго преследовал. Наконец, разделившись, мы побежали с капитаном Чернивецкий в разные стороны. Жандарм стал преследовать меня, но через полчаса выбился из сил и отстал. Что стало с капитаном Чернивецкий, я не знаю.

¹⁴ Текст этого документа на русском языке публикуется впервые.

Через 9 дней я был пойман жандармом, объявился солдатом Михаилом Ивановым из лагеря Мюнстера, был помещен в лагерь Лехфельд, где отбыл наказание для солдат, и после был отправлен в лагерь Пукхейм. Там я работал вместе с солдатами три недели и наконец убежал с унтер-офицером Новиковым и солдатом Анушкевичем. Через десять ночей ходьбы они были пойманы жандармами у города Шторгка, а я убежал и еще через три ночи ходьбы перешел швейцарскую границу у станции Таинген. Оттуда я следовал на Петроград через Берн, Париж, Лондон, Христианию и Стокгольм »53.

Из материалов дела:

«16 августа 1917 года в половину седьмого вечера унтер-офицер Гофман, который вел на прогулку русских офицеров, давших письменное обязательство словом чести не совершать побегов во время прогулок доложил, что два офицера скрылись из виду. При немедленно поднятой тревоге было установлено, что исчезли русские офицеры капитан Чернивецкий и лейтенант Тухачевский. На следующий день через французского лейтенанта Лаба мне было передано прилагаемое письмо Тухачевского, которое я, за отсутствием русского переводчика, направляю в комендатуру для перевода»54.

Вот оно.

«Милостивый государь!

Я очень сожалею, что мне пришлось замешать Вас в историю моего побега. Дело в том, что слова я не убегать с прогулки не давал.

Подпись моя на Ваших же глазах и в присутствии французского переводчика была подделана капитаном Чернивецким, т. е. попросту была им написана моя фами-

лия на листе, который Вы подали ему, а я написал фамилию капитана Чернивецкого на моем листе. Таким образом, воспользовавшись Вашей небрежностью, мы все время ходили на прогулки, никогда не давая слова. Совершенно искренно сожалею о злоупотреблении Вашей ошибкой, но события в России не позволяют колебаться.

Примите уверения в глубоком почтении Подпоручик Тухачевский 10 августа 1917 г.»⁵⁵ Судя по дате, письмо было написано до побега. Неоспоримое свидетельство того, что Тухачевский испытывал потребность объяснить-ся, внятно «зафиксировав» собственную незапятнанность в нарушении кодекса офицерской морали (русской и французской, воспитанной на идеалах XIX века). При всей самоуверенности, он весьма зависел от мнения избранных им же самим в качестве «референтной группы» людей и не позволил бы себе нарушить нормы чести.

В письме прочитывается и стремление оградить товарищей от возможных подозрений лагерного начальства — именно потому столь подробно описывается история подлога.

Тухачевский знал, что побег не вызовет ни ужесточения режима, ни наказаний для не замешанных в происшествии товарищей. Для него, очевидно, была неприемлема сама мысль бросить тень на тех, кто разделял с ним лагерное существование. (Кстати, Тухачевский, уже находясь в России продолжал посылать письма своим приятелям из форта IX, что было даже зафиксировано в его ингольштадтском деле⁵⁶.) И конечно, в документе сквозит лукавое самодовольство — бежавшему подпоручику удалось оставить с носом педантичных немецких надсмотрщиков, доказав их бессилие перед искренней жаждой свободы.

Бежавший вместе с Тухачевским капитан Чернивецкий был снова схвачен и привлечен к суду по статье 159 Военного уголовного кодекса Германии⁵⁷. В соответствии с ней за нарушение честного слова полагалась смертная казнь.

«Чернивецкий показал следующее: поблизости от Цухеринга он и Тухачевский ускорили темп и удалялись все больше от остальных офицеров (пленных. — Ю. К.) и сопровождавшего их унтер-офицера, замыкавшего колонну. Они спрятались... и отошли на юг, в лес.

Здесь их стал нагонять жандарм, который сделал по ним несколько выстрелов. Чернивецкий выбросил пакет с резиновым плащом (впоследствии, после поимки, он попросил коменданта лагеря вернуть ему плащ, мотивируя, что эта вещь не является «предметом для побега» и нужна для «укрытия от влаги», плащ был возвращен.

— Ю. К.) и различными продуктами питания, чтобы легче было бежать, и отделился от Тухачевского. Весь путь до Кемптена, где его и схватили жандармы, он проделал пешком. Пакет был передан нам жандармом в Карлскроне. Чернивецкий при сдаче был в оборванном обмундировании, что объясняется ночевками под открытым небом. О содержании письма Тухачевского относительно фальсификации его подписи сообщить отказался.

Тухачевский до сего дня не пойман»⁵⁸.

Горы бумаги, допросы свидетелей, бесконечные «путешествия» документов от инстанции к инстанции, от чиновника к чиновнику. При этом создается явное впечатление, что к обвиняемому относятся сочувственно даже его обвинители, а не только адвокат. Это ощущение усиливается при чтении приговора.

Расследование ставило целью выяснить, нарушено ли беглецами данное слово. Если бы это было доказано, Чернивецкому, напомню, грозила бы смертная казнь. Подписка была «многообразной», однажды давший ее офицер мог неоднократно ходить на регламентированные прогулки (разумеется, в сопровождении охраны) за пределы лагеря.

Чернивецкий отрицал, что давал письменно обязательство не бежать, пояснив, что подпись под этим документом не ставил⁵⁹. Свидетели констатировали, что, когда листы были поданы коменданту, чернила на них еще не высохли⁶⁰. Это обстоятельство весьма запутало ход расследования. Немецкие военные чиновники не видели разницы между личной подписью и написанием фамилии. Им было невдомек, что от руки написанные фамилии «Тухачевский» и «Чернивецкий», стоявшие на листах, не являлись подлинными автографами этих двух офицеров. Разобраться в лукавой казуистике изобретательных русских немецким следователям так и не удалось. Чернивецкого осудили не за побег и нарушение слова, с ним обошлись очень гуманно, наказав за подделку документов и вместо расстрела приговорив к трехмесячному аресту. Поскольку следствие тянулось два месяца, их и вычли из общего срока, уменьшив его, тем самым, до месяца⁶¹.

Тема подделки документов и якобы нарушенного Тухачевским слова чести будоражит историков на протяжении почти 90 лет. Характерно, что обвинить Тухачевского было бы «выгодно» и его противникам—белоэмигрантам, и оппонентам из так называемых историков новой волны — и тем и другим неоспоримо яркая и столь же неоспо-

римо неоднозначная фигура Тухачевского в равной мере непонятна.

Не желая или не имея возможности искать документальные свидетельства, авторы такого рода публицистики компенсируют незнание безапелляционностью непроверенных суждений. Априорно «доказанная» ими бесчестность Тухачевского, якобы проявившаяся еще в юности, является тем ключевым основанием, которое дает возможность делать выводы о его «неблагонадежности». Вот лишь два типичных образчика такого рода умозаключений.

«Что такое «честное слово»? Перед карьерой, побегом, свободой, жизнью? Ткачев, предтеча Ленина, считал честное слово понятием, предназначенным специально для того, чтобы нарушать его перед дураками.

Да и французский генерал Бонапарт, чью биографию так хорошо знал Тухачевский, говаривал Талейрану: «Подлость? Э—э, не все ли равно! Ведь, в сущности, нет ничего на свете ни благородного, ни подлого, у меня в характере есть все, что нужно, чтобы укреплять мою власть и обманывать всех, кому кажется, будто бы они знают меня. Говорю откровенно — я подл, в корне подл, *je suis lache, essentiellement lache*; даю вам слово, я не испытал бы никакого отвращения к тому, что свет называет «бесчестным поступком»

»62.

«У Тухачевского же очень рано подверглось эрозии понятие об офицерской чести — еще тогда, в 17-м, в Ингольштадте, когда он бежал, нарушив обещание — комедия с подменой подписей дела не меняет, да, может, и сам эпизод, когда за Чернявского (даже фамилия капитана искажена. — Ю. К.) и Тухачевского расписались

другие, вообще придуман, чтобы хоть чуть-чуть облагородить совсем не благородный поступок будущего маршала. Ведь Тухачевский не мог не понимать, что его побег, связанный с нарушением честного офицерского слова, неизбежно вызовет ужесточение режима, в частности запрет прогулок в город, и ухудшение положения других пленных в Ингольштадте (как уже упоминалось, Тухачевский знал обратное. — Ю. К.). Его менее счастливого товарища Чернявского, прежде чем вернуть в лагерь, жандармы изрядно помяли в отместку за подлость. Тухачевскому же повезло. И нет никаких свидетельств, что он испытывал муки совести, подставив тех, с кем делил невзгоды плена»⁶³.

Первое утверждение принадлежит современнику Тухачевского, белоэмигрантскому историку и публицисту Роману Гуля. Второе — Борису Соколову, выпустившему в последние годы множество популярных монографий о ключевых фигурах XX века.

Не желая подробно комментировать эти цитаты, заметим лишь: подлинные документы и реальные факты, приведенные выше, дают, как представляется, основания считать инцидент «о честном слове Тухачевского», а вместе с ним и дискуссию об «эрозии чести» исчерпанными.

Через Швейцарию Тухачевский прибыл в Париж, явившись к русскому военному атташе — графу Игнатьеву (в будущем — автору знаменитой книги «Пятьдесят лет в строю»). День, пока оформлялись бумаги для следования в Россию, Тухачевский собирался посвятить Лувру, в который мечтал попасть с детства. Но, увы, музей был закрыт.

И тогда он отправился в музей Родена. Не известно, о чем думал подпоручик, глядя на «Мыслителя». Однако выбор музея неслучаен — Тухачевского привлекала эстетическая гармония силы, управляемой разумом. В двух шагах от музея Родена находится Дом Инвалидов, в соборе которого — саркофаг Наполеона. Любопытно, что никаких мемуарных упоминаний о посещении Тухачевским этого легендарного места нет. Хотя трудно поверить, что молодой офицер, еще в отрочестве страстно увлекавшийся историей наполеоновских войн и судьбой полководца, впервые оказавшись в Париже, проигнорировал его могилу... По распоряжению графа Игнатьева Тухачевскому были выданы деньги «в размере, необходимом для поездки до Лондона». Игнатьев же написал письмо российскому военному посланнику в Лондоне Ермолову, вверив бежавшего подпоручика его заботам.

После двух с половиной лет неволи Тухачевский прибыл в Россию — за несколько дней до октябрьского переворота.

Вернулся в страну, «события в которой не позволяли колебаться».

Источники и литература

1. Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне// ВИЖ, № 2,1993, с. 56.

2. Личный архив Ю. В. Хитрово. Арватова–Тухачевская Е. Н. Воспоминания о М. Н. Тухачевском, с. 5—6.

3. Bayer. Hauptstaatsarchiv Munchen, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Inf. Brig. №119/1 von 1917 «Strafbuchauszug», s. 3.

4. В свой полк из плена через шесть границ: Новые документы о М. Н. Тухачевском / Сост. Шабанов В. М. // Военно–исторический журнал, № 5,1996, с. 91.

5. РГВИА, ф. 291, оп. 1, д. 50, л. 18.

6. В свой полк из плена через шесть границ, с. 91.

7. Treffer C. Der Hauptmann Charles de Gaules in Ingolschtatter Kriegsgefangenschaft // Sammelblatt des Historischen Vereins Ingolstadt 91. Jahrgang, 1982, s. 220.

8. Ibid, s. 223.

9. Treffer G. Zur Ingolstadter des Sowjetmarschalls M. N. Tuchatschewski // Sammelblatt des Historischen Vereins Ingolstadt 89. Jahrgang, 1980, s. 243.

10. Ibid, s. 243

11. Fervacque P. Le chef de I... armee Rouge — Mikail Touratchewski.

Paris, 1928, p. 13.

12. Treffer G. Zur Ingolstadter des Sowjetmarschalls M. N. Tuchatschewski, s. 244.

13. Ibid, s. 245.

14. Кантор Ю. Михаил Тухачевский, маршал Советского Союза:

«Я хочу сделать вывод из этой гнусной работы» // Известия, № 32(26589), 21.02.2004, с. 10.

15. Ingolschtadt im Ersten Weltkrieg. Das Kriegsgefangenenlager.

Ingolstadt, 1999, s. 36.

16. Ibid, s. 39.

17. Ibid, s. 39.
18. Ibid, s. 45.
19. Ibid, s. 50.
20. Ibid, s. 48.
21. Никулин Л. Тухачевский: Биографический очерк. М.: Воениздат, 1964, с. 34.
22. Ingolschtadt im Ersten Weltkrieg. Das Kriegsgefangenenlager.
Ingolstadt, 1999, s. 54.
23. Treffer G. Zur Ingolstadter des Sowjetmarschalls M. N. Tuchatschewski, s. 244.
24. Bayer. Hauptstaatsarchiv Munchen, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Inf. Brig. № 289, von 1917. № 2, T. 1, von 1918, s. 15.
25. Никулин Л. Указ. соч., с. 35.
26. Fervacque P. Op. cit, p. 79.
27. Treffer G. Der Hauptmann Charles de Gaules in Ingolschtatter Kriegsgefangenschaft, s. 220.
28. Ingolschtadt im Ersten Weltkrieg, s. 78.
29. Возрождение. Париж, 1936.13 февраля. № 3907, с. 5.
30. В свой полк из плена через шесть границ, с. 91.
31. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича и др. Т. «Судебное производство». Конверт. «Записка о жизни от 27.09.1921».
32. Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1957, с. 276.

33. Fervacque P. Op. cit, p. 73—74.
34. Fervacque P. Op. cit, p. 20.
35. Treffer G. Der Hauptmann Charles de Gaules in Ingolstädter Kriegsgefangenschaft, s. 221.
36. Ingolstadt im Ersten Weltkrieg, s. 70.
37. Treffer G. Der Hauptmann Charles de Gaules in Ingolstädter Kriegsgefangenschaft, s. 220.
38. Ingolstadt im Ersten Weltkrieg, s. 72.
39. Bayer. Hauptstaatsarchiv München, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Inf. Brig. №119/1 von 1917 «Tatbericht», s. 1.
40. Bayer. Hauptstaatsarchiv München, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Inf. Brig. №119/1 von 1917 «Beleidigung», s.4.
41. Bayer. Hauptstaatsarchiv München, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Inf. Brig. №119/1 von 1917, s. 5–6.
42. Ibid, s. 8.
43. Ibid, s. 13.
44. Ibid, s. 5.
45. Bayer. Hauptstaatsarchiv München, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Inf. Brig. № 289, von 1917 - № 2, T. 1, von 1918, s.21(ruk)-22.
46. Bayer. Hauptstaatsarchiv München, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Inf. Brig. №119/1 von 1917, s. 23.
47. Treffer G. Zur Ingolstädter des Sowjetmarschalls M. N. Tuchatschewski, s. 245.

48. В свой полк из плена через шесть границ, с. 91.

49. Bayer. Hauptstaatsarchiv Munchen, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Inf. Brig. №119/1 von 1917 «Flucht», s. 31 (ruk).

50. Ibid, s. 33.

51. Bayer. Hauptstaatsarchiv Munchen, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Inf. Brig. № 289, von 1917 - № 2, T. 1, von 1918, «Tatbericht», s. 1.

52. Ibid, s. 5.

53. В свой полк из плена через шесть границ, с. 91—92.

54. Bayer. Hauptstaatsarchiv Munchen, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Inf. Brig. № 289, von 1917 - № 2, T. 1, von 1918, s. 9—11.

55. Bayer. Hauptstaatsarchiv Munchen, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Inf. Brig. № 289, von 1917 - № 2, T. 1, von 1918, «Flucht», s. 6—6(ruk).

56. Bayer. Hauptstaatsarchiv Munchen, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Inf. Brig. № 119/1 von 1917 «Beleidigung», s.31.

57. Bayer. Hauptstaatsarchiv Munchen, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Inf. Brig. № 289, von 1917 - № 2, T. 1, von 1918, s. 29, 58. Ibid, s. 13—15.

59. Ibid, s. 45—46.

60. Ibid, s. 47—48.

61. Ibid, s. 49.

62. Гуль Р. Б. Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. М.: Молодая гвардия, 1990, с. 48.

63. Соколов Б. В. Тухачевский. Жизнь и смерть красного маршала.

М.: Вече, 2003, с. 41.

4. СТРАННЫЙ ОКТЯБРЬ

Наша революция вверх дном перевернула все военное дело...1

К. Соколов

«Однажды уже в 1917 году... в деревне Вражское, во время обеда открылась дверь в столовую и вошел, как мне показалось в первый момент, незнакомый человек. Он настолько изменился, был так худ и измучен, что его невозможно было узнать, и только когда он улыбнулся, я его узнала. Как мы все тогда были рады и счастливы!»² — вспоминала многие годы спустя появление Тухачевского, вернувшегося из плена, его сестра Елизавета.

Из приказа по гвардии Семеновскому полку № 339:

«дер. Лука–Мала 27 ноября 1917 г.

§10 В[о] изменение § 11 приказа по полку от 27 февраля 1915 г[ода] за № 34 подпоручика Тухачевского 1–го^[15] считать не без вести пропавшим, а попавшим в плен к германцам в бою 19 февраля.

§11 Подпоручик Тухачевский 1–й после пятикратных попыток бежать из германского плена 18 сентября сего года перешел швейцарскую границу у станции Таинген и 16 октября с. г. прибыл в г. Петроград и зачислен в Семеновский резервный полк.

¹⁵ В Семеновском резервном полку кроме самого М. Н. Тухачевского служили и его братья Н. Н.Тухачевский и А. Н.Тухачевский, числившиеся в полковых списках соответственно как Тухачевский 2–й и Тухачевский 3–й.

§12 Подпоручика Тухачевского 1–го, прибывшего из гвардии Семеновского резервного полка, полагать налицо с 20 сего ноября.

§13 Подпоручик Тухачевский 1–й назначается временно командующим 9–й ротой»3.

Сразу же по прибытии в октябре 1917 года в Петроград Михаил Тухачевский был представлен командиром резервного гвардейского Семеновского полка полковником Р. Бржозовским к производству в капитаны. Как указывалось в его послужном списке, «для уравнивания в чинах со сверстниками»4. Однако документов, свидетельствующих о том, что он был произведен в этот чин, не сохранилось (или не существовало). Вероятно, что Тухачевский демобилизовался раньше, чем бумаги прошли необходимые инстанции.

Запасной гвардейский Семеновский полк фактически не расформировывался. Во–первых, потому, что это была самая боеспособная часть в Петрограде. Во–вторых, она была боеспособной частью именно потому, что в наименьшей степени подверглась революционному разложению: это была гвардия, элита.

«Офицеры и солдаты, в отличие от большинства других полков, представляли действительно настоящую «полковую семью». Это было достигнуто, не в последнюю очередь, очевидно, и благодаря достаточно большому числу младших офицеров из числа бывших фельдфебелей и унтер–офицеров полка. В то же время в запасной гвардии Семеновский полк было зачислено много кадровых фронтовых офицеров из основного гвардейского Семеновского полка, расформированного в конце декабря 1917 года»5.

Семеновский полк и до революции считался одним из самых верноподданнически настроенных. Многие офицеры, принимавшие участие в подавлении декабрьского восстания 1905 года в Москве, еще продолжали служить в полку.

Итак, Тухачевский прибыл в Петроград за несколько дней до большевистской революции — 16 октября 1917 года, а известие о ней застало его во Вражском.

Он вернулся в Петроград, где разом окунулся в бурлящую смесь новостей, впечатлений, эмоций. Для него, оторванного в течение двух с половиной лет от России, все было ново, а осколки старого, «застрявшие» в памяти, лишь усиливали тревожность этой новизны.

Офицерская среда, по которой он ностальгировал, поразила растерянностью и раздраженной негативностью восприятия происходящего. У Тухачевского пока не было опыта «проживания» перемен, произошедших со страной в его отсутствие. Он вынужден был переживать их ретроспективно — со слов однополчан. Но эта «ретроспектива» накладывалась на пронзительные ощущения, порожденные сегодняшним днем. У него не было времени анализировать. Да и о какой способности к трезвому анализу можно говорить, когда обретена столь долгожданная свобода, когда нервы на пределе, когда обуревают жажда действия. Стремление Тухачевского наверстать упущенное, участвуя в актуальных событиях, опрокинуло прежнюю систему координат, в том числе — нравственных.

«Его деятельной натуре, так долго лишенной живой работы, открывалось большое поле деятельности, чему он не мог не радоваться б, — вспоминала сестра Тухачевского Елизавета.

«Первые недели революции — время психологическое по преимуществу, время обнаженных нервов; время, когда народ, больше, чем когда-нибудь, живет только воображением, только чувством, только впечатлениями»⁷, — состояние двадцатичетырехлетнего Тухачевского в конце 1917 года абсолютно соответствовало этому наблюдению А. Ф. Керенского. В сознании подпоручика Тухачевского все прошлое было скучным, все настоящее вызывало дерзкое любопытство. Его привлекала политика действия, и только большевики демонстрировали ее в октябре–ноябре 1917 года. Ситуация в армии его раздражала, он выбрал то, что отвергло большинство, и...

стал большевиком.

К большевизму Тухачевский, как уже отмечалось, стал склоняться еще в плену.

«Революционер порвал с гражданским порядком и цивилизованным миром, с моралью этого мира... Для революционера все морально, что служит революции... Революционер уничтожает всех, кто мешает ему достигнуть цели»⁸.

Тухачевский в принципе не интересовался политикой как отвлеченной системой идеологических взглядов, он не был революционером по убеждениям, но был готов пойти вслед за теми, кто избавит Россию «от хлама старых предрассудков».

Учитывая склонность Тухачевского к языческому «варварству», его симпатия к большевикам также вполне объяснима.

«...По-видимому, он был лишен каких бы то ни было принципов, — обращал внимание Л. Сабанеев. — ...Он, видимо, готовился в сверхчеловеки»⁹.

Тухачевский был радикалом по мировоззрению: воинствующий, насмешливый атеизм, жажда «новой жизни», порожденная ощущением «упущенного времени», честолюбие, отсутствие жалости к окружающим, замеченное еще товарищами по плену. Набор качеств вполне большевистский. Не исключено, что «ущербность» происхождения, загнанная в подсознание, сыграла не последнюю роль в выборе пути.

Большевизм отвергал сословность. И принадлежность к крестьянству была теперь скорее плюсом. А дворянство давало возможность почувствовать себя исключительным в пролетарской среде. Эта «двойственность» импонировала Тухачевскому.

Но определяющей все-таки была жажда поступков без полутонов и неопределенности. Рефлексию Тухачевский уже в то время признавал только в литературе. Поэтому, учитывая, что его близкие знакомые — профессор московской консерватории, друг его отца Н. С. Жилев и «потомственный коммунист» Н. Н. Кулябко — были участниками революционного движения, его интерес к большевикам и последующее вступление в РКП (б) выглядят вполне логично.

Он играл в революцию. В этом он вполне соответствовал молодым жестоким романтикам из столичной интеллигенции.

В 1917 году жаждущему перемен поколению двадцатилетних та кровавая свобода еще казалась веселой...

О, кровь семнадцатого года, Еще, еще бежит она:

Ведь и веселая свобода Должна же быть защищена10.

Разумеется, свой выбор Тухачевский должен был мотивировать и для самого себя, и для «референтной группы» — бывших сослуживцев. Так поручик–преображенец Леонов, общавшийся с Тухачевским, вспоминал:

«За каким–то праздничным обедом или ужином, в офицерском собрании, офицеры жаловались на то, что солдаты распущены,

что с ними ничего поделать невозможно, что служить стало невозможно и т. п. Тухачевский долго молчал, а потом сказал, что сами офицеры во всем виноваты, что это офицеры позволяют командовать сволочи, а что он, Тухачевский, готов пари держать, что через два года он будет командовать этой сволочью и что она будет ходить туда, куда он ее погонит, как ходила при царе»¹¹.

Это была явная бравада выбором, своего рода — офицерская фронда.

«Было время, когда меня соблазняло вычитанное из «Бесов»:

«аристократ в революции обаятелен». В этом был своеобразный романтизм»¹², — писал Н. Бердяев в «Самопознании».

Тема аристократии в демократии оказалась жизненно актуальной и для Тухачевского, с юности увлекавшегося Достоевским.

В литературе постсоветского периода бытовало мнение о том, что Тухачевский выбрал коммунистическую партию, поскольку она открывала путь к карьере. Это не так. В начале 1918 года победа большевиков казалась призрачной даже им самим, наглядный пример февральской революции тоже убеждал в нестабильности ре-

жима, захватившего власть. Вероятность оказаться в лагере побежденных представлялась куда большей, нежели надежда на скорый карьерный рост. То был риск, и Тухачевский рискнул.

И, как казалось долгие годы, — выиграл. Известный либерал-веховец П. Б. Струве говорил:

«Самодержавие создало в душе, помыслах и навыках русских образованных людей психологию и традицию государственного отщепенства»¹³.

Это — о Тухачевском.

Русское офицерство встретило Октябрьский переворот, колеблясь между активным неприятием и индифферентностью.

Лишь единицы приветствовали его. Бывший прапорщик Семеновского полка Е. Кудрявцев сообщал:

«Нужно сказать, что встретило (революцию. — Ю. К.) поневоле «хочешь не хочешь, но встречай». Никто из офицеров, в том числе и я, в стойкость Советской власти не верили. На октябрьский переворот мы все смотрели, как на авантюризм, затеянный большевиками. Ленина и других вождей рабочего класса считали агентами и шпионами Германии»¹⁴.

Но такое же или близкое по «интонации» отношение сложилось к тому моменту в офицерской среде и к Временному правительству. Один из главных мотивов для критики — его неспособность обеспечить «порядок», показать «твердость власти», в первую очередь в борьбе с «анархией»¹⁵. Тухачевский, который еще в плену укрепился во мнении о «недееспособности» Временного пра-

вительства, демонстрировавшего властебоязнь, вернувшись в Петроград и пообщавшись с однополчанами, лишь подтвердил свои предположения.

Вместо обещанных успехов сильной и крепкой духом «свободной армии» обыватели видели рост анархии, дезертирства, содрогались от известий о новых военных неудачах.

Прославляемая «бескровная революция» сопровождалась продолжающимся кровопролитием на фронте, повсеместным распространением самосудов и стычек криминального свойства¹⁶.

«Началось брожение в армии, солдаты убивают офицеров, не хотят больше сражаться. Для России все будет кончено, все будет в прошлом»¹⁷, — зафиксировала в дневниках императрица Мария Федоровна. Эти эксцессы к осени 1917-го стали практически будничными. Генерал Н. Н. Головин писал:

«Произошел окончательный разрыв между двумя лагерями:

офицерским и солдатским. При этом разрыв этот доходит до крайности: оба лагеря становятся по отношению друг к другу вражескими.

Это уже две вражеские армии, которые еще не носят особых названий, но по существу это белая и красная армия»¹⁸.

И на этом тоже умело играли большевистские лидеры, внося раскол в армейскую среду.

«Офицеры, — отмечал в своем рапорте главнокомандующий Западным фронтом генерал В. И. Гурко, — не доверяют солдатам, так как чувствуют в них грубую силу,

которая легко может обратиться против них самих; солдаты видят в офицере барина и невольно отождествляют его со старым режимом. Полное лишение офицеров дисциплинарной власти выбило у них почву из-под ног»¹⁹.

Характеризуя общие настроения офицеров, полковник-преображенец Д. Зуев вспоминал:

«Развал монархии чувствовался офицерством, особенно офицерами военного времени, хотя и подобранными по классовому признаку, но близко связанными с политикой. Личный авторитет Николая был ничтожен, и зимой 1916–1917 гг. Гвардейский корпус втягивался в заговор о дворцовом перевороте. Активно февральской революции офицерство не сопротивлялось, не было ни сил, ни желаний»²⁰.

Отношение гвардейского офицерства к дальнейшим событиям Д. Зуев также обрисовал кратко, но весьма определенно.

Его информация тем более интересна, что касается она Преображенского полка, «братского» Семеновскому, ситуация в котором была схожей.

«Октябрь прошел в полку буднично, — вспоминал гвардии полковник, — небольшой борьбой эсеровской и социал-демократической (имеются в виду меньшевики. — Ю. К.) головки Полкового комитета с местными большевиками и принятия резолюции «Поддержки Петроградского гарнизона». В декабре на выборах Кутепов был смещен в писаря, это был сигнал к «свободе выбора», масса офицерства в 2—3 недели растаяла. Небольшая группа с Кутеповым прямо на Дон, многие к Родзянко, задержались и в большинстве погибли в Киеве, в ожидании Скоропадского, большинство вернулось «домой» в Петро-

град. 12 декабря 1917 года в деревне Лука–Мале я последний раз виделся с Кутеповым. Он мне предложил:

«Едем на Дон, или, если хочешь, доверши демобилизацию, езжай в Петроград, береги полковое добро и, когда немцы займут город, обереги вдов, жен и всех, кого надо». Я принял второе и остался до конца января демобилизовывать полк»²¹.

Очевидно, что с Кутеповым имели возможность общаться и руководители Семеновского полка, стоявшего в той же деревне.

В гвардейском Семеновском полку настроения разнились.

Д. Зуев полагал:

«Сохранилось много кадрового офицерства, наружно перекрасившегося, очевидно, была крепкая социал—демократическая или эсеровская организация. Полк с фронта привез множество пулеметов, гранат, патронов и т. п. Полк открыто выступает на Советской платформе, но находит себе удобный выход: оберегать революционный порядок и охранять Госбанк. Развитие этой политики привело к тому, что после полной ликвидации остатков гвардии Семеновский полк под наименованием — полк охраны им. т. Урицкого существовал до весны 1919 года, когда перешел около деревни Выра на сторону Юденича»²².

По воспоминаниям другого офицера–семеновца, бывшего полковника Л. Дренякина, арестованного в 1930 году:

«Во время встреч с 1918 по 1919 г. с офицерами Семеновского полка — Зайцевым Всеволодом, Орловым, Энгельгардтом, Гильшером, Поповым, Эссенем, Поливано-

вым и Бремером, они говорили: «Дальнейшее пребывание в Советской России становится невозможным. Власть, взятая большевиками, ведет к гибели родины. Чтобы не допустить этого, необходимо принять меры к тому, чтобы свергнуть Соввласть. Одним из практических методов для свержения Советской власти является непосредственная помощь белым. Оказание помощи белым надеялись осуществить через переход на сторону белых: к Деникину на юг, в Финляндию и т. д.»»23.

После захвата власти большевиками офицерству пришлось делать выбор: уйти или остаться. С одной стороны, казалось невозможным служить под властью врагов империи, с другой, уйти — значило оставить армию в руках людей, в массе своей не имевших представления об управлении ею. Некоторые склонялись к тому, чтобы признать власть Совнаркома — дабы спасти остатки армии. Часть офицеров, не представляя себе сути и задач большевистской партии, полагала, что большевики, взяв власть, будут заинтересованы в сохранении армии. Большинство же переходило на сторону белых генералов. Разумеется, в офицерской среде были и радикалы, симпатизировавшие большевикам. Но это — исключения.

Стремление к разрушению прежней власти неизбежно толкало большевиков к разложению старой армии. Армия стала ареной острой политической борьбы. Образование солдатских комитетов явилось значительным шагом углубления в воинской среде классовой дифференциации, вовлечения солдатских масс в политическую борьбу.

Эти меры поставили офицерство и в крайне тяжелое материальное положение, особенно в тылу.

«Положение офицеров, лишенных содержания, самое безвыходное, а для некоторых равносильно голодной смерти, так как все боятся давать офицерам какую-нибудь, даже самую черную работу;

доносчики множатся всюду, как мухи в жаркий летний день, и всюду изыскивают гидру контрреволюции»²⁴.

Тухачевский первое время даже не вступал в дискуссии о ситуации в стране: он внимательно слушал. И — делал выводы, не торопясь принимать решения. Капитан А. Типольт вспоминал:

«Мы встретились с М. Н. Тухачевским лишь поздней осенью 1917 года, после его счастливого побега из плена. Стали видеться почти ежедневно. Нам было что вспомнить, о чем поговорить. Случилось так, что моя комната превратилась в своего рода полковой клуб. Сюда набивались офицеры, унтер-офицеры, солдаты. Шум, споры, облака табачного дыма. Впечатление такое, будто все проснулись после многолетней спячки и каждый сейчас же, немедленно должен получить ответы на вопросы, терзавшие всех нас в последние месяцы. Михаил сосредоточенно прислушивался к нашей полемике, но сам высказаться не спешил. Чувствовалось, что в нем происходит напряженная внутренняя работа»²⁵.

«Революция только тогда имеет какой-либо смысл, когда она умеет защищаться», — этот лозунг Ленина Тухачевский понял и прочувствовал.

«Проблема власти была основной у Ленина и у всех следовавших за ним. Это отличало большевиков от всех других революционеров.

И они создали полицейское государство, по способам управления очень похожее на старое русское государство. Но организовать власть, подчинить себе рабоче-крестьянские массы нельзя одно силой оружия, чистым насилием... Большевизм вошел в русскую жизнь, как в высшей степени милитаризованная сила »²⁶, — писал Бердяев.

Зимой 1917/1918 года и весной 1918-го, когда миллионные солдатские массы хлынули с фронта в тыл, по всем дорогам, особенно вдоль железнодорожных путей, пошла невиданная еще волна бесчинств и насилия. Офицеры, даже снявшие погоны, становились жертвами скорых рас прав — по первому подозрению какого-нибудь «бдительного товарища». Множеству из тех, кто пробирался к семьям, не суждено было с ними встретиться. Опасность исходила отовсюду — от разгулявшейся толпы на станциях, от местных большевистских комендантов, исполкомов, чрезвычайных комиссий и т. д., наконец, от любого, пожелавшего доказать преданность новой власти доносом на «гидру контрреволюции»... От солдат, которым могла показаться подозрительной чья-то «чересчур интеллигентная » внешность. У Тухачевского этот «недостаток» был ярко выраженным. Но он, несмотря на «чуждую», аристократическую внешность и подчеркнута непролетарские манеры, видимо, умел находить общий язык с простым народом.

«Я снова прибыл на фронт, где и был вскоре избран ротным командиром»²⁷, — писал Тухачевский. Избрали, несмотря на предубеждение к «золотопогонникам».

Подвигнуть большинство офицеров на защиту Временного правительства было невозможно: эмоциональное впечатление от восьми месяцев травли собственным

«начальством » было исключительно сильно. Поэтому, когда Временное правительство пало, очень многие, совершенно не обманываясь относительно дальнейшей своей участи, тем не менее испытали даже некоторое злорадство.

«События застали офицерство врасплох, неорганизованным, растерявшимся, не принявшим никаких мер даже для самосохранения 28 ния — и распылили окончательно его силы» .

Массовой поддержки офицерства правительство не получило.

Весьма характерный разговор состоялся 4 ноября по прямому проводу между генералами В. А. Черемисовым и Я. Д. Юзефовичем.

«Пресловутый «комитет спасения революции», — говорил Черемисов, — принадлежит к партии, которая около восьми месяцев правила Россией и травила нас, командный состав, как контрреволюционеров, а теперь поджала хвосты, распустила слюни и требует от нас, чтобы мы спасли их. Картина безусловно возмутительная»²⁹.

Деникин утверждал:

«Позволю себе не согласиться с мнением, что большевизм явился решительной причиной развала армии: он нашел лишь благодатную почву в систематически разлагаемом и разлагающемся организме»³⁰.

Кроме политических обстоятельств, способствовавших разложению царского офицерства, были обстоятельства «внутрицеховые», порожденные Первой мировой:

«наиболее распространенный тип довоенного офицера — потомственный военный (во многих случаях и потомственный дворянин), носящий погоны с десятилетнего возраста — пришедший в училище из кадетского корпуса и воспитанный в духе безграничной преданности престолу и отечеству, — практически исчез»³¹.

Кстати, Тухачевский относился именно к этому, «уходящему» типу офицерства — потомственный дворянин, потомственный военный, пришедший в училище из кадетского корпуса. Но «духа безграничной преданности» не имел категорически, с детства.

Социальный состав офицерского корпуса к 1917 году резко изменился. «Качественный уровень» упал: прапорщики запаса и абсолютное большинство офицеров ускоренного производства были по своей сути не военными людьми, а произведенные из унтер-офицеров, имея неплохую практическую подготовку и опыт войны, не обладали ни достаточным образованием, ни офицерской идеологией и понятиями. Но чувство офицерского долга у людей, которые вряд ли могли рассчитывать на офицерское звание в обычных условиях, было даже более обостренным, и нежелание расставаться с погонами дорого обошлось многим после Октябрьского переворота. При этом, как отмечал Н. Н. Головин, «в состав младших офицеров войсковых частей Действующей армии приходил только тот интеллигент, который устоял от искушения «окопаться в тылу»; таким образом, в среде молодых поколений нашей интеллигенции создавался своего рода социальный отбор наиболее патриотично и действительно настроенного элемента, который и собирался в виде младших офицеров Действующей армии.

Но при столь большом количественном росте офицерский корпус не мог не наполниться и массой лиц не просто случайных (такowymi было абсолютное большинство офицеров военного времени), но совершенно чуждых и даже враждебных российской государственности. Если во время беспорядков 1905–1907 годов из 40 тысяч членов офицерского корпуса, спаянного единым воспитанием и идеологией, не нашлось и десятка отщепенцев, примкнувших к бунтовщикам, то в 1917 году среди почти трехсоттысячной офицерской массы оказались, естественно, не только тысячи людей, настроенных весьма нелояльно, но и многие сотни членов революционных партий, ведших соответствующую работу»³².

16 декабря [1917] был опубликован декрет «Об уравнивании всех военнослужащих в правах», провозглашавший окончательное устранение от власти офицеров и уничтожение самого офицерского корпуса как такового, а также декрет «О выборном начале и организации власти в армии». О впечатлении, произведенном этими декретами даже на тех офицеров, которые уже было смирились с новой властью, имеется авторитетное свидетельство наиболее видного из них — М. Д. Бонч-Бруевича:

«Человеку, одолевшему хотя бы азы военной науки, казалось ясным, что армия не может существовать без авторитетных командиров, пользующихся нужной властью и несменяемых снизу... генералы и офицеры, да и сам я, несмотря на свой сознательный и добровольный переход на сторону большевиков, были совершенно подавлены...

Не проходило и дня без неизбежных эксцессов. Заслуженные кровью погоны, с которыми не хотели

расстаться иные боевые офицеры, не раз являлись поводом для солдатских самосудов»³³.

На это время приходится и наибольшее число самоубийств офицеров (только зарегистрированных случаев после февраля было более 800), не сумевших пережить краха идеалов и крушения русской армии.

«Михаил Николаевич уехал на фронт и снова вернулся приблизительно в декабре. Была зима, лежал снег. Мы остались в тот год на зиму в деревне. Крестьяне с Вражского на сходе постановили выдать нам хозяйство из имения нашего дяди, в память нашего отца и бабушки, как они добавили, — вспоминала Елизавета Тухачевская.

— Мы занимались хозяйством. Еще по привычке отапливали весь дом, что требовало много дров. Приходилось ежедневно ездить в лес за дровами. Миша ездил с нами всякий раз, спиливал деревья, распиливал их и коллот. Всю тяжелую работу он брал на себя, нам же, девочкам, оставлял все, что полегче. В этот приезд он ежедневно занимался с нами, и весь месяц, который он прожил тогда во Вражском, прошел незаметно и весело, и помню, как нас огорчило его решение снова уехать. Предполагаю, что он уехал в начале января»³⁴.

«В начале 1918 года я прибыл в Москву и по рекомендации партийных товарищей начал сотрудничать в Военном Отделе ВЦИК у тов. Енукидзе»³⁵, — писал Тухачевский в «Записке о жизни». Авель Енукидзе — председатель Военного отдела ВЦИК — стал первым большевистским начальником Михаила Тухачевского. В функции отдела входили подготовка законодательных актов по вопросам военного строительства и общее руководство военной деятельностью Советов.

28 января 1918 года был издан декрет о создании Красной армии, 30 января — «О социалистическом Рабоче-Крестьянском Красном Флоте», 8 апреля — «О волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатах по военным делам». 22 апреля ВЦИК принял декрет «Об обязательном обучении военному искусству», согласно которому было введено всеобщее военное обучение. Одновременно большевики, осознавшие бесперспективность института выборности командиров, отменили предписывавший его закон. У Тухачевского — море ответственности, вдохновлявшей работы. И снова отсутствие времени — да и желания — анализировать.

К моменту подписания Брестского мира Красная армия состояла из разрозненных отрядов и частей, которыми управляли различные «советы», чрезвычайные «штабы», комитеты и избранные красноармейцами командиры. Единого органа управления и формирования Красной армии, руководства ее боевыми действиями, обороной страны не существовало. Большевистская коллегия Наркомвоена, в составе которой еще не было военных специалистов, с ролью такого органа не справилась. Первоочередной проблемой стала организация централизованного военного управления. 4 марта 1918 года постановлением Совнаркома за подписью Ленина был учрежден Высший Военный совет (ВВС) с подчинением ему всех центральных органов военного ведомства. Упразднялась должность Главковерха (Верховного главнокомандующего), распускался Комитет революционной обороны, расформировались Всероссийская коллегия по организации и управлению РККА, революционный полевой суд при Ставке. В отличие от Наркомвоена, ВВС составлялся не только из видных военных работников партии, но в большинстве своем из военных специалистов. ВВС поручалось

руководство строительством армии и флота на основе военной науки и руководство их боевой деятельностью. В Высший Военный Совет вошли 86 бывших царских офицеров — там было 10 генералов, 26 штаб-офицеров, 22 капитана и 30 младших офицеров 36. Потому отрицать их роль бессмысленно. И упрощать — тоже.

Пост Наркомвоена занял Л. Д. Троцкий, разделявший позицию Ленина о привлечении военспецов к строительству армии. Именно Троцким написано первое обращение к офицерам русской армии с призывом принять участие в защите независимости Родины, а также постановление ВВС и Наркомвоена о широком привлечении в армию бывших офицеров и генералов под контролем военных комиссаров 37.

Хотя в первые месяцы после Октябрьского переворота систематического привлечения офицеров большевиками не велось, некоторые из них сами предлагали свои услуги.

Для настроения этой части офицерства характерна такая, например, телеграмма капитана Ф. Л. Григорьева:

«В случае потребности в офицерах Генерального штаба для будущей постоянной армии, предназначенной для борьбы с внешним врагом, прошу о зачислении меня на какую-либо должность Генерального штаба»38.

Обычно подчеркивалось, что имеется в виду именно борьба против внешнего врага, а не борьба с врагами большевиков внутри страны. Это вынужденное лицемерие — следствие внутреннего компромисса, на который шло офицерство, не желавшее оставаться сторонними наблюдателями происходившего. Записавшись в армию, невозможно было бы выбирать — каким приказам подчиняться, каким — нет. И это являлось для офицеров, разу-

меется, правилом непреложным. Записываясь в Генеральный штаб или на какие-то другие армейские должности, они автоматически шли на службу новому режиму.

Главную роль в привлечении офицеров на службу большевикам играла группа генералов во главе с М. Д. Бонч-Бруевичем.

Как писал сам Бонч-Бруевич, «завеса» — охрана внешних границ — «являлась в то время едва ли не единственной организацией, приемлемой для многих генералов и офицеров царской армии, избегавших участия в Гражданской войне, но охотно идущих в «завесу», работа в которой была как бы продолжением старой военной службы»³⁹.

За добровольческий период формирования Красной армии (с января по май 1918 года) в нее вступило 8 000 бывших офицеров (к середине июня — около 9 000)⁴⁰. Высшие командные должности в войсках также главным образом занимали офицеры. В период существования «завесы» — в первой половине 1918 года — все командные и штабные должности ее участков и отрядов (и развернутых позже на их основе дивизий) были заняты исключительно офицерами⁴¹.

Однако и первый этап привлечения военных специалистов на службу в Красную армию трудно назвать безболезненным даже для тех, кто пришел в РККА настроенным непредвзято.

Характерно в этом отношении по-большевистски прямолинейное предупреждение (в печати) председателя Петросовета Г. Е. Зиновьева о том, что Советская власть берет бывших офицеров на роль «денщиков» и выбросит их как «выжатый лимон» после использования. (Зиновьев не солгал — в начале 1930-х годов сотни военспецов

стали жертвами организованного НКВД планомерного истребления, вошедшего в историографию как дело «Весна».) В это время Тухачевский уже работал в военном отделе ВЦИК. Ленин, по свидетельству С. И. Аралова, в разговоре именно о Тухачевском заметил:

«...военные специалисты — это интеллигенция, вышедшая преимущественно из буржуазной и мелкобуржуазной среды... Они не белогвардейцы от рождения, особенно пехотинцы, армейцы»⁴².

Тухачевский активно брался за организационную работу по созданию армии нового типа, армии, призванной защищать новое государство, разрушая государство старое.

Это был скорее вопрос менталитета, чем военного дела.

Приходилось создавать армию для гражданской войны, обучая ее в боях с гражданами собственного государства.

Для этого требовалась «политическая воля» и — сила усмирения.

Енукидзе, как и старый друг Тухачевского Н. Н. Кулябко, дал ему рекомендацию для вступления в РКП(б)⁴³. 5 апреля 1918 года Тухачевский стал членом РКП (б). Этот поступок должен был определить его личную судьбу. А вот то, что он стал одним из инициаторов создания института комиссарства, определило на многие годы вперед судьбу армии.

Свидетельством «соучастия» служит «Проект организации курсов военных комиссаров», разработанный Тухачевским в июне 1918 года. В нем предлагалось, исходя

из ленинских положений, организовать курсы для обучения военных комиссаров.

«Окончив такие курсы, — писал Тухачевский, — военные комиссары будут вполне разбираться в обстановке, в требованиях военного искусства, а получив известный опыт на практике, легко сделаются самостоятельными революционными командирами»⁴⁴.

Тухачевский подчеркивал важность обучения военных комиссаров военным наукам в широком масштабе, «хотя бы и поверхностно». Особое внимание обращалось при этом на повышение уровня агитационно-пропагандистской работы в войсках путем проведения лекций, сообщений, собеседований «на разные темы по вопросам социализма и текущего момента»⁴⁵. Идеи Тухачевского были использованы при разработке программы для Центральных курсов военных комиссаров. Он действительно увлеченно работал. Именно большевики дали ему свободу действий.

Они способствовали его карьерному и профессиональному росту. И самолюбие подпитывалось успешностью, успешность укрепляла преданность.

«Уже весной, в апреле, когда разлилась вода, однажды вечером он пришел пешком весь мокрый, оживленный и радостный, — вспо минала Елизавета Тухачевская. — Он рассказал, что ямщик согласился его везти только потому, что давно знал нашу семью и не захотел ему отказывать, так как помнил его еще маленьким. Но довез его только до дер. Варварки, через которую протекала речка. Мост был неисправен, и ямщик дальше не поехал. Когда они подъехали к речке, лед уже тронулся, но, как Михаил Николаевич рассказал, возможно, чтобы не беспокоить мать, что льдины двигались очень медленно.

Ему не хотелось возвращаться обратно, не повидав-шись, и он начал перебираться через речку, прыгая с льдины на льдину, а остальные 8 км от этой деревни до нас прошел пешком разлившимися полями.

Он был совершенно мокрый. В этот приезд Михаил Николаевич был очень оживленным, довольным и в отличном настроении. Предстоящая работа видимо увлекала его. Он верил в успех того дела, за которое взялся... Он рассказал нам, что вступил в коммунистическую партию и едет уполномоченным по организации Красной Армии. На сомнения матери, откуда же взяться армии, если ее больше не существует, он долго разъяснял, что он не один, что есть множество людей, которые стремятся к этому и бесспорно армия будет создана.

Пробыв у нас один день, он уехал, и месяца два мы о нем ничего не знали. Он не писал. Мать очень беспокоилась»⁴⁶.

8 мая ЦК партии принял постановление, обязывающее коммунистов пройти курс обучения военному делу. Все эти меры подготовили переход к всеобщей воинской повинности, которая и была введена несколько позже. Наркомвоен в недельный срок должен был разработать план мобилизации в Донской и Кубанской областях, как подверженных наибольшей угрозе, и в Москве и Петрограде — главных промышленных центрах. Тухачевского командировали на Дон, в район предстоящей мобилизации⁴⁷.

«Работая в Военном Отделе, инспектировал формирование Красной Армии в губерниях: Рязанской, Тамбовской и Воронежской, а также в Области Войска Донского, где участвовал в стычках с белогвардейскими казачьими войсками»⁴⁸.

Обследовав по заданию военного отдела ВЦИК ход организации Красной Армии эти регионы, Тухачевский в докладе 18 мая 1918 года сообщил об огромных трудностях:

«В Рязанской губернии возникший во время февральского выступления германской армии военно-революционный комитет объявил военный комиссариат своим отделом, не подчинился решению губернского Совета о своем роспуске, опираясь на вооруженную силу, поставил себя вне контроля и, по существу, подавил деятельность военкомата... Тамбовский губернский военкомат хотя и был создан, но не все отделы были сформированы... Воронежский губвоенкомат организуется, но в нем нет вдохновляющегося руководителя, ощущается крайняя нужда в деньгах и технических средствах»⁴⁹.

В докладе об итогах работы Тухачевский также отмечал:

формирование армии путем вербовки не позволяет развернуть массовые вооруженные силы. (Возможно, его идеи сыграли не последнюю роль в подготовке и издании постановления ВЦИК от 29 мая 1918 года о переходе к всеобщей мобилизации рабочих и крестьянской бедноты в Красную армию.) Тухачевский, признавая необходимость призыва в армию офицеров старой армии, предложил развернуть сеть военных училищ, «чтобы уже к осени иметь своих социалистических командиров»⁵⁰.

Одновременно предлагалось обучать командные кадры «путем чтения военных сочинений, чтения докладов на военные темы, решения тактических задач и ведения военной игры». В целях распространения военных знаний рекомендовалось «организовать ряд общедоступных лекций о тактике, стратегии и военной истории для

пролетариата »51. Это предложение соответствовало требованию декрета ВЦИК «Об обязательном обучении военному искусству».

Работа Тухачевского в Военном отделе была замечена.

21 мая 1918 года Енукидзе рекомендовал его на должность губернского военного комиссара.

«Настоящим военный отдел рекомендует предъявителя сего тов.

Тухачевского на должность комиссара, как одного из опытных сотрудников отдела. Тов. Тухачевским были обследованы: Рязанская, Тамбовская, Воронежская губернии и область Войска Донского в организации Красной армии, о чем им был представлен обстоятельный доклад, где им сделана масса ценных указаний. Тов. Тухачевский, по мнению отдела, вполне может справиться с обязанностью губернского комиссара»52.

«Удостоверение № 2018 от 18.06.18 Военный отдел ЦИК удостоверяет, что предъявитель сего тов.

Тухачевский работал в отделе, на него было возложено несколько серьезных поручений, которые он выполнил с полным знанием дела и всегда добросовестно и аккуратно. В его лице мы можем иметь знающего и дельного работника. Председатель Военного отдела ВЦИКА. Енукидзе»53.

Кроме Енукидзе, еще один человек сыграл ключевую роль в начальной военной карьере Тухачевского — председатель Всероссийского бюро военных комиссаров (Всебюровоенком) К. К. Юренев. В те месяцы он являлся членом коллегии Наркомвоена, членом коллегии по формированию Красной армии и председателем Всероссий-

ского бюро военных комиссаров. По его предложению народный комиссар по военным и морским делам Л. Д. Троцкий 27 мая назначил Тухачевского военным комиссаром штаба Московского района⁵⁴. Именно Юрленеву подчинялся Тухачевский как военный комиссар Московского района.

Он активно теоретизировал на тему строительства Красной армии:

«В условиях нашей бедноты и разрухи наиболее желательным является способ казарменной подготовки.

Казарма теперь перестала быть страшным словом. Став на службу советским интересам, она потеряла все свои «скалозубовские» свойства.

Вместо палочной лаборатории превращения рабочего и крестьянина в забитого защитника прав и богатств помещика и капиталиста, казарма сделалась школой революции, школой защиты ее, она сделалась трудовой школой коммунизма... В старой армии и гарнизонная служба считалась лучшим средством для развития в солдате чувства долга, находчивости, решительности и дисциплины. При правильной постановке дела это и в Красной армии будет играть столь же выдающуюся роль... Надо только ставить военно-воспитательные задачи, пояснять причины голода и холода, и гарнизонная служба будет вести Красную армию не к разложению, а к укреплению»⁵⁵.

И подробно останавливался на роли военных комиссаров в выполнении военно-воспитательных задач, отвергая двуначалие в армии и деление ее руководства на политическое и сугубо военное, настаивая при этом на сосредоточении обоих этих функций в одном лице:

«Органом, осуществляющим боевую подготовку Красной армии в полном ее объеме, должен быть красный командир, единоличной и всецело ответственный за подготовку своей части в общем духе подготовки и воспитания Красной Армии. Только таким образом можно добиться полной спайки командира с политическими задачами Рабоче–Крестьянской Красной Армии и с всесторонней военотехнической подготовкой навыков для движения войск на вероятную смерть во имя идей социалистической революции... Мы прекрасно знаем, что одна техническая подготовка войск не может обеспечить победы. Решающим элементом является дух войск... Институт военных комиссаров, очень многочисленный и до сих пор в полном объеме проводивший эту духовную политическую подготовку войск, конечно, должен занять в командном вопросе первенствующую роль... Итак, орган, осуществляющий подготовку Красной Армии, есть красный командный состав, в который и должен влиться и комиссарский состав»⁵⁶.

Как видно, Тухачевский без труда и очень органично вписался в систему идеологической риторики большевиков.

Вчерашний поручик–семеновец и нынешний комиссар-большевик Тухачевский прощался с бывшими «своими», чтобы отныне раз и навсегда стать своим у будущих хозяев страны.

«Тухачевский завтракал у нас, во флигеле Семеновского полка...

— вспоминала эта женщина (г–жа Бржозовская, жена командира полка. — Ю. К.) много лет спустя, находясь в эмиграции. — Тухачевский произвел на меня самое отрадное и неизгладимое впечатление.

Красивые лучистые глаза, чарующая улыбка, большая скромность и сдержанность. За завтраком муж шутил и пил за здоровье «Наполеона», на что Тухачевский только улыбался. Сам он мало пил. После завтрака мой муж, я и еще несколько наших офицеров уехали провожать его на вокзал, так как он уезжал в Москву.

... мне почему-то казалось, что он способен стать «Героем». Во всяком случае, он был выше толпы. Я редко ошибаюсь в людях, и мне было особенно тяжело, когда впоследствии я узнала, что он будто бы вполне искренне стал большевиком. (...) Я сказала ему, когда мы расставались: «Прощайте! Благословляю Вас на Великие Дела!»

...Он поцеловал мне руку, посмотрел на меня искренним серьезным взглядом и сказал: «Постараюсь»»⁵⁷. Он сдержал обещание.

«...В июне 1918 года неожиданно к нам приехал военный, назвавший себя адъютантом Михаила Николаевича, — писала Елизавета Тухачевская. — Этот адъютант... рассказал нам, что Михаил Николаевич командует 1 Красной Армией. Он привез нам письмо и по-моему немного денег. После этого Михаил Николаевич больше не исчезал и всегда или писал, или давал о себе знать каким-нибудь другим способом. Помню, что вскоре мать ездила к нему в Инзу»⁵⁸.

То было начало большого пути. Гражданская война открыла Тухачевскому путь в «новый мир».

Источники и литература

1. Минаков С. Сталин и его маршал. М.: Яуза, Эксмо, 2004, с. 16.

2. Из архива Ю. В. Хитрово Арбатова–Тухачевская Е. Н. Воспоминания о М. Н. Тухачевском, с. 6—8.
3. В свой полк из плена через шесть границ: Новые документы о М. Н. Тухачевском / Сост. Шабанов В. М. // Военно–исторический журнал, № 5, 1996, с. 92.
4. РГВИА. Послужной список М. Н. Тухачевского, л. 1.
5. Минаков С. Указ. соч., с. 184.
6. Из архива Ю. В. Хитрово Арбатова–Тухачевская Е. Н. Воспоминания о М. Н. Тухачевском, с. 7—8.
7. Керенский А. Ф. Издалека: Сб. статей (1920–1921). Париж, 1922, с. 241.
8. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма.
М.: Наука, 1990, с. 52.
9. Опишня И. Тухачевский и Скоблин. Из истории одного предательства // Возрождение. Париж, 1955. Тетрадь, № 39, с. 110.
10. Кантор Ю. З. Петербург. Эрмитаж. Пиотровские. СПб.: ИскусствоСПб., 2004, с. 60.
11. Минаков С. Указ. соч., с. 188.
12. Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии.
Л.: Лениздат, 1991, с. 118.
13. Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины: Сб. статей о русской революции.
М., 1990, с. 237–239.

14. Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР в 1930—1931 годы. М., 2000, с. 390.
15. Архипов И. А. Российская политическая элита в феврале 1917:
Психология надежды и отчаяния.
СПб.: Изд-во С. — Петерб. ун-та, 2000, с. 290.
16. Там же, с. 330.
17. Дневники императрицы Марии Федоровны (1914—1920, 1923 гг.). М.: Вагриус, 2005, с. 13.
18. Волков С. В. Трагедия русского офицерства.
М.: Центрполиграф, 2002, с. 509.
19. Первая Мировая война. Дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. академик РАН Ю. К. Писарев, д. ист. н. В. Л. Мальков.
М.: Наука, 1994, с. 159.
20. Минаков С. Указ. соч., с. 185.
21. Тинченко Я. Указ. соч., с. 343—344.
22. Там же, с. 348—349.
23. Там же, 348—393.
24. Будберг А. П. Дневник // Архив русской революции. XII,
с. 262—263.
25. Типольт А. А. Такое не забывается // Маршал Тухачевский:
Воспоминания друзей и соратников. М.: Воениздат, 1965, с. 20.

26. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990, с. 99.
27. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича и др. Т. «Судебное производство». Конверт. «Записка о жизни от 27.09.1921».
28. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1, ч. 2, с. 141.
29. Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М.: Центрполиграф, 2002, с. 37–38.
30. Красная летопись, № 6, 1926, с. 12.
31. Волков С. В. Указ. соч., с. 11.
32. Там же, с. 13.
33. Бонч–Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М., 1957, с. 227–228.
34. Из архива Ю. В. Хитрово. Арватова–Тухачевская Е. Н. Воспоминания о М. Н. Тухачевском, с. 6–7.
35. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича и др. Т. «Судебное производство». Конверт. «Записка о жизни от 27.09.1921».
36. Волков С. В. Указ. соч., с. 325.
37. Рабочая и Крестьянская Красная армия и Флот. 1918. 27 марта.
38. Спирин Л. М. В. И. Ленин и создание командных кадров // Военно–исторический журнал, 1965, № 4, с. 11–12.
39. Волков С. В. Указ. соч., с. 312.
40. Там же, с. 314.
41. Там же, с. 326.

42. Арапов С. И. Ленин вел нас к победе. М.: Госполитиздат, 1962, с. 97.
43. Дайнес В. О. Михаил Николаевич Тухачевский // Вопросы истории, № 10, 1989, с. 41.
44. Военно–исторический журнал, 1973, № 2, с. 80–83.
45. Дайнес В. О. Указ. соч., с. 42.
46. Из архива Ю. В. Хитрово Арватова–Тухачевская Е. Н. Воспоминания о М. Н. Тухачевском, с. 7–8.
47. Тодорский А. И. Маршал Тухачевский. М.: Политиздат, 1966, с. 29–30.
48. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича и др. Т. «Судебное производство». Конверт. «Записка о жизни от 27.09.1921».
49. Черемных В. М. На защите завоеваний революции. Военно–организационная деятельность ВЦИК в первые годы революции. М., 1988, с. 219–234.
50. Там же, с. 233.
51. Там же, с. 235.
52. ГАРФ, ф. 1235, оп. 79, д. 20, л. 257.
53. ГАРФ, ф. 1235, оп. 79, д. 33, л. 181.
54. Дайнес В. О. Указ. соч., с. 42.
55. Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М.: Воениздат, 1964, т. 1, с. 95–96.
56. Там же, с. 97–98.
57. Минаков С. Указ. соч., с. 191–192.

58. Из архива Ю. В. Хитрово Арватова–Тухачевская
Е. Н. Воспоминания о М. Н. Тухачевском, с. 7—8.

5. СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ

Кто жесточе — красные или белые?

Вероятно, — одинаково...

В России любят бить, — безразлично кого.

М. Горький¹

Историю пишут победители. В гражданской войне победителей быть не может: она априори проигрышна, ибо в ней погибает народ. Братоубийственная война выгодна только представителю одержавшей верх политической группировки. Силы, приходящие к власти в результате гражданской войны, чаще всего авторитарны и объективно писать историю не способны. Они предпочитают ретроспективно конструировать ход своих действительных и мнимых побед. Не случаен афоризм: первой жертвой войны являются не только люди, но и правда о ней. Россия за четыре года (1918—1922) Гражданской войны потеряла 13 миллионов. Из них около двух миллионов человек покинули страну, на полях сражений потери красных и белых составили примерно столько же. Жертвами террора стали полтора миллиона россиян, около 300 тысяч из них были евреи, убитые во время погромов, проводимых и белыми, и красными. Семь с половиной миллионов мирного населения погибли от болезней и голода².

Карьера Тухачевского в Гражданскую войну началась с невиданного взлета — он сразу стал командующим армией.

Для человека, не верящего в свою исключительность, это могло бы оказаться неподъемным испытанием.

«Русская революция дала своих красных маршалов — Ворошилов, Каменев, Егоров, Блюхер, Буденный, Котовский, Гай, но самым талантливым красным полководцем, не знавшим поражений в Гражданской войне, самым смелым военным вождем красной армии III интернационала оказался Михаил Николаевич Тухачевский.

Тухачевский победил белых под Симбирском, спасши Советы в момент смертельной катастрофы, когда в палатах древнего Кремля лежал тяжело раненый Ленин. На Урале он выиграл «советскую Марну» и, отчаянно форсировав Уральский хребет, разбил белые армии адмирала Колчака и чехов на равнинах Сибири. Он добил и опрокинул на французские корабли армию генерала Деникина»³, — писал историк и публицист «белоэмигрант» Роман Гуль.

Ни один из полководцев первых лет Советской власти не участвовал в таком количестве знаковых военных событий, ни один не укрепил новый политический строй столькими победами. Если взглянуть на «график» передвижения армий Тухачевского по России в 1918—1920 годах, можно поразиться этой лихорадочной жизни взахлеб:

названия городов, имена белых генералов, бои, в основном, победоносные, — рябящий калейдоскоп. Позади у Тухачевского долгий плен и жажда действия, не находившая выхода. Гражданская война была для него прежде всего возможностью самореализации. «В одной, невероятной скачке вы прожили свой краткий век». Цветаевские строки о других героях совсем иной эпохи — и о Тухачевском.

Полный жестокой романтики век «демона Гражданской войны», как называли его современники, сколь яростен, столь же и краток. В невероятной скачке есть время для мыслей о завтрашних победах и нет — для серьезных размышлений о будущем. У Тухачевского не было времени оглядеться.

Осень 1918 года — для РКП(б) самый, пожалуй, трудный период за всю Гражданскую войну. Красная армия контролировала не более 1/15 территории бывшей Российской империи. Остановились заводы, недовольство охватывало рабочих, убеждавшихся, что громкие увлекающие обещания большевиков обернулись экономической разрухой и политическим диктатом. Крестьянство, недовольное продразверсткой, переставало поддерживать большевиков. Представители различных партий — от эсеров до анархистов — призывали к решительной борьбе против большевистского режима. Для подавления оппозиции большевики создали систему военизированных репрессивно-террористических органов. Кроме ВЧК появились Войска вооруженной охраны Республики (ВОХР), Части особого назначения (ЧОН), продармия.

Но у Советов не было боеспособной армии, без которой в условиях затяжной Гражданской войны невозможно было удержать власть. Главнокомандующий вооруженными силами А. Ф. Мясников в июне 1918 года представил Ленину и Свердлову докладную записку, в которой состояние дел характеризовалось как катастрофическое:

армии еще нет, ее необходимо срочно создавать⁴. Это было поручено Тухачевскому. Начало ответственной и эффективной.

В течение нескольких дней армией, существовавшей фактически только на бумаге, командовал бывший царский подпоручик А. И. Харченко, впоследствии перешедший к белым. 19 июня 1918 года Тухачевский был направлен на Восточный фронт, считавшийся в то время для Советской власти первоочередным:

«Предъявитель сего военный комиссар Московского района Михаил Николаевич Тухачевский командирован в распоряжение главкома Восточного фронта Муравьева для использования работ исключительной важности по организации и формированию Красной Армии в высшие войсковые соединения и командования ими»⁵.

По пути на фронт Тухачевский заехал к родным, в недавно оставленную чехословаками Пензу. Здесь он женился на Марии Игнатьевой — его возлюбленной еще с гимназических времен. Тухачевский шел по стопам отца, связав судьбу с девушкой не из дворянского сословия. (Брак, правда, продолжался менее двух лет: при невыясненных обстоятельствах жена командарма покончила с собой.) 27 июня 1918 года Тухачевский прибыл из Казани, где располагался штаб фронта, на станцию Инза, чтобы вступить в должность командующего 1-й Революционной армией — армией, которую ему предстояло сформировать из разрозненных отрядов. Командарму было 25 лет.

«Сами части, почти все без исключения, жили в эшелонах и вели так называемую «эшелонную войну», — вспоминал он позже. — Эти отряды представляли собой единицы чрезвычайно спаянные, с боевыми традициями, несмотря на короткое свое существование, но и начальники, и красноармейцы страдали необычайным эгоцентризмом.

Операции или бой они признавали лишь постольку, по скольку участие в них отряда было обеспечено всевозможными удобствами и безопасностью.

Ни о какой серьезной дисциплине не было и речи. Эти отряды, вылезая из вагонов, непосредственно и смело вступали в бой, но слабая дисциплина и невыдержанность делали то, что при малейшей неудаче или даже при одном случае эти отряды бросались в эшелоны и сплошной эшелонной «кишкой» удирали иногда по несколько сот верст (например, от Сызрани до Пензы). Ни о какой отчетности или внутреннем порядке не было и речи. Были и такие части (особенно некоторые бронепоезда и бронеотряды), которые нашему командованию приходилось бояться чуть ли не так же, как и противника. Такова была та тяжелая обстановка, в которой пришлось работать весной и летом 1918 года»⁶.

Через несколько дней Тухачевский прибыл в Симбирск, где отдал первый приказ — обращение к красноармейцам, «преамбулу», определившую его первые шаги в новой должности: «Напрячь все силы, чтобы раздавить контрреволюцию»⁷.

В 1-ю армию должны были объединиться части в районе Инза — Сызрань — Симбирск — Самара. Комиссаром стал Валериан Куйбышев (он прибыл на Восточный фронт по решению ЦК РКП(б) для политического укрепления — в составе группы из 200 коммунистов).

Уже в начале июля Тухачевскому удалось сформировать первые советские регулярные дивизии — Пензенскую, Инзенскую и Симбирскую. (Все они, особенно Симбирская — вошедшая в советскую историческую литературу как «Железная» под командованием Гая, — прославились на фронтах Гражданской войны своей стойкостью,

боеспособностью и жестокостью.) Тухачевский декларировал:

«Я знаю настроения офицерства. Среди него есть отъявленные белогвардейцы. Но есть и искренне любящие свой народ, родину.

Надо помочь им пойти с народом, а не против него»⁸.

Вопрос об использовании военспецов из царской армии дискутировался партийной верхушкой большевиков крайне жестко. С одной стороны, большевистские идеологи небезосновательно полагали: как бы критично ни относилось царское офицерство к разлагавшемуся к началу XX века самодержавию, но, веками воспитывавшееся в монархическом духе, вряд ли оно добровольно и станет искренне служить режиму племса, пришедшему к власти путем переворота. С другой стороны, было не менее очевидным, что создать боеспособную армию на голом энтузиазме наэлектризованной агитаторами толпы невозможно. Тем более, что этот энтузиазм стремительно спадал.

В период гражданской войны большинство кадровых офицеров поддержало белых:

«60 тыс. — у Деникина, 30 тыс. — у Колчака, более 10 тыс. — в других белогвардейских армиях. В добровольческий период Красной Армии в нее вступило 8 тыс.»⁹.

Причем к красным добровольно шли в основном офицеры в чине от прапорщика до капитана, к белым — представители всей армейской вертикали — от поручиков до генералов.

Советской власти нужны были штыки, этим штыкам — командиры, и во время острейшего кризиса 1918 года Ленин вынужденно принял решение об использовании «буржуазных военных» для нужд защиты революции:

«Если ставить вопрос в том смысле, чтобы мы только руками чистых коммунистов, а не с помощью буржуазных специалистов построили коммунизм, то это — мысль ребяческая... Без наследия капиталистической культуры нам социализма не построить.

Не из чего строить коммунизм, кроме как из того, что нам оставил капитализм»¹⁰.

С лета 1918 года большевикам, несмотря на крайнюю антипатию к бывшим офицерам, пришлось перейти к их мобилизации в массовом порядке. Условия для этого были самые благоприятные, ибо в крупных городах, находившихся под контролем красных, появилось множество офицеров, вернувшихся к своим семьям.

Принятие на учет военспецов последовало по приказу наркома по военным и морским делам Л. Д. Троцкого (№ 324 от 7 мая 1918 года). В Москве, по сообщению «Известий ВЦИК», на 15 июня 1918 года было зарегистрировано около 30 тысяч офицеров (в том числе 2500 кадровых), 2/3 которых принадлежали к артиллерии и другим специальным войскам¹¹.

Для укомплектования войск Восточного фронта командным составом Тухачевский и глава симбирских коммунистов И. М. Варейкис издали приказ о мобилизации офицеров бывшей царской армии. Он был опубликован 4 июля 1918 года и с этого же момента вступал в силу.

«Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика переживает тяжелые дни. Долг каждого

русского гражданина — взяться за оружие. Для создания боеспособной армии необходимы опытные руководители, а потому приказываю всем бывшим офицерам, проживающим в Симбирской губернии, немедленно стать под Красные знамена вверенной мне армии. Сегодня, 4 сего июля, офицерам, проживающим в городе Симбирске, прибыть к 12 часам в здание кадетского корпуса ко мне.

Командующий 1-й армией М. Тухачевский.

Товарищ председателя Симбирского губисполкома Иосиф Варейкис»¹².

Этот приказ в советской литературе обычно цитируется без последнего предложения: «Неявившиеся будут предаваться военно-полевому суду»¹³. Как видно, командарм уповал не только на силу слова: в арсенал «убеждения» с самого начала вводятся карательные меры.

Большевики культивировали антагонизм между царскими офицерами и одетой в шинели пролетарской массой.

В 1918 году он шел до открытой ненависти и превратился в своего рода бумеранг.

«Между солдатом и офицером всегда лежит широкая пропасть.

Солдат — мужик, крестьянин или рабочий, черная кость, мозолистая рука. Офицер — барин, чаще всего дворянин, голубая кровь, белоручка.

Солдат может бояться офицера, он может уважать его... И все таки они будут вечно чужие... Они вышли из разных классов»¹⁴, — гласила одна из их многочисленных пропагандистских листовок.

Принудительно мобилизовав в свои ряды царских офицеров, Красная армия усилила ею же инспирированную конфронтацию.

Офицеры, пришедшие на службу к большевикам, оказались в тяжелой морально–нравственной ситуации:

их жизнь или относительное благополучие были куплены ценой перманентных конфликтов, как внутренних, так и внешних. Люди их круга, недавние сослуживцы, считали их ренегатами, а мобилизовавшие военспецов им не доверяли.

Офицерам не то что не давали возможности «ассимилироваться», органично вписаться в новую армейскую среду — напротив, создавали условия для сегрегации. Трудно представить, что в этой обстановке Тухачевский чувствовал себя комфортно. Но он сделал выбор и следовал ему без сантиментов, тем более, имея щит высокой должности.

Понимая, без сомнения, психологическое состояние мобилизуемых и осознавая важность первого впечатления, 4 и 5 июля — дни начала призыва — Тухачевский лично принимал в губвоенкомате бывших офицеров.

«Он сидел в туго перехваченной ремнями гимнастерке со следами погон на плечах, в темно–синих, сильно поношенных брюках, в желтых ботинках с обмотками. Рядом на столе лежал своеобразный головной убор из люфы, имевший формы не то пожарной каски, не то шлема, и коричневые перчатки. Манеры Михаила Николаевича, его вежливость изобличали в нем хорошо воспитанного человека. У него не было ни фанфаронства, ни высокомерия, ни надменности. Держал себя со всеми ровно, но без панибратства, с чувством собственного достоин-

ства»¹⁵, — вспоминал один из призванных под красные знамена, приятель Тухачевского еще по пензенской гимназии Н. И. Корицкий, ставший его адъютантом в 1-й армии.

Мобилизованные офицеры, ожидавшие встречи с неотесанным «краскомом» были приятно удивлены, видя в командарме человека из своей среды. Это, несомненно, было важным психологическим фактором.

Воспитанная дворянской средой потребность всегда хорошо выглядеть — одна из основных черт Тухачевского на протяжении всей жизни. (Об этом вспоминали и его сослуживцы-офицеры, и товарищи по плену, и — позже — советское окружение.) Во время Гражданской многие его коллеги, бывшие царские офицеры, служившие в Красной Армии, стремились «слиться с фоном», стать своими среди солдат — рабочих и крестьян. Небритые лица, папиросы-самокрутки, нечищенная обувь и — уж конечно — заскорузлые ладони подтверждали статус «своего». Это — не про Тухачевского, не только обладавшего «породистой» внешностью, но остававшегося верным дореволюционным привычкам. Так, один из сослуживцев Тухачевского по «боевому 1919 году» вспоминал, что Тухачевский «всегда был в воротничке, в белоснежных манжетах и руки имел выхоленные с отточенными ногтями»¹⁶. Точно по Пушкину — быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей...

Одержимые шпиономанией особисты фиксировали как улики подтянутость и опрятность командарма, его холеные ногти и привычку надевать перчатки, садясь на лошадь, — метки презиравшегося революцией аристократизма. Плюс высокомерие и безапелляционность, подкрепленные неоспоримой успешностью. Все это раздра-

жало, порождало зависть, более того — ненависть. Тухачевский в 1919 году на некоторых сослуживцев производил «впечатление человека бесконечно самовлюбленного, не считающегося ни с чем, чтобы только дойти до своей цели, достигнуть славы и власти, не считаясь с тем, через чьи трупы она его приведет, не заботясь ни о ком, кроме себя»¹⁷. У Особого отдела не было недостатка в такого рода компромате на Тухачевского. И все же пока компромат ложился в стол — Тухачевскому «было позволено»

вести себя именно так. «Классово чуждые» вольности он с лихвой компенсировал военно-революционными услугами режиму.

16 июля Тухачевский прибыл в Пензу для организации мобилизационной работы.

«Проведенная в Пензенской губернии мобилизация дала Красной Армии 1 065 офицеров разных родов войск. Из них 465 человек отправились в 1-ю армию, 510 — в Пензенскую пехотную дивизию.

14 августа в результате дополнительной мобилизации в Красную армию было призвано 588 офицеров-артиллеристов и военных инженеров»¹⁸.

Примерно такие же показатели были и в других регионах, где проводилась мобилизация офицеров. (Параллельно на территории Восточного фронта повсеместно проводилась и всеобщая мобилизация. Так, 31 июля Тухачевский опубликовал в пензенской газете «Молот» приказ о призыве артиллеристов и кавалеристов, служивших в царской армии.) В целом по стране с лета до конца 1918 года «в советские войска было призвано 22 316 бывших офицеров... В рядах Красной армии числилось 526 офицеров царского Генштаба из них 160 — бывшие

генералы»¹⁹. Всего же с 12 июля 1918 года по 15 августа 1920 года в Красную армию было призвано 48 409 бывших офицеров, 10 339 военных чиновников²⁰.

В советской историографии (за немногими исключениями) роль бывших царских офицеров в РККА принято было всячески принижать, чтобы не возникло противоречия утверждениям тезису о «ведущей роли партии», «красных командирах — выходцах их народа» и т. п. идеологическим постулатам. Эта коммунистическая «стерилизация»

военно–политической истории тем более абсурдна, что предполагает цензурирование даже Ленина, признававшего необходимость привлечения офицерства:

«Если бы мы не взяли их на службу и не заставили служить нам, мы не могли бы создать армию... И только при помощи их Красная армия смогла одержать те победы, которые она одержала... Без них Красной армии не было бы... Когда без них пробовали создать Красную армию, то получалась партизанщина, разброд, получалось то, что мы имели 10–12 миллионов штыков, но ни одной дивизии, ни одной годной к войне дивизии не было, и мы не способны были миллионами штыков бороться с ничтожной регулярной армией белых»²¹.

Подавляющее большинство призванных честно служило советской власти, что было с горечью замечено в оппозиционной большевикам среде, лидеры которой понимали:

пока у красных есть боеспособность армия, надежда вернуть Россию на круги своя эфемерна. Лидер кадетов П. Н. Милюков констатировал:

«Вступив по той или другой причине в Красную Армию, военные специалисты, связанные привычной обстановкой строгой военной дисциплины, в большинстве служили Советской власти верно и лишь в редких случаях пользовались своей властью над солдатами для подготовки контрреволюционных выступлений»²².

Всего к концу 1918 года в РККА было призвано более 22 тысяч бывших офицеров и генералов²³. К 1920 году среди командного состава РККА бывшие офицеры составляли 92,3% командующих фронтами, 100% начальников штабов фронтов, 91,3% командующих армиями, 97,4% начальников штабов армий, 88,9% начальников дивизий и 97% начальников штабов дивизий²⁴.

Военные специалисты были поставлены под жесткий контроль Политуправления РВС, комиссаров, особых отделов.

Ленин признавался:

«Бывшие офицеры в Красной Армии окружены такой обстановкой, таким громадным напором коммунистов, что большинство из них не в состоянии вырваться из этой сети коммунистической организации и пропаганды, которой мы их окружаем»²⁵.

Создаваемой армии необходима была четкая организационная система, прочные штабы, жесткая иерархия и дисциплина. Еще более ей нужны были профессиональные командиры — кадровые офицеры, имеющие специальное образование и практический опыт. «Поручик–командарм» принялся за дело. Одной из сложнейших проблем, с которой приходилось бороться в новой армии, были ошеломляющие нарушения веками установившейся иерархии. Генералы царской армии могли оказаться — и оказывались — в подчинении у капитанов. Тухачевский,

в 1918 году шагнувший из поручиков (лейтенантов) в командармы (должность генеральская), в оценке этой ситуации был безапелляционен, объясняя труднооспоримые успехи 1-й армии «счастливым подбором» командного состава:

«На ответственные посты назначались лица не по своему прежнему стажу, а по способностям. У нас совершенно не стеснялись подчинять генералов подпоручикам»²⁶.

25-летний «нестеснительный» командарм делал комплимент самому себе. Уже в 1921 года он без ложной скромности вспоминал о тогдашних своих успехах:

«1-ая армия не только по номеру, но и на деле шла первой, как в области организационных успехов, так и в деле выявления и создания широкого и смелого маневра гражданской войны.

Формирование Красной Армии, как известно, долгое время носило стихийный характер. Сотни и тысячи отрядов самой разнообразной численности, физиономии, дисциплины и боеспособности, вот внешний вид Красной Армии до осени 1918 года»²⁷.

В это время Тухачевский много теоретизировал, размышлял о методологии «обработки масс», применяя в армии весь набор (впрочем, весьма ограниченный) мер воздействия, уже обкатанных большевистскими идеологами.

Сам Тухачевский идеологом большевизма ни в это время, ни позже не был, его интересовали результат, достижение цели. Впервые в советской военной практике он ввел армейские и дивизионные Военно-революционные трибуналы. И констатировал: вместе с комиссарской,

а значит, агитационной работой политотдела, учреждение трибуналов окончательно закрепило «утверждение дисциплины».

Мобилизация проходила отнюдь не в кабинетных условиях — по всему Поволжью шли бои. Уже 8 июля 1918 года Тухачевский телеграфировал в Москву заместителю председателя Всероссийского бюро военных комиссаров, члену ВЦИКа Н. Н. Кулябко:

«Тщательно подготовленная операция Первой армии закончилась блестяще. Чехословаки разбиты. Сызрань взята с бою»²⁸.

Однако дальнейшее наступление — на Самару, где в то время концентрировались главные силы белогвардейцев и материальная база для ведения войны — не получило развития из-за бунта, неординарного даже для Гражданской войны. Бунт был поднят самим командующим Восточным фронтом М. А. Муравьевым. Эсер, подполковник царской армии, протестуя против жесточайшего подавления в Москве антибольшевистского выступления его товарищей по партии, поднял мятеж. Уехав на пароходе «Межень» в Казань, он собрал отряд из своих приверженцев и прибыл в Симбирск. Выпустил воззвание «Всем рабочим, солдатам, казакам, матросам и анархистам!», где звал к всеобщему восстанию и разрыву Брестского мира, предлагал образовать «Поволжскую республику» во главе с левоэсеровскими лидерами, помириться с чехословаками и, прекратив Гражданскую войну, начать наступление против Германии.

Мятеж вспыхнул, когда заканчивалась подготовка к наступлению на Самару. Тухачевский получил сведения о том, что Муравьев выезжает в Симбирск для личного руководства самарской операцией. Последнее обстоятель-

ство Тухачевского радовало мало, как сам он позднее писал: «Муравьев наглядно увидел бы, что его планы не были точно выполнены, ...он мог бы изменить уже законченные приготовления», — приготовления, сделанные фактически вопреки приказам командующего.

Муравьев предлагал раздробить армию на семь колонн, которые должны были одновременно вести наступление на фронте. Реальные боевые действия вела бы одна из колонн, все остальные — лишь «демонстрировали», предприняв обходной маневр. Тухачевский категорически не соглашался:

«Я не мог проводить сознательно этот сумасшедший план в жизнь, и, поневоле, должен был внести коррективы»²⁹.

План Тухачевского сводился к тому, чтобы использовать Волгу как коммуникацию для продвижения войск от Симбирска до Самары, по берегам реки он намеревался пустить кавалерию и броневые автомашины, а на подводах — небольшие пехотные части.

Конфликт между Муравьевым и Тухачевским назревал и без того стремительно. Уверенный в себе командарм, к тому же окрыленный первыми эффектными победами, не терпел вмешательства в собственную деятельность. Осторожный, привыкший даже чрезмерно вникать в детали подготовки к операциям, Муравьев стремился осадить слишком активного подчиненного, давая подробнейшие директивы. Тухачевский не выдержал после того, как вследствие руководящего вмешательства Муравьева красные оставили Сызрань, о занятии которой командарм еще несколько дней назад телеграфировал в столицу. Он направил командующему Восточным фронтом беспреце-

дентную по степени нарушения субординации телеграмму.

«Главкому Муравьеву, Симбирск Сызрань оставлена. Хотел еще вчера начать наступление всеми силами, но броневому дивизиону было Вами запрещено двигаться, а потому наше наступление на Усолье и Ставрополь велось лишь жидкими пехотными частями.

Совершенно невозможно так стеснять мою самостоятельность, как это делаете Вы. Мне лучше видно на месте, как надо дело делать.

Давайте мне задачи, и они будут исполнены, но не давайте рецептов, это невыносимо. Неужели всемирная военная история еще недостаточно это показала?! Не считите этого заявления недисциплинированностью.

Поверьте, что я ценю Ваш пыл и не меньше Вас предан общему делу. Ведь армии, согласно уставу, тактике и стратегии, получают только задачи и директивы самого общего характера.

Даже приказание армиям избегают давать. Вы же командуете за меня и даже за моих начальников дивизий. Может быть, это было вызвано нераспорядительностью прежних начальников, но мне кажется, что до сих пор я не мог бы вызвать в этом отношении Вашего недовольства.

Я ничуть не считаю положение опасным. Я думаю, что нам необходимо свидеться. При первой возможности возвращусь. Немедленно перейду в наступление на Сызрань.

Командарм–1 Тухачевский 10 июля 1918 г.»30 11 июля Муравьев прибыл на пароходе в Симбирск — лично командовать операцией. Тухачевского, вызванного к не-

му для доклада, немедленно арестовали красноармейцы — по приказу главкома. Муравьев уехал на заседание симбирского губисполкома, а красноармейцы — по установившейся в Гражданскую войну традиции самосудов — вознамерились тут же расстрелять арестованного. Кто-то из них, правда, к счастью, успел спросить: «За что арестован?»

» Спокойный ответ нерастерявшегося командующего:

«За то, что большевик», — ошарашил их. Тухачевского освободили. О дальнейших событиях можно судить лишь по воспоминаниям участников происшествия: самого Тухачевского и комиссара 1-й армии В. Куйбышева.

«Муравьев прибыл в Симбирск без политического комиссара с 600 солдатами, заранее в Симбирске было сосредоточено около десятка броневиков. В 15 верстах от Симбирска Муравьев устроил на пароходе митинг и сообщил солдатам о цели поездки в Симбирск. Говорил туманно, солдаты ничего не поняли»³¹, — телеграфировал Куйбышев в Совнарком 14 июля 1918 года.

«Красноармейцы были взяты им наскоком. Он заговорил их, и они ничего не понимали и шли за Муравьевым, считая его старым «советским воякой». Также бессознательно перешел на сторону Муравьева и броневой дивизион, стоявший в Симбирске»³², — вспоминал Тухачевский.

По прибытии в Симбирск Муравьев расставил против почты и телеграфа пулеметы, окружил здание Совета броневиками и пулеметами и устроил митинг. Солдатам говорил об объявлении войны Германии, заключении мира с чехословаками, образовании Поволжской республи-

ки, в правительство которой войдут левые эсеры, максималисты, анархисты. Он выкрикивал:

«Да здравствует власть, долой гражданскую войну, с братьями чехословаками против Германии, да здравствует война с Германией!». Пока Муравьев дискутировал с секретарем симбирского губисполкома И. Варейкисом о создании Поволжской республики, Куйбышев, собрав верные большевикам латышские отряды и Московский полк, захватил пароход «Межень». Так и не найдя общего языка с коммунистами, разъяренный Муравьев покинул губком и был немедленно расстрелян коммунистической дружиной.

Временным исполняющим обязанности командующего Восточным фронтом был назначен Тухачевский, вскоре сдавший командование вновь назначенному комфронтом — И. Вацетису. Авантюрная «вспышка» под руководством Муравьева не только спровоцировала новый всплеск «красного террора» (следствие по муравьевскому делу и расправа с участниками восстания проводились со всей большевистской жестокостью), но и крайне негативно сказалась на ситуации в армии. Красноармейцы, получившие от Муравьева телеграммы о заключении мира с чехословаками и войне с Германией, сутки спустя получили извещение об измене Муравьева, его расстреле и о необходимости немедленно продолжить борьбу с чехословаками. Солдаты не знали, кому верить. В войсках, среди красноармейцев Муравьев зарекомендовал себя удачливым военачальником, «отцом солдат», еще на Украине, в боях против Центральной Рады. Войска охватила паника.

Тухачевский вынужден немедленно обратиться к наркому по военным делам Л. Д. Троцкому.

«Срочно. Вне очереди. Военная. Секретно. Лично.

Москва. Наркомвоен. Троцкому.

Ввиду крайне серьезного положения I армии, которая является в данное время единственной вполне боеспособной надежной группой, прошу самых точных, обширных сведений о создавшейся обстановке и планах на будущее. Армия после покушения бывшего главнокомандующего Муравьева, имевшего место в Симбирске, ...переживает серьезный момент... Необходимы срочные распоряжения и объяснения событий, намеренно скрываемых штабом главнокомандующего (речь идет о Муравьеве. — Ю. К.)... Это создает столь серьезные осложнения, которые без вашего срочного ответа неразрешимы.

Командарм-1 Тухачевский»³³.

Муравьевское восстание спровоцировало и очередной всплеск недоверия к «золотопогонникам». Комиссары и многие солдаты стали подозревать в предательстве чуть ли не всех бывших царских офицеров — своих нынешних командиров. Естественно, не избежал подозрений и Тухачевский.

Подозрения вылились в директиву реввоенсовета Восточного фронта о его аресте. К счастью, этому воспротивились Варейкис и Куйбышев.

Пока на Восточном фронте царила неразбериха, пока красные полки откатывались от Мелекесса, Симбирск заняли войска Каппеля.

Затем совместно с чехословацким корпусом Каппель занял на северном направлении Сенгилей, Мелекесс и Бугульму; наступая по Волге на юг, взял Николаевск и Хвалынский.

Нависла непосредственная угроза над Казанью, куда недавно эвакуировался из Симбирска штаб Восточного фронта в главе с Вацетисом.

К этому времени власть в Самаре была в руках Комуча — Комитета Учредительного Собрания. В него сначала вошли пять членов Учредительного Собрания, позже он объединил около сотни приехавших в Самару их коллег.

Политическое руководство осуществляли правые эсеры, народной армией командовал В. О. Каппель. Главной его силой были легионеры чехословацкого корпуса. В первых приказах Комуча сообщалось о низложении большевистской власти и восстановлении городских дум и земств — Комуч считал себя продолжателем политики Временного правительства. Большевики не замедлили с ответом: решением ВЦИК от 14 июня 1918 года правые эсеры и меньшевики изгонялись из Советов всех рангов.

В первый же день после организации Комуча были расстреляны сто захваченных в плен красноармейцев и красногвардейцев.

Вооруженные патрули по указаниям из толпы расстреливали заподозренных в большевизме лиц прямо на улицах. «По подозрению в большевизме» тогда же было арестовано 66 человек. В Самаре начались массовые самосуды над партийно-советскими работниками.

Комуч призвал прекратить всякие самовольные расстрелы, «всех лиц, подозреваемых в участии в большевистском восстании, немедленно арестовывать и доставлять в штаб охраны»³⁴. Расстрелы продолжались уже на «законном» основании.

Через несколько дней Комуч дал указание начальнику самарской тюрьмы приготовить места на полторы тысячи человек. Тюрьмы переполнялись, заключенных перевозили в близлежащие города, а тамошние тюрьмы старались «разгрузить»: у моста через реку каждую ночь в час или в два производились расстрелы. Вновь прибывающие арестованные переводились в концлагеря³⁵. В Самаре с сентября действовал «Чрезвычайный суд», собиравшийся по приказу Каппеля, — аналог большевистских революционных трибуналов, действовавший с неменьшей жестокостью.

На таком фоне вполне закономерно провалилась объявленная мобилизация в Народную армию. Не существовало общего плана боевых действий, фронтовые начальники проводили операции каждый сам по себе, в меру собственного разума и способностей. Не было создано единого командования с чехословаками. Более того, уничтожались последние остатки белой воинской дисциплины: отменялись знаки различия — «контрреволюционные» погоны, отдавание чести, дисциплинарные взыскания, делались попытки ввести коллегиальное командование.

«Комитет действовал диктаторски, власть его была... жестокой и страшной. Взявши власть... мы должны были действовать, а не отступать перед кровью. И на нас много крови. Мы это глубоко сознаем.

Мы не могли ее избежать в жестокой борьбе за демократию. Мы вынуждены были создать и ведомство охраны, на котором лежала охранная служба, та же «чрезвычайка» едва ли не хуже³⁶, — был вынужден признать председатель самарского Комуча В. К. Вольский.

Признавая, однако, не раскаивались и продолжали цинично именовать себя борцами за демократию, полагая, что ее можно «обустроить» на крови.

Методы комучевцев мало чем отличались от большевистских.

Когда открытая Комучем самарская городская дума сделала запрос о причинах арестов, представители «учредилки» были категоричны: «Власть будет арестовывать за убеждения, за те убеждения, которые ведут к преступлениям»³⁷. Провозгласившая себя антибольшевистской и демократической властью Комуча на деле проявила себя как террористическая,

столь же не ценившая человеческую жизнь, как и большевистская. Но большевики, на демократизм никогда не претендовавшие, в этом смысле оказались честнее.

Один из лидеров «учредилки» И. М. Майский писал:

«Почему же эсеры так любят болтать о «большевистском» терроре, господствующем в Советской России? Какое они имеют на это право? Террор был в Самаре...»³⁸ Майский позже, в 1921 году, перешел к большевикам.

29 июля 1918 года Восточный фронт был официально объявлен главным фронтом Советской республики.

И через несколько дней сюда выехал Троцкий. С запада и из центра России для защиты Казани экстренно двинули все, что можно, — курские, брянские, белорусские части, Московский полк, Особый, Мазовецкий и Латышский кавалерийские полки, отряды броневиков и аэропланов, бронепоезд «Свободная Россия», переправлялись настоящие военные корабли — миноносцы «Прыт-

кий», «Прочный» и «Ретивый». Но Каппель упредил эту массу войск и по своей инициативе 6 августа стремительно атаковал Казань. Городские жители поддержали его восстанием.

Поздно вечером 6 августа после тяжелейшего боя (ознаменовавшегося в числе прочего и изменой сербского батальона, перешедшего к Каппелю) командующий Восточным фронтом Вацетис с остатками рот латышских стрелков пешком покинул Казань. В руки белогвардейцев попала большая часть эвакуированного сюда российского золотого запаса — «слитки, монеты и ювелирные изделия на сумму свыше 600 млн рублей, да ценных бумаг на ПО млн»³⁹. Все это было отправлено ими в Самару.

Троцкий прибыл в Свияжск, куда из Казани переместился штаб фронта. Он заявил:

«Если какая-нибудь часть отступит самовольно, первым будет расстрелян комиссар части, вторым — командир. Трусы, шкурники и предатели не уйдут от пули. За это я ручаюсь перед лицом всей Красной Армии»⁴⁰.

По предложению Троцкого, в Красной армии начали освобождать арестованных белогвардейских офицеров, согласных служить Советам — в обмен на подписку, что их семьи станут заложниками в случае их измены. Тогда же были введены и заградительные отряды. В Свияжске осуществлена и первая в Красной армии децимация — расстрел каждого десятого. (Позже децимации стали практиковаться и в Белой армии.) Угрозы Троцкого были незамедлительно исполнены.

Солдатам приходилось выбирать между возможной смертью в атаке и неизбежной смертью при отступлении — от пуль заградотрядовцев. После столь убедительных мер дисциплина в армии установилась железная, пути к

отступлению были отрезаны. Позиция Тухачевского на таком фоне могла показаться даже мягкой. Он издал приказ по 1-й армии, запрещающий насилие и репрессии по отношению к перебежчикам и пленным.

«Приказ Реввоенсовета I армии Восточного фронта о запрещении расстрела перебежчиков из насильственно мобилизованных в белую армию рабочих и крестьян 24 августа 1918 г.

У меня имеются сведения о том, что наблюдались случаи расстрела перебежчиков из насильственно мобилизованных частей неприятеля.

Социалистическая революционная армия беспощадно сметает с лица земли контрреволюционеров, белогвардейцев, продавшихся буржуазии офицеров и т. д., но она должна щадить рабочих и крестьян, насильно втянутых в преступную авантюру.

Настоящим приказываю под личную ответственность командиров и политических комиссаров при них: никаких насилий и распоряжений над перебежчиками и пленными из мобилизованных белогвардейцами крестьян и рабочих не чинить, а доставлять в штаб дивизии. Политические комиссары сумеют расправиться с явными врагами революции и сохранить жизнь тем рабочим и крестьянам, которые, будучи мобилизованы чехословаками, не захотели идти против своих братьев—красноармейцев.

Командующий I армией Тухачевский.

Военно—политический комиссар I армии Куйбышев»⁴¹.

Тухачевский из насущного рационализма в свою армию мобилизовывал и захваченных в плен белых солдат и офицеров.

В начале сентября 1-я армия начала наступление на Симбирск. Сложное многоэтапное симбирское наступление было первой масштабной операцией, детально разработанной, подготовленной и выполненной Тухачевским.

Несколько лет спустя он вспоминал:

«Приказом по армии за № 7 начало наступления было назначено на утро 9 сентября и взятие Симбирска было рассчитано на третий день наступления... В основу этих расчетов было положено:

во-первых, превосходство наших сил, во-вторых, выгодность обхода при намеченном концентрическом движении и, в-третьих, быстрота движения и внезапность. На линии расположения противника наши части уже достигали полного взаимодействия, широко обходили расположение противника и тем предрешали быстрое его поражение.

Все эти расчеты полностью оправдались на деле. К вечеру первого же дня белогвардейские войска охватила паника. В центре они оказывали ожесточенное сопротивление, но бесконечный обход их флангов совершенно расстроил последние, и отступление приняло беспорядочный характер. На подступах к Симбирску они попробовали устроиться и оказать последнее сопротивление, но дружным натиском наших воодушевленных войск они были быстро сбиты и опрокинуты за Свиягу, а далее за Волгу. Таким образом, основательно подготовленная операция одним ударом решила чрезвычайно важную задачу. Сильная симбирская группа противника была разбита

и была перерезана Волга, а стало быть, и наилучший путь отступления для белогвардейцев из-под Казани, павшей почти одновременно с Симбирском... Нами были захвачены колоссальные военные трофеи. Железнодорожный мост через Волгу был захвачен в полной исправности. Симбирск был взят утром 12 сентября »42.

Тухачевскому было чем гордиться: помимо общего успеха его армия продемонстрировала редкостную пунктуальность — уходя в наступление, командарм телеграфировал командованию фронтом: «К утру город будет взят». Впрочем, победу еще нужно было закрепить. И 13 сентября 1-ю армию начали активно теснить белые. Тухачевский решил предпринять «психическую атаку», констатировав то ли для самого себя, то ли для подчиненных:

«В таких условиях, приходится действовать смело». Он форсировал Волгу на глазах противника, по мосту, находившемуся под непрерывным пулеметным и артиллерийским огнем белых. Убитых не считали — для красивой и убедительной победы людской массы не жалко. На войне как на войне.

По мнению Тухачевского, эта атака должна была сломить дух противника и воодушевить красные войска.

«В первую голову был пропущен паровоз без машиниста, на полных парах, с открытым регулятором для испытания пути и разрушения бронепоезда противника, если бы таковой встретился, за этим паровозом двигался броневой поезд... За бронепоездом двигалась вторая бригада Симбирской дивизии.... В голове шел второй Симбирский полк. Артиллерийской подготовкой руководил инспектор артиллерии тов. Гардер. Переправой руководил тов. Энгельгардт.

Артиллерия пристрелялась еще днем и с начала наступления наших войск переносила постепенно огонь на тылы противника. Бешено несущийся паровоз и убийственный артиллерийский огонь сразу же произвели на белых сильное моральное впечатление. За паровозом выступил бронепоезд и завязалась перестрелка »43.

Упомянутый Тухачевским в процитированном отрывке «тов. Энгельгардт» позже перешел в стан белых. Уже осенью 1918 года бывший капитан лейб-гвардии Семеновского полка Б. Энгельгардт, близкий друг-однополчанин и земляк-смолянин Михаила Тухачевского, информировал генерала Деникина о настроениях командования 1-й Революционной армии. У Б. Энгельгардта были вполне доверительные отношения с командующим.

«Мы убежденные монархисты, — передавал признания Тухачевского и его штабных офицеров «семеновец», — но не восстанем и не будем восставать против Советской власти потому, что, раз она держится, значит, народ еще недостаточно хочет царя. Социалистов, кричащих об Учредительном собрании, мы ненавидим не меньше, чем их ненавидят большевики. Мы не можем их бить самостоятельно, мы будем их уничтожать, помогая большевикам.

А там, если судьбе будет угодно, мы и с большевиками рассчита 44 емся» .

Н. И. Корицкий в свою очередь вспоминал:

«Перед самым началом этой (Сызрано-Самарской) операции Тухачевский представил мне в своем салон-вагоне человека средних лет, небритого, в каком-то поношенном френче, небрежно развалившегося в кожаном кресле.

— Энгельгардт.

...Энгельгардт прибыл с предписанием Всеросглавштаба.

Свои клятвенные заверения честно служить Советской власти Энгельгардт подкреплял ссылкой на бывшие дружеские связи с командармом:

— Неужели, Миша, ты думаешь, что я могу быть подлецом и подвести тебя?!

И однако же подвел, оказался истинным подлецом. Во время Сызрано–Самарской операции Михаил Николаевич объединил в руках Энгельгардта командование Пензенской и Вольской дивизиями, а также двумя полками Самарской. Энгельгардт выехал в Кузнецк.

В ходе операции он часто терял связь со штабом, его донесения противоречили донесениям из частей, и в конце концов мы вынуждены были связаться напрямую со штабами дивизий и осуществлять руководство ими, минуя Энгельгардта. А когда закончилась операция и штаб перебазировался в Сызрань, Энгельгардт незаметно исчез и объявился потом у Деникина»⁴⁵.

Между тем, сам Тухачевский в уже цитировавшейся статье «Первая армия в 1918 году» не только именуется Энгельгардта «товарищем», но и вполне позитивно оценивает выполнение им боевых задач в знаменитой СызраноСамарской операции. Возможно, в 1921 году (время публикации статьи) Тухачевский еще не знал, что бывший капитан Энгельгардт в конце 1918 года перешел в Добровольческую армию генерала Деникина. В то время люди исчезали на фронтах Гражданской бесследно и появлялись так неожиданно, что это предположение кажется вполне вероятным, иначе Тухачевский вряд ли

позволил бы себе уважительно отнестись к предателю—перебежчику.

Что касается рассказов Энгельгардта Деникину (опубликованных последним в «Очерках русской смуты») об умонастроениях в командовании 1-й армии, то относиться к ним следует с поправкой на заказчика. Во-первых, перебежчик Энгельгардт мог для удовольствия нового начальства сменить акценты. Во-вторых, не исключено и то, что Тухачевский, откровенничая с приятелем и зная его монархические настроения, решил как-то мотивировать свой выбор. Посчитав, очевидно, невозможным признаться в искреннем служении большевикам, как и в карьеризме, он избрал в качестве объяснения «завуалированный монархизм» — явление весьма распространенное в офицерской среде. (Явление это, кстати, породило умную шутку: Красная армия — как редиска...) Подобные словесные формулы очень характерны для Тухачевского, внимательно следившего, как сказали бы сейчас, за собственным имиджем. Каждой аудитории он «представлялся» поразному, тонко чувствуя ее потребности. И достигал желаемых результатов. Член РВС его 5-й армии старый партиецбольшевик И. Смирнов в 1919 году так охарактеризовал молодого полководца:

«Командарм Тухачевский — ...человек, безусловно, свой, смелый до авантюризма... поддающийся влиянию, с тактичным комиссаром будет в любом месте отлично командовать не только армией, но и фронтом»⁴⁶.

Хоть и присутствует в отзыве оговорка «с комиссаром», но обязательно — с «тактичным». Итак, командарм Тухачевский — «свой».

Заняв Симбирск, Тухачевский отослал Ленину, раненному Каплан, телеграмму, занесенную в скрижали партийной истории:

«Дорогой Владимир Ильич взятие вашего родного города — это ответ на одну вашу рану, за вторую будет Самара»⁴⁷.

Падение Симбирска имело важные стратегические результаты.

Оно означало, что противник оттеснен с рубежа средней Волги.

«Уже 13 сентября противник очистил Вольск. В дальнейшем 1 красная армия перенесла центр тяжести приложения своих усилий на Самарское направление. В войсках противника... началось сильное разложение, ...части быстро очищали фронт»⁴⁸.

Впереди у армии Тухачевского — Самара.

14 сентября 1918 года главнокомандующий Восточным фронтом Вацетис телеграфирует командармам 1-й и 4-й армий:

«Ввиду взятия нашими войсками Симбирска и направления активных действий на Сызрань и Самару, все части, действующие на правом и левом берегах Волги против Хвалынска, а также всю флотилию, действующую в этом районе, подчиняю командарму I Тухачевскому, под руководством которого приказываю в ближайшие дни взять Хвалынск и энергично двигаться далее на Сызрань. Командарму IV приказываю немедленно выделить достаточное количество войск для действия против Хвалынска и Сызрани по левому берегу Волги и передать их в распоряжение командарма первой, а остальными войсками организовать решительное наступление на Самару.

Прошу помнить, что враг потрясен нашим могучим ударом и только быстрые и согласованные действия всех частей дадут нам окончательную победу. Надеюсь, что оба командарма найдут общий язык, и в ближайшие же дни наша страна услышит о новых блестящих победах этих двух доблестных армий»⁴⁹.

Командующие двух армий нашли общий язык: 17 сентября Хвалынский был освобожден.

26 сентября войска 1-й и 4-й армий получили новый боевой приказ, где говорилось о необходимости перейти к скорейшему овладению общими силами двух армий Сызранью, а затем всеми соединенными силами тех же армий атаковать Самару. 3 октября части 1-й армии вступили в Сызрань. 8 октября армия Тухачевского заняла Самару.

Последние дни пребывания Тухачевского в 1-й армии Восточного фронта омрачились конфликтом с ее комиссарами.

Тухачевский, как и подавляющее большинство военспецов, не слишком жаловал комиссаров, считая, что в армии недопустимо двуначалие. Командующий полагал, что члены Реввоенсовета не должны вмешиваться в конкретные стратегические решения и в повседневную жизнь боевых и тыловых частей. А при наличии командира-коммуниста армии не нужен укрепляющий ее комиссар-большевик.

Комиссары, разумеется, придерживались противоположной точки зрения, борясь за умы и штыки.

Уже имея на руках предписания вступить в должность помощника командующего Южным фронтом, в конце декабря 1918 года Тухачевский добился отзыва из ар-

мии комиссара С. П. Медведева. На сторону комиссара немедленно встали политработники, направившие командованию череду рапортов–доносов. В доносах говорилось о том, что Тухачевский ездит «в салон–вагоне с женой и многочисленной прислугой», что «с развитием армии сильно разбухает штаб и все ее управление, но по количеству, а не по качеству ». Комиссары информировали ВЦИК: «Из высших должностных лиц вокруг командарма образовалась китайская стена, отгородившая его от контроля и влияния политических командиров». Комиссар 1–й армии О. Ю. Калнин телеграфировал в Реввоенсовет республики, что командарм–1 не может мириться с тем, что к нему на равных приставлены политкомы. Калнин же не мог мириться с комиссарским «неравноправием», рассматривая этот шаг Тухачевского как дискредитацию власти политкомов и попытку установить единоличное управление армией.

Кстати, о салон–вагоне командарма, так возмущившем комиссара. Вагон командующего принадлежал до революции какому–то крупному железнодорожному чиновнику — интерьеры, письменный стол, кресла красного дерева, кожаный диван и круглый чайный столик. На письменном столе, как вспоминал Н. И. Корицкий, рядом с картами и планами — «Походы Густава Адольфа», «Прикладная тактика » Безрукова, «Стратегия» Михневича и раскрытый на истории Пугачевского бунта томик Пушкина.

Любопытно, что конфликт между командармом и комиссаром 1–й армии, по содержанию сугубо идеологический, носил форму «кухонно–коммунального». Медведев, например, отменил санкционированную командармом служебную командировку помощника заведующего раз-

ведывательным (!) отделом армии, которому было поручено...

закупить и привезти для должностных лиц штаба на Новый год продукты. Однако Реввоенсовет тогда принял сторону Тухачевского — на «нецелевом использовании»

сотрудников разведотдела решили внимание не акцентировать, комиссара приструнили: победоносный командарм имеет право на некоторые вольности.

На Южный фронт Тухачевский прибыл в начале января 1919 года. Короткое время оставался помощником командующего фронтом В. М. Гиттиса, затем возглавил 8-ю армию. Его армии предстояло закончить разгром атамана Краснова, уже отступавшего после знаменитой неудачи под Царицыном. Казачьи полки, поверив большевистским обещаниям, что Советы их трогать не будут, расходились по домам. Однако занимавшие территорию Донской области войска Красной армии и отряды ЧК немедленно начали выполнять санкционированную Лениным 24 января 1919 года жесточайшую директиву о расказачивании.

Этот бесчеловечный документ предусматривал физическое истребление всего казачьего сословия. Троцкий писал о казаках:

«Это своего рода зоологическая среда, и не более того. Стомиллионный русский пролетариат даже с точки зрения нравственности не имеет здесь права на какое-то великодушие. Очистительное пламя должно пройти по всему Дону, и на всех них навести страх и почти религиозный ужас. Старое казачество должно быть сожжено в пламени социальной революции... Пусть последние их остатки, словно евангельские свиньи, будут сброшены в Черное море...»⁵⁰ Член Реввоенсовета 8-й армии И. Э.

Якир в развитие ленинской директивы издал приказ, предусматривающий расстрел на месте всех имеющих оружие, — большевики знали, что практически каждый казак был вооружен. Тухачевский, как и в бытность свою на Восточном фронте, смягчил репрессивные меры, мотивируя это смягчение, разумеется, не гуманизмом, запрещенным Троцким, но прагматическими соображениями. Осложняющие и без того непростую ситуацию массовые восстания казаков, с детства умеющих воевать и протестующих против легализованных коммунистических грабежей, победоносной Красной армии были не нужны. В частности, Тухачевский своею властью разрешил не конфисковывать у казаков лошадей и повозки, уменьшил объем хлебных реквизиций и — главное — ограничил расстрелы. Чем немедленно заслужил от вышестоящего командования упрек в «мягкотелости». Естественно, власти Тухачевского как командующего армией для существенного изменения большевистской политики на Дону было недостаточно.

Стоит упомянуть, что до прихода большевиков казаки обращались с населением, тем более с той его частью, которая не признала их власти, не менее жестоко.

«Все плохо, а хуже нет казацкой плети. Она никого не щадит — ни старого, ни малого. Казаки не дали нам никакого продовольствия, а отнимали одежду, мало того, что грабили, но приходилось самому отнести без одной копейки (оплаты), если не отнесешь, то к полемому суду. Много расстреляно мирных жителей, не только мужчин, но и женщин, а также ребятишек. Отрезали ноги, руки, выкалывали глаза»⁵¹.

8-я армия Тухачевского наступала вдоль Дона, части Краснова уже оказывали лишь слабое сопротивление.

Казачи тысячами сдавались в плен. С конца января 1919 года в Донецкий бассейн прорвались войска деникинской Добровольческой армии, и победоносное шествие красных по Южному фронту несколько замедлилось. В середине февраля Краснов ушел в отставку, и атаманом стал деникинец генерал А. П. Богаевский — приток частей Добровольческой армии на Дон резко возрос. (Год спустя Тухачевский, уже командующий Кавказским фронтом, вновь столкнулся с армией Деникина — и одержал убедительную победу под Новороссийском, после чего эта армия фактически перестала существовать). Гиттис направил 8-ю армию на юго-восток вглубь Донской области. Но Тухачевский, не подчинившись приказу, повернул войска на Ростов — чтобы по кратчайшему пути, через Донбасс, нанести удар по добровольческим дивизиям. Тухачевский небезосновательно полагал, что пролетарское шахтерское население угольного бассейна больше сочувствует Красной армии, чем казаки, и оказался прав.

Тухачевский снова пошел на субординационный конфликт.

Как впрочем, и сам Гиттис, до того нарушивший директиву главкома Вацетиса, приказавшего перегруппировать силы в направлении Донбасса. Армия Тухачевского к марту смогла оттеснить добровольческие войска к Ростову.

Но тем временем начался ледоход и дальнейшее наступление оказалось невозможным. Кроме того больших усилий красных потребовало и подавление крупного казачьего восстания на Верхнем Дону. Таким образом, к концу марта 1919 года полностью занять область войска Донского и Донбасс большевикам не удалось. Возмущенный неудачей и считая комфронта Гиттиса главным ее

виновником, Тухачевский апеллировал к главкому Вацетису.

И нашел понимание: снова получил назначение на Восточный фронт, где опять сложилась критическая обстановка.

Центр Восточного фронта к апрелю 1919 года был прорван.

Требовалось срочно переломить ситуацию. Командующий Восточным фронтом С. С. Каменев сделал основную ставку на 5-ю армию во главе с Тухачевским. 5-я армия находилась во временном подчинении командующего войсками Южной группы М. В. Фрунзе. (Тогда и завязалось личное знакомство Тухачевского с Фрунзе, в дальнейшем переросшее в дружбу.) О том, насколько шатким было положение красных войск на Восточном фронте и насколько динамично развивалась ситуация, можно судить не только по сохранившимся сводкам перемещений военных частей с обеих сторон, но и по переговорам командного состава. В Самарском архиве социально-политической истории хранятся никогда ранее не публиковавшиеся, документы — расшифровки переговоров по прямому проводу командующего Южной группы М. В. Фрунзе с командующим 5-й армией М. Н. Тухачевским.

«Фрунзе. Самое большое, что от нас сейчас требуется, это прикрытие со стороны Оренбурга и Стерлитамака нашей намечающейся операции. Общего плана фронта в его деталях не знаю, подкрепление нам обещано в виде одной дивизии из вновь формирующихся.

Район сосредоточения для нее наметил Симбирск, с тем, чтобы потом бросить ее на Бугульму... В случае благополучного исхода для нас...

вы должны будете перебраться на Бугульминку.

Тухачевский. Мне кажется, что фронт или Республика слишком мало делают подготовки на случай плохого исхода нашей операции...

Операцию проведу с крайним напряжением и надеюсь на успех, только считаю, что вряд ли этот успех превратится в общее поражение противника, если на Восточный фронт не ассигнуют большего числа войск.

Фрунзе. Буду указывать востфронту на необходимость сосредоточения дальнейших резервов. Только что сегодня просил товарища Каменева о скорейшей помощи»⁵².

Днем позже Тухачевский и Фрунзе вновь «сверяли часы » перед готовящимся наступлением Южной группы.

«Тухачевский. Силы 5-й армии сейчас не более шести тысяч.

На Бугульминском и Бугурусланском это бы ничего, но главная беда, что 26-я дивизия разбита и потеряла всякую устойчивость. После больших усилий удалось добиться установления связи, более-менее планомерного отхода. Все же время от времени часть обращается в бегство даже от коротких нажимов белых.... Не думаю, чтобы удалось удержать Бугуруслан, но благодаря половодью и массой параллельных рек между Самарой, Златоустовской и Бугульминской железной дорогой я смогу подтянуть... кое-что из центра армии, если кроме того вы

дадите мне две–три тысячи штыков, то решительным контрударом смогу выиграть назад Бугуруслан.

Полагаю, что моих сил на это не хватит, но если ничего не дадите, то проделаю контрудар с тем, что есть»⁵³.

Рвущийся в наступление, но осознающий неустойчивость положения собственной армии, Тухачевский более чем настойчив, он почти требует подкрепления. И добивается своего. Фрунзе обещает в течение семи дней прислать 5–й армии запрашиваемые штыки.

За пять дней до решающего наступления Южной группы, 23 апреля 1919 года командование вынуждено было усмирять комдива Чапаева, получившего приказ выехать в 5–ю армию. Чапаев, недолюбливавший «мальчишку командарма» Тухачевского, приказ проигнорировал. Заместитель командующего Южной группой Новицкий пытался вразумить Чапая. Вот еще один ранее не публиковавшийся документ.

«Чапаев. Мое положение слишком затруднительно, сколько я не стараюсь, дело не выходит... Разрешите приехать на объяснения в Самару, а так я работать не могу. Люди воют, а я буду кататься от одной армии к другой.

Новицкий. По условиям чрезвычайно сложной боевой обстановки пришлось помимо желания передать две бригады вашей дивизии в 5–ю армию... Для выполнения такой боевой задачи и для объединения действий ваших двух бригад в составе 5–й армии нет и соответствующего командного аппарата, и естественно было объединить командование этими бригадами в Вашем лице как начальника дивизии, долженствующего находиться там, где находится большая часть подчиненных вам частей, то есть

в данном случае, в 5-й армии. Приезд Ваш в 5-ю армию после переговоров с командармом—5 решен окончательно, и вчера послано Вам приказание...

немедленно выехать на фронт 5-ой армии, заехав предварительно на станцию Кротовка к командарму Тухачевскому за получением указаний. Время не терпит ни одной минуты проволочки, и тов.

Фрунзе, узнав, что Вы до сего времени, то есть спустя более суток после отдания приказа все еще не выехали, будет вероятно очень огорчен... Тов. Чапаев от имени командующего группой я взываю к Вашему чувству долга, и удивляюсь, что Вы будучи военным человеком до мозга костей считаете возможным после получения боевого приказа не только обсуждать этот приказ, критиковать его, но и складывать с себя обязанности... Думаю, что Вы измените свое решение, возьмете свои слова назад и не заставите меня докладывать столь неприятные вещи тов. Фрунзе, который, повторяю, Вашу командировку в 5-ю армию обсуждал со всех сторон»⁵⁴.

В конце апреля Южная группа Восточного фронта перешла в наступление против белой Западной армии.

5-я армия атаковала противника в направлении БугурусланБугульма. Западная армия генерала Ханжина еще в марте, до приезда Тухачевского на Восточный фронт, успешно атаковавшая 5-ю Красную армию, была остановлена на Волге.

Генерал С. Н. Войцеховский, принявший командование ударной, наступавшей к Волге группировкой, начал пятиться от Самары и разворачиваться, чтобы нанести прорвавшимся красным фланговий контрудар. В то же время Тухачевский, которому были подчинены все во-

шедшие в прорыв части, загорелся идеей окружить дивизии Войцеховского и поворачивал для этого свои войска.

Но Войцеховского на старом месте уже не было, он сам пытался обойти Тухачевского. Массы войск кружили наугад, нацеливаясь на слабые места друг друга. Победа осталась за Тухачевским. Опрокинув и Волжский корпус Каппеля, красные под руководством Тухачевского в середине мая заняли Бугульму, перерезав последние пути сообщения Западной армии белых. Войска Ханжина, хоть и избежавшие окружения, понесли тяжелейшие потери.

Среди них началась паника. Мобилизованные каппелевцами сибирские крестьяне сотнями сдавались красным.

Телеграмма Реввоенсовета 5-й армии:

«Кротовка. 9 мая.

V армия на своих плечах вынесла все удары полчищ Колчака и теперь, оправившись, разбила их и безостановочно гонит, стремясь уничтожить их поголовно.

Единственным препятствием к этому является недостаток в средствах связи как технических, так и в конных ординарцах.

Чтобы иметь возможность не только защитить Волгу, но и перенести боевой фронт за Урал, ревсовет V армии обращается к красной Самаре с просьбой поддержать V армию в решительный момент и выслать ей 70 велосипедов, реквизировав их в городе.

Реввоенсовет V уверен, что красная Самара поддержит армию и даст ей победу. Ответ ожидаем срочно. Реввоенсовет V Тухачевский, Смирнов».

На телеграмме — резолюция Н. М. Шверника, тогдашнего председателя горисполкома:

«Поручить отд(елу) управ(ления) через нач. район(ной) городской милиции срочно принять на учет и реквизировать все велосипеды, выдав владельцам квитанции, и отправить таковые в Ревсовет V 10 мая. Н. Шверник»55.

В этой переписке — трагикомичный синтез и революционной патетики, и революционной же повседневности:

в царство светлого будущего на велосипедах — сюжет для Гашека. Тем более, что сам он в это время уже на стороне большевиков, уйдя от земляков — «белочехов» — агитирует за советскую власть. В Самарском областном архиве сохранился его автограф:

«Чешский военный отдел для формирования чешско-словацких отрядов при Красной армии. Самара.

Требование Прошу отпустить аванс в сумме 3500 рублей для нужд чешского военного отдела для формирования чешско-словацких отрядов.

Член военного отдела Ярослав Гашек»56.

Тем временем в командовании советского Восточного фронта произошли перемены. Вместо бывшего царского полковника С. С. Каменева командующим был назначен бывший царский генерал А. А. Самойло, откомандированный на Восточный фронт вследствие интриг в московских верхах. Каменев же был назначен на должность главкома Вооруженных сил вместо Вацетиса, арестованного по не подтвердившемуся впоследствии обвинению. (Тогда Вацетису повезло, его сняли с должности, но оставили на свободе и разрешили работать в Реввоенсовете

Республики до конца Гражданской войны.) Сам Самойло в мемуарах признавался, что считал новое назначение нелепым: он совсем не знал ситуации в войсках Восточного фронта. За короткое время командования Самойло — с 11 по 19 мая 1919 года 5-я армия Тухачевского получила целый ряд взаимоисключающих указаний.

«11 мая Самойло предусматривал нацеливание ее прямо на север для действий по тылам группы противника, ведущей борьбу за рубеж р. Вятки, затем 14 мая сворачивает ее на Белебей, 17 мая вновь vorочает прямо на север, а 19 мая уклоняет на северо-восток.

Такие методы управления вызвали горячий протест ее командующего М. Н. Тухачевского. Вместе с тем в том назначении, которое Самойло давал 5-й армии, можно усмотреть отказ его от самостоятельной операции Северной группой армий, которую Каменев мыслил осуществить ударом 2-й армии в направлении Сарапуль— Воткинск и ударом 3-й армии в охват правого фланга противника »⁵⁷, — писали Н. Е. Какурин и И. И. Вацетис в книге «Гражданская война. 1918–1921».

«Горячий протест» Тухачевского вылился в телеграмму, констатирующую, что отмены приказов измотали дивизию, части совершенно перепутались, связь нарушилась. В заключение 26-летний «поручик-командарм» саркастически требовал от генерала-командвоста помнить о наличии статьи 19 Полевого устава: «Прежде чем отдать приказ — подумайте ».

В ответ на возмущенную эскападу Тухачевского Самойло подал рапорт главкому.

«Положение усложнилось резким конфликтом между мной и командующим 5-й армией Тухачевским из-за

неправильных его донесений о действиях своих дивизий... — вспоминал он позже.

— На мое обжалование главкому (Каменеву. — Ю. К.) я получил разрешение отстранить командарма-5 от командования армией.

Однако осуществить это разрешение я, конечно, не считал возможным по условиям оперативной обстановки, в силу тех же соображений, по которым я сам отказывался от назначения на Восточный фронт. Наши общие разногласия дошли до Ленина и заставили центр пересмотреть все положение» .

Затем была победоносная Златоустовская операция, открывшая Красной армии путь через Уральский хребет.

В советских учебниках по военному искусству ее принято называть образцовой: от Златоуста, занятого войсками Тухачевского 13 июля 1919 года, открывался путь в Западную Сибирь. Белые были деморализованы. При отходе их из Челябинска там вспыхнуло восстание рабочих, которое сильно помогло уже уставшим частям 5-й армии. Тухачевский пополнил свою армию не только за счет местного пролетариата, но и за счет каппелевских солдат, отказавшихся идти в наступление. Челябинская операция закончилась катастрофой для белых. Не считая раненых и убитых, они потеряли 15 000 пленными. Кроме того, 5-я армия захватила около 4 тысяч груженых вагонов и 100 паровозов.

Моральные последствия победы красных были еще более значительными. Это признавали и отнюдь не апологетически настроенные по отношению к Советам западные военные историки — современники тех событий:

«Фронты огромного протяжения занимались войсками, находившимися в состоянии полного разложения. Население в тылу этих войск было готово к немедленному восстанию. Бои имели место чрезвычайно редко. Чаще всего дело сводилось к партизанским стычкам. Вместо применения оружия обе стороны прибегали к братанию»⁵⁹.

7 августа 1919 года за взятие Челябинска командующего 5-й армией наградили орденом Красного Знамени.

В приказе Реввоенсовета маневры армии, задуманные и выполненные Тухачевским, названы «смелыми, полными риска», а успех, достигнутый ею, расценен как результат

«талантливо созданного тов. Тухачевским плана операции, твердо проведенного им в жизнь». Реввоенсовет Восточного фронта не менее пафосно поздравил 5-ю армию и с годовщиной ее боевой жизни:

«Революционный Военный совет фронта уверен, что красные орлы 5-й армии под руководством героя-командарма тов. Тухачевского покроют свое оружие новой славой и вернут Трудовую Сибирь Рабоче-Крестьянской России. Командующий армиями Восточного фронта М. Фрунзе»⁶⁰.

Белые армии откатывались в Западную Сибирь, армии красных стремились ею овладеть.

Тотальный террор и повсеместные поиски внутреннего врага, разумеется, не могли не коснуться и победоносной 5-й армии. Для ВЧК и Особого отдела Восточного фронта, занимавшихся раскрытием всевозможных «шпионских организаций» и поиском «белоподкладочников» — сочувствующих антибольшевистским силам — исклю-

чений из общего правила быть не могло. Тем более, что в военной неразберихе, при перманентной смене власти население действительно металось от одного враждующего лагеря к другому. Уже тогда получившая с санкции высшего руководства страны неограниченную и бесконтрольную власть ВЧК демонстрировала полное пренебрежение любыми юридическими нормами, руководствуясь лишь «революционной целесообразностью».

Карательные органы «вскрыли» в 1-й армии «шпионскую организацию». Разработка длилась с мая по сентябрь 1919 года. В Центральном архиве ФСБ РФ находится архивное следственное дело на «Приволжскую шпионскую организацию». Этот документ, никогда ранее не публиковавшийся даже фрагментарно, является яркой иллюстрацией к методологии насаждения террора и установления большевистской законности. Подобные следственные дела в период Гражданской войны были абсолютно рядовым явлением, лишь усиливая атмосферу всеобщей подозрительности и враждебности внутри самой Красной армии.

«По доносу начальника штаба Симбирского укрепленного района Генерального штаба товарища Парма и его помощника Наумова, которые указали на чрезвычайную подозрительность поведения приехавших одновременно с ними некоей Ольги Ивановны Валуевой и товарищей их по Академии Дравниэка и Залесского.

Последние двое после недолгого пребывания в Симбирске, были назначены: Дравниэк — в I армию, Залесский — в Казанский укрепленный район. Валуева же остановилась в Симбирске, где усиленно старалась поддерживать знакомство с Пармом и Наумовым. Бывая у Валуевой, последние обратили внимание на артиста Нови-

кьяна, который совместно с Валуевой старался вести разговоры преимущественно на военные темы, выпытывая у Парма военные новости. Через некоторое время Новикьян уехал в Самару, где наблюдение пришло к выводам о знакомстве его с местным персидским консулом, о широкой жизни его и общей подозрительности. Парм и Наумов продолжали тесное знакомство с Валуевой, причем выдавали себя за сочувствующих белым. Пользуясь внешней благосклонностью обоих, Валуева настойчиво просила их устроить ее на службу в один из отделов штаба укрепленного района, что и было исполнено с ведома Особого отдела.

С целью выжимания от Парма и Наумова военных сведений, Валуева усиленно приглашала их к себе на квартиру, причем соблазняла их, то присутствием красивой артистки городского театра, то пирожками и выпивкой. В разговорах с ними Валуева определенно старалась выпытать у них о перемещениях штаба, о положении на фронте и т. д. Наблюдение за Валуевой установило заметную осторожность ее, несомненное стремление провести предполагаемых ею наблюдателей, тем не менее удалось установить постороннюю связь Валуевой со штабом I армии, которая поддерживалась через курьеров, останавливающихся у нее на квартире. Главная переписка велась, по видимому, с Дравниэком, который и являлся для нее центральным лицом I армии»⁶¹.

Валуева, судя по материалам дела, предложила Парму вынести из ее дома оружие: 5 шашек, 3 револьвера и несколько штыков. Будь на самом деле Валуева шпионкой и террористкой, вряд ли она обратилась бы с подобной просьбой к начальнику штаба Симбирского укрепленного района. Вероятнее, оружие — главная улика ВЧК против обвиняемой — осталось в ее доме с той

поры, когда Симбирск находился под властью белых. Валуева попросту хотела от него избавиться и попросила об этом к Парму, одного из руководителей востфронта. Предположение, что «руководитель ячейки» станет открыто обращаться к красному командиру за помощью в столь конспиративном, «уличаю щем» деле, не выдерживает критики. Однако ВЧК для критики не доступна. Накручивается детективная интрига.

«Следствием удалось установить, что в Москве существовала белогвардейская академическая (генерального штаба) ячейка, собрания которой проводились во время пребывания Валуевой в Москве, в особенной конспиративной квартире. В состав ячейки входили:

Дравниэк, Арвид Пиллит, Репкин и Николай Тухачевский.

Организатором, по-видимому, была Валуева. В то же время Валуева находилась в связи с контрреволюционной организацией Скрыдлова, у которого на квартире имелся склад оружия. Вышеназванная ячейка очевидно и оказалась тем центром, из которого впоследствии должна была возникнуть организация.

По поводу характера конструкции организации можно определенно сказать, что в центре стояла Валуева, которая сносилась как со штабом I армии, так и с центральной организацией»⁶².

В этом деле в качестве подозреваемого в шпионаже фигурирует и командарм-5 М. Н. Тухачевский (в прошлом — командарм-1), только что взявший Златоуст и Челябинск.

Уголовное дело читается как дешевый детектив.

Стоит процитировать выписку из информационного бюллетеня Реввоенсовета Восточного фронта, характеризующую сущность дела о «Приволжской шпионской организации».

«В деле замешаны ответственные сотрудники Штарма I, Датский и Персидский консулы, артисты и артистки частных театров и др. лица. Одним из средств шпионажа было выманивание с помощью красивых женщин и пьянства сведений от ответственных работников Красной Армии. Некоторые обвиняемые были хорошо знакомы с бывш. Главкомом Вацетисом с 1914 г. Дело расследуется в самом спешном порядке»⁶³.

Не официальный документ, а какая-то программка к драматическому спектаклю. Таких «драм», по форме пафосно-провинциальных, а по содержанию трагических, стоивших жизни «действующим лицам», Гражданская война оставила в истории множество. Аллюзия театрализации подтверждается и листом с шапкой «действующие лица». Графы: «фамилия, имя отчество» и «роль». Командарм⁵ попал в список подозреваемых как брат «участника Приволжской шпионской организации» Н. Н. Тухачевского.

Сам Н. Н. Тухачевский проходит по делу как бывший офицер, состоявший в Академической шпионской ячейке, служивший в 1-й армии Восточного фронта, сформированной братом.

Каких-либо доказательств существования реальной шпионской контрреволюционной организации в документах нет. Зато есть устрашающие выводы.

«Участники, как Тухачевские... и другие, как Пензенские граждане, так или иначе связаны с Пензенскими контр-революционными кругами... Причем, как I армия,

так и штаб ея сформировались в Пензе, благодаря чему разные контр–революционные элементы, б.помещики и офицера, с целью скрываться от преследования карающих органов Советской власти... поступили на службу Штаба I армии^[16]»64.

Наличие контрреволюционных кругов в Пензе констатируется, как видим, априори. Контрреволюционером мог быть признан, по усмотрению Особого отдела и ВЧК, любой:

понятия «бывший офицер», «бывший помещик», вообще «бывший» и «контрреволюционер» в социолекте того времени синонимичны. Утверждая наличие связи с контрреволюционерами, авторы дела, правда, оговариваются:

«В чем именно выражается эта связь и соотношения, пока еще не выяснено».

То, что в Красной армии с самого начала ее образования служили — как добровольцы и как в обязательном порядке мобилизованные — «бывшие офицера», следователей Особого отдела не интересует. Факт принадлежности к офицерству — доказательство вины. В этом смысле командарм Тухачевский подозревается, а значит, обвиняется, вполне закономерно: косвенно как формировавшему в Пензе 1–ю армию ему ставятся в вину связь с контрреволюционными кругами и шпионаж в их пользу.

В числе других лиц в деле фигурирует и личный адъютант Тухачевского — «активный деятель, агент шпионажа»

¹⁶ Сохранена оригинальная орфография.

Н. И. Корицкий. Степень доказательности иллюстрируют протоколы допросов. Вот фрагмент одного из них:

«На вопрос, знаю ли я о существовании белогвардейской организации в Москве, я ответил, что о существовании «академической»

белогвардейской организации мне ничего не известно. Почему я употребил слово академическая, потому что предполагал, что раз шли разговоры в тюрьме об аресте четырех курсантов Академии Генштаба, я был в праве считать белогвардейскую организацию академической. Иванову я действительно говорил, но в смысле предположения. Ту квартиру где они жили в Москве я назвал консперативную, что такое слово попало на язык и слово консперация я не понимаю^[17]»⁶⁵.

В деле упоминается, что арестованные не признаются даже в мелочах, демонстрируя сбивчивость и путаность показаний, по существу дела вносят своими показаниями очень мало, при обысках найдено «мало существенного».

Зато естественное для жителей прифронтовой полосы обсуждение ситуации на фронте трактуется как разведывательная шпионская деятельность.

Развязка тривиальна. Заседание Президиума ВЧК приговорило к расстрелу 7 человек из 16, остальные арестованные были заключены в концлагерь на разные сроки.

Характерно, что часть приговоров не имеет даже обвинительной мотивировки, а имеющиеся в остальных обвинения бездоказательны. И находятся в полном соответствии с большевистской законностью. Как предписы-

¹⁷ Сохранены оригинальные орфография и пунктуация.

вал Дзержинский, вступая в должность руководителя ВЧК в декабре 1917 года:

«Не думайте, что я ищу форм революционной юстиции; юстиция сейчас нам не нужна. Теперь борьба — грудь с грудью, борьба не на жизнь, а на смерть — чья возьмет! Я предлагаю, я требую организации революционной расправы над деятелями контрреволюции»⁶⁶.

Смертный приговор был приведен в исполнение в отношении шестерых обвиняемых. Седьмой — Н. И. Корицкий, находился в розыске, и потому избежал гибели. Предположительно, его вывел из под расстрельной статьи командарм Тухачевский, тихо убрав из своей армии, — как и своего брата, которому грозил как минимум концлагерь.

Сам Тухачевский, за исключением первоначальных материалов «разработки», в деле уже не фигурирует.

«Участие» Н. Н. Тухачевского в «Приволжской шпионской организации» всплыло 18 лет спустя после ее «раскрытия», когда он был арестован как родственник «врага народа» М. Н. Тухачевского — по делу о военном заговоре.

А тогда, в 1919-м, Николая Тухачевского, видимо, даже не искали, несмотря на отосланные Особым отделом Восточного фронта на Лубянку зашифрованные телеграммы:

«Прошу срочно выяснить местонахождение и произвести обыск и арест бывшего офицера Николая Николаевича Тухачевского брата командарма-1... Материалы срочно препроводите в Симбирск.

Начособотдела Бокий»⁶⁷.

С Лубянки Бокию, впоследствии «прославившемуся» как «организатор Соловецких лагерей», ответили:

«Тухачевский по сведениям выбыл на Восточный фронт... Зампредсособотдел Павлуновский, Начоперотделения Артузов»⁶⁸.

И Павлуновский, и Артузов появятся на сталинских процессах 1930–х годов уже совсем в других амплуа.

Среди расстрелянных по делу «Приволжской шпионской организации» и А. И. Харченко — тот самый, что в 1918 году несколько дней командовал 1–й армией: до приезда Тухачевского в Инзу. Он «на аэроплане перелетел фронт, перешел к Колчаку с картами и двумя миллионами народных денег»⁶⁹. (Чуть позже, но еще до перехода к Колчаку А. И. Харченко кратковременно командовал и 2–й красной армией Восточного фронта.) Еще один штрих: «В связи с этим же уголовным делом 16 августа 1919 года Постановлением Особого отдела Восточного фронта как непричастные к шпионской организации, но определенно сочувствующие белым заключены в концлагерь на все время гражданской войны»⁷⁰ еще несколько человек.

Дело о «Приволжской шпионской организации» было пересмотрено лишь в наши дни — в соответствии с Законом «О реабилитации жертв политических репрессий», принятым в 1991 году, — по указанию Генпрокуратуры РФ от 21 апреля 1992 года.

«Проверкой дела установлено, что лица, привлеченные к уголовной ответственности по данному делу, подверглись репрессиям по политическим мотивам без достаточных оснований.

Обвинение по делу носит явно выраженный политический характер. Причем антисоветские убеждения и занятия до революции активной государственной / общественной деятельностью не только квалифицируются как факты, доказывающие виновность членов организации. ...Прямо указано, что ряд проходящих под делу лиц... не причастен к совершению преступления, однако в силу их определенного сочувствия белым указанные лица подлежат заключению в концентрационный лагерь...

Все привлеченные к уголовной ответственности лица последовательно показывали о своей непричастности к какимлибо шпионским белогвардейским организациям... Утверждение следствия о том, что будучи арестованными... лица признали свою вину, никаким образом... в материалах дела не закреплено»⁷¹.

При пересмотре дела был сделан вывод о надуманности обвинения в отношении членов «Приволжской шпионской организации» и о вымысле со стороны следствия самого факта ее существования. Все репрессированные по делу реабилитированы 23 сентября 2003 года.

Для самого М. Н. Тухачевского дело 1919 года прошло, как казалось на тот момент, бесследно, хотя, вероятно, это первое личное столкновение с большевистской Фемидой могло обострить инстинкт самосохранения.

С этого момента Тухачевский вынужден максимально активно доказывать политическим и карательным органам свою абсолютную лояльность советской власти. Отсюда, быть может, и подчеркнуто демонстрирующееся им увлечение марксизмом.

Тухачевский направил свою армию на Омск. Адмирал Колчак, блестящий ученый и опытный военачальник, уже год как объявлен Верховным правителем России.

Этой должности он искренне не хотел, считал ее «своим крестом, который нес во имя России». Однако и он, в постсоветской исторической литературе в основном изображаемый как исключительный гуманист, прошел по проторенному и красными, и белыми пути террора. Значительная часть местного населения Сибири ненавидела Колчака больше, чем большевики. Здесь не знали крепостного права, крестьянство было по среднероссийским меркам зажиточным. А «верховный правитель» требовал от своих исполнителей «самых жестоких мер» не только в отношении повстанцев, но и «сочувствующего» им населения. Массовые репрессии — сожжение целых деревень, захват заложников, поборы и грабежи — вконец ожесточили крестьянство.

Крестьянские партизанские отряды объединились в «крестьянскую» армию.

Научный сотрудник Иркутского историко-краеведческого музея Владимир Свинин убежден, что «колчаковцы собственной жестокостью только помогли коммунистам»:

«Кто был в окружении Колчака? Офицеры, потерявшие свои поместья в России, потомственные крепостники. Они относились к крестьянам как к крепостным, за людей не считали. Пороть крестьян у них было почти привычкой... Многие крестьяне, переселившиеся в нашу губернию во времена Столыпинской реформы, были вынуждены целыми деревнями спасаться в лесах.

Их деревни просто сжигали... Шли в партизаны, поскольку боялись, что колчаковцы их уничтожат. Пар-

тизанское движение, организованное большевиками в Сибири, — миф советского времени. Оно возникло стихийно — как реакция на палочную дисциплину, безумные репрессии и реквизиции белых. Красных тогда считали меньшим злом.

Сам Колчак свои политические убеждения обрисовывал предельно внятно: «Будем называть вещи своими именами, как это ни тяжело для нашего отечества: ведь в основе гуманности, пасифизма, братства рас лежит простейшая животная трусость...

«Товарищ» — это синоним труса прежде всего». Еще одна предельно внятная оценка: «Что такое демократия? — Это развращенная народная масса, желающая власти. Власть не может принадлежать массам в силу закона глупости числа: каждый практический политический деятель, если он не шарлатан, знает, что решение двух людей, всегда хуже одного (...), наконец, уже 20–30 человек не могут вынести никаких разумных решений, кроме глупостей»»72.

Это сказано в 1919–м.

Белые и красные снова действовали одними и теми же методами. Слабый приток добровольцев в Белую армию вынудил власти прибегнуть к мобилизациям. Это позволило к весне 1919 года с большим трудом сформировать в Сибири 300–тысячную Белую армию, но одновременно вызвало острое недовольство населения, не желавшего участвовать в Гражданской войне.

«Год тому назад население видело в нас избавителей от тяжкого комиссарского плена, а ныне оно нас ненавидит так же, как ненавидело комиссаров, если не больше, и что еще хуже ненависти, оно нам уже не ве-

рит, от нас не ждет ничего доброго», — писал барон А. Будберг, колчаковский военный министр.

Обыденность убийства в гражданской войне описана многими историками, но лишь единицы сделали это по горячим следам, во время самой Гражданской войны, осознав гибельность «обесчеловечивания». Это смог сделать Роман Гуль, категорически и навсегда не признавший красных и быстро понявший тупиковость белого пути. В описанных им эпизодах Гражданской войны, участником которой был он сам, явное неприятие военной повседневности самосудов:

«...ведут человек 50–60 пестро одетых людей, многие в защитном, без шапок, без поясов, головы и руки у всех опущены.

Пленные... я понял: расстрел вот этих 50–60 человек с опущенными головами и руками... Сухой треск выстрелов, крики, стоны...

Люди падали друг на друга, а шагов с десяти, плотно вжавшись в винтовку и расставив ноги, по ним стреляли... Смолкли выстрелы. Некоторые расстреливавшие отходили. Некоторые добивали прикладами и штыками еще живых... Вот она, подлинная гражданская война... Около меня — кадровый офицер...

«Ну, если так будем, на нас все встанут», — тихо бормочет он»⁷³.

Именно невозможность существования в системе «террора среды» заставила Гуля, служившего в «рядах», покинуть ряды Белой армии. Командарм Тухачевский в Гражданскую видел смерть в основном в сводках потерь с обеих сторон. Эта статистика для него — неизбежное обрамление успеха...

Партизанское антиколчаковское движение охватило всю Сибирь. В нем участвовало более 100 тыс. человек — крестьяне, рабочие, интеллигенция. К осени 1919 года оно фактически дезорганизовало весь тыл Белой армии и во многом способствовало краху белого движения в Сибири. В августе 1919 года в Сибирь вступила Красная армия. Вскоре в Западной Сибири развернулось решающее сражение между красными и белыми, получившее название Тобольско–Петропавловского.

Оно продолжалось более двух месяцев. И было кровопролитным для обеих сторон.

«Сражение началось 20 августа, когда красные войска Восточного фронта под командованием бывшего генерала царской армии В. А. Ольдерогге (около 70 тыс. человек) перешли в наступление от Кургана на Петропавловск и через 10 дней подошли к последнему. В ответ белые войска под командованием генерала М. К. Дитерихса (около 58 тыс. человек) 1 сентября перешли в контрнаступление, оттеснили красных за реку Тобол и вернули Тобольск. Красные войска (около 75 тыс. человек) 14 октября начали новое наступление, в результате которого белые войска (около 56 тыс. человек) потерпели поражение и 29 октября оставили Петропавловск. Во время этих боев белые войска потеряли около 5 тыс. убитыми и 8 тыс. пленными и во многом утратили боеспособность»⁷⁴.

Тобольско–Петропавловская операция, надо заметить, хоть и оказалась вполне успешной, но ознаменовалась серьезнейшим скандалом между командующим Восточным фронтом В. А. Ольдерогге и командармом–5 — М. Н. Тухачевским. Ольдерогге настаивал на концентрации всех сил армии в направлении железной до-

роги, где собрались основные силы белых. Кроме того, он учитывал, что тракт проходил через казачьи районы и, следовательно, был особенно уязвим для красных. Тухачевский же, фактически проигнорировав распоряжение Ольдерогге, бросил основные группировки армии по двум направлениям: по железной дороге Курган—Петропавловск и вдоль тракта Звериноголовская—Петропавловск, где наносился главный удар по колчаковским войскам. И только после «крепкой телеграфной перепалки» и напоминаний о необходимости соблюдать субординацию Тухачевский все-таки решил подчиниться приказу.

Пополненная за счет мобилизации рабочих Челябинска и других уральских городов и вновь сформированной кавалерийской дивизии 5-я армия перешла в наступление и 29 октября овладела Петропавловском.

Противник стремительно откатывался к Омску. И снова — конфликт между Ольдерогге и Тухачевским.

«В то время как 5-я армия двигала кавалерийскую дивизию в Омском направлении, не считая свой фланг со стороны Кокчетавы необеспеченным и надеясь при этом нанести противнику в районе Омска серьезное поражение... командование Восточного фронта (Ольдерогге. — Ю. К.) считало правый фланг армии...

необеспеченным и потребовало кавалерийскую дивизию повернуть с полпути до Омска назад. Несмотря на самые энергичные протесты, приказ был категорически подтвержден. Кавалерийская дивизия была снята с Омского направления и не смогла оказать здесь той помощи, которая с ее стороны впоследствии была так необходима»⁷⁵.

Раздражение на Ольдерогге не прошло у Тухачевского и полтора десятилетия спустя. В статье «На Восточ-

ном фронте» он назвал бывшего комвоста человеком «никому не известным, в лучшем случае бездарным, сделавшим все зависящее, чтобы неотступное преследование Колчака сорвалось»⁷⁶. Тухачевский здесь, как минимум, преувеличивает: «неотступное преследование»

не сорвалось, разве что несколько замедлилось и, не исключено, дало возможность красным формированиям не захлебнуться в наступательном порыве. Кроме того, бывший командарм-5 посчитал нужным забыть, что Ольдерогге фактически спас «пятоармейцев» от разгрома, подкрепив их дивизией из фронтового резерва и бросив против белых соединение еще одной подведомственной ему армии — 3-й, благодаря чему 5-я армия смогла удержать плацдарм без больших потерь.

Ольдерогге ответить Тухачевскому уже не мог: его расстреляли в начале 30-х — как врага народа по делу «Весна », во время массовой кампании против бывших царских офицеров, служивших советской власти. Тухачевского тогда не тронули, и его выпад против Ольдерогге — скорее очередной реверанс власти, а не искренняя убежденность.

После окончания Тобольско-Петропавловского сражения началось безостановочное наступление Красной армии в глубь Сибири. 14 ноября 1919 года красные заняли колчаковскую столицу — Омск, ровно через месяц — Новониколаевск. После этого Восточный фронт был ликвидирован. За победу над Колчаком 5-я армия была награждена орденом Красного Знамени и Почетным Красным Знаменем ВЦИК, а ее командующий удостоился высшей в то время награды — Почетного Революционного оружия: позолоченной шашки с вмонтированным в ножны орденом Красного Знамени.

Портрет командарма в тот знаменательный день запечатлел в своих воспоминаниях боец 5-й армии Н. В. Краснопольский:

«Это был красивый молодой человек в ладном барнаульском полушубке, валенках и белой сибирской заячьей шапке с длинными ушами, которыми при нужде можно было закрыть и шею»⁷⁷.

Вид, кажется, совсем не воинственный.

...Ему нравилось играть с огнем. После завоевания Омска Тухачевский был отозван в Москву — для участия в совещании политработников Красной армии и чтения лекций в Академии Генштаба. Он готовит ответственные, программные документы — и затевает розыгрыш.

«Когда Тухачевский стал «персоной», членом Реввоенсовета и командармом, им был составлен проект уничтожения христианства и восстановления древнего язычества, как натуральной религии. Докладная записка о том, чтобы в РСФСР объявить язычество государственной религией, была подана Тухачевским в Совнарком...»⁷⁸ В Совнаркоме эту записку едва не принялись всерьез обсуждать.

«Тухачевскому только это и было нужно. Он был счастлив, как школьник, которому удалась шалость»⁷⁹.

Бежавший с пятой попытки из немецкого плена во время Первой мировой, обладатель пяти орденов поручик Тухачевский в Петрограде показывал однополчанам свои игрушки: вырезанные им из дерева фигурки идолов-солдатишек, которые он пронес через четыре границы.

Коктейль мужества и инфантильности тогда восхитил и озадачил его приятелей. Ставший старше, но не повзрослевший поручик-командарм снова играет с «идоль-

чиками». И всерьез, огнем и мечом, не осознавая того, сам создает их в реальной политической жизни.

Здесь сошлось много больше одного лишь мальчишества:

и его — с детства — безверие, и своими глазами увиденная стихийная жестокость воюющих масс, не вписываемая в рамки христианства. И, возможно, главное: он мог снова почувствовать себя пленником — а бежать — из регламентированной рутины — невозможно.

По просьбе Ленина Тухачевский разработал доклад о подготовке комсостава 5-й армии. В ней в 1919 году, перед зимней кампанией, была создана школа красных офицеров. Она дала 50 батальонных и ротных командиров. Это был первый опыт подготовки «краскомов» на местах, а 5-я армия стала первой «кузницей кадров» непосредственно на фронте, в зоне боевых действий. 19 декабря 1919 года Тухачевский представил заместителю председателя РВС Республики Э. М. Склянскому доклад, посвященный разработке положения о комсоставе 5-й армии. Этот документ, написанный в декабре 1919-го появился в открытой печати лишь 45 лет спустя — в 1964-м.

Доклад насквозь пронизан горделивой радостью от собственных успехов на фронтах Гражданской и сознанием их закономерности. Но отнюдь не только ими: Тухачевский готовит идеологический плацдарм против своих оппонентов, как в военном деле, так и в вопросах политического управления армией. Он подчеркнуто негативно характеризует дореволюционный царский корпус и как антитезу поднимает на щит заслуги бывших царских офицеров, уже вступивших в партию.

«У нас принято считать, что генералы и офицеры старой армии являются в полном смысле слова не только специалистами, но и знатоками военного дела... На самом деле русский офицерский корпус старой армии никогда не обладал ни тем, ни другим качеством. В своей большей части он состоял из лиц, получивших ограниченное военное образование, совершенно забитых и лишенных всякой инициативы»⁸⁰.

Столь уничижительной преамбулой овеянный славой и обласканный руководством страны командарм предваряет главный удар:

«Хорошо подготовленный командный состав, знакомый основательно с современной военной наукой и проникнутый духом смелого ведения войны имеется лишь среди молодого офицерства...

Среди военкомов и младшего комсостава есть много достойных быть командирами на ответственных постах. Надо только дать широкий простор для продвижения... на командные должности...

Все военкомы из бывших офицеров или унтер-офицеров должны быть сразу обращены в командный состав. Нужно только бросить лозунг о переходе к коммунистическому командному составу... Эта мера создаст легкий путь для перехода к единоначалию »⁸¹.

Этим ударом веривший в свой авторитет среди военного и политического руководства страны Тухачевский пытался достичь двух целей: во-первых, «поставить на место» служащих в Красной армии царских генералов и полковников и, во-вторых, избавиться в армии от влияния комиссаров. Тухачевский подводил и мощную идеологическую базу:

«Для того, чтобы понимать характер и форму гражданской войны необходимо сознавать причины и сущность этой войны.

Наше старое офицерство, совершенно не знакомое с основами марксизма никак не может и не хочет понять классовой борьбы и необходимости и неизбежности диктатуры пролетариата.

Многие генералы и офицеры честно служат Советской Республике, но руководствуются, в данном отношении идеей национальной, а не своей солидарностью с рабочим классом»⁸².

Итак, командарм считал себя знатоком марксизма — если не теории, то практики, проверенной в бою.

(Троцкий, уже в эмиграции, вспоминал: «Мне приходилось...

подвергать критике попытки Тухачевского создать «новую военную доктрину» при помощи наспех усвоенных элементарных форм марксизма»⁸³).

Тухачевский демонстрирует «заказчику» — Ленину — классовую солидарность с пролетариатом. Вряд ли даже в упоении недавними победами он писал эти строки вполне искренне, скорее, был движим стремлением и политически закрепить свое положение «первого среди равных». Возможно и другое: «поручик–командарм»

стремился заверениями в классовой солидарности загладить свой первородный грех — дворянское происхождение.

Да к тому же, в РВС Республики еще бесспорно помнили «дело о Приволжской шпионской организации».

Тухачевский сделал ответственный доклад в Академии Генштаба. Ему «высочайше доверено» Лениным и Троцким прочесть лекцию о национальной и классовой стратегии. Эта лекция — второй шаг на пути Тухачевского по созданию коммунистической военной теории и шаг, вероятно, не менее важный, чем записка о коммунистическом комсоставе.

В лекции «Стратегия национальная и классовая» Тухачевский стремился применить марксистское учение к сфере военного искусства и к условиям ведения гражданской войны. Сделав оговорку о том, что не отрицает «вечных основ стратегии», он настаивал на принципиальных отличиях гражданской войны от национальной, межгосударственной. Он, подчеркивал, что план гражданской войны не может быть составлен ранее ее начала, поскольку начало это спонтанно. И ее армии будут «продуктом импровизации». Тухачевский явно увлекается, убеждая: революционная энергия и смелость доминируют над всем остальным. К счастью для большевиков, в своей практике тех лет Тухачевский все-таки не позволил этим качествам доминировать над здравым смыслом. Чем и объяснялась его, действительно фантастическая, успешность как военачальника.

Тухачевский акцентировал внимание на политическом факторе гражданской войны и, памятуя, о перманентных конфликтах с комиссарами, настаивал на полной независимости военных командиров от политиков в принятии стратегических решений.

«Нет оснований считать, что в гражданской войне... политикам дозволено вмешиваться в способы достижения поставленной стратегии цели. Высказываемые неко-

торыми положения о праве вмешательства политики в стратегию в гражданской войне надо отвергнуть»⁸⁴.

Он настаивал на необходимости учета классового состава населения территорий, на которых разворачиваются боевые действия, и считал, что на завоеванных внутри собственной же страны землях нужно установить жесткий, оккупационный режим:

«Мы действительно небольшими армиями можем завоевать колоссальные пространства и при этом имея тыл всегда обеспеченным.

Это достигается с нашей стороны быстрым укреплением в занятых областях власти рабочих и крестьян. Военно–административные органы создают из родственных классов местные формирования»⁸⁵.

О методах обеспечения этими классовыми формированиями диктатуры пролетариата Тухачевский не упоминает — они и без того хорошо известны его слушателям, только что покинувшим окопы Гражданской.

Цикл не лишенных художественности его статей о «революции извне» и «коммунистическом империализме», написанных в это время, — по сути обоснование необходимости новой войны, в которой он, конечно, намеревался снискать лавры победителя... Тухачевскому предстояла Польша.

Источники и литература

1. Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. Пг., 1918, с. 101.

2. Литвин А. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг.

М.: Яуза, Эксмо, 2004, с. 8.

3. Гуль Р. Б. Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. М.: Мол. гвардия, 1990, с. 23.

4. Старцев В. И. Первые месяцы большевистской власти: от войны политической к войне гражданской // Драма российской истории:

большевики и революция. М.: Новый хронограф, 2002, с. 259.

5. Соколов Б. В. Тухачевский. Жизнь и смерть красного маршала.

М.: Вече, 2003, с. 50.

6. Тухачевский М. Н. Первая армия в 1918 году: Воспоминания.

(Оригинал статьи для журнала «Революция и война», № 4—5, 1921, Самарский областной государственный архив социально-политической истории (в дальнейшем СОГАСПИ), ф. 3500, оп. 1, д. 256, л. 2—3.

7. Гнутов М., Федоров Г. Боевой восемнадцатый год. Ульяновск, 1963, с. 16.

8. Кантор Ю. Михаил Тухачевский, маршал Советского Союза: «Я хочу сделать вывод из этой гнусной работы» // Известия, 21 февраля 2004 г.

9. История гражданской войны в СССР. М., 1957, т. 3, с. 226.

10. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 38, с. 142.

11. Волков С. В. Трагедия русского офицерства.

М.: Центрполиграф, 2002, с. 314.

12. Краснознаменный Приволжский: Исторический очерк. 2–е изд.
Куйбышев, 1980, с. 51.
13. Евланов В. А., Петров С. Д. Почетным оружием награжденные.
М.: Просвещение, 1988, с. 64.
14. Государственный музей политической истории России (ГМПИР), ф.6, л.204(?).
15. Соколов Б. В. Указ. соч., с. 51.
16. Савинков В. Записки // Родина, 1999, № 7, с. 63.
17. Минаков С. Сталин и его маршал. М.: Яуза, Эксмо, 2004, с. 120.
18. Краснознаменный Приволжский, с. 52.
19. Гражданская война 1918–1921. М., 1928, т. 2, с. 93.
20. Волков С. В. Указ. соч., с. 316.
21. Ленин В. И. ПСС, т. 40, с. 199, 218; т. 39, с. 406.
22. Медведев Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918—1919 гг.). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1974, с. 143.
23. Гражданская война 1918–1921 гг. М., 1928, т. 3, с. 93.
24. Волков С. В. Указ. соч., с. 326.
25. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 39, с. 314.
26. Симбирская губерния в 1918—1920 годах: Сб. воспоминаний.

- Ульяновск, 1958, с. 43.
27. Тухачевский М. Н. Указ. соч. — СОГАСПИ, ф. 3500, оп. 1, д. 256, л. 1.
28. Соколов Б. В. Указ. соч., с. 53.
29. Тухачевский М. Н. Указ. соч. — СОГАСПИ, ф. 3500, оп. 1, д. 256, л. 8.
30. Государственный архив РФ (ГАРФ), ф. Р–1235, оп. 93, д. 501, л. 31–32.
31. Самарская губерния в годы Гражданской войны (1918—1920).
Куйбышев: Куйбышевское книжное изд-во, 1958, с. 92.
32. Тухачевский М. Н. Указ. соч. — СОГАСПИ, ф. 3500, оп. 1, д. 256, л. 10.
33. ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 688, л. 81.
34. ГАРФ, ф. 749, оп. 1, д. 39, л. 6.
35. Литвин А. Указ. соч., с. 147.
36. Вольский В. К. Судьба учредительного собрания // Исторический архив, 1993, № 3, с. 146.
37. Голос рабочего, Самара, 10 июля 1918 г.
38. Майский И. М. Демократическая контрреволюция.
М. — Пг., 1923, с. 176.
39. Шамбаров В. Е. Белогвардейщина. М.: Эксмо, Алгоритм, 2004, с. 163.
40. Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. М., 1923, т. 1, с. 232–233.

41. РГВА, ф. 157, оп. 2,159, л. 58.
42. Тухачевский М. Н. Указ. соч. — СОГАСПИ, ф. 3500, оп. 1, д. 256, л. 20–21.
43. Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М.: Воениздат, 1964, т. 1, с. 89.
44. Деникин А. И. Очерки русской смуты // Вопросы истории, 1992, №11/12, с. 121,123.
45. Корицкий Н. Н. В дни войны и в дни мира // Маршал Тухачевский:
Воспоминания друзей и соратников. М.: Воениздат, с. 75—76.
46. Минаков С. Указ. соч., с. 129.
47. Кантор Ю. Указ. соч.
48. Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война. 1918—1921.
СПб.: Полигон, 2002, с. 87.
49. Самарская губерния в годы Гражданской войны (1918—1920), с. 111.
50. Шамбаров В. Е. Указ. соч., с. 236.
51. Литвин А. Указ. соч., с. 140.
52. СОГАСПИ, ф. 3500, оп. 1, д. 284, л. 23.
53. Там же, л. 24.
54. Там же, л. 31–33.
55. Шарикова Э. Замечательный полководец // Волжская коммуна (Куйбышев), 16 февраля 1963, № 40.
56. Самарский областной государственный архив (СОГА), ф. 136, оп. 1, д. 20, л. 412.

57. Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Указ. соч., с. 227.

58. Самойло А. А. Две ЖИЗНИ. М., 1958, с. 91.

59. Rouquerol. L'aventure de Admiral Koltchak. Paris, 1929, с 121—122 60. Никулин Л. Тухачевский: Биографический очерк. М.: Воениздат, 1964, с. 80.

61. Центральный Архив ФСБ РФ (в дальнейшем ЦА ФСБ РФ), Архивное следственное дело (в дальнейшем АСД) № Н–212 на «Приволжскую шпионскую организацию», т. 1, л. 216.

62. Там же, л. 217.

63. Там же, л. 16.

64. Там же, 14 об. — 15.

65. Там же, д. 49.

66. Бонч–Бруевич В. Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1931, с. 191—192.

67. ЦА ФСБ РФ, АСД № Н–212 на «Приволжскую шпионскую организацию », т. 3, л. 197.

68. Там же, т. 4, л. 440.

69. Там же, т. 1, л. 16.

70. Там же, т. 1, л. 215.

71. Там же, т. 1, л. 218–219.

72. Кантор Ю. Адмирал Колчак: романи перед расстрелом. «Я вас больше чем люблю...» // Известия, 6 февраля 2004 г.

73. Гуль Р. Ледяной поход. М., 1990, с. 53–54.

74. Наумов И. В. История Сибири: Курс лекций. Иркутск: Изд-во

ИрГТУ, 2003, с. 204–205.

75. Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М.: Воениздат, 1964, т. 1, с. 270.

76. Там же, т. 2, с. 227.

77. Соколов Б. В. Указ. соч., с. 86.

78. Опишня И. Тухачевский и Скоблин: Из истории одного предательства // Возрождение. Париж, 1955. Тетрадь № 39, с. 110.

79. Там же.

80. Тухачевский М. Н. Избранные произведения, т. 1, с. 27.

81. Там же, с. 28–30.

82. Там же, с. 28–29.

83. Минаков С. Указ. соч., с. 128.

84. Тухачевский М. Н. Избранные произведения, т. 1, с. 32–33.

85. Там же, с. 39.

6. ПОЛЬСКИЙ СИНДРОМ

Мы должны штыками пощупать — не созрела ли социальная революция пролетариата в Польше?1 В. И. Ленин

Позицию России по отношению к Польше в 1920 году имеет смысл разделить на две главные составляющие.

Первая — попытка советизировать вновь образованное государство, стремящееся расширить свои границы на запад и на восток, и открыть таким образом дорогу к мировой революции. Вторая — подступы к созданию коалиции России и Германии, что привело в дальнейшем к раппальским соглашениям. (Они положили начало вынужденному сотрудничеству двух стран в военной сфере, продолжавшемуся почти полтора десятилетия.) Формирование московско–берлинского альянса на фоне советско–польских событий 1920 года проходит «скрытой темой». Эта «тема» развивалась по мере заключения в Риге в 1921 году «худого мира».

Советско–польская война исследовалась и отечественными, и зарубежными историками главным образом в контексте «противостояния двух систем» и борьбы Польши за независимость. На периферии внимания оставались проблематика внутripольской ситуации и, с другой стороны, доминирующие причины поражения Красной армии. Польская кампания как некий фон «латентного» зарождения нового союза «двух парий Европы»^[18] — сюжет, практически не изученный.

¹⁸ Так назвал Россию и Германию после Версальских соглашений Ллойд–Джордж.

Михаилу Тухачевскому суждено было стать активнейшим протагонистом доктрины большевистской России, внятно обозначенной и выраженной в призыве:

«Даешь Варшаву!». Ему же предстояла и ключевая роль в реализации российской стороной раппальских соглашений, в 1920 году лишь только закладывавшихся.

Поражение в польской кампании для Тухачевского стало не только тяжелым психологическим ударом, но и «миной замедленного действия» в отношениях со Сталиным. А возникшее вследствие катастрофического для России «чуда на Висле» сотрудничество большевистских военных кругов с Германией — губительной «уликой» для обвинения его в измене Родине в 1937 году.

Поражение России и Германии, а также Австро–Венгрии в империалистической войне вновь — впервые после польского национального восстания 1863 года — реанимировало идею польской государственности. То, что Германия и Австро–Венгрия в ноябре 1916 года и Россия в августе 1914 года и в марте 1917 года объявили о намерении создать независимую Польшу, не только не уменьшило, а, пожалуй, увеличило стремление поляков стать независимыми и от Германии, и от России, и от Австро–Венгрии. А после того, как пришедшие к власти в России большевики провозгласили право народов на самоопределение и взяли курс на мировую революцию, оттолкнув от себя бывших союзников по войне, взоры поляков и других лимитрофов обратились к Антанте. Получив в 1918 году независимость и еще не имея четко очерченных границ, Польша при активной и решающей помощи государств Антанты, в первую очередь — Франции, и в условиях хаоса и политического вакуума начала стремительно приобретать доминирующую роль в Восточной

Европе. В течение двух–трех лет она стала основным форпостом западных союзников, своеобразным «восточным бастионом Версальского договора»².

Эта роль Польши как «буфера» между Россией и Германией и «опоры» Версальского договора, не признаваемого большевиками, не устраивала Россию, и она решилась на жесткий военно–социальный эксперимент в Польше.

В годы гражданской войны и интервенции советская власть чувствовала себя крайне неустойчиво. И у правительства Юзефа Пилсудского^[19] был большой соблазн воспользоваться этим обстоятельством, тем более, что еще в конце 1918 — начале 1919 года Польше удалось захватить некоторые украинские, белорусские и литовские земли³.

Юзеф Пилсудский — знаковая фигура в истории польского государства. Он родился в Российской импе-

¹⁹ Пилсудский Юзеф (1867—1935), польский политический и государственный деятель, маршал Польши (1920). Из дворян. В 1892 г. примкнул к Польской социалистической партии (ППС), возглавил ее националистическое крыло. В 1906 г. исключен из ППС, один из организаторов националистической ППС — «революционной фракции». Участник I мировой войны, командовал 1–й бригадой Польских легионов в австро–венгерской армии.

11 ноября 1918 г. (после революции 1918—1919 гг. в Германии) Регентский совет в Варшаве (создан оккупантами в сентябре 1917 г.) передал Пилсудскому военную, а 14 ноября — гражданскую власть.

В мае 1919 г. Пилсудский установил отношения с Петлюрой. В январе 1920 г. пригласил в Польшу Б. Савинкова (финансировал деятельность его организаций), содействовал формированию (в составе польской армии) банд Булак–Балаховича и др. Заключил с Петлюрой Варшавское соглашение 1920 г. и руководил наступлением польских войск на Советскую Россию. Был вынужден заключить Рижский мирный договор 1921 г. с Советской Россией. Расцветом польско–советских отношений стали 1932—1934 гг. В 1932 г. был подписан договор двух стран о ненападении, а в Варшаву прибыл советский посол В. Антонов–Овсеенко. После прихода Гитлера к власти в январе 1934 г. Польша подписала пакт с Германией о неприменении насилия.

рии, в польско–литовском местечке Зулове, подданным императора всероссийского и короля польского Александра П. В семье был ближе всего к старшему брату Брониславу, учившемуся в Петербурге и связанному с русскими революционерами.

Бронислав Пилсудский, активный участник организации «Народная воля» и заговора против императора, как и Александр Ульянов, осужден на смертную казнь, но был царем помилован и сослан на 15 лет на каторгу. Не совершеннолетний Юзеф, помогавший брату в конспиративной деятельности, проходил свидетелем и был за «государственное преступление» выслан на 5 лет в Восточную Сибирь.

Вернувшись, решил, как и Владимир Ульянов, мстить за брата. Увлечшись трудами Энгельса, в 1893 году стал членом Польской социалистической партии. А вскоре и возглавил ее — принесло плоды упорное стремление к лидерству. Став профессиональным революционером, он, как и Ленин, значительное внимание уделял прессе, лично редактировал партийную газету «Работник».

Именно обнаружение типографии «Работника» повлекло за собой арест Пилсудского в феврале 1900 года в Лодзи.

Ему вновь грозила ссылка — теперь уже на 10 лет. Он симулировал сумасшествие и пять месяцев провел в сумасшедшем доме в Петербурге, откуда совершил побег. Уже в ходе революции 1905—1907 годов Пилсудский загорелся идеей создания полувоенных антирусских организаций в Галиции, и в 1910 году первая из них — Стрелецкий союз — была создана.

С этого момента Пилсудский активно выступал за разделение польской и русской революции. Во время Первой мировой войны австро–германский Регентский — оккупационный — совет передал Пилсудскому власть: он стал Начальником государства и главнокомандующим польской армии. Именно он провозгласил 16 ноября 1918 года независимость Польского государства. Как в последствии неоднократно писал сам Пилсудский, он видел целью своей жизни сохранение этой независимости, стремление «уберечь Польшу от чуждого, навязанного полякам устройства жизни».

И, защищая суверенитет страны, вполне осознанно шел на захват чужих территорий, унаследовав эту «привычку» от правителей империи, частью которой еще совсем недавно была Польша. Гражданская война в России как следствие большевистского переворота октября 1917 года неминуемо должна была «столкнуть лбами» Россию и Польшу. Русская революция остановилась в 1920 году на польской границе.

В феврале 1920 года политическое и государственное руководство Советской России приняло решение о начале разработки операции, направленной против Польши. Ленин телеграфировал председателю Реввоенсовета Троцкому:

«Все признаки говорят, что Польша предъявит нам абсолютно невыполнимые, даже наглые условия. Надо все внимание направить на подготовку, усиление Запфронта. Считаю необходимым принятие чрезвычайных мер для быстрой доставки всего необходимого Западному фронту из Сибири и с Урала. Следует выдвинуть лозунг «Готовиться к войне с Польшей»»⁴.

Перед главнокомандующим Красной армией С. С. Каменевым была поставлена задача разработать такой оперативный план ведения боевых действий, который обеспечил бы полный разгром Польши. К чрезвычайным мерам, несомненно, относится и назначение 29 апреля 1920 года командующим Западным фронтом Михаила Тухачевского, самого победоносного полководца Гражданской войны. Каменев предлагал Ленину:

«Главкомандование считает долгом доложить, что ввиду важности польского фронта и ввиду серьезности предстоящих здесь операций, Главкомандование предполагает к моменту решительных операций переместить на Западный фронт командующего ныне Кавказским фронтом т. Тухачевского, умело и решительно проводшего последние операции»⁵.

Ленин одобрил это предложение, и перед Тухачевским была поставлена задача начать подготовку войск для проведения решающего удара по Польше.

«Нанеся удар по Польше, мы тем самым наносим удар по самой Антанте;

разбив польскую армию, мы тем самым разбиваем... версальский договор»⁶, — писал Ленин, определяя одну из двух главных целей операции.

Вторая — глобальная: экспорт революции, обозначенный на геополитической карте вектором «Варшава—Берлин». Газета «Красноармеец» призывала:

«Пробиваться на запад не с целью захвата Польши, Германии, Франции, а для соединения с польскими, немецкими и английскими рабочими — вот наша главная задача. Именно поэтому белая Польша должна быть уни-

чтожена, создана будет Польша пролетарская, и красное знамя должно развеяться над Варшавой»7.

Военные действия Советская Россия вела на нескольких направлениях, но в тезисах «Польский фронт и наши задачи»

ЦК РКП(б) предельно внятно расставил акценты — война с Польшей оценивалась «не как частная задача Западного фронта, а как центральная задача всей рабоче-крестьянской России»8.

«Мы должны сделать то же самое, что делали ранее в отношении других государств, а также использовать такие средства, которые мы применяли по отношению к войскам Колчака и Деникина. Мы должны немедленно обратиться к демократии Польши и разъяснить ей истинное положение вещей»9.

В записке Ленина прочитывается явная угроза. Средства, примененные к войскам Колчака и Деникина, были хорошо известны, и параллели напрашивались сами собой — тем более, что победитель Колчака и Деникина, двадцатисемилетний Тухачевский, уже вел свои войска к этническим границам Польши. Ему предстояло сразиться с войсками Юзефа Пилсудского, до тех пор успешно развивавшими экспансию на западе и востоке. Глава польского государства и его верховный главнокомандующий был ровно вдвое старше командующего советским Западным фронтом.

Советский план нанесения окончательного удара по Польше предполагал концентрацию соединений Западного фронта на территории Белоруссии. Наступление должно было начаться по линии Смоленск—Варшава—Берлин. После захвата Львова и Кракова предполагалось двинуть

силы ЮгоЗападного фронта на Балканы. Начало операции было запланировано на июль.

Наступление подразделений Юго–Западного фронта на Украине планировалось как вспомогательная операция, которая должна была отвлечь значительные силы поляков, лишив их возможности перебросить войска в Белоруссию. Тухачевский 14 мая принял решение о начале наступательных действий¹⁰. 30 мая 1920 года СНК подтвердил, что «главной задачей рабоче–крестьянского правительства в настоящий момент является борьба на Западном фронте. Все силы и средства страны должны быть направлены на польский фронт для обеспечения полной и быстрой победы»¹¹.

Агитируя отправлявшихся на польский фронт, Ленин продемонстрировал образец «большевистской искренности»:

«Помните, товарищи, что с польскими крестьянами и рабочими у нас нет ссор, мы польскую независимость и польскую народную республику признавали и признаем. Мы предлагали Польше мир на условии неприкосновенности ее границ, хотя эти границы простирались гораздо дальше, чем чисто польское население... Мы все должны сегодня здесь дать клятву, ...что мы все будем стоять... за то, чтобы не допустить победы польских панов и капиталистов»¹².

Для укрепления командного состава низшего и среднего звена созданный при Главкоме 30 мая 1920 года Совет военных специалистов во главе с А. А. Брусиловым издал воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились», гласившее:

«В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности Родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их вам ни нанес, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию, на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской Рабоче–Крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения, ибо в противном случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут нас справедливо проклинать и правильно обвинять за то, что мы из–за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свой родной русский народ и загубили свою матушку–Россию»¹³.

Российское правительство приняло решение о призыве в Красную армию бывших генералов и офицеров царской армии.

Они снова оказались востребованными — в качестве военных специалистов их направляли на командные и штабные должности¹⁴.

Тухачевский, как и в начале Гражданской, «своим» в рядах Красной армии был рад. В. Ладухин, назначенный в 1920–м в штаб Тухачевского, вспоминал:

«Михаил Николаевич спросил: «Имеете военное образование?»»

...Я отвечал нетвердо: «Бывшее Александровское училище... в военное время... ускоренный выпуск». Тухачевский сразу преобразился:

«Э–э, да мы, значит, однокашники! Только я окончил это училище перед войной. И, знаете, товарищ, там совсем неплохо готовили офицеров»

»15.

Приказ Тухачевского о наступлении на Западном фронте написан с поэтическим пафосом. Двадцатисемилетнему командующему нравилась «музыка революции», исполненная «смычками страданий на скрипках времен». Его скрипка снова была первой.

«Взгляды всей России обращены на Западный фронт. Измученная, разоренная страна отдала все для организации победы над врагом. Рабоче–Крестьянский тыл наш с трепетом ждет победы и мира. Оправдаем же надежды социалистического отечества. Докажем на деле, что усилия страны не пропали даром. Бойцы рабочей революции. Устремите свои взоры на запад. На западе решаются судьбы мировой революции.

Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся человечеству. На Запад!

К решительным битвам, к громозвучным победам!.. На Вильну, Минск, Варшаву — марш!»16 Ситуация в военно–политическом руководстве Польши была далека от спокойной. Смена правительств, нервная рокировка в высших эшелонах власти стали следствием безуспешного поиска выхода из военного кризиса. Пилсудский намеревался сформировать «антибольшевистскую конфедерацию». Его программа–минимум предполагала создание общего государства Литвы и Белоруссии, подобного Великому княжеству Литовскому, и его объединение с Польшей. Максимальные претензии Варшавы предполагали создание федерации или конфедерации госу-

дарств–лимитрофов, отделившихся от Российской империи: Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, Украины, Закавказья — во главе с Польшей. В основу внешней политики Пилсудским была положена идея, предполагавшая руководящую роль Польши в Восточной Европе и направленная главным образом против России. Он приступил к осуществлению этих планов еще зимой 1919 года, когда польская армия двинулась на восток.

24 апреля 1920 года Пилсудский занял Вильно, летом польские войска захватили Минск. (Пилсудский приостановил продвижение лишь в период наступления Деникина на Москву, опасаясь его «великодержавных намерений» восстановить Россию в дореволюционных границах. За что русский генерал обвинил Пилсудского в желании спасти большевизм.) В апреле же 1920 года Пилсудский заключил соглашение с Украинской Народной Республикой (с украинской стороны подписанное Симоном Петлюрой) — согласно этому соглашению к Польше отходила Восточная Галиция. В результате стремительного наступления на Украине 7 мая поляки заняли Киев. Но уже 11 июня им пришлось оставить город под натиском красных.

В первых числах июня стратегическая инициатива перешла к Красной армии, поляки начали откатываться назад.

Большевики заявляли о намерениях решить территориальнополитический спор с Польшей мирным путем.

«Пилсудский и его агенты знают, что ничто не грозит независимости Польши, которой мы, рабоче–крестьянская Россия, согласны дать более широкие границы, чем намечала Антанта»,¹⁷ — декларировал Троцкий.

Но польский истеблишмент этим заверениям не доверял.

Было созвано закрытое заседание Сейма с участием Пилсудского, военного министра генерала Юзефа Лесневского, а также начальника Генерального штаба Войска Польского генерала Юзефа Галлера, премьера Владислава Грабского и представителей парламентских фракций¹⁸. Итогом стало создание Совета государственной обороны (СГО), в компетенцию которого входила координация всех политических и военных решений. Создание СГО одобрил сейм. Совет назван высшим государственным органом, решения которого обязательны как в военное, так и в мирное время. Председателем СГО стал Ю. Пилсудский. 2 июля польское Военное министерство выпустило приказ о начале набора в добровольческую армию, командующим которой назначен Юзеф Галлер.

В тот же день Тухачевский подписал приказ Войскам Западного фронта:

«Красные солдаты. Пробил час расплаты. Наши войска по всему фронту переходят в наступление. Сотни тысяч бойцов изготовились к страшному для врагов удару. Великий поединок решит судьбу войны русского народа с польскими насильниками. Войска Красного знамени и войска хищного белого орла стоят перед смертельной схваткой. Прежде чем броситься на врагов, проникнитесь смелостью и решительностью.

Только наполнив грудь отвагой, можно победить. Да не будет в нашей среде трусов и шкурников. В бою побеждает только храбрый.

Перед наступлением наполните сердце свое гневом и беспощадностью.

Мстите за сожженный Борисов, поруганный Киев, разгромленный Полоцк. Мстите за все издевательства польской шляхты над рево люционнм русским народом и нашей страной. В крови разгромленной польской армии утопите преступное правительство Пилсудского.

В наступлении участвуют полки, разбившие Колчака, Деникина и Юденича.

На защиту Советской земли собрались бойцы с востока, юга, запада и севера. Железная пехота, лихая конница, грозная артиллерия неудержимой лавиной должны смести белую нечисть. Пусть разоренные империалистической войной места будут свидетелями кровавой расплаты революции со старым миром и его слугами. Красная Армия да покроет себя новой неувядаемой славой»¹⁹.

Все та же героико–романтическая риторика, все тот же «высокий стиль», полный агрессивной энергетики. «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо»... Не случайно Тухачевскому с юности так нравился Маяковский. Тухачевский, обладатель польского дореволюционного ордена Св. Станислава эстетствовал, ведя армии на захват Польши, возвращая своей империи ее земли, он стремился расширить ее границы, пусть и под флагом мировой революции, в которую вряд ли всерьез верил. Кстати, и сам Маяковский не остался в стороне от польской кампании, агитируя за борьбу с белополяками куда менее поэтично, чем командующим Западным фронтом:

«На польский фронт!

Мигом!

Если быть не хотите Под польским игом^[20]»20.

Польша пыталась отстоять «географическую новость» — собственную независимость. Усиливалась польская пропаганда с антирусским душком. Акцию «по сплочению польского общества» возглавили политические партии и общественные объединения. Распространялись, публиковались на страницах периодической печати десятки воззваний и призывов, сообщений, манифестов и писем. Консолидации общества в не меньшей степени, чем риторика, способствовали и сообщения из Белоруссии о прорыве войсками Западного фронта польской линии обороны и о быстром продвижении Красной армии на запад. Лейтмотив этой пропаганды выразил сам Пилсудский в своей книге «Война. 1920 год».

«В гербе нашего государства — орел белого цвета, имеющий, как любой орел, кривой клюв и острые когти; в кампанию п. Тухачевского 1920 года он расправил свои могучие крылья и сумел противостоять двуглавному уродцу, хотя тот и выкрасился в красный цвет. Пусть мы будем «бело-поляками», если наш орел белый. У него от природы одна голова, а когти достаточно остры, чтобы побеждать уродцев и защищать свое гнездо»21.

И далее — формула, в которой ненависти куда больше, чем свободолюбия:

²⁰ Мысль о независимости польского государства, видимо, беспокоила Маяковского и несколько лет спустя, когда он, отражая советский взгляд на итоги войны, написал «Стихи о советском паспорте», и упомянул о паспорте польском.

«На польский глядят, как в афишу коза, На польский выпяливают глаза В тупой полицейской слоновости: Откуда, мол, и что это за Географические новости!»

«Варшава только что стряхнула с себя грязь вековой неволи, неволи долгого торжества бессилия и трусости»²².

Огромную роль в национальной консолидации сыграло католичество — религия, традиционно влиятельная в Польше и укорененная там гораздо глубже, нежели православие в России. Католическое духовенство выступило с призывом к польскому обществу о сплочении и максимальной консолидации сил для борьбы с угрозой национальному и государственному суверенитету. Оно направило письмо Папе Бенедикту XV, епископатам мира и польскому народу:

«Мы не боремся с народом России, но сражаемся с теми, кто пограл Россию, высосав ее кровь и ее душу, стремясь к новым захватам»²³.

Были намеки и прозрачнее:

«Большевизм и вправду идет на завоевание мира. Раса, которая управляет им, уже завоевала мир, используя золото и банки, а сегодня, подгоняемая текущим в ее жилах извечным стремлением к империалистическим захватам, стремится надеть не шею всех народов ярмо своего правления...»

Намек был понят, и по стране прокатилась волна погромов, разумеется, никак не повлиявших на военную ситуацию, но добавивших адреналина радикалам.

Советское руководство в свою очередь апеллировало к народу Польши:

«Мы признали независимость Польши. С самого начала мы не хотели войны, мы шли на самые большие уступки во имя мира, но после того как ваши преступные правители навязали нам войну, мы сосредоточили доста-

точные силы, для того чтобы вконец разгромить ваших помещиков и капиталистов и обеспечить, таким образом, мир между независимой рабоче–крестьянской Польшей и рабоче–крестьянской Россией... Польские рабочие и крестьяне, польские легионеры!.. Вашей жизни, вашему человеческому достоинству, вашей пролетарской и крестьянской чести не грозит никакая опасность. Сражаясь против нас из–под палки польских панов, вы совершаете измену по отношению к будущей социалистической Польше и к рабочему классу всего мира. Очиститься от пятна измены вы можете только одним путем: перейдя к нам с братски протянутой рукой... Бросайте же кровавое, бесчестное, проклятое дело борьбы с рабочими и крестьянами России и Украины... чтобы таким путем вернее и скорее обеспечить независимую социалистическую Польшу»²⁴.

Заботясь о пропагандистском успехе, Ленин рекомендовал секретариату ЦК РКП(б): «все статьи о Польше и польской войне» следует «просматривать ответственным редакторам под их личной ответственностью.

Не пересаливать, т. е. не впадать в шовинизм, всегда выделять панов и капиталистов от рабочих и крестьян Польши»²⁵.

Однако во «внутреннем употреблении» большевистская великодержавность все–таки проступала:

«Белогвардейская Польша, как и другие мелкие окраинные государства, не имеет самостоятельной политики и руководится жадностью, которая умеряется лишь трусостью»²⁶, — гласили тезисы ЦК РКП (б) «Польский фронт и наши задачи», опубликованные 23 мая 1920 года.

На дипломатическом уровне Польша настаивала на том, чтобы Антанта оказала давление на Советскую Россию, вынудив ее подписать мирный договор. Кроме того, польский премьер Владислав Грабский добивался скорейшей поставки военной техники. К 30 июня Польша исчерпала все кредиты, предоставленные на военные цели западными странами, главным образом Францией. Попытки воздействия на Антанту стали генеральной линией польской делегации на мирной конференции в бельгийском городке Спа, открывшейся 5 июля 1920 года. Это подстегивало и Германию, и Россию обеим нужны были союзники. Германия формально придерживалась нейтралитета, однако нейтралитета, сочувственного по отношению к России.

Вряд ли возможно установить точную дату и инициатора сотрудничества между РККА и рейхсвером. Во всяком случае, мысль о нем в среде германского генералитета зародилась задолго до подписания Рапалльского договора. Одним из первых ее сформулировал главнокомандующий рейхсвером генерал Х. фон Зект, который писал, что, еще будучи начальником штаба армии «Норд» в Прибалтике, пришел к выводу о необходимости для Германии опереться на Советскую Россию в борьбе за ликвидацию невозможных для Германии условий, продиктованных державами Антанты в Версале²⁷. Видный военный теоретик, успешный военачальник, автор ряда монографий по военному делу и российскогерманским отношениям, Зект находил союз двух стран перспективным и полезным. «Мысль о совместной работе с Россией» пришла Зекту весной 1920 года²⁸.

С российской стороны первые попытки навести мосты были предприняты в 1919 году через Карла Радека^[21], вышедшего из Моабитской тюрьмы, куда он был заключен за революционную

деятельность в Германии. В 1920 году Радек, занявший на своей родине, в Польше, заметный политический пост — члена Польревкома, оставался приверженцем экспорта революции и сторонником советско–германского сближения против Антанты.

Жизнь и судьба Радека достойны отдельного упоминания и при рассмотрении темы «экспорта революции». Радек в 1920 году — главный и, пожалуй, самый опытный среди большевиков специалист по «революционной контрабанде». Во время Первой мировой войны он сблизился с В. И. Лениным, став по его предложению после

²¹ Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885—1939). Родился во Львове, в австрийской Галиции. Закончил Краковский университет, с гимназических лет занимался революционной деятельностью. Состоял в социал–демократической партии (СПП). В 1906 г. был арестован в Варшаве за революционную деятельность вместе с Лео Йогисес (Тышко) и Розой Люксембург. Переехав в Германию, примкнул к леворадикальному течению в германской социал–демократии, возглавлявшемуся Р. Люксембург. После высылки из Германии обосновался в Швейцарии, где его и застала война. Будучи участником Циммервальдской (1915 г.) конференции, познакомился и тесно сотрудничал с Лениным и Зиновьевым. Перебравшись в Стокгольм, К. Радек по поручению РСДРП и в качестве ее представителя поддерживал связь с заграничными «интернационалистско–революционными кругами».

В октябре 1917 г. приехал в Россию. С 1919 г. — по предложению Ленина — член ЦК РКП(б), член Президиума Исполкома Коминтерна;

в 1920 г. — секретарь ИККИ. В 1924–1927 гг. — член ЦИК СССР. Исключен из партии на XV съезде как член «троцкистско–зиновьевской оппозиции» и сослан на Урал. В мае 1929 г. реабилитирован и восстановлен в партии. Снова арестован в 1936 г. и после «признаний»

в японском шпионаже, подготовке убийства Сталина и т. п. приговорен к 10 годам лишения свободы. Убит уголовниками в тюремной камере.

Реабилитирован в 1988 г.

февральской революции 1917 года членом Заграничного представительства РСДРП в Стокгольме. Радек — одно из главных действующих лиц в криминально знаменитой истории переезда Ленина и его соратников в Россию через Германию в запломбированном вагоне. После захвата большевиками власти прибыл в Петроград, с ноября 1917 года — зав. отделом внешних сношений ВЦИК. С декабря 1917 года — член советской делегации в Брест-Литовске; противник мира с Германией.

В конце 1919 года находился в командировке в Германии — участвовал в германской революции 1918—1919 годов, помогая объединить все фракции, вошедшие в Германскую компартию²⁹, арестован, почти сразу же освобожден и прибыл в Польшу — политическим «впередсмотрящим». И — контактером с Генштабом Германии.

В одном из своих выступлений в Гамбурге в 1920 году Зект говорил:

«Ни один немец не должен пошевелить и рукой ради спасения от большевизма Польши, этого смертельного врага Германии, творения и союзника Франции, разрушителя немецкой культуры, и если бы черт побрал Польшу, нам бы следовало ему помочь»³⁰.

В меморандуме Зекта, посвященном перспективам отношений с советской Россией, читаем:

«Только в сильном союзе с Великороссией у Германии есть перспектива вновь обрести положение великой державы... Англия и Франция боятся союза обеих континентальных держав и пытаются предотвратить его всеми средствами — т. о., мы должны стремиться к нему всеми силами... Наша политика как по отношению к царской России, так и по отношению к государству во главе с

Колчаком и Деникиным была бы неизменной. Теперь придется мириться с Советской Россией, — иного выхода у нас нет»³¹.

Имя Зекта стало ключевым для всего догитлеровского периода советско–германских отношений. (Активным участником первых контактов по «антиверсальскому сближению» был адъютант и доверенное лицо Зекта — Э. Кестринг, впоследствии германский военный атташе в Москве.) Зект занял прочное место в структуре политических сил Германии как руководитель рейхсвера — опоры власти в Веймарской республике. И не в последнюю очередь — благодаря жесткой «великогерманской» позиции, которую он продемонстрировал, работая в составе немецкой делегации сначала в Версале, затем — в Спа³². 20 июля 1920 года германское правительство объявило о своем полном нейтралитете в польско–советской войне.

Это заявление было обусловлено как успешным наступлением Красной армии, быстро продвигавшейся к Варшаве, так и тем, что на конференции в Спа германскому канцлеру К. Ференбаху не удалось убедить премьеров стран Антанты в целесообразности наличия у Германии вооруженных сил численностью в 200 тыс. человек, а не в 100 тыс., как предписывалось Версальским договором³³.

Германский министр иностранных дел В. Зимонс заявил о запрете транзита Францией оружия через Германию в Польшу; в вольном городе Данциге докеры отказывались разгружать суда, груженные французским оружием для Польши; германские добровольцы (по словам Тухачевского, их были «сотни и тысячи») сражались в рядах Красной армии против армии Пилсудского.

В 1920—1926 годах и особенно в 1920—1923 годах, когда Германия, охваченная восстаниями, вызванными разрухой, экономическим кризисом и политической нестабильностью, нуждалась в «твердой руке» для сохранения конституционного порядка, главнокомандующий вооруженными силами страны Зект являлся одной из главных политических фигур. Характерно в этом отношении свидетельство главы советской дипломатии Чичерина, считавшего, что по ключевым вопросам решение германского правительства ничего не значит, «если Зект не даст согласия»³⁴. Зект относительно «проблемы России» писал, что в качестве «незыблемой цели» германской политики в будущем он видит «политическое и экономическое объединение с Великороссией», и поэтому Германии, по его мнению, следовало постараться «по крайней мере, не превратить Россию в своего врага»³⁵.

В дальнейшем эта тема «проявлялась» в политике обоих государств, перманентно выходя на первый план в период обострения внешнеполитической ситуации.

Конференция в Спа обязала Польшу немедленно подписать соглашение с Советской Россией о прекращении боевых действий. Границей должна была стать так называемая линия Керзона^[22], предложенная еще 8 декабря 1919 года.

²² Керзон Джордж Натаниел (1859—1925), государственный деятель Великобритании, дипломат. Консерватор. В 1899—1905 гг. — вице-король Индии. В 1919—1924 гг. — министр иностранных дел. Один из организаторов интервенции против Советской России. В июле 1920 г. направил Советскому правительству ноту, в которой требовал прекратить наступление Красной армии на линии, рекомендованной Верховным советом Антанты в декабре 1919 г. в качестве восточной границы Польши — «линия Керзона» (Гродно — Брест-Литовск — восточнее Пшемьсля до Карпат). На Лозаннской конференции 1922—1923 гг. добился принятия направленного против Советской России решения вопроса о черноморских проливах, ставившего их фактически под контроль империалистических держав. В мае 1923 г. направил Советскому

Премьер Грабский подписал в Спа и соглашение, обязавшее Польшу пойти на серьезные территориальные уступки, передав Литве Вильно и прилегающую к нему территорию.

В обмен Польша получила обещание Антанты оказать давление на Советы, чтобы добиться подписания договора о прекращении боевых действий с Польшей на грядущей Лондонской конференции.

11 июля британский министр иностранных дел лорд Керзон направил ноту Совету народных комиссаров, в которой содержалось не только предложение о прекращении военных действий и начале мирных переговоров с Польшей на основе принципов, сформулированных в Спа, но и завуалированная угроза. Керзон предупреждал: действия на этнической польской территории вынудят Антанту оказать Польше помощь для защиты государственного суверенитета³⁶. Англия предлагала посредничество в советско–польских переговорах.

Россия от посредничества Великобритании отказалась, но вынесла предложение провести прямые двухсторонние переговоры в случае, если сама Польша проявит такую инициативу. (В ответе говорилось также, что линия Керзона — результат «соглашательской» позиции западных держав.) Успешные действия Западного фронта на Варшавском направлении вынудили поляков 22 июля обратиться к России с предложением о мирных переговорах.

правительству меморандум правительства Великобритании — провокационный ультиматум, содержащий угрозу новой интервенции против СССР (так называемый «ультиматум Керзона»). Эта провокация была отвергнута Советским правительством.

Прибывшая 1 августа в Барановичи польская делегация имела полномочия лишь на ведение переговоров о перемирии, что стало предлогом для сворачивания диалога.

Председатель Реввоенсовета республики Троцкий обратился к войскам:

«Герои! Вы нанесли атаковавшей нас белой Польше сокрушающий удар. Тем не менее, преступное и легкомысленное польское правительство не хочет мира... Польское правительство уклоняется от мирных переговоров... Его делегаты не являются к сроку, а если являются, то без полномочий. Варшавская радиостанция не принимает наших ответов или польское правительство притворяется, что не видало их, даже тогда, когда есть расписки варшавской радиостанции. Сейчас, как и в первый день войны, мы хотим мира...

Красные войска, вперед! Герои, на Варшаву! Да здравствует победа! Да здравствует независимая и братская Польша!»³⁷ Воодушевленные военными успехами и — как их следствие — успехами дипломатическими, большевики в это время всерьез задумывались о немедленном распространении революции. 23 июля 1920 года Ленин с конгресса Коминтерна направил Сталину, тогда члену РВС Юго-Западного фронта, телеграмму:

«Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное/мнение/, что для этого надо советизировать Венгрию, а может быть, также Чехию и Румынию. Надо обдумать внимательно» .

Забываясь о стратегическом успехе мировой революции, большевистское руководство настойчиво стреми-

лось тактически разрушить защиту «мирового империализма» — Версальские соглашения.

«Приближение нашей армии к Варшаве неоспоримо доказало, что где-то близко к ней лежит центр всей системы мирового империализма, покоящейся на Версальском договоре»³⁹.

На Тухачевского таким образом возлагались не только военные задачи, но и сугубо политические — от его успешности зависела советизация Восточной, а вслед за ней и Западной Европы.

Первым практическим шагом, направленным на реализацию политической задачи — советизации — в Польше, явилось создание так называемых революционных комитетов, которые должны были стать органами государственной власти в стране. В числе первых был создан ревком в галицийском Тарнобреге. Именно здесь еще в 1918 году возникла «Тарнобрегская советская республика». Одним из ее создателей был Томаш Домбаль. Домбаль начинал свою политическую деятельность в 1912 году как «член первой группы (возглавляемой Пилсудским) военной организации «Стржелец», борющейся за независимость Польши.

Участник польского восстания 1918 года за независимость Польши против Австро-Венгрии. Руководил восстанием «на территории 6—7 районов, вошедших впоследствии в состав Краковского, Люблинского и Львовского воеводства»⁴⁰. С 1918 года Домбаль находился уже в жесткой оппозиции к «пилсудчиковским» организациям. Он все больше увлекался коммунистической идеологией. «После восстания начальник созданной им польской жандармерии г. Тарнобрега, затем — майор, комендант округа организованного им восстания и коман-

дир формируемого им Сандомирского стрелкового полка. После двух поездок в Краков на встречи с руководством «Польской организации войсковой» (ПОВ) 6 ноября 1918 года перешел на революционные позиции и возглавил крестьянское восстание против польского правительства» (т. наз.

«Национального комитета») в Кракове под «лозунгом рабочекрестьянской власти». Результатом стало создание «Тарнобрегской советской республики». В начале 1919 года по «самостоятельному крестьянскому списку» избран в сейм. В 1920 году в сейме «в момент наступления советских войск на Варшаву выступил с приветствием по адресу Красной Армии»⁴¹. В это время Томаш Домбаль познакомился с Михаилом Тухачевским. Уже после окончания польской кампании, переехав как политэмигрант в Москву, Домбаль продолжал контактировать с Тухачевским.

«Домбаль был принят в Советский Союз как член парламента, который выступал за поражение польской армии и за призыв в Красную Армию при вступлении ее в Варшаву... я знал его как члена ЦК польской компартии»⁴².

Эти контакты стали «уликой» на процессе 1937 года, где Тухачевского судили как «польско-немецкого шпиона»^[23].

23 июля 1920 года Польское информационное бюро в Москве приняло решение о создании Временного революционного комитета всей Польши (ВРКП). В период до создания постоянного рабоче-крестьянского правитель-

²³ Домбаль к этому моменту будет уже арестован «как польский шпион » и расстрелян в августе 1937 г. Реабилитирован в 1955 г.

ства Польревком должен был заложить основы «будущего советского строя Польской Советской Социалистической Республики»⁴³. Председателем Польревкома был назначен Юлиан Мархлевский. Вероятнее всего это, столь важное идеологически, назначение произошло по личной рекомендации Ленина: они были знакомы с 1900 года, когда в Мюнхене Мархлевский помог Ленину найти типографию для издания «Искры». Впоследствии Мархлевский и внутри РСДРП, и на конгрессах Второго Интернационала выступал абсолютным сторонником позиции Ленина по всем вопросам⁴⁴. В Польревком вошли также Карл Радек, Феликс Дзержинский, Иосиф (Юзеф) Уншлихт, Феликс Кон. В качестве представителя РКП(б) с контрольными функциями в него вошел Иван Скворцов–Степанов.

Польский ревком разместился в Белостоке — крупнейшем польском городе, занятом красными.

«ВРКП заявил о непризнании легального польского правительства и о замене органов власти на территории, занятой частями Красной Армии, на революционные комитеты»⁴⁵.

Фактически большевики попытались через Польревком совершить внутренний политический переворот. Иосиф Уншлихт заявил:

«Поднимая боевой дух, обучая и просвещая подчиненные вам части Красной Армии, вы должны помнить, что захват Варшавы не является нашей конечной целью, а лишь только исходным пунктом на пути к действительно великой цели — европейской революции, революции всемирной»⁴⁶.

Польревром сослужил дурную службу Москве, фактически дезинформировав руководство страны и РККА, характеризуя внутривполитическую ситуацию в Польше. Оценки отличались чрезмерным преувеличением революционной готовности масс. Так, 6 августа Дзержинский в своей телеграмме на имя В. И. Ленина сообщал, что «буржуазия чувствует себя бессильной», «армия, кроме повстанцев, разваливается, дезертирство огромное», выражая уверенность в быстром создании пролетарской польской Красной армии. Даже 17 августа, когда польские войска уже вели успешное контрнаступление, Дзержинский оптимистично информировал Ленина о том, что «польские крестьяне безучастно относятся к войне, уклоняются от мобилизации, варшавские рабочие ожидают прихода Красной Армии»⁴⁷. Иллюзии по поводу ситуации в Польше наложили свой отпечаток и на действия РВС. Основываясь на информации Польреврома, РВС принимал решения о наступлении на Варшаву, полагая, что население в массе своей поддержит наступающих. Практика показала обратное:

не только 100% подлежащих мобилизации в регулярную армию приходили на призывные пункты — создавались добровольческие отряды.

Тухачевский, анализируя в 1923 году польскую кампанию, был вынужден признать субъективность восприятия польскими коммунистами объективной ситуации:

«Положение в Польше... рисовалось в благоприятном для революции свете... Многие польские коммунисты считали, что стоит только нам дойти до этнографической польской границы, как пролетарская революция в Польше станет неизбежной и обеспеченной»⁴⁸.

Политорганы Красной армии совместно с польскими коммунистами создавали Советы, отряды польской милиции.

В середине августа началось формирование польской Красной армии, впрочем, весьма малоуспешное. Одновременно со вступлением войск под командованием Тухачевского на польские земли польские коммунисты начали призывать солдат Войска Польского к невыполнению приказов командования, склонять их к переходу на сторону Красной армии⁴⁹. В обращении к «Польским рабочим, крестьянам и легионерам», распространенном на территории, занятой советскими войсками, говорилось:

«Мы призываем вас переходить к нам — в лагерь Красной Армии, переходить с оружием; если невозможно, то без оружия. Вы будете встречены, как братья. Переходите к нам. В одиночку или целыми частями, с оружием или без оружия, переходите под верную, надежную братскую защиту рабоче–крестьянской армии»⁵⁰.

Неудачи в Спа и на фронте привели к отставке кабинета Грабского, и 24 июля начало работу новое коалиционное правительство национальной обороны под руководством Винцента Витоса. Оно, как и предыдущее, поставило главной целью остановить наступление Красной армии и подписать мирный договор на выгодных для Польши условиях, предполагающих сохранение ее сильно расширившихся, как уже упоминалось, к 1920 году границ.

Единственная партия, оппонирующая курсу правительства, — Коммунистическая рабочая партия Польши. Одновременно с критикой прежнего правительства усилилась и критика главного командования Войска

Польского и, соответственно, самого главы государства — Пилсудского.

В связи с этим начальником Генерального штаба под давлением Антанты был назначен генерал Тадеуш Розвадовский, только что вернувшийся из Спа. Розвадовский был креатурой маршала Франции Фердинанда Фоша^[24], председателя Военного совета Антанты. Таким образом еще более усилилась позиция постоянной военной миссии Антанты, которую в должности советника Главнокомандующего Войска Польского возглавлял генерал Максим Вейган, начальник штаба Фоша⁵¹.

Фош был в равной мере ненавистен и России — как глава Антанты и протагонист Версальских соглашений, не признаваемых большевиками, и Германии — также по причине унижительного для нее версальского мира и явной антигерманской позиции в Рапалло. (Этому малень-

²⁴ Фош Фердинанд (1851—1929), французский военный деятель, маршал Франции (1918), президент Высшего военного совета Франции (1919), британский фельдмаршал (1919), маршал Польши (1923), член Французской академии (1918). Во время первой мировой войны — командующий армией, группой армий, затем (1917—1918) начальник Генштаба Франции.

6 и 7 ноября 1917 г. генерал Фош участвовал в антигерманской конференции в Рапалло близ Генуи, на которой было принято решение образовать Верховный совет союзников (Антанту), что явилось первым шагом к объединению командования.

В конце января 1918 г. Фош был назначен председателем Военного комитета союзников. В ноябре 1918 г. Антанта во главе с Фошем вынудила Германию подписать перемирие на небывало тяжелых для последней условиях. Как главнокомандующий Антанты подписал 28 июня 1919 г. в Версале договор, положивший конец Первой мировой войне. Как председатель высшего военного совета Антанты Фош стал одним из организаторов военной интервенции против Советской России в годы Гражданской войны. Под руководством Фоша Антанта провела несколько операций против Советской России: мятеж чехословацкого корпуса летом 1918 г., французскую военную экспедицию на Украину и в Крым в начале 1919 г., миссию генерала Жанена в Сибирь в 1919—1920 гг. Продолжением антисоветской интервенции стало подавление Венгерской революции 1919 г. и миссия Вейгана летом 1920 г. во время контрнаступления Красной армии на Варшаву.

кому городку впоследствии суждено было стать родиной порожденного Версалем и «Чудом на Висле» военно–политического союза Советской России и догитлеровской Германии.) Именно Фош на Версальской конференции 1919 года потребовал усиления Польши в противовес России. И об этом Советы помнили.

«Французский акцент» в военно–политическом руководстве Польши подтолкнул Германию к внятному обозначению позиции в отношении России. В Германии и, особенно, в руководстве рейхсвера (главнокомандующий генерал–полковник Х. фон Зект, начальник генерального штаба генерал В. Хайе, начальник оперативного отдела генштаба полковник О. Хассе) усилились настроения в пользу «восточной ориентации» и военного союза с «советским большевизмом». В случае победы России над Польшей (но не ранее) Зект призывал объединиться с Советской Россией с целью ликвидации позорных для Германии условий Версальского договора и восстановления общей границы между Германией и Россией на возможно более длинном протяжении⁵².

В дни, как казалось, неудержимого наступления Красной армии, Зект направил высшему Политическому руководству Германии (рейхспрезиденту Ф. Эберту, райхсканцлеру К. Ференбаху, министру иностранных дел В. Зимонсу и военному министру О. Гесслеру) записку о германо–советских отношениях:

«В полной победе России над Польшей вряд ли можно больше сомневаться. Россия отклонила посредничество Англии, отвергла всякое вмешательство Лиги Наций и вынудила Польшу непосредственно просить о перемирии и заключении мира. Приведут ли начавшиеся переговоры действительно к окончательному прекращению во-

енных действий, определенно сказать нельзя. Вполне вероятно, что большевистские армии продвинулись за Вислу к границам Германии. В таком случае в Европе сложилась бы совершенно новая политическая ситуация. Германия и Россия пришли бы в непосредственное соприкосновение. Одна из важнейших целей версальской политики — разделение Германии и России сильной Польшей — была бы перечеркнута»⁵³.

Перечеркивание важнейшей цели Версаля Зекта более чем устраивало. Практически он повторил уже сказанное ранее Лениным: «Разбив польскую армию, мы тем самым разбиваем... версальский договор».

Зект, внимательно наблюдавший за внутривнутриполитической ситуацией в России и сравнивавший ее с текущими событиями в Германии (тоже пережившей революционные выступления, правда, успешно подавленные властями, но не сошедшие на нет благодаря активной коммунистической фракции в рейхстаге), отмечал также:

«Для нашего народа идеи русской революции имеют громадную притягательную силу... Главное в том, чтобы самим их подхватить, чтобы управлять ими и поставить их на службу будущего народа»⁵⁴.

Эхо наступления войск Тухачевского донеслось до Германии мгновенно: Клара Цеткин накануне Варшавского сражения выступила в рейхстаге с требованием осуществить поворот в германской внешней политике для заключения оборонительного и наступательного союза с Советской Россией. Так что обозначенная Зектом тема «управления революционным народом» приобретала для Германии все большую актуальность.

Официальных противопольских соглашений стороны не заключали, но отношения между Германией и Россией

формировались в период польско–советской войны на основе общего взгляда на Польшу. После падения Варшавы германские военные власти готовились занять Поморье и устранить коалиционные войска из Верхней Силезии.

Огромная колония русских эмигрантов в Германии (только в Берлине их насчитывалось не менее 100 тысяч) ждала наступления армии большевиков как национальной, для уничтожения Польши и восстановления монархического строя. Прекратилась отправка русских военнопленных из германских лагерей в Россию, распространилась информация о формировании крупного отряда под командованием Бермонта–Авалова для совместных действий против Польши.

Глава русского Политического комитета (впоследствии, в 1922 году — председатель Комитета защиты Родины и свободы) Борис Савинков, приглашенный Пилсудским в Польшу и занимавший при нем неформальную должность «тайного советника», сообщал в это время начальнику II отдела генштаба Польши Б. Медзинскому о создании в Берлине большевистско–немецкой контрразведки:

«На дело организации отпущено Коппом 500 тыс. марок... В начале августа в Берлин приезжал полковник большевистского штаба...

и имел беседу с лицами штаба Людендорфа (штаб считается распущенным, но фактически продолжает работать тайным образом)...

При Генштабе, при МИД, при Полицай–президиуме, Главном комиссариате имеются разведки с русскими отделами...»⁵⁵ После конференции во французском Ифе, где шла речь о предоставлении Антантой оружия Польше, в Лондоне состоялись переговоры, на которых совет-

ская делегация во главе со Львом Каменевым отказалась принять предложение о кратковременном перемирии и представила западным державам условия, на которых Советская Россия могла бы заключить мирный договор с Польшей.

Важнейшие из них: восточная граница Польши должна проходить по линии Керзона, численный состав польских вооруженных сил должен был быть сокращен до 50 тыс. солдат действительной службы и 10 тыс. кадрового запаса. Польская сторона должна была взять на себя обязательства передать российской стороне все склады с оружием, запретить производство оружия и боеприпасов, создать вооруженную народную милицию, разрешала бы свободный транзит через польскую территорию российских эшелонов, передавала бы России железнодорожную линию Волковыск—Белосток—Граево, осуществляла бы за свой счет восстановление городов, разрушенных польскими войсками, соглашалась на возврат захваченного имущества и т. п.⁵⁶ По сути Советы возлагали на Польшу обязательства, идентичные версальским в отношении Германии. Это был своего рода «наш ответ Фошу», как уже упоминалось, «продавившему» в Версале усиление Польши против России и не допустившего уже в Спа, несмотря на желание Зекта, увеличения вооруженных сил Германии, «скованной версальскими цепями».

Британский МИД и Палата общин поддержали эти требования к явному неудовольствию польской стороны.

Решение Великобритании дало мощный дополнительный импульс к российско-германскому военно-политическому сближению. Сотрудничество с Россией позво-

лит Германии осуществить «подрыв основ Версальского мирного договора»⁵⁷, — считал Зект.

«Я отклоняю поддержку Польши, даже в случае опасности ее поглощения (Россией. — Ю. К.). Наоборот, я рассчитываю на это, и если мы в настоящее время не можем помочь России в восстановлении ее старых имперских границ, то мы не должны ей во всяком случае мешать... Сказанное относится также к Литве и Латвии. Если же большевизм не откажется от мировой революции, то ему следует дать отпор на наших собственных границах»⁵⁸.

И только: за пределы своих границ — географических и обозначенных идеологией — Германия, по Зекту, переходить не должна. Зект призывал «совершенно открыто заверить русских» в миролюбии Германии и заявить о ее желании «жить с Россией в дружбе и поддерживать двусторонний экономический обмен на основе полнейшей взаимности... Следовало бы выразить надежду, что Россия будет полностью уважать границы империи 1914 г., так как мы чувствуем себя обязанными уберечь от ужасов войны те области, которые принадлежали Германии до вступления в силу мирного договора»⁵⁹.

А де-юре Германия строго придерживалась суверенитета в отношении России — чтобы не обострять отношения с Антантой.

«По всей вероятности, Россия будет искать дружбы с Германией и уважать ее границы, во-первых, потому, что она всегда действует постепенно, до сих пор уважает право на самоопределение тех народов, которые не относятся к ней враждебно, во-вторых, также потому, что она нуждается в рабочей силе и промышленности Германии.

Если же Россия нарушит границы Германии 1914 г., то нам из-за этого вовсе не нужно бросаться в объятия Антанты, а скорее следует привлечь на свою сторону Россию путем заключения союза»⁶⁰.

Этот тезис стал немецким фундаментом для «строительства» раппальских соглашений.

12 августа 1920 года, за день до советского наступления на Варшаву, представителям германского правительства от имени Троцкого было официально сообщено, что Советы готовы признать границы 1914 года. Если в Варшаве будет образовано польское большевистское правительство, то это польское правительство добровольно передаст Германии прежние германские территории, при условии, что они являются этнически немецкими⁶¹. В это же время майор В. Шуберт — последний военный атташе кайзеровской Германии в России — по поручению МИД Германии был направлен в Восточную Пруссию для налаживания контактов с Красной армией. Ему передали списки необходимых Красной армии вооружений, снаряжения, локомотивов, автомобилей, медикаментов, провианта. Политическое руководство РСФСР стремилось закрепить успехи Западного фронта. Командование фронта постоянно получало директивы о продолжении боевых действий. 19 июля главкомом Каменевым была подписана директива, содержащая приказ войскам Тухачевского энергично развивать наступление на Варшаву и нанести решающий удар Войску Польскому⁶².

Исходя из стратегических целей Советской России, Каменев с самого начала наступления в Белоруссии принимал все меры для координации действий Западного и Юго-Западного фронтов и объединения их основных сил

на варшавском направлении, что должно было привести к быстрейшему поражению польской армии и вступлению Красной Армии в центральные районы Польши. Но командующий Юго–Западного фронта Егоров и влиятельный член реввоенсовета фронта Сталин считали, что 1–ю Конную армию следует направить для взятия Львова, что силы Юго–Западного фронта должны осуществить захват Львова и оккупацию всей Восточной Галиции. Под нажимом Сталина 24 июля Егоров направил в подразделения фронта директиву, которая полностью противоречила ранее выработанной Каменевым и Тухачевским концепции, предполагавшей концентрацию

всех сил на польском фронте⁶³. Силам Юго–Западного фронта теперь предстояло нанести удар в направлении, противоположном тому, в котором наступали армии Тухачевского.

В результате этого между Западным и Юго–Западным фронтами возникала брешь, что давало свободу маневра польским войскам. В сложившейся ситуации они могли действовать по внутренним линиям, поочередно нанося удары частям Западного и Юго–Западного фронтов. Тухачевский не был проинформирован об изменении концепции боевых действий Юго–Западного фронта. Так начинались события, позднее названные Тухачевским «катастрофой».

Пилсудский и Вейган провели перегруппировку сил, влив в них свежие части — и сопротивление польских войск усилилось, тем более что красные войска уже выдыхались на марше, пройдя за три недели около 500 км. Через три года после окончания войны Тухачевский констатировал:

«Обстановка сложилась крайне неблагоприятно для Западного фронта. Выходя на подступы к Висле, он был предоставлен своим собственным силам, в то время как против него были сосредоточены силы всей польской армии... В общем, стратегическое положение можно оценить следующими словами: поляки совершали смелую правильную перегруппировку, рискнули галицийским направлением и сосредоточили все свои силы против... Западного фронта ко времени решающего столкновения. Наши силы к этому...

моменту оказались раздробленными и глядящими по разным направлениям»⁶⁴.

Сталин по-прежнему упорствовал, и Тухачевский вынужден был вновь обратиться 30 июля к Каменеву, чтобы 12-я армия оказала поддержку его войскам, ведущим бои за Брест. Каменев дал положительный ответ. Тем не менее Сталин склонил Егорова, не отдавать приказ о наступлении 12-й армии в районе Бреста. Отказ Сталина выполнить приказ главкома закономерно обеспокоил Каменева. О случившемся он проинформировал Политбюро РКП(б)⁶⁵. На заседании, состоявшемся 2 августа, Политбюро РКП(б) приняло решение о соединении всех войск польского фронта в единый Западный фронт. Это возмутило Сталина и Егорова.

Руководство военными действиями против польской армии в соответствии с решением Политбюро было сконцентрировано в руках одного командующего. Командующим Западным фронтом был назначен Тухачевский. Перед Тухачевским теперь была однозначно поставлена задача по занятию Варшавы.

Победу над Польшей политическое руководство большевиков считало уже свершившимся фактом и мало

прислушивалось к мнению военных. С польских направлений на юг (на том же заседании политбюро было также принято решение о создании Южного фронта, который противостоял бы Врангелю) войска еще не перебрасывались, но и свежих соединений Западный и Юго–Западный фронты больше не получали. Войска Врангеля оттянули на себя значительную часть имевшихся в распоряжении командования РККА сил (и тем самым косвенно помогли полякам в битве за Варшаву) — начиная с июля в Таврию против Врангеля двинулись 14 стрелковых и 7 кавалерийских дивизий, причем лучших⁶⁶. Это не могло не вызвать протеста Тухачевского:

«Непрерывные успехи Западного фронта вселили большую уверенность в нашем конечном успехе. Намечалось снятие целого ряда дивизий с Западного и Юго–Западного фронтов для переброски на крымское направление. Приходилось отстаивать неприкосновенность частей»⁶⁷.

(Впоследствии Тухачевским был разработан и успешно реализован план разгрома Врангеля.) Главком Каменев вновь (в который уже раз) направил Егорову приказ, в котором говорилось:

«Западный фронт приступает к задаче по нанесению решающего удара с целью разгромить неприятеля и захватить район Варшавы:

в связи с этим следует временно отказаться от осуществляемого на вашем направлении захвата Львова»⁶⁸.

Тандем Егоров—Сталин не только не выполнил и этот приказ, но, более того, отдал приказ 1–й конной армии Буденного, чтобы она «в самые кратчайшие сроки мощным ударом уничтожила неприятеля на правом бере-

гу Буга», потребовав «форсировать реку и на плечах отступающих остатков 3-й и 6-й польских армий занять Львов»⁶⁹. А на начальном этапе битвы за Варшаву войска Егорова вообще не вели активных наступательных действий, что дало возможность Пилсудскому сконцентрировать значительные силы для боев с войсками Тухачевского.

Тухачевский был вынужден вести генеральное сражение силами только своего фронта, находясь в невыгодном в оперативном отношении положении. Направив 10 августа в войска директиву о форсировании Вислы, он продолжал требовать от Каменева, чтобы тот вынудил Егорова подчинить Западному фронту 1-ю конную и 12-ю армии.

Но лишь 13 августа командующий Юго-Западным фронтом выпустил директиву, на основании которой эти оперативные соединения переподчинялись Тухачевскому с 14 августа. Сталин выступил с решительным протестом и отказался подписывать эту директиву. В телеграмме Каменеву он так обосновывал свое решение:

«Ваша последняя директива без какой-либо на то необходимости полностью меняет структуру армий, находящихся в наступлении.

Необходимо было направить ее в войска или три дня назад, или позднее, после занятия Львова. В настоящий момент эта директива только запутывает дело и приводит к ужасающей, никому не нужной суматохе»⁷⁰.

Польская сторона в это время благодаря Вейгану смогла разработать план контрудара в Варшавской битве. Чтобы реализовать его, необходимо было втянуть в затяжные бои под Варшавой все армии Западного фронта, обескровить и лишь потом нанести на подступах к

столице решающий удар по их неприкрытому флангу. Пилсудский в связи с особой значимостью предстоящей операции лично командовал этой группой войск.

И все-таки накануне битвы за Варшаву Пилсудский рассматривал возможность поражения польской армии.

Он даже намеревался отказаться от поста главы государства и верховного главнокомандующего в том случае, если бы поражение Польши стало фактом⁷¹. Еще свежи были воспоминания о наступлении войск Тухачевского, стремительным маршем дошедших до стен Варшавы.

«Войска п. Тухачевского до самой Варшавы двигались безостановочно.

Среднее расстояние, проходимое за день, составляло около 20 километров, то есть почти дневной переход на марше. И это с боями! Такими темпами может гордиться и армия и ее командующий. Полководец, у которого достаточно сил и энергии, воли и умения для подобных действий, не относится к заурядным, посредственным личностям... Это неустанное движение большой массы войск противника, время от времени прерываемое как бы скачками, движение, продолжающееся неделями, создает впечатление чего-то неотразимого, надвигающегося, как страшная темная туча, для которой нет преград. В этом чувствуется что-то безнадежное, надламывающее внутренние силы и отдельного человека, и толпы. Мне вспоминаются разговоры, которые велись в то время. Один из генералов, с которым мне приходилось часто разговаривать, почти каждый свой ежедневный доклад начинал словами: «Ну и марш! Вот это марш!» В его голосе звучало и восхищение, и горечь бессилия⁷², — так вспоминал эти события сам Пилсудский.

Красный марш производил впечатление хорошо подготовленной психической атаки. Вот «окопные» ощущения младшего командира:

«Желтая линия большевистских стрелковых цепей выходила из леса на расстоянии примерно 2 км от города. Но кошмар заключался не в этом, на войне мне приходилось попадать и не в такие ситуации.

Пугало то, то все происходило в абсолютной тишине. Не было слышно ни одной пулеметной очереди, ни даже винтовочного выстрела. Большевики не стреляли, они медленно шли в сторону города, держа в руках винтовки. С нашей стороны никакого сопротивления не было, не было и попыток сопротивляться»⁷³.

Тухачевский намеревался взять Варшаву не в результате проведения особой операции, а непосредственно с марша — «осуществлять энергичное преследование противника, и не позднее 4 августа войскам Западного фронта пересечь линию Ломжа—Белосток—Брест—Литовск, выйдя не позднее 12 августа на линию Пшасныш—Осовец и далее по течению Вислы на юг, занять город Варшаву»⁷⁴.

Варшава в намеченные сроки взята не была, но в первой декаде августа войска Западного фронта подошли к польской столице.

В это время Тухачевский вступил в противоречие с Каменевым и даже пошел на нарушение субординации: проигнорировал его директиву. Тухачевский считал, что большинство польских войск сосредоточено севернее Варшавы, в его намерения входило уничтожить эти войска — это означало бы окончательный разгром Польши. Противоположного мнения придерживался главком, полагавший что противник сосредоточил основные силы

для обороны Варшавы. Поэтому он предлагал осуществить удар с севера (Тухачевский) и юга (Буденный) при одновременном лобовом ударе 12-й армии (Восканов)⁷⁵. Уже в ходе боев на Буге Каменев рекомендовал

Тухачевскому, чтобы тот сосредоточил главные усилия на подготовке наступления вдоль Буга, чтобы обеспечить большую концентрацию как его войск, так и войск под командованием Егорова.

Игнорировав мнение Каменева, Тухачевский, хотя и осознавал трудности, возникшие в связи с упоминавшимся отказом Сталина и Егорова выполнить приказ главнокомандующего о передаче войск Юго-Западного фронта под его командование, все же принял решение о проведении очередной операции исключительно силами Западного фронта. Тухачевский не собирался втягиваться в бои внутри самого города. Его войскам был отдан приказ атаковать только один район Варшавы — Прагу, польскую столицу следовало обойти с севера, осуществив глубокий окружной маневр⁷⁶. 10 августа командарм подписал директиву:

«Противник продолжает отступать по всему фронту. Приказываю разбить его окончательно и, форсировав Вислу, отбросить на юго-запад»⁷⁷.

Дальнейшее развитие событий историографы именуют «чудом на Висле». Четыре армии Тухачевского наступали вдоль одной линии, не располагая серьезными резервами и с практически оголенным левым флангом — от чего Тухачевского предостерегал Каменев и что для Красной армии было особенно опасным — польские войска могли контратаковать именно на этом участке, а затем в тылу Западного фронта. Линии коммуникаций были

растянуты, подвоз боезапасов и продовольствия не осуществлялся.

Части Красной Армии хорошо действовали на этапе наступления, но теряли боевой дух во время решительных

наступательных действий противника. В непрерывных боях на протяжении июля и августа эти войска понесли большие потери в живой силе и технике. Многие части смешавшись, некоторые из них отставали на марше.

Войска Западного фронта втягивались в сражение прямо с марша, пройдя с боями более 500 километров. Они были измотаны длительностью и скоростью этого броска, обескровлены и измучены, снабжение было дезорганизовано.

Начиная битву, Тухачевский не располагал резервами, поскольку он не мог использовать в качестве резервов те соединения, которые с опозданием продвигались к Варшаве⁷⁹.

«Люди дошли до последней степени изнеможения. Подошла та минута, когда уже не один солдат, а вся масса утратила веру в успех»⁸⁰.

Советские войска стремительно утрачивали возможность вести наступательные действия.

«Чудо на Висле» было во многом закономерно, это становится очевидным, если сравнить ситуацию в Красной и Польской армиях.

В июле–августе Западному фронту требовалось 25 тыс.

винтовок, фактически отпущено было 16 тыс. При потребности в 1779 пулеметах фронт получил 50 штук и половину необходимых шашек и патронов⁸¹. Так же обстояло дело с амуницией и продовольствием — многие солдаты были разуты, случались дни, когда рядовой состав не получал даже хлебный паек. Когда армии Западного фронта вышли к предместьям польской столицы, они насчитывали в своих рядах не более 40 тысяч штыков⁸². Все это не могло не осложнить и без того непростую ситуацию.

«Катастрофа на фронте подготовлялась давно... в этой операции (Варшавской. — Ю. К.) польские силы превосходили нас более чем в 3, а местами в 6 раз...»⁸³ — сообщал Н. Муранов Троцкому в мае 1920 года.

Польская армия существовала под опекой французского генерального штаба. При ней находилась постоянная французская миссия — 1000 первоклассных военных специалистов.

В Варшаве расположилось и английское военное представительство. Поляки располагали современным оружием, танками, автомобилями, бронев автомобилями, бронепоездами, аэропланами. Польские солдаты были сыты, обуты и одеты⁸⁴.

Всего этого Командующий Западным фронтом Михаил Тухачевский не мог не знать. А зная — вряд ли имел право не учитывать при подготовке к решающей — Варшавской — битве. В своих лекциях на дополнительном курсе Военной Академии РККА в 1923 году Тухачевский, признавая:

«...если оценить наше общестратегическое положение, то дело рисовалось далеко не в розовом свете»⁸⁵, — как бы оправдывался: «Войска Западного фронта были

истощены и ослаблены, но зато они были сильны духом и не боялись противника... Такова была инерция удара, инерция победы »86. Этот «удар» вернулся к Тухачевскому как бумеранг.

13 августа наступление Красной армии так и не началось.

Она ограничилась разведкой боем и попыталась обойти польские части с левого фланга. Битва за Варшаву продолжалась с 13 по 25 августа 1920 года и включала три основные фазы: бои за варшавские предместья и линии рек Вислы, Вкры и частично Нарева (13—15 августа); польское контрнаступление по реке Вепш и вытеснение силами 5-й польской армии соединений РККА за Нарев (16—18 августа) и дальнейшее их преследование87. Генерал Розвадовский 14 августа подписал «Обращение к солдатам в связи с началом битвы под Варшавой»:

«Результаты битвы, которая началась сегодня под Варшавой... определяют будущее всей Польши. Либо мы разобьем большевистских дикарей и тем самым обезвредим советский заговор против независимости нашего Отечества и существования нашего Народа, либо всех нас без исключения ожидает новое ярмо и тяжелое рабство»88.

Бои 14 августа не дали перевеса ни одной из сторон.

Красной армии не удалось реализовать план Тухачевского и форсировать силами 16-й армии Вислу севернее Варшавы.

3-я и 15-я армии также не выполнили поставленных перед ними задач. Эти три армии были связаны боя-

ми, что сдержало их продвижение к Висле. Лишь 4-я армия продолжала глубокий обход польских позиций. Но поскольку общий стратегический замысел командования Красной армии к этому времени не был выполнен, тактические успехи ее отдельных частей и соединений^[25] уже не имели большого значения⁸⁹. Однако советское политическое и военное руководство продолжало — или не располагая в полной мере данными об оперативной ситуации под Варшавой, или в угоду идеологии попросту игнорируя их — несколько истерически вдохновлять массы: «Красные войска, вперед! Герои, перед вами Варшава! Да здравствует победа!»⁹⁰ К 15 августа упорная оборона поляков принесла важные результаты. Три из четырех армий Западного фронта уже были не в силах проводить наступательные действия, а тем более выйти к Висле в ее нижнем течении, как это указывалось в приказе Тухачевского. 16 августа части Красной армии не добились успеха и вынуждены были отступить на исходные позиции.

И. С. Уншлихт, член РВС Западного фронта и Польревкома, тогда предложил закупить оружие в Германии⁹¹. Политбюро постановило немедленно заключить сделку на оружие⁹². Зект выразил готовность оказать поддержку в закупках оружия и содействовать вывозу военных материалов, закупленных советским представителем в Германии⁹³.

16 августа 1920 года Чичерин информировал Предсовнаркома Ленина о предложении германского правительства:

²⁵ Вторичный захват Радзимины, создание плацдарма на р. Вкре, приближение войск к Модлину.

мы обещаем принять с нашей стороны все меры для возвращения Германии границы 1914 года⁹⁴, взамен Берлин обязывается помогать советскому режиму «неофициально, т. е. посылкой нам вооружения, организацией в нашу пользу восстаний против поляков и т. п.»⁹⁵.

Красная армия не сумела достичь значительного успеха, что толкало М. Тухачевского на решительные действия.

По его приказу была осуществлена концентрация всех сил дислоцированных под Варшавой армий. Тухачевский продолжал настаивать, чтобы командующие армиями ускорили темпы наступления. Но не все они полностью контролировали ход боевых действий. Командные пункты зачастую располагались очень далеко от переднего края.

Да и штаб самого командующего фронтом находился в Минске, вдали от поля боя, в то время как обстановка на передовой менялась ежечасно. Все это плюс несовершенство средств связи оказывало негативное влияние на координацию действий частей и соединений фронта, приказы Тухачевского нередко базировались на устаревших данных.

В битве за Варшаву к этому моменту произошел окончательный перелом. Польское командование при активной помощи Вейгана умело воспользовалось несогласованностью действий командования советского Западного фронта. В решающем сражении поляки не только отбили советское наступление, но и сумели нанести мощный контрудар. Варшавская группировка РККА была по существу разгромлена, кампания в целом советскими войсками проиграна. Положение сложилось настолько тяжелое, что началось беспорядочное, хаотичное отступление.

ние — по существу, бегство — разрозненных частей РККА. Однако еще 17 августа 1920 года «Правда» писала:

«Красные войска подступают к Варшаве вплотную. Польские белые войска, хлынувшие на Советскую республику, бегут назад под ударами рабоче–крестьянского кулака»96.

Это выглядело почти абсурдно...

Тухачевский в это время отдал войскам приказ об отступлении на восток, спасая от окружения и полного разгрома. Для не знавшего поражений «демона Гражданской войны» варшавский крах стал незаживающей травмой.

Он «...несколько часов оставался в глубоком раздумье... Когда Тухачевскому стала ясна картина уже разразившейся катастрофы и когда он уже ничего не мог сделать, он заперся в своем штабном вагоне и весь день никому не показывался на глаза...

Долгие годы спустя, в частной беседе он сказал только, что за этот день постарел на десять лет»97.

Утром 18 августа Пилсудский провел оперативное совещание, на котором было рассмотрено положение в районе Варшавы. После обсуждения он пришел к выводу:

«Большая часть советских армий вынуждена отступать изпод Варшавы на восток, в связи с чем с нашей стороны необходимо добиться абсолютной согласованности в действиях всех войск, собранных под Варшавой, чтобы после разгрома одной из советских армий мы могли бы энергичным броском достичь 98 и поразить остатки неприятельских сил» .

Красная армия понесла огромные потери в живой силе и технике, полностью или частично были разбиты несколько дивизий, остальные отступали, не согласовывая своих действий с Тухачевским, бросая тяжелое вооружение, обозы и стараясь избежать окружения. Командующий Западным фронтом экстренно рассматривал варианты отвода своих армий на восток.

Обеспокоенный неожиданным для него развитием событий, Каменев в разговоре с Тухачевским по прямому проводу 19 августа в 0 часов 55 минут потребовал отчета:

«Чем можно объяснить, что для Западного фронта столь значительное и сильное сопротивление под Варшавой стало полной неожиданностью? Этот вопрос поставлен в связи с имевшим место заявлением Фронта, что противник не оказывает сопротивления до Вислы, что затем вы подтвердили устно, когда еще во время боев над Бугом я рекомендовал Вам нанести удар с севера на юг».

Командующий фронтом отвечал, что ожидал сопротивления поляков только на линии Буга.

«Я был полностью убежден, — объяснял Тухачевский, — что на Висле нам предстоят серьезные бои, что и подтвердилось.

Я просил вас также, чтобы вы не назначали даты занятия Варшавы, поскольку этот вопрос решится в ходе боев»⁹⁹.

20 августа в 4 часа 10 минут Тухачевский подписал приказ, санкционировавший отступление на восток всех оперативных соединений Западного фронта.

В тот же день он издал еще один — едва не сорвавший мирные переговоры, которые шли в это время в Минске.

«Солдаты Красной Армии. Прикрываясь лживым стремлением к миру, польские белогвардейцы готовили нам удар на линии реки Вислы. Изнуренные героическим маршем от Полоцка до Варшавы части Красной Армии отходят под давлением превосходных сил врага. Белогвардейцы всего мира ликуют по случаю нашей временной неудачи. Польское правительство, недавно так усиленно просившее о мире, теперь резко изменило политику. Польская мирная делегация в Минске самым подлым образом срывает мир. Сплошь состоящая из шпионов и контрразведчиков польская делегация пытается использовать свое положение для целей разведки.

Очевидно, что только на развалинах белой Польши может быть заключен мир. Только окончательно разгромив дело бандитов, мы обеспечим России спокойный труд. Победоносно начатое наступление должно быть победоносно закончено. Позор тому, кто думает о мире для Варшавы. Несокрушимой стеной встает на защиту Советской власти трудовой народ России, Украины и Белоруссии.

Сотни тысяч новых бойцов пополнят поредевшие ряды славных полков. Не видать победы панам. Стальной кулак Красной Армии разобьет голову польской белогвардейщине. Бойцы Красной Армии, помните, что Западный фронт есть фронт мировой революции.

На этом фронте мы должны победить.

Красноармейцы, коммунисты, командиры и комиссары! Советская Россия требует от нас величайшего напряжения сил для достижения победы. Ни шагу назад! Побе-

да или смерть!»¹⁰⁰ Разумеется, «сплошь состоящая из шпионов и контрразведчиков польская делегация» обиделась.

Благоприятному исходу переговоров, проходивших и без того весьма напряженно, эта эскапада Тухачевского не способствовала. Политбюро ЦК РКП(б) приняло следующее постановление:

«Выразить самое суровое осуждение поступку гг. Тухачевского и Смильги, которые издали, не имея на то никакого права, свой хуже чем бестактный приказ, подрывающий политику партии и правительства»¹⁰¹.

Политбюро потребовало от Реввоенсовета Республики отменить приказ Реввоенсовета Западного фронта, что и было сделано 23 августа. РВСР поставил РВС фронта на вид неправильность его действий и поручил председателю советской делегации на переговорах с Польшей К. Х. Данишевскому ознакомить польскую группу с этим постановлением, если она сочтет себя недостаточно удовлетворенной уже сделанным на заседании объяснением.

Переговоры в Минске были все-таки приостановлены — стороны не нашли точек соприкосновения по вопросу о границах, а по сути — по проблеме государственного устройства Польши. Позже, осенью 1920 года,

они были перенесены в Ригу и продолжены там уже 18 марта 1921 года. Итогом стал мирный договор между Россией и Украиной с одной стороны и Польшей — с другой, закрепивший положение прелиминарного Рижского мирного договора от 12 октября 1920 года.

К Польше, таким образом, отошли части украинских и белорусских территорий.

А 21 августа «Правда» была вынуждена констатировать:

«Еще неделю назад мы имели с польского фронта блестящие сводки. Красная Армия наступала по всем направлениям. На севере она обходила Варшаву, перерезая пути сообщения с Данцигом, в центре она близко приближалась к польской столице.

Под влиянием этих сводок многие были склонны преувеличивать значение наших успехов. Им казалось, что польские паны уже разбиты наголову, что мы можем чуть ли не голыми руками взять Варшаву»¹⁰².

В тот же день в Белосток пришло сообщение, что поляки готовятся к наступлению на город. Сразу же был эвакуирован Польшевком со всеми его подразделениями, а также Красный стрелковый полк, который, несмотря на усиленную пропагандистскую кампанию русских и польских коммунистов, так и не был окончательно сформирован. Личный состав полка к этому времени насчитывал 176 человек, а вся разрекламированная Советами польская Красная армия — 1000 человек, большинство из которых являлись откомандированными из Красной армии офицерами и инструкторами.

Эта армия была эвакуирована в Бобруйск и распущена 30 сентября 1920 года¹⁰³.

23 августа главком Каменев подписал директиву:

«В настоящее время важнейшая задача Западного фронта заключается в том, чтобы сдержать наступление войск противника, вывести из-под их удара те части, которые оказались в трудных условиях. В этой связи необходимо, чтобы войска немедленно прекратили отход без оказания сопротивления и использовали любую возмож-

ность для нанесения контрударов по 104 преследующим их частям противника» .

Но в 4 часа утра 25 августа закончилась как сама битва за Варшаву, так и преследование отступавших войск противника. Ее итог с горькой лаконичностью сформулировал сам Тухачевский в «Записке о жизни»:

«Наступал до Варшавы, отступал до Минска»¹⁰⁵.

Участник наступления на Варшаву Н. А. Ермолин вспоминал:

«Судя по моим коротким встречам с М. Н. Тухачевским, в те напряженные дни он был далек от состояния отчаяния и даже растерянности. Правда, из Витебска в Смоленск Михаил Николаевич вернулся в несколько удрученном состоянии... Трудился дни и ночи напролет. Но без нервозности. Мы его видели неизменно спокойным и собранным... Тяжело пережитая им варшавская неудача не надломила его волю»¹⁰⁶.

Однако, как ясно даже из этой сентенции, то, что неудача переживалась тяжело, скрыть не удавалось...

Варшавская битва была чрезвычайно кровопролитной.

В ходе сражения обе стороны понесли огромные потери. По имеющимся оценкам, поляки потеряли 4,5 тыс. убитыми, 22 тыс. ранеными, 10 тыс. без вести пропавшими.

Потери Красной армии оцениваются в 25 тыс. убитыми и тяжело ранеными, 66 тыс. пленными и 45 тыс. интернированными в Восточной Пруссии.

Потери российской стороны составили примерно 65— 70% личного состава Западного фронта¹⁰⁷.

Исход Варшавского сражения оказался предрешенным из-за нарушения субординации в военно-политическом руководстве РККА, ставшего возможным по причине двуначалия в армии. Реввоенсоветы — органы политического управления — имели право де-юре советательного, а де-факто — зачастую решающего голоса в обсуждении военных задач. Именно это позволило Сталину настоять на своей точке зрения. Сталин не только фактически не допустил создания единого противопольского фронта, но и саботировал выполнение решений пленума РКП(б) о включении войск Юго-Западного фронта в состав Западного под командование Тухачевского. Как следствие — не была выполнена директива главкома Каменева о передаче 1-й конной армии и 12-й армии в оперативное подчинение Тухачевскому, что привело к катастрофе для Западного фронта.

Сталин находился в штабе Юго-Западного фронта до 17 августа. Во многом поэтому войска Егорова могли оказать реальную помощь гибнущим армиям Тухачевского лишь после 23 августа, когда судьба сражения была уже решена. Таким образом за свой государственный суверенитет Польша должна быть благодарна, помимо Пилсудского, двум иностранным участникам кампании — Вейгану и Сталину.

«Чудо на Висле» стало поворотным моментом в польско-русской войне. Победа поляков привела к провалу попыток советизации Польши и экспорта революции на запад Европы. Позицию большевистского руководства на IX Всероссийской конференции РКП(б) выразил всегда чутко до беспринципности воспринимавший дуновение в партийных верхах Карл Радек:

«В Центральном Комитете не было ни одного товарища, который принципиально высказывался бы против необходимости идти с оружием в руках, чтобы помочь польскому рабочему устроить рабоче–крестьянскую власть. Никто из нас не стоит на пацифистской точке зрения. Так что я говорю, что никаких принципиальных разногласий относительно допустимости наступательной войны нет. Разногласия были и существуют только в оценке международного положения, и когда мне приходилось с товарищами говорить о решении ЦК, то я всегда исходил из того положения, что ни в Германии, ни во Франции, ни в Англии мы не стоим настолько непосредственно накануне революции, что если мы захватим Польшу, то встанет Германия и т. д. Нет такого мерил, которое позволяло бы это учесть абсолютно точно... Оценка международного положения была неверна...

В основе нашей ошибки лежала переоценка зрелости революции в Центральной Европе. ...Штык будет хорош, если надо будет помочь определенной революции, но для нащупывания положения в той или иной стране у нас имеется другое орудие — марксизм, и для этого нам не надо посылать красноармейцев »108.

На той же конференции РКП(б) за саботаж приказов во время польской кампании Сталин подвергся жесткой и унижительной для него критике со стороны Ленина и Троцкого и 1 сентября был освобожден от должности члена РВС фронта. Сталин отверг эту критику, отметив:

«заявление т. Ленина, что я пристрастен к командованию Западного фронта, не соответствует действительности»109.

В книге «Поход за Вислу» Тухачевский весьма внятно высказался по поводу позиции РВС Юго–Западного фронта:

«Революция извне была возможна. Капиталистическая Европа была потрясена до основания, и если бы не наши стратегические ошибки, не наш... проигрыш, то, быть может, польская кампания явилась бы связующим звеном между революцией Октябрьской и революцией западноевропейской»¹¹⁰.

Тухачевский не преминул уточнить:

«Те усилия, которые были предприняты главным командованием для перегруппировки основной массы Юго–Западного фронта на люблинское направление, к сожалению, в силу целого ряда неожиданных причин успехом не увенчались, и перегруппировка повисла в воздухе»¹¹¹.

Намек на «неожиданные причины» все участники тех событий отлично поняли... Ни тогда, ни позже Сталин и Тухачевский не обсуждали тему «чуда на Висле», но, верный своему любимому афоризму: «Мечь — это блюдо, которое подают холодным» — Сталин обиды не простил. Характерно, что, когда Сталин был уже главой государства, Тухачевский неоднократно отказывался от предложений написать мемуары или научные статьи, связанные с польской кампанией. В Российском государственном военном архиве хранится подтверждающая это переписка:

«Редакция журнала «Борьба классов» просит Вас дать для ближайшего номера журнала Ваши воспоминания о советскопольской войне в 20 году. Этот номер журнала в значительной своей части посвящается Польше, поэтому Ваши воспоминания, как участника этих собы-

тий, были бы чрезвычайно ценны. Размер статьи до 1/2 печатного листа»¹¹².

В ответ — вежливая отписка:

«По поручению Командующего Войсками ЛВО т. Тухачевского сообщаю, что он ввиду исключительной перегрузки работой, к сожалению, не может написать просимую Вами статью»¹¹³.

Очевидно, что быстро и легко писавший Тухачевский, тем более издавший книгу о походе на Варшаву, не захотел кривить душой, но и правду писать уже не мог, и просто решил «не будить лиха»... В самом конце Гражданской войны, прощаясь после совещания, на котором рассматривались уроки поражения под Варшавой, Тухачевский продекламировал:

«Это — голос Моей судьбы, и он мне, словно льву, Натягивает мышцы тетивою...»

Натолкнувшись на недоуменный взгляд Сталина, пояснил: «Так сказал Гамлет после встречи с духом своего отца»¹¹⁴. Была ли это рисовка, или же истинное предчувствие, но Тухачевский в 1920 году оказался прав: замешенная «на Польше» неприязнь стала существенным фактором, определившим их дальнейшие отношения.

Польша, вновь обретшая свою государственность во многом благодаря Западу, пользовавшаяся огромной поддержкой Франции, Англии и США, развернула в 1920 году поразительную территориальную экспансию.

Это и попытки силой решить верхнесилезский вопрос с Германией на западе, и захват 9 октября 1920 года Вильно и Виленщины в нарушение Сувалкского дого-

вора от 7 октября 1920 года между Литвой и Польшей, закреплявшего Виленскую область и Вильно за Литвой...

Немецкой карте в этом геополитическом пасьянсе предстояло стать козырной. Польша, используя благосклонное отношение французской администрации в Верхней Силезии, поощрявшей притязания поляков, продолжала курс на военное решение вопроса о государственной принадлежности этого региона. Нагнетание напряженности в верхнесилезском вопросе привело даже к тому, что с декабря 1920 года в Генштабе рейхсвера обсуждалась возможность войны с Польшей. В это время Зект продвигал идею участия германских военных специалистов в создании советской военной промышленности — чтобы использовать ее затем «как источник вооружения для разоруженной Германии при столкновении ее с Антантой»¹¹⁵.

Так впервые было вербализовано стремление Германии иметь военный форпост в России — путем создания на ее территории баз для строительства немецкой военной промышленности. Польская кампания и ее геополитические последствия стали таким образом катализатором российско-немецкого сближения.

Пилсудский утверждал: «Война — это искусство. Искусство создает шедевры, а шедевром военного искусства всегда является победа»¹¹⁶, но не только она. А истинный полководец узнается по поведению не только в миг победы, но и в час поражения. Победитель Пилсудский и несколько лет спустя упивался результатами своего военного триумфа:

«Я всегда с удовольствием вспоминаю, как, переводя калейдоскоп в такт бешеного галопа и непрерывно се-

бя контролируя, я каждый раз с наслаждением констатировал, что остаюсь трезвым и хладнокровным военачальником, не теряющим голову от побед и не впадающим в панику от поражений. И когда Варшава очнулась наконец после долгого страха и начала праздновать и торжествовать, я... перераспределил войска по новым армиям, как победитель даруя прощение за хаос и неразбериху, царившие в управлении ими в период неудач и поражений»¹¹⁷.

Эта пышность фраз скорее уместна для какого-нибудь юного поручика, одержавшего первую победу, а не для шестидесятилетнего маршала. (Кстати, маршальский жезл Пилсудский получил в ноябре 1920 года как глава государства, несмотря на сопротивление сейма, издав приказ: «Звание первого маршала Польши принимаю и утверждаю».) «Нет никакого сомнения в том, что если бы только мы вырвали из рук польской буржуазии ее буржуазную шляхетскую армию, то революция рабочего класса в Польше стала бы совершившимся фактом. А этот пожар не остался бы ограниченным польскими рамками. Он разнесся бы бурным потоком по всей Западной Европе. Этот опыт революции извне Красная Армия не забудет»¹¹⁸, — резюме Тухачевского, хоть и наполненное большевистской риторикой, выглядит куда достойнее...

В ноябре 1920 года под руководством Тухачевского была разгромлена так называемая народно-добровольческая армия Булак-Балаховича, сформированная в значительной мере под патронатом Пилсудского, ставившего целью «занятие Белоруссии и объявление ее демократической республикой во главе с президентом Савинковым»¹¹⁹. Но после «катастрофы под Варшавой» это не могло стать утешением, как не могла изгладить психическую травму и успешная антиврангелевская операция. Туха-

чевский хотел и должен был «реабилитироваться». Подходящий случай, сопоставимый по политической важности и международному резонансу, представился в марте 1921-го. Партия бросила Тухачевского «на кронштадтский лед».

Источники и литература

1. Ленин В. И. Политический отчет ЦК РКП (б). Стенограмма выступления на XI конференции РКП(б) 22 сентября 1920 г. // Исторический архив, 1992, № 1, с. 15—16.

2. Горлов С. А. Совершенно секретно. Альянс «Москва–Берлин» 1920—1933. М.: Олма–Пресс, 2001, с. 31.

3. Там же.

4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 51, с. 146.

5. Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М., 1969, с. 735.

6. Симонова Т. Мир и счастье — на штыках // Родина, 2000, № 10, с. 62.

7. Вышчельский Л. Варшава 1920 / Пер. с польского П. С. Романова. М.: АСТ; Астрель, 2004, с. 67. (Серия «Великие битвы и сражения»).

8. Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 годы). Документы и материалы. М.: Политиздат, 1962, с. 500.

9. Горлов С. Л. Указ. соч., с. 35.

10. Вышчельский Л. Указ. соч., с. 11.

11. Там же, с. 68.

13. Ленин В. И. Речь красноармейцам, отправляющимся на польский фронт // Правда, № 96,6 мая 1920.

13. Ростуное И. И. Генерал Брусилов. М., 1964, с. 202.

14. Выщельский Л. Указ. соч., с. 9.

15. Ладухин В. Н. Славное имя // Маршал Тухачевский:

Воспоминания друзей и соратников. М., 1965, с. 177.

16. Приказ войскам Западного фронта № 1423 от 2 июля 1920 // Военно-исторический журнал, № 5,1990, с. 30—31.

17. Троцкий Л. Герои, на Варшаву // Правда, № 180, 15 августа 1920.

18. Выщельский Л. Указ. соч., с. 35.

19. Приказ войскам Западного фронта № 1423 от 2 июля 1920.

20. Маяковский В. В. // Литературная энциклопедия. ОГИЗ,1932,т.6,с.551.

21. Тухачевский М. Поход за Вислу — Пилсудский Ю. Война 1920 года. М: Новости, 1992, с. 266.

22. Там же, с. 204.

23. Выщельский Л. Указ. соч., с. 38—39.

24. Троцкий Л. К польским рабочим, крестьянам и легионерам!

// Правда, № 131,18 июня 1920.

25. Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 годы), с. 494.
26. Там же, с. 499.
27. Gunter Rosenfeld. Sowjetru.land und Deutschland. 1917—1922.
Berlin, 1984, s. 299.
28. Торлов С. А. Указ. соч., с. 37.
29. <http://www.hrono.ru/biograf/radek.html> 30. Wagner Gerhard. Deutschland und der polnisch-sowjetische Krieg 1920. Wiesbaden 1979, s. 45.
31. Fabry Philipp. Die Sowjetunion und das deutsche Reich. Eine dokumentierte Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1933 bis 1941. Stuttgart, 1971, s. 319–320.
32. Горлов С. А. Указ. соч., с. 39.
33. Ruge Wolfgang. Deutschland von 1917 bis 1933. Berlin, 1978, s. 161,164.
34. Горлов С. А. Указ. соч., с. 44.
35. Там же, с. 40.
36. Вышчельский Л. Указ. соч., с. 42.
37. Троцкий Л. Герои, на Варшаву! // Правда, № 180,15 августа 1920.
38. Коминтерн и идея мировой революции: Документы.
М., 1998, с. 186.
39. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 41, с. 282.

40. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–3802 на Домбаля Т. Ф.
41. Там же.
42. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др.
Т. 17, л. 45.
43. Документы и материалы по истории советско–польских отношений. М., 1964, т. 3, с. 221.
44. Черных М. Н. Предисловие к статье Ю. Мархлевского «В. И. Ульянов–Ленин (1870—1920)» // Ленин и Польша:
проблемы, контакты, отклики: Сб. М.: Наука, 1970, с. 403.
45. Вышчельский Л. Указ. соч., с. 71.
46. Там же, с.15.
47. Дайнес В. Предисловие // Тухачевский М. Поход за Вислу — Пилсудский Ю. Война 1920 года. М: Новости, 1992, с. 27.
48. Тухачевский М. Поход за Вислу — Пилсудский Ю. Война 1920 года, с. 61.
49. Вышчельский Л. Указ. соч., с. 74.
50. Троцкий Л. К польским рабочим, крестьянам и легионерам!
// Правда, № 131 от 18 июня 1920.
51. Вышчельский Л. Указ. соч., с. 51.
52. Горлов С. А. Указ. соч., с. 36.
53. Там же, с. 41.
54. Симонова Т. Указ. соч., с. 61.

55. Там же, с. 62.
56. Вышчельский Л. Указ. соч., с. 56.
57. Горлов С. А. Указ. соч., с. 41.
58. Там же, с. 40.
59. Там же, с. 42.
60. Там же, с. 42.
61. Groehler Olaf. Selbstmorderische Allianz. Deutsch–russische Militarbeziehungen 1920—1941. Berlin, 1992, s. 30–31.
62. Вышчельский Л. Указ. соч., с. 76.
63. Там же, с. 77.
64. Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М.: Воениздат, 1964, с. 154.
65. Вышчельский Л. Указ. соч., с. 78.
66. Шамбаров В. Е. Белогвардейщина. М.: Эксмо, Алгоритм, 2004, с. 488.
67. Тухачевский М. Н. Избранные произведения, с. 154.
68. Вышчельский Л. Указ. соч., с. 79.
69. Военно–исторический журнал, 1962, № 9, с. 61.
70. Вышчельский Л. Указ. соч., с. 82.
71. Там же, с. 106.
72. Тухачевский М. Поход за Вислу — Пилсудский Ю. Война 1920 года, с. 203–204.
73. Вышчельский Л. Указ. соч., с. 133.
74. Там же, с. 76.

75. Какурин Н. Е., Меликов В. А. Война с белополяками 1920 г., М., 1925, с. 242.
76. Вышчельский Л. Указ. соч., с. ПО.
77. Там же, с. 109.
78. Путна В. К Висле и обратно. М., 1927, с. 109.
79. Вышчельский Л. Указ. соч., с. 269.
80. Там же, с. 168–169.
81. Симонова Т. Указ. соч., с. 63.
82. Там же.
83. Там же.
84. Там же, с. 62.
85. Тухачевский М. Н. Избранные произведения, с. 153.
86. Там же.
87. Вышчельский Л. Указ. соч., с. 5.
88. Там же, с. 137.
89. Там же, с. 153.
90. Троцкий Л. Указ. соч.
91. Горлов С. А. Указ. соч., с. 43.
92. Там же, с. 44.
93. Там же, с. 49.
94. Там же, с. 44.
95. Там же.
96. Там же, с. 45.

97. Иссерсон Г. Судьба полководца // Дружба народов. 1988, № 5, с. 184; с. 187.
98. Вышчельский Л. Указ. соч., с. 200.
99. Директивы Главного командования Красной Армии (1917— 1920), с. 661—662.
100. Приказ войскам Западного фронта № 1423 от 2 июля 1920 // Военно-исторический журнал, № 5, 1990, с. 31.
101. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 54, с. 716.
102. Горлов С. А. Указ. соч., с. 45.
103. Вышчельский Л. Указ. соч., с. 237—238.
104. Там же, с. 243.
105. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р-9000 на М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича и др. Т. «Судебное производство». Конверт.
«Записка о жизни от 27.09.1921».
106. Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников.
М.: Воениздат, 1965, с. 125—127.
107. Вышчельский Л. Указ. соч., с. 256.
108. Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 года.
Протоколы. М., 1972, с. 34—35.
109. Там же, с. 82.
- ПО. Тухачевский М. Поход за Вислу — Пилсудский Ю.

Война 1920 года, с. 63.

111. Тухачевский М. Н. Избранные произведения, с. 154.

112. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 37605, оп. 2, д. 2, л. 36.

113. Там же, л. 35.

114. Рубцов Ю. В. Маршалы Сталина. Ростов-н/Д.: Феникс, 2002, с. 108. (Серия «Исторические силуэты») 115. Горлов С. А. Указ. соч., с. 49.

116. Тухачевский М. Поход за Вислу — Пилсудский Ю.

Война 1920 года, с. 273.

117. Там же, с. 262.

118. Там же, с. 88.

119. Дайнес В. О. Михаил Николаевич Тухачевский / Вопросы истории, № 10, 1989, с. 49.

7. ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

Нас водила молодость в сабельный поход,

Нас бросала молодость на кронштадтский лед...

Но в крови горячечной поднимались мы,

Но глаза незрячие открывали мы...

Э. Багрицкий

«Горячечная кровь» бурлила в жилах участников Кронштадского восстания — и тех, кто его поднимал, и тех, кто его подавлял. Первые восстали против партии, которую слепо защищали четыре года назад. Вторые теперь расправлялись с теми, благодаря кому пришли к власти. Мощное и грозное эхо социального взрыва, раздавшегося в мятежном городе, было услышано во всей стране, и его не смогли до конца заглушить ни репрессии, ни пропаганда. Восстание кронштадтцев стало «последним отзвуком революции»¹. Михаилу Тухачевскому выпала роль заглушить этот отзвук канонадой.

«Кронштадт всегда был — и в дореволюционное время, и во время революции — особенным городом. Так, в царствование Николая I он был местом ссылки поляков, в эпоху напряженнейшей борьбы с царизмом, когда партия «Народной воли» широко раскинула свою пропаганду, офицерство стоявшего в Кронштадте флота дало целый ряд энергичных и самоотверженных борцов за права и волю народа.... В годы реакции и политического затишья морская крепость становится местом религиозного паломничества к известному о. Иоанну Кронштадтскому...

Годы 1905—1906-й — одна из ярких боевых страниц в истории Кронштадта, неразрывно своими выступлениями связавшего себя с первой революцией в России. В 1917 г. Кронштадт становится красой и гордостью революции и вместе с тем опорой большевизма.

В нем же, вместе с другими немногими городами, впервые реализуется идея «Советов»... Лозунг «Вся власть Советам» выкидывается Кронштадтом»².

Такое восприятие Кронштадта было характерно после Октябрьской революции. Лозунг «Вся власть Советам!» — один из ключевых и в требованиях кронштадтцев в 1921 году.

Кронштадтские события 1921 года многие десятилетия трактовались как мятеж, подготовленный белогвардейцами, эсерами, меньшевиками и анархистами, которые опирались на активную поддержку Антанты. Утверждалось, что действия кронштадтцев были направлены на свержение советской власти вооруженным путем, что главным политическим лозунгом восстания было требование «Советы без коммунистов». А партия и государство якобы делали все, чтобы избежать кровопролития. В первые годы перестройки маятник качнулся в другую сторону: предпринимались попытки идеализировать выступление кронштадтцев, представив его чуть ли не предтечей демократического движения³. Сменился лишь знак — модуль традиционного черно-белого восприятия действительности остался и, следовательно, осталось и множество вопросов о феномене «кронштадтского бунта».

«Матросская стихия, провозглашавшая себя «независимой республикой», все время рвавшаяся выступить против Временного правительства... устраивавшая страшные суды над офицерами и в февральские дни и позже,

осталась неизменной и теперь. Изменился только объект недовольства матросов... В настроении кронштадтцев одним из основных мотивов было разочарование в партии, которой они в свое время поверили...»⁴ Матросы и в 1917–м, и в 1921–м оставались самими собой.

Но теперь на их стороне был созданный во время Октябрьского переворота миф, представлявший их как красу и гордость революции, ее оплот. И потому власть не могла отнестись к восставшим как к просто врагам — кронштадтцы были идеологически опасны для ее престижа.

Ибо являлись «плотью от плоти Октября», в одночасье отторгнувшими родство.

События в Кронштадте нерасторжимо связаны с обстановкой в России в целом. В начале 1921 года она вновь резко обострилась. Значительная часть крестьянства и рабочих, еще поддерживая советскую власть, уже открыто выражала протест против политической монополии большевиков.

Возмущение вызывал произвол, творимый под лозунгом утверждения диктатуры пролетариата, а на деле — диктатуры партии. Все более напряженной становилась ситуация в городах. Не хватало продовольствия, многие заводы и фабрики закрывались из-за нехватки топлива и сырья, рабочие оказывались на улице. Особенно тяжелое положение в начале 1921 года сложилось в крупных промышленных центрах, прежде всего в Москве и Петрограде.

Были сокращены нормы выдачи хлеба, отменены некоторые продовольственные пайки, возникла угроза голода.

В то же время заградительные отряды отбирали продовольствие, ввозившееся в город из деревень частными лицами.

11 февраля 1921 года было объявлено о закрытии до 1 марта 93 петроградских предприятий. Среди них такие гиганты, как Путиловский и Сестрорецкий заводы, завод «Треугольник» и другие. Выброшенными на улицу оказались около 27 000 человек.

Волнения рабочих начали перерастать в открытые беспорядки.

Утром 24 февраля на Васильевском острове собралась толпа, насчитывавшая до 2 500 человек. Не полагаясь на красноармейцев, власти направили для ее разгона красных курсантов. Толпа была рассеяна. Глухой ропот не смолк. Рабочие Петрограда выдвинули требования:

«Дать дорогу беспартийным, вернуть Советам, задавленным железною лапой коммунистов, их подлинную власть, дать возможность крестьянину на обрабатываемом им участке земли быть не призрачным, а действительным хозяином плодов своего деревенского труда, снять заградительные отряды и получить свободный доступ к излишкам деревенского хозяйства»⁵.

Экстренное заседание бюро Петроградского комитета РКП(б) квалифицировало волнения на заводах и фабриках города как мятеж. На следующий день в городе ввели военное положение. 27 февраля открылось расширенное заседание пленума Петроградского Совета, в работе которого принял участие прибывший из Москвы председатель ВЦИК М. И. Калинин. А комиссар Балтфлота Н. Н. Кузьмин обратил внимание собравшихся на волнения в матросской среде. 28 февраля состоялось заседание Политбюро ЦК РКП(б), на котором первоочередной

задачей было признано подавление политической оппозиции. По уже сложившейся с 1917 года традиции, главным инструментом «политического» воздействия стала ЧК. Начались аресты представителей меньшевиков и эсеров, просто неблагонадежных лиц.

«Всем Губчека в самый кратчайший срок разбить аппарат антисоветских партий, для чего ВЧК приказывает:

Изъять в подведомственном вам районе всех анархистов, эсеров и меньшевиков из интеллигенции, особенно служащих в земотделах, продорганах и распределительных учреждениях.

Изъять активных эсеров, меньшевиков и анархистов, работающих на заводах и призывающих к забастовкам, выступлениям и демонстрациям.

Действовать особенно осторожно по отношению к рабочим и принимать по отношению к ним репрессивные меры лишь при наличии конкретных данных об их контрреволюционной деятельности...

В случае выступления рабочих на улицу — разлагать толпу включением в ее состав людей-коммунистов. На виду толпы арестов отнюдь не производить»б.

Для прояснения обстановки в Петрограде туда были направлены делегации из Кронштадта. Вернувшись, делегаты доложили общим собраниям своих команд о причинах волнений рабочих, а также моряков линкоров «Гангут»

и «Полтава», стоящих на Неве. Появился фольклор, отражавший умонастроения большинства моряков.

Седой Кронштадт в былое время Революционным шел вперед.

Он Николая сбросил бремя И сбросит коммунистов гнет⁷.

Социально–политическая атмосфера в крепости, в которой общая численность корабельных команд, военных моряков, береговых частей, вспомогательных подразделений превышала 26 000 человек, накалялась. ЧК была вынуждена экстренно создать в Кронштадте разветвленную осведомительную службу. К концу февраля общее число осведомителей дошло до 176 человек.

1 марта в Кронштадте состоялись общегарнизонное собрание и митинг, в котором приняли участие около 16 000 человек. На него пришли и прибывшие накануне из Петрограда представители власти. Главой делегации был М. И. Калинин. Вот как описывает происходившее в тот день один из немногих оставшихся в живых участников событий, бывший матрос:

«Комиссар флота Кузьмин предоставил слово Калинин, которого весь манеж встретил бурными аплодисментами. Все ждали, что он хоть что–нибудь скажет о том, как намечается улучшить положение крестьян, а Калинин начал выступление с восхваления подвигов и заслуг кронштадтских моряков и солдат революции, говорил о победах на фронтах гражданской войны, о достижениях советской власти на хозяйственном фронте, о переживаемых страной трудностях.

В зале манежа раздались громкие реплики: «Хватит красивых слов. Скажи лучше, когда покончите с подрывной работой? Когда снимете продотряды?» Выкрики с разных мест звучали внушительно.

Оценив обстановку, Калинин, комиссар флота Кузьмин и председатель горсовета Васильев с трибуны обратились с предложением провести митинг отдельно среди

моряков и среди красноармейцев, мотивируя тем, что маневр не вмещает всех желающих. Этот маневр масса не поддержала, моряки предложили перенести митинг на Якорную площадь, куда и двинулся народ... Когда на трибуне появился Калинин, его и здесь встретили аплодисментами, ждали, что он скажет. Но, когда он опять стал говорить о заслугах моряков, о достижениях и трудностях советской страны, снова раздались возгласы: «Хватит похвал! Скажи, когда отменят продразверстку?

Когда перестанут душить мужика?» Калинин пытался как-то оправдать продразверстку, но на трибуну поднялся широкоплечий немолодой матрос и громко крикнул: «Хватит хвалебной болтовни. Вот наши требования: долой продразверстку, долой продотряды, даешь свободную торговлю, требуем свободного переизбрания Советов!»...

Калинин потребовал слова, сказав: «Ваши сыновья и дочери будут проклинать вас за сегодняшний день»»8.

Накануне митинга моряки линейных кораблей «Петропавловск» и «Севастополь» приняли резолюцию, которую и вынесли на обсуждение представителей всех кораблей и военных частей Балтийского флота. Принятая почти единогласно резолюция включала 15 пунктов. Лозунга «Советы без коммунистов» кронштадтцы открыто не выдвигали, но их требования действительно были направлены прежде всего против монополии на власть РКП(б).

В первых же строках документа констатировалось, что «настоящие советы не выражают волю рабочих и крестьян»9. Резолюция призвала немедленно провести перевыборы советов тайным голосованием, причем перед

выборами организовать свободную предварительную агитацию всех рабочих и крестьян.

«Свободу слова и печати для рабочих и крестьян, анархистов, левых социалистических партий. Свободу собраний и профессиональных союзов и крестьянских объединений. Собрать не позднее 10 марта 1921 г. беспартийную конференцию рабочих, красноармейцев и матросов гор. Петрограда, Кронштадта и Петроградской губернии. Освободить всех политических заключенных социалистических партий, а также всех рабочих и крестьян, красноармейцев и матросов, заключенных в связи с рабочими и крестьянскими движениями. Выбрать комиссию для пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях... Дать полное право действия крестьянам над своею землею так, как им желательно...»¹⁰ А ключевым стало требование «упразднить всякие политотделы, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получить от государства средства для этой цели»¹¹, — самый, пожалуй, болезненный для большевиков пункт кронштадтской резолюции.

«Кронштадт вышел под лозунгом — «Власть Советам, а не партиям!»».

На горьком опыте трехлетнего властвования коммунистов он убедился, к чему приводит партийная диктатура. Немедленно на сцену выползает ряд партийных генералов, уверенных в своей непогрешимости и не брезгающих никакими средствами для проведения в жизнь своей программы, как бы она ни расходилась с интересами трудовых масс. За этими генералами неизбежно тащится свора пресмыкающихся прихвостней, не имеющих ничего

общего не только с народом, но и с самой партией. Создается класс паразитов...

И какая бы партия ни стала у власти, она не избежит роли диктатора»¹², — заявляла кронштадская публицистика. Война была объявлена.

Лозунги, звучавшие из уст матросов, солдат и рабочих

крепости, почти дословно повторяли политические требования петроградского пролетариата в феврале 1917 года. Власть не могла не узнать их, а узнав — не опасаться последствий, аналогичных февральским, когда свергли самодержавие. Ассоциации возникали прозрачные.

Локализовать кронштадтское восстание было жизненно необходимо для большевиков. «Рассеять» восставших, как во время забастовок в Петрограде, оказалось невозможно:

Кронштадт был крепостью. Митинговые же разоблачения били власть наотмашь:

«Власть полицейско–жандармского монархизма перешла в руки захватчиков–коммунистов, которые трудящимся вместо свободы преподнесли ежеминутный страх попасть в застенки Чрезвычайки, во много раз своими ужасами превзошедшей жандармское управление царского режима»¹³.

Сразу после митинга состоялось заседание партийного комитета коммунистов крепости, на котором обсуждался вопрос о возможности вооруженного подавления сторонников принятой резолюции. Собравшиеся пришли к выводу, что достаточного количества надежных частей, которые можно использовать для этого, в Кронштадте нет. Обсуждалось предложение арестовать «зачинщицо-

в». Однако аресты, отмечали кронштадтские чекисты, проводить в тот момент не было возможности — нельзя выделить зачинщиков из массы. Даже для всеильной ЧК ситуация представлялась тупиковой, ибо «особое сословие военных моряков представляло и представляет из себя контингент революционеров–профессионалов и базу для возможностей третьей революции...»¹⁴ Характерно, что и сами восставшие позиционировали свои действия именно как очередную революцию:

«Три дня, как Кронштадт сбросил с себя кошмарную власть коммунистов, как 4 года тому назад сбросил власть царя и царских генералов.

Три дня, как граждане Кронштадта свободно вздохнули от диктатуры партии... Мы ничего не скрываем и ни от кого не прячемся.

Все, что делаем — делаем открыто, потому что наше дело правое: осуществить общее желание трудового народа, провести подлинную власть Советов; в этом нам никто не может помешать.

И уж, во всяком случае, не помешают банды чекистов и прочих головорезов.

Героизм и настроение гарнизона и спокойная уверенность населения может служить этому гарантией»¹⁵.

Видя сложившуюся ситуацию, М. И. Калинин перед отъездом из Кронштадта распорядился сосредоточить оставшиеся надежные части в наиболее важных пунктах крепости, пообещав, что сразу по приезде в Петроград «примет все меры к сосредоточению сил на берегах у Ораниенбаума и Сестрорецка», а также для «применения репрессивных мер извне». На заставе председателя

ВЦИК задержали и потребовали предъявить пропуск штаба восставших.

«Он вернулся в крепость, позвонил на «Петропавловск», назвался и сказал, в чем дело. Его попросили подождать у телефона... Он ждал довольно долго, пока уже другой голос не сказал, что он может ехать, и даже попросил у него извинения»¹⁶, — вспоминала участница событий Е. Драбкина, бывшая в Кронштадте медсестрой (впоследствии — большевистский публицист).

2 марта в Доме просвещения в Кронштадте (бывшее Инженерное училище) собрались представители, выбранные на делегатское собрание. Его открыл С. М. Петриченко, писарь с линкора «Петропавловск». Делегаты избрали президиум из пяти беспартийных. Главным на собрании стал вопрос о перевыборах Кронштадтского Совета, тем более, что полномочия прежнего его состава заканчивались.

Первым выступил комиссар Балтфлота Н. Н. Кузьмин.

Возмущение собравшихся вызвали его угрозы, что коммунисты добровольно от власти не откажутся, а попытки разоружить их приведут к тому, что «будет кровь».

Большинством голосов собрание выразило недоверие Кузьмину и председателю Кронштадтского горсовета П. Васильеву. Они сразу же были арестованы. (Освобождены лишь после подавления восстания. Все это время они получали тот же паек, что и служащие гарнизона и, как сами же потом вспоминали, могли пожаловаться лишь на конфискацию сапог, замененных лаптями.) Эффект от выступления Кузьмина был мгновенным: крон-

штадтцы срочно создали Временный революционный комитет (ВРК) для поддержания порядка в крепости.

Власть в Кронштадте без единого выстрела перешла в руки ревкома. Он взял на себя подготовку выборов в Совет путем тайного голосования, предоставив право участвовать в них и вести свободную агитацию всем политическим силам социалистической ориентации. Советские учреждения в городе продолжали работать. 5 марта на «Петропавловске» собрались представители всех воинских частей гарнизона. Выступал Петриченко.

«Братва, — обратился он к собравшимся, — все вы прочитали, наверно, в газетах за 3 марта, что наши требования расценены как «контрреволюционный белогвардейский мятеж». Отсюда надо сделать вывод, что информация Михал Ивановича Калинина не была объективной. По привычке посчитали, что, коли предъявлен протест против действий правительства, значит, это белогвардейщина и контрреволюция, несмотря на то, что революционные массы, преданные Советской власти, требуют облегчить участь крестьянства.

А объяснить протест проще всего действиями генералов, кадетов и прочих империалистов»¹⁷.

Борясь с «кучкой коммунистов», мятежники были категорически против использования восстания «гидрой Антанты»:

«Мы не позволим ни одному как тайному, так и явному белогвардейцу воспользоваться временным тяжелым положением нашей Советской республики»¹⁸.

Антанта выжидала, всерьез рассматривая вопрос о помощи мятежному городу:

«Русские антибольшевистские организации... принуждены [будут] обратиться в этом отношении за помощью к французскому правительству... Русские антибольшевистские организации держатся того взгляда, что им надлежит совершенно воздержаться от содействия успеху Кронштадтского восстания, если у них не будет

полной уверенности в том, что французское правительство решило предпринять надлежащие в сем отношении меры, в частности:

1) Взяло на себя оказание финансовой поддержки при подготовке восстания, на что вследствие особенно благоприятствующей восстанию обстановки потребуются весьма незначительные средства, вероятно в пределах 200 тысяч франков;

2) взяло на себя дальнейшее финансирование Кронштадта после совершения в нем переворота;

3) приняло меры к продовольствованию Кронштадта и обеспечило прибытие первых продовольственных грузов непосредственно вслед за совершением в Кронштадте переворота;

4) изъявило согласие на прибытие в Кронштадт после переворота французских военных судов, а также сухопутных или морских частей из состава вооруженных сил ген[ерала] Врангеля...»¹⁹ Начало волнений в крепости сопровождалось развалом большевистских ячеек военных и гражданских организаций Кронштадта. (На январь 1921 года они насчитывали 2 680 членов и кандидатов в члены РКП(б).) В ВРК, в ревтройки, в редакцию «Известий ВРК» стали поступать как индивидуальные, так и коллективные заявления о выходе из партии. Практически целиком вышла из РКП(б) организация линкора «Петропавловск». Выход из партии продолжался вплоть

до последнего штурма Кронштадта, когда всем было уже ясно, что осажденные обречены.

Полностью распалась 41 партийная организация Кронштадта.

Всего за время кронштадтских событий из РКП(б) вышло около 1 000 человек. Большинство из них вступило в партию в октябре 1917-го или во время Гражданской войны.

Известия о событиях в Кронштадте вызвали резкую реакцию советского руководства. Делегация кронштадтцев, прибывшая в Петроград для разъяснения требований матросов, солдат и рабочих крепости, была арестована. 4 марта Совет Труда и Оборона страны утвердил текст правительственного сообщения. Движение в Кронштадте объявлялось «мятежом», организованным французской контрразведкой и бывшим царским генералом А. Н. Козловским, а резолюция, принятая кронштадтцами, — «черносотенно-эсеровской». Поскольку резолюцию в Петрограде практически никто не видел — почта из крепости в город не доходила — расчет был верен. Основная часть рабочих крайне негативно относилась к попыткам восстановить монархию. Поэтому упоминание о царском генерале, тем более связанном с Антантой, угрожавшей войной, могло дискредитировать кронштадтцев. Все их попытки доставить в Петроград какие-либо сведения о событиях в крепости пресекались. Перлюстрировались все письма, направлявшиеся из крепости и в крепость. Уже после падения Кронштадта Козловский, в 1917 году добровольно перешедший на сторону большевиков, командовавший артиллерией крепости, говорил:

«Коммунисты использовали мою фамилию, чтобы представить восстание в Кронштадте в свете белогвар-

дейского заговора только потому, что я был единственный генерал, находившийся в крепости »20.

Большевики приступили к массовой программной агитации.

«Ко всем рабочим и красноармейцам финск. побережья Правда о кронштадтском мятеже Контр–революция, пытавшаяся в течение трех лет задушить огнем и мечом на многочисленных фронтах рабоче–крестьянскую власть, разбита героической Красной Армией вдребезги.

Ценой тягчайших усилий и кровью рабоче–крестьянских бойцов, Советская Республика завоевала наконец возможность отдать все свои силы на восстановление хозяйства страны и материального благоустройства рабочего класса.

Основная цель — прекращение гражданской войны и создание прочного мира достигнуты... Бессильные в своей злобе бывшие помещики и фабриканты, выброшенные железной рукой пролетариата и крестьянства из своих дворцов и поместий, вкуче с заграничными ростовщиками и насильниками, не прекращают своих попыток возродить старую буржуазно–помещичью Россию.

Проученные Красной Армией на фронтах они задумали дьявольский план взрыва рабоче–крестьянской России изнутри...

Верным пособником их в этом преступно–злодейском деле были правые социалисты–революционеры и прочие белогвардейцы...

Одновременно с этим, те же эс–эры и другие наемники русской и заграничной контр–революции начали осуществлять свои планы в Революционном Пролетарском Петрограде... Часть обманутых моряков Крон-

штадта на корабле «Петропавловск», подстрекаемые темными личностями и шныряющими пособниками буржуазии — эс-эрами, подняли мятеж, подбивая на это и другие команды.

На другой же день после мятежа фактическое руководство в Кронштадте переходит в руки изменника Советской власти б. цар.

генерала Козловского и окружающей его кучки офицеров. Понимая, что их открытое появление во главе мятежников сразу раскроет глаза всем рабочим, крестьянам и красноармейцам на истинные цели мятежа, свержение Рабоче-Крестьянских Советов, эти царские шкурники прячутся в темноте стоя за спинами беспартийных и от туда руководя обманутыми мятежниками... за спиной обманутых матросов стоит оскаливший зубы белогвардейский зверь в образе старого помещика, банкира и капиталиста...

Рабочие, крестьяне и красноармейцы по опыту хорошо знают, что представляет Кронштадтский мятеж. Он уже сейчас превращается в генеральско-эс-эровскую революцию, руководимую царскими генералами, помещиками из Берлина, Парижа, Лондона и Варшавы.

Против контр-революции у нас одно средство — беспощадная борьба и рабоче-крестьянская расправа. Двух путей не дано. Кронштадт незамедлительно должен быть возвращен в семью советской республики»²¹.

На самом деле большевики отлично понимали, что никаких белогвардейцев, возглавляемых Антантой, за спиной кронштадтских повстанцев нет. В секретном докладе особоуполномоченного при президиуме ВЧК Я. С. Агранова отмечалось:

«Кронштадтское движение возникло стихийным путем и представляло собой неорганизованное восстание матросской и рабочей массы... Следствием не установлено, чтобы возникновению мятежа предшествовала работа какой-либо контрреволюционной организации среди комсостава или работа шпионов Антанты. Весь ход движения говорит против такой возможности...»²² Не рассчитывая только на силу пропаганды, власти с 3 марта ввели в Петрограде и Петроградской губернии осадное положение. Постановлением Совета Труда и Оборона, которое подписали Ленин и Троцкий, «бывший генерал Козловский и его сподвижники объявлялись вне закона». За этим последовали репрессии в отношении их родственников и знакомых.

Справедливость была восстановлена 70 с лишним лет спустя, 10 января 1994 года — указом Президента РФ «О событиях в г. Кронштадте весной 1921 года». Документ гласит:

«В целях восстановления исторической справедливости, законных прав граждан России, репрессированных в связи с обвинениями в вооруженном мятеже в г. Кронштадте весной 1921 года, и в соответствии с выводами Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий постановляю:

отменить пункт 1 постановления Совета Труда и Оборона от 2 марта 1921 г. (без номера), объявлявшего участников кронштадтских событий весной 1921 года вне закона»²³.

С 3 марта в Петрограде арестовывались и лица, не причастные к кронштадтским событиям. Их брали в качестве заложников.

(В числе первых была семья Козловского: его жена и четыре сына.) Кронштадтцы добивались открытых и гласных переговоров с властями, однако позиция последних была однозначной: никаких переговоров или компромиссов, мятежники должны быть наказаны. Предложение обменяться представителями Кронштадта и Петрограда осталось без ответа.

Тогда же во все части, на корабли Балтфлота был направлен приказ, в котором всем комиссарам предписывалось находиться на местах; запрещались собрания в присутствии посторонних лиц; всех замеченных в агитации против советской власти предлагалось арестовывать. Власти приняли все меры, чтобы изолировать Кронштадт от внешнего мира, закрыть доступ в Петроград морякам и красноармейцам Кронштадта.

6 марта делегация из четырех человек, возглавляемая членом кронштадтского ревкома, матросом линкора «Севастополь» Вершининым, вышла на встречу, которая должна была состояться на льду Финского залива между Кронштадтом и Ораниенбаумом. Но вместо переговоров безоружная делегация была арестована, а в последствии расстреляна²⁴.

В связи с прямыми угрозами со стороны властей силой

расправиться с кронштадтцами ВРК обратился к военным специалистам — офицерам штаба — с просьбой помочь организовать оборону крепости. Военные специалисты штаба крепости предложили, не ожидая штурма, самим перейти в наступление. Они предлагали решительные наступательные действия, в частности, занятие стратегически важного района Ораниенбаум на южном побережье Финского залива, открывающего путь на Пет-

роград. К тому же в Ораниенбауме было много сочувствующих кронштадтцам матросов и солдат (не случайно именно там в начале марта появились первые расстрелянные). Однако начать военные действия первым ВРК отказался.

Члены ВРК надеялись, что их поддержат трудящиеся Петрограда, а вслед за ними — и всей страны. 3 марта ВРК, выдавая желаемое за действительное, оповестил кронштадтцев о том, что в Петрограде происходит «всеобщее восстание». Между тем реакция петроградских рабочих на события в Кронштадте была далеко не однозначной. Многие под влиянием лживой информации, брошенной властями в условиях военного положения, негативно восприняли действия кронштадтцев. Сыграли свою роль и слухи, что во главе «мятежа» стоит царский генерал, что матросы исполняют роль статистов, и т. п. Люди устали от войны, от «военных» и «осадных» положений, сопровождавшихся, как правило, репрессиями и чистками со стороны ЧК.

События в Кронштадте, по мнению многих, означали новый виток террора. Другая часть петроградского пролетариата симпатизировала кронштадтцам, призывала поддержать их. Но большинство остались равнодушными к событиям в крепости. В Петрограде власти смогли удержать ситуацию. Известие о Кронштадтском мятеже не привело к новым рабочим волнениям. К политике кнута — массовым арестам — власти добавили и пряник: спешно раздавались продукты, мануфактура, ордера на бани и т. п.

Во всю работал и агитпроп. На Петроград и Кронштадт сыпались листовки:

«Остановись, товарищ! Слушай! Мятежный Кронштадт мешает Советской власти перейти к мирному строительству. Предательский Кронштадт мешает всем трудящимся напрячь свои силы на поднятие народного хозяйства. Кронштадт бунтовщиков–провокаторов окрыляет подлые надежды правых эсэров — врагов трудового народа, сеющих семена бунта против рабоче–крестьянской власти.

Кронштадт пособников белогвардейщины прокладывает дорожку кровавой власти царских генералов. Кронштадт предателей помогает банкирам Антанты задушить блокадой крупную Советскую промышленность и мелкое крестьянское хозяйство. Могучим натиском вернем Кронштадт под непобедимую сильную крепкую власть рабочих и крестьян! Вперед, Товарищи»²⁵.

Тем временем власти готовились силой оружия подавить кронштадтское восстание. 5 марта отдан приказ об оперативных мерах по ликвидации мятежа. Честь — как минимум сомнительная — сыграть главную и решающую роль в подавлении восстания была предоставлена Михаилу Тухачевскому.

Для ликвидации мятежа председатель РВС Республики Троцкий приказал восстановить 7–ю армию, которая ранее была расформирована и переведена на положение трудовой, и назначил ее командующим Тухачевского, подчинив ему все войска Петроградского округа и Балтфлота²⁶. Сокрушительное поражение в Польше, разбившее амбиции стать глашатаем мировой революции и вернуть принадлежавший Российской империи регион, все еще жгло душу Тухачевского.

Двадцативосьмилетний командующий Западным фронтом жаждал реванша — если не на той же гео-

графической территории, то с адекватной политической значимостью.

Реванша, резонанс от которого заглушил бы польское эхо. Тухачевский, экстренно вызванный с уже мирного Западного фронта, в Петроград, получил шанс «реабилитироваться» — в собственных глазах. (Иная «реабилитация» ему и не требовалась — после польского провала к нему не применялось практически никаких взысканий.) Тухачевский, не участвовавший в Октябрьской революции, но беспроегрышно ее защищавший, теперь был призван задушить мятеж ее активнейших участников. Ему впервые предстояло воевать не с «белыми», не с империалистами, а с недавней опорой большевистской власти. Хорошо информированный о реальной подоплеке событий в крепости, Тухачевский не мог внутренне безоговорочно принять новое назначение: слишком зримой была метаморфоза власти, слишком явным и обоснованным — протест ее недавних протагонистов. Но уязвленное Польшей самолюбие и необузданное стремление к самоутверждению оказались для Тухачевского, назвавшего свою миссию в Кронштадте «предприятной»²⁷, сильнее «интеллигентских» сомнений.

Тухачевскому предписывалось подготовить оперативный план штурма и «в кратчайший срок подавить восстание в Кронштадте».

А пока 5 марта издано обращение «К гарнизону и населению Кронштадта и мятежных фортов:

«Рабоче–крестьянское правительство постановило: вернуть незамедлительно Кронштадт и мятежные суда в распоряжение Советской республики. По сему приказываю: всем поднявшим руку против социалистического отечества немедленно сложить оружие.

Упорствующим обезоружить и передать в руки советских властей.

Только безусловно сдавшиеся могут рассчитывать на милость Советской Республики. Одновременно мною отдается распоряжение подготовить все для разгрома мятежа и мятежников вооруженной рукой. Ответственность за бедствия, которые при этом обрушатся на мирное население, ляжет целиком на головы белогвардейских мятежников. Настоящее предупреждение является последним.

Председатель РВС Республики Троцкий, главком Каменев, командарм-7 Тухачевский»²⁸.

Штурм крепости был назначен на 8 марта — в день открытия X съезда РКП(б). Руководство партии понимало необходимость уступок, в том числе замены продразверстки продналогом, разрешения торговли — иначе страна впала бы в экономический коллапс. Накануне X съезда были подготовлены соответствующие документы. Но большевистское правительство посчитало необходимым «проучить» тех, кто решился открыто критиковать власть.

Расправа над кронштадтцами должна была показать, что экономические реформы ни при каких обстоятельствах не

затронут основ властной монополии, а любой протест против нее будет беспощадно караться. Кронштадт был для Ленина инструментом, с помощью которого он пытался придать безапелляционную убедительность требованиям устранить всякую внутрипартийную борьбу, обеспечить единство РКП(б) и соблюдение жесткой партийной дисциплины.

Именно феномен Кронштадта стал решающим аргументом в пользу «недопустимости какой бы то ни было фракционности» в партии и проекта резолюции «О единстве партии». Этот документ, подменивший единство одномыслием и, следовательно, диктатом, скреплен пролитой в Кронштадте кровью.

В докладе, открывавшем съезд, Ленин упомянул, что, возможно, к вечеру 8 марта придут новости из Кронштадта.

Прения должны были начаться под канонаду и завершиться под победный салют: советское руководство было уверено, что с «мятежниками» покончат одним ударом. Не сложилось.

Тухачевский рапортовал главкому С. С. Каменеву 8 марта, после первого, неудачного штурма, оправдываясь:

«Матросня обороняется и артиллерия их отвечает полностью.

Поэтому атака встречает серьезные затруднения... В общем артиллерия противника боеспособна, и для серьезного штурма нужно нас усилить бронепоездами с 10–дюймовыми орудиями, и нужна хорошая пехота... В связи с обстановкой буду действовать так: артогонь будет поддерживаться день и ночь, причем, чтобы внести разложение, придется стрелять по казармам в городе и по городу. Если только хлеб у них на исходе, это произведет хорошее впечатление»²⁹.

Он умел производить «хорошее впечатление»... А хлеба в крепости действительно не было — с 8 марта гражданам вместо хлеба уже выдавали овес, да и его хватило лишь на неделю. Командарм резюмировал:

«Надо ускорить переброску частей и вывести всех матросов из Петрограда... В общем матросы в Кронштадте оказались более стойкими и организованными, чем об этом говорилось»³⁰.

Неудача вызвала явное неудовольствие Троцкого.

И Глава РВС вызвал командарма-7 к прямому проводу.

«Троцкий. Михаил Николаевич, вы же гарантировали успех, а исход получился паршивый. Как это понимать?

Тухачевский. Товарищ предреввоенсовета, я гарантировал вам не успех, а говорил, что надеюсь на него...»³¹.

За сарказмом и интонационным нарушением субординации — растерянность. И еще большая ожесточенность стремления «покончить с матросней». Ситуация в войсках крепости была категорически неприемлемой для Тухачевского, с юности воспитанного в духе беспрекословного подчинения приказам: «бунт», затеянный военными — моряками и солдатами, воспринимался им как преступление, нарушение присяги. Отказ красноармейцев наступать на мятежников трактовался как преступление вдвойне.

Понеся после первой попытки штурма большие потери, карательные войска отступили на исходные рубежи. Одна из основных причин этой неудачи крылась в настроениях красноармейцев, которых бросали на лед Финского залива для штурма крепости. Дело дошло до их прямого неповиновения.

В полосе наступления Южной группы отказался подчиниться приказу штурмовать крепость 561-й полк. На

северном участке с большим трудом удалось заставить наступать отряд петроградских курсантов, считавшийся самой боеспособной частью войск Северной группы.

Красноармейцы отказывались идти на штурм Кронштадта, звучали призывы «бить коммунистов». Волнения в воинских частях усиливались.

В этих условиях большевики были вынуждены констатировать:

«В таком состоянии Красная Армия не может быть надежным оплотом Советской власти»³². Руководство страны боялось, что восстание перекинется на весь Балтийский флот. «Ненадежных» моряков отправляли подалеже от Кронштадта — для прохождения службы в других акваториях страны. До 12 марта на Черное море было отправлено 6 эшелонов с моряками балтийских экипажей.

Ненадежные красноармейские части разоружались и отправлялись в тыл, а те, кого посчитали зачинщиками, расстреливались.

Особый отдел ВЧК отчитывался Троцкому:

«В настоящее время приходится лечить запущенную болезнь и лечить ее хирургическими приемами, так как для лечения органического нетуже времени», необходимо «создание временного особистского органа, который бы, будучи облечен полнотою власти, имел бы возможность заниматься исключительно работой в Балт-флоте».

Существовавший в это время в Петрограде аппарат Особого отдела признавался «для данной критической и исключительной эпохи неудовлетворительным»³³.

Эпоха признана критической и исключительной, а значит, с точки зрения большевиков и ЧК, оправданы и исключительные меры борьбы. Приговоры к высшей мере наказания «за отказ от выполнения боевого задания», «за дезертирство» следовали один за другим. Их приводили в исполнение немедленно — ввиду «особых условий, сложившихся в городе Кронштадте, и для поддержания революционного порядка». Расстреливали публично. Красноармейцев — исполнителей приговоров — заставляли расписываться в актах о расстреле, чтобы повязать кровью с людьми, вынесшими приговор. Легализованные в «критическую и исключительную эпоху» карательные меры стали в Советской России повседневностью.

Тухачевский готовился к повторному штурму. Подтягивались на исходные позиции считавшиеся наиболее надежными части. С 10 марта в районе станции Лигово сосредоточивалась 27-я Омская стрелковая дивизия, вызванная с Западного фронта. Она имела хорошую боевую подготовку и успешно сражалась на польском фронте.

Но по прибытии в 235-м Невельском, 236-м Оршанском и 237-м Минском полках 79-й бригады началось брожение.

Красноармейцы заявили, что не будут штурмовать Кронштадт. Эти части удалось разоружить, начались аресты.

Процедура расправы была предельно упрощена: после короткого допроса обвиняемому выносили приговор.

Только 14 марта постановлением чрезвычайной тройки был приговорен к расстрелу 41 красноармеец

237-го Минского полка. 15 марта та же участь постигла 33 красноармейцев Невельского полка.

Главком Сергей Каменев и командарм-7 Михаил Тухачевский после массовых братаний восставших и карательных войск разговаривали по прямому проводу:

«Тухачевский. Вчера обстановка сложилась скверно... Часть полков осталась верной, а часть добровольно возвратилась по выходе из города. Главным основанием служит трусость, так как провокаторы

сеют слухи, что десятки тысяч курсантов погибли подо льдом... очень легки всякие отказы действия... Этот казус заставил отложить сегодняшнюю атаку... Сейчас действует трибунал и осо бый отдел, чистка и расправа будет очень жесткая. Из Финляндии прибывает до ста белых офицеров и сегодня ожидают первый транспорт с продовольствием.

Главком. Дело скверно, хотя я считаю, что этот эпизод, конечно, будет изжит в одни сутки... Предполагаете ли использовать ваш резерв из курсантов?

Тухачевский. Из курсантов у меня, собственно, остался один полк, который взять нельзя. Авиации мешает туман. Тяжелая артиллерия не пришла, но подходит...

Главком. Значит, отложил только на завтра?

Тухачевский. Надеюсь, так»34.

Поговорив с Главкомом, 15 марта Тухачевский издал приказ в излюбленном чеканно-романтическом стиле.

Документ выстроен диалогично — и подчеркнуто от первого лица.

«Тяжелое впечатление произвело на меня вчерашнее преступное митингование Славных и Победоносных Минского и Невельского полков.

Советская Власть разоружением и арестом этих полков показала, что в Красной Армии она не допустит ни отсутствия дисциплины, ни измены. Все провокаторы и шептуны жестоко поплатились за свою контрреволюционную деятельность. Теперь, когда обманутые ими герои просят дать им возможность взятием Кронштадта искупить свою вину перед рабочими и крестьянами Советской России, приказываю:

Возвратить Минскому и Невельскому полкам их оружие и Революционные Знамена.

Я уверен и надеюсь, что вновь увижу героями своих старых боевых друзей, с которыми вместе мы брали Челябинск и Омск и с которыми вместе наступали на Варшаву.

Вперед! На штурм изменников Кронштадта!»³⁵ Ситуация братания произвела на Тухачевского сильное впечатление — он писал Ленину:

«Если бы дело сводилось бы к одному восстанию матросов, то оно было бы проще, но ведь осложняется оно хуже всего тем, что рабочие в Петрограде определенно не надежны. В Кронштадте рабочие присоединились к морякам... По крайней мере сейчас я не могу взять из Петрограда бригады курсантов, так как иначе город с плохо настроенными рабочими было бы некому сдерживать...

Что же касается до подавления восстаний, то здесь конечно для нашей Красной Армии громадная разница, бить ли матросов и кулаков или же рабочих...»³⁶ «На

предмет трусости» наступающих готовились заградотряды, которые должны были стрелять в отказавшихся участвовать в штурме. Так «укреплялось мужество сталью и свинцом».

В ночь на 16 марта после интенсивного артиллерийского обстрела крепости начался новый штурм Кронштадта.

Большевики позднее пытались поэтизировать его.

«Перед нами разыгралась картина красивого боя по своим внешним формам. Два ярких полукольца почти не потухающих выстрелов, грохот и треск рвущихся снарядов, визг их, сверлящий воздух, и вой отскакивающих от гладкой поверхности льда, вырастающие и рассыпающиеся столбы воды и льда от подводных взрывов, содрогание льда на общем фоне ночи — все это производило неизгладимое впечатление. Все, взятое вместе, больше воодушевляло, чем удручало»³⁷, — вспоминал комкор В. К. Путна.

К утру 18 марта крепость оказалась в руках красноармейцев.

Не последнюю роль сыграла и работа по «разложению» внутри рядов мятежников, предпринятая агентами ЧК и местными коммунистами. Им удалось внести раскол в команды восставших кораблей.

«Тухачевский. Бунт на «Петропавловске» и «Севастополе»

оправдался, и моряки еще ночью помогли нам занять город. Старые матросы и коммунисты броненосцев арестовали командный состав и сдались нам. Форты «Красноармейский», «Константин» и «Милютин» нами заняты, противник ушел ночью. Сейчас выясняется отно-

сительно форта «Риф». Подсчет трофеев еще не сделан. В общем, полагаю, что наша гастроль здесь окончилась. Разрешите возвратиться восвояси. Тухачевский.

Главком. Ваша гастроль блестяще закончена, в чем я и не сомневался, когда привлекал Вас к сотрудничеству в этой истории, я бы просил Вас задержаться до выяснения с фортом «Риф», что, вероятно, сегодня будет. Сейчас доложу Льву Давыдовичу [Троцкому] и вечером сообщу Вам ответ...Приму все меры, чтобы удовлетворить Ваше желание...Поздравляю еще раз. Крепко жму Вашу руку. Каменев.

Тухачевский. Покорно благодарю, все выполняю»38.

Поговорив с Тухачевским, Главком немедленно связался с председателем РВС Республики.

«Каменев. Только что по прямому проводу у меня состоялся разговор с Тухачевским. Он сказал, что его гастроль здесь окончилась, и просит разрешения убыть на Западный фронт.

Троцкий. Как, вы сказали, назвал Михаил Николаевич свое пребывание под Кронштадтом — гастролью?

Каменев. Да, так и сказал — гастроль.

Троцкий. Интересное сравнение, но для Тухачевского вполне объяснимое, он же увлекается игрой на скрипке, а в Кронштадте первая скрипка принадлежала ему. Передайте Михаилу Николаевичу мое поздравление и разрешение убыть к прежнему месту службы.

Каменев. Будет исполнено, Лев Давыдович»39.

Когда стало ясно, что дальнейшее сопротивление бесполезно и кроме дополнительных жертв ни к чему не приведет, по предложению штаба обороны крепости за-

щитники ее решили уходить из Кронштадта. Запросили правительство Финляндии, может ли оно принять гарнизон крепости. После получения положительного ответа начался отход к финскому берегу. В Финляндию успели перейти около 8 000 человек. Финляндскую границу перешли почти все члены кронштадтского ВРК и штаба обороны.

Власти скрыли количество погибших, пропавших без вести и раненых красноармейцев. Многие из погибших на балтийском льду даже не были преданы земле. С таянием льда возникла опасность заражения акватории Финского залива. В конце марта в Сестрорецке на встрече представителей Финляндии и Советской России решался вопрос об уборке трупов, оставшихся в Финском заливе после боев.

Петроград не оправдал надежд ни восставших, ни властей:

он остался индифферентным. Политсводки 18—19 марта констатировали:

«Ликвидация Кронштадтского мятежа в массе населения не произвела того впечатления, какого следовало бы ожидать. В большинстве случаев — это недоверчивость к свершившемуся факту, чаще всего слышатся возгласы, что не могли пехотные части взять морскую неприступную крепость. Тут что-то не то... Настроение среди рабочих хорошее.

Обыватели ведут враждебную агитацию среди малосознательных рабочих, говоря о временном успехе и колоссальных потерях... недоверие падению Кронштадта. Тема дня — продовольствие, предстоящее распределение обуви»⁴⁰.

Однако уже несколько дней спустя, благодаря снятию заградотрядов, распределению одежды и обуви и, конечно, массовой агитации на предприятиях, настроение как будто бы изменилось. Во всяком случае, ропщущих заставили замолчать:

«Настроение рабочих сильно поднялось. Газеты разбирают нарасхват и читают с неподдельной радостью... все рады счастливом концу и с гордостью говорят о героизме красных курсантов»⁴¹.

А победители начали расправу над гарнизоном Кронштадта.

Сам факт пребывания в крепости во время восстания считался преступлением. Все матросы и красноармейцы — участники событий — прошли через военный трибунал. Пленных среди осужденных не было, их расстреливали на месте. Под страхом наказания запрещалось даже оказывать помощь раненым матросам, которые после штурма оставались на балтийском льду и улицах Кронштадта.

Прошло несколько десятков открытых судебных процессов. Особенно жестоко расправлялись с моряками линкоров «Севастополь» и «Петропавловск». 20 марта слушалось дело по обвинению 13 человек с линкора «Севастополь» в мятеже и вооруженном восстании. Всех обвиняемых приговорили к расстрелу. В тот же день на заседании чрезвычайной тройки слушалось дело по обвинению 167 моряков линкора «Петропавловск». Всех приговорили к расстрелу. Один из самых крупных открытых процессов над моряками восставших линкоров состоялся 1—2 апреля.

Перед ревтрибуналом предстали 64 человека. 23 из них приговорили к расстрелу, остальных — к пятнадцати

и двадцати годам тюрьмы. На следующий день по постановлению чрезвычайной тройки было расстреляно 32 моряка с «Петропавловска» и 39 — с «Севастополя», а 24 марта по постановлению тройки расстреляли еще 27 моряков.

С особым пристрастием карательные органы преследовали тех, кто во время кронштадтских событий вышел из РКП(б). Людей, «состав преступления» которых заключался только в сдаче партийных билетов, безоговорочно относили к разряду врагов (в том числе и участников Октябрьской революции) и судили. Заявление о выходе из партии трактовалась как неопровержимая улика в контрреволюционной деятельности. К лету 1921 года только президиумом Петроградской губчека, коллегией Особого отдела охраны финляндской границы Республики, чрезвычайной тройкой кронштадтского Особого отделения Особого отдела охраны финляндской границы и реввоен трибуналом Петроградского военного округа к высшей мере наказания были приговорены 2 103 человека и к различным срокам наказания 6 459 человек. После кронштадтского мятежа осужденных стало так много, что власть озаботилась «социалистическим строительством» — созданием новых концентрационных лагерей. Этот вопрос был вынесен на заседание Политбюро ЦК РКП(б).

Репрессированные были реабилитированы указом Президента только в 1994 году:

«Признать незаконными, противоречащими основным гражданским правам человека репрессии, проводившиеся в отношении матросов, солдат и рабочих Кронштадта на основании обвинений в вооруженном мятеже»⁴².

А пункт указа «установить в г. Кронштадте памятник жертвам кронштадтских событий весной 1921 года» не выполнен до сих пор...

Вернувшись в Смоленск, где располагался штаб Западного фронта, Тухачевский женился на Нине Евгеньевне Гриневич, которую он «увел» от первого мужа — комиссара 4-й стрелковой дивизии Западного фронта Л. Аронштама.

Нине Гриневич, выпускнице московского Александровского института, дочери полковника царской армии Е. К. Гриневича, добровольно перешедшего в начале 1918

года на сторону большевиков, в то время было 20 лет.

В Смоленск она приехала к отцу, весной 1920 года переве денному в штаб Западного фронта из Ростова—на—Дону⁴³.

Об истории знакомства Тухачевского с будущей женой можно узнать лишь из протокола ее допроса на Лубянке в 1937 году:

«В 1920 году, примерно в марте месяце, я и мой отец... уехали в город Ростов—на—Дону... в штаб Западного фронта в город Смоленск я переехала примерно через полгода и устроилась работать в секретариат... Я работала с конца 20-го года по май месяц 1921...

В 1921 я вышла замуж за Тухачевского и уехала в город Тамбов, куда он был переведен на работу»⁴⁴.

«Блестяще закончивший гастроль» в Кронштадте, Тухачевский резюмировал:

«Мы все время будем строить в военной обстановке. Из этого положения мы должны исходить... нам никакого дела нет до того, какая армия выгоднее в мирное время, так как такого времени у нас не будет»⁴⁵.

Этот тезис полностью соответствовал идеологическим установкам ЦК РКП(б) на изменение функций армии:

«Изменившееся положение в республике коренным образом изменяет и самый характер военных задач на ближайшее время (вместо борьбы с белогвардейщиной, организованной в военном отношении, — борьба с крестьянскими восстаниями)»⁴⁶.

И после Кронштадта Тухачевского направили решать «военные задачи нового характера» — усмирять крестьянское восстание в Тамбовской губернии.

Источники и литература

1. Архипов И. Л. Последний отзвук революции // Ленинградский университет, 26 апреля 1991 года.

2. Кронштадт в марте 19'21 г. Публикации документов // Отечественные архивы, № 1, 1996, с. 49.

3. Архипов И. Л. «Три с половиной года мы не видали белой булки и тайного голосования» // Время новостей, 17 марта 2005 года, № 44.

4. Архипов И. Л. Последний отзвук революции.

5. Кронштадт в марте 19 21 г., с. 69.

6. Кронштадт 1921 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. М.: МФ «Демократия», с. 37.

7. Моряк К. Колодочкин // Известия ВРК Кронштадта, 9 марта 1921 года.
8. Драбкина Е. Зимний перевал. М.: Политиздат, 1990, с. 83.
9. Резолюция собрания команд 1-й и 2-й бригад кораблей от 1 марта 1921 // Кронштадт 1921, с. 50.
10. Там же.
- И. Там же.
12. Кронштадт 1921, с. 141.
13. Архипов И. Л. «Три с половиной года мы не видали белой булки и тайного голосования».
14. Кронштадт 1921, с. 86.
15. Известия Временного революционного комитета..., 5—12 марта 1921 года.
16. Драбкина Е. Указ. соч., с. 83.
17. Ермолаев И. Вся власть Советам. О событиях в Кронштадте 1— 18 марта 1921 года // Дружба народов, № 3, 1990, с. 183.
18. Архипов И. Л. Кронштадт 1921 года: революционный мятеж? // Слово и дело, 18—24 марта 1993, № 9 (014).
19. Кронштадт 1921, с. 42—43.
20. Русское прошлое: Историко—документальный альманах, № 2.
СПб., 1991, с. 354.
21. Государственный музей политической истории России (ГМПИР), ф. 2, №3224/2.

22. Млечин А. М. Русская армия между Троцким и Сталиным.

М.: Центрполиграф, 2002, с. 153.

23. Указ Президента Российской Федерации «О событиях в г. Кронштадте весной 1921 года», № 65 от 10.01.1994 года.

24. Ермолаев И. Указ. ст. // Дружба народов, № 3, 1990, с. 184.

25. ГМПОР, ф. 2, оп. 3470.

26. Млечин А. М. Указ. соч., с. 156.

27. Кронштадт 1921, с. 165.

28. ГМПОР, ф. 2, оп. 3470.

29. Кронштадская трагедия 1921 г.: Документы. М., 1999, т. 1, с. 287.

30. Там же.

31. Краснов В., Дайнес В. Неизвестный Троцкий. М., 2000, с. 345.

32. Млечин Л. М. Указ. соч., с. 155.

33. Кронштадт 1921, с. 87.

34. Кронштадская трагедия 1921 г., с. 427.

35. Кронштадт 1921, с. 201.

36. Млечин Л. М. Указ. соч., с. 194.

37. Драбкина Е. Указ. соч., с. 119.

38. Запись разговора по прямому проводу С. С. Каменева с М. Н. Тухачевским о занятии Кронштадта и об отъезде Тухачевского на Западный фронт // Кронштадская трагедия 1921 г., с. 502.

39. Краснов В., Даынес В. Указ. соч., с. 353—354.

40. Яров С. В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазам петроградцев. СПб., 1999, с. 176—177.

41. Яров С. В. Кронштадтский мятеж в восприятии петроградских рабочих // Звенья: Исторический альманах. Вып. 2. М. — СПб.: Феникс–Atheneum, 1992, с. 551.

42. Указ Президента Российской Федерации «О событиях в г. Кронштадте весной 1921 года», № 65 от 10.01.1994 года.

43. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–34523 на Гриневича Е. К., л. 6.

44. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–23914 на Тухачевскую–Аронштам Н. Е.

Конверт: протокол допроса от 27.08.1940 г., л. 1—2.

45. Кронштадт 1921, с. 166.

46. Млечин Л. М. Указ. соч., с. 155—156.

8. АНТОНОВСКИЕ ЯБЛОКИ

Что-то солнышко не светит,

Кружит вороном туман...

Смерть свои расставит сети —

Каждый кровью будет пьян.

«Антоновская» песня

«Михаил Николаевич с Ниной Евгеньевной собирались ехать на прощальный обед к Иерониму Петровичу и взяли меня с собой...

Все мы поехали на вечер в штаб, где устраивали проводы Иерониму Петровичу. Зал был большой, играл духовой оркестр. Потом начались танцы, и Иероним Петрович танцевал с Ниной Евгеньевной.

Танцевали они мазурку — очень хорошо, все... любовались ими»¹, — писала уже в 50-е годы сестра Тухачевского Мария Николаевна дочери И. П. Уборевича.

Милая идиллическая картинка, нарисованная ею, рассыпается от одного упоминания — о месте действия: Тамбов, 1921 год.

Деятельность М. Н. Тухачевского в Тамбове лишена каких-либо полутонов и совершенно однонаправленна.

Как сам он писал в особой инструкции по борьбе с бандитизмом, на события, подобные крестьянскому

восстанию на Тамбовщине, необходимо смотреть как на войну.

«Если враг не сдается — его уничтожают» — формула, выведенная Горьким в ходе коллективизации, Тухачевским в его жизненной практике была применена на 10 лет раньше. Врага уничтожают всеми средствами, имеющимися в большевистском военном арсенале, пополняя его неизвестными доселе инструментами борьбы с собственным народом. Прежде чем рассказать о применении этого «арсенала», необходимо коснуться подоплеки событий, причин возникновения массового недовольства крестьян, охватившего практически всю Россию на исходе Гражданской войны.

Декрет о земле, принятый II съездом Советов, разрешил крестьянам работать на земле, но не дал права распоряжаться ею. Потому линия фронта между губерниями России, вставшими на сторону красных или белых, часто совпадала с границами районов проживания помещичьих и государственных крестьян.

Первые уходили на сторону красных и не хотели возвращения помещиков, вторые оказывались на стороне белых, поскольку право работать на земле у них было и до 1917 года.

Крестьянские восстания 1918—1922 годов, в литературе последних лет стандартно именуемые русской Вандеей, действительно имели сходство с Вандеей французской конца XVIII столетия. Крестьяне протестовали против революции, которая затевалась якобы ради них, а на деле довела до полного обнищания. Крестьяне оплачивали Гражданскую войну не только собственным продовольствием и сырьем для промышленности, подвергаясь нескончаемым жестоким поборам, но и — что еще важ-

нее — своими сыновьями. Вооруженные восстания против коммунистического режима, как и попытки крестьян распоряжаться результатами своего труда, этим режимом безжалостно подавлялись.

В октябре 1920 года главком Красной Армии С. С. Каменев в докладе правительству сообщал, что тысячи голодных крестьян в Воронежской, Тамбовской и Саратовской губерниях, просят у местных властей выдачи хотя бы части зерна со ссыпных пунктов. Зачастую, уточнял он, «эти толпы расстреливались из пулеметов»².

В 1920 году крестьянская война распространилась практически на всю страну. По подсчетам ВЧК, в феврале 1921 года восстаниями было охвачено 118 уездов³. Размах сопротивления военно-коммунистическому режиму в различных районах был неодинаков. Наиболее крупными были выступления крестьян в Западной Сибири и Тамбовской губернии.

В связи с таким развитием событий советское правительство приняло специальное постановление, предписывающее главкому достичь «решительных и быстрых успехов в подавлении бандитизма и местных восстаний»⁴.

Для расследования причин и характера повстанческого движения в Тамбовской губернии была создана специальная комиссия.

«Неумелые, жестокие приемы губЧК... нетактичные меры по отношению к колеблющемуся крестьянству всколыхнули массу и дали противоположные отрицательные результаты... Продовольственная кампания Тамбовской губернии, проводимая как в 1919 г., так и в текущем 1920 г., не носила нормального характера... тяжелое продовольственное положение Республики заставляло агентов

продорганов не церемонится с целесообразностью методов по выкачке хлеба»⁵, — констатировали ее члены.

В докладе НКВД в ноябре 1918 года главными причинами крестьянских выступлений были названы:

«недовольство мобилизацией в Красную Армию; хлебная монополия, реквизиция скота; проведение декрета об отделении церкви от государства; взимание с крестьян чрезвычайного налога; белогвардейская агитация; антисемитская пропаганда»⁶.

Квалифицировав крестьянские выступления как контрреволюционные («кулацкие элементы... составляли из себя главную и самую серьезную опору контрреволюционного движения в России»⁷), В. И. Ленин дал право беспощадно их подавлять.

В 1920 году население Советской России составляло 131,5 млн человек, из них 110,8 млн проживало в деревне ⁸. Поэтому крестьянская война закономерно вызывала тревогу большевистского руководства.

Н. Подвойский, М. Кедров и К. Мехоношин писали в ЦК РКП(б) 13 февраля 1921 года о том, что «нынешние крестьянские восстания отличаются от прежних тем, что они имеют программу, организованность и план»⁹, а потому особо опасны. Предлагалось прекратить демобилизацию из армии коммунистов и политработников.

С восставшими по-прежнему не церемонились. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть фрагмент из приказа командующего войсками Тамбовской губернии С. Н. Шикунова, изданного в начале сентября 1920 года:

«Наша задача — окончательное уничтожение банд противника, конфискация всего скота и имущества у крестьян, замешанных в пособничестве бандам... Отряду,

действующему против с. Коптева, энергичным наступлением через Кензарь овладеть с. Коптево, конфисковать весь скот, отобрать инвентарь, хлебные припасы и вообще продовольствие... зажечь с. Коптево с четырех сторон, самим же отойти в Кензарь... Уничтожить банду в Новосильске, конфисковать скот, хлеб и все продовольствие. Хлеб и все продовольствие отправить на подводах в Тамбов»¹⁰.

На смену проддиктатуре, проводившейся с июля 1918 года, пришла продразверстка, согласно которой производящие регионы должны были сдавать 100% хлебных излишков.

При этом понятие «излишки» толковалось властями столь вольно, что, по сути, превратилось в тотальную конфискацию хлеба. Лица, не сдавшие излишки, подлежали суду с последующим тюремным заключением. Анкеты на лиц, заключенных в концентрационный лагерь за невыполнение разверстки в начале 1920 года в одной из Тамбовских губерний, свидетельствуют:

«24 человека из 32 были мужчины в возрасте от 20 до 50 лет, они подверглись тюремному заключению... Половина семей осужденных осталась без кормильца, с детьми — от 2 до 8 человек »¹¹.

«Тамбовщина — это старо-эсэровское предприятие. Тамбовская губерния — это старинное гнездо эсэровских организаций.

Крестьянское повстанчество, как и всюду происшедшее от недовольства крестьян советской продовольственной политикой, началось сорганизовываться эсэрами в государственный организм еще с осени 1920 г. и даже еще раньше»¹², — позиция Тухачевского совпадала с официальной, правительственной точкой зрения, предна-

значенной для непосвященных в истинное положение вещей как внутри страны, так и за рубежом.

Рост численности повстанческих отрядов на Тамбовщине казался фантастическим: от первых формирований, насчитывавших 60—80 человек, к концу августа 1920 года их было уже 600 человек. Когда 24 августа руководство восстанием принял А. С. Антонов, количество восставших увеличилось многократно.

А к сентябрю в губернии было около 15 тысяч вооруженных винтовками, копьями и вилами крестьян.

Фигура А. С. Антонова мифологизировалась как в советское время, когда он изображался бандитом—контрреволюционером, так и в постсоветское, когда его начали представлять «крестьянским Робин Гудом». На самом деле выходец из мещанской семьи, окончивший три класса уездного училища, семнадцатилетним юношей вступил в группу «независимых социал—революционеров». Несколько лет спустя он был сослан на каторжные работы за нанесение ранений должностному лицу. Несколько попыток сбежать на волю закончились заключением в Шлиссельбургскую крепость. Амнистирован в феврале 1917—го, год спустя возглавил первые антисоветские отряды в Тамбовской губернии, некоторое время, руководя при этом советской милицией одного из уездов. Служба в милиции давала Антонову возможность конфисковывать оружие и переправлять его в крестьянские партизанские отряды.

«Независимый», то есть не состоявший официально в партии, «сочувствующий» эсер Антонов отлично понимал, что без армии повстанческое движение не жизнеспособно, и занялся ее строительством. И достиг несомненных успехов.

Стремление организовать сильную, боеспособную армию завершилось объединением всех партизанских отрядов на губернском военном совещании 1921 года. Таким образом, у восставших антисоветских отрядов появилась регулярная армия, управляемая и относительно неплохо обученная (во всяком случае, по сравнению с другими регионами, где то и дело вспыхивали очаги массового недовольства), благодаря дезертировавшим из Красной армии солдатам, уже прошедшим курс военной подготовки, проверенный практикой. В январе 1921 года численность антоновских повстанцев «близилась к 40 тысячам бойцов, сведенным в две армии в составе 21 полка и отдельную бригаду»¹³. Тогда же в повстанческой армии были введены знаки различия.

Позднее успех в создании организованной армии восставших не мог не признать и сам Тухачевский:

«Антоновские армии в Тамбовской губернии были чисто милиционными организмами. Там полки формировались известными волостями, которые комплектовали их людьми и лошадьми и снабжали их всеми видами довольствия. В этой крепкой органической связи, существовавшей между полками и их территориальными округами, и заключалась вся сила Антоновщины»¹⁴.

Антоновцами был создан Главный оперативный штаб партизанских армий Тамбовского края, состоявший из пяти человек, избранных тайным голосованием. Возглавил его Антонов. Он ставил перед своими вооруженными отрядами многочисленные военно-политические задачи. В частности, инструкции предписывали создание конных отрядов внутренней охраны, наблюдение за передвижением частей Красной армии, борьбу со шпионами, пресечение дезертирства из партизанских отря-

дов, ведение пропаганды среди красноармейцевотпускников о невозвращении в свои части¹⁵.

У антоновцев была и отличная разведка. При каждой части существовала пулеметная команда, специальный палач и даже политический и агитационный отделы.

Крестьянский бунт в Тамбовской губернии, начавшийся в августе 1920-го, продолжался почти год. Организующим его ядром стал «Союз трудового крестьянства»

(СТК), представивший программные требования восставших.

Первые СТК в Тамбовской губернии появились осенью 1920 года.

Для руководства повстанцами был сформирован Тамбовский губернский комитет антоновского СТК, состоявший из трех членов: Плужникова («Батько»), Ишина и Шамова.

«Первый из них был активистом крестьянского движения 1909 г. в Каменке, политкаторжанином. Второй с 1907 г. находился под наблюдением жандармов как видный деятель кирсановских эсеров, имевший отношение к Поволжскому комитету ПСР. Примерно с 1908—1909 гг. он был связан с А. С. Антоновым и, вероятно, тамбовской группой «независимых» социалистов–революционеров»¹⁶.

Наиболее активным и авторитетным руководителем среди повстанцев был Плужников. За его подписью шла вся документация. При губернском комитете «имелся агитационный отдел... Вся агитационно–пропагандистская продукция штабов партизанских армий подлежала пред-

варительному просмотру и утверждению этим отделом»¹⁷.

В прямом подчинении губернскому комитету находились уездные (укомы). Состоявший из членов укома суд, имевшийся в каждом уезде Тамбовской губернии, расследовал дела по обвинению исключительно гражданских лиц в уголовных преступлениях, а также заподозренных «в коммунизме».

Антоновский СТК провозглашал немедленную бескомпромиссную войну с большевиками–насильниками, что означало дальнейшую абсолютизацию террора как тактического средства, которому Антонов и многие из его окружения были привержены с начала своей революционной деятельности. В начале 1920–х годов эти установки могли опереться на готовность крестьянства, придушенного «диктатурой пролетариата», к решительному боевому протесту. В программе повстанческого союза были четко сформулированы его стратегические цели.

«На первое место выдвигались две самые популярные среди крестьянских масс задачи: ликвидация деления властями граждан на классы (именно классовая политика большевиков вызывала широкий протест в деревне) и немедленное прекращение Гражданской войны и установление мирной жизни»¹⁸.

Кроме того, СТК декларировал следующие цели: свободу слова, печати, совести, союзов и собраний, проведение в жизнь закона о социализации земли, частичную денационализацию фабрик и заводов, допущение русского и иностранного капитала для восстановления хозяйственной и экономической жизни страны, немедленное восстановление политических и торгово–экономических сношений с иностранными государствами, право

наций на самоопределение и обязательное всеобщее обучение грамоте.

Тухачевский иронизировал по поводу содержания политической программы антоновцев:

«Государственная власть в Тамбовщине осуществлялась так называемым «Союзом трудового крестьянства», под фирмой которого эсэровская партия осуществляла свою диктатуру. Была создана своеобразная конституция, с лихвой удовлетворявшая мелкобуржуазные похоти»¹⁹.

Итак, права и свободы граждан объявлены мелкобуржуазными похотями. Будь эта статья написана в начале 1930-х годов, подобные дефиниции можно было бы объяснить данью уже укрепившему сталинскому тоталитаризму. Но про цитированный фрагмент — из начала 1920-х, соответственно, с большой долей вероятности его следует трактовать как свидетельство истинных взглядов автора.

Хотя в программе СТК намечалось скорейшее окончание гражданской войны, в документах и практической деятельности организации «Союза» абсолютно отсутствовали конкретные шаги к достижению гражданского мира.

Как и советская власть, зачаточные органы самостоятельной крестьянской власти Тамбовской губернии были нацелены на беспощадную борьбу со своими политическими противниками и эту цель реализовывали ежечасно.

По отношению же к семьям коммунистов и членам трудовых артелей «применяются самые репрессивные меры, а также к лицам, заподозренным в хранении оружия.

Плеть гуляет вовсю. Избивают до полусмерти»²⁰. Повстанцы брали в заложники семьи красноармейцев,

коммунистов, советских служащих. Сами сторонники правительства безжалостно ими уничтожались. Не миндальничали и со своими. В июньском 1921 года распоряжении № 1, передавшем власть антоновским «революционным комитетам», им было приказано взять на учет всех лошадей рабочего возраста, а в целях «приискания хлеба» применить изъятие доходов с мельниц, «принудительное обложение имеющих запасы» и другие жесткие меры²¹.

Меры сопровождались предупреждениями о серьезных наказаниях за нарушение установленных порядков за хищение имущества и конокрадство телесное наказание за первый случай и лишение жизни за второй; за подделку пропусков — телесные наказания. Должностные лица, уличенные во взяточничестве, наказывались плетью.

25 декабря 1920 года был дан наказ районным и волостным комитетам обратиться к населению с воззванием о пожертвовании партизанам продовольствия. Инструкция местным комитетам (февраль 1921 года) обязывала их «проводить добровольные пожертвования зерна, фуража, одежды, обуви»²².

Крестьянская война с большевистским режимом к 1921 году таким образом стала доминирующей частью Гражданской войны. Это было движение, по мнению Ленина, более опасное для советской власти, чем Деникин, Юденич и Колчак, вместе взятые. Жестокость по отношению к крестьянам возвращалась беспощадностью по отношению к властям и часто превосходила организованный «правительственный» террор. Возник замкнутый круг.

В подавлении протеста десятков тысяч российских крестьян, не принявших большевистского режима, участ-

вовала регулярная Красная армия. Трагедия усугублялась тем, что и войска восставших, и Красная армия состояли в основном из крестьян. (В 1920 году 77% бойцов РККА были крестьянами.) А командовали действиями против своего народа лучшие полководцы РККА. Кроме Тухачевского,

Уборевича и Какурина в Тамбове были Котовский, Путна, Жуков, Раскольников и многие другие.

«Бандитизм начал—было приобретать в глазах наших войск характер какой—то чудесной непобедимости, неуязвимости и неискоренимости... Если бандитов и удавалось иногда потрепать и даже погромить, то они так быстро оправлялись и восстанавливались в своих округах, что это в конце концов стало приводить в отчаяние наши войска, которым истинная подкладка вещей известна не была, в силу отвратительно поставленной разведки»²³, — так Тухачевский оценивал ситуацию, с которой ему пришлось столкнуться, приняв командование тамбовскими армейскими частями.

Комитет СТК неоднократно обращался к мобилизованным красноармейцам с призывом покинуть Красную армию и идти домой с оружием в руках.

«Воззвание к мобилизованным красноармейцам Комиссары—коммунисты послали вас усмирить нас, как они нас называют, бандитов. Бандиты, сказали они вам, подняли свой разбойничий меч над мирным жителем, зачем—то подняли с жаждой крови, и, алчные, с небывалой жестокостью разрушают его трудовое гнездо, льется святая кровь труженика, льются неутешные слезы младенца, раскрываются амбары хлебные, загорается зарево пожара над оседлостью мирной обывателей, горит, мрет, разоряется вконец Советская власть... Опомнитесь! Ника-

ких бандитов, никаких разбойников нет, есть едино восставший страдалец — русский народ. Голодный, холодный, измученный и разоренный вконец, загнанный комиссарской властью в тупик, он не вынес гнета палачей—коммунистов, и разъяренный зверь поднялся с русским огромным кулаком на своих угнетателей, не на вас и тем более не на тружеников—землепашцев (это было бы ужасно), а на них — действительных врагов наших, врагов всего русского народа, кровожадных коммунистов...

Главный оперативный штаб партизанской армии трудового крестьянства»²⁴ Пафосно—поэтические призывы находили отклик, ибо были доступны и правдивы: количество дезертиров из Красной армии стремительно увеличивалось и к февралю 1921 года превысило 6 000 бойцов.

Ф. С. Подхватилин, один из руководителей антоновского агитпропа, на допросе в Ревтрибунале показал, что вел агитацию «...на темы о ходе борьбы партизанской армии с Красной Армией, об общегосударственном положении и состоянии Сов. России внутри и вне, о войне и мире Польши с Сов. Россией, о тягостных условиях мира, на которые пошло Совправительство, а также о том, что заграничный пролетариат не сочувствует существующему в России советскому коммунистическому течению... о несправедливо тяжелой prodразверстке, наложенной на крестьян в уезде и преступной деятельности комитетов бедноты. Мои агитаторские выступления в большинстве происходили среди крестьян—партизан, приветливо отзывавшихся на мои речи. Они посылали в партизанскую армию своих сынов и сами в ней активно и косвенно участвовали »²⁵.

(Впоследствии Подхватилин добровольно сдался советской власти, поняв обреченность тамбовцев и убедившись, что «муха со слонем не может бороться».) Очень выразительная резолюция была принята общим собранием граждан села Петровское Туголуковской волости Борисоглебского уезда 25 декабря 1920 года:

«Горячо приветствуем и приносим сердечную благодарность повстанцам, которые горят желанием освободить народ из-под ига рабства, и даем слово в полной тесной связи плечо с плечом идти бодро и смело на борьбу и на помощь организованным путем восставшего народа, дабы этим защитить себя от новых нападений, смелым натиском сбросить с себя оковы порабощения незаконных и нечеловеческих коммунистических грабежей, зверских поступков и репрессий и смело воскликнем: «Долой ехидного змия Ленина и его приспешников! Да здравствует повстанческое движение!

Да здравствует союз рабочего и крестьянства!»»²⁶ Еще в начале 1921 года руководство по подавлению восстания было напрямую передано главному командованию.

В феврале, когда ситуация на Тамбовщине была признана катастрофической для большевиков, председатель парторганизации губернии В. А. Антонов-Овсеенко, наделенный чрезвычайными полномочиями, сформировал Полномочную комиссию ВЦИК. В комиссию кроме Антонова-Овсеенко вошли секретарь губкома партии, председатель губисполкома партии, командующий войсками и начальник политического отдела войск Тамбовской губернии.

Памятуя о прежней «нетактичности», комиссия сначала решила воздействовать на повстанцев и поддержи-

вающее их население просьбами. Назначался двухнедельный срок добровольной явки с повинной, декларировалось освобождение от ответственности за участие в партизанской антисоветской деятельности. Однако заметных результатов эти меры не дали. Тогда был издан приказ, предусматривающий карательные меры. Согласно ему все захваченные с оружием в руках, подлежали расстрелу.

В феврале 1921 года войска, направленные против непокорных крестьян, насчитывали 32,5 тыс. пехоты, около 8 тыс. кавалеристов, 463 пулемета и 63 орудия²⁷.

Весной 1921 года начало, хотя и медленно, меняться отношение крестьян к повстанцам. С одной стороны, определенную роль сыграла в этом отмена продразверстки, с другой — разложение в рядах антоновцев. К весне они уже не защищали крестьян от продотрядов, но средств для своего содержания требовали немалых. Все чаще руководители восстания были вынуждены обращаться к повстанцам с воззваниями — они давали все меньше эффекта.

Призывали «с большей энергией следить за действиями коммунистов, принимать все меры предосторожности и хладнокровно ждать времени, когда будет можно нанести наглым коммунистам решительный удар»²⁸.

В мае наступил финальный этап Тамбовского восстания — его вспышка с последующей окончательной ликвидацией.

Сохранилась записка заместителя председателя РВСР Э. М. Склянского Ленину, написанная в апреле 1921 года:

«Я считал бы желательным послать Тухачевского на подавление Тамбовского восстания. В последнее время там нет улучшения... Получится несколько большой (именно так. — Ю. К.) политический эффект от этого назначения. В особенности за границей. Ваше мнение?»²⁹ Ленин, требовавший «скорейшего и примерного» подавления восстания, отреагировал немедленно, посчитав необходимым назначить Тухачевского командующим войсками Тамбовской губернии, но «без огласки в центре...

без публикации»³⁰. Очевидно, председатель Совнаркома опасался упомянутого Склянским политического эффекта от назначения на борьбу с крестьянством полководца, только что усмирившего кронштадтских матросов.

Ольга Тухачевская, сестра будущего маршала, которой в 1921 году исполнилось 18 лет, вспоминала, что брат «как-то пришел с одного совещания мрачный, в каком-то отчаянии».

«Миша молчал весь вечер, таким расстроенным я до тех пор никогда не видела, потому и запомнила этот случай. Потом, уступив нашим просьбам, все-таки назвал причину: «Меня посылают в Тамбов, там крестьяне бунтуют. Владимир Ильич приказал покончить».

Брат повторил: «Теперь — крестьян», — ушел к себе и двое суток пил. Миша всю жизнь был равнодушен к спиртному, это единственный случай, когда он стал смертельно пьяным. Это тоже врезалось в память. Я мало что поняла, но почувствовала, что происходит что-то очень страшное. Больше Миша эту тему с нами никогда не обсуждал ».

Даже если предположить некоторую мифологизацию воспоминаний, явление достаточно частое, в данном случае трудно усомниться в их достоверности. Сестра

маршала рассказывала об этом эпизоде в частной беседе своей подруге Д. Л. Чавчанидзе^[26] на излете советского времени, когда правильность борьбы с «контрреволюцией» еще ни коим образом не подвергалась сомнениям. Кроме того, в адекватности воспоминаний убеждает ссылка на распоряжение Ленина — читать секретные в то время ленинские директивы Ольга Тухачевская, разумеется, не могла. Если воспоминания правдивы, значит в тот день Тухачевский, чтобы подчиниться приказу, переломил в себе самом последний рубеж сопротивления. И, согласившись на роль палача, стал жертвой собственной внутренней «гражданской войны».

Тухачевский был назначен «единоличным командующим войсками в тамбовском округе, ответственным за ликвидацию банд». Более того, постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 27 апреля 1921 года предписывало «не допускать никакого вмешательства в военные действия т. Тухачевского как со стороны комиссии ВЦИК, так и других властей»³¹.

Тухачевскому не только безоговорочно доверяли, но и, судя по процитированному документу, понимали, что его действия могут показаться экстраординарными даже закаленным в боях с собственным народом представителям других «соввластей». Характерный штрих — это постановление решено не фиксировать даже в протоколе РВСР.

Тухачевский знал истинные причины, вызвавшие недовольство тамбовских крестьян, и даже публично выступил с критикой руководства Наркомата продовольствия,

²⁶ С Джульеттой Леоновной Чавчанидзе я встречалась при работе над этой монографией.

«невнимательно относящегося к нуждам тамбовского района ». Обвинение рассматривалось Президиумом ВЦИК и Реввоентрибуналом. Объяснения давали член Коллегии Наркомпрода А. Б. Халатов и начальник Управления распределения продовольствия А. Я. Вышинский, будущий обвинитель по «Делу военных» 1937 года...

Но положение обязывает, и Тухачевский начинает действовать.

В губернию к уже дислоцированным там войскам были дополнительно переброшены мощные силы. Общая численность армии по борьбе с бандитизмом к середине мая превысила 56 000 человек. На ее вооружении было 168 пулеметов, 103 орудия, 21 бронемашина, 18 самолетов, 5 бронепоездов 32.

Подавление мятежников осуществлял штаб: командующий — М. Н. Тухачевский, зам. — И. П. Уборевич, начальник штаба — Н. Е. Какурин. Кроме того, на Тамбовшину прибыли Г. Г. Ягода и В. В. Ульрих. (Процессы 1930-х заставят фигурантов этих событий встретиться вновь, на Лубянке.) Позже Тухачевский делился мрачным опытом такой войны:

«В районах прочно вкоренившегося восстания приходится вести не бои и операции, а, пожалуй, целую войну, которая должна закончиться полной оккупацией восставшего района, насадить в нем разрушенные органы советской власти и ликвидировать самую возможность формирования населением бандитских отрядов. Словом, борьбу приходится вести в основном не с бандами, а со всем местным населением»³³.

Поначалу командующий обратился к населению с, казалось бы, миролюбивым воззванием, использовав даже понятный землепашцам образ:

«Наступившее затишье на фронтах гражданской войны позволяет нам, наконец, побороть измучивший Советскую Россию голод и создать нормальные условия существования рабочих и крестьян нашей Республики...

Советское крестьянство, обеспеченное в развитии своего хозяйства введением продовольственного налога, твердо стоит на страже рабоче-крестьянской России, и тамбовский бандитизм обречен на умирание там, где и зародился...

Уничтожьте последнего врага — эсеровскую саранчу.

Пусть саранча эта будет раздавлена до нового урожая одним ударом штыка Красной Армии...

Командующий войсками М. Тухачевский 19 мая 1921 г.

гор. Тамбов»³⁴ Однако на призыв бороться с вредителями массы не откликнулись. Тухачевский нашел идеологическое объяснение этой индифферентности:

«там, где бандитизм укоренился, где власть и пропаганда белогвардейщины уже успели пустить корни, там одним добрым словом кулачество не проймешь. Там понадобятся меры резкие и решительные, там понадобится политика такая, которая даст почувствовать, что Советская власть сильна и шутить не любит.

Местное население должно резко почувствовать известный страх и уважение к рабоче-крестьянской власти»³⁵.

И перешел от слов к делу.

Во второй половине мая начались жесточайшие вооруженные стычки, которые длились больше месяца.

Тамбов не дает покоя Ленину. Он телеграфирует: «Как дела у Тухачевского? Все еще не поймал Антонова? Нажимаете ли Вы?»³⁶ Нажимали. Именно в этот период Тухачевский ввел практику взятия в заложники семей восставших крестьян. (Практика, впрочем, отнюдь не новая, два года назад этот опыт опробовал на родственниках белых офицеров и дезертиров Троцкий.) Анализируя разнящиеся в цифрах сведения о ходе подавления восстания, можно предположить, что репрессиям подверглось от 30 до 50 тысяч крестьян.

Об экстренном строительстве лагерей и о перебоях со стройматериалами («поступление» инакомыслящего «человеческого материала» было налажено без перебоев) губернское управление принудительных работ регулярно докладывало руководству Особого отдела командования.

«Копия. Срочно Начальнику Особого отдела РАПОРТ
«...Кирсановский лагерь находится в стадии организации;
расположен в 1/2 версты от города вблизи кавалерийских казарм.

Вместимость лагеря приблизительно 3 000 человек. Палатки и принадлежности получены; работа тормозится неимением нужного количества строительного материала, как-то:

столбов, тесу, гвоздей и прочее.

Колючая проволока для ограждения еще не получена, но обещана...

Охраны пока нет, но по окончании оборудования лагеря обещано дать одну роту по первому требованию.

Штат сотрудников набран наполовину... работа для них новая, необходимы инструкции и указания. На месте ничего не знают и не имеют никаких распоряжений, откуда будут получать продовольствие для заключенных, а также сотрудников.

...Из Козловского концентрационного... Лагерь расположен вблизи города, вместимостью до 1 200 человек, и находится в состоянии окончания работ по оборудованию: получены 994 палатки с принадлежностями, установлены проволочные заграждения, а также два котла и два кипяtilьника.

...На месте расположения лагеря имеются два деревянных барака, вместимостью приблизительно на 800 человек... лагерь может быть готов к приему осужденных...

...Инжавинский лагерь ...вместимостью 500 человек... находится в стадии формирования»³⁷.

Уже 27 июня 1921 года на заседании полномочной комиссии ВЦИК отмечался «большой наплыв в концентрационно-полевые лагеря малолетних, начиная от грудных детей», предлагалось детей-заложников до 15 лет содержать отдельно от взрослых, а с трехлетними детьми имели право находиться их матери³⁸. Даже после проведения кампании по разгрузке концлагерей в июле 1921 года (восстание к тому времени было практически задушено, и заложники с маленькими детьми распускались по домам) там все еще находилось свыше 450 детей-заложников в возрасте от 1 до 10 лет³⁹.

Тухачевский затягивает удавку:

«...Участники белобандитских шаяк, партизаны, бандиты, сдавайтесь! Или будете беспощадно истреблены. Ваши имена известны. Ваши семьи и все ваше имущество объявлено заложниками за вас. Скроетесь в деревне, — вас выдадут соседи. Если у кого ваша семья найдет приют, тот будет расстрелян и семья того будет арестована... Если укроетесь в лесу — выкурим.

Полномочная комиссия решила удушливыми газами выкуривать банду из лесов...»⁴⁰ Год спустя, теоретизируя по поводу борьбы с партизанщиной («А по-нашему, — как он уточнял, — с бандитизмом»), Тухачевский по-прежнему обходился без мировоззренческих и методологических полутонов:

«В чем будет заключаться оккупационная работа?.. Работа по оккупации ведется не путем пассивного сидения войск по деревням, а путем изъятия белогвардейско-бандитских органов власти и активно помогавших им элементов и путем методического, систематического насаждения и осуществления Советской власти. Все население, до последнего человека, надо просмотреть и протереть с песком»⁴¹.

Перетирали тщательно. Тухачевский требовал от армии и гражданских ответственных лиц не просто неукоснительного выполнения приказов, но и бодрости духа.

«Тамбов, 30 мая 1921 года, 23 ч 55 мин С рассветом 1-го сего июня приказываю приступить во всех участках к массовому изъятию из сел бандитов, а где таковых не окажется, их семей. Эта операция должна проводиться настойчиво и методически, но вместе с тем быстро и решительно. Изъятие бандитского элемента не должно носить случайного характера, а должно определенно показать крестьянству, что бандитское племя и семья не-

укоснительно удаляется из губернии и что борьба с Советской властью безнадежна...

Войскам и всем без исключения работникам напрячь все силы и провести операцию с подъемом и воодушевлением. Поменьше обывательской сентиментальности, побольше твердости и решимости.

Командвойск Тухачевский Наштавойск Какурин»⁴²
Как не вспомнить Р. Б. Гуля, историка и мемуариста, современника Тухачевского, популярного в белоэмигрантской среде:

«Для русской гражданской войны нужны жестокие глаза и крепкие нервы... барин с мальчишеским красивым лицом, слава богу, несентиментален»⁴².

Полномочная комиссия ВЦИК во главе с Антоновым-Овсеенко 11 июня 1921 года распорядилась:

«1) граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливать на месте без суда; 2) селениям, в которых скрывается оружие...

объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия; 3) в случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда; 4) семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и выселению из губернии и имущество конфисковывается. Старший работник в этой семье расстреливается на месте без суда; 5) семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитские и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда; 6) в случае бегства семьи бандита имущество таковой распределять между верными советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать»⁴⁴.

Пять из шести пунктов этого документа содержат слово «расстрел».

Приемы ведения войны подробно изложены в приказе Комиссии ВЦИКот 23 июня 1921 года:

«По прибытии на место волость оцепляется, берутся 60–100 наиболее видных лиц в качестве заложников и вводится осадное положение... Жителям дается 2 часа на выдачу бандитов и оружия, а также бандитских семей, и население ставится в известность, что в случае отказа дать упомянутые сведения заложники будут расстреляны через два часа. Если население бандитов и оружия не указало по истечении двухчасового срока, сход собирается вторично, и взятые заложники на глазах у населения расстреливаются, после чего берутся новые заложники и собравшимся на сход вторично предлагается выдать бандитов и оружие...

Председатель Полномочной Комиссии Антонов–Овсеенко Командующий войсками Тухачевский»⁴⁵.

12 июня издан приказ командования войсками Тамбовской губернии о применении удушливых газов против повстанцев:

«Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбегавшие из деревень, где восстановлена советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей. Для немедленной очистки лесов приказываю: 1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушливыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось. 2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места по-

требное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов»⁴⁶.

Донесение Начальнику артиллерии 6-го боеучастка с. Инжавино 3 августа 1921 года от командира дивизиона Белгородских арт. курсов Нечаева:

«Дивизионом выпущено 65 шрапнельных снарядов, 49 фугасных и 50 химических...»⁴⁷.

Намерение использовать газы Тухачевский имел еще в мятежном Кронштадте. (Тогда оно не было реализовано по «техническим» причинам.) Однако вопреки сложившемуся в последние годы в историко-публицистической литературе мнению, следует признать, что он отнюдь не был первым, кто инициировал их применение в условиях Гражданской войны: полугодом раньше против восставших крестьян отравляющие вещества использованы в Ярославской губернии.

В Тамбов Тухачевскому прислали баллоны с ипритом и фосгеном — газами, которые немцы применяли в 1914 году, во время Первой мировой. О том, насколько массовым и многократным было использование ядовитых газов на Тамбовщине, статистических данных практически нет. Тамбовские краеведы, пытавшиеся восстановить правду о трагических днях истории края, опросили старожилы. Фрагменты этих бесед опубликованы в журнале «Белая Гвардия» (2002, № 6), полностью посвященном тамбовской трагедии. Они являются интересным примером сохранившейся в массовом сознании глухой полуправды.

«Екатерина Чернопятова, жительница села Карай-Салтыки:

— Родственники рассказывали, что в наше село заходили бандиты. Но кто они были, красные или белые, никто не знал, бандиты — и все. О газах я ничего не слышала.

— Не ходите в тот двор, — говорила нам одна из жительниц села, — там инвалиды живут. И туда не ходите, там тоже...»

«Михаил Н., житель села Кипец:

— Разговоры о том, что красные бросали на наше село ядохимикаты — вранье, этого не было. Недавно умерла одна наша старейшая жительница, Марья Федоровна, она 106 лет прожила.

Так и она говорила, что никаких ядов Тухачевский на нас не бросал. У меня у самого отец в банде воевал, а раньше он всех в продотряд забирал. Я за советскую власть, а всех этих дерьмократов перерезал бы...»

«А мой дед, Александр Курдюшо... коммунистом был. Они в ячейки собирались, и дед мой туда ходил. Антоновцы придут — деда грабят, красные придут — ему радость. Между ними в Инжавино случилась страшная битва, красные ее проиграли, и мой дед прятался у нас в селе. Потом они опять собрались в ячейку. Антоновцы в это время жили в Паревке, в церкви, они там в подвале прятались, и оттуда налеты делали. А о газах я ничего не слышала, да их, наверное, тогда и не было».

«Паревку из пушек обстреливали, из пулеметов, мне тогда четырнадцать лет было, поэтому я хорошо помню».

«Стреляли бандиты, а кто они были, красные или белые, я не знаю. Потом эти же бандиты сразу же в колхоз вошли и начали нас кулачить, хлеб отнимать. С тех

пор мы одну мякину ели. Чистый хлеб я впервые увидела в 52-м году, когда в Ленинград ездила...»

«Ведь тогда как было: ошибешься — пропал, — говорит еще один коренной житель Кипеца. — Или эти расстреляют, или те... Мой отец ни за кого не был. Запомнилось, что в доме одном, в том, что у спиленной ветлы, жил человек, который был против советской власти. Но он тихо жил, а потом сам помер.

А о газах я ничего не знаю».

16 июля 1921 года Тухачевский сообщил в ЦК РКП(б) о ликвидации крестьянского восстания. Уже к 20 июля полномочная комиссия объявила о приостановлении применения исключительных мер, предусмотренных приказом № 171. С мая по июль было убито около 11 тыс. крестьян, за тот же период повстанцами были уничтожены свыше 2 тыс. советских служащих.

Тамбовская ЧК потеряла 40% своего личного состава⁴⁸.

Завершая программную статью, Тухачевский употребляет понятие «новая экономическая политика».

«Надо заметить, что последовательное и искусное проведение в бандитских местностях новой экономической политики создает значительные шансы на быстроту успеха искоренения бандитизма. Поэтому таковым действиям обязательно должна предшествовать и сопутствовать усиленная агитационная кампания, разъясняющая и популяризирующая нашу политику»⁴⁹.

Вряд ли он при написании статьи в 1922 году задумывался над сутью только что введенного ленинского НЭПа. Однако тенденцию нащупал верно. Борьба тамбовских крестьян подтолкнула Совнарком к разработке и ре-

ализации новой экономической политики, оказавшейся, правда, недолговечной. Тоталитарное государство с жестко регулируемой в соответствии с военно-коммунистическими принципами экономикой на долгие десятилетия, к сожалению, оказалось наиболее соответствующей историческим традициям и реалиям России XX века альтернативой развития страны...

Всполохи крестьянского сопротивления продолжались до конца 1922 года, как и выступления рабочих.

Тридцатилетний Тухачевский, для которого собственно боевая деятельность закончилась подавлением «русской Вандеи», предлагает свой рецепт борьбы с ними:

«Уничтожать отдельные банды выгоднее всего при помощи летучих отрядов, «персональных» для каждой банды. Эти отряды, как пиявки, должны впиваться каждый в свою банду и должны бить и гнать ее до полного уничтожения. На активные и ловкие банды бывает выгодно пустить на каждую сразу несколько таких пиявочных отрядов»⁵⁰.

Тухачевский вновь прибегает к своим излюбленным «зоологическим» сравнениям, в данном случае как минимум двусмысленным: в его энергически свирепом изложении лечебная функция этих тварей явно уходит на второй план...

В секретном письме членам Политбюро ЦК РКП(б), написанном 19 марта 1922 года, уже после введения НЭПа, Ленин предлагал воспользоваться голодом в Поволжье и провести изъятие церковных ценностей. Эта акция, по его мнению, «должна быть проведена с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь, и в самый кратчайший срок. Чем боль-

шее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»⁵¹.

Удивляться патологической ненасытности жаждущего крови «самого человеческого человека» к 1920–м годам уже не приходится. Внимания заслуживает завуалированное в этой «гуманистической» сентенции осознание — власть ненавидят, значит, следует опасаться сопротивления.

И народ вновь приносится в жертву власти, так и не избавившейся от ощущения собственной нелегитимности.

Источники и литература

1. Личный архив В. Уборевич. Письмо М. Н. Тухачевской В. И. Уборевич.

2. Аптекарь П. А. Крестьянская война // Военно-исторический журнал, 1993, № 1, с. 50.

3. Маслов С. С. Россия после четырех лет революции. Париж, 1922, ч. 2, с. 133.

4. Косаковский А. А. Большевики удерживают государственную власть // Драма российской истории: большевики и революция.

М.: Новый хронограф, 2002, с. 354.

5. Аптекарь П. А. Указ. соч., с. 67.

6. Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг.

М.: Эксмо, Яуза, 2004, с. 374.

7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 37, с. 11.
8. Литвин А. Л. Указ. соч., с. 288.
9. Там же, с. 379.
10. Аптекарь П. А. Указ. соч., с. 51.
11. Фатуева Н. В. Организация и методы деятельности повстанческого движения в Тамбовской губернии в 1920—21 годах // Белая гвардия, № 6, 2002, с. 103.
12. Тухачевский М. Искоренение бандитизма // Революция и война, сб. № 16. Смоленск, 1922, с. 40.
13. Косаковский А. А. Указ. соч., с. 354.
14. Тухачевский М. Указ. соч., с. 42.
15. Есиков С. А., Кашцев В. В. Антоновский НЭП (Организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии. 1920—1921 гг.) // Отечественная история, 1993, № 4, с. 68.
16. Там же, с. 62.
17. Там же, с. 62.
18. Там же, с. 63.
19. Тухачевский М. Указ. соч., с. 40.
20. Литвин А. Л. Указ. соч., с. 287.
21. Есиков С. А., Канищев В. В. Указ. соч.
22. Там же, с. 67.
23. Тухачевский М. Указ. соч., с. 42.
24. Аптекарь П. А. Указ. соч., с. 70.
25. Есиков С. А., Канищев В. В. Указ. соч., с. 65.

26. Там же, с. 66.
27. Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999, с. 429.
28. Фатуева Н. В. Указ. соч., с. 107.
29. Записка Э. М. Склянского 26 апреля 1921 г. // Ленин В. И. Неизвестные документы, 1891—1922, с. 428.
30. Там же, с. 429.
31. Там же, с. 429.
32. Аптекарь П. А. Указ. соч., с. 53.
33. Тухачевский М. Н. Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция, 1926, № 7, с. 7.
34. Аптекарь П. А. Указ. соч., с. 67.
35. Тухачевский М. Искоренение бандитизма, с. 45.
36. Ленин В. И. Военная переписка. М.: Воениздат, 1987, с. 283.
37. Аптекарь П. А. Указ. соч., с. 54—55.
38. Фатуева Н. В. Указ. соч., с. 107.
39. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг.
Антоновщина: Документы и материалы / Интер-центр, Государственный архив Тамбовской области и др. Тамбов, 1994, с. 10.
40. Аптекарь П. А. Указ. соч., с. 53.
41. Тухачевский М. Искоренение бандитизма, с. 44—45.
42. Аптекарь П. А. Указ. соч., с. 55.

43. Гуль Р. Б. Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. М.: Мол. гвардия, 1990, с. 69.
44. Приказ Полномочной комиссии ВЦИК от 11 июня 1921 г. // Родина, 1989, № 10, с. 57.
45. Документы о подавлении восстания // Белая гвардия, 2002, №6, с. 113–114.
46. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг.
Антоновщина, с. 48.
47. Писарев Е. В. Газовая атака // Белая гвардия, 2002, № 6, с. 105.
48. Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891—1922, с. 429.
49. Тухачевский М. Искоренение бандитизма, с. 44.
50. Там же, с. 46.
51. Известия ЦК КПСС, 1990, № 4, с. 192–193.

9. ВОСТОК — ЗАПАД

Мы должны или стать России другом, поскольку у нас общие интересы в укреплении позиций против западного мира, или... готовить борьбу против наших восточных соседей¹.

В. фон Бломберг

Первая мировая и российская Гражданская войны закончились — расколотый мир «собирал» новую геополитическую карту. Вновь образованные и сохранившие себя во время социальных катаклизмов государства искали партнеров, зачастую руководствуясь принципом «дружбы против общего противника». Главнокомандующий рейхсвером генерал фон Зект, главный немецкий протагонист военно-политических контактов Германии и России, считал:

«Разрыв версальского диктата может быть достигнут только тесным контактом с сильной Россией. Нравится нам коммунистическая Россия или нет — не играет никакой роли. Что нам нужно, это единственно сильная Россия с широкими границами — на нашей стороне. Итак, никаких Польши и Литвы между нами... И мы получим наши восточные границы по 1914 году. Для Германии важно посредством Советской России развязать путы Антанты»².

Умонастроения прусской военной элиты начала 20-х годов прошлого века весьма отчетливо обрисовал тогда же М. Н. Тухачевский:

«В офицерских кругах бросается в глаза упадок духа, как следствие безвыходного положения Германии после Версальского мира.

Все мечтают о каком-то «мессии» — сильном человеке, который сплотит все партии и восстановит германское могущество. С особой ненавистью относятся офицеры к социал-демократам. Один из сопровождающих нас офицеров говорил, что если бы он был рабочим, то вступил бы охотнее всего в партию Гитлера, а во вторую очередь в компартию»³.

Пребывавшая в разрухе Советская Россия искала опоры и задумывалась о «революционном» расширении границ, исходя из принципа «лучшая защита — нападение».

Для его реализации требовались современное оружие, развитая военная промышленность, новая техника. Ничего этого у страны не было — всем этим обладала Германия.

Концепция двустороннего военного сотрудничества была намечена в результате серии секретных переговоров в Москве и Берлине в 1920—1923 годах. Его необходимость понимали все участники разворачивавшейся тогда в Советской России дискуссии между сторонниками Л. Д. Троцкого, с одной стороны, и М. В. Фрунзе, с другой, — о будущей военной доктрине.

Один из главных побудительных моментов — поражение в войне с Польшей. Оно выявило все слабые стороны РККА и заставило Москву основательно заняться военным строительством (на основе сочетания кадровой армии и территориальномилиционной системы), ввести в армии единоначалие, приступить к оснащению РККА военной техникой и подготовке квалифицированного ком-

состава. Итогами стали сокращение численности Красной армии с 5,5 млн (в конце 1920 года) до 600 тыс. человек (к 1 февраля 1923 года) и военная реформа в 1924—1925 годах. В начале 1921 года в военном министерстве Германии по инициативе генерала Зекта для организации сотрудничества с РККА была создана «Зондергруппа Р» (Особая группа «Россия»), в советской терминологии — «Вогру», то есть «военная группа»⁴.

Уже весной 1921 года в Москве появился первый уполномоченный «Зондергруппы Р» О. фон Нидермайер (личный представитель военного министра Германии). Его задачей было выявить возможности развития в России тяжелой индустрии и военной промышленности⁵. По итогам переговоров Политбюро ЦК РКП(б) приняло план «восстановления... военной и мирной промышленности при помощи немецкого консорциума, предложенный представителем группы виднейших военных и политических деятелей» Германии. Об этом упоминается в записке наркома иностранных дел Г. В. Чичерина в ЦК РКП(б) от 10 июля 1921 года, где говорилось:

«первоначально немцы больше всего интересовались военной промышленностью. Производимое вооружение оставалось бы у нас. Совершенно исключена возможность употребления его против немецких рабочих потому, что оно просто оставалось бы у нас на складах до момента новой войны. На наш вопрос, как решаются немцы оставить на складах у нас это оружие без гарантий, они отвечали, что гарантия — единство политических интересов»⁶.

Нарком внешней торговли Л. Б. Красин 26 сентября 1921 года писал Ленину:

«План этот надо осуществить совершенно независимо от какихлибо расчетов, получить прибыль, «заработать», поднять промышленность и т. д., тут надо щедро сыпать деньги, работая по определенному плану, не для получения прибыли, а для получения определенных полезных предметов — пороха, патронов, снарядов, пушек, аэропланов и т. д.»⁷.

В конце июля — начале августа 1921 года Нидермайер вновь появился в Москве: к этому времени была уже выработана линия на тесное военно–политическое сотрудничество.

В конце сентября 1921 года в Берлине состоялись секретные переговоры Красина с руководством рейхсвера, в которых с немецкой стороны принимали участие главнокомандующий рейхсвером генерал Зект, Нидермайер и другие представители германской военной элиты⁸.

В 1923—1924 годах официальная стратегическая доктрина Красной армии отражала взгляды М. Н. Тухачевского, формируясь на его теориях «революции извне», «стратегии сокрушения» и — «таранной стратегии» на основе «последовательных операций»⁹.

РККА требовала серьезных реформ, вынуждая руководство СССР оставить надежды на ближайший революционный кризис на Западе и разработать общую геополитическую концепцию. В основу ее была положена определенная М. Тухачевским в 1924 году «стратегия организации». Она разрабатывалась им на основе итогов Первой мировой войны, с учетом тех выводов, которые делались в зарубежной (в частности, немецкой) военной печати, и переносила акцент в решении оборонных и геостратегических проблем на так называемую «маневрен-

ную » организацию использования военного потенциала страны¹⁰.

После подавления восстания на Тамбовщине у Тухачевского возникла передышка, и он отправился к семье.

«По предложению В. И. Ленина он получил отпуск на месяц и приехал к нам во Вражское, — вспоминала его сестра Елизавета Николаевна. — Михаил Николаевич приехал с женой, с ним приехали его адъютанты, водители автомашины и летчики, которые прилетели на двух самолетах (продуманно—эффектное появление 28-летнего командующего в родовом гнезде. — Ю. К.).

Приехала приятельница сестры пианистка Нина Отто, которая много играла на рояле. Лето стояло прекрасное, сад был полон яблок и груш, война окончилась, опять все собрались вместе (братья тоже приехали), и это время прошло чудесно. Все рады были опять встретиться. Михаил Николаевич много читал в этот месяц. Книги нам привозил знакомый агроном из соседнего совхоза. И, помню, Михаил Николаевич безжалостно отбирал у меня какой-нибудь начатый роман, прочитывал его сначала сам, а потом уж отдавал мне.

Помню это были романы Гюго, Дюма, сам же он также привез с собой много книг, среди них мне запомнился Эдгар По. Месяц прошел незаметно и, уезжая в Смоленск, Михаил Николаевич взял с собой меня и сестру»¹¹.

Романтический месяц в деревне остался в прошлом:

в ближайшем будущем Тухачевскому предстояла активная деятельность на внешнем и внутреннем «фронтах». Он стал одним из главных участников и проводников советскогерманских военных контактов и одним из

самых «неспокойных» и амбициозных военачальников. Западный фронт, которым он продолжал командовать, по-прежнему оставался одним из самых стратегически важных и политически болезненных. На польских границах снова сошлись интересы России и Германии. Настрой Тухачевского, куда в большей степени милитаристский, нежели идеалистически революционный, способствовал его активному стремлению контактировать с Берлином для решения задачи «расширения границ» на Запад.

Переговоры в Берлине проходили с 25 января по 17 февраля 1922 года. Наряду с обсуждением политических (установление дипотношений) и экономических (предоставление займа) проблем шло зондирование вопросов военно-промышленного сотрудничества¹². Итогом стало подписание 16 апреля 1922 года в итальянском городке Рапалло советско-германского договора. Рапалльский договор давал старт долгосрочному альянсу.

Стороны взаимно отказались от всяких финансовых претензий друг к другу (возмещение военных расходов и убытков, включая реквизиции, расходы на военнопленных).

Для Советской России это означало отказ от претензий на репарации с Германии, для Германии — отказ от претензий на возмещение за национализированную частную и государственную собственность при условии, что правительство РСФСР не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств. Договор предусматривал восстановление дипломатических и консульских отношений между двумя странами, развитие экономического сотрудничества и торговли на основе принципа наибольшего благоприятствования, также была зафиксирована готовность германского правительства «оказать воз-

можную поддержку сообщенным ему в последнее время частными фирмами соглашениям и облегчить их проведение в жизнь».

Постановления договора вступали в силу немедленно¹³.

Документ дополняли письма, не подлежавшие опубликованию.

В них говорилось, что в случае признания Россией претензий в отношении какого-либо третьего государства, урегулирование этого вопроса станет предметом специальных переговоров, причем с бывшими немецкими предприятиями должны будут поступать так же, как и с одготипными предприятиями этого третьего государства.

Кроме того, германское правительство обязалось не участвовать в сделках международного экономического консорциума в России, предварительно не договорившись с правительством РСФСР¹⁴.

«Это было первое выступление побежденных против беспощадных победителей, — отметил один из представителей прусского военного ведомства Курт Штудент. — Этот договор имел эффект разорвавшейся бомбы»¹⁵...

В феврале 1923 года в Москву на две недели тайно приехала первая немецкая военная делегация. Штудент был в ее составе — как референт по воздушному флоту и газовому вооружению. В переговорах с советской стороны участвовали шеф генерального штаба Лебедев и его заместитель Шапошников. Рассматривались вопросы финансовой и технической поддержки Германией восстановления российской военной индустрии. «Мы были приятно удивлены достижениями русских, они были выше, чем мы предполагали », — записал Штудент. Те-

мой обсуждения стало открытие немецкой авиашколы в Липецке (1925 год) и танковой — в Каме у Казани (1928 год). Планировалось также осуществлять постоянный обмен офицерами и военными инженерами. «Мы впоследствии были побеждены Красной Армией с помощью нашей же стратегии»¹⁶, — этот вывод Штудент сделал уже после Второй мировой.

В 1923 году в честь Тухачевского назван город.

«Руководителю пятой армии — освободителю Урала от белогвардейщины и Колчака — в день четвертой годовщины взятия Урала Красной Армией — Миасский горсовет им шлет пролетарский

привет; в ознаменование дня, город Миасс переименовывается в город Тухачевск — вашего имени»¹⁷.

Кроме Тухачевского только Троцкий в том же году удостоился подобной чести — Троцком стала Гатчина. (В 1926 году «Тухачевску» возвратили его прежнее название — звезда Тухачевского несколько затуманилась в то время.) В начале 1920-х годов Особый отдел Западного фронта уже отмечал Тухачевского как способного командира, но человека властного и хитрого, не терпящего возражений со стороны подчиненных, поэтому окружающего себя людьми во всем с ним согласными и угодливыми, признающими его авторитет. Было замечено, что Тухачевского больше интересует административная сторона подготовки армии к войне в ущерб вопросам стратегии и тактики. Сослуживцами он характеризовался как «способный подпоручик, которому повезло»¹⁸.

Любопытно сопоставить эту оценку с немецкими наблюдениями того же периода.

«Лучше с Тухачевским мы познакомились во время его участия с группой высокопоставленных советских офицеров в маневрах по приглашению рейхсвера в 20–х годах... Тухачевский произвел хорошее впечатление, потому что он, владея прекрасными специальными знаниями и светскими манерами, приятно выделялся из группы тогда еще неотесанных пролетарских коллег. Менее приятное впечатление он, видимо, оставил у общавшихся с ним немецких офицеров более низкого ранга. Так, например, мой многолетний сотрудник в Т 3 (отдел «Иностранные войска»), полковник Мирчински, описывал Тухачевского как чрезвычайно тщеславного и высокомерного позера, человека, на которого ни в коем случае нельзя было положиться»¹⁹, — вспоминал Штудент.

Мало известен тот факт, что Тухачевский начал ездить в Германию сразу после подписания Рапалльского договора.

Об этом упоминал, причем в сугубо семейном контексте, его тесть — К. Е. Гриневич.

«Будучи в Москве в 1922 году я ездил в г. Смоленск два раза, как первый раз, так и второй раз ездил к дочери Нине Тухачевской...

Пробыл недолго, несколько дней и возвратился в Москву.

Второй раз ездил в августе 1922 г. после того когда Тухачевский уехал за границу. О том, что Тухачевский за границу ездит, я знал от его секретаря Геймана. Тухачевского... я видел в его вагоне и его провожал. После отъезда Тухачевского за границу я уехал опять к дочке в Смоленск так как она была накануне родов... Когда в 1922 г. уезжал за границу т. Тухачевский то я действительно был на вокзале, провожал его. Был у него в ваго-

не. Куда он едет и цель его поездки он мне ничего не говорил»²⁰.

В Смоленске в 1922 году у Тухачевского родилась дочь Светлана. Ее рождение праздновалось каждый месяц в течение года. И большое участие в этих праздниках принимал молодой отец²¹. Он страстно любил единственную дочь. И настоял на имени Светлана, сказав: «Пусть жизнь будет светлой».

Возможно, именно из заграничных вояжей Тухачевский привез интерес к входившим тогда в моду в Европе психоанализу и психофизиологии. В 1923 году в военно—научном клубе Западного фронта по инициативе Тухачевского открылся Психофизиологический кабинет, о чем немедленно сообщил окружной журнал «Революция и война».

(Кстати, в Западном округе, когда его возглавлял Тухачевский, активно поощрялись научные и публицистические военные изыскания. Кроме журнала округ ежегодно выпускал несколько десятков тематических брошюр, посвященных различной проблематике военного дела.) Психофизиологическому кабинету надлежало решать следующие задачи:

«1. Образовать кружок для изучения основ психологии. Для этой цели при кабинете создается специальная библиотека (психология и физиология), начало коей уже заложено приобретением важнейших изданий... В дальнейшем ...члены кружка принимают участие в производстве психологических экспериментов... Таким образом создается кадр экспериментаторов—психофизиологов, которые в будущем смогут выезжать в части войск со специальными заданиями.

2. Психофизиологический кабинет ставит своей задачей постановку массового психологического опыта в одной из военных школ. Целью этого опыта будет выяснить: во-первых, утомляемость среди слушателей, ее колебания в зависимости от рода работы и в течение дня, во-вторых — индивидуальную одаренность каждого отдельного испытуемого слушателя в связи с той аттестацией.., которая имеется о нем у администрации школы»²².

Отзывы, сохранившиеся о М. Тухачевском, весьма противоречивы, подчас диаметрально противоположны. Уместно будет привести здесь официальную служебную характеристику, относящуюся к 1922 году, когда Тухачевский занимал должность начальника Военной академии РККА.

«...В высокой степени инициативен, — говорилось в ней, — способен к широкому творчеству и размаху. Упорен в достижении цели. Текущую работу связывает с интенсивным самообразованием и углублением научной эрудиции. Искренне связан с революцией, отсутствие всяких внешних показных особенностей (не любит угодливого чиновничества и т. д.). В отношении красноармейцев и комсостава прям, откровенен и доверчив, чем сильно подкупает в свою пользу. В партийно-этическом отношении безупречен. Способен вести крупную организационную работу на видных постах республики по военной линии»²³.

Однако лестные характеристики отнюдь не притупляли внимания Особого отдела. Особисты пристально елели за морально-политическим обликом командующего Западным фронтом. В частности, в донесениях говорилось, что Тухачевский связан с «разного рода женщина-

ми не нашего класса», что он оставляет «секретные документы в комнате стенографистки–полубовницы», что «ходит масса анекдотов о его подвигах на пьяном и женском фронтах», что «каждый месяц возит семью в бронированном вагоне спецназначения», что «прилетал на аэроплане в свое имение...»²⁴ Последнее наблюдение подтверждается цитированными ранее воспоминаниями сестры. Командуя Западным фронтом, Тухачевский дефакто возвратил себе бывшее отцовское имение в Смоленской губернии, где поселил свою мать и сестер. Это было потомственное имение Тухачевских, проданное еще в начале XX века. (К моменту «возвращения» Тухачевских, усадьба была брошена прежними владельцами.) Уехавший в 1922 году за рубеж генерал И. Данилов свидетельствовал:

«Милость большевиков к нему за его «подвиги» столь неограниченна, что ему возвращено даже, вопреки идеям большевизма, его имение... где хозяйничают его сестры»²⁵.

Что до «стенографистки–полубовницы», то ею, вероятно, была Амалия Яковлевна Протас — «адъютант командующего Западным фронтом, девица, образование среднее, беспартийная, место службы — вагон командующего»²⁶.

Она в 1920 году около трех месяцев работала журналисткой в «снабжении Западного фронта» в г. Смоленске.

Примерно с ноября 1920 года по 1921 год сотрудница хозяйственного отдела ЧК Белоруссии (г. Минск). В 1921 году на работе в хозяйственно–материальном управлении НКПС (г. Москва). По рекомендации адъютанта М. Н. Тухачевского Геймана, с конца марта 1921 года

— машинистка, с 1922 года по 1923 год — секретарь «командующего Тухачевского, Ревсовет Западного фронта»²⁷. Как видно, рождение дочери и нежная привязанность к молодой жене не помешали командующему Западным фронтом одаривать вниманием и других.

Из донесений, наблюдений и сплетен, для которых Тухачевский давал немало поводов, сформировали досье:

у комфронта было достаточно недругов. Их появлению способствовали как успехи Тухачевского на различных фронтах, в том числе на женском и карьерном, так и его весьма непростой характер.

На заседании Политбюро ЦК 20 сентября 1923 года обсуждалось «предложение Троцкого о передаче материалов о Тухачевском в ЦКК и немедленном назначении авторитетного РВС Запфронта»²⁸. Едва «дело Тухачевского» поступило в Парткомиссию ЦКК, по его поводу был сделан запрос заместителю Председателя РВС ССР Э. Склянскому: «Парткомиссия ЦКК просит Вас срочно прислать ей все имеющиеся у Вас материалы на Тухачевского». Однако все «дело» оказалось сведенным к «провозке семьи» в вагоне спецназначения, полетах на аэроплане в усадьбу и в наличии самой усадьбы, которая когда-то принадлежала Тухачевским.

Командующему была направлена повестка:

«ЦКК просит Вас прибыть к члену ЦКК тов. Сахаровой 24 октября 1923 г. к 12 часам дня...» Впрочем, вопреки жесткому тону резолюции Политбюро ЦК, руководство ЦКК не придало компромату на Тухачевского большого значения.

Досье было передано на рассмотрение рядовому члену ЦКК, некой Сахаровой, которая получила внятную резолюцию от руководства ЦКК: «Дело сдать в архив по заслушанию личных объяснений Тухачевского».

Тухачевский ограничился отпиской, по стилю почти вызывающей:

«По поводу заявления сообщаю, следующее: 1. Провозки семьи действительно имели место. 2. На аэроплане никогда не прилетал.

3. Усадьба, где живет моя мать, действительно принадлежала моему отцу до 1908 г., потом он ее продал. Поселилась мать с сестрами во время революции»²⁹.

Инцидент был исчерпан — образцово-показательного разбора полетов не случилось. Однако командующего все-таки вынудили поехать в Москву. 29 октября 1923 года он присутствовал на заседании Партколлегии ЦКК, где слушался его «вопрос». Доклад, в котором были изложены обвинения М. Тухачевского в «попойках, кутежах, разлагающем влиянии на подчиненных», делал Я. Петерс, член Партколлегии ЦКК и коллегии ОГПУ. Это означало фактически передачу «дела Тухачевского» в распоряжение ОГПУ.

Гусарствующему комфронта вынесли «строгий выговор за некоммунистические поступки»³⁰.

Поведение Тухачевского, надо заметить, мало отличалось от образа жизни других представителей советской партийно-государственной элиты. И этот образ жизни вызывал негодование тех, для кого, как декларировали большевики, делалась революция. Вот лишь одно из множества возмущенных свидетельств — письмо рабочего А. Власова Ленину:

«Дорогой Владимир Ильич, хоть ты и очень чуток, но смотри не ошибись, не будет ли слишком поздно, когда услышим голос организованного пролетариата. Ведь если раздастся этот голос, то это будет голос свинца и железа. Я всю старую войну и всю гражданскую был на фронте, командовал батальоном и полком, имею очень много товарищей как на фронте, так и в Москве, мне, как рабочему, масса верит и я, как кровно заинтересованный (а не как интеллигент) в сохранении завоеваний Революции, говорю: Да, будет поздно, ибо в сердце у каждого сознательного товарища фронтовика, привыкшего на фронте к почти полному равенству, отвыкшего от холопства, разврата и роскоши, чем окружают себя наши самые лучшие партийные товарищи, кипит ненависть негодование, когда он, раненый, бредет с одного конца города в другой, в то время как жены Склянских, Бурдуковых, Каменевых, Стекловых, Аванесовых, Таратути и прочей ниже и выше стоящей «коммунистической» публики едут на дачи в трехаршинных, с перьями райских птиц, шляпах, едут в разные «Архангельские», «Тарасовки» и прочие, отнятые рабочим классом у буржуазии особняки и дворцы, и мимо которых этим же рабочим не дают пройти, уж не говоря о пользовании»³¹.

Так что Тухачевский, если и выделялся из элиты, то только тем, что имение занял «свое» — родовое...

Доносы и разбирательства продолжались и не могли не раздражать Тухачевского.

«Хорошо известно, — вспоминал сотрудник Политуправления Западного военного округа И. Телятников, — какая нездоровая обстановка создавалась вокруг Тухачевского в начале 1924 г., незадолго до назначения его помощником начальника Штаба РККА. Поползли грязные

сплетни. Исходилили они, как мне казалось, от начальника Политуправления В. Н. Касаткина, человека властолюбивого и, безусловно, склонного к интригам. Неблаговидную роль играл в этом и секретарь партийной организации Васильев. Его стараниями в склочное дело было вовлечено почти все партийное бюро. В результате Тухачевский выехал к новому месту службы с очень нелестной характеристикой»³².

В ней говорилось о «неправильном отношении» М. Тухачевского «к коммунистам, подчиненным и даже об аморальном поведении»³³. Примечателен в связи с этим штрих

в воспоминаниях И. Телятникова:

«На заседании партбюро, когда обсуждалась эта характеристика, Михаил Николаевич держался с завидной выдержкой и достоинством.

Но у меня создалось впечатление, что защищать себя он не умеет»³⁴.

1 ноября 1923 года Л. Троцкий предложил Политбюро ЦК обсудить предложенную им «схему командующих фронтами, начальников штабов и командармов»³⁵. 12 ноября 1923 года после обсуждения на Оргбюро ЦК и утверждения на Политбюро ЦК приказом РВС СССР помощником командующего Западным фронтом был назначен И. П. Уборевич. Тухачевский в это время находился вне Смоленска, он был направлен в Германию в качестве «офицера связи между РККА и рейхсвером». Уборевич фактически превратился в командующего Западным фронтом. (8 апреля 1924 года официально был назначен новый командующий уже не фронтом, а Западным военным округом А. И. Корк.³⁶) Тухачевский с поста командующего фронтом был официально смещен 26 марта 1924

года³⁷. Приказ о назначении его на должность помощника начальника Штаба РККА датирован 1 апреля 1924 года. Новая должность с невнятными полномочиями и статусом для Тухачевского была почти оскорбительной.

Он получил пост существенно ниже прежнего.

Кроме того, он, привыкший к «буче, боевой, кипучей», стал административно–штабным функционером, не имея к этому ни склонности, ни профессиональных навыков.

В 1924/25 учебном году в Военной академии РККА впервые начались занятия на кафедре «Ведение операций».

Тухачевский, являвшийся главным руководителем по стратегии, читал цикл лекций «Вопросы высшего командования», который был своего рода теоретическим обоснованием официального Руководства для командующих армий и фронтов, утвержденного М. В. Фрунзе в 1924 году. На его основе был также создан сборник «Армейская операция».

Работа высшего командования и полевого управления³⁸ с изложением сути последовательных наступательных операций, теоретических и практических вопросов их подготовки и ведения. Труд широко использовался в учебном процессе до начала 1930–х годов³⁹. 26 сентября 1924 года Тухачевского включили в состав комиссии по выработке новой организационной структуры центрального военного аппарата. Но доминантой его деятельности оставалось международное сотрудничество.

В августе 1925 года группа высокопоставленных офицеров рейхсвера впервые присутствовала на маневрах Красной армии, открыв тем самым новое направле-

ние сотрудничества — взаимное участие наблюдателей на учениях армий обеих стран. Немецкие офицеры прибыли в Советский Союз в штатском под видом «германских рабочих–коммунистов»⁴⁰. Почти в то же время группа красных командиров под видом «болгар» прибыла в Германию и присутствовала на осенних маневрах рейхсвера. Делегацию возглавлял Тухачевский, к тому моменту—член РВС СССР, заместитель начальника Штаба РККА Краскомы присутствовали на тактических занятиях отдельных родов войск, участвовали в «общих маневрах», где были представлены генералу фон Зекту⁴¹. Вернувшись, Тухачевский отчитался о поездке.

Из доклада заместителя начальника Штаба РККА М. Н. Тухачевского в Реввоенсовет СССР о результатах изучения Рейхсвера во время осенних маневров 1925 г.

«3 октября 1925 Состав и политическая характеристика Германское командование очень хорошо следило за тем, чтобы мы не вступали в общение с солдатами. Было установлено и тайное наблюдение. Так, например, во всех группах шоферы, как мы убедились, понимали по–русски, но отрицали это. Лишь с офицерами можно было говорить открыто.

Вследствие того, дать исчерпывающую картину политического состояния Рейхсвера для нас затруднительно.

Дисциплина в солдатской массе твердая и глубоко засевшая. Грубого обращения с солдатами со стороны офицеров я не замечал, со стороны же унтер–офицеров видел. Солдатский состав в подавляющей массе совершенно молодой, благодаря различного рода обходам 12–ти летнего срока службы. Одиночное обучение выдающееся...

Офицерский состав почти сплошь состоит из кавалеров ордена «Железного креста». Только молодые лейтенанты не были на войне.

Бросается в глаза громадный процент аристократов среди офицеров как строевых, так и генерального штаба, чего, по отношению к генштабу старой германской армии не было. Принадлежности к той или другой партии выяснить не удалось»⁴².

Тухачевский констатировал:

«Упадок духа влечет за собой бездушное отношение к военнаучным вопросам. Германские офицеры, не исключая и большей части генерального штаба, ничего не читают, кроме уставов...Отношение населения к Рейхсверу с каждым годом улучшается и интерес к военному делу повышается. На маневрах войска сопровождаются тысячами народа из города и деревни»⁴³.

Общие выводы, сделанные им по результатам командировки осторожно оптимистичны. В них не только оценка немецких вооруженных сил, но и политической ситуации, и перспектив сотрудничества:

«В общем положение германской армии чрезвычайно тяжелое в силу ограничений Версальского мира. Это положение отягощается упадком духа германского офицерства и падением интереса в его среде к военному делу. Отдельные роды войск германской армии стоят на достаточной высоте, но редко превышают средний уровень. Только в деле дисциплины, твердости и настойчивости, в стремлении к наступательности и четкости немцы имеют безусловно большое превосходство и над Красной Армией и вероятно над прочими.

В деле организации двухсторонних учений в деле штабной работы мы можем и должны многому поучиться у Рейхсвера. Четкость занятий, заблаговременная подготовка их, продуманность, — все это делает полевые занятия германской армии гораздо более интенсивными, чем у нас, несмотря на короткий срок, в течение которого они имеют место (4 — 6 недель). На эту сторону дела нам необходимо обратить особое внимание и многое позаимствовать...

Германские офицеры, особенно генерального штаба, относятся одобрительно к идее ориентации на СССР. В начале об этом говорилось, но довольно глухо, а при прощании — немцы старались внушить нам мысль о том, что они считают нас своими неминуемыми союзниками и что это является единственной их надеждой для выхода из того безвыходного положения в котором они сейчас находятся.

Насколько искренне все это — трудно судить»44.

Первый секретарь полпредства СССР в Германии А. А. Штанге по итогам этого визита писал в дневнике от 19 сентября 1925 года:

«Тухачевский... отметил важное значение, которое имеет более детальное ознакомление представителей обеих армий. Он указал, что сейчас он и его коллеги присутствовали, так сказать, на экзамене, но они не видели еще своих германских товарищей в повседневной жизни и работе»45.

И далее Штанге подчеркнул:

«Я должен, во-первых, отметить, видимо, совершенно искреннее удовлетворение, вынесенное как из по-

ездки германских представителей в СССР, так и из посещения Германии нашими товарищами.

Полковник и майор (руководители с немецкой стороны. — Ю. К.), оба рассыпались в комплиментах по адресу наших товарищей, искренне удивляясь их эрудиции даже в отношении немецкой военной литературы. Должен добавить, что внешнее впечатление, которое производили прибывшие товарищи, было действительно великолепно. Они держали себя с большой выдержкой и тактом, причем в то же время не чувствовалось абсолютно никакой натянутости.

Немцы, приехавшие из СССР, в полном восторге от оказанного им там приема»⁴⁶.

Принимающая сторона также осталась довольной.

«Снова были советские офицеры для наблюдения маневров. Во главе делегации был 30-летний... Михаил Николаевич Тухачевский.

Русские офицеры в основном хорошо говорили по-немецки и удивительно хорошо знали военную историю. Они все изучали произведения Клаузевица. С М. Н. Тухачевским мы превосходно понимали друг друга. Он предложил мне когда-нибудь встретиться в Варшаве»⁴⁷ — записал полковник К. — Х. Штульпнагель, провожавший советских «гостей».

Варшава для Тухачевского, похоже, по-прежнему оставалась идефикс.

Первым и наиболее важным с точки зрения подготовки кадров и перспективы ведения войны военно-учебным центром рейхсвера на территории СССР стала авиационная школа. Официальное соглашение о ее создании было подписано в Москве 15 апреля 1925 года.

Причем, к этому готовились заранее — еще в 1924 году распоряжением руководства РККА была закрыта только что организованная высшая школа летчиков в Липецке: на ее базе началось создание германской, замаскированной под авиаотряд Рабоче–Крестьянского Красного Военно–Воздушного Флота⁴⁸. Организация и управление ею были отданы немцам и подчинялись единому плану подготовки летного состава рейхсвера, разработанному в 1924 году штабом ВВС в Берлине. Обучение там проходили и советские, и немецкие летчики. Уже в 1926 году Сталину был подготовлен доклад о первых позитивных для советской стороны результатах деятельности авиашколы. В полную силу она начала работать с конца 1927 года. С этого времени в Липецке проводились интенсивные испытания новых боевых самолетов, авиационного оборудования и вооружения.

По их результатам на вооружение рейхсвера были приняты несколько новых типов самолетов⁴⁹. К 1933 году благодаря Липецку было подготовлено около 450 немецких летчиков различной квалификации. Многие из них в годы Второй мировой войны составили костяк гитлеровских «люфтваффе» (в их числе — К. Штудент, Х. Ешонек, В. Виммер, О. Деслох и др.).

Версальский договор запрещал Германии не только иметь бронетанковые войска, но и разрабатывать и производить этот вид военной техники. Но рейхсвер уже с начала 1920–х годов искал возможности для обхода версальского табу, понимая, что в вооруженных конфликтах ключевую роль будут играть именно технические рода войск. СССР, как и Германия, был заинтересован в создании современных танковых войск, но, в отличие от Германии, не обладая промышленной базой, технологиями и квалифицированными кадрами, имел все

юридические возможности для многопрофильной модернизации армии.

Поэтому недвусмысленный «намек» рейхсвера на создание

совместной танковой школы на территории СССР был активно поддержан советским военно–политическим руководством. Договор об организации танковой школы в Казани был заключен 3 декабря 1926 года в Москве⁵⁰.

В первой половине 1929 года танковая школа приступила к практическому обучению.

По аналогичной схеме выстраивались и советскогерманские отношения в сфере химической промышленности:

немцам нужна была «подопытная» территория, Советскому Союзу — «рецепты» производства от страны, занимавшей в этой сфере ведущее положение в Европе.

«Я могу сказать, что... взаимоотношения немецкой и русской армий были добрыми и честными. В политике скорее Россия была заинтересованной стороной, в то время как Германия зачарованно смотрела на вооружение и скорее сторонилась России, чем шла навстречу»⁵¹, — писал о первом этапе сотрудничества начальник отдела боевой подготовки рейхсвера генерал В. фон Бломберг^[27] в дневниках времен Второй мировой войны...

²⁷ Бломберг Вернер фон (1878–1946). Участвовал в Первой мировой войне офицером Генштаба. С 1919 г. в рейхсвере — начальник отдела боевой подготовки министерства рейхсвера (1925—1927 гг.).

В 1927—1929 гг. начальник войскового управления (т. е. замаскированного Генштаба). С января 1933 г. — министр рейхсвера, с 1935 г. — военный министр и главнокомандующий вермахта.

После признанного обеими сторонами успешным первого опыта обмена группами в 1925 году, от РККА в Германию было командировано 13 человек — 8 из них присутствовали на учениях и маневрах, 3 участвовали в полевых поездках, 2 были прикомандированы к военному министерству Германии и обучались на последнем курсе берлинской военной академии⁵². Группа советских военных, вернувшаяся из Германии, так охарактеризовала внутривнутриполитическую ситуацию в стране:

«Рейхсвер, вообще, и Генеральный Штаб, в частности, крайне отрицательно относятся к существующему демократически–парламентскому строю, руководимому социал–демократической партией...

Пацифизм, естественно, встречает в этих кругах самое отрицательное отношение (курсив мой. — Ю. К.). Целый ряд унижающих достоинство Германии фактов со стороны союзнической комиссии разжигают еще больше шовинистические настроения не только в Рейхсвере, но и в широких мелкобуржуазных слоях.

Неизбежность реванша очевидна. Во всем сквозит, что реванш есть мечта германского Генерального Штаба, встречающего поддержку в крайне правых фашистских группировках Германии... Поэтому реакция возможна не в сторону монархии, а в направлении фашизма (курсив мой. — Ю. К.)»⁵³.

Но «реакция в направлении фашизма» не стала для советского истеблишмента препятствием для упрочения

⁵² 24 июня 1937 г. Бломберг подготовил отчет о международном положении, содержащий аргументы противников агрессивной политики, которую готовил Гитлер. Отправлен в отставку в 1938 г.

отношений с рейхсвером. Краскомы, стажировавшиеся в Германии, отмечали в донесениях:

«...Ненависть военных кругов к Франции — чрезвычайно остра.

Занятия (тактические) в Генштабе и в Академии показывают, что армия готовится к войне с Францией и Польшей. Блок с Англией встречает много затруднений, во-первых, потому, что Англия поддерживает ...в своей антирусской политике Польшу, враждебность к которой чрезвычайно остра в Германии, особенно в военных и правых кругах... Наличие общего противника — Польши, опасного для Германии вследствие географических условий, еще более толкает Германский Генштаб по пути тесного сближения с Советской Россией»⁵⁴.

Что до враждебного отношения к пацифизму, то и здесь Советская Россия и Германия были единомышленниками.

В докладе «О характере современных войн в свете решений 6-го Конгресса Коминтерна» Тухачевский в русле концепции «революции извне» по-прежнему «постулировал», что «грандиозные войны, пока большая часть света не станет социалистической, являются неизбежными», и поэтому, считал он, «задачей компартии является настойчивая, повседневная пропаганда борьбы против пацифизма»⁵⁵. Вопросы мировой революции по-прежнему будоражили воображение Тухачевского.

Свои военно-политические воззрения Тухачевский обрисовал в статье «Красная Армия на 6-м году Революции», опубликованной в октябре 1923 года в массовом военном журнале «Красная присяга». Он писал:

«Итак, к концу шестого года Советской власти зреет новый взрыв социалистической революции, по меньшей мере, в европейском масштабе. В этой революции, в сопровождающей ее гражданской войне в процессе самой борьбы, так же, как и прежде, у нас создается могучая, но уже международная Красная Армия. А наша армия, как старшая ее сестра, должна будет вынести на себе главные удары капиталистических вооружений. К этому она должна быть готова и отсюда вытекают ее текущие задачи... Она должна быть готова к нападению мирового фашизма, и должна быть готова, в свою очередь, нанести ему смертельный удар разрушением основ Версальского мира и установлением Всеевропейского Союза Советских Социалистических Республик»⁵⁶.

Ссылаясь на решения VI Конгресса Коминтерна, он отстаивал правомочность ведения «войн социализма против империализма» и «оборону национальных революций и государств с пролетарской диктатурой...» По мнению Тухачевского, решение вопроса о немедленном ведении революционной войны зависит исключительно от «материальных условий осуществимости этого и интересов социалистической революции, которая уже началась...»⁵⁷.

Как он считал, «действительно революционной войной в настоящий момент была бы война социалистической республики... с одобренной со стороны социалистической армии целью — свержение буржуазии в других странах» .

В выступлении на VII Всебелорусском съезде Советов, проходившем в Минске в мае 1925 года, Тухачевский говорил:

«Крестьяне Белоруссии, угнетенные польскими помещиками, волнуются, и, конечно, придет тот час, когда они этих помещиков сбросят. Красная Армия понимает, что эта задача является для нас самой желанной, многожданной... Мы уверены, и вся Красная Армия уверена в том, что наш Советский Союз, и в первую очередь Советская Белоруссия послужит тем оплотом, от которого пойдут волны революции по всей Европе... Красная Армия с оружием в руках сумеет не только отразить, но и повалить капиталистические страны...

Да здравствует Советская зарубежная Белоруссия! Да здравствует мировая революция!»⁵⁹ Обозначив общий военно-политический курс и настроения армии, Тухачевский затем обосновал ее боевую готовность.

«...В техническом отношении мы в значительной мере сравнялись и достигли западноевропейских государств... — заявлял он. — Успехи в области пехоты, в области артиллерии... определяют возможность ее участия в самых жестоких и самых сильных столкновениях с нашими западными соседями... Танки мы имеем хорошие и в этом отношении можем состязаться с нашими соседями.

Конница наша является сейчас лучшей конницей в мире... Наша авиация является одним из самых блестящих родов войск... Ни у одного из наших соседей нет такой подготовленной, блестящей, смелой и боеспособной авиации»⁶⁰.

И, заключая, он прямо требовал:

«Нам нужно только, чтобы советское правительство Белоруссии поставило в порядок своего дня вопрос о войне»⁶¹.

С 1924 года, будучи еще заместителем начальника Генштаба, Тухачевский принимал активное участие в проведении военной реформы. В январе 1925 года, вновь вернувшись в Смоленск — на должность командующего Западного военного округа, он стал членом комиссии по пересмотру стратегических планов государства и разработке нового положения о Военно–Воздушных Силах. В докладной записке Реввоенсовету СССР от 15 января 1925 года Тухачевский предложил образовать в составе Штаба РККА Управление по исследованию и использованию опыта войн, объединив в нем вопросы, связанные с военнаучной работой в Вооруженных силах. Это предложение получило одобрение, и 10 февраля М. В. Фрунзе подписал приказ о создании соответствующего управления⁶².

25 апреля 1925 года Тухачевского назначили председателем уставной подкомиссии Главной уставной комиссии, и уже 28 мая он представил Фрунзе свое заключение по наставлению «Боевая служба пехоты», отметив, что оно имеет устаревшие положения и требует переработки «в духе новой глубокой тактики, маневренности и смелости»⁶³. Затем Тухачевского включили в состав президиума Комиссии по изучению опыта Гражданской войны. 30 ноября его избрали председателем правления Объединенного военно–научного общества⁶⁴.

В конце октября 1925 года не стало Фрунзе. Похороны прошли 3 ноября 1925 года. Член РВС Западного округа И. Телятников вспоминал:

«Я входил в состав небольшой делегации Западного военного округа, прибывшей на похороны Михаила Васильевича Фрунзе.

М. Н. Тухачевский тогда уже служил в Москве (в должности начальника Штаба РККА. — Ю. К.), но в почетном карауле у гроба М. В. Фрунзе он стоял вместе с нами. А вечером Михаил Николаевич пришел к нам в вагон...»⁶⁵ Именно во время этого «вагонного разговора» Тухачевский и выразил свое положительное мнение по поводу кандидатуры Г. Орджоникидзе на должность Председателя РВС СССР и Наркомвоенморабб. Он как бы подсказывал своим бывшим сослуживцам, кого нужно выдвигать в наркомы...

Новым Председателем РВС СССР и наркомом был назначен Ворошилов. Должностные обязанности Тухачевского как начальника Штаба РККА начали постепенно, но неуклонно сужаться. В его компетенции оставалось все меньше и меньше сфер контроля, управления армейскими процессами и меньше рычагов влияния на них. Одновременно 13 ноября 1925 года из структуры Штаба РККА были выведены Инспекторат и Управление боевой подготовки.

Именно те структурные элементы, за включение которых в его состав Тухачевский вел острые дискуссии в 1924 году с оппонентами, особенно с А. Егоровым. Вскоре обнаружилось и фактическое изъятие из подчинения Тухачевского Разведывательного управления.

31 января 1926 года в докладе наркому Тухачевский открыто возмущался:

«Я уже докладывал Вам словесно о том, что Штаб РККА работает в таких ненормальных условиях, которые делают невозможной продуктивную работу, а также не позволяют Штабу РККА нести ту ответственность, которая на него возлагается положением, — писал он в своем

докладе. — Основными моментами, дезорганизующими работу Штаба, являются:

а) фактическая неподчиненность Штабу РККА Разведупра и б) проведение (оперативно–стратегических и организационных) мероприятий за восточными границами помимо Штаба РККА через секретариаты Реввоенсовета.

Такая организация, может быть, имела смысл при прежнем составе Штаба, когда ряд вопросов особо секретных ему нельзя было доверять»⁶⁷.

Выражая резкое недоумение по поводу недоверия новому составу Штаба РККА, Тухачевский заявлял:

«Штаб РККА не может вести разработки планов войны, не имея возможности углубиться в разведку возможных противников и изучить их подготовку к войне по первоисточникам. В этих условиях Штаб и в первую очередь его начальник, ведя нашу подготовку к войне, не может отвечать за соответствие ее предстоящим задачам... Если, например, Штаб РККА подготовит наше стратегическое развертывание ошибочно, если все преимущества перейдут на сторону противника, то мы рискуем величайшими поражениями... Естественно, всех собак будут вешать на Штаб РККА, но по существу, при настоящих условиях, он не может нести за это полной ответственности»⁶⁸.

Тухачевский пока еще мог позволить себе жесткие формулировки.

«...В нынешних условиях я считаю свое положение ложным и организацией изучения противника не занимаюсь и при всем желании не могу заниматься»⁶⁹.

Он предлагал:

«...Прошу установить подчинение Разведупра по вопросам агентуры Штабу РККА и РВС СССР на следующих основаниях:

1. В пределах поставленных Штабом РККА задач — начальник Разведупра непосредственно подчиняется начальнику Штаба РККА как по вопросам сети агентуры, так и по личному составу.

2. В объеме заданий РВС СССР Начальник Разведупра непосредственно подчиняется Заместителю председателя Реввоенсовета, коим, сверх того, контролируется вся агентурная работа, в частности и работа по заданиям Штаба РККА.

Вполне понятно, что непосредственные, тесные отношения РВС с Разведупром должны сохраниться, но Штаб в области своих заданий должен действительно иметь в своем распоряжении Разведупр»⁷⁰.

В случае неприятия своих условий М. Тухачевский видел один выход:

«Назначение более авторитетного начальника Штаба РККА, которому сочтено будет возможным подчинить Разведупр; организационное изъятие Разведупра из состава Штаба РККА и непосредственное его подчинение РВС. Штаб будет ограничиваться выработкой заданий; подбор более авторитетного состава Штаба РККА; изъятие из ведения Штаба РККА подготовки войны на восточных фронтах и полное сосредоточение всех этих вопросов в Вашем секретариате».

В заключении доклада Тухачевский писал:

«После тщательного изучения затронутых выше вопросов я должен с полным убеждением доложить о решительной невозможности продолжать работу в вышеочерченных условиях. Мы не готовим аппарата руководства войной, а систематически атрофируем его созданием кустарности взаимоотношений и превращением Штаба РККА в аполитичный орган»⁷¹.

Его демонстративно не слушали.

Под руководством Тухачевского был издан новый «Временный Полевой устав» 1925 года. В пояснительной записке он саркастически «прошелся» по тем, кто считал, «будто бы в будущей войне нам придется драться не столько техникой, сколько превосходством своей революционной активности и классового самосознания».

Техническая мощь Красной армии должна возрастать из года в год, и «нам придется столкнуться с капиталистическими армиями не голыми руками, не с косами и с топорами в руках, а вооруженными

с ног до головы, организованными, механизированными и электрифицированными»⁷².

Сторонники войны «революционной активностью» — Ворошилов, Буденный и др. — Тухачевскому это не забыли.

26 января 1926 года Тухачевский поставил перед своими подчиненными в Штабе задачу исследовать один «из существеннейших вопросов нашей подготовки к войне — вопрос об определении характера предстоящей нам войны и ее начального периода, в первую очередь, конечно, на Европейском театре». Он подчеркивал, что исследование проблемы должно содействовать «становлению единства взглядов на основах марксистского учени-

я»73. Он продолжал демонстрировать активность, хотя поле деятельности сужалось до минимума: 18 февраля 1926 года из ведения Штаба РККА была изъята мобилизационная работа, а 22 июля 1926 года — Военно-топографический отдел.

Должность Тухачевского окончательно сделалась «почетнобессмысленной».

Ему оставалось теоретизировать. Летом 1926 года РВС СССР обсудил его доклад «Об участии НКВМ (Народный комиссариат по военным и морским делам. — Ю. К.) в составлении большой советской энциклопедии». Решили с целью «разработки и составления Военного отдела большой советской энциклопедии образовать комиссию под председательством тов. Ворошилова, в составе членов т.т. Тухачевского и Иоффе»74.

Для первого издания энциклопедии Тухачевский написал статью «Война как проблема вооруженной борьбы», в которой изложил свои взгляды на характер будущей войны и способы ее ведения, а также на развитие советского военного искусства. Он являлся и членом редакционного совета первой Советской военной энциклопедии.

15 июня 1926 года на заседании РВС СССР он выступил с докладом «О стрелковых войсках». Основные положения этого доклада легли в основу документа о реорганизации стрелковых частей и соединений75.

Он с удовольствием занимался популяризацией военных знаний, развлекая себя и читателей вполне профессиональной публицистикой. Его статьи можно было встретить не только в специальных, но и в массовых изданиях, например, в «Огоньке»:

«Трудно себе представить что-либо более убогое, в смысле военной подготовки, чем те примеры, которые мы видим на страницах «Огонька». Если взять журналы времен русско-японской войны, то мы увидим там точь-в-точь такие же картинки, и даже внешнее сходство подчеркивается тем совпадением, что фотографии как тогда, так и теперь принадлежат фотографу Булла. Прежде всего, мы видим действия небольшой группы пехоты, по-видимому, отделения по новой организации, которое вступило в бой с противником.

Казалось бы, что это является интересным моментом для того, чтобы оттенить все особенности новой тактики, все характерные черты современного боя пехоты. Мы видим как раз обратное. Командир стоит на одном колене, красноармейцы точно так же в большинстве случаев стреляют с колена, совершенно не применившись к местности и, очевидно, выполняя не то, чему их всегда учат, а то, что хотелось видеть привычным глазам фотографа. Повторяю, картина такая, какую мы можем видеть во всех журналах времен русско-японской войны. Но ведь если русские войска вышли с такими приемами на эту войну, то даже с этой войны они уже вернулись обученными наново. Они уже умели применяться к местности и знали, что стрельба с колена — самая ненадежная и бесцельная стрельба. Конечно, требовать от фотографа, чтобы он интересовался новостями военного дела, нельзя, но не могу понять, как решился командир снять свою часть в таком нелепом, опереточном положении.

На той же странице, внизу, помещен снимок обстреливания самолетов из «зенитных орудий».

Как видит читатель, «зенитные орудия», представляют собой всего только станковые пулеметы. Как полезно допризывнику посмотреть такую картинку!

Пулеметы поставлены, по-видимому, так, как это представлялось наиболее красивым фотографу. Растяпистые фигуры, их окружающие, своим видом выявляют величайшую скуку, апатию, и, по-видимому, никто из них и не помышляет о борьбе с воздушным противником»⁷⁶.

В научных же его трудах тогда доминировала тема будущей войны. Она все прочнее входила в его мир. В 1926 году в брошюре «Вопросы современной стратегии» начальник Штаба РККА отмечал:

«Основной чертой современных войн является грандиозный размах и по тем экономическим средствам, которые применяются в войне, и по людским ресурсам, которые ее питают, и по пространству, занимаемому воюющими, и, наконец, по продолжительности»⁷⁷.

На основании этого он делал вывод о необходимости всестороннего обеспечения вооруженной борьбы людскими ресурсами и материальными средствами. Тухачевский этого времени — активный сторонник теории, выдвигающей проблему «военно-промышленного комплекса» как приоритетную в государстве. Вся экономическая политика, все народное хозяйство, по Тухачевскому, должны подчиняться главной цели — подготовке к войне. Все остальные реалии жизни Советского Союза для него вторичны.

В статье «Война как проблема вооруженной борьбы»

Тухачевский подчеркивал:

«Без новых переделов мира империализм не может существовать, ибо, как говорил Ленин, капиталистам теперь не только есть из-за чего воевать, но и нельзя не воевать, если хотеть сохранить капитализм, ибо без насильственного передела колоний новые империалистские страны не могут получить тех привилегий, которыми пользуются более старые (и менее сильные) империалистские державы»⁷⁸.

Чего здесь больше — официозной риторики на потребу дня или искренней веры?

«Политические цели империалистов в будущей возможной войне тесно переплетаются, — чеканил фразы Тухачевский — а это может привести к превращению любой войны двух отдельных государств в войну мировую, в войну двух частей земного шара — одна против другой»⁷⁹.

Смысл существования Красной армии определялся ленинской идеологией:

«Великие вопросы в жизни народов решаются только силой»⁸⁰, что возлагало на Генеральный штаб...

«совершенно особые задачи, выходящие далеко за пределы узких национальных рамок»⁸¹.

В 1928 году, описывая шефа советского Генштаба, немецкое военное руководство констатировало:

«В разговорах с высокопоставленными советскими командирами в Германии выяснилось, что его внешнеполитическая концепция была более активной чем у Сталина, особенно во взгляде на Польшу»⁸².

По требованию правительства начальник Штаба РККА М. Тухачевский 26 декабря 1926 года представил

доклад «Оборона Союза Советских Социалистических республик ». Основные положения этого доклада сводились к следующему:

«1. Наиболее вероятные противники на западной границе имеют крупные вооруженные силы, людские ресурсы, высокую пропускную способность железных дорог. Они могут рассчитывать на материальную помощь крупных капиталистических держав.

2. Слабым местом блока является громадная протяженность его восточных границ и сравнительно ничтожная глубина территории.

3. В случае благоприятного для блока развития боевых действий первого периода войны его силы могут значительно возрасти, что в связи с «западноевропейским тылом» может создать для нас непреодолимую угрозу.

4. В случае разгрома нами в первый же период войны хотя бы одного из звеньев блока, угроза поражения будет ослаблена.

5. Наши вооруженные силы, уступая по численности неприятельским, все же могут рассчитывать на нанесение контрударов.

6. наших скудных материальных боевых мобилизационных запасов едва хватит на первый период войны. В дальнейшем наше положение будет ухудшаться (особенно в условиях блокады).

7. Задачи обороны СССР РККА выполнит лишь при условии высокой мобилизационной готовности вооруженных сил, железнодорожного транспорта и промышленности.

8. Ни Красная Армия, ни страна к войне не готовы»⁸³.

Для этого периода советско–германских отношений характерно упрочение военных и военно–промышленных контактов, ратифицированных Берлинским договором, укрепившим и развившим Рапалльский. После 1926 года, когда впервые на академических курсах рейхсвера (академии германского генштаба) обучались преподаватели академии им. Фрунзе Свечников и Красильников, команды ровки краскомов на учебу в Германию стали регулярными.

В ноябре 1927 года впервые на длительный срок в Германию для изучения современной постановки военного дела выехали командующий СКВО командарм 1–го ранга И. П. Уборевич (на 13 месяцев), начальник Академии им. Фрунзе комкор Р. П. Эйдеман и начальник III управления Штаба РККА комкор Э. Ф. Аппога (оба на 3,5 месяца). Командированные посещали лекции, решали вместе с немецкими слушателями военные задачи, бывали в казармах, знакомились с зимним обучением во всех родах войск, видели и испытывали все технические достижения, применявшиеся в рейхсвере, знакомились с организацией управления армией и ее снабжения.

17 декабря 1927 года все трое нанесли визит вежливости Зекту — в знак признания его роли в налаживании советскогерманских, в том числе военных, отношений. Они регулярно посылали наркому Ворошилову доклады о своей учебе в Германии⁸⁴. (Для всех них эти поездки в Германию впоследствии обернулись приговором на «процессе военных 1937 года.) Перед Уборевичем Ворошилов поставил помимо профессиональных задач по изучению рейхсвера также и этические:

«Я хочу обратить Ваше внимание на еще одно обстоятельство.

Конечно, иногда поужинать с немцами необходимо, но число всяких раутов и обедов надо свести к минимуму. Об этом есть твердое решение инстанции. Вы должны продемонстрировать немцам облик нашего командира-коммуниста.

Штаб послал Вам задание. Я дополнительно прошу Вас собрать материал по следующим вопросам:

1. Взаимодействие родов войск, а также сухопутной армии и флота. Вам известно, что немцы критиковали, и не без основания, наши одесские маневры^[28] особенно совместные действия с флотом.

Надо изучить постановку этого дела у немцев.

2. Организация, вооружение и применение кавалерии в бою.

Мы знаем приблизительно взгляды немцев на конницу. Надо детально изучить, как они думают оперировать конницей на восточных театрах — наших условиях (скажем, в Польше). Вообще, надо по возможности основательно исследовать этот вопрос.

3. Об укрепленных районах. Как немцы к ним относятся, как думают их организовать. Вы помните, что снос укреплений в Восточной Пруссии (по требованию союзной комиссии) вызвал бурные протесты Р. В.

²⁸ Речь идет о маневрах Украинского военного округа, проводившихся в 1926 г. Цель маневров — отработка взаимодействия военно-морского флота и сухопутных родов войск при проведении боевой операции.

4. Организация тылов и снабжение в мирное и военное время.

Надо изучить методы войскового снабжения, а также постановку этого дела в государственном масштабе (как немцы думают мобилизовать промышленность, с[ельское] хозяйство и т.д.) 5. Изучите быт немецкой армии. Мы имеем уставы, но не знаем, как живет немецкая армия и ее солдаты» .

В итоговом докладе о своем 13-месячном пребывании в Германии Уборевич подробно описал учебу, маневры, полевые поездки, пребывание во всех родах войск. Ему удалось довольно близко познакомиться с оперативными, тактическими, организационными, техническими взглядами немцев на современную армию, методику подготовки войск, постановку образования и службу генштаба. Уборевич писал, что «немцы являются для нас единственной пока отдушиной, через которую мы можем изучить достижения в военном деле за границей», и что «немецкие специалисты, в том числе и военного дела, стоят неизмеримо выше нас». Уборевич заключал:

«центр тяжести нам необходимо перенести на использование технических достижений немцев, и, главным образом, в том смысле, чтобы у себя научиться строить и применять новейшие средства борьбы»⁸⁶.

Взаимные обмены советско-германскими делегациями продолжались: военачальники ездили «друг к другу» на учения, маневры, полевые, тактические занятия. Руководители делегаций встречались с высшим военным руководством принимавшей стороны. В 1928 году в СССР

побывал генерал рейхсвера Бломберг, оставивший подробный отчет об этой поездке:

«Прием русскими Немецкие офицеры в течение всего времени командировки были гостями русского правительства. Им был предоставлен вагон–салон. В качестве почетного сопровождающего Командующего войсками был бывший военный атташе в Берлине Лунёв, имевший в распоряжении группу офицеров сопровождения.

Русские в течение всей поездки демонстрировали широкую предупредительность. Военный комиссар Ворошилов дал указание показывать всё и исполнять любые пожелания. Организация и состояние образования представлены абсолютно открыто, что позволило составить достоверное заключение... Везде подчеркивалась значимость сотрудничества для РККА, а также желание учиться у рейхсвера и преимущество наблюдаемых немецких офицеров над офицерами Красной Армии»⁸⁷.

Бломберг считал нужным особо подчеркнуть значимость для Германии совместных военно–учебных баз:

«Организации находятся в прекрасном состоянии и работают очень хорошо... Их полное использование является исходным пунктом для наших жизненно важных интересов. Для нас имеет чрезвычайное значение то, что русские дают нам возможность с пользой эксплуатировать эти сооружения»⁸⁸.

Стойкую направленность на сближение Бломберг так объяснял несколько лет спустя, в 1943 году:

«На меня Россия произвела очень серьезное впечатление, одновременно и непостижимое. Это была чужая страна. Я сказал себе, что мы должны либо стать ей другом, поскольку у нас общие интересы в укреплении по-

зиций против западного мира, или же нам нужно планомерно готовить борьбу против наших восточных соседей, которая должна будет вестись при благоприятных обстоятельствах, то есть с собранной в кулак силой»⁸⁹.

Заместитель Бломберга полковник Миттельбергер в ходе своей поездки в СССР в 1928 году специально занимался оценкой способностей и политических взглядов советских командиров. В отчете он особое внимание уделил Тухачевскому:

«Самым значительным военным представителем Красной Армии является шеф генерального Штаба Михаил Тухачевский. На него возлагаются большие надежды... Очень умен и очень тщеславен»⁹⁰.

Тухачевского в Германии называли одним из выдающихся талантов Красной армии, коммунистом исключительно по соображениям карьеры.

«Он может переходить с одной стороны на другую, если это будет отвечать его интересам»⁹¹.

Образ вырисовывается как минимум неоднозначный.

А положение Тухачевского в Генштабе в это время стало на самом деле тупиковым. Он писал в докладной Ворошилову, что в Штабе РККА сложилась ненормальная обстановка и что он фактически отстранен от участия в подготовке страны к обороне. Внутри секретариата наркомата, утверждал Тухачевский, сформировалась группировка, подменившая собой Генштаб. Теперь Тухачевский делал вывод еще более определенный, чем в январском письме 1926 года.

«Мое дальнейшее пребывание на этом посту (начальника Штаба РККА), — заключал он, — неизбежно

приведет к ухудшению и дальнейшему обострению сложившейся ситуации»⁹².

К XV Съезду ВКП(б) Тухачевский представил пятилетний план технического развития вооруженных сил, где предлагал координировать план строительства вооруженных сил и военных заказов с перспективами развития отраслей экономики. Этот план, по предложению начальника Штаба РККА, включал выполнение всех мероприятий по техническому оснащению Красной армии, насыщению ее недостающими техническими средствами, накоплению мобзапасов, обеспечивающих развитие вооруженных сил. В своей записке он приводил конкретные соображения о развитии технических родов войск, развитии оборонной промышленности, строительстве новых заводов и дополнительном финансировании этих программ⁹³.

Акцентируя внимание на проблеме общего и технического обеспечения Красной армии, а именно в этом виделась главная причина неготовности армии к войне, М. Тухачевский «задевал» репутацию А. Егорова и П. Дыбенко.

Егоров с мая 1926-го по май 1927 года являлся заместителем Председателя Военно-промышленного управления

ВСНХ и членом коллегии ВСНХ. Он — представитель высшего командования и боевой генерал — должен был нести значительную долю ответственности за плачевное состояние дел в техническом обеспечении РККА. Дыбенко с 25 мая 1925 года по 16 ноября 1926 года являлся начальником Артиллерийского управления РККА, а с ноября 1926-го по октябрь 1928 года занимал пост начальника Управления снабжения Красной армии. Снабжение армии

всем боевым снаряжением находилось в зоне его внимания. Косвенно начальник Штаба «замахивался» и на наркома. Однако — самое главное: Тухачевский предлагал альтернативный правительственному оборонный проект — программу, которая смещала военно-экономическую доминанту в оборонную сферу. Это уже была особая концепция развития страны и государства. А сам Тухачевский, желая того или нет, обозначил себя в качестве военно-политического «лидера» ее реализации⁹⁴. Это было замечено. План Тухачевского не был принят. Весной 1928 года Тухачевский подал в отставку. Его «сослали» в Ленинград — командовать округом.

Штаб ЛВО с послереволюционного времени и доныне расположен в западном крыле Главного штаба, «обнимающего Дворцовую площадь». Для человека с художественным воображением, каким был Тухачевский, сама дорога от дома до службы представлялась путем историческим.

От дворца великого князя Михаила Николаевича, во флигеле которого размещалась квартира командующего округом, тоже Михаила Николаевича, — рукой подать. (На доме, где с 1928-го по 1931 год жил Тухачевский, сейчас мемориальная доска.) Он жил на Миллионной улице, в советское время носившей имя террориста Халтурина. Улица эта начинается от Марсова поля и упирается в Дворцовую площадь, в те годы — площадь Урицкого, убитого в восточном крыле Главного штаба, где размещался штаб Северной коммуны. Вход в штаб округа — с торца здания, с Невского, тогда — проспекта 25 Октября. Так и прошел Михаил Тухачевский с «марсовых полей» Первой мировой и Гражданской путь от гвардейского подпоручика до «красного маршала».

И в конце 1920-х годов, и теперь помещения, где работал командующий, — неизменны. Все окна выходят на Дворцовую площадь. Только в том кабинете, где сидел Тухачевский, теперь принимают официальные делегации — там особенно красивые интерьеры. Сидя в зале с видом на Зимний дворец, на Александрийский столп — памятник победы над Наполеоном, трудно не задумываться об истории и своей роли в ней. В кабинете — вывезенные из Парижа после падения Бонапарта великолепные вазы... Он оказался в Главном Штабе, о котором грезил в 1917 году, когда гвардейцем был зачислен в Семеновский полк. Но теперь и Штаб, и сама реальность, и мечты были иными.

За десять лет сменилась эпоха...

Бломберг, характеризуя ситуацию в РККА, остановился и на личности Тухачевского, обратив внимание на версии его смещения с должности:

«Тухачевский — командир ЛенВО. 34—35 лет, юношески свеж, ухожен, симпатичен. До 1928 г. — начальник Генерального Штаба.

С этой должности был понижен, по одной версии, из-за его выступления за превентивную войну против Польши, по другой — из-за сомнений в его политической надежности, в связи с чем его подозревали в руководстве движением по гос. перевороту. Он воздерживался от разговоров на любую политическую тему, но был разговорчивым и целеустремленным собеседником, когда речь шла об оперативной и тактической области. Очень примечательная личность...

»95 Об общем впечатлении о Красной армии Бломберг в том же отчете писал, что оно

«вполне удовлетворительно... Красная армия располагает превосходным солдатским материалом. Русский солдат обладает, как и ранее, отличными военными качествами, которыми он отличался в течение столетий. В высшей степени закаленный, выносливый, привыкший к физическим нагрузкам, волевой и непритязательный, он дает командованию возможность добиваться от войск поразительных результатов...

Особо выдающиеся признаки суть:

— твердая внутренняя сплоченность, — прогресс, достигнутый в последние годы, — стремление устранить известные недостатки и при широком использовании немецких образцов добиться производительности, соответствующей Западным требованиям.

— усилия по созданию современных вооружений (авиация, химическое оружие) — крепкая связь с народом».

Советские военные «делегаты», возвращаясь из Германии, в свою очередь также привозили обобщающие впечатления.

Отчет о поездке в Германию командира и военного комиссара 5-го стрелкового корпуса А. И. Тодорского от 5 октября 1928 г.

...«Если бы Россия была в союзе с нами, сейчас мир принадлежал бы нам» (Тодорский цитирует распространенную в то время в рейхсвере точку зрения. — Ю. К.). Отсюда встречается сочувствие связи с Россией (в довоенном о ней представлении), как исправление допущенной перед 1914 г. ошибки. Отсюда в общем и целом хорошее отношение и к представителям Красной Армии и со стороны населения, и со стороны Рейхсвера⁹⁶.

Перспективы на «Великую Германию»

В вечность Версальского договора никто не верит. Общее мнение, что Германия будет снова великой и свободной (в капиталистическом понимании) страной, но возможность этого обуславливается такой ситуацией (со многими неизвестными сейчас), что политика маневрирования на внешней арене, при накапливании сил внутри страны, признается единственно правильной.

Естественно, что никто не отвечает на вопрос, будет ли узел Версаля разрублен мечом или развяжется сам собою. Возможность решения вопроса мечом не исключается (курсив мой. — Ю.К.)»97.

«Армия привлекает добровольцев, как обеспеченностью самой службы (на 30.08 в Германии было 648.600 безработных), так, главное, возможностью получить школу и занять крепкое место в обществе (быть служащим, торговцем, офицером).

Большой выбор (из 10 — одного) дает возможность командованию укомплектовать Рейхсвер специально желательным и военногодным людским материалом. Прием коммунистов запрещен специальным циркуляром. Социал-демократы принимаются, причем, по словам офицера-переводчика, пацифистские убеждения их быстро выветриваются»98.

«Характеристика партий в устах офицера.

Националисты. Входят: помещики, крупные немецкие капиталисты, бывшие офицеры, крупные чиновники, зажиточные крестьяне...

Национал-социалисты или фашисты. Главным образом, молодежь.

Есть ориентация на запад, есть и на восток. К рейхсверу относятся хорошо...

Социал–демократы. Партия утомленного народа. Входят рабочие, мелкий буржуа, учителя. Ориентация на запад, против востока»⁹⁹.

Пока советские военные учились в германской академии Генштаба, немецкие «кураторы» анализировали состояние профессионального обучения в Москве. Полковник германского Генштаба Х. Хальм, наблюдавший работу военной академии им. Фрунзе, дал не слишком лестные отзывы. В тематическом отчете 2 ноября 1929 года, отметив несколько хорошо подготовленных фигур из числа руководства и профессорского состава (Р. П. Эйдеман, А. А. Свечин, А. И. Верховский, И. И. Вацетис, Ф. Ф. Новицкий и др. — почти все служили в царской армии), невысоко оценил ее деятельность в целом. «На самых ответственных преподавательских постах» академия не располагала профессорско–преподавательским составом с опытом руководства соединениями всех родов войск в мирное и военное время. Опыт Гражданской войны закономерно устарел. По заключению Хальма, «надо было бы вести прежде всего подготовку руководителей по другому руслу». А пока слушатели по завершении обучения уходили в армию без хорошо «натренированных способностей командира». Главная задача — подготовка офицеров генштаба и командиров высшего звена — оказывалась невыполненной.

Академию решили укрепить немецкими кадрами.

В 1930 году как преподаватели военной истории в Академии начали работать майор Ф. Паулюс (будущий генералфельдмаршал), подполковник В. Кейтель (в будущем фельдмаршал, которому суждено было подписать

акт о безоговорочной капитуляции Германии во Второй мировой войне). С декабря 1930 года по июнь 1931 года на II и III академических курсах рейхсвера обучались командующие Северокавказским военным округом Е. П. Белов и Среднеазиатским военным округом П. Е. Дыбенко, Белорусским военным округом (БВО) А. И. Егоров (все они впоследствии были репрессированы как «шпионы»).

Находясь в Ленинградском военном округе, Тухачевский чувствовал себя выброшенным на периферию, но держал удар, продолжая «гнуть свою линию».

В ноябре 1929 года он поставил задачу по совершенствованию технической подготовки войск.

«В будущей войне важное значение приобретет автоматизация, — отмечал он. — Поэтому... мы приступаем к систематическому изучению бронетанкового вооружения и к тренировке в применении моторизованных частей. В результате к моменту практического разрешения вопросов моторизации Красной Армии командный состав будет знать тактику моторизованных частей и сможет овладеть искусством оперативного их использования»¹⁰⁰.

Тогда же, на заседании РВС СССР Тухачевский, поддержанный И. П. Уборевичем (в 1929 году — начальником вооружений РККА и зампредом РВС), высказался за ускоренное развитие технических родов войск, которые должны были играть главную роль в будущей войне. Этому со свойственной ему прямолинейностью воспротивился Буденный, заявивший: «Тухачевский хочет перевести конницу на пеший лад. Якир был у немцев, они ему мозги свернули, хочет пешком гнать конницу». Еще более определенно выразился Ворошилов: «Я против тех, кто полагает, что конница отжила свой век»¹⁰¹. Конфликт

между «конниками» и «техниками» завершился, разумеется, не в пользу последних.

В январе 1930 года Тухачевский ставил вопрос о новых формах оперативного искусства и предлагал отнести авиадесант к числу новых мощных средств, способных парализовать оперативный маневр противника и дезорганизовать его тыл¹⁰². В ЛВО впервые в истории РККА он провел тактическое учение с применением воздушного десанта (посадочным способом). В сентябре состоялись маневры, на которых была осуществлена комбинированная высадка и выброска воздушного десанта с тяжелым оружием и боевой техникой^[29]. На подведении итогов Тухачевский говорил:

«Можно с удовлетворением отметить, что комбинированная высадка и выброска воздушного десанта удалась. Таким образом, заложен первый камень в строительство воздушно–десантных войск.

За этим должно последовать формирование специальных воздушнодесантных соединений и создание авиации, способной осуществить десантирование в больших масштабах. Применение крупных авиамотодесантов открывает совершенно новые перспективы в области оперативного искусства и тактики. Высадка таких десантов во вражеском тылу позволит им совместно с наступающими с фронта танковыми и стрелковыми частями пол-

²⁹ В начале 1933 г. в Ленинградском военном округе была сформирована первая воздушно–десантная бригада особого назначения, в 1936 г. — еще две в Киевском и Белорусском военных округах, в 1938 г. имелось уже 6 бригад, а в марте — апреле 1940 г. началось развертывание 5 воздушно–десантных корпусов, которые к началу Великой Отечественной войны на удалось, однако, обеспечить боевой техникой и достаточном количестве.

ностью окружить и уничтожить обороняющегося противника»¹⁰³.

11 января 1930 года Тухачевский представил Ворошилову записку о реконструкции Советских Вооруженных Сил «на основе учета всех новейших факторов техники и возможностей массового военно-технического производства, а также сдвигов, происшедших в деревне». В документе изложена развернутая программа и план модернизации РККА. Автор формулировал концепции оперативно-стратегического характера, в которых ясно просматривались новые аспекты будущей «войны моторов». Тухачевский считал необходимым к концу пятилетки иметь Красную армию в составе 260 стрелковых и кавалерийских дивизий, 50 дивизий артиллерии большой мощности и минометов, а также обеспечить войска к указанному времени 40 000 самолетов и 50 000 танков¹⁰⁴.

«Количественный и качественный рост различных родов войск вызовет новые пропорции, — писал он, — новые структурные изменения...

Реконструированная армия вызовет и новые формы оперативного искусства».

В записке отмечалось, что увеличение количества танков и авиации позволяет «завязать генеральное сражение одновременным ударом 150 стрелковых дивизий на фронте в 450 км и в глубину на 100—200 км, что может повлечь полное уничтожение армии противника. Это углубленное сражение может быть достигнуто высадкой массовых десантов в тыловой полосе противника, путем применения танководесантных прорывных отрядов и авиадесантов»¹⁰⁵.

Ворошилов немедленно переслал записку Сталину, снабдив ее комментарием:

«Тов. Сталину Направляю для ознакомления копию письма Тухачевского и справку Штаба по этому поводу. Тухачевский хочет быть оригинальным и... «радикальным». Плохо, что в К. А. есть порода людей, которые этот «радикализм» принимают за чистую монету.

Очень прошу прочесть оба документа и сказать мне твое мнение.

С приветом — Ворошилов»106.

Сталин ответил Ворошилову, однозначно встав на его сторону. Письмо Сталина по поводу предложений Тухачевского было оглашено на расширенном Пленуме РВС СССР 13 апреля 1930 года.

«Совершенно секретно Тов. Ворошилову Получил оба документа, и объяснительную записку Тух-го, и «соображения» Штаба. Ты знаешь, что я очень уважаю т. Тух-го, как необычайно способного товарища. Но я не ожидал, что марксист, который не должен отрываться от почвы, может отстаивать такой, оторванный от почвы, фантастический «план». В его «плане»

нет главного, т. е. учета реальных возможностей, хозяйственного, финансового, культурного порядка. Этот «план» нарушает в корне всякую мыслимую и допустимую пропорцию между армией, как частью страны, и страной, как целым, с ее лимитами хозяйственного и культурного порядка....

Как мог возникнуть такой план в голове марксиста, прошедшего школу гражданской войны?

Я думаю, что «план» т. Тух–го является результатом модного увлечения «левой» фразой, результатом увлечения бумажным, канцелярским максимализмом.

«Осуществить» такой «план» — значит, наверняка загубить и хозяйство страны, и армию: это было бы хуже всякой контрреволюции.

Отрадно, что Штаб РККА, при всей опасности искушения, ясно и определенно отмежевался от «плана» т. Тух–го.

23.3.30.

Твой И. Сталин»¹⁰⁷ Возмущенный Тухачевский решил не «проглатывать пилюлю» и написал Сталину докладную записку, выдержанную хоть и в подбострастном по форме тоне, но вполне уверенную по содержанию:

«Командующий войсками ЛВО 30 декабря 1930 года Ленинград Сов. секретно Уважаемый товарищ Сталин!

В разговоре со мной во время 16–го партсъезда по поводу доклада Штаба РККА, беспринципно исказившего и подставившего ложные цифры в мою записку о реконструкции РККА, Вы обещали просмотреть материалы, представленные мною Вам при письме, и дать ответ.

Учитывая Вашу занятость, я думаю, что Вы физически не будете в состоянии ни просмотреть мои материалы, ни сличить их с докладом Штаба РККА. В связи с этим, у меня к Вам очень большая просьба:

поручить просмотреть материалы и разобраться в них ЦКК или товарищам по Вашему усмотрению.

Я не стал бы обращаться к Вам с такой просьбой после того, как вопрос о гражданской авиации Вы разреши-

ли в масштабе большем, чем я на то даже рассчитывал, а также после того как Вы пересмотрели число дивизий военного времени в сторону значительного его увеличения. Но я все же решил обратиться, т. к. формулировки Вашего письма, оглашенного тов. Ворошиловым на расширенном заседании РВС СССР и основанного, как Вы мне сказали, на докладе Штаба РККА, совершенно исключают для меня возможность вынесения на широкое обсуждение ряда вопросов, касающихся проблем развития нашей обороноспособности. Например, я исключен как руководитель по стратегии из Военной Академии РККА, где я вел этот предмет в течение шести лет. И вообще положение мое в этих вопросах стало крайне ложным. Между тем, я столь же решительно, как и раньше, утверждаю, что штаб РККА беспринципно искал предложения моей записки и подменил целый ряд цифр, чем представил их в фантастической абсурдной форме. Материалы, посланные мною Вам, безусловно доказывают это. Подтверждает это и практическое решение вопроса о гражданской авиации.

В дополнение к ранее посланным материалам, я хочу доложить о последних данных, которые мне удалось подработать по вопросу о массовом танкостроении. В моем первом письме к Вам я писал о том, что при наличии массы танков встает вопрос о разделении их по типам между различными эшелонами во время атаки. В то время как в первом эшелоне требуются первоклассные танки, способные подавить противотанковые пушки, в последующих эшелонах допустимы танки второсортные, но способные подавлять пехоту и пулеметы противника.

Устоявшаяся на опыте империалистической войны консервативная мысль представляет себе развитие танков в тех, сравнительно небольших массах, в каких их ви-

дели в 1918 году. Такое представление явно не правильно.

Уже к 1919 году Антанта готовила 10 000 танков, и это почти на пороге рождения танка. Представление будущей роли танков в масштабе 1918 года порождает стремление соединить в одном танке все, какие только можно вообразить, качества. Таким образом танк становится сложным, дорогим и неприменимым в хозяйстве страны. И наоборот, ни трактор, ни автомобиль не могут быть непосредственно использованы как основа такого танка.

Совершенно иначе обстоит дело, если строить танк на основе трактора и автомобиля, производящихся в массах промышленностью.

В этом случае численность танков вырастет колоссально...

...Красный путиловец с марта 1931 года будет выпускать новый тип трактора в полтора раза более сильный. Нынешняя модель слишком слаба. Новый трактор даст отличный легкий танк. Модель Сталинградского завода и Катерпиллер также приспособляются под танк.

В общем вопрос применения трактора и автомобиля для танка надо считать решенным и в наших условиях.

Второе условие массового производства танков — штамповка броневых корпусов — точно также уже разрешено. Очень характерно, что все известные нам образцы штампованных корпусов совпадают с фабричными марками автомобилей и тракторов, причем наиболее интересующих нас образцов мы несомненно еще не знаем.

...Чтобы выяснить условия штампования и сварки танковой брони, я познакомился со штамповкой больших

котлов в Ленинграде на заводе им. Ленина и на заводе Вашего имени. Выяснилась полная возможность штампования брони для танков...

Итак, мы обладаем всеми условиями, необходимыми для массового производства танков, причем, в моей записке о реконструкции РККА я не преувеличил, а уменьшил возможности производства у нас танков.

а) в 1932 г. — 40 000 тысяч по мобилизации и 100 000 из годового производства и б) в 1933 эти цифры могли бы возрасти раза в полтора.

...Вряд ли какая-либо капиталистическая страна или даже коалиция в Европе на данной стадии подготовки антисоветской интервенции смогла бы противопоставить что-либо равноценное в этой новой, массовой подвижной силе... Докладная записка штаба РККА не только потому возмутительна, что рядом подложных цифр ввела Вас и тов. Ворошилова в заблуждение, но больше всего вредна тем, что является выражением закостенелого консерватизма, враждебного прогрессивному разрешению новых военных задач, вытекающих из успехов индустриализации страны и социалистического строительства. Во всей своей организационной деятельности Штаб РККА в лучшем случае поднимается до давно устаревшего уровня 1918 года, но зато решительно отстает от общих темпов нашего развития» .

Сталин отреагировал на записку только в 1932 году — личным письмом. Но решение о «нужности» Тухачевского в Москве принял раньше: в 1931 году его вернули в столицу, повысив в должности. Он стал заместителем Ворошилова.

«Особо секретно. Личный архив Сталина Т. Тухачевскому. Копия Ворошилову.

Приложенное письмо на имя т. Ворошилова написано мной в марте 1930 г. Оно имеет в виду два документа а) вашу «записку»

о развертывании нашей армии с доведением количества дивизий до 246 или 248 (не помню точно) б) «соображения» нашего штаба с выводом о том, что Ваша «записка» требует по сути дела доведения численности армии до 11 миллионов душ, что «записка» ввиду этого нереальна, фантастична, непосильна для нашей страны.

В своем письме на имя т. Ворошилова, как известно, я присоединился в основном к выводам нашего штаба и высказался о вашей «записке» резко отрицательно, признав ее плодом «канцелярского максимализма», результатом «игры в цифры» и т. д.

Так было дело два года назад.

Ныне, спустя два года, когда некоторые неясные вопросы стали для меня более ясными, я должен признать, что моя оценка была слишком резкой, а выводы моего письма — не совсем правильными...

Мне кажется, что мое письмо не было бы столь резким по тону и оно было бы свободно от некоторых неправильных выводов в отношении Вас, если бы я перенес тогда спор на эту новую базу. Но я не сделал этого, так как, очевидно, проблема не была еще достаточно ясна для меня.

Не ругайте меня, что я взялся исправить недочеты моего письма с некоторым опозданием.

7.5.32.

С ком. прив. Сталин»109.

Но это — только в 1932–м. А пока Тухачевскому пришлось пережить весьма серьезную «ностальгическую» неприятность:

в Ленинграде прошел первый «показательный» процесс по «Делу о заговоре военных». В октябре 1930 года ОГПУ Ленинграда и области сфабриковало так называемое «семеновское дело», по которому был арестован 21 человек. Все арестованные были офицерами или служащими лейб–гвардии Семеновского полка, жившими в ту пору в Ленинграде. Они обвинялись в создании контрреволюционной организации, ставившей своей целью «свержение существующего строя». Чекисты обнаружили тайное хранилище «контрреволюционеров» — под алтарем Введенского собора. Из него были извлечены и представлены в качестве главных вещественных доказательств полковое знамя^[30], почетные знамена и награды Семеновского полка. В январе 1918 года офицеры–семеновцы не могли признать законным расформирование полка и тайно привезли знамя и реликвии с фронта в Петроград и спрятали в полковом храме. Хранение знамени царского полка, тем более, полка–подавителя первой русской революции 1905 года, в 1919 году перешедшего к Юденичу, квалифицировалось ОГПУ как преступление.

³⁰ После окончания процесса знамени Лейб–Гвардии Семеновского полка было передано в музей НКВД, а затем в Артиллерийский исторический музей. В 1950 г. вместе с коллекцией знамен оно перешло в Государственный Эрмитаж. В Эрмитаже знамя было отреставрировано, а в декабре 2000–го — апреле 2001 г. экспонировалось на временной выставке, посвященной 300–летию Российской Гвардии.

Кроме того, эрудированные чекисты знали, что, по военной традиции, полк считается существующим до тех пор, пока существует его знамя. «Контрреволюция»

была налицо!

Все офицеры и служащие Семеновского полка, находившиеся в Ленинграде, содержались в тюрьме «Кресты». Все, за исключением одного — командующего войсками Ленинградского военного округа М. Н. Тухачевского.

В Тухачевском попытались найти заступника родственники арестованных. Ему писали письма, к нему обращались лично¹¹⁰. Пытался ли он вмешаться, помочь обвиняемым, неизвестно. Известно только то, что его не тронули, чуть ли не единственного из живших в России офицеров полка. 23 апреля 1931 года на заседании выездной сессии Коллегии ОГПУ по 58-й статье 11 человек приговорены к «высшей мере социальной защиты» — расстрелу, четверо — к 10 годам в концлагере, еще пятеро — к 5 годам в концлагере, один из арестованных освобожден. Реабилитированы 20 пострадавших были только 1 марта 1989 года постановлением Президиума Ленинградского городского суда «за отсутствием состава преступления¹¹¹.

Общий социальный кризис, охвативший СССР в 1929—1931 годах, усугубленный коллективизацией, обострил во властных структурах опасение за лояльность определенных социальных слоев. Особую опасность, согласно выводам ОГПУ, представляли не только широкие слои крестьянства, из которых комплектовался так называемый «переменный состав» РККА, но особенно бывшие кадровые офицеры, служившие в Красной Армии. В начале 1930 года ОГПУ провело так называемую операцию «Весна», в результате которой было арестовано более 3

тысяч бывших военспецов и которая была логическим завершением агентурного дела «Генштабисты». В 1930—1931 годах репрессиям, выразившимся в арестах, заключении на более или менее длительный срок в тюрьмы и концлагеря, расстрелах, подверглись многие достаточно известные, весьма авторитетные в годы Гражданской войны и в 1920-е годы «военспецы-генштабисты»¹¹². В их числе были А. Снесарев, А. Свечин, В. Ольдерогге, А. Верховский — соратники Тухачевского. То, что его самого дело «Весна»

миновало, казалось чудом, особенно после того, как 18 августа 1930 года был арестован его близкий друг — Н. Какурин.

В 1940 году вдова Тухачевского на допросе давала показания об этом эпизоде:

«...Я имею в виду сказать о том факте, что еще в 1929 году в беседе с мужем Тухачевским, последний рассказал мне, что имел неприятность через Троицкого Ивана Александровича

и Какурина Николая Евгеньевича, преподавателей академии имени Фрунзе. Неприятность эта заключалась в том, что при аресте Какурина был, якобы, обнаружен список какой-то организации, в котором имелась фамилия Тухачевского, но в этот список Тухачевский был внесен, якобы, без его согласия и ведома.

Этот вопрос разбирался в ЦК ВКП(б) и Тухачевский смог доказать, что он ни в чем неповинен и ни к чему не причастен»¹¹³.

На очной ставке, проведенной между Какуриным, Троицким и Тухачевским в октябре 1930 года в присут-

ствии Сталина, Ворошилова и Орджоникидзе, оба последственных подтвердили свои показания.

«Мы очную ставку сделали, — вспоминал сам И. Сталин в июне 1937 года, — и решили это дело зачеркнуть»¹¹⁴.

Есть свидетельства, что Сталин и Ворошилов «обратились к гг. Дубовому, Якиру и Гамарнику: правильно ли, что надо было арестовать Тухачевского как врага. Все трое сказали: нет, это, должно быть, какое-нибудь недоумение, неправильно...

»¹¹⁵.

23 октября 1930 года Сталин писал Молотову:

«Что касается Тухачевского, то он оказался чист на все 100%. Это очень хорошо»¹¹⁶...

В феврале 1931 года, когда еще шел «семеновский» процесс, арестовали тестя Тухачевского, бывшего полковника царской армии Е. К. Гриневича.

«60 лет, родился в августе 1971 г. Образование: среднее и военное, — говорится в анкете арестованного. — Демобилизован, в последнее время счетовод. В старой армии командовал полком. Недвижимым имуществом не владел. По март 1918 г. — в старой армии, с марта 1918 — в Красной Армии и все остальное время до 1928 г. С 1928 г. в артели «Печать — штамп»»¹¹⁷.

Протокол допроса Е. К. Гриневича от 15 февраля 1931 года «После демобилизации [из] царской армии я добровольно перешел в Красную Армию через коллегия в Москве по формированию Красной Армии. 23 марта 1918 г. направлен в г. Саратов для формирования 1-й Саратовской дивизии. Таковая мною сформирована и пе-

редана была в 11 Армию, которой в то время командовал некто Хвесин... Начальником 2-й стрелковой дивизии в г. Сызрань, где пробыл до июля 1919 г., после чего назначен начальником административного управления 1-й армии и находился в г.Оренбурге. Из Оренбурга в конце февраля 1920 г. направлен в Ростов в штаб фронта, где был назначен помощником начальника военно-учебных заведений фронта. В конце апреля 1920 г. переведен в Смоленск в штаб Западного фронта, в этой должности пробыл до октября 1921 г. и вследствие окончания Гражданской войны и свертывания штаба я направлен в резерв военно-учебных заведений главного управления г. Москвы, где пробыл до марта месяца 1922 г. где и демобилизован и жил при поддержке дочери Нины, а с 1928 г. я начал работать в артели «Печать-штамп». Имею военную пенсию. В июне 1923 г. добровольно поступил в школу красных коммунаров на должность начальника ст. части, а в январе 1924 переведен начальником хоз. части в высшую аэрофотографическую... школу, где пробыл до ареста. Отбыв наказание я год был без работы (болел), жил на иждивении дочери Нины.

Кроме родственников в Москве имею знакомых бывших офицеров царской армии следующих лиц: ...Огородников Федор Евлампиевич, бывший генерал-лейтенант, работал при штабе РККА,... Какурин Николай Евгеньевич, бывший полковник или генерал. Встречался с ним 5—7 раз в квартире у Тухачевского, когда последний приходил по делу к Тухачевскому... Троицкий Иван Александрович, бывший полковник геншатаба, преподаватель военной академии имени Фрунзе. Познакомился я с ним в квартире Тухачевского... Ермолин Павел Иванович, бывший подполковник. (Ермолин, Огородников, Какурин и Троицкий были репрессированы в 30-е годы. — Ю. К.)

...Разговоров о каких-либо контрреволюционных организациях у меня ни с кем не было, в частности не было никакого разговора о Всероссийском офицерском союзе.... Октябрьскую революцию встретил безразлично, так как тогда не понимал ее существа. Впоследствии через несколько времени поняв ее существо добровольно пошел в Красную армию. В дальнейшем у меня никакого недовольства Советской властью не было и нет в данный момент. Все мероприятия Советской власти данного периода вполне разделяю и одобряю»¹¹⁸.

Но следствие это мало интересовало, как не интересовала и доказательность обвинения:

«Бывший полковник Гриневич Евгений Климентьевич в 1920—1922 г. состоял членом контрреволюционной организации «Всероссийского офицерского союза», возглавляемой бывшим генералом Алексеевым, выполнял поручения этого Союза и принимал меры к восстановлению Союза после ликвидации его органами ОГПУ в 1922 г. в г. Москве. Проживая в последующие годы в г. Москве, был тесно связан с антисоветской средой, среди которой вел антисоветскую агитацию»¹¹⁹.

К антисоветской среде, вероятно, отнесли Какурина, Троицкого, Ермолина. Зачем среди «антисоветской среды» вести антисоветскую агитацию — не ясно, но на собственный курьез следствие внимания не обратило.

Доказательств вины в деле нет, свидетельских показаний — тоже. Виновным Гриневич себя не признал, был выслан в Западную Сибирь на три года. Реабилитирован только в 1989 году¹²⁰.

Один из самых ярких сюжетов в жизни Тухачевского «ленинградского периода» — дружба с Д. Д. Шостаковичем.

Познакомились они еще в Москве, в 1925 году — шла подготовка к международному конкурсу им. Шопена:

Шостакович был участником отборочных туров, Тухачевский — слушателем.

«Первое, что поразило меня в Михаиле Николаевиче, — вспоминал композитор, — его чуткость, его искренняя тревога о судьбе товарища. Помню неожиданный вызов к командующему Ленинградским военным округом Шапошникову. (Шапошников был командующим ЛВО до Тухачевского. — Ю. К.) Ему, оказывается, звонил из Москвы Тухачевский. Михаилу Николаевичу стало известно о моих материальных затруднениях»¹²¹.

Больной туберкулезом Шостакович вынужден был работать тапером в кинотеатрах. Благодаря звонку Тухачевского Шостаковичу было предложено написать симфонию к 10-летию Октября. После ее исполнения в Большом зале Ленинградской филармонии он получил признание как композитор.

«Я был начинающим музыкантом, он — известным полководцем.

Но ни это, ни разница в возрасте не помешали нашей дружбе, которая продолжалась более десяти лет и оборвалась с трагической гибелью Тухачевского»¹²², — свидетельствовал Шостакович.

В 1928 году, когда Тухачевский переехал в Ленинград, знакомство переросло в дружбу.

«Михаил Николаевич удивительно располагал к себе... Даже впервые встретившись с ним, человек чувствовал себя словно давний знакомый, легко и свободно»¹²³.

Шостакович проигрывал Тухачевскому свои сочинения — «он был тонким и требовательным слушателем».

Они оба любили Эрмитаж, и в музее еще сохранились легенды о «блистательном красавце военном» и его дружкекомпозиторе, часами бродивших по залам. «Михаил Николаевич порой тактично поправлял экскурсоводов », — командующему округом нравилось демонстрировать свою эрудицию.

В Российском государственном военном архиве сохранились списки литературы, выбранной командующим ЛВО в распределителе книгоцентра для собственного чтения.

Вот только один из этих списков, приходивших в округ несколько раз в год: «Экономика современной Франции » А. Романского, «Галлицийская жакерия» Бруно Ясенского, «Командарм–2» И. Сельвинского, «Подпоручик Кижже» Ю. Тынянова, «Человек бежит по снегу»

Н. Вагнера, «Проект реформы правописания» и др.
124.

В Ленинграде Тухачевский обзавелся и новой пассией.

Ею стала Юлия Ивановна Кузьмина, жена давнего приятеля Тухачевского Николая Кузьмина. Она ушла от мужа и фактически стала женой командующего ЛВО, затем переехала за ним в Москву. Кузьмин, не прервавший дружеских отношений с Тухачевским, вспоминал:

«Тухачевский женат на моей бывшей жене и очень внимательно относился к моей дочери. Поэтому товарищеские отношения с ним после ухода моей жены не испортились»¹²⁵.

Развод с Н. Е. Тухачевской ни в это время, ни после, оформлен не был.

В 1931 году Тухачевский, только что назначенный на должность заместителя председателя РВС и зам. Наркомвоенмора, возглавил созданную по решению РВС СССР Комиссию по использованию опыта командированных в Германию групп. На основе докладов руководителей групп были изданы труды о маневрах германской армии в 1927 году и о летней учебе германской армии в 1928 году, работа о тактической подготовке германской армии в 1928—1930 годах, большой труд об оперативной подготовке германской армии; выпущено пять брошюр (в 1928—1929 годах) по тактическим, оперативным и снабженческим играм рейхсвера. Кроме того, в «Информационном сборнике» Разведупра в 1926—1931 годах было помещено 300 статей и заметок по Германии, большей частью на основе материалов этих групп. Все они использовались в различных лекционных курсах Военной Академии.

Как информировал 15 августа 1931 года Реввоенсовет СССР новый начальник Штаба РККА Егоров, план работы Военной Академии на 1930—1931 год «по всем признакам построен на учете опыта и позаимствован у Германской Военной Академии»¹²⁶. Полковник Э. Кестринг — военный атташе Германии в Москве — в 1931 году согласился с этой точкой зрения: «Наши взгляды и методы проходят красной нитью через их взгляды и методы»¹²⁷.

В ноябре 1931 года в СССР с официальным визитом прибыл новый начальник штаба рейхсвера генерал Адам. 11 ноября 1931 года на обеде в его честь в Кремле, беседа с немецким послом в СССР Дирксеном, Тухачевский сказал:

«Рейхсвер — учитель Красной Армии в трудное время... Мы не забудем, что рейхсвер в период восстановления Красной Армии оказал ей решающую поддержку»¹²⁸.

1932 год был последним, когда состоялся обмен программами...

В сентябре осенние маневры во Франкфурте-на-Одере, где присутствовали 15 иностранных военных делегаций, посетил Тухачевский... Цель маневров состояла в разработке способов вооруженной борьбы в случае войны с Польшей, которая, «используя незащищенную границу с Силезией», имела, по условиям франкфуртской игры, возможность вторгнуться в Германию большими силами по широкому фронту и создать непосредственную угрозу Берлину. Маневрам придавалось большое политическое значение, и в них было задействовано все руководство рейхсвера. Их посетил даже лично президент Германии фельдмаршал Гинденбург, давший «вводную» участникам. Тогда же Тухачевский был представлен Гинденбургу.

На последовавших 31 июля 1932 года выборах НСДАП еще больше укрепила свои позиции, получив 13,73 млн голосов и став, таким образом, сильнейшей фракцией в рейхстаге (230 депутатов). Последний вояж красных командиров в Германию на обучение состоялся в декабре 1932 года. Они покинули ее в июле 1933 года:

политическая ситуация к тому времени резко изменилась:

к власти пришел Гитлер.

Источники и литература

1. Bundesarchiv Militärarchiv Freiburg № 52/2
Blomberg:

Lebenerinnerungen — handschriftlich Band III s. 140.

2. Student Kurt. Reichswehr und Rote Armee // Internationale Luftwaffen revue, 1/2 (1968), s. 147.

3. Из доклада заместителя начальника Штаба РККА М. Н. Тухачевского в Реввоенсовет СССР о результатах изучения Рейхсвера во время осенних маневров 1925 г.

// Рейхсвер и Красная Армия: Документы из военных архивов Германии и России 1925—1931, 1995, с. 82—83.

4. Горлов С. А. Совершенно секретно. Альянс «Москва—Берлин»

1920—1933. М.: Олма-Пресс, 2001, с. 52.

5. Зданович А. Тайные лаборатории рейхсвера в России // Армия, №1, 1992, с. 64.

6. Горлов С. А. Указ. соч., с. 54.

7. Коминтерн и идея мировой революции: Документы. М., 1998, с. 313.

8. Горлов С. А. Указ. соч., с. 55—56.

9. Минаков С. Сталин и его маршал. М.: Яуза, Эксмо, 2004, с. 364.

10. Там же, с. 364—365.

11. Личный архив Ю. В. Хитрово. Арватова–Тухачевская Е. Н.

Воспоминания о М. Н. Тухачевском, с. 8.

12. Горлов С. А. Указ. соч., с. 60.

13. Там же, с. 62—63.

14. Там же, с. 63.

15. Student Kurt. Ibid, s. 161.

16. Ibid.

17. Военный вестник, 1923, № 25.

18. Кантор Ю. Михаил Тухачевский, маршал Советского Союза:

«Я хочу сделать вывод из этой гнусной работы» // Известия, 21 февраля 2004 г.

19. Источники истории о Михаиле Тухачевском // Гутен Таг, 1988, № 10, с. 37–38.

20. ЦА ФСБ РФ, АСД № 107235 на Гриневича Е. К., л. 19–20.

21. Личный архив Ю. В. Хитрово. Арватова–Тухачевская Е. Н.

Воспоминания о М. Н. Тухачевском, с. 9.

22. Можайский В. Психофизиологический кабинет // Революция и война, № 2, 1922, с. 266.

23. Хорев А. Маршал Тухачевский // Красная звезда, 1988, 4 июня, с. 3.

24. Минаков С. Указ. соч., с. 286.

25. Данилов И. Воспоминания о моей подневольной службе у большевиков //Архив русской революции. Берлин, 1924, т. 14, с. 97.

26. Минаков С. Указ. соч., с. 63.

27. ЦА ФСБ РФ АСД № Р–18091 на А. Я. Протас.

28. Политбюро ЦК РКП(б)-ВКЩб). Повестки дня заседаний.

Кн. 2, с. 242, 243.

29. Минаков С. Указ. соч., с. 290–291.

30. Там же, с. 292–293.

31. Мы все видим и все знаем. Крик души красного командира // Источник, №1,1998, с. 87.

32. Телятников И. А. Вникая во все // Маршал Тухачевский:

Воспоминания друзей и соратников. М.: Воениздат, 1965, с.

164–165.

33. Минаков С. Указ. соч., с. 328.

34. Телятников И. А. Указ. соч., с. 164—165.

35. Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний.

Кн. 2, с. 250.

36. Там же.

37. Директивы командования фронтов Красной Армии. М., 1969, т. 4, с. 530.

38. Тухачевский, Варфоломеев, Шиловский. Армейская операция.

Работа командования и полевого управления. М. — А., 1926.

39. Дайнес В. О. Михаил Николаевич Тухачевский // Вопросы истории, № 10, 1989, с. 53.

40. Горлов С. А. Указ. соч., с. 146.

41. Там же, с. 146.

42. Из доклада заместителя начальника Штаба РККА М. Н. Тухачевского в Реввоенсовет СССР о результатах изучения Рейхсвера во время осенних маневров 1925 г. // Рейхсвер и Красная Армия: Документы из военных архивов Германии и России 1925–1931, 1995, с. 82.

43. Там же, с. 83.

44. Там же, с. 89–90.

45. Горлов С. А. Указ. соч., с. 146–147.

46. Там же, с. 147.

47. Bucheier H. Carl–Heinrich v. Stulpnagel. Soldat — Philosoph — Verschworer, Berlin — Frankfurt a. M. 1989, s. 104.

48. Горлов С. А. Указ. соч., с. 127.

49. Там же, с. 216–217.

50. Там же, с. 131.

51. Bundesarchiv Militärarchiv Freiburg № 52/2
Blomberg:

Lebenerinnerungen — handschriftlich Band III, s. 128.

52. Горлов С. А. Указ. соч., с. 147.

53. Там же, с. 148.

54. Там же, с. 148–149.

55. Тухачевский М. Н. О характере современных войн в свете решений 6-го Конгресса Коминтерна (Доклад на заседании военной секции при Комакадемии 16.12.1929 г.) // Записки Коммунистической академии. М., 1930, т. 1, с. 8.

56. Тухачевский М. Н. Красная Армия на 6-м году Революции // Красная присяга, 1923, № 18, с. 22—23.

57. Тухачевский М. Н. О характере современных войн в свете решений 6-го Конгресса Коминтерна, с. 24—25.

58. Там же.

59. 7-й Всебелорусский съезд Советов, май 1925 г.: Стенографический отчет. Мн., 1925, с. 24—25.

60. Там же, с. 211, 230—231.

61. Там же, с. 231.

62. Зарождение и развитие советской военной историографии 1917—1941. М., 1985, с. 11,12.

63. Дайнес В. О. Указ. соч., с. 57.

64. Там же, с. 50.

65. Телятников И. А. Указ. соч., с. 169.

66. Там же, с. 170.

67. Минаков С. Указ. соч., с. 356—357.

68. Там же, с. 357—358.

69. Там же, с. 358.

70. Там же, с. 359.

71. Там же, с. 360.

72. Временный Полевой устав РККА. М., 1926, ч. 2, с. 6.

73. Дайнес В. О. Указ. соч., с. 52.

74. Там же, с. 50.

75. Там же, с. 53–54.

76. Тухачевским М. Н. Популяризация военных знаний // Военный вестник, 1925, № 1, с. 23–25.

77. Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М., 1964, т. 1, с. 252, 246.

78. Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М., 1964, т. 2, с. 16.

79. Там же, с. 246.

80. Ленин В. И. К истории вопроса о диктатуре // Ленин В. И.

Полное собрание сочинений, т. 41, с. 375.

81. Фрунзе М. В. Задачи академиков в армии: Речь на торжественном заседании Военной академии РККА 1 августа 1924 г. // Фрунзе М. В. Избранные произведения. М., 1957, т. 2, с. 127.

82. Zeidler Manfred. Reichswehr and Rote Armee. 1920–1933. Wege und Statinen einer ungewunlichen Zusammenarbeit. Munchen, 1993, s. 257.

83. Симонов Н. Военно–промышленный комплекс СССР в 1920—1950–е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996, с. 65.

84. Горлов С. Л. Указ. соч., с. 231.

85. Письмо народного комиссара по военным и морским делам К. Е. Ворошилова командующему войсками Северо–Кавказского округа И. П. Уборевичу с постановкой задач по изучению Рейхсвера // Рейхсвер и Красная Армия, с. 95.

86. Горлов С. Л. Указ. соч., с. 232–233.

87. Blombergs P. Privates Archiv. «Reise des Chefs des Truppenamts nach Russland». (August/September, 1928), s. 2–3.

88. Ibid, s. 6.

89. Bundesarchiv Militärarchiv Freiburg № 52/2
Blomberg:

Lebenerinnerungen — handschriftlich Band III, s. 139–140.

90. Groehler Olaf. Selbstmorderische Allianz. Deutsch–russische Militarbeziehungen 1920–1941. Berlin, 1992.

91. Ахтамзян Л. Л. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920—1933 гг. // Новая и новейшая история, 1990, № 5, с. 16.

92. Минаков С. Указ. соч., с. 361.

93. Там же, с. 386.

94. Там же, с. 386–387.

95. Blombergs P. Privates Archiv. «Reise des Chefs des Truppenamts nach Russland» (August/September, 1928), s. 14–16, 46.

96. Отчет о поездке в Германию командира и военного комиссара 5–го стрелкового корпуса А. И. Тодорского // Рейхсвер и Красная Армия, с. 100.

97. Там же, с. 100–101.
98. Там же, с. 105.
99. Там же, с. 106–107.
100. Даинес В. О. Указ. соч., с. 58.
101. Там же, с. 54.
102. Там же, с. 55.
103. Там же, с. 54–55.
104. Минаков С. Указ. соч., с. 414–415.
105. Даинес В. О. Указ. соч., с. 54.
106. РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 447, д. 9.
107. Там же, л. 8.
108. РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 446, л. 66–71.
109. РГАСПИ, ф. 558, оп. И, д. 447, л. 2.
110. Поливанов А. Пока не потеряно знамя // Родина, 1999, № 1, с. 46.
111. Там же.
112. Минаков С. Указ. соч., с. 419.
113. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–23914 на Тухачевскую–Аронштам Н. Е., л. 51.
114. Минаков С. Указ. соч., с. 431.
115. Там же.
116. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову, 1925–1936 гг.: Сб. документов. М., 1995, с. 231–232.

117. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–34523 на Гриневича Е. К., л. 3.

118. Там же, л. 6, 7, 20.

119. Там же, л. 21.

120. Там же, л. 22,23,46.

121. Шостакович Д. О времени и о себе (1926—1975). М.: Сов.

композитор, 1980, с. 283.

122. Там же.

123. Там же.

124. РГВА, ф. 37605, оп. 2, д. 2, л. 6–10.

124. РГВА, ф. 37605, оп. 2, д. 2, л. 6–10.

125. Минаков С. Указ. соч., с. 432.

126. Горлов С. Л. Указ. соч., с. 246–247.

127. Hilger Gustav. Wir und der Kreml. Deutsch–sowjetische Beziehungen, 1918—1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. — Frankfurt a. M., Berlin, 1964, s. 200.

128. Zeidler Manfred. Reichswehr and Rote Armee. 1920–1933.

Wege und Statinen einer ungewunlichen Zusammenarbeit. Munchen, 1993, s. 262.

10. НАКАНУНЕ

Дело маршала Тухачевского явилось подготовительным шагом к сближению между Гитлером и Сталиным.

В. Шелленберг1

1930–е годы — апогей сталинского социалистического строительства. Страна пережила варварскую коллективизацию, уничтожившую российское крестьянство, рабскую индустриализацию, окончательно легализовавшую укрепление государственной мощи ценой бесплатного и несправедливого труда тысяч заключенных и эксплуатации фанатичного энтузиазма «строителей социализма». Знаменитая сталинская Конституция 1936 года на бумаге гарантировала соблюдение всех демократических прав и свобод, на деле ничуть не защищая от произвола тоталитарной реальности.

От «частных» политических процессов государство перешло к массовым репрессиям. Первым толчком стало убийство Кирова, затем последовали процессы «Каменева— Зиновьева», чуть позже «Рыкова—Бухарина», почти одновременно «Пятакова—Радека». Страна приучалась жить в постоянном страхе — и привыкала славить...

Возвращение Тухачевского в Москву в 1931 году казалось триумфальным. В 38 лет он стал заместителем наркома обороны и начальником вооружений. Все как будто уже сбывалось, и все еще было впереди...

В 1931—1932 годах Тухачевский начал работу над книгой «Новые вопросы войны». (Книга так и осталась незавершенной.)

Лишь небольшой ее фрагмент увидел свет, да и то уже в хрущевское время — в 1962 году в «Военно-историческом журнале».) Тухачевский размахисто, порой безапелляционно рассуждал о проблемах дальнейшего развития советских вооруженных сил и военного искусства.

В предисловии к монографии он писал:

«Весьма возможно, многим покажется, что я в этой книге забегаю слишком вперед, но, тем не менее, это будет своего рода обманом зрения.

Человек нелегко отделяется от привычных представлений, но теоретическая работа, базируясь на техническом развитии и социалистическом строительстве, упорно выдвигает новые формы»².

Тухачевский выступал за необходимость «уметь найти соответствующее место новым техническим средствам, обеспечить необходимый масштаб вооружения ими и найти наиболее подходящие, наиболее эффективные формы боя и операций»³.

В труде дается подробная характеристика таких средств вооруженной борьбы, как авиация, танки, радио-и телемеханика, рассматриваются вопросы обучения и управления войсками. Увлекаясь, автор действительно позволял себе «забегать слишком вперед» — это вообще было свойством его характера. Маршал И. Конев вспоминал:

«Тухачевский — человек даровитый, сильный, волевой, теоретически хорошо подкованный. Это его достоинства. К его недостаткам принадлежал известный налет авантюризма...»⁴ Являясь начальником вооружений РККА, Тухачевский не только направлял деятельность

конструкторских и научноисследовательских учреждений, но и стремился глубоко вникать в их технические разработки, присутствовал на испытаниях новой военной техники, и поддерживал связь со многими ведущими конструкторами и испытателями.

В «Новых вопросах войны» он отмечал:

«Самой сильной в будущей войне будет та страна, которая будет иметь наиболее мощную гражданскую авиацию и авиационную промышленность».

За два с лишним десятилетия до первого полета в космос он, с детства увлекавшийся астрономией, проявлял профессиональный интерес к этой сфере.

«Несмотря на то, что полеты в стратосфере находятся в стадии

первоначальных опытов, — писал Тухачевский, — не подлежит никакому сомнению, что решение этой проблемы не за горами»⁵.

В 1932 году он поставил начальнику ВВС Я. И. Алкснису задачу:

«Ко времени полетов на стратосферных самолетах надо уже изучить стратосферу. В срочном порядке представьте Ваши соображения об организации этого дела»⁶.

В октябре 1933 года состоялся первый полет на стратостате «СССР».

В 1932 году Тухачевский выдвинул идею создания самолеташтурмовика, воплощенную в жизнь авиаконструктором С. В. Ильюшиным, создавшим знаменитый Ил-2. Тогда же он поддержал предложение С. П. Королева о создании специального института для проведения исследований в области реактивного и ракетостроения⁷.

Еще в ноябре 1932 года Тухачевский активно «продвигал» разработки по конструированию ракетных двигателей на жидком топливе. Реактивный научно-исследовательский институт под руководством И. Т. Клейменова, курировавшийся замнаркома обороны, начал работать уже в сентябре 1933 года. Важное место в будущей войне Тухачевский отводил радиотехнике, которую он считал не только средством связи, но и способом управления механизмами на расстоянии⁸. Потому он энергично поддержал талантливого инженера П. К. Ощепкова, создавшего в середине 1934 года экспериментальную установку для радиообнаружения самолетов. По инициативе начальника вооружений тема «Проблема радиообнаружения самолетов» была внесена в план работы Наркомата обороны⁹.

Уже в середине 1934 года Советский Союз имел опытные электромагнитные станции. 7 октября 1934 года Тухачевский обратился с письмом к первому секретарю Ленинградского обкома партии С. М. Кирову, которого отлично знал по работе в ЛВО.

«Секретарю ЦК ВКП(б) тов. Кирову.

Уважаемый Сергей Миронович!

Проведенные опыты по обнаружению самолетов с помощью электромагнитного луча подтвердили правильность положенного в основу принципа. Итоги проведенной научно-исследовательской работы в этой части делают возможным приступить к сооружению опытной разведывательной станции ПВО, обслуживающей обнаружение самолетов в условиях плохой видимости, ночью, а также на больших высотах (до 10 тыс. метров и выше) и дальностью (до 50–200 км). Ввиду крайней актуальности для современной противовоздушной обороны развития на-

званного вопроса очень прошу Вас не отказать помочь инженеру–изобретателю тов. Ощепкову в продвижении и всемерном ускорении его заказов на Ленинградских заводах... Более детально вопрос Вам доложит тов. Ощепков в Ленинграде.

Заместитель народного комиссара обороны Союза ССР Тухачевский М. Н.»¹⁰ Таким образом, СССР стал первооткрывателем крупного военного изобретения XX века — радиолокации.

(В Военно–воздушной академии РККА имени Н. Е. Жуковского была даже учреждена «премия имени заместителя Народного Комиссара Обороны Маршала Советского Союза Михаила Николаевича Тухачевского за выдающуюся научно–исследовательскую работу в любой области техники, дающую решение новых научно–технических проблем »¹¹.) «В середине 30–х годов Красная Армия как с точки зрения организационной, так и количественной, бесспорно, была сильнейшей в мире. В ней насчитывалось около 1,5 млн солдат и офицеров, до 5 тыс. танков и свыше 6 тыс. самолетов»¹².

Вопросы вооружения всегда были для Тухачевского предметом практической подготовки к войне, а не абстрактного усиления государственной мощи. Но если в 1920–е годы эта «подготовка» являлась для него реализацией стремления к милитаризованному «экспорту революции» — захвату новых территорий, то теперь у Тухачевского были более чем когда либо веские основания для тревоги за суверенность границ собственного государства. М. Цайдлер в монографии «Рейхсвер и Красная Армия 1920—1933 г.» обращает внимание на то, что уже в конце октября 1933 года на дипломатическом рауте Тухачевский говорил об изменении советской линии в отно-

шениях с Германией и в частности — о свертывании советско–немецких военных школ и баз:

«после того как Советский Союз убедился в том, что немецкое правительство взяло враждебный Советскому Союзу политический курс»¹³.

Тогда же Тухачевский говорил немецкому послу Ф. фон Твардовскому:

«Если начнется война между Германией и СССР, это будет страшнейшим несчастьем для обоих народов. Тогда Германия не будет иметь перед собой прежнюю Россию. Красная Армия многому научилась и многое наработала»¹⁴.

Тухачевский подчеркивал, что расхождения носят политический характер:

«Нас разлучает ваша политика, а не наши чувства, чувства дружбы Красной Армии к рейхсверу».

Ворошилов же оптимистически добавил, «транслируя»

мнение Сталина:

«Два слова, произнесенные публично, достаточны для того, чтобы дезавуировать враждебные тенденции, звучащие в «Майн Кампф»»¹⁵.

Этих «двух слов» не последовало. (Кстати, впервые «Майн Кампф» на русский язык перевел — для членов Политбюро — Карл Радек еще в начале 1930–х годов, до прихода Гитлера к власти.) 21 февраля 1933 года постановлением ЦИК СССР Тухачевский был награжден орденом Ленина «за исключительно личные заслуги перед революцией в деле организации обороны Союза ССР на внешних и внутренних фронтах в период гражданской

войны и последующие организационные мероприятия по укреплению мощи РККА».

В 1934 году Тухачевский разработал теоретический труд «Характер пограничных операций», посвященный проблемам мобилизации и стратегического развертывания, ведения приграничного сражения. Подводя итог своим размышлениям, он отмечал:

«Утешать себя тем, что наши возможные противники медленно перестраиваются по-новому, не следует. Противник может перестроиться внезапно и неожиданно. Лучше самим предупредить врагов.

Лучше поменьше делать ошибок, чем на ошибках учиться»¹⁶.

Эта работа впервые увидела свет только в 1964 году.

Ворошилов отрицательно относился к оперативно-стратегическим заданиям, в которых за основу бралась конкретно складывающаяся обстановка в Европе и в мире, требуя все задачи по отработке начального периода войны строить «на отвлеченной обстановке, не приближенной в политическом отношении к условиям сегодняшнего дня».

Тухачевский саркастически комментировал умонастроения приверженцев «отвлеченных теорий»:

«Сторонники этой теории видели в новом человеке, в советском рабочем и колхознике, все необходимое и достаточное для того, чтобы обеспечить ведение маневренной войны. Как преодолеть пулеметное могущество боевого порядка современного противника — этому теория не учила. Приверженцы этой теории больше мечтали, чем доказывали. Находились товарищи, которые,

например, утверждали, что для подготовки атаки бойца Красной Армии можно израсходовать меньше артиллерийских снарядов, чем для подготовки атаки солдата капиталистической армии, объясняя это превосходством духа красноармейца. На самом деле эта самовлюбленность могла бы повлечь напрасные кровавые потери в боях и крупнейшие неудачи»¹⁷.

В ноябре 1934 года Тухачевский поручил Я. И. Алкснису разработать предложения «О дальнейшем полете Р-5 с дозаправкой в воздухе»¹⁸. Впервые такая дозаправка была осуществлена в 1933 году и впоследствии нашла широкое применение в авиации.

На XVII съезде ВКП(б), вошедшем в историю как печально известный «Съезд победителей» (к XVIII съезду практически никого из его участников уже не было в живых), Тухачевский выступил с программной речью. В первых строках, как и положено, славословия в адрес вождя (они, впрочем, звучат рефреном всего выступления — в 1934-м уже нельзя было иначе) и завоеваний социализма.

«Товарищи, победоносное осуществление задачи, поставленной товарищем Сталиным, — задачи превращения нашей страны из аграрной в индустриальную, позволило нам не только производить все средства производства, но и позволило нам производить и все необходимые орудия обороны.

Победа на фронте коллективизации, построение фундамента социалистического общества создали для строительства Красной армии такой социальный базис, какого мы не имели еще до сих пор и о котором мы только мечтать могли во время гражданской войны, во время первой интервенции империалистов. И само собой понят-

но, что по мере построения бесклассового общества мощь, монолитность Красной армии будет все больше и больше возрастать»¹⁹.

После апологетической метафоры Тухачевский переходит к сути, сделав обязательный реверанс наркомку.

«В ногу со строительством индустриального нашего базиса росла и техническая мощь Красной армии. Об этом ярко и подробно доложил товарищ Ворошилов XVII съезду.

Я хотел бы добавить к этому, что в развитии нашей технической мощи товарищ Сталин не только играл общую руководящую роль, но и принимал непосредственное и повседневное участие как в выборе необходимых образцов вооружения, так и в постановке их на производство. Товарищ Сталин не только ставил общие задачи, особенно по вооружению армии авиацией, танками, артиллерией, дальнобойной и скорострельной, наиболее современной, но и созывал организаторов производства — директоров заводов, руководителей парторганизаций и практически добивался успешной постановки производства. Вероятно, директора заводов и руководители парторганизаций помнят, как товарищ Сталин ставил эти вопросы и как повседневно контролировал выполнение поставленных задач...

Товарищи, само собой понятно, что вместе с техническим ростом индустрии будет развиваться и в дальнейшем техническая мощь Красной армии. Точно так же понятно, что в случае войны потребность в снабжении техническим имуществом, снаряжением, орудиями, самолетами, танками будет гигантски возрастать.

Растущая наша индустриальная мощь дает возможность полностью разрешить эту задачу. Но задача эта чрезвычайно сложная.

Мало еще иметь гигантский индустриальный базис, — надо суметь его взять, надо суметь перевести его с мирной продукции на дело снабжения фронта.

Вот это дело снабжения фронтов, перевод мирной продукции на военную, или — как называем мы — мобилизация промышленности, должна привлечь к себе особое внимание, и я хотел бы на этом вопросе остановиться»²⁰.

На этом риторический пафос заканчивается. Тухачевский критикует военно-промышленный комплекс, демонстрируя при этом даже знание сугубо производственных частностей. Он входит в образ — стиль доклада не только сугубо разговорный, но и косноязычно-цеховой.

«К чертежному хозяйству мы имеем на наших заводах чрезвычайно пренебрежительное отношение. Можно было бы привести множество примеров. Деталь делается с припусками, не считаясь с допусками чертежа, чтобы потом, в сборочном цехе, базируясь на высококвалифицированных слесарях, подпиливать, подтачивать, припасовывать деталь к детали. Не то, чтобы подгонять детали к чертежу, нет, деталь подгоняется к сопряженной детали. Это называется отладить систему. И характерно, что техническое руководство завода считает за частую, что так и должно быть, что тут нечего изменять.

Если вы обратитесь на наших заводах к калибровому хозяйству, ...то вы зачастую увидите там такое же безобразие. Если калибровое хозяйство имеется, то зачастую рабочие и мастера о нем не знают, что и понятно. Раз деталь не обрабатывается в пределах допуска черте-

жа, а делается с «припуском», то калибром этой детали невозможно проверить, и калибры понемногу вообще забываются. Зачастую калибры тоже не соответствуют чертежам. Вообще к этому делу нет должного внимания. В целом, товарищи, ни к чертежному, ни к калибровому хозяйству уважения и внимания у наших заводов нет. А без этого и без правильно налаженного технического контроля конечно не может быть и правильно построенной машины».

Далее Тухачевский позволяет себе вопиющую политическую некорректность: сравнивает капиталистическое производство с социалистическим и делает выбор не в пользу последнего:

«Как обстоит дело с техническим контролем? Мне приходилось бывать на капиталистических фабриках, и я видел, что когда сопровождающий инженер обходит станки по потоку производства, то главное внимание он обращает на то, как осуществляется технический контроль. Он сейчас же калибрами показывает, как проверяется данная деталь, как производится разбраковка, потому что, заявляет он, слишком дорого запускать дальше запоротую деталь.

У нас на многих заводах, наоборот, на контроль не обращают никакого внимания. И я должен сказать в порядке самокритики, что многие директора заводов сознательно ослабляют технический контроль, лишь было бы побольше продукции, а с качеством потом разбирайся. Благодаря этому производство в таких случаях запарывается и чрезвычайно хромает»²¹.

Эта «политическая вольность» вызвала чуть ли не скандал, правда, тогда все обошлось без оргвыводов...

Для советского военного руководства провозглашение открытой ремилитаризации Германии, освободившейся от «версальских пут» и заключившей с Польшей пакт о неприменении насилия, означало необходимость серьезного пересмотра плана войны на Западе. При поддержке Тухачевского командующий Белорусским военным округом И. Уборевич в феврале 1935 года предложил внести в него изменения, исходя из того, что основная опасность для СССР отныне исходит со стороны Германии и Польши, которых поддержит Финляндия.

Заместитель наркома обороны М. Тухачевский считал, что «основной нашей стратегической задачей»

остается разгром Польши, которая будет опираться на Германию. Практический смысл оперирования фантомом польско–германской угрозы сводился к требованию новых ресурсов. Тухачевский и его сторонники получили поддержку Кремля, а Начальник Штаба РККА А. Егоров был вынужден признать недостаточность сделанных ранее приготовлений²².

1935 год — звездный час Тухачевского.

В сентябре введены знаки различия и воинские звания для командного состава. Офицеры в звании майора и выше отныне стали неподсудны гражданскому суду.

Политическим руководителям вменялось в обязанность сдать экзамены по военному делу. Вершиной военной профессии стало звание Маршала Советского Союза, которое в ноябре 1935 года было присвоено пятерым:

Блюхеру, Егорову, Тухачевскому и, конечно, Буденному и Ворошилову.

Тухачевский вроде бы органично вписывается в идеологический контекст, принимает его. Прямая зависи-

мость успешности армии от партийности ее комсостава им уже не только не оспаривается, но и подчеркивается — во всяком случае, в публичных выступлениях.

Речь М. Н. Тухачевского на VII съезде Советов СССР «Тухачевский. Товарищи, в первую очередь крепость нашей рабоче–крестьянской Красной Армии заключается в том, что она дружно, как один человек, идет за руководством коммунистической партии, за руководством нашего великого вождя товарища Сталина. (Аплодисменты) Красная Армия укомплектована на 45.5 процента рабочими.

Среди ее крестьянского состава 90 процентов колхозников. Сами собой понятны, поэтому, та чуткость, то внимание всей красноармейской массы, которые она проявляет по отношению ко всем решениям партии, ее Съездов и Пленумов ЦК. Красноармейцы являются передовыми проводниками этих решений. Мы должны сказать совершенно твердо, что политико–моральное состояние Красной Армии крепко, как никогда. (Продолжительные аплодисменты) Само собой понятно, что основным положением, основным моментом, двигающим наших командиров и красноармейцев на изучение военного дела, на создание и укрепление новых форм вооруженной борьбы, является в первую очередь классовая сплоченность, понимание классовых задач, понимание тех задач, которые стоят перед нашим Советским Союзом.

Мы имеем значительную партийно–комсомольскую прослойку в армии — 49,3 процента. В нашем начальствующем составе эта прослойка значительно выше, она достигает 68,3 процента. Если же мы просмотрим, каковы отдельные звенья в кадрах командного состава, то увидим, что среди командиров полков почти 72 процента

членов партии, среди командиров дивизий — до 90 процентов и среди командиров корпусов — 100 процентов.

Вы знаете, что за последние годы наша техника очень значительно выросла, и наша партия и в первую очередь товарищ Сталин, который лично руководил развитием нашей военной техники, выдвинули задачу создания мощной не только по числу, но и мощной по качеству авиации; задачу усиления нашей армии многочисленными танковыми средствами, задачу усиления нашей армии, в первую очередь, конечно, авиации и танковых войск, могучей современной артиллерией.

Нет никакого сомнения о том, что если бы не гениальная прозорливость товарища Сталина и не своевременно принятые им меры усиления наших... границ, то мы не пользовались бы с вами продолжающимся миром и не могли бы осуществить тех великих завоеваний социализма, которыми гордимся мы и гордятся пролетарии всего мира. (Бурные аплодисменты)»²³.

Дав между славословиями детальный анализ роста советских вооружений и «пропедалировав» необходимость дальнейшего увеличения ассигнований на нужды армии, замнаркома резюмировал:

«Опасность будущей войны со стороны капиталистических государств для нас является несомненной»²⁴.

Статья Тухачевского «Военные планы нынешней Германии », опубликованная в «Правде» 29 марта 1935 года — дипломатическая превентивная мера Советского Союза.

Даже после правки Сталина текст выглядел весьма жестко.

(Сталин смикшировал некоторые акценты: например, он изменил первоначальное название статьи «Военные планы Гитлера».) В статье отмечалось:

«Придя в январе 1933-го года к власти, Гитлер заявил, что ему потребуются четыре года для уничтожения кризиса и безработицы в Германии. Эта национал-социалистическая демагогия так и осталась пустой демагогией. Зато, как теперь становится ясным, за этим демагогическим планом скрывался другой, гораздо более реальный, четырехлетний план создания гигантских вооруженных сил.

На самом деле, уже на второй год власти национал-социалистов число дивизий, разрешенных Германией Версальским договором, было утроено, достигнув 21-й. Была создана, запрещенная тем же договором, военная авиация. Германская военная промышленность практически вступила на путь все прогрессирующей мобилизации.

Возможная продукция мобилизованной германской военной промышленности общеизвестна. В один-два года она может вооружить армию, какая была у кайзера к концу империалистической войны.

Практическим завершением этой программы является объявленный национал-социалистическим правительством закон о всеобщей воинской повинности и о формировании 36 дивизий мирного времени. Таким образом, уже на третий год власти Гитлера вооруженные силы Германии, только сухопутные, достигают мощности довоенной Германии, если учесть, что мобилизационное развертывание в Германии теперь производят утроением, а не удвоением (из 7 дивизий развернуты 21). Наличие сильной авиации делает эту армию еще более сильной»²⁵.

Тухачевский детально, ссылаясь помимо собственных выкладок на немецкие (Людендорф, Нергинг, Метш, Кохенгаузен и — Гитлер), французские (Петен) и английские (Скурейтор) источники, анализировал перспективы немецкой милитаризации. Он делал однозначный вывод:

«Стратегическая цель сильно вооруженного государства заключается в перенесении военных действий на территорию противника, чтобы с самого начала войны расстроить его военную организацию...

В настоящее время можно представить себе войну, внезапно начавшуюся приемами, способными уничтожить первый эшелон военных сил противника, дезорганизуя его мобилизацию и разрушающими жизненные центры его мощи... Итак, Германия организует громадные вооруженные силы и в первую очередь готовит те из них, которые могут составить могучую армию вторжения»²⁶.

Тухачевский завершал статью так:

«Неистовая, иступленная политика германского национал-социализма толкает мир в новую войну. Но в этой своей неистовой милитаристской политике национал-социализм наталкивается на твердую политику мира Советского Союза».

Эти два предложения Сталин вычеркнул, и статья увидела свет без них²⁷.

В том же 1935 году были окончательно сформированы взгляды советского политического руководства на новейшую военную историю. В этом отношении интересен документ, опубликованный к 18-летию Красной армии в журнале «Пропагандист РККА», — руководство к действию для политработников. Это — «краткий курс» истории Гражданской войны, на основе которого преподава-

телям и политработникам вменялось в обязанность проводить занятия с младшим комсоставом и рядовыми. Этот выразительный документ имеет смысл процитировать практически без сокращений.

«Грандиозными успехами социалистического строительства, невиданным нигде в мире единством народа и государственной власти, блестяще вооруженной, кровно-народной, до последней капли крови преданной социалистической родине Красной армией, сплоченной вокруг большевистской партии, вокруг величайшего человека нашей эпохи товарища Сталина — встречает Советская страна восемнадцатую годовщину РККА.

Красная армия — детище пролетарской революции. Товарищ Сталин в своей речи, посвященной десятилетию Красной армии, указал на особенности Красной армии:

Первая и основная особенность нашей Красной Армии состоит в том, что она есть армия освобожденных рабочих и крестьян, она есть армия Октябрьской революции, армия диктатуры пролетариата...

Вторая особенность нашей Красной Армии состоит в том, что она, наша армия, является армией братства между народами нашей страны, армией освобождения угнетенных народов, армией защиты свободы и независимости народов нашей страны...

Наконец, третья особенность Красной Армии. Состоит она в духе интернационализма, в чувствах интернационализма, проникающих всю нашу Красную армию...

Этим трем особенностям обязана наша армия своей силой и мощью.

Этим же объясняется тот факт, что наша армия знает, куда идет, ибо она состоит не из оловянных солдат, а

из людей сознательных, понимающих, куда идти и за что биться.

Но армия, знающая, за что она борется, непобедима, товарищи.

Вот почему наша Красная армия имеет все основания быть лучшей в мире армией...

Эти особенности Красной армии предопределили победоносное завершение гражданской войны, когда в неравной борьбе с вооруженными до зубов армиями белых и интервентов, поддерживаемых всей мировой буржуазией, Красная армия, бедная оружием и снаряжением вышла победительницей.

Вдохновителями, организаторами побед Красной армии были Ленин и Сталин.

Гений Ленина обеспечил победу молодой, еще неокрепшей Советской страны над мировой контрреволюцией.

Товарищ Сталин ковал победу на всех решающих и наиболее ответственных фронтах гражданской войны»²⁸.

Это были общие идеологические установки. Далее — конкретика.

«Беседуя о годовщине Красной армии, агитатор должен рассказать о том, как товарищ Сталин... подготовил разгром Колчака и разгром интервентов на севере; как товарищ Сталин предотвратил падение Петрограда; как товарищ Сталин спас Москву от вторжения армий Деникина и своим гениальным стратегическим планом обеспечил разгром деникинщины; как на юго-западном фронте возглавляемые товарищем Сталиным красные войска освободили территорию советской Украины от белополя-

ков и подошли к стенам Львова, как благодаря стратегическому плану товарища Сталина был разгромлен Врангель»²⁹.

Как выходили из положения лекторы, вынужденные отрабатывать такие директивы, чем иллюстрировали они процитированные тезисы, чем подтверждали предписанные постулаты? Это побуждало к созданию фальшивок — документы, в лучшем случае упрятанные в спецхран, подменялись заказными мемуарами «верных» лжецов. Но еще живы были не только свидетели реальных событий, были живы их участники. Эту проблему вскоре тоже решили.

В такой ситуации Тухачевскому, как и многим другим, оставалось молчать на публике, а в узком кругу глухо роптать по поводу украденных побед. Вознесенным Системой на властный Олимп уже было что терять. Им уже было чего опасаться — действительная сущность образцово-показательных процессов не являлась для них секретом. Они видели происходящее, они соучаствовали в нем — подчиняясь и голосуя «за».

В 1930-е годы Тухачевский категорически отказывался от любых предложений написать что-либо по истории Гражданской войны.

«Редакция журнала «Борьба классов» просит Вас дать для ближайшего номера журнала Ваши воспоминания о советско-польской войне в 20-м году. Этот номер журнала в значительной своей части посвящается Польше, поэтому Ваши воспоминания, как участника этих событий, были бы чрезвычайно ценны»...

«В редакцию журнала «Борьба классов».

По поручению... т. Тухачевского сообщаю, что он ввиду исключительной перегрузки работой, к сожалению, не может написать просимую Вами статью»³⁰.

Тухачевский действительно не мог написать такую статью — лгать, к тому же уязвляя самолюбие, ему не хотелось, а реалистических, исторически достоверных вариантов воспоминаний быть уже не могло.

А вот маршал Егоров — смог без труда, щедро снабдив статью цитатами из Сталина и тем самым поставив себя вне критики. И справился с задачей отменно.

«Киевское сражение является поворотной операцией в Советскопольской войне 1920 г. — этом «третьем походе Антанты» (Сталин).

«Прорыв сбил у поляков спесь, подорвал у них веру в свои силы, расшатал стойкость духа. До прорыва польские части относились к нашим войскам, особенно же к нашей коннице, с полным пренебрежением, дрались отчаянно, не сдавались в плен. Только после прорыва начались среди поляков сдача в плен целыми группами и массовое дезертирство — первый признак разрушения стойкости польских частей». Так говорил товарищ Сталин в своей исторической ориентировке о положении на юго-западном фронте в июне 1920 г.

Эта блестящая оценка киевской операции, данная товарищем Сталиным, очень важна для понимания дальнейших событий...

Наступление Красной армии на Львов и Варшаву могло быть полностью развернуто только как результат нашей решительной победы под Киевом, которая расшатала стойкость духа польской армии, вызвала глубокий кризис во всем организме польского государства и заста-

вила поляков отказаться от каких-либо наступательных действий против Красной армии.

Главная и решающая роль во всей этой операции принадлежит, бесспорно, нашей победоносной 1-й Конной армии во главе с ее вождями красными маршалами К. Е. Ворошиловым и С. М. Буденным...

Общее заключение

Киевское сражение ярко и убедительно выявляет огромное значение для маневренной войны трех оперативных факторов:

крупных масс стратегической конницы, свободных резервов и железнодорожных путей сообщения. В отношении использования крупных масс стратегической конницы Красная армия, благодаря непрерывному, любовному руководству организатора 1-й Конной армии И. В. Сталина, находилась в чрезвычайно благоприятных условиях.

Наша 1-я Конная армия, проявившая себя еще на Южном фронте в окончательном разгроме Деникина, под командованием таких талантливых полководцев, как К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный, представляла собою мощную ударную силу, способную разрешать самые большие стратегические задачи...

Давая блестящий анализ произведенной операции, товарищ Сталин тогда же давал нам ясную ориентировку в перспективе дальнейшей борьбы с поляками. «Разложение в массовом масштабе еще не коснулось польской армии», — говорил товарищ Сталин. — «Нет сомнения, что впереди еще будут бои, и бои жестокие», — предупреждал он тех, у кого голова кружилась от успехов. — «Поэтому я считаю неуместным то бахвальство и вредное

для дела самодовольство, которое сказывается у некоторых товарищей: одни из них не довольствуются успехами на фронте и кричат о «марше на Варшаву», другие, не довольствуясь обороной нашей республики от вражеского нападения, горделиво заявляют, что они могут помириться лишь на «красной советской Варшаве»»³¹.

Это даже не намек, а прямое указание на Тухачевского.

Нетрудно представить, с каким «удовольствием» читал это Тухачевский...

«В период 1918—1920 гг. товарищ Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком, которого Центральный Комитет бросал с одного боевого фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места. Там, где было относительно спокойно и благополучно, где мы имели успехи, там не было видно Сталина», — нарком Ворошилов в опусе «Сталин и Красная Армия» пел дифирамбы, почти повторяя незадачливого героя

«Волги–Волги»: «Какая там может быть беда, если я — здесь».

Но «несокрушимому Климу» было не до самоиронии:

«Но там, где в силу целого ряда причин трещали красные армии, где контрреволюционные силы, развивая свои успехи, грозили самому существованию советской власти, где смятение и паника могли в любую минуту превратиться в беспомощность и катастрофу, — там появлялся товарищ Сталин. Он не спал ночей, он организовывал, он брал в свои твердые руки руководство, он ломал, был беспощаден и создавал перелом, оздоравливал обстановку»³².

Ворошилова Тухачевский презирал откровенно, не считая нужным скрывать это. Весьма симптоматичный эпизод приводит в своих мемуарах маршал Жуков. Шла разработка нового Боевого устава.

«Нужно сказать, что Ворошилов, тогдашний нарком, в этой роли был человеком малокомпетентным. Он так до конца и остался дилетантом в военных вопросах и никогда не знал их глубоко и серьезно.

Однако занимал высокое положение, был популярен, имел претензии считать себя вполне военным и глубоко знающим военные вопросы человеком. А практически значительная часть работы в наркомате лежала в то время на Тухачевском, действительно являвшемся военным специалистом. У них бывали стычки с Ворошиловым и вообще существовали неприязненные отношения...

Во время разработки Устава помню такой эпизод, — продолжал Жуков. — При всем своем спокойствии Тухачевский умел проявлять твердость и давать отпор, когда считал это необходимым. Тухачевский как председатель комиссии по Уставу докладывал Ворошилову как наркому. Я присутствовал при этом. И Ворошилов по какому-то из пунктов, уже не помню сейчас по какому, стал высказывать недовольство и предлагать что-то, не шедшее к делу. Тухачевский, выслушав его, сказал своим обычным, спокойным голосом:

— Товарищ нарком, комиссия не может принять ваших поправок.

— Почему? — спросил Ворошилов.

— Потому что ваши поправки являются некомпетентными, товарищ нарком»³³.

Взаимная «любовь» после таких стычек крепла. Ворошилов Тухачевского ненавидел как «барчонка», как высокомерного опасного «чужака».

Снобизм Тухачевского замечали не только его недруги, но и те, кто искренне уважал его:

«Он казался всегда несколько самоуверенным, надменным, но то было сознание силы, привычка молниеносно решать, отвечая за других, предельная собранность и организованность... Маршал не убегал от встречного взгляда и отвечал собеседнику резко, прямо, как бы скрепящая с ним шпаги на бой или мир»³⁴, — вспоминала Галина Серебрякова, которую связывало с Тухачевским чувство нежнейшей симпатии.

Г. К. Жуков считал, что «у него был глубокий, спокойный и аналитический ум», однако «ему была свойственна некоторая барственность, небрежение к черновой, повседневной работе. В этом сказывалось его происхождение и воспитание...»³⁵ Ворошилов небезосновательно полагал к тому же, что Тухачевский хочет занять место наркома.

Видеть Тухачевского на посту наркома предпочли бы многие профессиональные военные, уставшие от неотесанных «конников» во главе армии. В этом смысле маршал несомненно имел свое «лобби». Знал об этом и Сталин, а зная, не мог быть уверенным, что кресло наркома обороны — это наивысший пост, на который не сегодня–завтра станет претендовать самый молодой в мире маршал. Но пока Сталин делал выводы, не спеша выдавать их на–гора.

Тухачевский по-прежнему высочайше обласкан. В 1936 году его даже назначили в комиссию по доработке сталинской Конституции.

Находясь на вершине своей карьеры, Тухачевский сохранил дружескую привязанность к тем, с кем судьба свела его в начале жизненного пути. Так, например, он помог своему давнему приятелю-семеновцу А. А. Типольту (служившему в его штабе в Гражданскую.) Жившего в Ленинграде Типольта, как человека с неблагонадежным происхождением (дворянин, да еще и барон), после убийства Кирова должны были выслать в Казахстан. Благодаря вмешательству маршала его не тронули. Еще один ностальгический штрих. С несомненным риском для своей репутации он помог и сестре товарища по полку П. А. Купреянова, погибшего во время того же ночного боя, в котором сам Тухачевский попал в плен, выехать из России в Германию, где жили ее родственники³⁶. Не меньший риск — принять у себя дома опального Шостаковича, только что получившего от «Правды» разгромную рецензию «Сумбур вместо музыки».

Виталий Примаков и другие военачальники отмечали в Тухачевском остроумие, чувство собственного достоинства и неумение притворяться.

«Смелый на поле боя, он оставался таким же в общении, и потому люди мелкие, жаждущие лести, таили против него недобрые чувства.

Зато лучшие были его друзьями и учениками в военном деле.

Прямота, граничащая с дерзостью, отражалась и в его внешности, как бы созданной для военачальника. Смеялся он заразительно, не обижался по пустякам, шел

грудью на врага. Такие, как Тухачевский, преследуют двоедушие и трусость»³⁷.

«Человек атлетического, идеального телосложения, красавец, Тухачевский... тянулся к жизни, наслаждался красотой природы и людей, любил и был любим, — вспоминала Галина Серебрякова.

— Тухачевский мог бы украсить древнеримский легион, колесницу или средневековый турнир» .

Кстати, о легионе. На представительниц слабого пола Тухачевский всегда производил сильнейшее впечатление. Отнюдь не чуждаясь их общества, он выбирал не только привлекательных внешне: ему нравилась и интеллектуальность.

Среди тех дам, с которыми Тухачевский с удовольствием проводил время, кроме Серебряковой, были, например, невестка Максима Горького Н. Пешкова и руководитель детского музыкального театра Н. Сац.

У него был приятный дом.

«...Михаил Николаевич и Нина Евгеньевна умели создать обстановку непринужденности. У них каждый чувствовал себя легко, свободно, мог откровенно высказать свои мысли, не боясь, что его прервут или обидят»³⁹, — делилась своими воспоминаниями подруга семьи Л. В. Гусева.

Невидимые миру слезы были известны немногим — Тухачевский не слишком интересовался семейной повседневностью.

«Их квартира в Доме на набережной производила впечатление как бы несколько запущенной, там не было уюта, тепла. Нина Евгеньевна казалась всегда чуть груст-

ной. А на людях держалась весело, обаятельно улыбаясь», — рассказывает Владимира Уборевич, дочь И. П. Уборевича.

«Но кумиром Михаила Николаевича была дочка — Светлана. Он не просто ее любил, он ее обожал. Помню такой случай, рассказанный мне отцом: Тухачевский, уже зам. наркома, должен был ехать на какие-то учения. Все собрались у его вагона, пора было отправляться.

И вдруг, Михаил Николаевич сказал шоферу: «Домой. Срочно, домой».

Выяснилось, что он «невнятно» попрощался со Светланой. Сопровождающие военачальники были, мягко говоря, шокированы».

Дети, по словам В. Уборевич, с Тухачевским чувствовали себя отлично: играя с ними, он становился «почти мальчишкой»^[31].

Дома у Тухачевских часто устраивались музыкальные вечера.

«У Михаила Николаевича я познакомился с великолепным музыкантом Николаем Сергеевичем Жилевым, которого считаю одним из своих учителей, — вспоминал Д. Д. Шостакович. — К Жилеву Тухачевский относился с огромным уважением, но это не препятствовало, однако, их бурным спорам.

Часто мы встречались втроем. Обычно я играл что-нибудь новое, а Николай Сергеевич и Михаил Нико-

³¹ Этими воспоминаниями В. И. Уборевич поделилась в беседе со мной, во время работы над этой книгой В 1936 году Тухачевский воспринимался партийным руководством как военный стратег номер один. Не случайно именно ему было поручено выступить на Второй сессии ЦИК Союза ССР с программным докладом, посвященным задачам обороны СССР.

лаевич внимательно слушали и затем высказывали свои соображения. Иногда диаметрально противоположные. Надо ли говорить о том, как были полезны для меня, молодого композитора, эти оценки и споры!

Каждую свободную минуту — а такие у Михаила Николаевича случались не часто — он старался проводить за городом, в лесу.

Порой мы выезжали и, прогуливаясь, больше всего беседовали о музыке.

Меня восхищала уравновешенность Михаила Николаевича. Он не раздражался, не повышал голоса, даже если не был согласен с собеседником... Подкупали его демократизм, внимательность, деликатность...

Огромная культура, широкая образованность Тухачевского не подавляли собеседника, а, наоборот, делали разговор живым, увлекательно интересным...

Сейчас мне уже много лет, и нередко посещает мысль о том, что следует приняться за воспоминания, рассказать о людях, сыгравших определенную роль в моей жизни, в моей музыкальной судьбе.

Одним из первых среди них был Михаил Николаевич Тухачевский»⁴⁰.

Уже в 1960–е годы композитор писал:

«Мне очень хочется в своем сочинении почтить светлую память Михаила Николаевича... может быть мне удастся что-либо сочинить достойное его»⁴¹.

К сожалению, это намерение не осуществилось.

Речь М. Н. Тухачевского от 15 января 1936 года «Тов. Молотов сказал о том, что есть сведения о заключающемся военном соглашении между Японией и Герма-

нией и о какомто отношении к этому соглашению Польши. Тов. Молотов добавил:

«Фашистские правители Германии пытаются иногда отвести глаза наивных людей от своих захватнических планов в отношении Советского Союза тем, что ссылаются на отсутствие общих границ между Германией и СССР». Но мы знаем, с другой стороны, что Германия, поощряемая некоторыми иностранными державами, лихо-радочно готовится занять господствующее положение в Балтийском море и вошла в особые отношения с Польшей, имеющей достаточно большие границы с Советским Союзом...

Само собой понятно, что в современной обстановке, когда между Германией и нами имеются кое-какие государства, которые с немцами находятся в особых отношениях, германская армия, при очень большом желании, найдет пути для вторжения на нашу территорию.

Германия, подготавливая свои империалистические планы, проводит очень серьезную военную работу... Изготовление самолетов проводится свыше чем на 50 заводах. Кроме того имеется несколько десятков заводов, на которых готовят отдельные детали для самолетов.

Свыше 20 заводов готовят авиационные моторы и детали к ним и около 20 заводов занимаются постройкой разного рода приборов и аппаратов для воздушных кораблей. Таким образом, вы видите, что Германия полностью загрузила свою громадную авиационную промышленность и, вследствие этого, развитие германского воздушного флота гигантскими шагами идет вперед...

Большие усилия прилагает Германия к развитию своей артиллерии.

Английский генерал Спирс в марте прошлого года заявил в парламенте, что по имеющимся данным германская промышленность производит в месяц 300 орудий и что в ближайшее время эта цифра должна дойти до 500. Я думаю, что цифры, которыми оперирует генерал Спирс, отвечают действительности.

Германия усиленно вооружает не только свои стрелковые и кавалерийские соединения, но и создает могущественные танковые силы. В соответствии с данными о производстве орудий и некоторыми другими, имеющими место в мировой печати, мы можем ожидать производства в Германии не менее 200 танков в месяц.

Программа развития 12 корпусов и 36 дивизий осуществляется бешеными темпами и гораздо быстрее, чем это было задумано...

Не менее интенсивная подготовка... ведется в области использования автомобильного транспорта. Во-первых, она идет по линии создания автострад. Автострада — это такое совершенное шоссе, которое не имеет переездов и дает громадные возможности для бесперебойных и беспрепятственных перевозок.

По плану строительства в ближайшие годы должно быть построено 7 тыс. км автострад. Три магистрали пойдут с запада на восток.

К осени 1935 г. уже находились в постройке свыше 3 тыс. км автострад...

После соглашения о морских вооружениях Великобритании и Германии, последняя закладывает большое количество кораблей, и в 1937 г. ее морской флот должен увеличиться по сравнению с 1935 г. в два раза. Но

это будет лишь половина того, что предусмотрено программой.

Особенно обращает на себя внимание то, что Германия строит теперь такие корабли, которые ей раньше были запрещены версальским договором...

Вот, товарищи, грандиозная подготовка германского милитаризма к войне на суше, в воздухе и на море, которая при наличии...

национал–социалистских политических установок... не может не заставить нас по серьезному взглянуть на защиту наших западных границ для создания необходимой степени обороны»⁴².

Американский исследователь И. Дойтшер в работе «Сталин» так описывал доклад Тухачевского ЦИКу:

«Его речь привлекла внимание своим глубоким опасением гитлеровских приемов ведения войны и необычайной направленностью на обличение опасности «Третьего рейха». Подчеркнутая настороженность Тухачевского резко контрастировала с неопределенностью Сталина»⁴³.

Это обстоятельство не могло не беспокоить «коричневый » Берлин.

К этому времени немецкие пилоты, которые еще несколько лет назад обучались военному мастерству в Липецке, уже сражались в испанском небе против летчиков Красной Армии⁴⁴.

Генерал–майор немецкого Генштаба в 1931—1937 годах К. Шпальке после окончания Второй мировой войны вспоминал:

«Весной или осенью 1936 года на сессии Верховного Совета одной из важнейших тем были внешнеполитические отношения с Германией.

По этому вопросу выступили Молотов, Литвинов и Тухачевский.

В то время как выступления Молотова и Литвинова были сдержанными и сбалансированными, если сравнивать их с массой оскорблений в предшествовавших речах Гитлера, тон и содержание речи Тухачевского были почти враждебными и угрожающими. Как бы то ни было, но лояльности по отношению к Германии в ней совершенно не чувствовалось...Тухачевский превратился в рупор тех офицеров, которые больше ничего и слышать не желали о прежнем многолетнем сотрудничестве с германской армией»⁴⁵.

Шпальке отмечал:

«...Меня неприятно поразил недружественный тон Тухачевского против Германии в его последней речи. Он наводит на мысль о том, что смена настроения есть и у командиров старшего поколения.

Раньше Тухачевский охотно лично участвовал в маневрах и учениях Рейхсвера. ...Тухачевский всегда был для меня непонятной персоной. И для меня было чужда, но не удивительна, смена его политического настроения»⁴⁶.

В статье «Беседы в Москве», вышедшей в 1958 году, Шпальке кривит душой: ему ли не знать причин этой «смены настроений».

Тухачевский к этому времени был предельно вятен:

«Германия фактически превращена сейчас в военный лагерь...

Необходимо... обратить внимание на то, что эта вооруженная сила содержится в очень больших кадрах, а это говорит о том, что германская армия будет постоянно готова к производству неожиданных вторжений. Ее мобилизационная готовность очень велика»⁴⁷.

В январе 1936 года Тухачевский возглавлял советскую делегацию на похоронах английского короля Георга V.

«Мы тогда считали, что это продуманный шаг советской дипломатии.

Газеты писали, какой фурор Тухачевский произвел на международном паркете и как уверенно, легко, он сделал так, чтобы немцы выглядели плохо»⁴⁸, — это признание работавшей на Советский Союз немецкой разведчицы Рут фон Мауенбург.

Ее наблюдения верны — расчет советского правительства, посылавшего Тухачевского главным образом на неформальные переговоры с англичанами и французами об антигитлеровской коалиции, себя оправдал.

В «Журнале посещений И. Сталина в Кремле» зафиксировано, что 23 января 1936 года, то есть непосредственно накануне отъезда, Тухачевский был на приеме у Сталина, где присутствовали также Ворошилов, Молотов, Ягода и начальник Иностранного отдела ГУГБ НКВД Слуцкий ⁴⁹. Тухачевский получал в Кремле инструкции от Сталина перед ответственным вояжем. Ему предстояло после Лондона посетить и Париж — для переговоров с руководством французского Генштаба. Тухачевскому уда-

лось в Москве «продавить» свою линию на укрепление советско–французских контактов в противовес Гитлеру.

«Тухачевский более чем кто–либо другой из советских полководцев ассоциировался с непобедимостью Красной Армии, — писала Мауенбург и по–женски добавляла: — Он и внешне был совершенно блестящим явлением»⁵⁰.

В Париже, после переговоров с начальником французского Генштаба генералом Гамеленом, Тухачевский побывал на нескольких дипломатических раутах, встретился с советскими военными атташе. В Париж с ним приехал и В. К. Путна — военный атташе СССР в Великобритании.

Из Москвы в Париж также прибыл командующий Белорусским военным округом И. П. Уборевич. Все встречи проходили под пристальным взглядом сотрудников НКВД.

Генерал де Гойс, позднее вспоминал:

«Я в течение вечера ощущал за Тухачевским, моим лучшим другом в течение длинных дней плена, стремление к открытости. Несколько раз он пытался поговорить со мной наедине...Однако его охраняли два советских военных, которые его постоянно сопровождали, и все мои попытки остаться с ним с глазу на глаз были без успешными. Даже после кофе, ликера и сигар было невозможно отойти к оконному проему. Один из них всегда был там, перед нами, между нами. Раздраженный, я покинул ресторан раньше положенного »⁵¹.

Другие также покинули помещение. Тухачевский предложил прогуляться по Монмартру.

«Мы торопливо спустились по узкой лестнице вниз... и позвали такси, — вспоминал публицист Реми Рур. — Однако нас догнал запыхавшийся военный атташе. Он ни на мгновение не спускал глаз со своего маршала...»⁵² Кстати, Тухачевский во время поездки во Францию жил не в посольстве СССР и не у советского посла В. П. Потемкина: он остановился у военного атташе СССР во Франции С. И. Венцова–Кранца. И пользовался только его автомобилем. В посольстве присутствовал только на официальных приемах⁵³.

(Венцов–Кранц, «не спускавший глаз с маршала», был

арестован — как сообщник Тухачевского. На допросе 18 июня 1937 года — уже после того, как Тухачевский был расстрелян, — Венцов–Кранц «признался» в следующем:

«Вовлечен я в контрреволюционную военную троцкистскую организацию бывшим Зам. Наркома обороны Тухачевским в марте-апреле месяце 1933 года перед своей поездкой на постоянную работу в Париж военным атташе Советского Союза во Франции.

Получив мое согласие... Тухачевский поставил передо мной, как членом контрреволюционной организации, следующие задачи:

1. Принять все меры к торможению намечавшегося франко–советского сближения...

2. Он потребовал от меня дачи ему непосредственно, минуя Разведывательное Управление и штаб РККА, информации о военно–политическом положении во Франции, а также и о ходе франко–советских переговоров.

3. Тухачевский предложил установить контакт с Германским военным атташе в Париже и информировать его о ходе советскофранцузских переговоров.

...В конце 1934 года во время моего личного доклада Тухачевскому, последний сообщил, что ряд получаемых от меня материалов переправляются им в германский генеральный штаб... Одновременно он просил меня прозондировать отношение указанных круг к нему лично, как к лицу, возглавляющему... антиправительственное движение в армии....

В феврале 1936 года в Париж приехали Тухачевский и Путна...

Оба возвращались с похорон английского короля, на следующий день прибыл Уборевич... Тухачевский воспользовался своим пребыванием в Лондоне для встречи с германским генералом Рунштедтом... был затронут вопрос о сроках готовности Германии к войне»⁵⁴.

Венцлов–Кранц был расстрелян в 1937 году.

...Как и 20 лет назад, Тухачевский вновь побывал в музее Родена, так запомнившемся ему в 1917 году. На этот раз маршал посетил и Лувр. В Париже явственно звучала ностальгическая нота: он встретился со своими товарищами по Ингольштадту, устроившими в честь него банкет.

Двадцать товарищей по плену во главе с генералом де Гойсом, почетным президентом Общества друзей форта IX смогли увидеть своего русского приятеля.

«И здесь теперь сидел Михаил, взошедший на вершину военной иерархии, заместитель наркома обороны, за одним столом со своими друзьями из форта 9 Ингольштадта... У него уже не было немного исхудавшего лица

матового цвета, волевого и одновременно детского, когда он смеялся, которое, как мы говорили, немного было похожем на Бонапарта во время итальянского похода. Теперь оно стало более полное, более значительное, несколько озабоченное, но и более человеческое... Тухачевский долго дискутировал с генералом де Гойсом о прыжках с парашютом, так что на следующий день вся парижская пресса говорила о парашютисте–генерале»55.

Они вспоминали минувшие дни. Де Гойс рассказал про свой побег, оказавшийся успешным благодаря тому, что Тухачевский откликнулся за него на лагерной проверке, дав тем самым возможность оторваться от погони. Кто–то с улыбкой напомнил, как русский поручик отказался приветствовать генерала Петера. Этот акт неповиновения французы помнили и двадцать лет спустя.

Прощаясь, Тухачевский очень серьезно сказал:

«Страшный враг выстраивается перед нашими странами, враг, который за несколько лет получил в распоряжение могучую армию с ультрасовременным вооружением. Мы должны сделать все, чтобы подавить его прежде, чем он раздавит нас... Теперь перед нами Гитлер»56.

Тухачевский виделся с ингольштадтскими товарищами еще один раз:

«Последний, кто его видел, был генерал Виллелюм, который

с делегацией офицеров был приглашен на весенние маневры Красной Армии 1937 г. Тухачевский был один... изолирован, держался отстраненно, как прокаженный»57.

В мае Тухачевского арестовали...

Между тем Гитлер усилил агрессивный тон в отношении Советского Союза. В частности, в речи на ежегодном собрании немецкого рабочего фронта в Нюрнберге 12 сентября 1936 года он недвусмысленно обозначил наличие немецких интересов к природным ресурсам Украины, Урала и Сибири:

«Если бы Урал с его неисчислимыми сырьевыми богатствами, Сибирь с ее лесами и Украина с необозримыми плодородными землями находились в Германии, то под национал-социалистическим руководством наступило бы изобилие. Мы будем производить столько, что каждый отдельный немецкий гражданин будет иметь больше, чем нужно для жизни»⁵⁸.

Гитлер, выступая на «Партийном дне» 14 сентября 1936 года, фактически объявил долгосрочный план действий:

«Нет никаких сомнений в том, что национал-социализм везде и при любых обстоятельствах посадит большевизм в оборону, разобьет его и уничтожит. Мы идем навстречу большим историческим эпохам, в которых восторжествует не одно мудрствование, а мужество...

Горе тому, кто не верит Адольфу Гитлеру»⁵⁹.

Геббельс обсуждал с Гитлером мобилизационную готовность в конце того же года. Вот запись из его дневника от 15 ноября:

«После еды я основательно говорил с фюрером. Он очень доволен ситуацией. Вооружение идет дальше. Мы в это вкладываем сказочные средства. К 1938 году мы будем готовы. Противоречия с большевиками настанут. Тогда мы должны быть готовы»⁶⁰.

К. Шпальке высказал точку зрения гитлеровского генералитета на поездку Тухачевского в Лондон и Париж:

«За несколько месяцев до расстрела он представлял Советский

Союз в Лондоне на торжествах коронации, потом отправился в Париж. Поездка в Лондон, а еще больше остановка в Париже задала нам... загадку. Советский Союз представляет на коронации маршал, потом этот Тухачевский, знакомый нам своими недружественными речами, едет еще и в Париж! Короче говоря, ничего хорошего за этим мы не видели... Тухачевский в Лондоне и Париже — сигнал, дававший пищу для размышлений. Разве этот визит не означал...

что и Советский Союз намеревался перейти на сторону становившегося все более отчетливым на Западе фронта окружения национал-социалистской Германии? Однако наиболее близкой была все же мысль, что Советы хотели воспользоваться видимой и единственной возможностью в союзе с западными державами разрушить все более крепнущую и идеологически абсолютно враждебную Германию, причем без особого риска»⁶¹.

Шпальке констатировал:

«У Тухачевского... можно было предполагать гораздо больше симпатий по отношению к Парижу, нежели к Берлину, да и всем своим типом он больше соответствовал идеалу элегантного и остроумного офицера французского Генштаба, чем солидного германского генштабиста. Он пошел на дистанцию к Германии, был за войну с Германией на стороне западных держав»⁶².

В 1936 году по предложению Тухачевского Генштаб провел большую стратегическую военную игру, чтобы

проработать меры и способы активного отражения при нападении гитлеровской армии на Советский Союз. Командовать «красным Западным фронтом» был назначен комвойсками Белорусского военokrуга И. П. Уборевич.

«Германской стороной» командовал сам Тухачевский, желая проверить возможности фашистской Германии в начале войны. «Армией буржуазной Польши» — союзника Германии — командовал комвойсками Украинского военного округа И. Э. Якир.

Считая, что Германия может выставить вообще всего около 100 отобилизованных дивизий, генштаб принял численность «фашистских сил» на востоке, к северу от Полесья в 50 дивизий плюс 30 «польских». Этой армии ставилась задача нанести поражение «красным» к северу от Полесья и овладеть Смоленском — как исходным районом для наступления на Москву. Тухачевский возразил против такого расчета, полагая, что немцы смогут выставить всего примерно 200 дивизий, так что к северу от Полесья будет одних «немецких» не менее 80 дивизий. Прогноз Тухачевского оправдался: в 1941 году немцы вместе со своими союзниками двинули против нас 190 дивизий. Кроме того, Тухачевский считал, что немцы, сосредоточив войска, начнут войну первыми, чтобы обеспечить внезапность нападения.

«И в этом он не ошибся. Однако предложение Тухачевского тогда не было принято во внимание. На игре было создано равное соотношение сил. Не нашел выражения и фактор внезапности нападения, отчего игра потеряла основную стратегическую остроту.

Произошло фронтальное встречное столкновение в форме традиционных пограничных сражений... — вспоми-

нал в 60–е годы Г. Иссерсон, командовавший тогда соединением на стороне Тухачевского.

— Тухачевский был явно разочарован. Игра в таком виде не могла, по его мнению, проверить и проработать на одном из главных театров войны наши оперативные возможности»⁶³.

Информация об этой игре содержится в хранящемся на Лубянке архивном следственном деле 1937 года на Тухачевского и других осужденных вместе с ним военачальников.

При всей специфичности условий, в которых она изложена маршалом, информация эта заслуживает внимания.

Протокол допроса М. Н. Тухачевского от 29 мая 1937 года «В апреле месяце 1936 г. у нас в центре проходила военная игра, в которой поляками командовал Якир, а немцами я. Изучение обстановки на наших границах с Польшей и условия развития оперативного штаба РККА показали нам, что стратегический план обладает существенными недочетами и, безусловно, может повлечь за собой обеспеченное поражение. Основным недостатком оперативного плана РККА на западе является то, что он и сейчас преследует те же активные цели, которые были поставлены раньше, до прихода Гитлера к власти, когда задачей Красной Армии являлось поражение Польши, лишенной непосредственной поддержки ее союзников.

В этом случае против 50, примерно, польских дивизий, так как часть сил Польше приходилось оставлять на германских границах, Советский Союз мог выставить 90 и

даже 100 дивизий, т.е., доста точно силы для того, чтобы нанести польскому государству безусловное поражение.

После прихода Гитлера к власти, создания большой германской армии и установления дружественных отношений между Германией и Польшей, — эта картина резко изменилась.

36 дивизий мирного времени Германия быстро разворачивает по мобилизации в 108 пехотных дивизий, имея сверх того несколько моторизованных и до 5 механизированных дивизий, чрезвычайно мощных по своему танковому составу, (германская механизированная дивизия, примерно, равняется механизированному корпусу РККА.) Безусловно можно ожидать, как это и было на игре генеральным штабом РККА, что Франция может и не выступить, во исполнение договорных обязательств, в случае нападения Германии на СССР. В этом случае, оставляя в укрепленных районах на границах с Францией заслон в составе 20 дивизий, немцы основную массу войск могут направить через Польшу к советским границам.

Таким образом, польско–германские силы достигают 145 дивизий, против которых СССР сможет противопоставить все те же 90— 100 дивизий. Благодаря этому германо–польское командование может противопоставить Белорусскому фронту примерно равное ему количество дивизий и в то же время может быть, по крайней мере, в два раза более сильными на украинском фронте. Хотя некоторые изменения в этом соотношении сил и могли быть внесены позицией Чехословакии, однако, учитывая крайне невыгодное ее положение, оторванность от Франции и СССР, а также то, что она находится между враждебной ей Венгрией и Германией, врядли можно рассчитывать на

оттяжку польско—германских сил в сторону Чехословакии.

Таким образом. Красная армия на 50—60 дивизий оказывалась слабее противника.

Расчеты Генерального штаба РККА на то, что СССР сильнее Гер-, мании и Польши в отношении авиации, механизированных войск и конницы, не вполне обоснованы, т. к. во время операции вторжения превосходная конница РККА понесет крупные потери от авиации и химических средств, а механизированные соединения в значительной степени израсходуют свои моторесурсы...

...Если обратиться к исследованию условий, в которых должен наступать Белорусский фронт, то станет ясной следующая картина:

для достижения и перехода рубежа Гродно—Брест, т. е. при выходе на этнографические границы Польши, Белорусский фронт вытягивается очень узкой полосой между Латвией, Литвой и Восточной Пруссией с севера и болотистым Полесьем с юга, где все железнодорожные и автомобильные коммуникации сгружены и представляют легко уязвимые цели для авиации, могущей производить внезапные налеты с территории Восточной Пруссии. Это обстоятельство неизбежно создает перенапряжение тыла Белорусского фронта и его чувствительность ко всякого рода, хотя бы временным нарушениям.

С другой стороны, могущественная авиация белорусского фронта испытывает те же самые затруднения, т. к. аэродромы и посадочные площадки будут сжаты в узкой, сжатой полосе.

Наконец, наступлению белорусского фронта в этой узкой полосе создается еще одна очень крупная угроза,

по переходе главными силами линии Гродно–Брест, а именно: быстрая переброска германских резервов в Восточную Пруссию и наступлении на Ковно–Вильно»⁶⁴.

Тема участия гитлеровских спецслужб в «падении» Тухачевского до сих пор является предметом исследовательских догадок. Никаких документов, содержащих информацию о передаче сфальсифицированного, компрометирующего досье на Тухачевского из Германии в Кремль вплоть до сегодняшнего дня не обнаружено. Однако сохранилось достаточно большое количество воспоминаний компетентных свидетелей и участников этой аферы. Суть мемуаров и аналитических выкладок вкратце такова: через двойного агента генерала–эмигранта Скоблина немцы получили сведения о якобы существующей в Советском Союзе антиправительственной военной группировке во главе с Тухачевским.

(Собственно, такая информация в эмигрантских кругах бродила почти полтора десятилетия и во многом была инспирирована еще в 1920–е годы ОГПУ. Тогда Тухачевский был введен в знаменитую операцию «Трест», направленную на раскол антисоветского белого движения в эмиграции. Тухачевскому в этой операции отводилась роль руководителя «национально ориентированной» группы, замышляющей государственный переворот.) Шеф политической разведки гитлеровской Германии Вальтер Шелленберг в своей книге «Лабиринт» подробно останавливался на этом сюжете.

«От одного белогвардейского эмигранта, генерала Скоблина, Гейдрих получил сведения о том, что Тухачевский, маршал Советского Союза, участвовал вместе с германским генеральным штабом в заговоре, имевшем своей целью свержение сталинского режима.

Гейдрих сразу понял огромное значение этого донесения. При умелом его использовании на руководство Красной Армии можно было обрушить такой удар, от которого она не оправилась бы в течение многих лет... Скоблин мог вести двойную игру и... его сообщение могло быть сфабриковано русскими и передано Скоблиным по распоряжению Сталина»⁶⁵.

Это отлично понимал и шеф имперской службы безопасности Гейдрих, и его подчиненные. Однако это несколько не мешало реализации плана. И Гейдрих начал действовать:

он, пишет Шелленберг, представил Гитлеру донесение Скоблина о Тухачевском.

«Сам материал не был полным. В нем не содержалось никакого документального доказательства активного участия руководителей германской армии в заговоре Тухачевского. Гейдрих понимал это и сам и добавил сфабрикованные сведения с целью компрометации германских генералов. Он чувствовал себя вправе это сделать, коль скоро этим самым он мог ослабить растущую мощь Красной Армии, которая ставила под угрозу превосходство рейхсвера»⁶⁶.

Зная характер Сталина и ситуацию в Кремле, в Берлине могли рассчитывать на успех.

«Разоблачение Тухачевского могло бы помочь Сталину укрепить свои силы или толкнуть его на уничтожение значительной части своего генерального штаба. Гитлер в конце концов... вмешался во внутренние дела Советского Союза на стороне Сталина»⁷.

Фабрикация материалов была делом техники. Взяв за основу подлинные документы времен контактов рейхс-

вера и РККА, специалисты имперской службы безопасности подготовили искусные подделки.

«Гитлер тотчас же распорядился о том, чтобы офицеров штаба германской армии держали в неведении относительно шага, замышлявшегося против Тухачевского, так как опасался, что они могут предупредить советского маршала. И вот однажды ночью Гейдрих послал две специальные группы взломать секретные архивы генерального штаба и абвера, службы военной разведки, возглавлявшейся адмиралом Канарисом. В состав групп были включены специалисты–взломщики из уголовной полиции. Был найден и изъят материал, относящийся к сотрудничеству германского генерального штаба с Красной Армией. Важный материал был также найден в делах адмирала Канариса»⁶⁸.

Подготовленное досье через посредников было передано сначала в Прагу — президенту Э. Бенешу, а затем — Москву.

Чешский посланник в Берлине В. Мастны в феврале 1937 году телеграфировал Бенешу, что Гитлер располагает сведениями «о возможности неожиданного и скорого переворота в России...

и установления военной диктатуры в Москве»⁶⁹.

Этот сценарий, как наиболее вероятный рассматривает и известный немецкий историк И. Пфафф. Он указывает и на то, что «национал–социалистские клеветнические обвинения против Тухачевского распространялись по берлинским источникам еще с осени 1935 г. Но тогда еще не начались московские процессы, а именно процессы (в августе 1936–го и январе 1937 года) дали повод

для надежд, что Сталин поверит в интригу против Тухачевского и советского генералитета»⁷⁰.

А весной 1936 года Тухачевским заинтересовалось геббельсовское министерство пропаганды. В Баварском Главном государственном архиве хранится ответ имперского военного министерства на запрос министерства пропаганды по делу «советского маршала Тухачевского». Отказ выдать министерству пропаганды архивное дело военнопленного Первой мировой войны лейтенанта Тухачевского мотивирован так:

«В связи со вновь вскрывшимися обстоятельствами штрафная карта лейтенанта Тухачевского выдана быть не может, поскольку персональные нападки на Тухачевского сейчас неуместны »⁷¹.

В это время Тухачевского уже активно «разрабатывали » гитлеровские спецслужбы, потому публичная компрометация его через Геббельса — через средства массовой информации — могла бы испортить им игру. По этой причине военное министерство по согласованию с министерством иностранных дел решило прикрыть рупор. Характерно также, что делом Тухачевского 1917–го интересовались вплоть до ноября 1937 года. Оно окончательно было архивировано только 13 ноября 1937 года.

Гейдрих работал чисто: для достоверности был подключен еще один канал «утечки» информации — французский.

Весной, в марте 1937 года, посол СССР во Франции Потемкин сообщил, со ссылкой на министра обороны Франции Э. Даладьё, компрометирующую информацию на Тухачевского.

«Из якобы серьезного французского источника, — писал он, — Даладье недавно узнал о расчетах германских кругов подготовить в СССР государственный переворот при содействии враждебных нынешнему советскому строю элементов из командного состава Красной Армии... Даладье добавил, что те же сведения о замыслах Германии получены военным министерством из русских эмигрантских кругов... Даладье пояснил, что более конкретными сведениями он пока не располагает, но что он считал «долгом дружбы», передать нам свою информацию, которая может быть для нас небесполезна»⁷².

Под серьезным французским источником подразумевалась французская разведка, под русскими эмигрантскими кругами — Скоблин. Оба источника имели выход на немецкую разведку⁷³.

Материал против Тухачевского, указывает Шелленберг, был передан Москве в середине мая 1937 года⁷⁴.

К этому времени Сталину такие «документы» могли понадобиться разве что про запас: Тухачевский уже был смещен со всех постов (а вскоре арестован), а его «сообщники» уже находились на Лубянке. Нигде больше немецкий компромат не всплывал. И, предположительно, был уничтожен после подписания пакта Молотова—Риббентропа в 1939 году.

«Таким образом, дело маршала Тухачевского явилось подготовительным шагом к сближению между Гитлером и Сталиным.

Оно явилось поворотным пунктом, ознаменовавшим решение Гитлера обеспечить свой восточный фронт союзом с Россией на время подготовки к нападению на Запад»⁷⁵...

...Как-то зимой 1936/1937 года Тухачевский появился на литературном вечере дома у Галины Серебряковой.

«Прозвучали стихи Маяковского и Багрицкого, нравившиеся Михаилу Николаевичу. Выслушав их, он начал декламировать сам, низким, хорошо поставленным голосом».

Тухачевский читал эпитафию самому себе:

Рожденные в года глухие Пути не помнят своего.

Мы — дети страшных лет России — Забыть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!

Безумья ль в вас, надежды ль весть?

От дней войны, от дней свободы — Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота. То гул набата Заставил заградить уста.

В сердцах, восторженных когда-то, Есть роковая пустота.

Но пусть над нашим смертным ложем Взовьется с криком воронье, — Те, кто достойней, Боже, Боже, — Да узрят царствие твое.

Источники и литература

1. Шелленберг В. Лабиринт: Мемуары гитлеровского разведчика / Пер. с англ. М.: Дом Бируни, 1991, с. 40.

2. Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–1940). М., 1965, с. 116.

3. Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М., 1964, т. 2, с. 181.

4. Симонов К. М. Беседы с Маршалом Советского Союза И. С. Коневым // Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1988, с. 395.

5. Тухачевский М. Н. Избранные произведения, т. 2, с. 183.

6. Шумихин В. С. Советская военная авиация. 1917—1941.

М., 1986, с. 197.

7. Дайнес В. О. Михаил Николаевич Тухачевский // Вопросы истории, № 10, 1989, с. 56.

8. Записки секции по изучению проблем войны Комакадемии, 1930, т. 1, с. 19.

9. Дайнес В. О. Указ. соч., с. 56—57.

10. Тодорский А. И. Маршал Тухачевский. М.: Политиздат, 1966, с. 86—87.

11. Дайнес В. О. Указ. соч., с. 57.

12. Рубцов Ю. В. Маршалы Сталина. Ростов-н/Д.: Феникс, 2002, с. 43. (Серия «Исторические силуэты») 13. Zeidler Manfred. Reichswehr und Rote Armee. 1920—1933. Wege und Statinen einer ungewunlichen Zusammenarbeit. Munchen, 1993, s. 292.

14. Croehler Olaf. Selbstmorderische Allianz. Deutsch-russische Militarbeziehungen 1920—1941. Berlin, 1992, s. 79.

15. Zeidler Manfred. Reichswehr and Rote Armee. 1920—1933. Wege und Statinen einer ungewunlichen Zusammenarbeit. Munchen, 1993, s. 293.

16. Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М., 1964, т. 2, с. 221.

17. Там же, с. 183.
18. Дайнес В. О. Указ. соч., с. 57.
19. Речь т. Тухачевского на XVII съезде ВКП(б). Заседание 4 февраля 1934 г., вечернее // <http://www.hrono.ru/da/01.html> 20. Там же.
21. Там же.
22. Советская политика в двух измерениях: страны Центрально–Восточной Европы в дипломатии и военной стратегии СССР, 1925—1939 гг. // <http://Ivin.ru/documents/ken/> 23. Тухачевский М. Н. Мощь Красной Армии непреодолима. Речь на VII съезде Советов СССР. 30 января 1935 г. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935, с. 5–13.
24. Там же, с. 7.
25. Рукопись статьи М. Н. Тухачевского «Военные планы Гитлера» с правкой И. В. Сталина // Известия ЦК КПСС, 1990, № 1, с. 161–162.
26. Там же, с. 162.
27. Там же, с. 169.
28. 18 лет Красной Армии (Материалы для докладов и бесед) // Пропагандист РККА, 1936, № 4, с. 8–9.
29. Там же, с. 9.
30. РГВА, ф. 37605, оп. 2, д. 2, л. 35–36.
31. Егоров А. И. Киевское сражение 1920 г. // Военно–исторический бюллетень, 1936, № 3, с. 3, 18–20.
32. 18 лет Красной Армии, с. 8–9.

33. Рубцов Ю. В. Указ. соч., с. 40–41.
34. Серебрякова Г. Полководцы // Серебрякова Г. Собрание сочинений в 6 т. М.: Худож. лит., 1979, т. 5, с. 478.
35. Маршал Жуков: Воспоминания (По записям К. Симонова) // Огонек, 1986, № 48, с. 7.
36. Минаков С. Указ. соч., с. 56.
37. Серебрякова Г. Полководцы, с. 477—478.
38. Там же, с. 477, 480.
39. Гусева Л. В. Весь для людей // Маршал Тухачевский: Воспоминания друзей и соратников. М.: Воениздат, 1965, с. 109.
40. Шостакович Д. О времени и о себе (1926–1975), с. 283–284.
41. Личный архив И. А. Шостакович. Ф. 4. Письма К. М. Павловой-Давыдовой. 1967 г.
42. Тухачевский М. Н. Задачи обороны СССР: Речь 15 января 1936 г. Партиздат ЦК ВКП(б), 1936, с. 5–9.
43. В защиту маршала Тухачевского. Перевод из Уоркерс вангард № 321, 14 января 1983 г. с некоторыми исправлениями // Бюллетень Спартаковцев, осень 1990 — стр. 43–44. Zeidler Manfred. Reichswehr and Rote Armee. 1920—1933. Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit. München, 1993, s. 299.
45. Источники истории о Михаиле Тухачевском // Гутен Таг, 1988, № 10, с. 38.
46. Spalcke Karl. Gespräche in Moskau // Die Gegenwart, 13 (1958), s. 399.

47. Тухачевский М. Н. Задачи обороны СССР.
Речь 15 января 1936 г. Партиздат ЦК ВКБ(б), 1936,
с. 6–7.
48. Mayenburg Ruth von. Blaues Blut und rote Fahnen.
Molden taschenbuch Verlag. 1977, s. 191.
49. Минаков С. Указ. соч., с. 514.
50. Mayenburg Ruth von. Blaues Blut und rote Fahnen.
Molden taschenbuch Verlag. 1977, s. 190.
51. Treffer G. Zur Ingolstadter des Sowjetmarschalls M.
N. Tuchatschewski // Sammelblatt des Historischen Vereins
Ingolstadt 89 Jahrgang, 1980, s. 251.
52. Ibid.
53. ЦА ФСБ РФ.
54. Treffer G. Zur Ingolstadter des Sowjetmarschalls M.
N. Tuchatschewski // Sammelblatt des Historischen Vereins
Ingolstadt 89 Jahrgang, 1980, s. 250.
55. Государственный архив Службы безопасности
Украины (ГА СБУ), ф. 6, АСД № 52210–ФП, л. 30–44 56.
Treffer C. Ibid, s. 251–252.
57. Ibid, s. 252.
58. Domarkus Max. Hitler. Reden und Proklamationen.
1932—1945.
I Band. Triumph, 1962, s. 642.
59. Ibid, s. 647.
60. Bundesarchiv Koblenz. Joseph Gobbels Tagebuch,
37 NL 118/63 fol. 1, s. 282.

61. Источники истории о Михаиле Тухачевском // Гутен Таг, 1988, № 10, с. 38.

62. Там же.

63. Иссерсон Г. Записки современника о М. Н. Тухачевском // Военноисторический журнал, 1963, № 4, с. 73—74.

64. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др. Т. 1.

Протокол допроса Тухачевского М. Н. от 29 мая 1937 года, л. 53–55.

65. Шелленберг В. Указ. соч., с. 37.

66. Там же, с. 37–38.

67. Там же, с. 38.

68. Там же.

69. Дело Тухачевского: новая версия // Новое время, 1989, № 13, с. 37.

70. Пфафф И. Прага и падение Тухачевского // Военно–исторический журнал, 1988, № 11, с. 53.

71. Bayer. Hauptstaatsarchiv Munchen, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Inf. Brig. № 119/1 von 1917 «Abschrift».

72. Дело Тухачевского: новая версия // Новое время, 1989, № 13, с. 37.

73. Там же.

74. Шелленберг В. Указ. соч., с. 39.

75. Там же, с. 40.

11. 1937

Кадры Рабоче–Крестьянской Красной Армии, которым тов. Сталин уделяет колоссально много времени и внимания, являются особыми кадрами¹.

К. Е. Ворошилов

Когда заместителя наркома обороны маршала Тухачевского в апреле 1937 года не пустили в Лондон на коронацию короля Георга VI, он уже не сомневался, что это начало конца. После ареста военного атташе в Великобритании В. К. Путны и заместителя командующего Ленинградского военного округа В. М. Примакова, после ареста А. С. Енукидзе, незадолго до того исключенного из партии и лишённого всех постов, Тухачевский отлично понимал, что кольцо вокруг него сжимается.

«Как я просил в детстве папу купить мне скрипку, а он из–за вечного недостатка в деньгах так и не купил ее. Ведь я мог бы быть сейчас скрипачом», — сказал он как–то сестре².

«Предупредительный выстрел» прозвучал в марте — на пленуме ЦК ВКП(б).

На февральско–мартовском пленуме ЦК ВКП(б), проходившем с 23 февраля по 5 марта 1937 года, нарком обороны Ворошилов сказал:

«В армии к настоящему моменту, к счастью, вскрыто пока не так много врагов. Говорю «к счастью», надеясь, что в Красной Армии врагов вообще немного.

Так оно и должно быть, ибо в армию партия посылает лучшие свои кадры: страна выделяет самых здоровых

и крепких людей Я далек, разумеется, от мысли, что в армии везде и все обстоит благополучно.

Нет, совсем не исключено, что в армию проникли подлые враги в гораздо большем количестве, чем мы пока об этом знаем...»³ Нарком однако посчитал необходимым многообещающе обмолвиться:

«Я уже говорил и еще раз повторяю: в армии арестовали пока небольшую группу врагов; но не исключено, наоборот, даже наверняка и в рядах армии имеется еще немало невыявленных, нераскрытых японо-немецких, троцкистско-зиновьевских шпионов, диверсантов и террористов. Во всяком случае, для того чтобы себя обезопасить, чтобы Красную Армию — этот наиболее деликатный инструмент, наиболее чувствительный и важнейший государственный аппарат — огородить от проникновения подлого и коварного врага, нужна более серьезная и, я бы сказал, несколько по-новому поставленная работа всего руководства Красной Армии.

Мы без шума — это и не нужно было — выбросили большое количество негодных людей, в том числе и троцкистско-зиновьевского охвостья, и всякого подозрительного, недоброкачественного элемента... Это, во-первых, комкоры Примаков и Путна — оба виднейшие представители старых троцкистских кадров...

За время с 1924 года, с того времени, как Троцкий был изгнан из армии, — за это время вычищено из ее рядов большое количество командного и начальствующего состава. Пусть вас не пугает цифра, которую я назову...Только за последние три года — 1934—1936 [гг.] включительно — уволено из армии по разным причинам, преимущественно негодных и политически неблагона-

дежных, около 22 тысяч человек, из них 5 тысяч человек как явные оппозиционеры.

Причем, — я должен об этом сказать, товарищи, — и я, и мои ближайшие помощники проводили эту работу с достаточной осторожностью.

Я лично подхожу всегда осторожно при решении вопроса об увольнении человека из рядов армии. Приходится быть внимательным, даже если человек в прошлом был замешан в оппозиции.

Я считаю необходимым и правильным, — так учит нас тов. Сталин — всегда самым подробнейшим образом разобраться в обстоятельствах дела, всесторонне изучить и проверить человека и только после этого принять то или другое решение.

Частенько бывают у меня разговоры с органами тов. Ежова в отношении отдельных лиц, подлежащих изгнанию из рядов Красной Армии. Иной раз приходится отставлять отдельных лиц. Правда, сейчас можно попасть в очень неприятную историю: отстаиваешь человека, будучи уверен, что он честный, а потом оказывается, он самый доподлинный враг, фашист. Но, невзирая на такую опасность, я все-таки эту свою линию, по-моему, правильную, сталинскую линию, буду и впредь проводить.

Товарищ Сталин неоднократно говорил и часто об этом напоминает, что кадры решают все. Это — глубокая правда. Кадры — все!

А кадры Рабоче-Крестьянской Красной Армии, которым тов. Сталин уделяет колоссально много времени и внимания, являются особыми кадрами. Мы должны постоянно и упорно работать над тем, чтобы эти кадры увеличивать численно и улучшать качественно, чтобы не-

прерывно повышались их специальные знания и их политическая стойкость и ценность»⁴.

Со времен XX съезда партии вышло множество исследований, посвященных «Делу военных». Чудовищное истребление всей армейской вертикали, бессмысленность происходившего даже на фоне других «образцовопоказательных процессов» сталинского времени закономерно привлекала внимание специалистов. Однако все эти работы строились лишь на фрагментарной информации из следственного дела, в основном опубликованной в партийной печати вскоре после реабилитации невинно осужденных. В постсоветское время интерес к теме сталинского периода жизни участников этого знакового историко—политического сюжета — обвинителей и обвиняемых — угас, а так и незаполненные фактологические лакуны остались. И породили множество искажений сложнейшего периода жизни страны, бросившего тень на значительный отрезок ее будущего.

В этой главе впервые публикуются материалы из детально изученного уникального первоисточника — архивного следственного дела на Тухачевского М. Н., Якира И. Э., Уборевича И. П., Корка А. И., Эйдемана Р. П., Фельдмана Б. М., Примакова В. М. и Путна В. К., хранящегося в Центральном архиве ФСБ РФ. Документы, как представляется, позволяющие пролить свет на «затемненные» до сих пор страницы недавнего прошлого. С этой целью публикуются и результаты почерковедческого анализа находящихся в «Деле Тухачевского» текстов его рукописных показаний.

Графологическое исследование проводилось в Экспертнокриминалистическом Центре ГУВД по Санк-

т–Петербургу и Ленинградской области по запросу автора монографии.

Цель его — выявить наличие (или отсутствие) специфических признаков в почерке и приемах изложения материала, характеризующих особое психологическое и физическое состояние.

В исследованиях, посвященных «предтечам» ареста Тухачевского, основанных, в частности, на опубликованных в «Известиях ЦК КПСС» материалах реабилитации сказано, что первым показания на Тухачевского дал арестованный бывший начальник ПВО РККА М. Е. Медведев.

Из заключения Заместителя Главного военного прокурора Д. Терехова в Военную Коллегию Верховного суда СССР:

«Как установлено дополнительной проверкой, первые показания о существовании «военного заговора» в Красной Армии, руководимого якобы Тухачевским., были получены 8 и 10 мая 1937 года от бывшего Начальника ПВО РККА Медведева М. Е., арестованного к тому времени органами НКВД...

Как были получены эти показания от Медведева, рассказал арестованный в 1939 году бывший заместитель Начальника УНКВД по Московской области А. П. Радзивилловский.

«...Фриновский (зам Ежова) в одной из бесед поинтересовался, проходят ли у меня по материалам (в УНКВД МО) какие–либо крупные военные работники. Когда я сообщил Фриновскому о ряде военных из Московского военного округа содержащихся под стражей в УНКВД, он мне сказал о том, что первоочередной задачей, в выполнении которой, видимо, и мне придется при-

нять участие, — это развернуть картину, о большом и глубоком заговоре в Красной Армии.

Из того, что мне говорил тогда Фриновский, я ясно понял, что речь идет о подготовке большого раздутого военного заговора в стране, раскрытием которого была бы ясна огромная роль и заслуги Ежова и Фриновского перед лицом ЦК....

Поручение, данной мне Ежовым, сводилось к тому, чтобы немедленно приступить к допросу арестованного Медведева... и добиться от него показаний с самым широким кругом участников о существовании военного заговора в РККА.

При этом Ежов дал мне прямое указание применить к Медведеву методы физического воздействия, не стесняясь в их выборе...»⁵ Медведев за несколько лет до ареста демобилизовался и работал «замначальника строительства какой-то больницы... Ежов и Фриновский... предложили «выжать» от него его «заговорщические» связи и снова повторили о том, чтобы с ним не стесняться...

Я добился от него показаний о существовании военного заговора, о его активном участии в нем и в ходе последующих допросов, особенно.

. после избиения его Фриновским в присутствии Ежова, Медведев назвал значительное количество крупных руководящих военных работников»⁶.

Исследование, проведенное на основе изучения дела

Тухачевского и материалов, связанных с ним, дает основания полагать, что еще ранее называли Тухачевского другие лица. Среди них — Томаш Домбаль, польский ком-

мунист, активно приветствовавший вхождение Красной Армии в Варшаву (о чем упоминалось в главе «Польский синдром»). Он был арестован 29 декабря 1936 года ГУГБ НКВД СССР как член «шпионско–диверсионной и террористической организации «Польска организация войскова» и резидент 2 отдела Польглавштаба». На момент ареста — академик АН БССР, заведующий кафедрой социальноэкономических наук Московского института механизации и электрификации им. Молотова, доктор экономических наук^[32].

На допросе 31 января 1937 года Домбаль сообщил, что работая на «Польску организацию войскову» (ПОВ) отправлял в Польшу «ряд сообщений о состоянии вооружений и строительстве Красной Армии», материалы для которых он «черпал в процессе общения с высшим руководящим составом РККА», в частности с Тухачевским — «о его опытах с танками и лекциями в Военной Академии по этому поводу»⁷.

³² В материалах архивно–следственного дела № Р–3802 на Томаша Домбалья содержится следующая информация: «В обвинительном заключении ГУГБ НКВД СССР от 13 августа 1937 г. по ст.ст. 58–1 «а», 58–8 и 58–11 УК РСФСР ему вменялось: 1. с 1912 г. как член «пилсудчиковских» организаций вплоть до момента ареста вел «активную провокаторскую, шпионско–диверсионно–террористическую работу в пользу Польши»; 2. по заданию ПОВ и будучи резидентом 2 отдела Польского Главного штаба проник в ряды КП Польши, затем, в 1923 г., под видом политэмигранта прибыл в СССР, где вел активную «разведывательную, диверсионную и террористическую работу»; 3. в соответствии с задачами ПОВ привлек к своей «шпионской диверсионно–террористической деятельности десятки лиц» и создал под своим руководством ряд террористических групп, «в задачу которых входила организация террористических актов над вождями ВКП(б) и советского правительства».

На закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР (ВК ВС СССР) Т. Ф. Домбаль виновным себя не признал, показания, данные им на предварительном следствии, не подтвердил и заявил, что ни в чем не виноват. 21 августа 1937 г. приговорен к расстрелу ». Реабилитирован в 1955 г.

Запрет на поездку Тухачевского на коронацию английского короля Георга VI (де-факто — на выезд из страны) был заботливо декорирован. 22 апреля 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление:

«Ввиду сообщения НКВД о том, что товарищу Тухачевскому во время поездки на коронационные праздники в Лондоне угрожает серьезная опасность со стороны немецко-польской террористической группы, имеющей задание об убийстве товарища Тухачевского, признать целесообразным отмену решения ЦК о поездке товарища Тухачевского в Лондон»⁸.

Решение Политбюро основывалось на спецсообщении Н. И. Ежова от 21 апреля 1937 года И. В. Сталину, В. М. Молотову и К. Е. Ворошилову. Вот текст этого сообщения:

«Нами сегодня получены данные от зарубежного источника, заслуживающего полного доверия, о том, что во время поездки товарища Тухачевского на коронационные торжества в Лондон над ним по заданию германских разведывательных органов предполагается совершить террористический акт. Для подготовки террористического акта создана группа из четырех человек (трех немцев и одного поляка). Источник не исключает, что террористический акт готовится с намерением вызвать международные осложнения. Ввиду того, что мы лишены возможности обеспечить в пути следования и в Лондоне охрану товарища Тухачевского, гарантирующую полную его безопасность, считаю целесообразным поездку товарища Тухачевского в Лондон отменить. Прошу обсудить»⁹.

На этом документе стоит резолюция И. В. Сталина:

«Членам ПБ. Как это ни печально, приходится согласиться с предложением товарища Ежова. Нужно предло-

жить товарищу Ворошилову представить другую кандидатуру. И. Сталин».

Рядом — рукой К. Е. Ворошилова: «Показать М. Н. 23.IV.37 г. КВ».

На этом же экземпляре сообщения расписался М. Н. Тухачевский, подтвердив тем самым, что он ознакомился с документом.

«Никаких материалов о подготовке подобного террористического акта над М. Н. Тухачевским у КГБ СССР не имеется, что дает основания считать это спецсообщение фальсифицированным»¹⁰, — констатировала Комиссия Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов.

9 мая 1937 года К. Е. Ворошилов обратился в Политбюро ЦК ВКП(б) с письмом о подтверждении новых назначений.

10 мая 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение:

«Утвердить: Первым заместителем народного комиссара обороны Маршала Советского Союза товарища Егорова А. И... Командующим Приволжским военным округом — Маршала Советского Союза товарища Тухачевского М. Н. с освобождением его от обязанностей заместителя наркома обороны»¹¹.

Симптоматично назначение на должность первого замнаркома обороны — вместо Тухачевского — маршала Егорова.

Именно он в свое время безоговорочно поддержал решения Сталина и Ворошилова саботировать приказы Тухачевского о штурме Варшавы и наступать на Львов.

«Польский след» проступил и здесь. Он рефреном возникал и на партийных заседаниях в присутствии Сталина, и — впоследствии — на допросах. 11 мая Тухачевского официально сняли с должности заместителя наркома и отправили в Куйбышев — командовать войсками Приволжского военного округа. Перед отъездом, 13 мая, он добился встречи со Сталиным¹². Положив Тухачевскому руку на плечо, вождь пообещал, что скоро вернет его в Москву. Товарищ Сталин слово сдержал — 24 мая Тухачевский действительно вернулся в Москву. На Лубянку. Под конвоем.

Но до этого оставалась еще неделя. Сестра маршала Ольга Николаевна вспоминала:

«Мы с мамой отдыхали в Сочи, в санатории. 13 мая, в мамин день рождения, брат прислал нам телеграмму. Через несколько дней еще одну: «Новое назначение. Смогу работать. Целую. Миша». А еще через несколько дней в санаторской библиотеке сняли портрет Миши»¹³.

В этом «смогу работать» — больше чем ожидание, больше, чем понимание и — призрак надежды...

В Куйбышев Тухачевский прибыл 16 мая. Его приезд запомнился генерал-лейтенанту П. А. Ермолину, бывшему в то время начальником штаба одного из корпусов в Приволжском округе, знакомому с Тухачевским по военной академии в Москве. Вскоре после приезда в Куйбышев маршал отправился на окружную партконференцию. Ермолин вспоминал:

«Пронесся слух: в округ прибывает новый командующий войсками М. Н. Тухачевский, а П. Е. Дыбенко отправляется в Ленинград.

Это казалось странным, маловероятным. Положение Приволжского военного округа было отнюдь не таким значительным, чтобы ставить во главе его заместителя наркома, прославленного маршала. Но вместе с тем многие командиры выражали удовлетворение.

Служить под началом М. Н. Тухачевского было приятно.

На вечернем заседании конференции Михаил Николаевич появился в президиуме... Его встретили аплодисментами. Однако в зале чувствовалась какая-то настороженность. Кто-то даже выкрикнул:

«Пусть объяснит, почему сняли с замнаркома!» Во время перерыва Тухачевский подошел ко мне. Спросил, где служу, давно ли ушел из академии. Непривычно кротко улыбнулся: «Рад, что будем работать вместе. Все-таки старые знакомые...» Чувствовалось, что Михаилу Николаевичу не по себе. Сидя неподалеку от него за столом президиума, я украдкой приглядывался к нему. Виски посидели, глаза припухли. Иногда он опускал веки, словно от режущего света. Голова опущена, пальцы произвольно перебирают карандаши, лежащие на скатерти.

Мне доводилось наблюдать Тухачевского в различных обстоятельствах.

В том числе и в горькие дни варшавского отступления.

Но таким я не видел его никогда. На следующее утро он опять сидел в президиуме партконференции, а на вечернем заседании должен был выступить с речью. Мы

с нетерпением и интересом ждали этой речи. Но так и не дождались ее. Тухачевский больше не появился »14.

Об отъезде Тухачевского с женой в Куйбышев из Москвы написано множество мемуарных статей, после реабилитации в 1957 году просачивалась сквозь цензуру и скупая информация о его последних днях. Но о том, как происходил арест, как вел себя маршал, — глухое молчание. В конце 1980-х сестрам маршала пришло письмо, написанное старческой рукой. Хранивший всю жизнь мрачную тайну, очень пожилой человек, Н. И. Шишкин, все-таки решил расстаться с данным когда-то словом «молчать вечно».

«Мне, по стечению обстоятельств, стала известна подробность ареста Михаила Николаевича от человека, производившего этот арест. Этим человеком был Рудольф Карлович Нельке, старый большевик, честнейший человек, работавший полномочным представителем НКВД... Михаил Николаевич приехал в Куйбышев своим вагоном и должен был прийти в обком представиться и познакомиться с руководством обкома, которое в ожидании собралось в кабинете первого секретаря.

И вот распахнулась дверь, и в проеме появился Михаил Николаевич.

Он медлил, не входя, и долгим взглядом обвел всех присутствующих, а потом, махнув рукой, переступил порог.

К нему подошел Нельке и, представившись, сказал, что получил приказ об аресте... Михаил Николаевич, не произнося ни слова, сел в кресло, но на нем была военная форма, и тут же послали за гражданской одеждой... Когда привезли одежду, Михаилу Николаевичу предло-

жили переодеться, но он, никак не реагируя, продолжал молча сидеть в кресле.

Присутствующим пришлось самим снимать с него маршальский мундир...»¹⁵ Этот моральный удар, вероятно, оказался для Тухачевского тяжелее последовавших позже физических... Самого Нельке расстреляли несколько месяцев спустя.

М. Н. Тухачевский был арестован 22 мая 1937 года. В тот же день был арестован председатель Центрального совета Осоавиахима Р. П. Эйдеман, 30 мая — командующий Киевского военного округа И. Э. Якир, 29-го — командующий Белорусского военного округа И. П. Уборевич.

Дочь Уборевича — Владимира впоследствии рассказывала:

«О своем папе я еще ничего не знала, но уже предчувствовала.

Мама меня уже подготовила. Когда произошло несчастье в доме Гамарников, мама сказала мне что-то неясное, что папа тоже может попасть в неприятность, что он был дружен с Я. Б. и что-то еще.

Вобщем, как-то пыталась меня подготовить. А она уже несколько дней, как знала, что папа арестован... У мамы на Белорусской ж.д.

были дружки из особых групп (НКВД). Они всегда предупреждали маму, если к Москве подходил папин вагон из Смоленска. На этот раз произошло следующее. Маме позвонили с дороги, что папа приезжает. Она попросила Машеньку приготовить завтрак и уехала на вок-

зал. Приехала она после 12, сказав Маше, что папа где-то задержался.

Т. И. Розанова (подруга семьи. — Ю. К.) говорит, что мама, приехав на вокзал, увидела, что вагон папин оцеплен. Она резко и неожиданно оттолкнула одного из охраны и вбежала в вагон.

В салоне у стола стоял отец, очень бледный, в штатском костюме.

Он успел только сказать: «Не волнуйся, Нинок, все уладится», и их заперли в разные купе. Маму продержали взаперти 4 часа.

Когда ее выпустили, она поехала в НКВД... Не знаю, каким образом она так легко попала к какому-то начальнику. К нему он ворвалась со словами: «Что у Вас за бардак! Сейчас арестовали Иеронима Петровича!» Этот тип сказал Нине Владимировне, что все будет в порядке, а сам в тот же день прислал к нам своих с обыском»¹⁶.

Подруга Владимиры Уборевич на долгие годы сохранила воспоминания о тех событиях:

«Особенно мне запомнилось, как мы с Мирой ходили в театр... Это был дневной спектакль в театре им. Вахтангова «Принцесса Турандот».

Запомнился не только сам спектакль, но и сам день. Последний счастливый день в детской жизни нашего дома. В театре же было все очень интересно. Недалеко от нас сидела наш кинокумир — Любовь Орлова, живая, красивая, нарядная и улыбающаяся своей знаменитой улыбкой... Когда я вышла к вечеру во двор, на помойке и рядом с ней валялись разбитые пластинки, разорванные бумаги, какие-то выброшенные вещи. Сверху лежали две разбитые пластинки Вертинского «Молись, кунак, в стра-

не чужой, молись, кунак, за край родной, молись за тех, кто сердцу мил, чтобы господь их сохранил»... Гораздо позднее я догадалась, что Н. В. хотела уничтожить все то, что как-то могло скомпрометировать И. П. (Уборевича. — Ю. К.), а пластинки Вертинского, а тем более такие, рассматривались в то время как явная крамола, хотя многие их привозили»¹⁷.

Петру Якиру, сыну командующего Киевского округа, в 1937-м было 15 лет.

«30 мая 1937 года. Накануне мы с отцом были на даче в Святошине, под Киевом. Зазвонил телефон; попросили отца. Разговаривал с ним Ворошилов: — Выезжайте немедленно в Москву, на заседание Военного совета. — Была вторая половина дня.

Отец ответил, что поезда на Москву сегодня больше не будет.

Спросил разрешения вылететь. — Не нужно. Завтра выезжайте первым поездом. На следующий день в три часа пятнадцать минут дня отходил поезд на Москву. Я провожал отца. Настроение у него было тревожное: он знал, что в течение прошедших недель арестован ряд военачальников, в том числе и Михаил Николаевич Тухачевский... В 10 часов я распрощался со своими друзьями и подружками, которые гуляли в Мариинском парке, напротив нашего дома, и пошел домой... Я обратил внимание, что во всех комнатах нашей квартиры горит свет и окна зашторены.

Позвонил в дверь. Некоторое время никто не подходил, потом мужской голос спросил: «Кто это?» Я ответил. «А, Петя, — сказал голос, — дело в том, что у твоей ма-

мы приступ и у нее врачи. Иди, еще погуляй...» Около часа ночи я вернулся домой.

Свет в окнах квартиры все горел. На звонок мне открыли дверь, и я увидел двух людей в форме НКВД. Довольно резко один из них предложил мне пройти в кабинет отца. Там за письменным столом сидел крупный человек с перебитым носом в форме НКВД, с отличиями комиссара 2-го ранга (как потом выяснилось, это был заместитель Ежова — Фриновский, один из самых страшных палачей-истязателей НКВД того времени). «Долго ли тебя ждать? — спросил он. — Ну, а теперь говори, где у вас хранится валюта». «Во-первых, я не понимаю, что здесь происходит, а во-вторых, я не имею представления ни о какой валюте».

Он быстро встал из-за стола, подошел ко мне и ударил по голове, видимо, не рукой, а чем-то еще, так как удар был сильный.

Я упал. «Щенок! — сказал он. — Уведите его». Я пришел в себя, меня подняли и отвели в столовую, где на диване лежала мама.

У нее был сердечный приступ»18.

А на Лубянке шла активная работа. Арестованные раньше Тухачевского военачальники уже давали признательные, «разоблачающие» показания.

Протокол допроса А. И. Корка от 16 мая 1937 года «В суждениях Тухачевского совершенно ясно сквозило его стремление притти в конечном счете, через голову всех, к единоличной диктатуре...

...Тухачевский... говорил мне: «Наша русская революция прошла уже через свою точку зенита. Сейчас идет скат, который, кстати сказать, давно уже обозначился.

Либо мы — военные будем оружием в руках у сталинской группы, оставаясь у нее на службе на тех ролях, какие нам отведут, либо власть безраздельно перейдет в наши руки».

«Вы спрашиваете «майн либер Август» (он так продолжал разговор, похлопав меня по плечу), куда мы направим свои стопы? Право, надо воздать должное нашим прекрасным качествам солдата, но знайте, солдаты не всегда привлекаются к обсуждению всего стратегического плана. Одно только мы с Вами должны твердо помнить:

когда претендентов на власть становится слишком много — надо, чтобы нашлась тяжелая солдатская рука, которая заставит замолчать весь многоголосый хор политиков». Намек, который при этом Тухачевский делал на Наполеона, был так ясен, что никаких комментариев к этому не требовалось...

В качестве отправной даты надо взять здесь 1925—26 гг. когда Тухачевский был в Берлине и завязал там сношения с командованием рейхсвера... Спустя два года после того, как Тухачевский был в Берлине, я был направлен в Германию, а в мае 1928 года в качестве военного атташе, сдал Тухачевскому командование Ленинградским округом.

Перед моим отъездом при сдаче округа Тухачевский говорил мне: «Ты прощупай немцев в отношении меня и каковы их настроения в отношении нас»...

Бломберг передал Тухачевскому, что в Германии складывается сейчас такая ситуация, которая должна обеспечить национал-социалистам, во главе с Гитлером, приход к власти»¹⁹.

Вернер фон Бломберг, Главнокомандующий вермахта, а до прихода Гитлера к власти — рейхсвер (курировавший все советско–немецкие военные связи, бывавший в России, о чем подробно говорилось в главе «Восток—Запад»), действительно мог передать Тухачевскому информацию о приходе нацистов к власти. Ее можно было почерпнуть даже из немецких газет. Характерно, что Тухачевскому и остальным участникам процесса вменялось в вину то, чем они обязаны были заниматься на протяжении нескольких лет: контактировать с немецкими вооруженными силами — рейхсвером. Если предположить, что он действительно давал такие указания Корку, то весь их криминал заключался в том, что необходимо было продолжать строительство военных и учебных баз и продолжать контакты с немецким генштабом.

Допрос В. М. Примакова 21 мая 1937 года «...Блок троцкистов с правыми и организация общего изменнического антисоветского военного заговора привели к объединению всех контрреволюционных сил в РККА — участников офицерского заговора 1930 года с их бонапартизмом, правых — с их платформой восстановления капитализма, зиновьевцев и троцкистов — с их террористическими установками — с общей целью бороться за власть вооруженным путем...

...Этот антисоветский политический блок и военный заговор, возглавляемый лично подлым фашистом Троцким, руками военного заговора должен был обрушить на СССР все неисчислимыя бедствия военной измены и самого черного предательства во время войны, причем этот предательский удар в спину участники заговора должны были нанести родине тем оружием, которое она нам доверила для своей защиты...

Троцкизм в течение ряда лет руководивший контрреволюционной борьбой против руководства партии и правительства и против строительства социализма в нашей стране, шедший гнусным путем через поддержку кулацкого саботажа в 1930—32 г., через террористическое подлое убийство т. Кирова в 1934 году, пришел со своими террористическими установками к фашистскому блоку с правыми внутри страны и прямо поступил на службу к гитлеровскому генеральному штабу»²⁰.

Продираясь сквозь агрессивное косноязычие предписанных клише, нетрудно заметить «опорные точки» сценария — троцкизм, убийство Кирова и, конечно, наличие контрреволюционной организации.

В день, когда арестованного Тухачевского привезли в Москву, 24 мая 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) поставило на голосование членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК «Предложение об исключении из партии Рудзутака и Тухачевского и передачи их дела в Наркомвнудел»²¹. Основания для исключения — полученные ЦК ВКП(б) «данные, изобличающие члена ЦК ВКП Рудзутака и кандидата ЦК ВКП Тухачевского в участии в антисоветском троцкистско-право-заговорщицком блоке и шпионской работе против СССР в пользу фашистской Германии»²². Это произошло не только до суда, но и до начала следствия. Разумеется, соответствующее постановление — об исключении из партии — уже 25—26 мая 1937 года «опросом членов ЦК и кандидатов в члены ЦК» было оформлено и подписано И. В. Сталиным²³.

И. В. Сталин лично занимался вопросами следствия по делу о «военном заговоре». Получал протоколы допросов арестованных и почти ежедневно принимал Н. И. Ежова, а 21 и 28 мая 1937 года и его заместителя М. П.

Фриновского, непосредственно участвовавшего в фальсификации обвинения.

О методах работы с Тухачевским свидетельствуют данные графологического анализа.

«В результате почерковедческого исследования представленных рукописных текстов и сравнительного анализа их с образцами почерка рукописных текстов 1917 и 1919 гг., представленных на 4-х листах, установлено следующее:

...При анализе почерка, которым исполнены исследуемые рукописные тексты «Заявлений», «Показаний» Тухачевского М. Н., в каждом из исследуемых документов наблюдаются:

— тупые начала и окончания движений, извилистость и угловатость штрихов (большая, чем в свободных образцах, несмотря на преобладающую угловатую форму движений); наличие неоправданных остановок и неестественных связей, то есть признаки, свидетельствующие о замедленности движений или — нарушения координации движений.

Кроме того, в почерке исследуемых рукописных текстов наблюдаются нарушения координации движений 2-ой группы, к которым относятся:

- различные размеры рядом расположенных букв;
- отклонения букв и слов от вертикали влево и вправо;
- неравномерные расстояния между словами — от малого до среднего;
- неустойчивая форма линии строк — извилистая;

- при вариационном направлении линии строк: горизонтальному, нисходящему вниз, восходящему вверх;
- различные расстояния между словами — от малого до большого.

Указанные выявленные признаки в совокупности свидетельствуют о необычном выполнении исследуемых рукописных текстов, которое может быть связано:

- либо с необычными условиями выполнения — выполнение рукописных текстов непривычным пишущим прибором, в неудобной позе, на непривычной подложке и т. п.;

- либо с необычным состоянием исполнителя рукописных текстов — состояние сильного душевного волнения, опьянения, под воздействием лекарственных препаратов и т. п.

Совокупный анализ исследуемый признаков почерка с анализом письменной речи исследуемых документов говорит о доминирующем значении второй причины и позволят предполагать исполнение исследуемых рукописных текстов лицом, находящемся в необычном состоянии»²⁴.

Первый документ на Лубянке Тухачевский подписал 26 мая. В нем еще звучит скрытая ирония. Заявление заместителю начальника 5 отдела ГУГБ НКВД Ушакову:

«Мне были даны очные ставки с Примаковым, Путьна и Фельдманом, которые обвиняют меня как руководителя антисоветского военнотроцкистского заговора. Прошу представить мне еще пару показаний других участников этого заговора, которые также обвиняют меня.

Обязуюсь дать чистосердечные показания без малейшего утаивания чего-либо из своей вины в этом деле, а равно из вины других лиц заговора.

Тухачевский. 26.05.37»25.

Ему была предоставлена не одна такая «пара». Уже в 1957-м, в ходе проверки дел по обвинению Тухачевского, Якира и других были обнаружены заявления арестованных, из которых видно, что подписанные ими показания — вымышлены, подсказаны им или получены путем шантажа.

Так, в записке Ушакову Фельдман 31 мая 1937 года писал:

«Начало и концовку заявления я писал по собственному усмотрению.

Уверен, что Вы меня вызовете к себе и лично укажете, переписать недолго»26.

Уже «обработанные» следователями, военные подписывали любую ахинею и как закодированные повторяли на допросах требуемые формулировки. Трудно представить, чтобы находящийся в здравом рассудке человек облакал мысли в подобную форму. Эти агрессивнo-косноязычные клише предписаны правилами игры.

Вечером 26 мая Тухачевский написал Ежову заявление:

«Народному комиссару внутренних дел Н. И. Ежову Будучи арестован 22-го мая, прибыв в Москву 24-го, впервые был допрошен 25-го и сегодня 26-го мая заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и то, что я был во главе его. Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все касающеесяя

заговора, не утаивая никого из его участников, и ни одного факта и документа. Основание заговора относится к 1932-ому году... М. Тухачевский»²⁷.

Из заключения эксперта-почерковеда:

«В заявлении от 26 мая 1937 года — с обозначениями 8—9 — наблюдаются признаки необычного выполнения, которые значительно большее выражение нашли на листе 8»²⁸.

Тухачевского провели через «конвейер» — бесконечные, круглосуточные вызовы на допросы, перемежающиеся очными ставками.

Протокол допроса Тухачевского М. Н. от 26 мая 1937 года «Вопрос. Вы обвиняетесь в том, что возглавляли антисоветский военно-троцкистский заговор. Признаете ли себя виновным?

Ответ. Как я уже указал в своем заявлении на имя народного комиссара Внутренних Дел СССР тов. Ежова, я возглавлял контрреволюционный военный заговор, в чем полностью признаю себя виновным.

Целью заговора являлось свержение существующей власти вооруженным путем и реставрация капитализма...

...Наша антисоветская военная организация в армии была связана с троцкистско-зиновьевским центром и правыми заговорщиками и в своих планах намечала захват власти путем совершения так называемого дворцового переворота, то есть захвата правительства и ЦК ВКП (б) в Кремле, или же путем искусственного создания поражения на фронтах во время войны, чем вызвать замешательство в стране и поднять вооруженное восстание...

...Я считаю, что Троцкий мог знать... что я возглавляю антисоветский военный заговор и это послужило для него основанием направить ко мне Ромма... Сообщаю следствию, что в 1935 г. Путна привез мне записку от Седова (приемный сын Троцкого. — Ю. К.), в которой говорилось о том, что Троцкий считает очень желательным установление мною более близкой связи с троцкистскими командирскими кадрами. Я через Путна устно ответил согласием, записку же Седова я сжег»²⁹.

Этого мало. Днем позже из Тухачевского «выжали» подробности. Разумеется, никаких доказательств или показаний третьих лиц не предъявлялось. Нигде в «совершенно секретном деле», как и в материалах, выданных членам суда, нет никаких документов, подтверждающих наличие заговора. Не фигурирует и немецкая фальшивка, якобы подготовленная и переданная в Москву Гейдрихом и Канарисом. Предположить, что компромат на Тухачевского не фигурировал в деле из-за строгой секретности содержащихся в нем сведений, трудно — процесс над военачальниками не был открытым «образцово-показательным». Все его материалы снабжены грифом «Секретно».

Вероятнее, дело в том, что даже если «досье», сфальсифицированное Абвером, и существовало, Сталину оно просто не было нужно.

Протокол допроса Тухачевского М. Н. от 27 мая 1937 года «...Должен сказать, что на допросе 26 мая я был не искренен и не хотел выдать советской власти всех планов военно-троцкистского заговора, назвать всех известных мне участников и вскрыть всю вредительскую, диверсионную и шпионскую работу, проведенную нами.

...Еще задолго до возникновения антисоветского военно–троцкистского заговора, я в течение ряда лет группировал вокруг себя враждебно настроенных к соввласти, недовольных своим положением командиров и фрондировал с ними против руководства партии и правительства. Поэтому, когда в 1932 г. мною была получена директива от Троцкого о создании антисоветской организации в армии, у меня уже фактически были готовые преданные кадры, на которые я мог опереться в этой работе.

...Путна устно мне передал, что Троцким установлена непосредственная связь с германским фашистским правительством и генеральным штабом...

...В 1932 г. мною лично была установлена связь с представителем германского генерального штаба генералом Адамом. До этого Адам в конце 1931 г. приезжал в Советский Союз, и сопровождавший его офицер германского генерального штаба Нидермаер усиленно обрабатывал меня в плоскости установления с ними близких, как он говорил, отношений. Я отнесся к этому сочувственно. Когда я в 1932 г. во время германских маневров встретился с генералом Адамом, то по его просьбе передал ему сведения о размере вооружений Красной армии, сообщив, что к моменту войны мы будем иметь до 150 дивизий»³⁰.

С Адамом и Нидермаером, как уже упоминалось, у Тухачевского действительно были связи: когда он ездил на маневры в Германию, и когда, курируя контакты РККА с рейхсвером, «отрабатывал» задания наркомата обороны.

А вот к какому выводу пришли специалисты Военной коллегии Верховного Суда СССР в 1957–м году:

«Как видно из полученных в ходе дополнительной проверки материалов Главного разведывательного управления Генерального Штаба Министерства Обороны СССР, бывший германский разведчик Нидермайер О.Ф. в указанный Тухачевским период времени являлся официальным представителем Рейхсвера в СССР и в силу имевшихся тогда соглашений контактировал с Рейхсвером не только с представителями командования РККА, но и с органами НКВД.

Кроме того, по сообщению Разведывательного управления Министерства Обороны СССР Нидермайер являлся ярким противником гитлеризма, сторонником дружбы Германии с СССР и на протяжении 1936 года советские военные разведывательные органы получали от него ценную информацию»³¹.

«В Заявлении от 27 мая 1937 года наблюдаются признаки выполнения в необычном состоянии. При этом манера изложения — авторская и присутствует практически неприкрытый сарказм, который свидетельствует пока еще о моральном превосходстве автора над адресатами»³², — считает эксперт-графолог.

Вот это заявление.

«Помощнику Нач-ка 5-го Отдела ГУГБ НВД Ушакову Будучи следствием изобличен в том, что я возглавлял антисоветский военно-троцкистский заговор, мне ничего другого не оставалось, как признать свою вину перед советской властью, что я и сделал 26-го мая.

Но так как мои преступления безмерно велики и подлы, поскольку я лично и организация, которую я возглавлял, занималась вредительством, диверсией, шпионажем и изменяла Родине, я не мог встать на путь чистосердечного признания всех фактов, относящихся к

заговору. Поэтому я избрал путь двурушничества и под видом раскаяния думал ограничить свои показания о заговоре, сохранив в тайне наиболее важные факты, а главное, участников заговора.

Эта новая подлость... была развенчана следствием... Я решил на этот раз окончательно и бесповоротно вполне честно сознаться во всех моих антигосударственных преступлениях, назвать всех известных мне участников заговора выдать все его планы.

Прошу предоставить мне возможность, ввиду многочисленности фактов, о которых я должен показывать, продиктовать мои показания стенографистке, причем заверяю Вас честным словом, что ни одного факта не утаю, и у Вас не будет ни теперь, ни позже никакого основания упрекнуть меня в неискренности данного моего заявления.

Тухачевский. 27.5.37»33 В протоколах допросов узнаваема характерная стилистика показаний и способ изложения фактов: обилие эмоциональной лексики, экспрессивных эпитетов негативной модальности. И практически полное отсутствие аргументации «признательных» тезисов — не говоря уже о вещественных доказательствах или документальных уликах. Скудность лексики, даже выражающей негативную оценочность, выдает истинных авторов текстов: самих следователей и их руководителей. Судебно-процес суальный канцелярит, характерный для процессов 1930-х годов, имел обязательные стилистические маркеры:

устоявшиеся речевые обороты отрицательного эмоциональноэкспрессивного воздействия, оценочные клише, «нанизывание» прилагательных для создания гиперболизированной языковой реальности. Не менее ха-

рактрным признаком является и еще один обязательный атрибут — лингвистическое самобичевание. Признания арестованных изобилуют оскорбительными эпитетами и дефинициями в собственный адрес — явление абсолютно исключительное для употребления в первом лице.

Протокол допроса Тухачевского М. Н. от 29 мая 1937 года «...Военный заговор возник в 1932 г. и возглавлялся руководимым мною центром. Должен сообщить следствию, что еще задолго до этого я участвовал в антисоветских группировках и являлся агентом германской разведки.

С 1928 года я был связан с правыми. Енукидзе, знавший меня с давних пор и будучи осведомлен о моих антисоветских настроениях, в одном из разговоров сказал мне, что политика Сталина может привести страну к гибели и что смычка между рабочими и крестьянами может быть разорвана. В связи с этим Енукидзе указывал, что программа Бухарина, Рыкова и Томского является вполне правильной и что правые не сдадут своих позиций без боя. В оценке положения я согласился с Енукидзе и обещал поддерживать с ним связь, информируя его о настроениях командного, политического и красноармейского состава Красной Армии. В то время я командовал Ленинградским военным округом...

Во время 16 съезда партии Енукидзе говорил мне, что хотя генеральная линия партии и победила, но что деятельность правых не прекращается и они организованно уходят в подполье... После этого я стал отбирать и группировать на платформе несогласия с генеральной линией партии недовольные элементы командного и политического состава...

Ромм рассказал мне, что Троцкий ожидает прихода к власти Гитлера и что он рассчитывает на помощь Гитлера в борьбе Троцкого против Советской власти»³⁴.

К этому моменту А. С. Енукидзе уже «сознался». Характерно, что как доказательство вины использовался один и тот же ход — личные контакты с подследственным. Енукидзе был знаком с Тухачевским с первых после революционных месяцев как руководитель Военного отдела ВЦИК, где Тухачевский работал (см. главу «Странный Октябрь»).

Потому любые его показания были полезны Сталину.

К моменту ареста Тухачевского Енукидзе находился под следствием уже почти полгода (он был арестован 1 февраля 1937 года в Харькове, где, после исключения в 1935 году из партии и снятия со всех государственных постов, работал начальником Харьковского областного автогужевого транспортного треста³⁵), но еще не был осужден. К смертной казни его приговорили на четыре с лишним месяца позже, чем Тухачевского. Что до вины, то она была доказана априори: самим фактом ареста органами НКВД.

В протоколе допроса от 30 мая 1937 года. А. С. Енукидзе сообщил: в 1932 году от одного из руководящих членов «блока организаций правых и троцкистов–зиновьевцев»

Томского он узнал, что по решению блока создан «единый центр [штаб] военных организаций [в рядах РККА]»^[33], в который якобы входили Корк, Путна и При-

³³ В квадратных скобках то, что в подлиннике протокола зачеркнуто «начиная с февраля 1934 года входил в состав единого антисоветского центра» и «осуществлял связь между центром и антисоветской организацией в НКВД —

маков во главе с Тухачевским, привлеченным в организацию А. И. Рыковым »36.

В том же протоколе А. С. Енукидзе утверждал, что по заданию блока, в начале 1933 года М. Н. Тухачевский пришел к нему в кабинет для установления связи между блоком и «военным центром». Тогда же они условились о следующей встрече, но, по словам А. С. Енукидзе, больше с М. Н. Тухачевским он не встречался, поддерживая связь с «военным центром» через Корка37.

В обвинительном заключении ГУГБ НКВД СССР от 2 июля 1937 года, утвержденном прокурором СССР А. Я. Вышинским 28 октября 1937 года, в частности, говорится, что следствием по делу А. С. Енукидзе, а также его личными показаниями, было установлено, что он, 29 октября 1937 года ВК ВС СССР по ст. ст. 58–1 «а», 588 и 58–11 УК РСФСР приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в г. Москве 30 октября 1937 года.

Определением ВК ВС СССР от 3 октября 1959 года реабилитирован 40.

Заявление от арестованного Тухачевского М. Н. от 29 мая 1937 года «Народному комиссару Внутренних дел СССР Н. И. Ежову Через следователя Ушакова Обличен-

через Ягodu и между центром и военной организацией через Тухачевского»48.

Также А. С. Енукидзе обвинялся, в частности, в следующем:

1) вел подготовку «вооруженного переворота внутри Кремля и разработал план этого переворота», а также «был руководителем и организатором подготовки вооруженного переворота и группового террористического акта в отношении руководителей партии и правительства» («убийство членов Политбюро путем отравления »);

2) «по заданию антисоветского центра вел переговоры в 1934 г. в Берлине с заместителем Гитлера по национал-социалистской партии Гессом, в целях установления контакта с германскими правительственными кругами в борьбе за свержение советской власти»39.

ный следствием в том, что я, несмотря на свое обещание сообщать следователю исключительно правду, в предыдущих показаниях неправильно сообщил по вопросу о начале своей антисоветской работы, настоящим заявляю, что хочу исправить эту свою ошибку.

Еще в 1928-ом г. я был втянут Енукидзе в правую организацию.

В 1934-ом г. я лично связался с Бухариным.

С немцами я установил шпионскую связь с 1925-ого г., когда я ездил в Германию на учения и маневры и где установил связь с капитаном фон Цюлловым.

Примерно с 1926-го года я был связан с Домбалем, как польским шпионом.

При поездке в 1936-ом г. в Лондон Путна устроил мне свидание с Седовым, и я имел разговор о пораженческих планах и об увязке действий антисоветского военно-троцкистского заговора и германского генерального штаба с генералом Румштедт, представителем германского фашистского правительства.

Помимо этого в Лондоне я имел встречу с командующим эстонской армией генералом Лайдонером и с американским журналистом в кабинете у Путна (фамилии не помню), приехавшим из фашистской Германии и являющимся гитлеровским агентом.

Разговор шел о задачах германского фашизма в войне против СССР.

В Париже я встретился с Титулеску, с которым обсуждал вопрос о характере возможных действий германо-польско-румынских войск в войне против СССР.

Я был связан, по заговору, с Фельдманом, Каменевым С. С, Якиром, Эйдеманом, Енукидзе, Бухариным, Караханом, Пятаковым, Смирновым И. Н., Ягодой, Осепяном и рядом других.

Впервые на всем этапе следствия в течение четырех дней, я заявляю вполне искренне, что ничего не буду скрывать от следствия.

Тухачевский 29.5.37»41 По мнению эксперта–графолога, авторскими (с учетом условности всех утверждений, так как автороведческая экспертиза не проводилась, а проведена она могла быть лишь при наличии образцов авторского текста, не связанных с исследуемыми обстоятельствами) в вышепроцитированном тексте являются, видимо, только первый и последний абзацы. Последующий текст, считает эксперт, вероятнее всего, выполнялся под диктовку. Доказательством этого тезиса являются «непривычные для автора построения предложений — более краткие и упрощенные по строению» и кроме того — необычность написания фамилий.

«Все фамилии выполнены не одновременно (различный наклон в каждой из фамилий, различные расстояния между словами, а также различный рисунок знаков препинания, в частности, запятых), то есть такое выполнение возможно под диктовку другого лица»42.

Тухачевский, находясь в замкнутом круге лубянской экзекуций, все еще пытался не называть имен, не оговаривать своих коллег. Он пытался остаться человеком.

Протокол очной ставки между Корком и Тухачевским от 30 мая 1937 года «Вопрос Корку: Чем вы объясняете, что Тухачевский... все-таки не выдает Уборевича?

Ответ: ...Очевидно, у Тухачевского есть надежда на то, что не все провалено, не вся наша организация раскрыта, что, очевидно, нужно оставить корни отдельных важных лиц, которые в связи с общим большим провалом, все-таки смогут продолжить через некоторый промежуток времени нашу контрреволюционную заговорщическую работу, особенно на западном фронте.

Ответ Тухачевского: Корк неверно показывает о целом ряде фактов. Я объясняю ряд неточностей, которые допускает Корк здесь на следствии тем, что он не вполне точно уяснил себе его личную роль в нашем военном заговоре... Я Корка организационно в наш заговор не вовлекал...

Вопрос Корку: Вам отводилась серьезная роль в право-троцкистской военной организации и к этой роли Вас привлек Тухачевский?

Ответ: Безусловно.

Вопрос Корку: Почему Тухачевский ваше положение в организации, ваше отношение к центру заговора представляет в совершенно ином свете?

Ответ: ...В моих интересах было бы ухватиться сейчас за то, что Тухачевский сказал про меня лично, но, так как я с самого начала встал на путь чистосердечного признания, то я категорически отрицаю все, что Тухачевский сказал в отношении меня и состава центра заговора... Тухачевский почему-то меня и Уборевича хочет отвести от этого дела. Почему Тухачевский хочет сохранить Уборевича, я высказал свои соображения. Может быть, и в отношении меня у Тухачевского те же соображения, но я, ставши на путь признаний, не могу сейчас замазывать

ту роль, которую я выполнял под руководством Тухачевского.

Вопрос Тухачевскому: ...Вы по каким-то соображениям роль Корка смазываете, так же как и скрываете роль Уборевича....

Ответ: ...Путает или забывает Корк, — не знаю»43.

Отвечая костолому-следователю, Тухачевский дает горько-саркастическую характеристику сталинским методам дознания.

«Вопрос Тухачевскому. Показания Корка более последовательны, чем ваши. Но не в этом в конце концов дело. Мы хотим знать правду, как было на самом деле?

Ответ. Корк имел возможность больше меня восстановить эти факты: он раньше меня арестован»44 .

Тухачевский был «неудобен» — следствие дало сбой.

Этот сбой был ликвидирован уже несколько дней спустя.

От маршала добились, — возможно, в прямом смысле — нужных показаний.

Заявление М. Н. Тухачевского от 9 июня 1937 года «Начальнику 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР Леплевскому Пом. Начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР Ушакову В дополнение к очной ставке, данной мне сегодня ночью с Якиром...

показываю, что я снимаю свое отрицание участия Уборевича в заговоре...

Я не смог сразу же признать на очной ставке правоты показаний Якира, т. к. мне неудобно было отказаться

от своих слов, которые я ранее говорил как на допросах, так и на очной ставке с Корком.

Тухачевский. 9.6.37»45 Им понадобилось 10 дней...

Почерковедческая экспертиза констатировала и в этом заявлении ярко выраженные признаки выполнения в необычном состоянии.

Заявление М.Н. Тухачевского от 10 июня 1937 года «Помощнику Начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР Ушакову Так как я заявил о том, что решил искренне и чистосердечно давать показания о всем, что мне известно по поводу антисоветского военного заговора, то я, вспомнив фамилии участников заговора, не названных мною ранее, сообщаю их следствию дополнительно.

Мне известны следующие участники заговора: Левинзон, Аронштам, Векличев, Орлов..., Клочко, Германович.

Помимо того уточняю, что хотя четкие задания по подготовке поражения на территории БВО и КВО, и относятся к весне 1936-го г., но и до этого, в 1935-ом г., между участниками цент ра военного заговора происходили обсуждения вопросов оперативного вредительства, т. е. по существу, пораженческой деятельности.

Прошу приобщить к делу эти мои дополнительные показания.

Тухачевский. 10.6.37»46.

Из заключения Экспертно-криминалистического центра ГУВД по Петербургу и ЛО:

«В тексте Заявления от 10 июня 1937 года наблюдаются те же

признаки, свидетельствующие о необычном состоянии исполнителя.

При этом данный текст также мог быть выполнен под диктовку, особенно в части фамилий (в них также наблюдаются: в обозначениях фамилий — более дуговые движения, более вертикальный наклон по сравнению с рядом расположенным записями, а также между собственно выполненными фамилиями. «Казенный стиль»

изложения, особенно в последних двух абзацах (например, в части уточнения: «то есть по существу, пораженческой деятельности») »47.

Помимо навязанной «казенщины» изложения, была еще и редакторская правка.

«Я изложил следствию с предельной, если не преувеличить, величиной, все эти опасности, все эти стороны тяжелых преступлений, которые даже не верится, что они могут существовать на самом деле».

Эта фраза подчеркнута красным и в дубле стенограммы выглядит так:

«Я предельно изложил все эти опасности, все эти стороны тяжелых преступлений, в которые, не будь я сам их участником, даже не мог бы поверить, что они могут существовать на самом деле»48.

В рукописных текстах показаний пляшут буквы, смазываются строчки... На страницах — ржаво-коричневые брызги.

«В процессе изучения дела М. Н. Тухачевского на отдельных листах его показаний обнаружены пятна буро-коричневого цвета.

В заключении Центральной судебно–медицинской лаборатории Военномедицинского управления Министерства обороны СССР от 28 июня 1956 г. говорится: «В пятнах и мазках на листках 165, 166 дела...обнаружена кровь... Некоторые пятна крови имеют форму восклицательного знака. Такая форма пятен крови наблюдается обычно при попадании крови с предмета, находящегося в движении, или при попадании крови на поверхность под углом...»»49.

После ареста И. Э. Якира и И. П. Уборевича решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 мая 1937 года, а затем от 30 мая — 1 июня 1937 года опросом членов ЦК ВКП(б) и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) было оформлено и подписано И. В. Сталиным постановление:

«Утвердить следующее предложение Политбюро ЦК: ввиду поступивших в ЦК ВКП(б) данных, изобличающих члена ЦК ВКП(б) Якира и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Уборевича в участии в военл но–фашистском троцкистском правом заговоре и в шпионской деятельности в пользу Германии, Японии, Польши исключить их из рядов ВКП и передать их дела в Наркомвнудел»50.

30 мая 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение:

«Отстранить тт. Гамарника и Аронштама от работы в Наркомате обороны и исключить из состава Военного Совета, как работников, находящихся в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военно–фашистском заговоре»51.

31 мая 1937 года к Я. Б. Гамарнику, который из–за болезни (у него было обострение диабета) находился дома, по указанию Ворошилова приехали заместитель начальника Политуправления РККА А. С. Булин и начальник

Управделами НКО И. В. Смородинов. Они объявили ему приказ НКО об увольнении из РККА. Сразу же после ухода «гостей» Гамарник застрелился. На следующий день в «Правде» и других газетах было опубликовано:

«Бывший член ЦК ВКП(б) Я. Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и, видимо, боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством»⁵².

О происходившем в тот день в доме Гамарника вспоминала подруга его дочери Веты — Елизавета Филатова.

«Это было в то утро 31 Мая, когда мы все пошли в школу на предэкзаменационную консультацию по географии. Консультация не состоялась, и мы, поболтавшись около получаса в школе, отправились домой. За эти сорок–пятьдесят минут, что нас не было, Вета осиротела. По внешнему виду нашего швейцара мы уже поняли, что что-то произошло... Вета стояла у окна и плакала, прячась за портьеру.

Она несколько раз повторяла: «Почему вы мне не сказали, что папа так тяжело болен, я бы не пошла в школу». Дверь моему папе открыла медсестра Марина Филлиповна, которая уже несколько дней там дежурила, т. к. у Яна Борисовича было обострение сахарного диабета и ему часто приходилось делать уколы, т. к. врачи опасались комы. Медсестра сказала, что Я. Б. застрелился. Он лежал на кровати и тут же лежал небольшой револьвер.

Блюма Савельевна (жена Гамарника. — Ю. К.) сидела в большой комнате какая-то вся окаменевшая и молчала. Марина Филлиповна была в состоянии крайнего возбуждения и сказала, что перед тем, как Я. Б. застре-

лился, в их квартиру пришли два человека, прошли в кабинет Я. Б. и сказав ему несколько слов вышли и сели на стулья в большой комнате, лицом к кабинету. Через несколько минут раздался выстрел. Один из пришедших встал, подошел к двери в кабинет Я. Б., приоткрыл ее, и не входя в комнату, повернулся и ушел. Второй последовал за ним. Когда раздался выстрел, Б. С.

сказала: «наконец–то все кончилось». Примерно за день до этого

кто–то с кавказским акцентом звонил Я. Б. и из трубки неся сердитый голос и мат. Я. Б. был очень расстроен этим звонком. М. Ф.

собиралась делать укол и стояла рядом.

За три дня до этого, 29 мая, между 10 и 12 часами утра мы с мамой и братом убирали балкон на черном ходу. Вдруг мама нам сказала:

«С Я. Б. что–то происходит». Мы посмотрели вниз на балкон, который был сбоку. Я отчетливо помню темные волосы Я. Б., которые казались особенно темными на фоне его белоснежного подворотничка на расстегнутой гимнастерке, пальцы рук, запущенные в густые волосы, этот взгляд, как бы прощающийся с этим ярким весенним днем. От его позы, жестов, движений веяло каким–то отчаянием, крайним смятением»⁵³.

С 1 по 4 июня 1937 года в Кремле на расширенном заседании Военного совета при наркоме обороны СССР с участием членов Политбюро ЦК ВКП(б) обсуждался доклад К. Е. Ворошилова «О раскрытом органами НКВД контрреволюционном заговоре в РККА». Кроме постоянных членов, на мероприятии присутствовало 116 военных работников, приглашенных с мест и из центрального ап-

парата Наркомата обороны. К 1 июня 1937 года двадцать постоянных членов уже были арестованы как «заговорщики».

Перед началом работы Военного совета все его участники были ознакомлены с показаниями М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира и других «заговорщиков». Бригадный генерал Конюхов вспоминал:

«Нарком внутренних дел Ежов и... Леплевский (Начальник 5 отдела ГУГБ НКВД. — Ю. К.) уже находились здесь и раздавали прибывающим брошюры, отпечатанные на ротапинтере. Я прочел на титульном листе: «Собственноручные показания М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, А. И. Корка и Р. П. Эйдемана»... В президиум поступало множество записок, — собравшиеся хотели знать, будет ли выступать Сталин. Нам казалось, что только он может внести ясность в сложившуюся обстановку и дать ей оценку... Сталин, в частности, сказал: — Вижу на ваших лицах мрачность и некоторую растерянность. Понимаю, очень тяжело слышать такие обвинения в адрес людей, с которыми мы десятки лет работали рука об руку и которые теперь оказались изменниками Родины.

Но омрачаться и огорчаться не надо. Явление хотя и неприятное, но вполне закономерное. — Как бы ни были опасны замыслы заговорщиков, — говорил Сталин, — они нами разоблачены вовремя. Они не успели пустить свои ядовитые корни в армейские низы. Подготовка государственного переворота — это заговор военной верхушки, не имевшей никакой опоры в народе.

Но это не значит, что они не пытались завербовать кого-нибудь из вас, сидящих в зале, вовлечь в свои преступные замыслы.

Имейте мужество подняться на эту трибуну и честно рассказать.

Вам будут дарованы жизнь и положение в армии... Выступление Сталина в какой-то мере убедило собравшихся в преступных замыслах военных во главе с Тухачевским»⁵⁴.

Стенограммы заседаний сохранились в Российском государственном архиве социально-политической истории.

1 июня 1937 года Заседание Военного Совета с участием приглашенных тт. командиров и политработников «Ворошилов. Товарищи, органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная, контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии.

Из тех материалов, которые вы сегодня прочитали, вы в основном уже осведомлены о тех гнусных методах, о той подлой работе, которую эти враги народа вели, находясь бок о бок с нами»⁵⁵.

Вводные даны, теперь — обязательный реверанс мудрым и прозорливым:

«Три месяца тому назад (на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б)) в этом зале заседал ЦК нашей коммунистической партии и здесь на основе огромного материала, добытого следственными органами Наркомвнудела в аналитических докладах т.т. Молотова, Кагановича, Ежова и Сталина было вскрыто подлое проникновение врага...

...Во главе всей этой работы, как и должно быть, разумеется, стоял Троцкий. К нему тянутся все нити. Он является душой, вдохновителем »56.

Все, как и должно быть. Воистину, если бы Троцкого не существовало, его следовало бы придумать. Собственно, Сталин так и сделал: он создал неустаревающую «страшилку», дав ей имя своего заклятого антагониста.

Предъявлять «все нити» нового дела Ворошилов не стал — ибо нити эти, как гласит старый афоризм, были белыми. Кажется, все — по плану. Но есть все-таки некоторые недоработки: «Нужно сказать, что не только Примаков, но и никто из других арестованных Тухачевского не называл»57. Тухачевского действительно никто из военных пока не называл, поскольку в то время еще не было высочайшей отмашки. Бывший Начальник отделения НКВД СССР А. А. Авсеевич на допросе в прокуратуре 5 июля 1956 года упомянул:

«...Примерно в марте месяце 1937 года я вызвал на допрос Примакова и увидел, что Примаков изнурен, истощен, оборван.

У него был болезненный вид...

Примаков и Путна на первых допросах категорически отказывались признать свое участие в контрреволюционной троцкистской организации.

Я вызывал их по 10—20 раз. Они при этих вызовах сообщили мне, что помимо вызовов на допросы ко мне, Примаков и Путна неоднократно вызывались на допросы к Ежову и Леплевскому...

Мне известно, что... Леплевский приказал на совещании Ушакову применить к Уборевичу методы физического воздействия»⁵⁸.

Другой бывший сотрудник органов НКВД В. И. Бударев на допросе в прокуратуре 3 июня 1955 года рассказал:

«Дело Примакова я лично не расследовал, но в процессе следствия мне поручалось часами сидеть с ним, пока он писал сам свои показания. Зам. начальника отдела Карелин и начальник отдела Авсеевич давали мне и другим работникам указания сидеть вместе с Примаковым и тогда, когда он еще не давал показаний. Делалось это для того, чтобы не давать ему спать, понудить его дать показания о своем участии в троцкистской организации. В это время ему разрешали в день спать только 2—3 часа в кабинете, где его должны были допрашивать, и туда же ему приносили пищу. Таким образом его не оставляли одного... В период расследования дел Примакова и Путьна было известно, что оба эти лица дали показания об участии в заговоре после избиения их в Лефортовской тюрьме»⁵⁹.

(Леплевский, Ушаков, Фриновский и др. в 1938—1940 годах были расстреляны вместе с Ежовым — конвейер работал без сбоев.) Люди, воспитанные с 1917 года системой, культивировавшей беззаконие, и эту систему успешно укреплявшие, стали ее же заложниками. Вырваться оказалось невозможно.

Сильнее всего был парализующий волю страх перед неотвратимым. При полной аберрации понятия «справедливость», замененного большевиками на «целесообразность», рассчитывать было не на что. Они ждали своей очереди и пытались избежать грозившей участи. Никто

не хотел стать следующим. Такие категории, как дружба, порядочность, уже не существовали: доминировал звериный инстинкт биологического самосохранения. Только биологического — ибо личностное, нравственное начало было раздавлено. «Лучше страшный конец, чем бесконечный страх», — считал Шиллер. Но обвинителям, смертельно боявшимся стать по мановению руки Сталина обвиняемыми, было не до поэта-гуманиста и его теорий.

«В армии сидели... люди, связанные между собой едиными контрреволюционными целями и задачами... Сила нашей партии, нашего великого народа, рабочего класса так велики, что эта сволочь только между собой болтала, разговаривала... шушукалась и готовилась к чему-то, не смея по-настоящему двинуться. Она двинулась один раз, в 1934 году, 1 декабря они убили... т. Кирова.

...Они бросили пробный шар, они думали на этом прощупать силу сопротивляемости партии и силу ненависти народа к себе»⁶⁰, — Ворошилов, предваряя выступление Сталина не пожалел красок.

Обычно лаконичный вождь на Военном совете выступил на редкость развернуто:

«Это военно-политический заговор. Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера. Рейхсвер хочет, чтобы у нас был заговор, и эти господа взялись за заговор. Рейхсвер хочет, чтобы эти господа систематически доставляли им военные секреты, и эти господа сообщали им военные секреты. Рейхсвер хочет, чтобы существующее правительство было снято, перебито, и они взялись за это дело, но не удалось. Рейхсвер хотел, чтобы в случае войны было все готово, чтобы армия перешла к вредительству с тем, чтобы армия не бы-

ла готова к обороне, этого хотел рейхсвер, и они это дело готовили. Это агентура, руководящее ядро военно-политического заговора в СССР, состоящее из 10 патентованных шпииков и 3 патентованных подстрекателей шпионов. Это агентура германского рейхсвера. Вот основное. Заговор этот имеет, стало быть, не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия, не столько политику по внутренней линии в нашей стране, сколько политику германского рейхсвера. Хотели из СССР сделать вторую Испанию и нашли себе и завербовали шпииков, орудовавших в этом деле. Вот обстановка»61.

Слово вождя — императив, руководство к действию.

И кто будет обращать внимание на мелочи, например, на то, что Сталин упрямо называет гитлеровские вооруженные силы — вермахт — рейхсвером. Между тем, оговорка симптоматична: «заговорщики» контактировали именно с рейхсвером, при президенте Гинденбурге, до прихода Гитлера к власти — выполняя стратегически военные задачи Советского Союза. Они же настаивали на сворачивании контактов с Германией после 1933 года Сталин сознательно подменял понятия.

Копии протоколов допросов арестованных, отпечатанные на машинке, приносили лично Сталину, внимательно следившему за ходом процесса. С Тухачевским у следствия то и дело возникали проблемы. Он «всполохами» пытался говорить правду, а не выбитый на допросах текст. Иногда обвинители оказывались неготовыми к его импровизациям.

Но чаще — «возвращали» подсудимого к сценарию. И тогда на страницах допросов возникал кафкианский смысловой абсурд.

«Подсудимый Тухачевский. Со времени гражданской войны я считал своим долгом работать на пользу советского государства,

был верным членом партии, но у меня были определенные, я бы не сказал политические колебания, а колебания личного, персонального порядка, связанные с моим служебным положением...

Я всегда, во всех случаях выступал против Троцкого. Когда бывала дискуссия, точно так же выступал против правых. Я, будучи начальником штаба РККА... отстаивал максимальное капиталовложение в дело военной промышленности и т. д. Так что я на правых позициях не стоял. И в дальнейшем, находясь в Ленинградском военном округе, я всегда отстаивал максимальное развитие Красной Армии, ее техническое развитие, ее реконструкцию, развитие ее частей...

Председатель. Вы утверждаете, что к антисоветской деятельности примкнули с 1932 года? А ваша шпионская деятельность — ее вы не считаете антисоветской? Она началась гораздо раньше.

Подсудимый Тухачевский. Я не знаю, можно ли было считать ее шпионской... Я сообщил фон Цюллеру данные... о дислокации войск в пограничных округах... Книжку — дислокацию войск за границей можно купить в магазине...

Председатель. Я хочу выяснить, все о Вашей антисоветской контр–революционной деятельности. Еще в 1925 г. Вы были связаны с Цюллером и Домбалем и были одновременно агентом и польской и германской разведок. Ведь Вы же знали, что имеете дело не с просто любопытным, а с офицером иностранной разведки.

Обвиняемый Тухачевский. Совершенно правильно. Я повторяю — не хочу смягчать свои показания. Я только хочу объяснить, что в то время у нас с немцами завязывались тесные отношения.

У нас был один общий противник — Польша, в этом смысле были и в дальнейшем, как я уже говорил, разговоры с генералом Адамс. С генералом Адамс мы говорили о наших общих задачах в войне против Польши, при этом германскими офицерами вспоминался опыт 1920 года, говорилось, что германское правительство тогда не выступило против Польши.

Я опять повторяю, что это можно квалифицировать и должно квалифицировать как шпионскую деятельность.

Председательствующий товарищ Ульрих. Ваше заявление о том. Что у Вас был один противник — Польша, опровергается Вашим же заявлением о том, что Вы одновременно были связаны с германскими офицерами и с польским офицером—шпионом Домбалем.

Подсудимый Тухачевский. Я не знал, что Домбаль — польский шпион. Домбаль был принят в Советский Союз как член парламента, который выступал за поражение польской армии и за призыв в Красную Армию при вступлении ее в Варшаву. Под этим углом зрения было и мое знакомство с ним и встречи. Я знал его как члена ЦК Польской компартии. О шпионской деятельности я не знал...»⁶² На подобные реплики даже не обращали внимания.

«Председатель. Какие цели Вы преследовали, информируя германских офицеров о мероприятиях Красной армии?

Тухачевский. Это вытекало из наших разговоров о совместных задачах по поражению Польши. До прихода Гитлера к власти у нас были тесные отношения с Германским генеральным штабом...

Председатель. Как организован был центр военной организации, по чьей директиве и какие задачи это центр ставил?

Тухачевский. Центр составиля, развиваясь, неодновременно.

В центр входили помимо меня — Гамарник, Каменев С. С, Уборевич, Якир, Фельдман, Эйдеман, затем Примаков и Корк. Центр не выбирался, но названная группа наиболее часто встречалась.

Председатель. С какого года принимал участие в этом центре Гамарник?

Тухачевский. С 1934 г.

Вопрос. Чем Вы объясняете, что в Ваших показаниях фамилия Гамарника сначала не упоминалась?

Тухачевский. Я сначала не все показывал следствию, о чем я сказал. В дальнейшем я показывал все...

Председатель. Какие были взаимоотношения внутри центра между Вами и Гамарником? Вы считались руководителем?

Тухачевский. Я был по западным делам, Гамарник по восточным.

Председатель. Значит, Вы были руководителем организации по западному театру военных действий. Но кто чей признавал авторитет?

Вы Гамарника или Гамарник Ваш?

Тухачевский. Я бы сказал, что здесь было как бы двоецентрие.

Председатель. Вы считаете себя руководителем центра? Это проходит красной нитью по всем показани-ям.

Тухачевский. Гамарник вступил центр позже, но авторитет его был выше, чем у меня»63.

А в другой реальности, по-своему не менее запре-дельной, в то же время продолжалось заседание Военно-го совета.

3 июня.

«Буденный. Тухачевского вот я как знаю. В операци-ях под Ростовом, уже после потрясения Деникина, мы с Климент Ефремовичем видели, что неправильно исполь-зуют 1-ю конную армию. Подняли скандал, что конар-мия, которая расколола фронт Деникина, здесь на Батай-ских болотах гибнет. Подняли скандал против Шорина командующего. Вместо Шорина приехал Тухачевский. От-сюда я и знаю Тухачевского.

...Тухачевский дает директиву окружить Деникина в Ейске, как будто Деникин сидит со своим войском в Ейске. Для этого бросают конармию через Богаевскую. Мы не подчинились этой директиве...

Деникин отступает, бежит. Таким образом, меня и К. Е. нужно было расстрелять за то, что мы не выполнили приказа командующего фронтом, разбили противника не согласно его приказа в Ейском округе, а разбили его там, где нужно. Но противник разбит, а раз противник разбит, то победителей не судят.

Причем тут Тухачевский? Тухачевский приписывает это себе, что он приехал на Северо–Кавказский фронт и разгромил противника.

Знали ли, что этот человек даже не был в состоянии написать приказа, который бы разгромил противника? Знали.

После этого Тухачевский назначается командующим Западного фронта против поляков...»⁶⁴ Буденный выложил главный козырь — польскую кампанию.

Он не только мстил за собственное поражение, но и выслуживался перед Сталиным, безусловно помнившим позорное изгнание за «непослушание» из РВС Западного фронта и жесткие замечания Ленина в свой адрес.

Буденный продолжает:

«Тухачевский назначается командующим Западным фронтом, проваливает всю Советско–польскую кампанию. Так?

(Голоса. Правильно) За это нужно было повесить человека по меньшей мере. (Оживление в зале) Ну, конечно.

(Голоса. Правильно).

Нет, Тухачевский у нас начинает прогрессировать: пишет книжку:

«Поход на Вислу» и этим самым маскирует свои подлые дела.

Причем сознательно делает эти дела. А почему сознательно? Что такое Тухачевский? Он пришел из плена делать социальную революцию к нам, попадает в Ленин-

град, там в Смольном как раз формировали красногвардейские отряды. Он явился и предложил Ленину:

«Я хочу участвовать в революции, хотя я офицер Семеновского полка». Тогда, как он говорил, была наложена резолюция:

зачислить в Красную Гвардию, чтобы он там участвовал.

Отсюда, теперь мне становится ясным, что это шпион не 27 г., а это шпион, присланный немцами сюда к нам, чтобы участвовать не в революции, а в шпионаже за нами. Сейчас это становится понятно.

Уборевич тоже из плена пришел.

... Дальше, Тухачевский. Командовал последнее время Ленинградским ВО, перед назначением зам. наркома. Все знали, что округ провалил. Так сложились обстоятельства, что надо было его назначить.

Сами выдвигали, примиренчески относились к этим людям, которых видно было с начала до конца, что они враги»⁶⁵.

Наслушавшись эскапад Буденного на заседании Военного совета, Дыбенко попытался использовать предложенный им ход о пребывании в плену как «начале шпионской деятельности» — на заседании Специального судебного присутствия.

«т. Дыбенко. Вы когда-либо считали себя членом нашей партии?

Тухачевский. Да.

т. Дыбенко. Вы преследовали поражение нашей армии;

в 1921 году вы вызывали диверсанта Путна, чтобы усилить восстание под Кронштадтом; ...в 1918 году, как вы говорите, приехали в Россию, бежав из плена. Мне кажется, что вы не бежали из плена, а приехали как немецкий шпион».

Кажется, в ответе Тухачевского сквозит ирония:

«Я убежал из Германии до Октябрьской революции, поэтому, такую задачу — как разложение советской армии, я получить не мог»⁶⁶.

И Дыбенко взрывается:

«Вы сами пишете в своих показаниях, что вы с 1925 года вели шпионскую работу в пользу Польши и Германии. О шпионской деятельности было известно вашему руководящему центру — Уборевичу, который пригласил вас в Париже зайти на могилу Наполеона, и известно было Якиру. Считаете ли вы, что Якир являлся не только вредителем, но и прямым шпионом, связанным с немецким генеральным штабом?

Тухачевский. Да, каждый член центра несет такую ответственность.

т. Дыбенко. Что значит— несет ответственность?

Тухачевский. Является шпионом.

Член суда Дыбенко. Подсудимый Тухачевский, как Вы можете сочетать эту измену, предательство и шпионаж с 1929 г. с тем, что Вы носили партийный билет? И как вы могли ответить положительно на мой вопрос, считали ли Вы себя членом партии?

Подсудимый Тухачевский. Я повторяю, что эта работа началась с Уборевичем и Якиром не с 1929 года, а значительно позже — с 1932 года. Конечно, здесь есть раз-

двоение: с одной стороны у меня была горячая любовь к Красной армии, горячая любовь к отечеству, которое с гражданской войны я защищал, но, вместе с тем, логика борьбы затянула меня в эти глубочайшие преступления, в которых я признаю себя виновным.

Член суда Дыбенко. Как можно сочетать горячую любовь к родине с изменой и предательством?»⁶⁷ В реплике Тухачевского — приглушенная вспышка гнева:

«Повторяю, что логика борьбы, когда становишься на неправильный путь, ведет к предательству и измене»⁶⁸.

Их судили по законам, отменившим даже декоративные штрихи правосудия и подлинного расследования. 1 декабря 1934 года, в день убийства С. М. Кирова, ЦИК СССР принял постановление «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик », которое установило особый порядок расследования и рассмотрения уголовных дел «о террористических актах против работников Советской власти». Процессуальные гарантии для обвинявшихся по делам этой категории были практически сведены на нет: срок следствия, несмотря на очевидную сложность подобных дел и суровость возможного наказания, устанавливался в пределах на более 10 дней; обвинительное заключение вручалось обвиняемому за одни сутки до рассмотрения дела в суде; дело рассматривалось без участия сторон. Кассационное обжалование приговоров и подача ходатайства о помиловании не допускались;

приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно. В 1937 году по аналогичным параметрам рассматривались дела о контрреволюционном вредительстве и диверсиях. Несмотря на явное противо-

речие демократическим принципам уголовно–процессуального права, эти постановления — от 1 декабря 1934 года и от 17 сентября 1937 года — были отменены только в апреле 1965 года⁶⁹.

Система сталинского «средневековья» в юриспруденции четко описана в исследовании петербургских ученых Б. В. Ананьича и В. М. Панеяха.

«Многими чертами следствие... восходит к средневековым политическим процессам в России. Черты сходства: непосредственное руководство следствием со стороны высшего в государстве политического органа или лица; отсутствие адвоката; отсутствие состязательности сторон в процессе вынесения приговора; отсутствие принципа презумпции невиновности; практика вынесения приговора тем органом, который вел следствие, и в отсутствии подследственного (в средневековых процессах имели место случаи вынесения приговора специально образованными судебными органами); насилие, применяемое в отношении подследственного с целью получения необходимых следствием показаний; отсутствие законом установленной регламентации следствия, ведущее к произволу;

интерес следствия к зарубежным контактам подследственного и фальсификация характера этих связей; тенденциозное извращение показаний в протоколах допросов; окончательность приговора (невозможность обжалования); репрессии в отношении родственников обвиняемого»⁷⁰.

Отличия есть, — в пользу средневековья. Для сталинских процессов характерны такие черты: полная невиновность обвиняемых; наличие политической цели, не связанной непосредственно с «делом»; предварительное

создание сценария обвинения, утвержденного высшим политическим руководством, под который подгонялись показания и приговор; непредусмотренность вызова свидетелей и предъявления вещественных доказательств (что вытекало из факта невиновности подсудимых); признание обвиняемого в совершении «преступлений» в качестве единственной формы доказательств; внесудебное вынесение приговора; инициирование общественного мнения, направленного против подсудимых⁷¹.

Сообщив 3 июня Высшему Военному совету, что по военной линии уже арестовано 300—400 человек, Сталин вогнал в шок своих клеветников: дело о военном заговоре все-таки «прошляпили, мало кого мы сами открыли из военных»⁷². Он заявил, что «наша разведка по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионажем, что внутри чекистской разведки у нас нашлась целая группа, работавшая па Германию, на Японию, на Польшу»⁷³. Вождь выразил недовольство отсутствием разоблачающих сигналов с мест и потребовал таких сигналов: «Если будет правда хотя бы на 5%, то и это хлеб»⁷⁴. И активисты запели хором.

«Алкснис (зам. Наркома обороны, член Военного Совета — Ю. К.). Товарищи, размеры контрреволюционного военно-политического заговора в Наркомате Обороны и в Красной Армии, по-моему, превзошли размеры других наркоматов, по крайней мере, по количеству ответственных людей, участвующих в этом заговоре.

Тов. Сталин в своем выступлении со всей полнотой и честностью сказал о причинах и предпосылках того, как и почему могло случиться, что этот заговор не был вскрыт в зародыше, что этот заговор не был вскрыт и разоблачен политработниками и командирами большеви-

ками нашей Р.К.К.А. Некоторые товарищи до выступления т. Сталина с этой трибуны пытались объяснить длительное существование этой контрреволюционной группировки тем, что они ловко замаскировались и, следовательно, не было до статочно сигналов для того, чтобы вскрыть и разоблачить эту группировку.

Я думаю, что это не так. Если со всей прямоотой говорить, то сигналы были, и довольно много было сигналов. Однако мы этим признакам, явлениям, сигналам из—за потери остроты своего политического чутья не придавали достаточного значения и не пытались раскрыть существо дела.

Я останавлиюсь на конкретных примерах. Я... прямо заявляю, я знал, что существует группировка Тухачевского, видел это, чувствовал ее. Видел, что если эта группировка какие—нибудь организационные мероприятия проводит, если Тухачевский что—нибудь сказал, то из Белоруссии и с Украины сразу выдвигают те же самые мероприятия и попытайтесь тогда противодействовать, по шее получишь...

Но вот чего я не предполагал, это то, что это политическая группировка, то эта группировка имеет определенные политические цели...

Буденный. Не политическая, а шпионская группировка.

Алкснис. Да, именно шпионская»75.

Итак, единство действий здравомыслящих людей, подчиняющихся приказам первого заместителя наркома обороны — Тухачевского, квалифицируется как «шпионская группировка». Далее в патологическом страхе быть заподозренным в близости с «врагами народа» участники

трагифарса приводят аргументы «шпионской деятельности»

и одновременно — дистанцированности от нее.

«Алкснис. Почему не предполагал? Не было классового чутья, не мог раскусить. Разве не было известно, что собираются по квартирам, пьянствуют, это все было известно. Я во всяком случае об этом знал. Я к этому не примыкал. Я прямо заявляю, Тухачевский пытался меня несколько раз пригласить себе на квартиру. Я не ходил.

И недавно, когда был парад на Красной площади, Тухачевский стучает меня по плечу и говорит: тут холодно, зайдем на квартиру, закусим. Я не хотел, сказал, что мне некогда... Я к этой группировке никогда не примыкал.

...Тут я не хочу сказать, что Воздушный Флот в этом отношении огражден... Пока в Воздушном флоте мало вскрыто.

Блюхер. Это потому, что мало копаетесь.

Алкснис. Совершенно верно.

Блюхер. Успокоение еще продолжается.

Алкснис. Нет, успокоения нет. Я как раз заявляю, не может быть, чтобы в Воздушный Флот не пытались проникнуть. Не может этого быть. Я думаю, что и в Центральном аппарате, и в округах есть в В. Ф. люди, которые еще не вскрыты и которых надо будет вскрыть и взять.

Голос из зала. А ты не жди, пока Ежов возьмется...

Алкснис. ...Я не сомневаюсь, что и на Украине, и в Белоруссии есть такие люди, которых нужно взять. Я не хочу здесь сообщать фамилии, но есть список людей, ко-

торые являются очень близкими людьми Уборевича. И у Якира имеются такие люди»⁷⁶.

Правосудия не было, и единственное право, которое оставалось, — пытаться низостью и верноподданническими заклинаниями заслужить милость «хозяина». Многих вскоре тоже репрессировали — как «маскировавшихся пособников» Тухачевского. Но это — через год–полтора, когда они стали уже отработанным материалом, Сталину более не нужным. Сценарий — абсолютно тот же, без малейших вариаций. Никто не узнает, что чувствовали Блюхер, Алкснис, Егоров и другие, оказавшись на месте тех, кого они с таким пристрастием допрашивали, и кому подписывали смертные приговоры.

«Блюхер Василий Константинович... Арестован НКВД СССР 19 октября 1938 г. по обвинению в участии в антисоветской организации правых и военного заговора (ст. ст. 58–1 «б», 58–11 УК РСФСР).

В постановлении от 11 ноября 1938 г. в частности указано следующее:

«Показаниями допрошенных по настоящему следственному делу свидетелей [...] Блюхер В. К. изобличен как японский и немецкий шпион, участник право–троцкистской контрреволюционной организации и один из руководителей антисоветского военнофашистского заговора»⁷⁷.

Блюхер подвергался «обработке» во внутренней тюрьме НКВД СССР. Вместе с ним в камеру был помещен арестованный начальник Управления НКВД по Свердловской области Дмитриев. По заданию Берии он провоцировал Блюхера, склоняя его к самоговору⁷⁸. Дмитриев отработывал задание с недюжинным рвением, надеясь,

смягчить собственную участь. Разговоры в камере прослушивались.

Расшифровки записей сохранились.

«26 октября 1938 года.

Блюхер. Физическое воздействие... Фактически все болит.

Вчера я разговаривал с Берия, очевидно, дальше будет разговор с народным комиссаром.

Агент. С Ежовым?

Блюхер. Да. Ой, не могу двигаться...

...Агент. Вопрос решен раньше. Решение было тогда, когда вас арестовали. Что было для того, чтобы вас арестовать? Большое количество показаний. Раз это было — нечего отрицать.

Блюхер. Я же не шпионил...

Агент. Вы не стройте из себя невиновного. Можно прийти и сказать, что я подтверждаю и заявляю, что это верно.

Блюхер. Меня никто не вербовал.

Агент. Как вас вербовали, вам скажут, когда завербовали, на какой почве завербовали. Вот это и есть прямая установка...

...Блюхер. Не входил я в состав организации. Нет, я не могу сказать...

Агент. ...Что, вам нужно обязательно пройти камеру Лефортовской тюрьмы?»79.

Он прошел камеру Лефортовской тюрьмы. Бывший начальник санчасти Лефортовской тюрьмы НКВД ССР Ро-

зенблум в 1956 году сообщила в КГБ, что в конце 1938 года она оказывала медицинскую помощь находившемуся под стражей Блюхеру.

«На лице Блюхера имелись кровоподтеки, около глаза был огромный синяк. По заявлению Розенблум, удар по лицу был настолько сильным, что в результате этого образовалось кровоизлияние в склеру глаза и склера глаза была переполнена кровью»⁸⁰.

После этого на следствии Блюхер «сознался», что являлся активным участником право–троцкистской контр–революционной организации с 1930 года, участником антисоветского военно–фашистского заговора и шпионом. ⁸¹ «9 ноября 1938 г., находясь во Внутренней тюрьме НКВД СССР, умер от закупорки легочных артерий тромбом (после чего был кремирован), в связи с чем дело на него по постановлению НКВД СССР от 11 ноября 1938 г. было прекращено»⁸².

Чтобы понять, от чего произошла эта «закупорка», не нужно быть судебно–медицинским экспертом...

«Дело военных» близилось к развязке. 4 июня 1937 года.

«Ворошилов: Самое скверное, самое тяжелое из всего того, что здесь говорили, и самое скверное, самое тяжелое из всего того, что здесь имеет место, это то, что мы сами, в первую очередь, я расставляли этих людей, сами назначали, сами перемещали.

Я лично объяснял себе все этот процесс формирования подлых преступных элементов, бывших в составе начальствующего состава, произошел потому, что мы, будучи не только ослепленными успехами, не только людьми, у которых постепенно, изо дня в день притуплялось

политическое чутье, забыли работу над собой и над подчиненными нам людьми, как коммунисты.

...Ворошилов. Относительно Тухачевского. Тухачевского я политически высоко не ценил, но считал его большевиком, барçonком и т. д. Но я считал его знатоком военного дела, любящим и болеющим за военное дело...

Я видел, что это человек — пьянчужка, морально разложившийся до последней степени субъект, но политически служит нам верой и правдой. Я был еще тогда таким идиотом, что не сделал из этого других выводов и о нем не подумал, что моральное разложение здесь уже переросло в политическую измену и предательство...»⁸³ Делать выводы — в этом товарищ Ворошилов не силен еще с Гражданской, тем и защищен от сталинских подозрений.

Отсутствие этой способности спасло ему жизнь. Не умеющий делать выводы не склонен к размышлениям, а значит — не опасен. Сталин умел это ценить.

«Сталин. Я... собрал бы высший состав и им подробно доложил.

А потом тоже я, в моем присутствии, собрал бы командный состав пониже... чтобы они поняли, что враг затесался в нашу армию, он хотел подорвать нашу мощь, что это наемные люди наших врагов японцев и немцев. Мы очищаем нашу армию от них... Это даст возможность и изучить людей⁸⁴.

Ворошилов ловит «пожелание» на лету. Еще идет следствие, а в приказе уже звучит приговор — он, конечно, уже существует, но еще не объявлен.

ПРИКАЗ народного комиссара обороны Союза ССР № 072 от 7 июня 1937 года. Москва.

«Товарищи красноармейцы, командиры, политработники Рабоче–Крестьянской Красной Армии!

С 1 по 4 июня с. г. в присутствии членов Правительства состоялся военный совет при народном комиссаре обороны СССР. На заседании военного совета был заслушан и подвергнут обсуждению мой доклад о раскрытой Народным комиссариатом внутренних дел предательской, контрреволюционной военной фашистской организации, которая, будучи строго законспирированной, долгое время существовала и проводила подлую, подрывную, вредительскую и шпионскую работу в Красной Армии...

К числу этих оставшихся до последнего времени не разоблаченными предателей и изменников относятся и участники контрреволюционной банды шпионов и заговорщиков, свившей себе гнездо в Красной Армии. Руководящая верхушка этой военной фашистско–троцкистской банды состояла из людей, занимавших высокие командные посты в Рабоче–Крестьянской Красной Армии.

Как видно из материалов Народного комиссариата внутренних дел, сюда входили: бывшие заместители народного комиссара обороны Гамарник и Тухачевский, бывшие командующие войсками округов Якир и Уборевич, бывший начальник Военной академии имени тов. Фрунзе Корк, бывшие заместители командующих войсками округов Примаков и Сангурский, бывший начальник Управления по начальствующему составу Фельдман, бывший военный атташе в Англии Путна, бывший председатель центрального совета Осоавиахима Эйдемман. Врагу удалось путем подкупа, шантажа, провокации и обмана запутать в своих преступных сетях этих морально пав-

ших, забывших о своем долге, заживо загнивших людей, превратившихся в прямых агентов немецко–японского фашизма.

Конечной целью этой шайки было — ликвидировать во что бы то ни стало и какими угодно средствами советский строй в нашей стране, уничтожить в ней Советскую власть, свергнуть Рабоче–Крестьянское правительство и восстановить в СССР ярмо помещиков и фабрикантов.

Для достижения этой своей предательской цели фашистские заговорщики не стеснялись в выборе средств, они готовили убийство руководителей партии и правительства, проводили всевозможное злостное вредительство в народном хозяйстве и в деле обороны страны, пытались подорвать мощь Красной Армии и подготовить ее поражение в случае войны. Они рассчитывали, что своими предательскими действиями и вредительством в области технического и материального снабжения фронта и в деле руководства боевыми операциями смогут добиться, в случае войны, поражения Красной Армии и свержения Советского правительства...

Сейчас эти враги народа пойманы с поличным. Они целиком признались в своем предательстве, вредительстве и шпионаже.

Нельзя быть уверенными, что и эти заклятые враги трудящихся полностью рассказали все, что они сделали. Нельзя верить и тому, что они выдали всех своих единомышленников и сообщников. Но главные организаторы, руководители и шпионы, непосредственно связанные с германским и японским генеральными штабами и их разведками, разоблачены. Они получат заслуженное возмездие от карающей руки советского правосудия.

Рабоче–Крестьянская Красная Армия, верный и честный оплот Советской власти, беспощадно вскрывает этот гнойник на своем здоровом теле и быстро его ликвидирует. Враги просчитались. Немецкояпонские фашисты не дождутся поражения Красной Армии.

Красная Армия была и останется непобедимой. Агент японо–немецкого фашизма Троцкий и на этот раз узнает, что его верные подручные гамарники и Тухачевские, якиры, уборевичи и прочая сволочь, лакейски служившие капитализму, будут стерты с лица земли и память их будет проклята и забыта...

Долой троцкистско–фашистских предателей! Смерть шпионам и изменникам!...

Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза К. Ворошилов»85.

В день окончания следствия по делу о военном заговоре — 9 июня 1937 года Генеральный прокурор А. Я. Вышинский два раза был принят И. В Сталиным. Вторая беседа, состоявшаяся в 22 часа 45 минут, проходила в присутствии В. М. Молотова и Н. И. Ежова. В тот же день Вышинский подписал обвинительное заключение 76 по делу .

Протокол допроса обвиняемого Тухачевского от 9 июня 1937 года «Свои показания, данные на предварительном следствии о своем руководящем участии в военно–троцкистском заговоре, о своих связях с немцами, о своем участии в прошлом в различных антисоветских группировках, я полностью подтверждаю. Я признаю себя виновным в том, что я сообщил германской разведке секретные сведения и данные, касающиеся обороны СССР. Я подтверждаю также свои связи с Троцким и Домбалем.

Задачи военного заговора состояли в проведении указаний троцкистов и правых, направленных к свержению советской власти.

Я виновен также в подготовке поражения Красной Армии и СССР в войне, т. е. в совершении государственной измены. Мною был разработан план организации поражения в войне... Я признаю себя виновным в том, что я фактически после 1932 г. был агентом германской разведки. Также я виновен в контрреволюционных связях с Енукидзе. В составе центра военно-троцкистского заговора, кроме меня, были Якир, Уборевич, Эйдеман, Фельдман, С.С.Каменев и Гамарник. Близок к нему был и Примаков.

Никаких претензий к следствию я не имею.

Тухачевский.

Допросили — помощник главного военного прокурора Суббоцкий, Прокурор Союза ССР Вышинский»87.

10 июня 1937 года состоялся чрезвычайный пленум Верховного суда СССР, заслушавший сообщение А. Я. Вышинского о деле по обвинению М. Н. Тухачевского и других.

Пленум постановил для рассмотрения этого дела образовать Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР. В его состав были введены председатель военной коллегии Верховного суда СССР В. В. Ульрих, заместитель наркома обороны Я. И. Алкснис, командующий Дальневосточной армией В. К. Блюхер, командующий Московским военным округом С. М. Буденный, начальник Генштаба РККА Б. М. Шапошников, командующий Белорусским военным округом И. П. Белов, командующий Ленинградским военным округом П. Е. Дыбенко и команду-

ющий Северо–Кавказским военным округом Н. Д. Каширин. Инициатива создания специального военного суда для рассмотрения дела М. Н. Тухачевского и других и привлечения в состав суда известных военных руководителей принадлежала Сталину. Выбор был не случаен, все они были протестированы Сталиным на «верность» — беспринципность — как участники Военного совета.

10 июня Сталин пообщался с Вышинским и уже поздно вечером — в 23 часа 30 минут — опять–таки в присутствии Молотова и Ежова принял главного редактора «Правды» Л. З. Мехлиса. 11 июня 1937 года в «Правде» было опубликовано сообщение об окончании следствия и предстоящем судебном процессе по делу М. Н. Тухачевского и других военных, которые, как говорилось в сообщении, обвиняются в «нарушении воинского долга (присяги), измене Родине, измене народам СССР, измене рабоче–крестьянской Красной Армии»⁸⁸.

Обвинительное заключение «В апреле–мае 1937 года органами НКВД был раскрыт и ликвидирован в г. Москве военно–троцкистский заговор, направленный на свержение советского правительства и захват власти, в целях восстановления в СССР власти помещиков и капиталистов и отрыва от СССР части территории в пользу Германии и Японии.

Как установлено предварительным следствием, наиболее активными участниками этого заговора являлись бывш. Заместитель Народного Комиссара Обороны СССР — Тухачевский М. Н., быв. Начальник Политуправления РККА Гамарник Я. Б., бывшие командующие Киевского и Белорусского военных округов Якир И. Э. и Уборевич И. П., б. председатель Центрального Совета Осоавиахима Эйдеман Р. П., быв. Командарм 2 ранга Корк А. И., б. на-

чальник Управления по начсоставу РККА Фельдман Б. М., б.зам. командующего войсками Ленинградского военного округа Примаков В. М.

и б. атташе при полпредстве СССР в Великобритании Путна В. К.

Как установлено следствием, все указанные выше обвиняемые являлись членами антисоветской троцкистской военной организации, действовавшей под руководством «центра» в составе: покончившего самоубийством Гамарника Я.Б. и обвиняемых по настоящему делу Тухачевского М. Н., Якира И. Э., Уборевича И. П., Корка А. И., Эйдемана Р. П. и Фельдмана Б. М.

Как видно из собственных признаний обвиняемых и показаний ряда свидетелей, военно–троцкистская организация находилась в теснейшей связи с антисоветским троцкистским центром и его главными руководителями — врагами народа Л. Троцким, Л. Седовым, Пятаковым Г. Л., Лившицем Я. А., Серебряковым Л. П. и др., с антисоветской группой правых Бухарина–Рыкова, а также с военными кругами Германии, и действовала под непосредственным руководством германского генерального штаба и его агента врага народа Л. Троцкого, совершая по их прямым указаниям вредительские акты в целях подрыва мощи Красной Армии.

Следствием, кроме того, установлено, что часть обвиняемых и, в частности, обвиняемый Тухачевский, задолго до возникновения антисоветского военно–троцкистского заговора, в течение ряда лет были связаны с различными антисоветскими элементами, и в том числе с участниками офицерских заговоров.

Поставив своей преступной целью насильственный захват власти и возлагая свои главные надежды на по-

мощь иностранных агрессоров, и в частности, фашистской Германии, военно–троцкистская организация и возглавлявшие эту организаций изменники и предатели в лице Тухачевского, Якира, Уборевича и других обвиняемых по настоящему делу ставили свою ставку на предстоящее нападение на СССР капиталистических интервентов и на поражение СССР в предстоящей войне.

Вся изменническая, вредительская и подрывная деятельность этих заговорщиков была направлена на подготовку предательского разгрома наших армий и поражение СССР.

В этих целях нарушившие воинский долг и присягу и изменившие родине руководители указанной военно–троцкистской организации — Тухачевский, Якир, Путна и др. обвиняемые по настоящему делу вошли в преступную антигосударственную связь с военными кругами Германии, систематически передавали германскому генеральному штабу сведения, касающиеся организации, вооружения и снабжения Красной Армии, составляющие важнейшую государственную тайну, и другие сведения шпионского характера, совместно и по указаниям германского генерального штаба разработали планы поражения наших армий и совершали другие изменнические действия в пользу Германии и Польши.

Следствием установлено, что обвиняемый Тухачевский передал во время германских маневров в 1932 г. немецкому генералу... секретные сведения о размерах вооружения Красной Армии. Во время посещения СССР германским генералом... обв. Тухачевский передал последнему секретные сведения о мощности ряда военных заводов... В 1935 г. обв. Тухачевский через обв. Путну передал германскому генеральному штабу секретные сведе-

ния о состоянии авиации и механизированных войск в Белорусском и Киевском военных округах, об организации в этих округах противовоздушной обороны, о сосредоточении наших войск на западных границах.

В том же 1935 г. польской разведке были переданы планы Летичевского укрепленного района. Тогда же были переданы немцам сведения о количестве накопленных огнеприпасов, о количестве командного состава запаса и т. д. и т. п.

Не ограничиваясь этим, обв. Тухачевский разработал план поражения Красной Армии и согласовал этот план с представителем германского генерального штаба...

В 1936 г. обв. Тухачевский использовал в преступных изменнических целях свое официальное пребывание в Лондоне и передал германскому генералу... материалы о дислокации войск Белорусского и Киевского военных округов.

Следствием установлено, что обв. обв. Тухачевский, Якир, Уборевич и другие члены «центра» этой организации при разработке различных вариантах развертывания Красных Армий во время войны неизменно исходили из одной задачи — обеспечить поражение и разгром наших армий, привести СССР к военному поражению.

Обв. Тухачевский, Якир, Уборевич признали, что на специальных совещаниях в 1935 г. у обв. Тухачевского ими был разработан подробный оперативный план поражения Красной Армии в предполагавшейся войне на основных направлениях наступления польскогерманских армий.

Этой основной задаче была фактически подчинена вся деятельность обвиняемых по настоящему делу, этих агентов германской разведки, изменников, вероломно обманувших партию и правительство и пробравшихся на ответственные командные посты в Красной Армии...

Не удовлетворяясь, однако, этими позорными актами государственной измены, Тухачевский, Якир, Уборевич и другие обвиняемые по настоящему делу систематически осуществляли вредительство,

особенно в укрепленных районах и по линии военных железнодорожных сообщений.

Следствием и, в частности, показаниями обв. обв. Тухачевского, Корка, Эйдемана, Примакова установлено, что одновременно военно-троцкистская организация подготавливала совершение террористических актов против членов Политбюро ЦК ВКП(б) и советского правительства и организовала ряд диверсионных групп преимущественно на предприятиях оборонного значения.

Организуя эти террористические и диверсионные группы, троцкистские предатели, пробравшиеся в ряды командного состава Красной Армии, параллельно подготовили план вооруженного «захвата Кремля» и ареста руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Во всех указанных преступлениях все обвиняемые полностью сознались Прокурор союза ССР Вышинский-»89.

О ходе судебного процесса Ульрих информировал Сталина.

«Ульрих... говорил, что имеется указание Сталина о применении ко всем подсудимым высшей меры наказания

— расстрела »90, — вспоминал уже в 1962 году бывший секретарь суда И. Т. Зарянов.

Эта информация подтверждается регистрацией приема Сталиным Ульриха 11 июня 1937 года. Из записи видно, что при «инструктаже» Ульриха Сталиным присутствовали Молотов, Каганович и Ежов⁹¹. Суд стал всего лишь необходимой сугубо формальной процедурой.

В день суда в республики, края и области от имени Сталина было направлено указание:

ЦК, крайкомам, обкомам. В связи с происходящим судом над шпионами и вредителями Тухачевским, Якиром, Уборевичем и другими ЦК предлагает вам организовать митинги рабочих, а где возможно, и крестьян, а также митинги красноармейских частей и выносить резолюцию о необходимости применения высшей меры репрессии. Суд, должно быть, будет окончен сегодня ночью. Сообщение о приговоре будет опубликовано завтра, т. е.

двенадцатого июня. 11.VI.1937 г. Секретарь ЦК Сталин»⁹².

Они действительно успели закончить суд той же ночью.

А следующим утром состоялись «заказанные» вождем митинги и конференции. Газеты в столице и регионах вышли с отчетами.

«Известия». «И впредь беспощадно уничтожать врагов народа».

Резолюция митинга рабочих завода «Калибр»

«В 2 часа ночи на заводе «Калибр» состоялся митинг, на котором председатель завкома тов. Облов огла-

сил сообщение о приговоре Специального Судебного Присутствия Верховного Суда Союза ССР над изменниками и предателями родины Тухачевским, Эйдеманом и другими. Сообщение о приговоре Верховного Суда СССР рабочие завода встретили аплодисментами и одобрительными возгласами...

В принятой рабочими резолюции говорится: «Мы, рабочие, инженернотехнические работники и служащие завода «Калибр», одобряем суровый и справедливый приговор Верховного Суда СССР над агентами фашистской разведки. Пусть знают все враги социалистического государства, шпионы, диверсанты, как велика ненависть трудящихся нашей страны к врагам советского народа. Пусть знают фашистская агентура, троцкистская, зиновьевская, бухаринская свора и их хозяева — фашисты, что мы и впредь будем беспощадно уничтожать их.

Мы были и останемся непобедимыми, ибо сплочены вокруг нашей большевистской партии, вокруг вождя, друга и учителя товарища Сталина»⁹³.

«Волжская коммуна» опубликовала отчет об утреннем заседании заседания областной партконференции.

«В конце речи тов. Постышева конференция устроила овацию в честь славной Рабочее–Крестьянской Красной Армии, ее верных и преданных делу партии бойцов и командиров, — сынов рабочих и крестьян, в честь ленинско–сталинского Центрального Комитета ВКП(б) и вождя партии и народов СССР товарища Сталина.

Последние слова, заключительной речи тов. Постышева:

«Смерть предателям и изменникам!» были встречены бурными аплодисментами всего зала.

...В президиум конференции поступает предложение послать приветственную телеграмму Народному комиссару внутренних дел СССР тов. Ежову и в его лице всем чекистам. Предложение единодушно принимается.

Аплодисментами встречается предложение о посылке телеграммы в адрес специального судебного присутствия Верховного Суда СССР с требованием применить высшую меру наказания к изменникам родины Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим»⁹⁴.

Не осталась в стороне и советская творческая интеллигенция.

«Известия» 12 июня 1937 года опубликовали коллективное письмо советских писателей:

«Фашисты уничтожают культуру, несут человечеству вырождение, грубую, тупую милитаризацию. Фашисты убивают лучших людей мира... И вот страна знает сейчас о поимке 8 шпионов: Тухачевского, Якира, Уборевича, Эйдемана, Примакова, Путна, Корка, Фельдмана.

Они годами носили маску. Они стремились к поражению героической страны и реставрации капитализма. Они стремились уничтожить любимое детище народа — нашу Красную армию, победительницу, которая сумела разметать, выбросить с нашей территории полчища 14 держав интервентов.

НКВД и тов. Н. И. Ежов раскрыли центр шпионов и мерзавцев...

Мы требуем расстрела шпионов!»⁹⁵ В числе прочих письмо подписали: Фадеев, Федин, Погодин, Серафимович, Сельвинский, Шагинян, Слонимский, Лавренев. Несколькими днями позже в «Известиях» на итоги процесса откликнулся Алексей Толстой, избравший доверитель-

но эссеистический тон. «Товарищ граф», после октября 1917 года эмигрировавший во Францию и уже в 20-е вернувшийся в Россию, знал, что на фоне косноязычно-крикливых публичных реакций спокойнообличающая интонация будет выглядеть наиболее эффектно.

«Нет, нет! Товарищи, граждане великой Советской страны, тут мало гневных резолюций о бдительности. Мало того, что мы будем зорко и последовательно искать врагов, забившихся в щели нашей жизни. Нужно каждому из нас взглянуть в глубь самих себя. Где причина того, что троцкизм, шпионаж, государственная измена, диверсия могли свить такие страшные гнезда? Они очищаются, их выжигают огнем...

Мне не нужно будет много слов, чтобы узнать врага. Я узнаю его по чуждому блеску глаз, потому что я не какой-то определенный индивид, ищущий своей выгоды.

Я — сын, плоть от плоти, кровь от крови моей любимой родины, потому что любовь к родине несет с собой ревнивую бдительность...

Троцкизм в самом его начале, до его завершенной трансформации в диверсионный бандитизм, шпионаж и торговлю живым телом Советской России, нес в себе отрицание понятия родины...

Как будто бы выходит, что всякий гражданин, не любящий свою родину — троцкист. Да, так выходит. Такова особенная и необычная форма нашей революции...»⁹⁶.

В комментариях этот иезуитски верноподданнический опус не нуждается.

Перед судом обвиняемым разрешили обратиться с последними покаянными заявлениями на имя Сталина и

Ежова, создавая иллюзию, что это поможет сохранить им жизнь. Некоторые написали. На заявлении И. Э. Якира имеются следующие резолюции: «Мой архив. Ст.».

«Подлец и проститутка. И. Ст.». «Совершенно точное определение.

К. Ворошилов и Молотов». «Мерзавцу, сволочи и б... одна кара — смертная казнь. Л. Каганович»⁹⁷. Тухачевский покаянных писем Сталину писать не стал. О пощаде не просил.

Последнее слово он начал недвусмысленно обличающей фразой:

«Я хочу сделать вывод из этой гнусной работы, которая была проделана».

Затем — завуалированная оценка сталинской демократии:

«Я хочу сделать вывод, что в условиях победы социализма в нашей стране всякая группировка становится антисоветской группировкой».

Но дальше в стенограмме — запрограммированная процессом каноническая риторика, а возможно, даже и дописанная уже позже — для Сталина.

«Всякая антисоветская группировка сливается с гнуснейшим троцкизмом, гнуснейшим течением правых. А так как базы для этих сил нет в нашей стране, то волей—неволей эти группировки скатываются дальше, на связь с фашизмом, на связь с германским генеральным штабом. Вот в чем гибель этой контрреволюционной работы, которая по существу была направлена к реставрации капитализма в нашей стране. Я считаю, что в такой обстановке.

как сейчас когда перед советской страной стоят гигантские задачи по охране своих границ, когда предстоит большая, тяжелая и изнурительная война, в этих условиях не должно быть пощады врагу. (Выделено мной. — Ю. К.) Я считаю, что наша армия должна быть единая, сколочена и сплочена вокруг своего наркома Климентия Ефремовича Ворошилова, вокруг великого Сталина, вокруг народа и нашей великой партии. Я хочу заверить суд, что полностью, целиком оторвался от всего того гнусного, контрреволюционного и от той гнусной контрреволюционной работы, в которую я вошел...

Я хочу сказать, что я Гражданскую войну провел как честный советский гражданин, как честный красноармеец, как честный командир Красной Армии. Не щадя своих сил, дрался за Советскую власть. И после Гражданской войны делал то же самое. Но путь группировки, стащившей меня на путь подлого правого оппортунизма и трижды проклятого троцкизма, который привел к связи с фашизмом и японским генеральным штабом, все же не убил во мне любви к нашей армии, любви к нашей советской стране, и, делая это подлое контрреволюционное дело, я тоже раздваивался.

Вы сами знаете, что, несмотря на все это, я делал полезное дело в области вооружения, в области боевой подготовки и в области других сторон жизни Красной Армии.

Преступление настолько тяжело, что говорить о пощаде трудно, но я прошу суд верить мне, что я полностью открылся, что тайн у меня нет перед советской властью, нет перед партией. И если мне суждено умереть, я умру с чувством глубокой любви к нашей стране, к нашей партии, к наркому Ворошилову и великому Сталину»98.

Приговор Специального судебного присутствия Верховного Суда СССР от 11-го июня 1937 года.

«...осуждены по ст.ст.58–1 «б», 58–8 и 58–11 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу с конфискации имущества и лишением присвоенных им воинских званий — 1. Тухачевский Михаил Николаевич, 1893 года рождения, бывший Зам. Наркома Оборона СССР, Маршал Советского Союза;

2. Корт Август Иванович, 1888 года рождения, бывший начальник Академии им. Фрунзе, командарм II ранга;

3. Якир Иона Эммануилович, 1896 года рождения, бывший командующий войсками Киевского военного округа, командарм I ранга;

4. Уборевич Иероним Петрович, 1896 года рождения, бывший командующий войсками Белорусского военного округа, командарм I ранга;

5. Путьна Витовт Казимирович, 1893 года рождения, бывший военный атташе СССР в Великобритании, комкор;

6. Эйдеман Роберт Петрович, 1895 года рождения, бывший председатель Центрального Совета Осоавиахима СССР, комкор;

7. Примаков Виталий Маркович, 1897 года рождения, бывший заместитель Командующего войсками Ленинградского военного округа, комкор;

8. Фельдман Борис Миронович, 1890 года рождения, бывший начальник Управления по начсоставу РККА, комкор»99.

Суд закончился в 23.35.

«11.06.37. Военная коллегия Верховного суда Союза ССР. Совершенно секретно.

«Приговорить к высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией всего личного или принадлежащего имущества и лишению всех присвоенных званий».

«Совершенно секретно. Коменданту Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР капитану тов. Игнатьеву. Приказываю немедленно привести в исполнение приговор Военной коллегии Верховного суда»100.

Той же ночью осужденных расстреляли. Все они реабилитированы в 1957–м.

Заключение Главной военной прокуратуры от 11 января 1957 года Приговор по данному делу был вынесен только на основании показаний, данных осужденными на предварительном следствии и суде и не подтвержденных никакими другими объективными данными.

Проведенной в 1956 году Главной военной прокуратурой дополнительной проверкой установлено, что дело...Было сфальсифицировано, а показания, которые давали Тухачевский, Якир, Уборевич и другие на предварительном следствии и суде были получены от них преступными методами...

Проверкой по материалам Центрального Государственного особого архива МВД СССР каких-либо компрометирующих данных о Тухачевском, Якире и других не обнаружено...

Таким образом, показания Тухачевского и других о проведении якобы ими шпионской деятельности опровергаются материалами дополнительной проверки. При проверке не нашли также подтверждения показания об-

виняемых о том, что они занимались вредительской деятельностью в частях Красной Армии»¹⁰¹.

Это будет только через 20 лет. А пока — приговор приведен в исполнение.

Но 12 мая 1937-го Сталин все-таки не мог быть полностью удовлетворен.

«Тухачевский с самого начала процесса суда при чтении обвинительного заключения и при показании всех подсудимых качал головой, подчеркивая тем самым, что, дескать, и суд, и следствие, и все, что записано в обвинительном заключении, — все это не совсем правда, не соответствует действительности»¹⁰², — писал в докладной вождю Буденный.

И продолжал:

«Тухачевский вначале пытался опровергнуть свои показания, которые он давал на предварительном следствии... Тухачевский пытался популяризировать перед присутствующей аудиторией на суде как бы свои деловые соображения в том отношении, что он все предвидел, пытался доказывать правительству, что создавшееся положение влечет страну к поражению, и что его якобы никто не слушал.

Но тов. Ульрих, по совету некоторых членов Специального присутствия, оборвал Тухачевского и задал вопрос: как же Тухачевский увязывает эту мотивировку с тем, что он показал на предварительном следствии, а именно, что он был связан с германским Генеральным штабом и работал в качестве агента германской разведки с 1925 г.

Тогда Тухачевский заявил, что его, конечно, могут считать и шпионом, но что он фактически никаких сведе-

ний германской разведке не давал...»¹⁰³ Эти сведения в стенограмму не вошли, поскольку не были предусмотрены сценарием. Но Сталин желал не только отомстить убийством — он жаждал победы. Отчет Буденного эту жажду не утолил.

Ужас последних минут жизни приговоренных рождал мифы. Тухачевский после оглашения смертного приговора будто бы отчетливо произнес:

«Вы стреляете не в нас, а в Красную Армию»¹⁰⁴.

Источники и литература

1. Стенограмма февральско–мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б) 23 февраля — 5 марта 1937 г. // Военно–исторический журнал, №1,1993, с. 61.

2. Личный архив Ю. В. Хитрово. Арватова–Тухачевская Е. Н. Воспоминания

о М. Н. Тухачевском, с. 11.

3. Стенограмма февральско–мартовского (1937 г.) пленума ЦК ВКП(б),с.60.

4. Там же, с. 61.

5. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др. Т. «Судебное производство». Заключение Главной военной прокуратуры от 11 января 1957 года, л. 230—231.

6. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др. Т. «Судебное производство». Определение №4н–0280/57 Военной коллегии Верховного Суда СССР от 31 января 1957 года, л. 231.

7. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–3802 на Домбаля Т. Ф., л. 65.
8. В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30–40–х и начала 50–х годов // Известия ЦК КПСС, 1989, № 4, с. 46.
9. Там же, с. 45.
10. Там же.
11. Там же, с. 46.
12. Посетители кабинета Сталина // Исторический архив, № 3–4, 1998, с. 175.
13. Из беседы автора с Д. А. Чавчанидзе, соседкой О. Н. Тухачевской по квартире.
14. Соколов Б. В. Тухачевский. Жизнь и смерть красного маршала.
М.: Вече, 2003, с. 310–311.
15. Личный архив Ю. В. Хитрово. Письмо Н. И. Шишкина Е. Н. Арватовой–Тухачевской.
16. Личный архив В. И. Уборевич. Уборевич В. И. Письма к Е. С. Булгаковой. Письмо № 5 от 27.06.63 г. Рукопись.
17. Личный архив В. И. Уборевич. Филатова Е. Воспоминания о доме нашего детства, Большой Ржевский, д. 11. Машинопись, с. 2–3.
18. Детство в тюрьме: Мемуары Петра Якира // www.saharov-center.ru.
19. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др.

Т. «Судебное производство». Протокол допроса Корка А. И.

от 16 мая 1937 года, л. 111,130–133.

20. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др.

Т. «Судебное производство». Протокол допроса Примакова В. М.

от 21 мая 1937 года, л. 155—156.

21. В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов, с. 52.

22. Там же.

23. Там же.

24. Заключение по результатам графологического анализа рукописных текстов показаний Тухачевского М. Н. Подготовлено главным экспертом ЭКЦ ГУВД СПб и АО Сысоевой Л. А. — с. 1–3.

25. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др.

«Следственное дело», т. 1, л. 8.

26. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др.

Т. «Судебное производство». Заключение Главной военной прокуратуры от 11 января 1957 года, л. 234.

27. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др.

«Следственное дело», т. 1, л. 9.

28. Заключение по результатам графологического анализа рукописных текстов показаний Тухачевского М. Н., с. 3.

29. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др.

«Следственное дело». Протокол допроса Тухачевского М. Н.

от 26 мая 1937 года, т. 1, л. 15—19.

30. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др.

Т. «Судебное производство». Протокол допроса Тухачевского М. Н.

от 27 мая 1937 года, л. 35—42.

31. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др.

Т. «Судебное производство». Определение №4н–0280/57 Военной коллегии Верховного Суда СССР от 11 января 1957 года, л. 236.

32. Заключение по результатам графологического анализа рукописных текстов показаний Тухачевского М. Н., с. 3.

33. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др.

«Следственное дело». Заявление от арестованного Тухачевского М. Н. от 27 мая 1937 года, т. 1, л. 22–22об.

34. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др.

«Следственное дело». Протокол допроса Тухачевского М. Н.

от 29 мая 1937 года, т. 1, л. 42—44.

35. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–4876 на Енукидзе А. С.

36. Там же, л. 86.

37. Там же, л. 87.

38. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–4876 на Енукидзе А. С, т. 1, л. 434.

39. Там же, т. 1, л. 433—434.

40. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–4876 на Енукидзе А. С.

41. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др.

«Следственное дело». Заявление от арестованного Тухачевского М. Н. от 29 мая 1937 года, т. 1, л. 37—38.

42. Заключение по результатам графологического анализа рукописных текстов показаний Тухачевского М. Н., с. 3.

43. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др.

«Следственное дело». Протокол очной ставки между Корком А. И.

и Тухачевским М. Н. от 30.05.1937, т. 1, л. 78—84.

44. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др.

«Следственное дело». Протокол очной ставки между Корком А. И.

и Тухачевским М. Н. от 30.05.1937, т. 1, л. 85.

45. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др. Заявление от арестованного Тухачевского М. Н. от 9 июня 1937 года, т.1, л. 107–108.

46. ЦА ФСБ РФ Д. Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др. Заявление от арестованного Тухачевского М. Н. от 10 июня 1937 года, т. 1, л. 123—123об.

47. Заключение по результатам графологического анализа рукописных текстов показаний Тухачевского М. Н., с. 4.

48. Кантор Ю. Михаил Тухачевский, маршал Советского Союза:

«Я хочу сделать вывод из этой гнусной работы» // Известия, 21 февраля 2004 г.

49. В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов, с. 50.

50. Там же, с. 52.

51. Там же.

52. Там же.

53. Личный архив В. И. Уборевич. Филатова Е. Воспоминания о доме нашего детства, Большой Ржевский, д. 11.

Машинопись, с. 5.

54. Драма начиналась в Кремле // Вечерний Минск, № 35 (8844), 23 февраля 1998 г.

55. РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 58. ЦК ВКП(б). Совещания Военного Совета с командирами и политработниками 1—4 июня 1937 года, л. 1.

56. Там же, л. 2.

57. Там же, л. 14.

58. ЦК ФСБ РФ, АСД № Р-9000 на Тухачевского М. Н. и др.

Т. «Судебное производство». Заключение Главной военной прокуратуры от 11 января 1957 года, л. 232—233.

59. Там же, л. 233.

60. РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 58. ЦК ВКП(б). Сопения Военного Совета с командирами и политработниками 1—4 июня 1937 года, л. 38—41.

61. В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов, с. 54.

62. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р-9000 на Тухачевского М. Н. и др. т. 17, л. 42—45.

63. Там же, л. 48—49.

64. РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60. ЦК ВКП(б). Сопения Военного Совета с командирами и политработниками 1—4 июня 1937 года, л. 140—142.

65. Там же, л. 143—145.

66. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р-9000 на Тухачевского М.Н. и др., т. 17, л. 70а.

67. Там же, т. 17, л. 71, 76—77.

68. Там же, т. 17, л. 77.

69. Военно—исторический журнал, № 5,1990, с. 44.

70. Ананьич Б. В., Панях В. М. «Академическое дело» 1929—1931 гг.

и средневековые политические процессы в России (сравнительная характеристика) // Россия в X—XVIII веках: Проблемы истории и источниковедения.

М.: РГГУ, 1995, с. 56–57.

71. Там же.

72. В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов, с. 54.

73. Там же.

74. Там же.

75. РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60. ЦК ВКП(б). Сопровождения Военного Совета с командирами и политработниками 1—4 июня 1937 года, л. 1–3.

76. Там же, л. 3–6.

77. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–23800 на Блюхера В. К.

78. Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу... // Военно-исторический журнал, № 2, 1993, с. 74.

79. Там же.

80. Там же.

81. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–23800 на Блюхера В. К.

82. Там же 83. РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60. ЦК ВКП(б). Сопровождения Военного Совета с командирами и политработниками 1—4 июня 1937 года, л. 114–185.

84. Там же.

85. Приказ народного комиссара обороны Союза ССР К. Е. Ворошилова № 072 от 07.06.1937 г. //Военно–исторический журнал, №5,1990, с. 46.

86. В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40–х и начала 50–х годов, с. 55.

87. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др. Т. 1.

Протокол допроса Тухачевского М. Н. от 9 июня 1937 года, л. 111.

88. В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40–х и начала 50–х годов, с. 55.

89. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др.

Т. «Судебное производство». Обвинительное заключение от 9 июня 1937 года, л. 11—14.

90. В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40–х и начала 50–х годов, с. 56.

91. Там же, с. 57.

92. Там же.

93. «И впредь беспощадно уничтожать врагов народа»: Резолюция митинга рабочих завода «Калибр» // Известия, № 137 (6299), 12 июня 1937 г.

94. Утреннее заседание 11 июня // Волжская коммуна, №133, 12 июня 1937, с. 1.

95. «Не дадим житья врагам советского союза» // Известия, № 137 (6299), 12 июня 1937 г.

96. Толстой А. К. «Родина!» // Известия, № 138 (6300), 14 июня 1937 г.

97. В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов, с. 56.

98. Кантор Ю. Михаил Тухачевский, маршал Советского Союза:

«Я хочу сделать вывод из этой гнусной работы» // Известия, 21 февраля 2004 г.

99. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р-9000 на Тухачевского М. Н. и др.

Т. «Судебное производство». Определение Верховного Суда Союза ССР от 31 января 1957 года, л. 241—241об.

100. Кантор Ю. Михаил Тухачевский, маршал Советского Союза:

«Я хочу сделать вывод из этой гнусной работы» // Известия, 21 февраля 2004 г.

101. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р-9000 на Тухачевского М. Н. и др.

Т. «Судебное производство». Заключение Главной военной прокуратуры от 11 января 1957 года, д. 229—237.

102. Кантор Ю. Михаил Тухачевский, маршал Советского Союза:

«Я хочу сделать вывод из этой гнусной работы» // Известия, 21 февраля 2004 г.

103. Млечин Л. М. Иосиф Сталин, его маршалы и генералы.

М.: Центрполиграф, 2004, с. 189.

104. Там же, с. 190.

12. СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

*И молча, только тайно плача, Зачем-то жили мы
опять.*

*Затем, что не могли иначе, Ни жить, ни плакать, ни
дышать.*

Ольга Берггольц

ЧСИР — член семьи изменника Родины — десяткам тысяч граждан Советского Союза эта мрачная аббревиатура известна не понаслышке. За ней трагедия неотвратимости, жесткого нравственного выбора: отречься от уже неизбежно обреченных родственников (жен, братьев, мужей, отцов) и предательством несколько облегчить собственную участь и участь детей, или нести свой крест, найдя в себе силы не поверить клевете на близких. За труднопроизносимой аббревиатурой ЧСИР в лучшем случае — искалеченные навсегда жизни, в худшем — смерть, обозначенная на прокурорском языке другим сокращением — ВМС (высшая мера наказания).

Эти люди стали просто статистическими единицами. Как мололи тупые жернова Системы, какой была повседневность отверженных ею? Что известно о них? В некоторых случаях — лагерные сроки и даты смерти и освобождения.

В тени судеб наиболее известных героев процессов 1930-х годов осталось «хождение по мукам», выпавшее на долю их семей.

Воспоминания выживших, переживших — лишь половина правды, которая кажется теперь никому не нуж-

ным пыльным достоянием старых домашних архивов. А вторая половина той правды — в материалах десятков сотен дел, хранящихся на Лубянке. Хроники сталинского театра абсурда и одновременно — как ни парадоксально это прозвучит — истина о том запредельном времени. Как функционировала уничтожающая человеческое достоинство и силы к сопротивлению «матрица» — об этом практически ничего неизвестно до сих пор. Из этой «матрицы» тоталитаризма выросли поколения, изменившие «генный код», разучившиеся знать, понимать, помнить. Поколения, научившиеся жить зажмурившись и соглашаясь. Со всем. Совсем.

В этой главе — никогда не публиковавшиеся документы из Центрального архива ФСБ, рассказывающие о геноциде всей страны, ее граждан всех поколений и всех сословий.

Документы, информирующие о преступлениях Системы против человеческой личности и самой человечности. Чудовищные нелепости, отупляющая алогичность, грубые фальсификации карательного механизма — и невероятные проявления силы воли и духовного сопротивления. Расправа над родственниками маршала Тухачевского и расстрелянных вместе с ним военачальников типична для сталинского режима. Публикуемые впервые материалы — фрагменты архивных следственных дел, писем, мемуаров — настолько самодостаточны в своей убедительности, что практически не нуждаются в комментариях.

«Шпионы Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Эйдеман, Фельдман, Примаков и Путна, продавшиеся заклятым врагам социализма, дерзнули поднять кровавую руку на жизнь и счастье стосемидесятимиллионного народа,

создавшего Сталинскую конституцию, построившего общество, где нет больше эксплуататорских классов, где уничтожены волчьи законы капитализма. Приговор суда — акт гуманности, защищающий нашу Родину и передовое человечество от кровавых извергов буржуазной разведки. Страна, единодушно требовавшая стереть с лица земли восьмерку шпионов, с удовлетворением встретит сегодня постановление суда. Расстрелять! Таков приговор суда. Расстрелять! Такова воля народа», — «Известия » за 12 июня 1937 года, как и другие газеты, захлебывались в истерической агрессии.

Передовица и подверстанные к ней статьи ошеломляли:

разоблачены люди, которыми еще совсем недавно (столь же истерично) восхищалась вся страна. «Сокрушительный удар по фашистской разведке», «приговор суда — свидетельство нашей мощи», «рабочие московских заводов и фабрик на многолюдных митингах ночных смен единодушно одобрили приговор суда над оголтелой фашистской бандой шпионов, изменников и диверсантов »... Ненависть, страх, отключивший разум, звериный инстинкт самосохранения. «Это все Тухачевский — помещичий сынок. Он всех затянул... Поделом изменникам!.. Расстрел — слишком легкая смерть!»¹ Для Тухачевского все было кончено. Пришла очередь родственников.

Нина Евгеньевна Тухачевская прочла газету, опубликовавшую смертный приговор ее мужу, в поезде, увозившем ее в ссылку.

«Извещение Гр. Тухачевской Нине Евгеньевне Адрес улица Серафимовича, д. 2 кв. 221 НКВД СССР предлагает Вам в 2-хдневный срок выехать из г. Москвы в избранный Вами в один из следующих городов (Астрахань,

Оренбург, Семипалатинск, Актюбинск). В случае невыезда в срок или разглашения данного извещения Вы будете заключены в лагерь.

При отъезде из Москвы Вы можете получить все вещи, лично Вам принадлежащие. 9.6.37»2.

На обороте извещения:

«Я нижеподписавшаяся Тухачевская Нина Евгеньевна 1900 года рождения даю настоящую подписку 8-му Отделу ГУГБ НКВД, что мне объявлено извещение НКВД СССР о выезде из г. Москвы в 2-хдневный срок и я обязуюсь в указанный срок выехать к избранному месту жительства в г. Астрахань.

Обязуюсь по приезде в Астрахань явиться в местный орган НКВД для регистрации.

9 июня 1937 года.

Ввиду болезни моей дочери Светланы оставляю ее временно в Москве у родных.

Тухачевская»3.

Решением Особого совещания УНКВД СССР Н. Е. Тухачевская, жена маршала, была выслана в Астрахань на 5 лет 9 июня 1937 года — до того, как состоялся суд над ее мужем и его «соучастниками». Та же участь была уготована и остальным женам «врагов народа».

Владимира Уборевич, дочь командующего Белорусским военным округом И. П. Уборевича, которой в 1937 году было 13 лет, вспоминала:

«10-го июня утром, ко мне вбежала Ветка (дочь Я. Б. Гамарника.

— Ю. К.) и сказала, что они с мамой едут в Астрахань.

Сколько было радости, когда я сказала, что мама тоже выбрала Астрахань. Женам предложили для ссылки несколько городов на выбор: Оренбург, Гурьев, Астрахань... Все выбрали Астрахань.

Итак, мы с Веткой счастливы, едем вместе. Не понимаю сейчас, как это в нас все странно укладывалось — и горе и полное непонимание трагизма происходившего. Я была полна забот о своей канарейке, рыбах, черепахе и хомяке, которых решила везти с собой»⁴.

Столкновение двух реальностей не воспринималось детским сознанием. Это еще была как бы игра. Уже став взрослой, Уборевич делилась этими воспоминаниями искренне и почти интимно в письмах к Елене Сергеевне Булгаковой, вдове знаменитого писателя. Письма, конечно, никогда не предполагалось публиковать.

Е. С. Булгакова, дружившая с Уборевичами с 1920-х годов, в их доме познакомившаяся с Михаилом Афанасьевичем, попросила Владимиру Иеронимовну «выплеснуть пережитое на бумагу». Был избран эпистолярный жанр...

Но проступали первые врезавшиеся в память штрихи кошмара, навсегда расколовшего жизнь, вычеркнувшего детство, юность.

«Помню нашу развороченную квартиру, маму среди перевернутых корыт, неистово курящую, но никогда не плачущую... Друзей в доме немного — все боятся. Знаю, что заходила только Галина Дмитриевна Катанян. Лиля (Брик. — Ю. К.) сказала «Мы сейчас с Ниной друг друга не украшаем». У нее дело тянулось дольше. Виталия

Примакова (Брик была в то время его женой — Ю. К.) арестовали

в июне 1936 года. Он уже сидел почти год»5.

Взрослые, все понимавшие, пытались как-то совладать с ситуацией — если не для того, чтобы убедить других, то хотя бы для того, чтобы поддержать себя. Склонная к эстетизации жизни Нина Владимировна Уборевич и в начале трагедии, и в конце держалась красиво. Соседка по дому, тогда еще подросток, запомнила ее такой:

«Поражает, как в такой трагический момент Н. В. не теряла присутствия духа. Она попросила нас сходить с Мирой (уменьшительное от Владимира. — Ю. К.) на Арбатский рынок и купить большой букет красных турецких маков. Это красивые большие многолетние цветы с красными лепестками и бархатно-черной серединкой лепестков.

Я стала убеждать Н. В., что они очень быстро вянут, что в дорогу лучше взять пионы или лилии, но она настаивала на том, чтобы купили именно маки, сказав, что они ей больше нравятся. Мы пошли и купили большой букет... Я часто вспоминала этот эпизод и только много позже, будучи взрослой, догадалась, почему Н. В.

настаивала именно на красно-черных цветах. — Это был вызов траур по мужу и желание показать, что она все понимает и не склоняет головы»6.

Петр Якир, сын командующего Киевским округом, также ехал с матерью в Астрахань, через Москву. В Москве «за два часа до отхода поезда в зале ожидания появились два человека в форме НКВД, которые пригла-

сили мать в какой-то кабинет, тут же на вокзале. Продержали ее около полутора часов.

Приблизительно за полчаса до отхода поезда она вернулась к нам вся заплаканная. В поезде мать рассказала, что от нее требовали отречения от отца, доказывали его виновность. Она отказалась дать отречение, но в поезде все время говорила: «Неужели он мог, не могу в это поверить»»7.

Взрослые пытались хоть как-то наладить быт, устроится на работу. Астрахань была в то время городом ссыльных.

Дети еще не научились приспособливаться. Владимира Уборевич:

«Мы, дети, шлялись по городу — знакомились. Приехала в Астрахань Света Тухачевская, приехал Петька Якир. Мы не скучали.

Только в июле я узнала, что с папой. Проболтался Петька. Восприняла я это тяжело. Где-то бежала, плакала, а дальше не помню»8.

И не умели предавать. Владимира Уборевич — в том же письме:

«Не помню минуты в своей жизни, чтобы мне пришлось в голову, что папа был предателем, или шпионом. Не знаю, не могу себе представить, как многие и многие жены верили, что мужья их предатели...

Я много лет жизни в детдоме не уставала мечтать, о папином приезде за мной, в прохожих искала папу и была уверена, что он вернется, что его где-то прячут. Как-то мне даже показалось, что он идет ко мне по шоссе»9.

Сосланная в Астрахань Анна Ларина, жена Николая Бухарина, вспоминала о матери маршала Тухачевского:

«Мавра Петровна хотела сделать передачу Нине Евгеньевне, жене Михаила Николаевича, — в астраханскую тюрьму. Сказала:

«Пишу плохо», — и попросила написать, что она передает. «Ниночка, передаю тебе лук, селедку и буханку хлеба». Я написала. Неожиданно Мавра Петровна разрыдалась и, положив голову мне на плечо, стала повторять: «Мишенька! Мишенька, сынок! Нет тебя больше, нет тебя больше!»»¹⁰.

«Я сдала экзамены по музыке в 4 класс музыкальной школы.

В Москве я училась у Гнесиных, — писала Владимира Уборевич. — Мы решили, что мы еще проживем. Но когда во двор, где сидела мама с Саей и Милей (жены Якира и Гарькавого. — Ю. К.) вошел 5-го сентября работник НКВД в форме, мама сказала: «Это за мной»»¹¹.

Всех жен отправили в Астраханскую женскую тюрьму, быстро переполнившуюся. Оттуда — дороги в лагеря. Владимира Уборевич:

«Я помню, что во время обыска мама не плакала, но очень нервно спрашивала несколько раз, куда денут ее девочку. Эти люди говорили, что девочке тоже нужно собрать вещи и ничего «с ней не сделается».

Мне собрала мама 2 чемодана прелестнейших вещей, вплоть до булабочек на колечке, отдала свои часики и потихоньку в тужель положила маленькую папину фотографию... Эта спрятанная во время ареста фотография сказала мне много о мамином отношении к отцу в те дни... мама поцеловала меня напоследок, еще раз

спросила, что будет с дочерью, и ее увезли на маленькой легковой машине. Через короткое время эта машина вернулась и повезла меня... Уже в 10-м часу меня подвезли к высокому забору. На калитке было написано «Детприемник». Во дворе слева были какие-то здания, а справа стоял отдельный особнячок, в который меня и ввели. Каково же было мое изумление и радость, когда я увидела там Ветку Гамарник, Светлану Тухачевскую, Славку Фельдмана... Прожили мы в детприемнике все го 17 дней. К нам не подпускали других детей, нас не подпускали даже к окнам, к нам никого не пускали из близких... На свободе был только Петька Якир, наш герой и моя и Веткина любовь. Петька вел себя вызывающе, через воришек передавал нам варенье и папиросы, ломался перед окнами и, наконец, 15-го (сентября. — Ю. К.) появился, т. е. прибыл к нам, чему мы были страшно рады. Мальчиком он был очень живым, болтливым, все знал, все видел. Мне и Ветке тогда было по 13 лет, Петьке — 15, Свете Тухачевской — 15»12.

Потом их вызвали из камер, посадили в грузовик, потом на поезд и, в сопровождении людей в штатском, кудато повезли. О матерях ничего не сказали.

«Привезли нас в детдом под Свердловском в поселок НижнеИсетск. Привели нас в столовую, где по стенам стояли столы с перевернутыми на них стульями. Вышел к нам старенький директор и объявил нам, что никаких матерей мы здесь не увидим и что мы в детдоме... когда я мельком, наскоро вспоминаю жизнь в детдоме, то вижу серую пелену.

Первый год в детдоме был очень тяжел. Я помню, что каждый вечер, ложась в постель, брала мамину фотографию и много плакала.

Но это только вечером. Кроме того, меня очень обижали в детдоме

мальчики... К нам все чувствовали ненависть»¹³.

Маршрут Петра Якира был другим — ему устроили следствие и дали 5 лет исправительно-трудовых лагерей.

«Когда нас привезли в детдом, то 2 наших мальчика сбежали в Москву. Вскоре одного из них вернули. Не помню, что он рассказывал нам о Москве, по-видимому, много страшного, т. к. много лет после Москва мне представлялась очень странно.

Откуда это взялось у меня — не знаю. Когда я думала о Москве, то мысленно видела черное пространство (почему-то без улиц и домов) и бесконечный ряд виселиц или силуэтов виселиц и снег, снег» (В. Уборевич)¹⁴.

«Протокол допроса 13 сентября 1937 года. Тухачевская Н. Е.

Вопрос. Признаете вы себя виновной в предъявленном обвинении по ст. 58 пЮ и 12?

Ответ. Нет. Не признаю.

Вопрос. Вы говорите неправду. Следствие располагает данными о том, что вы будучи к. — р. (контрреволюционно. — Ю. К.) на строены по отношению к сов. власти проводили активную к. — р. деятельность.

Признаете вы это?

Ответ. Виновной себя не признаю. К. — р. деятельностью не занималась.

Вопрос. Следствие располагает данными о том, что вы, зная о к. — р. деятельности вашего мужа Тухачевско-

го, скрывали это от органов власти и способствовали ему в этом. Признаете вы это?

Ответ. Нет. Не признаю»¹⁵.

Особое совещание приговорило Нину Тухачевскую «как члена семьи изменника Родины» к 8 годам лагерей, заключив в отделение Темниковского лагеря¹⁶. Однако уже два года спустя дело было возобновлено. В лагеря были отправлены и остальные жены участников военно—фашистского заговора.

В 1988 году В. И. Уборевич получила письмо от совершенно незнакомого человека.

«Я долго не решалась написать Вам, но потом подумала, что даже то небольшое, что я могу рассказать о Вашей маме, не может быть Вам неинтересным. Сужу по себе — каждое слово о моем отце и брате, расстрелянных в кровавом 38, для меня было бы бесконечно дорого...

С Ниной Владимировной мы познакомились только в конце лета 38 года. За 5 лет в лагере мне посчастливилось встретить немало интересных, образованных людей, среди них глубокий след в моей душе оставила встреча с Ниной Владимировной. Все мы, конечно, знали о страшной судьбе Вашего отца. Поэтому особенно запомнились мужество, стойкость Нины Владимировны, ее жизнелюбие, оптимизм, внутренняя энергия... Она удивительно просто, без малейшей снисходительности старшей, увлеченно беседовала со мной о литературе, читала стихи, но почти никогда не касалась прошлого... Не знаю, писала ли Вам мама, что она работала водовозом? ...На фоне темных силуэтов бараков, освещенным оказался колодец, покрытый мерцающим льдом, и фигура Нины Владимировны, также покрытая коркой льда, переливающегося радугой льда. Она с упорством тянула трудно поддающееся

скользкое ведро и громко, как-то особенно страстно и выразительно, по-французски читала стихи Верлена. Это было не только фантастично, но она была, главное, прекрасна силой своего духа, своей огромной волей, преодолевающей весь мрак нашего положения, нашего бытия»17.

Владимира Уборевич получала от матери письма из лагеря в первые два года.

«Последнее письмо было от 20-го августа 1939 года из Темниковских лагерей. Мама писала, что ее куда-то увозят и потому месяцев 6 писать она не будет, чтоб я не волновалась. Это было ее последнее письмо»18.

Началось следствие.

Бутырская тюрьма.

«8 сентября 1939 года Постановление (о принятии дела к производству) Тухачевская-Аронштам Н. Е. обвиняется как участница террористической организации, состоящей из числа жен репрессированных врагов народа»19.

«Постановление (о возобновлении дела) ...По вновь поступившим данным выявлено, что Тухачевская-Аронштам Н. Е. в 1937 году на следствии скрыла свою принадлежность к террористической группе, которая подготавливала совершение террора против руководителей ВКП(б) и советского правительства.. .»20.

О самих данных — ни слова, не говоря уже о доказательствах.

«Протокол допроса Тухачевской Нины Евгеньевны от 1.XI 39.

...Вопрос. При посещении вашей квартиры, а также вами перечисленных лиц велись у кого-либо из них антисоветские разговоры?

Ответ. Никогда никаких антисоветских разговоров я ни от кого не слышала.

Вопрос. Неправда. Следствию известно, что у одного из ваших знакомых, где вы тоже присутствовали, велись разговоры антисоветского характера, намерены вы говорить правду?

Ответ. Я говорю правду, что при мне никаких антисоветских разговоров никто не вел.

Вопрос. Вы скрываете от следствия правду. Тухачевский М. Н., говоря о своих преступлениях, показал, что на квартире у одного из соучастников, где присутствовала жена, велись антисоветские разговоры. Вспомните, у кого был такой разговор?

Ответ. Я точно помню, что при мне никогда никаких антисоветских разговоров не велось.

Вопрос. Вы не хотите следствию сказать правду, тем самым вы подтверждаете, что вы сопротивляетесь...»²¹ Допрашивали в основном по ночам.

«От 9 мая 1940 года. Допрос Тухачевской Н. Е.

Начало допроса 21 час Конец допроса 2 ч. 15 Вопрос. На следствии в 1937 году вы скрыли от следствия вражескую деятельность, как свою, а также и своего мужа Тухачевского М. Н. Предлагаем правдиво рассказать об этом теперь.

Ответ. Я ничего от следствия не скрывала и не скрываю, так как никакой вражеской деятельностью я не

занималась, а также и не знаю о изменнической и шпионской деятельности своего мужа.

Вопрос. Неправда, вы пытаетесь уйти от ответственности, но вам это не удастся. Говорите правду.

Ответ. Я говорю только правду»22.

Желаемый результат достигнут две недели спустя.

«Протокол допроса Тухачевской Нины Евгеньевны — от 22 мая 1940 года Допрос начат в 23 час. 30 мин.

Окончен в 2 час. 30 мин.

...Мне совестно перед следствием говорить о тех фактах, которые можно инкриминировать, как антисоветские. Кроме этого удерживает и то, что я на следствии вела себя не откровенно, ибо знала ряд антисоветских разговоров со стороны других лиц, а подчас сама проделывала антисоветские поступки и вела антисоветские разговоры, но о них долгое время умалчивала. Все это вместе взятое удерживало меня от дачи показаний. Теперь я решила дать показания о всех известных мне фактах антисоветской деятельности, которую проводили известные мне лица, в том числе и о себе.

Добавляю, что я тогда не понимала, что это антисоветские действия...

Началом моих антисоветских поступков было еще в тот период времени, когда в стране существовала карточная система.

В тот период времени я получала по карточкам продуктов в таком количестве, что они оставались. Поэтому, оставшиеся продукты (хлеб) я через свою домашнюю работницу носила на рынок и меняла на молоко...

Вопрос. Значит, занимались спекуляцией?

Ответ. Нет, — это просто продажа»23.

Следствие требует самобичевания. И в следующем протоколе записано:

«Ответ. Я это объясняю просто жадностью со своей стороны и даже подлостью»24.

Еще до вынесения приговоров они отлично понимали, исход дел их мужей предрешен: практика к 1937 году уже устоялась. Потому закономерно пытались уберечь хоть что-то от конфискации, отдать друзьям на хранение.

В ссылку собирались, все-таки надеясь вернуться. Владимира Уборевич запомнила эти последние в нормальной жизни сборы:

«Мы собираемся в дорогу. Мама растаскивает свою антикварную посуду, меха (обезьяна, горноста́й — еще от дедушки), бабушкины бриллианты по друзьям и подругам, книги, мебель сдает коменданту дома. Все это сделать очень трудно, т. к. в нашем парадном проверяют эти дни паспорта»25.

Круг преступных деяний обвиняемой Тухачевской расширяется.

«Через свою подругу Гусеву Ларису Владимировну я купила 100 долларов, которые она приобрела у одной француженки и через Путну, в то время был военный атташе в Лондоне, я получила от него носильные вещи, присланные из Лондона. Кроме этого после ареста мужа я передала ряд вещей на хранение, как-то:

1. Гусевой Ларисе Владимировне... передала следующее: отрезы

на пальто — драповый, белый шевиот, шерсть черная, синяя и коричневая. Шифон на 3 платья, бархат черный, шелк, чайный сервиз фарфоровый, часы настольные, 3 пары туфель, чулок шелковых пары три–четыре, мужское пальто, 2—3 мужских костюма, два фотоаппарата..., три чернобурые лисы.

2. Нацаренус Нине Петровне передала: 2 скрипки, котирующиеся наравне с валютой (одна из них мастера Руджиэри), киноаппарат, два отреза шелка, часы электрические.

3. Захаровой Марии Александровне передала мужские золотые часы и 2–е дамских золотых часов, четыре золотых кольца, золотой браслет, кулон с цепочкой золотые, крест с цепочкой золотые, серебряные ножи и вилки. Все вещи были переданы до вынесения приговора по делу моего мужа Тухачевского. Всего мною передано вещей на хранение приблизительно тысяч на 20—25»²⁶.

Этого мало. Из Н. Е. Тухачевской «вытаскивали» признательные показания в групповой террористической деятельности.

«Вопрос. Теперь рассказывайте о своей антисоветской деятельности.

Ответ. Будучи высланной в Астрахань, я встречалась с Уборевич, Корк, Якир и изредка с Авербух–Гамарник. Однажды, при встрече с Уборевич Ниной Владимировной в присутствии Корк Екатерины Михайловны, Уборевич, сожалея о своем муже, посылая проклятия правительству Советской власти, а также сказала фразу «я буду мстить за смерть мужа». Этот разговор слышала я и Корк Екатерина. Кроме этого, Уборевич, находясь в Астраханской тюрьме рассказывала антисоветский отвратитель-

ный анекдот по адресу руководителя ВКП(б). Был и такой случай, когда Уборевич Н. В...

продельвала жесты на пальцах, выражающие злобу по адресу членов правительства...

Вопрос. Из вашего ответа прямо вытекает, что Уборевич Н. В.

в открытой форме высказывала террористические намерения против руководителей ВКП(б) и Соввласти. Как вы на это смотрели?

Ответ. Я не считала, что Уборевич имеет террористические намерения.

Из ее всех высказываний видно было, что она выражала злобу к руководителям ВКП(б) и Соввласти. Я той злобы, которую выражала Уборевич по адресу руководителей ВКП(б) и Соввласти не разделяла, но я ничего ей не говорила на ее слова.

Вопрос. Значит, вы молча соглашались?

Ответ. Я не придавала этому значения.

Вопрос. Не придавали значения потому, что вы сами антисоветски настроены...»27.

Подводятся итоги.

Стенограмма протокола допроса обвиняемой Тухачевской Нины Евгеньевны 23 мая 1940 года:

«Я признаю себя виновной в том, что до ареста... вела антисоветские клеветнические разговоры. Будучи осужденной, и находясь в ссылке, тюрьме и ИТЛ вместе с Уборевич Ниной Владимировной, я от последней неоднократно слышала антисоветские высказывания, которые она вела по отношению к руководителям ВКП (б) и совет-

ской влади... В этих разговорах Нина Уборевич объясняла арест наших мужей тем, что они являлись якобы неудобными людьми для руководителей советской власти. Сущность всех этих антисоветских разговоров сводилась также и к клевете проводимых мероприятий партией

и советским правительством и высказываниям жалости к нашим мужьям, т. е. к врагам ВКП (б) и советского правительства»²⁸.

Она все же пыталась не сдаваться.

«Вопрос. С какой целью вы предложили Уборевич отказаться от данных ею показаний на предварительном следствии о причастности ее к террористической группе, состоявшей из жен врагов народа?

Ответ. На том основании, что мне Уборевич при перестукивании сообщила, что она не виновна и в связи с этим я ей предложила отказаться от данных ею ложных показаний.

Вопрос. Как же вы можете утверждать, что Уборевич является невиновной, когда в данных вами показаниях выше, вы уличаете Уборевич в ведении антисоветских разговоров и террористических высказываниях.

Ответ. Я ее обвиняю в ведении антисоветских разговоров, но в террористических настроениях я ее не обвиняю, поэтому я ей поверила, что она не виновна»²⁹.

«Постановление (О переквалификации предъявленного обвинения).

В процессе следствия установлено, что Тухачевская Нина Евгеньевна, будучи антисоветски настроенной, в озлобленной форме высказывалась по адресу руководителей ВКП (б) и Советского правительства, а также при-

нимала участие в антисоветских и террористических высказываниях Уборевич и друг...»³⁰ Обвинительное заключение от 10.08.1940:

«В 1937 году была арестована Тухачевская–Аронштам Нина Евгеньевна, как жена врага народа Тухачевского М. Н.

На следствии Тухачевская–Аронштам Н. Е. показаний о своей вражеской деятельности не дала и в августе 1937 года Особым Совещанием НКВД СССР была осуждена к 8–ми годам ИТЛ.

В 1939 году в НКВД СССР поступили материалы о том, что Тухачевская Н. Е. являлась участницей антисоветской террористической группы, состоящей из жен репрессированных врагов народа »³¹.

«Следствием также установлено, что Тухачевская являясь антисоветски настроенной, в озлобленной форме высказывала клеветнические измышления, лично разделяла и высказывала террористические настроения в отношении руководителей ВКП (б) и советского правительства...

В период существования системы продовольственных карточек в стране, Тухачевские были прикреплены к правительственному закрытому магазину. Тухачевская Н. Е. использовала это обстоятельство, покупала продукты питания в неограниченном количестве по государственным ценам и через своих знакомых и дом. работницу реализовывала их на вольном рынке по спекулятивным ценам»³².

Откуда взялись «спекулятивные цены», непонятно, как и последующие обобщения: однажды купленные 100 долларов вырастают уже в систематические незаконные

валютные операции. А переданные друзьям и знакомым вещи — в укрывательство материальных ценностей, подлежащих экспроприации.

«Занималась скупкой иностранной валюты, переправляла ее за границу на имя Путьна (б. военный атташе в Лондоне, осужден как заговорщик), который в свою очередь закупал и присылал для Тухачевской заграничные вещи... После разоблачения Тухачевского М. Н., Тухачевская Н. Е. в ожидании своего ареста, передала своим знакомым «на хранение» ряд ценностей, подлежащих конфискации и сдаче в госфонд... Допрошенная в качестве обвиняемой Тухачевская Н. Е. признала, что была осведомлена об антисоветских и террористических настроениях ряда лиц, занималась спекуляцией

и лично высказывала антисоветские и террористические настроения, отрицает свое участие в террористической группе»³³.

«Обвиняется в том, что:

Была осведомлена об антисоветских и террористических высказываниях ряда лиц, лично разделяла и высказывала антисоветские и террористические настроения в отношении руководителей ВКП (б) и советского правительства. Имела близкие связи с участниками антисоветской террористической группы Уборевич, Корк, Авербух—Гамарник.

Т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 19–58 п. 8, 58–10 и 58–11 УК РСФСР»³⁴.

Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Н. Е. Тухачевскую к расстрелу с конфискацией всего лично ей принадлежащего имущества. Приговор, окон-

чательный и обжалованию не подлежащий³⁵, приведен в исполнение 16 октября 1941 года³⁶.

Светлана Тухачевская и Владимира Уборевич долгое время ничего не знали о судьбе матерей. Не получая писем более двух лет, Владимира Уборевич решила подать запрос в НКВД.

«Прихожу. Процедура с пропусками. В кабинете за бюро, на котором стоял стакан красивого чая в подстаканнике с ложечкой, очень приятная женщина прочитала мне ответ: «Н. В. Уборевич осуждена на 10 лет без права переписки»³⁷.

Она не знала тогда, что за этой формулировкой — расстрел.

Государство продолжало лгать не только при Сталине, но и после него, когда уже в 1955 году Светлана Тухачевская обратилась в МВД с запросом о судьбе своей матери.

«Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР Начальнику управления милиции гор. Москвы Начальнику 1 спецотдела МВД Союза ССР Главному военному прокурору 30 декабря 1955 года «Прошу дать указание соответствующему отделу ЗАГС о выдаче гражданке Мельник Светлане Михайловне свидетельства о смерти ее матери Тухачевской Нины Евгеньевны».

«...Сообщаю, что Тухачевская Нина Евгеньевна, 1901 года рождения, был осужден (именно так. — Ю. К.) Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР 8 июля 1941 года и, отбывая наказание, умерла 13 января 1943 года»³⁸.

«Начальнику УКГБ по Калужской области Копия: в Главную Военную прокуратуру Направляю для исполне-

ния определение Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 2 июня 1956 года по делу ТухачевскойАронштам Нины Евгеньевны.

При установлении ближайших родственников ТухачевскойАронштам прошу, не объявляя полностью содержания определения (выделено мой. — Ю. К.), сообщить им лишь результат рассмотрения дела — вставлено — вручить прилагаемую справку — и дату ознакомления сообщить в Военную Коллегию и Главную Военную Прокуратуру»39.

Нину Тухачевскую реабилитировали посмертно в 1956–м.

«Военная коллегия Верховного суда Союза ССР...

Рассмотрев в заседании от 2 июня 1956 года Заключение Главного Военного прокурора По делу Тухачевской–Аронштам...

Определила Приговор Военной Коллегии Верховного суда Союза ССР от 8 июля 1941 года в отношении Тухачевской–Аронштам Нины Евгеньевны по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело о ней на основании п. 5 ст. 4 УПК РСФСР прекратить»40.

Они держались друг за друга. Владимира Уборевич, вынужденная работать, чтобы не голодать, и потому оставившая 10–й класс:

«В марте Светка предложила мне кормить меня выписанным для нее обедом. Она же кормилась на работе. (Работала медсестрой в больнице. — Ю. К.) Было решено, что я брошу работу и возьмусь за учебу. Шла 4–ая четверть...Мне удалось за март, апрель и май окончить 10 класс. Табель был не так уж плох»41.

Маховик раскручивался. За женами последовали братья и сестры.

В деле Николая Николаевича Тухачевского, брата маршала, есть колоритные документы: доносы «простых граждан». Тривиальные, так сказать, образцы гражданской бдительности. Тем и интересны.

«27.08.37. В Народный Комиссариат Внутренних Дел от пом.

дир. Центральной терапевтической научно-методической клиники С-ва^[34] Ивана Семеновича заявление.

В 1937 году в мае месяце к нам на работу в клинику поступила работать на должность санитарки гражданка Р-на^[35], которая до поступления к нам работала санитаркой в Военном госпитале гор. Москвы...

27.VIII.37 в личной беседе... Р-на рассказала мне следующее. В Период Вынесения Приговора контрреволюционерам Пятакову и др.

в госпитале находился на излечении... Тухачевский-42... Тухачевский в порыве гнева всем присутствующим заявил: «Я говорил вам, что нужно было убрать все правительство. 24 часа — иначе нас никого не останется»... Р-на тотчас же обратилась к сестре (старшей). И сообщила, о чем говорил Тухачевский. Последняя сказала Р-ной, чтобы она больше об этом случае никому не говорила иначе она, сестра, ее засадит как за клевету на командиров»⁴³.

³⁴ Фамилия в деле указана полностью, однако, мы не публикуем ее из этических соображений, так как у автора заявления, возможно, есть потомки.

³⁵ Фамилия в деле указана полностью, однако мы не публикуем ее из этических соображений, так как у автора заявления, возможно, есть потомки.

Документ нашел профессиональных читателей.

Протокол допроса обвиняемого Тухачевского Николая Николаевича от 20.09.1937:

«Вопрос. Вы арестованы по обвинению в шпионской деятельности и как участник антисоветского военно-фашистского заговора.

Дайте показания по существу этого?

Ответ. Нет, это я отрицаю.

Вопрос. Ваше заперательство бессмысленно, следствию известна ваша контр-революционная деятельность и шпионская деятельность еще по 1919 г., когда Вы входили в контр-революционную организацию, возглавляемую Валуевым. Признаете ли вы это?

Ответ. Признаю...»⁴⁴ «Вопрос. Расскажите о Вашем участии в антисоветском военнофашистском заговоре?

Ответ. Сам я в заговоре не состоял и только после процесса узнал, что мой брат Михаил Тухачевский, Корк и Уборевич, с которыми я встречался у брата, — являются шпионами и заговорщиками.

Вопрос. Вы продолжаете лгать»⁴⁵.

Как видно, следователи изучили и историю вопроса, благо материалы дела о «Приволжской шпионской организации» (о котором упоминалось в главе «Гражданская») хранились на Лубянке. Появилась возможность протянуть нить длиною в двадцать лет.

Собственноручные показания Тухачевского Николая Николаевича:

«После некоторого заперательства я решил говорить следствию всю правду о своей шпионской деятель-

ности, надеясь этим хоть сколько-нибудь искупить свое преступление перед родиной и рабочим классом.

Моя преступная контрреволюционная и шпионская деятельность началась во время моей службы в 1-й армии восточного фронта, в Управлении начальника инженеров. Использован для этой работы и привлечен к ней я был моим непосредственным начальником, начальником инженеров Толстым. Разведка велась в пользу белых армий, учредительного собрания и, в дальнейшем, армии Колчака»⁴⁶.

Протокол допроса от 23 сентября 1937 г. Р-ной Натальи Павловны, до революции — с 1907 года батрачки, после революции — рабочей, — неграмотной⁴⁷:

«В госпитале я работала около 4 месяцев зимой 1936—37 года.

В период процесса и суда над контрреволюционерами троцкистами в госпитале на излечении находились Тухачевский Николай или Михаил точно имени не помню...⁴⁸ В тот день, когда в газетах было опубликовано сообщение о приведении смертного приговора над контрреволюционерами-троцкистами в исполнение, я зашла в 30 палату там был Овсянников и Тухачевский. Они меня не заметили.

Тухачевский говорил Овсянникову: «Вот видишь, их расстреляли, я говорил, что надо давно было убрать... здесь Тухачевский нецензурно обругал товарища Сталина, тогда бы мы в 24 часа переизбрали все правительство»... Услышав их слова я спросила: «А кто же у власти-то будет?» У власти то будут люди, найдутся, были бы...

сказал Тухачевский... Он здесь же хвалил Пятакова, и он тоже хороший заслуженный человек, его надо бы оставить в живых... Тухачевский говорил, что все... расстрелянные троцкисты — хорошие ребята, но вот теперь расстреляны, а ведь все боролись за Советскую власть и много сделали для нашей страны... Об этом факте и разговорах я больше ни с кем не говорила, так как боялась, что меня будут таскать. Летом об это я рассказала члену партии, пом. директора Центральной Терапевтической Научно–Методической клиники тов. С–ву, который мне обещал передать об этом в НКВД»49.

Двадцать лет спустя гражданке Р–ной вновь пришлось побывать на Лубянке.

Протокол допроса Р–ной Натальи Павловны.

Допрос начат 7 апреля 1956.

«...Я, как няня и подавальщица, обслуживала его и других больных.

Помню, что Тухачевский был очень вежливый и внимательный ко всем сотрудникам госпиталя.

Вопрос. О чем вас допрашивали в НКВД о Тухачевском?

Ответ. Прежде чем ответить на этот вопрос, я хочу рассказать следующее: После того, как я уволилась с работы в Центральном военном госпитале и устроилась на работу в гражданскую клинику, находившуюся на ул. Метростроевской, 19, меня вызвал к себе председатель месткома клиники, фамилию его не помню. Это было (л. 77) в том же 1937 году, но в каком месяце, не помню. В кабинете, кроме председателя месткома, находился один военный из НКВД. Военный стал меня спрашивать, работала ли я в военном госпитале и знаю ли Тухачевского. Я

ответила... Через несколько дней меня вызвали в НКВД на Лубянку... Несколькими днями позже за мной на квартиру приехал на автомашине военный и пригласил меня с собой... В машине он мне сказал, что мы едем в Бутырскую тюрьму, где увидим Тухачевского. Я очень испугалась и стала говорить, что ничего о нем не знаю. Тогда Скворцов стал успокаивать меня и заявлять, что Тухачевский — подлец, за его плечами очень много грязи, что он хотел отравить консервами армию »50.

Реалистичность обвинения блистательна.

«...Через несколько дней Скворцов снова заехал за мной и опять повез в Бутырскую тюрьму. В машине Скворцов сказал, что мы едем на очную ставку с Тухачевским. Я стала заверять Скворцова, что ничего не знаю о Тухачевском, и очень волновалась.

Скворцов успокаивал меня и говорил, что мне нужно сказать всего два слова и стал объяснять что я должна говорить на очной ставке.

При этом он повторил какое-то непонятное мне слово: «тиристичиски». Я говорила Скворцову, что не запомню этого слова и просила его сказать это за меня, но Скворцов настаивал, чтобы я сказала сама. В Бутырской тюрьме со мной случилось плохо. Тухачевского

мне видеть в тот раз не пришлось, так как было сообщено, что он — болен»51.

Неграмотной санитарке, ставшей главным свидетелем обвинения против Н. Н. Тухачевского задали невыполнимую задачу: слово «террористический» — не для ее интеллекта.

И в 1956–м она страшно запугана, так же, как в 1937–м.

«Я ничего о нем не показывала, говорил Скворцов, а Тухачевский, как я помню, все время повторял: «категорически отрицаю».

После второй очной ставки, в связи с нервным заболеванием я слегла в больницу, где пробыла около месяца.

Вопрос. Вам зачитываются ваши показания на допросе 23 сентября 1937 года, из которых видно, что Тухачевский в вашем присутствии говорил в госпитале о необходимости убрать Сталина и переизбрании Правительства. Эти же показания, как видно из протокола от 27 октября 1937 года, вы подтвердили на очной ставке с Тухачевским. Подтверждаете их сейчас?

Ответ. Мои показания на допросе 23 сентября 1937 года и на очной ставке с Тухачевским 27 октября 1937 года мне прочитаны.

Какой–то разговор о Сталине и о Правительстве был в госпитале между Тухачевским и другими больными, но содержание этого разговора я сейчас совершенно не помню и не могу объяснить, правильно ли были (л. 78 об.) записаны ранее мои показания или нет. Я даже не помню, чтобы мне зачитывали мои показания на допросах в 1937 году, хотя вижу, что подписи на протоколах стоят мои».

«Вопрос. Как выглядел Тухачевский во время ваших очных ставок с ним в Бутырской тюрьме?

Ответ. На первой очной ставке с Тухачевским он выглядел нормально, а на второй — очень плохо, его трудно было узнать, так как выглядел стариком, очень худым.

Одна половина лица имела синеватый оттенок. Помню, что когда его ввели в кабинет, и Скворцов предложил ему сесть, Тухачевский садился на стул очень осторожно, со стоном и говорил, что он очень устал и просил Скворцова решать его дело скорее»⁵².

Дело решили действительно очень быстро.

Обвинительное заключение по следственному делу по обвинению Тухачевского Н. Н. от 23 декабря 1937 года:

«Будучи допрошен в качестве обвиняемого, Тухачевский виновным себя в шпионской деятельности признал, отрицая свое участие в военном заговоре»⁵³.

Его приговорили к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 25.12.37.

У Н. Н. Тухачевского было двое детей — сын Андрей, которому в 1937 году исполнилось 5 лет, и дочь Маша семи лет.

«После ареста родителей нас с сестрой взяли в специальный детский дом. Их было много тогда — для детей врагов народа, — рассказывает сын Николая Николаевича Тухачевского, Андрей Николаевич. — Сначала нас с сестренкой привезли под конвоем в детскую Даниловскую тюрьму. Помню множество детей в огромной темной камере. И я, пятилетний, бегал и кричал: «Где моя Марийка, пустите меня к сестре! У меня больше никого нет!».» Болели мы страшно, вшивели, голодали, конечно. Я, помню, говорил сестре: я не буду спать, я хочу смотреть, как я буду умирать. Если буду умирать, разбуди меня... Уже в 1948 году мать освободили, я пришел ее встречать на вокзал, но ее уже ждали, чтобы снова арестовать...»⁵⁴.

Андрея и Марию Тухачевских через несколько лет взяли на воспитание из детского дома дальние родственники, они же дали им свою фамилию — Томашевич. Настоящую

фамилию они вернули только в 1957–м.

Снова — история, хранящаяся в архиве Лубянки.

«Председателю Особого Совещания от 3/к Бейер (Тухачевской) Марии Викентьевны 1905 г.

Прошу Вашего снисхождения. Прожив с мужем 12 лет, я не заметила за ним ничего недостойного Советского гражданина. Как Ч.С.И.Р будучи проверена на протяжении почти 9–ти лет в испр.труд. лагере, в труде и быту, потеряла здоровье и была актирована, как инвалид. По истечении 3–х лет со дня освобождения, я надеялась выхлопотать снятие судимости, тем более, что получила уведомление о смерти мужа еще в 1944 г. Вернувшись без семьи (дети мои были взяты в маленьком возрасте из дет.дома на воспитание) я вышла замуж вторично и единственно стремилась вместе с мужем поселиться, где можно было бы жить мне и найти работу ему. У мужа бывала, но жить в Москве, на его квартире отнюдь не намеревалась. И была арестована на вокзале. Вины за собой никакой не знаю, ни словом, ни помыслами и прошу Вашего снисхождения при осуждении.

М. Бейер 19/III 49 г.55».

Снисхождения не было. Была реабилитация — в 1957–м.

Александра Николаевича, младшего брата маршала, арестовали 29 августа 1937 года.

Из анкеты арестованного:

«Родился 1 сентября 1895. Профессия: музыкант–виолончелист и бывший преподаватель Военных сообщений. Служил в старой армии в чине прапорщика до 1917. С 1918 по 21 г.

и с 1925 по 37 К–10 и военинженер II ранга. Демобилизован.

Образование высшее: 5 курсов консерватории до 1917 и окончил Военно–транспортную академию РККА в 1933 г.»⁵⁶.

«Взято для доставления в УГБ Управления НКВД СССР по Московской области следующее: 1) Сборник «Памяти Ленина» со статьями и портретами врагов народа Троцкого, Зиновьева, Каменева и др. контрреволюционеров. 2) фотокарточки расстрелянного шпиона фашиста М. Н. Тухачевского...»⁵⁷ Показания обвиняемого А. Н. Тухачевского:

«Вопрос. Вы поддерживали нормальные родственные отношения со своим братом Михаилом, расстрелянным за шпионскую деятельность.

Ответ. Да, со своим родным братом Тухачевским М. Н. до момента его ареста я поддерживал нормальные родственные отношения, бывая у него на квартире примерно 1 раз в месяц.

Вопрос. Следствие располагает данными о том, что в момент ареста вашего брата вы по этому поводу высказывали сожаление среди своих родственников. Вы это признаете?

Ответ. Когда я узнал точно из сообщения в печати об аресте брата и других, я был потрясен этим событием, т. к. его роль и занимаемый пост в армии были колоссальны, и вдруг все это рассыпалось как песок, как кар-

точный домик. Я не помню, чтобы я высказывался среди своих родственников или знакомых сожаления брату в силу случившегося с ним несчастья, но во всяком случае я не отнесся к этому определению доброжелательно...

Вопрос. Во время вашей службы в РККА вам оказывал какоелибо содействие брат Михаил в устройстве и назначении на вышеоплачиваемую должность.

Ответ. Да, такое содействие мне брат оказывал два раза.

Первый раз в 1918 году, когда я приехал на Восточный фронт, где армией командовал брат, и второй раз в 1925 году он мне посодействовал при переходе с гражданской работы опять на военную, устроив на работу в штаб в РККА, в 3-е управление.

Вопрос. Вы говорите, что не помните того, что выражали сожаление брату в связи с его арестом. Тогда чем объясните то обстоятельство, что у вас на квартире при обыске было обнаружено несколько сохранившихся его фотографий.

Ответ. Это я объясняю только тем обстоятельством, что я их просто не успел уничтожить. Очень много фотографий его я уничтожил. Но те, которые у меня были изъяты при обыске, уничтожить я не успел в связи с переездом на другую квартиру, кроме этого часть из них находилась в альбомах, которые мне не хотелось портить. На память фотографии брата я оставлять не хотел.

Вопрос. У вас на квартире во время обыска был изъят сборник «Памяти Ленина» со статьями в нем врагов народа Троцкого, Зиновьева. Подтверждаете вы это? »58 «Ответ. Да... Сборник этот принадлежит моему брату

Михаилу, расстрелянному органами НКВД за шпионскую деятельность...

Этот сборник попал ко мне вместе с домашней нотной библиотекой, находящейся у брата, при его переезде в Ленинград, т.к. он мне передал мне нотную библиотеку»59.

До какой степени бесчувствия нужно было довести человека, чтобы он так объяснил наличие у него фотографий родного брата. Судя по стилю ответов, еще вполне человеческому, на начальных стадиях к А. Н. Тухачевскому не применялись «допросы третьей степени» — пытки. Тем страшнее читать ответы.

Протокол допроса от 21 сентября 37 года:

«О шпионской деятельности брата Михаила, мне ничего не было известно, кроме газетных сообщений.

Вопрос. Вы пытаетесь отрицать, что вы принимали участие в действиях со своим братом. Следствие требует дать правдивые показания по этому вопросу.

Ответ. Я еще раз заявляю, что о шпионской деятельности брата я не знал и участия я с ним не принимал»60.

Но следствие работает без сбоев, полтора месяца спустя Тухачевский начинает «признаваться».

Протокол допроса 15 ноября 37 года:

«Ответ. Я признаю себя виновным в том, что в своих первых показаниях я скрыл от органов следствия, что я регулярно посещал квартиру своего брата врага народа Тухачевского М. Н... Мне было известно, что квартиру моего брата, врага народа, посещали враги народа Корк, Уборевич, Ефимов.

Вопрос. Почему у себя на квартире хранили контрреволюционную литературу с портретами врагов народа Троцкого, Зиновьева и вашего брата Тухачевского.

Ответ. Я признаю себя виновным в том, что у меня на квартире хранилась контрреволюционная литература с портретами врагов народа.

О контрреволюционной шпионской деятельности моего брата врага народа Тухачевского М. Н. мне ничего не было известно»⁶¹.

Следствие теперь могло быть довольно. Всю написанную следователем ахинею, А. Н. Тухачевский уже подписывал.

На ранних стадиях такая фальсификация не проходила — обвиняемый, не доведенный до животного состояния, мог отказаться визировать протокол.

Протокол допроса 7 декабря 37 года:

«Я признаю себя виновным в том, что в кругу своих знакомых высказал сожаление по поводу ареста и расстрела своего брата как шпиона... Я также признаю себя виновным в том, что у себя на квартире хранил контрреволюционную троцкистскую литературу с портретами Троцкого, Зиновьева, Каменева и др., а также фотокарточки своего брата, расстрелянного как шпиона... При посещении квартиры моего брата, я неоднократно встречался с Уборевичем, Корком, Ефимовым и др... Я еще раз подтверждаю, что о шпионской деятельности моего брата мне ничего не было известно»⁶².

Обвинительное «нарисовано» в тот же день.

«Тухачевский А. Н. имел связь (вставлено — по антисоветской деятельности — Ю. К), со своим родным бра-

том, — который оказывал ему содействие в продвижении по службе — устроил его на работу в штаб РККА.

Обвиняемый встречался (зачеркнуто и вставлено: «участвовал на собраниях террористов». — Ю. К.) на квартире у шпиона Тухачевского.

Хранил у себя на квартире контрреволюционную троцкистскую литературу с портретами врагов народа и высказывал сожа ление своему брату — врагу народа (далее вставлено от руки. — Ю. К.) по поводу разгрома троцкистского подполья, высказывал прямые террористические намерения»63.

Протокол от 15 декабря 37 закрытого судебного заседания выездной сессии военной коллегии Верховного Суда Союза ССР:

«Подсудимый виновным себя признал частично, т.е. бывал на контрреволюционных собраниях, но не как участник контрреволюционной организации, а как гость... Участником же контрреволюционной организации не был и никогда не восхвалял Троцкого.

В последнем слове подсудимый ничего сказать не пожелал»64.

Его расстреляли, сообщив в 1956 году родственникам:

«Военная коллегия ВС СССР. Сообщаю, что Тухачевский А. Н.

1895 г. р. был осужден ВКВС 15.12.37 г. отбывал наказание умер 22.5.43»65.

Вдова А. Н. Тухачевского писала Сталину:

«Генеральному Секретарю ЦК ВКП(б) Иосифу Виссарионовичу Сталину от заключенной Зинаиды Федоровны

Тухачевской г. Акмолинск Акмолинское отделение Карлагерей НКВД барак №13 Заявление Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я жена брата расстрелянного М. Тухачевского, Александра Николаевича Тухачевского. Осуждена как член семьи на 8 лет. Предъявленное мне обвинение. Якобы я знала и не донесла о контрреволюционной деятельности своего мужа А. Н. Тухачевского — мне крайне тяжело, потому что о таковой я ничего не знала и не могла никогда подозревать. За 18 л. моего замужества муж занимал небольшие должности, а последние 6 лет учился в Воен. Трансп. Академии 3 года и 3 года работал над своей диссертацией и настолько был поглощен своей работой, что не имел возможности даже использовать свои очередные отпуска.

Я думаю, что я подверглась репрессии из-за родства с М. Тухачевским, но это слишком тяжелое для меня наказание, т. к. сама я в течение 8 последних лет работала честно и преданно, стараясь облегчить наше положение на время учебы мужа. Никакими материальными «благами» от брата мы не пользовались, а работали вместе с мужем, стремясь самостоятельно поставить детей на ноги.

Я имею 2-х детей: дочь 18 л. и сына 16 1/2 лет.

Дети только что вступили в самую счастливую пору жизни, когда перед ними открываются большие жизненные возможности и радости советских граждан и вдруг их юность омрачается позорным и тяжелым пятном, наложенным на них «дядюшкой», лишением отца и матери!

Иосиф Виссарионович, Вы как отец и друг детей поймете, как тяжело отражается все это на детях и матери, страдающей за участь своих детей. Уже 5 месяцев как

я не знаю, что и где мои дети. Если Вы любите и бережете свою молодежь, я крепко верю, что Вы поможете

мне, как матери воспитать своих детей.

Я прошу Вас вернуть меня к ним и дать возможность моим детям стать полезными людьми своей родины.

3. Тухачевская 24.04.38»66.

Письмо, конечно, оставшееся без ответа, подшито к лубянской делу З. Ф. Тухачевской.

Юрий Арватов, муж сестры маршала Елизаветы — знаменитый летчик, орденосец. На сторону Красной Армии он даже не перешел, а в буквальном смысле перелетел — на своем самолете. (Из Киева, куда во время Гражданской войны попал как офицер царской армии.) Он служил в 1928 году в Ленинграде, где и познакомился с М. Н. Тухачевским — в то время командующим Ленинградского военного округа. К Тухачевскому часто приезжали сестры — так Арватов познакомился со своей будущей женой.

«По имеющимся сведениям, после расстрела Тухачевского, сестры последнего посещают Арватова на его даче в 60—80 километрах от Москвы, где устраиваются попойки.

Дочь расстрелянного Тухачевского Арватов взял к себе.

Арватов имеет три ордена Красного Знамени и орден Красного Знамени Хорезмской Республики.

На основании изложенного, прошу санкционировать арест Арватова Ю. И. и его жены — Арватовой Е. Н.»67.

Протокол допроса Арватова Юрия Игнатьевича 20 ноября 37 года:

«С Тухачевским я познакомился в 1928 году, через его сестру Елизавету Николаевну, в период моей работы в Ленинградском Военном округе командиром авиационной эскадрильи. В конце 1928 года я женился на сестре Тухачевского, и с этих пор у меня установились с их семьей родственные взаимоотношения. Я очень часто бывал у Тухачевского на квартире, на даче беседовал с ним на разные темы, всегда относился к нему с большим уважением, считая его выдающимся военным работником, всецело стоящим на советских позициях. За все время нашей связи с Тухачевским у меня никогда не возникало никаких сомнений в его преданности Советской власти...

Вопрос. Вы лжете и явно скрываете от следствия свою контрреволюционную связь с Тухачевским. Вас как человека, который вел активную вооруженную борьбу против советской власти, Тухачевский привлек к активной антисоветской работе. Следствие требует от вас правдивых показаний.

Ответ. Я действительно... пытался скрыть подлую предательскую работу, проводимую мной в течении ряда лет.

Вынужден признать, что я действительно являлся участником антисоветского военного заговора, в который меня вовлек Тухачевский Михаил Николаевич в 1934 году»68.

На одной странице — грубый логический и стилистический сбой. Можно только догадываться, что осталось между строк допроса. Далее — как по фальшивым нотам, написанным по заказу следствия.

«Вопрос. Расскажите подробно, при каких обстоятельствах вас завербовал Тухачевский?

Ответ. В 1934 году в одно из моих посещений Тухачевского у него на квартире, Тухачевский завел со мной разговор о международном и внутреннем положении Советского Союза. В процессе беседы Тухачевский говорил мне, что руководство партии и правительства не способны справиться с растущими в стране трудностями, что в предстоящей войне Советского союза с капиталистическими странами и в первую очередь с Германией, Красная армия потерпит поражение, и падение Советской власти будет неизбежно. Взаимоотношения СССР с Германией, единственно–сильной страной в Европе — располагающей боееспособной армией испортились, а между тем только союз с Германией может обеспечить нормальное развитие страны.

В заключение Тухачевский сказал мне, что в стране существует антисоветская организация, в которую входят крупные воен ные работники. Эта организация ставит перед собою целью изменение существующего строя путем насильственного вооруженного свержения Советской власти.

На мой вопрос, какая форма государственной власти заменит существующую, Тухачевский сказал, что в России будет установ(л. 33) лен государственный режим по принципу фашисткой Германии и что главную роль в управлении страны будут играть высшие военные круги.

Тухачевский мне говорил, то участники организации ведут большую подрывную работу с целью подготовки поражения Красной армии в будущей войне, и предложил мне принять участие в антисоветской военной организации. Я дал на это свое согласие...

С Тухачевским я был связан с 1928 года, когда я женился на его родной сестре Елизавете Николаевне. С тех пор я на правах родственника был вхож в семью Тухачевского, где и встречался с Михаилом Николаевичем, кроме этого Тухачевский хорошо знал мои антисоветские настроения и то, что в прошлом я активно боролся с Советской властью в германской, петлюровской и деникинской армиях»⁶⁹.

Протокол Закрытого судебного заседания выездной сессии военной коллегии Верховного Суда Союза ССР 10 декабря 1937 года:

«Подсудимый заявил, что у Тухачевского он бывал, но тот его не вербовал. Ребенка Тухачевского, после расстрела Тухачевского он взял к себе. Шпионских сведений он никому не давал...

Председательствующий... предоставили подсудимому последнее слово, в котором заявил, что давал ложные показания. Агентом разведки он никогда не был и денег не получал»⁷⁰.

Это предсмертное неповиновение — для истории. На исход следствия и приговор оно никакого влияния, конечно, не оказало.

Приговор о расстреле Арватова Юрия Игнатьевича приведен в исполнение 10 декабря 1937 года».

Шаблон позднего извещения о смерти все тот же:

«Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР Начальнику управления милиции гор. Москвы Начальнику 1 спецотдела МВД Союза ССР Главному военному прокурору 6 октября 1955 года Прошу дать указание соответствующему отделу ЗАГС о выдаче гражданке Арватовой–Туха-

чевской Елизавете Николаевне свидетельства о смерти ее мужа Арватова Юрия Игнатьевича.

Сообщаю, что Арватов Юрий Игнатьевич, 1898 года рождения, был осужден Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР 10 декабря 1937 года и, отбывая наказание, умер 2 ноября 1943 года»72.

(Характерно, что фраза «отбывая наказание, умер» впечатана в сам типографский текст справки — чтобы исключить

возможность правды).

Елизавету Тухачевскую арестовали 14 июля 1937 года и в декабре осудили на 8 лет лагерей, потом — в 1948-м — снова арестовали, приговорив к ссылке на 5 лет.

«Выписка из протокола особого совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР от 22 декабря 1937 г.

Как члена семьи изменника Родины заключить в исправтрудлагерь сроком на восемь лет, сч. срок с 14.7.37»73.

Е. Н. Арватова–Тухачевская рассказывала:

«Нас погрузили в товарные вагоны из-под угля. Все в копоти.

Была зима, а многих из нас арестовали летом, потому теплых вещей не было. Я ехала в летних туфельках и платье. Утром волосы примерзали к доскам вагонов».

Протокол допроса обвиняемой Арватовой–Тухачевской Елизаветы Николаевны от 13 июля 1948 года:

«Вопрос. Покажите в чем заключалась ваша связь с Тухачевским Михаилом Николаевичем и Арватовым Юрием Игнатьевичем?

Ответ. С Тухачевским Михаилом Николаевичем и Арватовым Юрием Игнатьевичем я нахожусь в родственной связи. Тухачевский является мне родным братом, а Арватов мужем.

Вопрос. Вам известно где находятся ваш брат Тухачевский М. Н. и муж Арватов Ю. И.?

Ответ. Мой брат Тухачевский М. Н. в 1937 году был арестован и решением военной коллегии Верховного Суда Союза ССР как один из руководителей военно-фашистского заговора осужден к высшей мере уголовного наказания — расстрелу. Муж Арватов Ю. И.

также был арестован в 1937 году и о его судьбе мне ничего неизвестно.

Вопрос. Вам известно за что был арестован ваш муж Арватов Ю. И.?

Ответ. На следствии в 1937 году мне говорили, что мой муж Арватов Ю. И. был арестован как участник военно-фашистского заговора.

За что был арестован и осужден брат Тухачевский М. Н.

я узнала из сообщения советской прессы»⁷⁴.

«...Я посещала квартиру своего брата Тухачевского М. Н. часто, так как совместно с ним проживала наша мать, к ней я и приходила, но при своих посещениях матери встречалась и с братом. Он же мою квартиру посещал не очень часто...

...Посещая квартиру своего брата Тухачевского М. Н. у последнего я встречала из его сообщников по антисоветской деятельности следующих лиц: Якира, Уборевича, Корка, Фельдмана, Эйдемана и других фамилий которых теперь не помню»⁷⁵.

Обвинительное заключение по следственному делу по обвинению Арватовой–Тухачевской Елизаветы Николаевны по ст. ст. 7 и 35 УК РСФСР:

«В 1937 году Арватова–Тухачевская Е.Н. как член семьи врага народа была осуждена к 8 годам ИТЛ и, отбыв наказание, прибыла на жительство в город Александров Владимирской области.

Проживая в городе Александрове, Арватова–Тухачевская нарушала установленный ей режим, приезжала в город Москву, и по несколько дней проживала у своей дочери и родственников»⁷⁶.

Она ездила к дочке, умиравшей от туберкулеза в Москве.

Марину Арватову взяли к себе бабушка с дедушкой — родители Арватова. Девочке удалось избежать спецдетдома, поскольку у нее была не такая страшная фамилия, как Тухачевский. Старики, которых как неблагонадежных увольняли с работы, бедствовали, и Марина вынуждена была после 9 класса оставить школу и устроиться на работу.

Туберкулез, начавшийся от хронического недоедания, заметили слишком поздно. Елизавета Николаевна, нарушая режим ссыльной, приезжала к дочке в больницу, называясь соседкой.

«Я очень боялась, что она в бреду — у нее была высокая температура — назовет меня мамой, — вспоминала

Елизавета Николаевна. — Тогда бы пострадали люди, которые приютили меня в Москве, и медики, разрешившие мне ночевать в палате»⁷⁷.

Через несколько месяцев Марина Арватова умерла. Ей было 18 лет.

«Меру уголовного наказания Арватовой–Тухачевской Е. Н. избрать 5 лет ссылки»⁷⁸.

Протокол допроса обвиняемой Арватовой–Тухачевской Елизаветы Николаевны от 14 июля 1948 года:

«В период пребывания в Акомлинском отделении Карлага МВД СССР от других заключенных я слышала, что в названном лагере отбывала наказание еще одна жена моего брата Тухачевского М. Н., но я ее не знаю, и с ней ни разу не виделась»⁷⁹.

Этой «женой» могла быть А. Я. Протас, близкая к М. Н. Тухачевскому еще с начала 1920–х годов. Арестована ГУГБ НКВД СССР 4 августа 1937 года по обвинению в том, что была «связана с работниками иностранной разведки и по их заданию проводила шпионскую работу на территории СССР и была связана с врагом народа Тухачевским» (ст. 58–1 «а» УК РСФСР) В обвинительном заключении от 19 февраля 1938 г. говорится:

«Протас Амалия Яковлевна с 1922 г. была женой врага народа Тухачевского, выполняла его задания по шпионской работе.

С 1926 г. Протас поддерживала связь с членом польской, диверсионно–шпионской террористической организацией именуемой «ПОВ» [...].

Протас А. Я. по заданию Тухачевского осуществляла связь с немецкими разведчиками в частности с капитаном

Крепе, выполнявшего функции резидента Германской разведки».

Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 3 ноября 1938 года как «социально–опасный элемент» осуждена на 5 лет ИТЛ.

Определением Военного трибунала Московского военного округа от 28 октября 1957 года реабилитирована⁸⁰.

Как «жена» Тухачевского арестована и Ю. Н. Кузьмина, одна из самых долгих его привязанностей.

Она была арестована ГУГБ НКВД СССР 7 мая 1937 года по обвинению в том, что «занималась шпионской деятельностью в пользу иностранных разведывательных органов»⁸¹. Содержалась в Бутырской тюрьме.

Из обвинительного заключения:

«Специальным присутствием Военной Коллегии Верховного Суда СССР 11 июня 1937 г. осужден изменник родины Тухачевский М. Н.

С Тухачевским на протяжении 8 лет жила Кузьмина Юлия Ивановна, бывшая жена осужденного в 1937 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР к ВМН участника антисоветского военного заговора Кузьмина Николая Николаевича.

В связи с этим Кузьмина Ю. И. была арестована. Подтвердив свою близость к Тухачевскому М. Н. и в прошлом к Кузьмину, отрицает свою осведомленность о преступной деятельности Тухачевского М. Н. и Кузьмина Н. Н.»⁸².

Обвинялась в том, что «являясь членом семьи врагов народа, не донесла органам власти о преступной дея-

тельности Тухачевского и Кузьмина, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 1 в УК РСФСР».

Из дела видно, что на предварительном следствии Кузьмина Ю. И. виновной себя не признала.

Постановлением Особого Совещания от 11 февраля 1938 года Кузьмина Ю. И. как «член семьи изменника родины» осуждена на 8 лет ИТЛ⁸³.

На август 1943 года находилась в Темлаге НКВД СССР. После освобождения из-под стражи задержана в порядке директивы НКВД и Прокурора СССР от 1942 года в Темлаге МВД по вольному найму до особого распоряжения.

Постановлением Особого Совещания при МВД СССР от 17 декабря 1946 года «за отбытием срока наказания» из ИТЛ освобождена, одновременно как «социально-опасный элемент» осуждена к ссылке на 5 лет⁸⁴. Определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 8 августа 1956 года реабилитирована⁸⁵.

Еще одна сестра маршала, Ольга Николаевна после расстрела брата пробыла на свободе дольше остальных родственников. Ее арестовали только 19 октября 1937-го.

«Вопрос. С кем из антисоветских связей вашего брата Михаила были знакомы лично вы?

Ответ. На квартире брата Михаила я встречала один раз Корка и Якира, один раз видела Уборевича в г. Тамбове.

Вопрос. Какую материальную помощь оказывал вам брат Михаил?

Ответ, несколько раз он давал мне путевки в санаторий, иногда я пользовалась автомашиной»86.

Обвинительное заключение:

«...Предварительным следствием по настоящему делу установлено:

Гейман–Тухачевская Ольга Николаевна до последних дней имела близкую личную связь со своим братом Михаилом и получала от последнего различную материальную помощь. Будучи допрошена, обвиняемая Гейман–Тухачевская О. Н., признавая свою связь с участниками военно–фашистского заговора Тухачевским Михаилом, Якиром, Корком и Уборевичем отрицает наличие осведомленности об их антисоветской деятельности »87.

Выписка из протокола Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР от 28 октября 1937 года:

«Как члена семьи изменника родины заключить в исправтрудлагерь, сроком на восемь лет»88.

(Л. М. Гейман, муж Ольги Тухачевской, был арестован 4 сентября 1937–го89. Отбыв срок в лагерях, остался там как вольнонаемный и прислал жене заявление о разводе.) Срок окончен, и начинается новый. 3 июля 1948 года.

Допрос начат в 0 час. 30 мин., окончен в 1 час 05 мин.

«Действительно являюсь родственницей изменника Родины, врага народа Тухачевского. Моя с ним родственная связь заключается в том, что враг народа Тухачевский является моим родным братом»90.

Следствие демонстрирует блестящий образец доказательности улик.

Постановление о предъявлении обвинения:

Гейман–Тухачевская О. Н.

«...достаточно изобличается в том, что является родной сестрой врага народа Тухачевского М. Н. и поддерживала с ним связь»⁹¹.

Обвинительное заключение:

«Меру уголовного наказания избрать 5 лет ссылки»

Этого почему–то оказалось недостаточно. В 1953 году ее еще раз приговорили к ссылке — на 10 лет.

«Министру Внутренних дел СССР тов. Берия От ссыльной Гейман–Тухачевской Ольги Николаевны Заявление Я, Гейман–Тухачевская О. Н. в 1937 г. была арестована в г.

Москве и осуждена Особым совещанием на 8 л. Испр. Труд. Лагерь за брата Тухачевского М. Н. как член семьи изменника Родины и освобождена в 1945 г.

В 1948 г. я была вторично арестована и осуждена Особым совещанием опять. За ту же родственную связь на 5 лет ссылки на Колыму, где проживаю в настоящее время. 29.1.53 г. я была вызвана в спецкомендатуру, где мне предложили расписаться на продление высылки на 10 лет со дня объявления. До сего времени я не знаю, в чем меня обвиняли и за что я получила еще дополнительные 10 лет.

Мои сестры вместе со мной сюда прибывшие, которые также получили высылку на основании родственной связи за брата, — сейчас по амнистии освобождены.

Отбывая срок в лагере, я годы считалась ударницей и была неоднократно премирована. После отбытия лагеря я также добросовестно относилась к своей работе и была всегда стахановкой.

Я 1903 г. рождения, у меня порок сердца и общее плохое состояние здоровья.

Я за всю свою жизнь никогда не совершала никакого преступления перед своей Родиной и должна нести наказание в общей сложности 23 года. Неужели недостаточно того, что я отбыла все 13 лет только за родственную связь?

Очень прошу Вашего содействия в пересмотре моего незаслуженного наказания.

Гейман–Тухачевская 24.5.53»93.

Сталин уже умер, система еще работала в прежнем режиме.

Москва, 1953 года, августа 6 дня.

«Полагали бы:

Заявление Гейман–Тухачевской оставить без удовлетворения»94.

Марию Тухачевскую арестовали в один день с Ольгой, допрашивал их один и тот же следователь. При чтении их допросов создается ощущение, что протоколы написаны под копирку.

Протокол допроса обвиняемой Тухачевской Марии Николаевны от 19 октября 1937 года.

«Вопрос. С кем из антисоветских связей вашего брата Михаила были знакомы лично вы?

Ответ. Я знала и была знакома с Якиром, Уборевичем, Корком, Ефимовым, Фельдманом и другими, фамилии коих сейчас забыла.

Встречалась я с перечисленными лицами на квартире брата Михаила

несколько раз.

Вопрос. Какую материальную помощь Вы получали от Вашего брата Михаила?

Ответ. Один раз я через него получила путевку в санаторий, иногда он давал мне автомашину. Другой помощи я от него не получала »95.

«Вопрос. Когда Вы развелись со своим мужем Фадеевым?

Ответ. За 1—2 дня до расстрела брата Михаила.

Вопрос. Какие причины побудили его к разводу с Вами?

Ответ. Как я уже показала, с Фадеевым я разошлась за 1—2 дня до расстрела брата Михаила. Дело обстояло следующим образом: Фадеев мне позвонил по телефону, вызвал меня на улицу и сказал, что председатель военной Коллегии Ульрих предложил ему порвать всякую связь с семьей Тухачевского, вследствие чего он вынужден со мной разойтись, так как дальнейшее сожителство со мной может отразиться на его служебном и партийном положении.

Я дала согласие и на второй или третий день уехала от него к своей сестре Ольге.

Вопрос. Фадеев встречался с Вами после развода?

Ответ. Да, встречался. Один раз в Люберцах и другой раз в Сокольниках, в последнюю встречу он был одет в вольную одежду.

Вопрос. О чем Вы говорили с ним при встречах?

Ответ. Он говорил, что скучает без меня, что ему очень неприятно, что мой брат Михаил оказался предателем, что вследствие этого нам пришлось разойтись. Обсуждали вопрос, как мне устроить жизнь»96.

Фадеев Николай Никифоровым, 1898 г. р., ур. г. Москвы.

Муж М. Н. Тухачевской–Владимировой, сестры М. Н. Тухачевского, до 2 июня 1937 года. В 1938 году бригадир-юрист, заместитель председателя Военного трибунала Внутренних войск НКВД СССР Московского округа.

Арестован ГУГБ НКВД СССР 11 февраля 1938 года за недоносительство «советским органам» об «антисоветской деятельности» своего близкого родственника М. Н. Тухачевского (ст. 58–12 УК РСФСР).

Постановлением ОСО при НКВД СССР от 4 января 1939 года «как социально–опасный элемент» осужден на 5 лет ИТЛ.

Повторно арестован УМГБ СССР по Владимирской области 22 декабря 1948 года по ст. 58–12 УК РСФСР.

Постановлением ОСО при МГБ СССР от 6 апреля 1949 года за «антисоветские связи с изменниками родины»

осужден к ссылке на поселение. Определением ВК ВС СССР от 28 августа 1954 года реабилитирован.

Поспешный развод Фадееву помог — его не расстреляли, видимо, прикрывал Ульрих. А первый муж М. Н. Тухачевской — М. А. Владимиров — в разводе с сестрой маршала находился с 1933 года, что не спасло его от смерти. Арестован в 1938-м как участник «антисоветского заговора в РККА». Инспектор по ПВО при СНК РСФСР, полковник запаса (до августа 1937 года) Владимиров, как указано в его деле, «давал партийные рекомендации на мобилизационную и сов. секретную работу врагам народа, в том числе брату Тухачевского Николаю, сестре — Ольге Гейман-Тухачевской и любовнице — Протас Амалии Яковлевне»⁹⁷. Владимиров был приговорен к расстрелу 14 июня 1938, реабилитирован по заявлению дочери в 1956 году⁹⁸.

В сухих следственных материалах всплывают бытовые подробности.

«Начальнику оперотделения 5 управления МГБ СССР... рапорт:

«Докладываю, что арест на имущество арестованной по ордеру МГБ СССР за № 57 от 29/VI-48 года Тухачевской-Владимировой Марии Николаевны, проживавшей по адресу: г. Александров, Красный пер., дом 18 не наложен ввиду того, что арестованная все имеющиеся носильные вещи взяла с собой при аресте и другого имущества никакого не имеется.

Арестованная своей площади не имела и проживала на койке»⁹⁹.

Протокол допроса Софьи Николаевны Тухачевской 19 сентября 1937 года:

«...Вопрос. Какую материальную помощь оказывал вам брат Михаил?

Ответ. Иногда он мне давал пользоваться автомашиной и помог в обмене комнаты. Другой помощи я от него не получала.

Вопрос. Как часто вы встречались со своим братом Михаилом?

Ответ. Я иногда бывала у него на квартире и раза два он был у меня в 1936 году.

Вопрос. Нам известно, что вы были осведомлены об антисоветской деятельности своего брата Михаила, требуем правдивых показаний по существу этого вопроса.

Ответ. Об антисоветской деятельности брата Михаила я ничего не знала...»100.

Больше в деле протоколов допросов нет.

Обвинительное заключение:

«Предварительным следствием по делу установлено:

1) Тухачевская Софья Николаевна до последних дней имела личную близкую связь со своим братом Михаилом и получала от него различную материальную помощь»101.

Выписка из протокола Особого совещания при Народном Комиссаре Внутренних дел СССР от 28 сентября 1937 года:

«Тухачевскую Софью Николаевну как соц. опасный элемент — сослать в Казахстан сроком на пять лет, считая срок с 10.9.37»102.

Постановление (об изменении места ссылки осужденной Тухачевской Мавре Петровне) 27 марта 1939 года.

«Тухачевская Мавра Петровна и Тухачевская Софья Николаевна были осуждены Особым совещанием НКВД в 1937 г., как родственники врага народа к 5-ти годам высылки первая в г.

Астрахань и последняя в Казахстан, Чаяновский район пос.

Глинково.

Учитывая, что Тухачевской Мавре Петровне в данное время 70 лет и как видно из ее заявления она нуждается в повседневной помощи Постановил:

Против изменения места ссылки Тухачевской Мавре Петровне из г. Астрахани в Казахстан поселок Глинково к своей дочери — не возражать»¹⁰³.

Она поехала туда. И умерла в пути. О том, как это было, оставшиеся в живых сестры маршала узнали из цитируемого ниже письма.

«Я знала хорошо вашу мать Мавру Петровну в период ее пребывания в Астрахани в 1937—1941 годах и в Казахстане, куда нас вместе вывезли в ноябре 1941 года, и во время ее кончины мы жили с ней в одной комнате, в казахском ауле Челкарского района.

...Познакомились мы с ней возле астраханской женской тюрьмы, куда Мавра Петровна ходила к невестке, там сидела моя мать, которую арестовали вместе с моим мужем... В одной камере с матерью сидели: жена Уборевича, жена Гамарника, жена Бухарина. Мавра Петровна жаловалась на боли в сердце. Нам всем было очень жаль ее — она ведь была старше всех нас там, да такие невыносимые моральные страдания.

В ноябре 1941 года нас, как «неблагонадежных», выслали в Казахстан. Дорога была очень тяжелая. Из Астрахани дней 15 ехали на барже до Каспийского моря... Почти не было питьевой воды, теснота, темнота, пищу добывали на берегу, когда причаливала баржа. Затем нас перегрузили на пароход, где условия были не лучше, а в Красноводске на поезд в теплушки, там было еще хуже, довели до Челкара, это уже был декабрь 1941 года. Там нас на верблюдах в 30–градусный мороз повезли в аул. Дорога в 30 километров тянулась 9 часов, многие пообморозились. Эта поездка окончательно подорвала здоровье Мавры Петровны. В ауле нас поместили в землянку, состоящую из двух комнат, в одной из них нас поместили с Маврой Петровной (моя семья 5 человек, еще женщина с сыном и Мавра Петровна).

Мой брат сделал для нее из каких–то прутьев «кровать», и мы ее уложили, напоили теплым чаем, но она уже совсем плохо себя чувствовала, а врача, конечно, не было. На второй или третий день она скончалась»¹⁰⁴.

Софья Тухачевская умерла в ссылке.

Дошла очередь до ставших совершеннолетними детей.

Их можно было судить как «полноценных» врагов народа.

Кстати, сталинское правосудие даже немного опоздало, — их арестовали только в 1944–м.

Светлану Тухачевскую арестовали в Свердловске летом 1944–го, прямо в трамвае, и привезли в Москву.

«После того, как мой отец и отец Уборевич были в 1937 году арестованы, наши семьи были высланы в город Астрахань, где я продолжала встречаться с Владимирой

Уборевич. Когда же были арестованы наши матери, то нас отправили в город Свердловск, в Нижне–Исетский детский дом, где мы встречались до 1942 года, т. е. до момента ее отъезда на учебу в город Ташкент.

В настоящее время она находится в Москве и учится в Архитектурном институте...»105, — это первые показания Светланы Тухачевской.

Владимира Уборевич действительно в это время находилась в Москве — но не в институте, а тоже в тюремной камере.

Владимира Уборевич писала:

«Я сдала экзамены в Московский Архитектурный институт, который производил прием в Свердловске... Мама хотела, чтобы дочь ее стала архитектором... Светлана помнила об этом и, принесла мне газету, радовалась, что сбудется мечта Нины Владимировны»106.

Протокол допроса Арестованной Тухачевской Светланы Михайловны от 26 сентября 1944 года:

«Вопрос. Вам предъявляется постановление о предъявлении обвинения.

Вы обвиняетесь в том, что будучи участницей антисоветской группы, проводили враждебную существующему в СССР строю агитацию.

Следствие предлагает правдиво показать по существу предъявленного вам обвинения.

Ответ. Я никогда участницей антисоветской группы не была и агитации враждебной советской власти не проводила, поэтому виновной в предъявленном мне обвинении не признаю.

Вопрос. В чем же вы признаете себя виновной?

Ответ. Виновной я себя ни в чем не признаю.

Вопрос. Следствие располагает данными о вашей преступной работе, поэтому настаивает, чтобы вы показали правду.

Ответ. Я еще раз заявляю, что никаких преступлений я не совершала »107.

Допрос 13 октября 1944 года:

«Вопрос. Намерены ли вы сегодня правдиво показать следствию о совершенных вами преступлениях?

Ответ. Никаких преступлений я не совершала, поэтому показать ничего не могу.

Вопрос. Вы продолжаете лгать на допросах. О ваших преступлениях вы будете допрошены на следующих допросах, я сейчас покажите о ваших отношениях с Петром Якир.

Ответ. Как я уже показала на предыдущих допросах, что никакой антисоветской работы я не вела, поэтому и мои взаимоотношения с Якиром не носят преступного характера. Он был только мой знакомый, с которым у меня было всего несколько встреч, о которых я показала на допроса от 22 сентября 1944 года. Сейчас я вспомнила, что была еще одна встреча с ним в городе Свердловске.

Я и Якир ходили в кино.

Вопрос. Покажите о содержании ваших разговоров с Якиром.

Ответ. Якир мне рассказал, что он несколько лет находился в лагерях НКВД, однако я сейчас не помню, за какие преступления он был заключен в лагеря. Якир мне

рассказывал о лагерной жизни, о том, что не хотел там работать и за это его сажали в карцер.

Других разговоров о лагерях у нас не было.

Кроме этого разговора я помню, как Якир говорил со мной о наших репрессированных отцах, но этот разговор не носил антисоветского характера. Якир спросил меня, что делали бы наши отцы сейчас во время войны, если бы они не были арестованы. Я ему ответила, что, конечно, они воевали бы»¹⁰⁸.

Разумеется, мимо такого «контрреволюционного предположения» следствие пройти не могло.

Допрос 19 октября 1944 года:

«Вопрос. Где вы учились?»

Ответ. В 1940 году я окончила Нижне–Исетскую среднюю школу и поступила на филологический факультет Свердловского университета.

Проучилась примерно месяцев семь и затем оставила учебу в связи с материальными затруднениями. В 1942 году я поступила на первый курс Московского Государственного университета, находившегося в то время в г. Свердловске. Закончила первый курс. В 1943 году в момент эвакуации Университета в Москву мне было отказано в пропуске и в связи с этим я была вынуждена уйти из университета. После этого я не училась и поступила на работу в Нижне–Исетскую городскую больницу.

Вопрос. Почему вам было отказано в пропуске?

Ответ. Пропуска для всех студентов получала администрация университета. Когда я обратилась в университет с просьбой объяснить мне причину отказа выдачи

пропуска, то мне никакого вразумительного ответа не дали.

Вопрос. А в другие учреждения вы обращались по этому вопросу?

Ответ. Нет, я больше никуда не обращалась, но в Москву выехала вместе с университетом.

Вопрос. Каким же путем вам удалось это сделать?

Ответ. Я села в эшелон, в котором реэвакуировались студенты Московского университета и вместе с ними приехала в Москву. Никакой проверки пропусков по пути не было.

Вопрос. Что вы делали в Москве?

Ответ. Я сдала экзамены за первый курс университета и пыталась получить разрешение на право жительства в Москве. В Московском Городском отделе милиции мне не разрешили проживать в Москве и предложили срочно покинуть город, что я и сделала, выехав в г. Свердловск»¹⁰⁹.

Между строк — правда, «закованная» в тупо агрессивный канцелярит.

«...В 1942 году в разное время в беседах с Уборевич В. И.

и Якиром П. И. я высказывала недовольство советскими порядками.

Я говорила, что несмотря на то, что в советских законах написано, что дети не ответственны за преступления своих родителей, однако в действительности это не так. При этом я приводила в пример себя, указывая, что

мне не разрешили проживать в Москве потому, что я являюсь дочерью врага народа.

В беседах с этими же лицами я клеветала на руководителя ВКП(б) и советского правительства, дискредитировала проводимую им политику. Я говорила, что если бы жив был Ленин, то политика партии была бы совсем другая, и положение страны было бы значительно лучше, чем сейчас когда во главе государства стоит вождь партии. Этим я хотела доказать, что вождь партии и ВКП(б) ведут страну не по ленинскому пути. В частности, я считала, что советское правительство сделало ошибку, заключив в 1939 году договор с Германией о ненападении и снабдив Германию продовольствием...

Касаясь судебных процессов, осудивших врагов народа, в том числе и моих родителей, я говорила, что это произошло только благодаря политике проводимой вождем партии. И что если бы был жив Ленин, то подобных процессов не было, как я утверждала, будто политические взгляды врагов народа не расходились с линией партии, проводимой Лениным.

Вопрос. Что говорил по этому вопросу Якир и Уборевич?

Ответ. Якир и Уборевич разделяли мои антисоветские взгляды и высказывались в таком же духе...

Весной 1942 года в совместной беседе касаясь части истории ВКП(б), где изложен период Гражданской войны в СССР, я и Уборевич клеветнически утверждали, что отдельные исторические факты освещены неправильно. В частности, я доказывала будто бы кронштадтский мятеж был подавлен не так, как об этом сказано в кратком курсе истории ВКП(б).

Я утверждала, что главная роль в подавлении мятежа принадлежала моему отцу — Тухачевскому М. Н.»110.

Владимира Уборевич:

«Все часы, отведенные на сон, я проводила у следователя. Он же неумолимо психовал, бегал вокруг меня, размахивая пистолетом, периодами засыпал за своим столом... потом опять бегал, кричал, матерился и так каждый день пять–шесть часов ночью и пару часов днем. На четвертый день меня перевели в общую камеру...

Вызовы к психам–следователям начинались в мертвый час. Специально давали нам лечь, а тогда вызывали. Так же ночью»111.

«Теперь вел дело полный, спокойный блондин — садист. Пока

я сидела у него, он (я думаю нарочно) разговаривал с женой по телефону о театре, о развлечениях и всяких проявлениях жизни человеческой.

Когда я сказала, что сижу за отца, он чуть не лопнул от возмущения:

«У нас дети за отцов не отвечают!» ...В Бутырках... мы умудрились со Светланой переписываться... Я, например, отрывала кусочек светлой материи от пижамы, разводила в крышке чайника содранную с окон краску (была война и стекла были покрыты черной краской) и сев за чью–либо спину (прячась от «глазка») — писала щеп кой печатными буквами записочку... 14 февраля (1945 г.) Светлана поздравила меня с днем рождения и прислала вышитый платочек...

Нас с Светланой за переписку посадили на 5 суток в карцер...

В подвальном помещении располагается 2 ряда каменных мешочков с коридором посредине. Холод поддерживается особой продувной вентиляцией. В карцере — т. е. в одной камере есть бетонный столбик, на который опускается с 12 ночи до 6 утра доскакровать, лампочка и больше ничего. В торце коридорчика около моей крайней камеры стоит стол и 2 стула дежурных, которые сидят здесь в тулупах. К счастью мои соседки, приятельницы по основной камере дали мне с собой мою студенческую телогрейку и я мерзла не так сильно, как бедная Светлана. У той вообще не было теплых вещей, т. к. арестовали ее в сентябре в трамвае. В карцере за 5 дней 1 раз горячий суп и 3 раза кипяток. Хлеб 300 гр.

в день. Это все... Ноги опухли, но я не заболела. У Светы тоже ноги опухли, хотя на сердце она раньше не жаловалась. В карцере на 3 день я мыла коридор и за это получила лишнюю миску супа. Есть не могла и попросила передать эту заработанную миску Свете»«2.

Обвинительное заключение по следственному делу на Якира П. И., Толстопятова А. И., Тухачевскую С. М. и Уборевич В. И.

от 4 декабря 1944 года:

«Следствием по делу установлено, что обвиняемые: Якир П. И., Толстопятое А. И., Уборевич В. И. и Тухачевская С. М. с осени 1942 года поддерживали между собой на почве общности враждебных взглядов дружественные взаимоотношения и проводили среди своих знакомых антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию мероприятий партии и советского правительства, а также распространяли клеветнические измышления против руководителей советского государства... Будучи вместе с матерью выслан в гор. Астрахань в 1937 году, Якир стал

проводить там антисоветскую агитацию и группировать вокруг себя антисоветски настроенных лиц из числа учащихся, за что в том же 1937 году был арестован и осужден к пяти годам ИТЛ... В последующее время, оставаясь на враждебных позициях к советской власти, Якир, после отбытия срока наказания (осенью 1942 г.) установил антисоветскую связь с дочерью врага народа Тухачевского М. Н. — Тухачевскую С. М., в разговорах с которой клеветал на советскую действительность, заявляя будто СССР не является социалистическим государством, а представляет собой деспотически-монархическое государство и все мероприятия партии и правительства проводятся из-под палки... На почве общей озлобленности за арест своих родителей, Якир и Тухачевская возводили злостные измышления по адресу вождя партии. Вместе с этим, Тухачевская С. М. заявляла, что якобы, в СССР нет политической свободы для народа и, что руководитель советского государства ведет страну по неправильному пути...

Аналогичную клевету Тухачевская и Якир высказывали в беседах с привлеченной по данному делу дочерью врага народа Уборевич И. П. — Уборевич В. И.»¹¹³.

Постановление Об определении материалов обыска Гор.

Москва, 1944 г., декабря 30 дня:

« При обыске в квартире обвиняемой Тухачевской С. М. были изъяты и доставлены в НКГБ следующие документы:

1. Личная переписка (письма) Тухачевской на 23-х листах.

2. Фотокарточки обвиняемой и ее родственников, в том числе отца — врага народа Тухачевского М. Н. — 32 шт...

Принимая во внимание, что материалы, указанные в пунктах с 1 по 2 включительно настоящего постановления не являются вещественными доказательствами по делу и никакой ценности для хранения не представляют...

Постановил:

Материалы... перечисленные в пунктах с 1 по 2-ой уничтожить путем сожжения»¹¹⁴.

Этот рефрен — уничтожить путем сожжения — встречается практически в каждом деле. Так выжигалась память.

Владимира Уборевич:

«Мы в осужденной камере. Весна 1945 года:

Нас со Светланой вызывают на этап вместе. Везут на грузовике с другими и с попками (охранниками) в Подмосковный лагерь Ховрино. Это завод. Женский барак колоссальный и светлый, весь заставленный 2-х этажными нарами. Очень много воровок...

Светлану вызвал начальник. Спросил дочь ли она «Михал Николаевича» и послал работать на кухню. Несмотря на строжайший контроль Света выносила мне отсюда за пазухой немножко поесть. Я работала на конвейере. 12 часов — очень трудно, но это не литейный цех»¹¹⁵.

Выписка из протокола № 7 Особого Совещания при Народном Комиссаре Внутренних Дел СССР от 10 февраля 1945 года:

«...Тухачевскую Светлану Михайловну за антисоветскую агитацию — заключить в исправительно–трудовой лагерь сроком на пять лет, считая срок с 12 сентября 1944 г.»¹¹⁶ Владимире Уборевич предстояла Воркута, Светлане Тухачевской — Печора. Сроки им потом «скостили», заменив лагеря ссылкой.

«На всем пути следования ко мне подходили люди сидевшие за папу и знавшие его. Большинство военных сидели «по делу Уборевича» или «по делу Тухачевского». У меня была самостоятельная статья «аса» (антисоветская агитация), но каждому было ясно, что я этот путь иду за отца, что и я «по делу Уборевича»»¹¹⁷.

В ссылке они нашли себе мужей — тоже из репрессированных «врагов народа». У Владимировны Уборевич в Воркуте родилась дочка, которая там же умерла, совсем маленькой — от туберкулеза.

Реабилитация пришла в 1957–м. Дети, давно ставшие взрослыми, вернулись в Москву — в город, где двадцать лет назад было уничтожено их детство. Вернулись из ссылки и сестры маршала.

«Семейный архив. Это так много. Очень часто семейный архив может оказаться интересней романа. В нашей семье Тухачевских семейного архива не осталось, хотя и у нас было много интересного.

Имелись письма И. С. Тургенева к нашей бабушке Софье Валентиновне, матери отца, которая была соседкой Тургенева по имению в Орловской губернии. Имелся старый рояль, на котором по преданию семьи как–то раз играл Антон Рубинштейн (композитор) и др.

Аресты, конфискации, повторные аресты и ссылки ничего не оставили.

Все было сожжено на Лубянке. После XX съезда и нашей реабилитации к нам начали поступать постепенно какие-то отголоски нашей прежней жизни. Самую большую радость всем нам доставила семья Виноградовых, родственников Зинаиды Федоровны, жены брата Александра Николаевича. Это была большая пачка фотографий, сделанных нашим отцом в начале века. Эта семья их бережно сохранила. Затем пришла Оля, домработница семьи Михаил Николаевича и принесла несколько фотографий Михаила Николаевича и Нины Евгеньевны, сделанных за границей во время их поездки в 1936 г на похороны английского короля. Родственница Нины Евгеньевны принесла фотографию Светлане Михайловне ее матери и отца, которую эта родственница разрезала пополам и хранила в разных местах... «Известия». Несколько фотографий сохранила М. И. Томашевич, тетя Марии Викентьевны, жены брата Николая Николаевича. Наш знакомый, виолончелист Н. Н. Смельский принес мне «Справку о грунтах и лаках», написанную Михаилом Николаевичем и отданную им зимой 1937 г. Н. Н. Смельскому на хранение.

Этот труд Михаила Николаевича мать Н. Н. Смельского хранила после ареста сына. И вот благодаря этим людям что-то сохранилось о нашей прежней семье»¹¹⁸, — писала Елизавета Николаевна Арватова-Тухачевская.

Память, заглушённая лагерями и зацементированная силой воли, оживала. И теперь им предстояло снова учиться жить — с не утихающей болью и мучительными попытками осмыслить произошедшее и — с надеждой. Они не знали тогда, что спустя полвека страна предаст собственную историческую память, вновь водружая (в

прямом и переносном смысле) на пьедестал Иосифа Сталина.

Источники и литература

1. Кантор Ю. Михаил Тухачевский, маршал Советского Союза: «Я хочу сделать вывод из этой гнусной работы» // Известия, 21 февраля 2004 г.

2. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–23914 на Тухачевскую–Аронштам Н. Е., л. 14.

3. Там же, л. 14об.

4. Личный архив В. И. Уборевич. Письма Б. И. Уборевич к Е. С. Булгаковой.

Письмо № 5 от 27.06.63 г. Рукопись.

5. Там же.

6. Личный архив В. И. Уборевич. Филатова Е. Воспоминания о доме нашего детства, Большой Ржевский, д. 11. Машинопись, с. 5.

7. Детство в тюрьме. Мемуары Петра Якира // <http://www.saharov-center.ru> 8. Личный архив В. И. Уборевич. Письма В. И. Уборевич к Е. С. Булгаковой. Письмо № 6 от 30.06.63 г. Рукопись.

9. Там же.

10. Ларина–Бухарина А. М. Незабываемое. М.: Изд–во АПН, 1989, с. 31.

11. Личный архив В. И. Уборевич. Письма В. И. Уборевич к Е. С. Булгаковой. Письмо № 6 от 30.06.63 г. Рукопись.

12. Там же. Письмо № 7 от 02.07.63 г.

13. Там же.

14. Личный архив В. И. Уборевич. Письма В. И. Уборевич к Е. С. Булгаковой. Письмо № 8 от 03.07.63 г. Рукопись.

15. ЦА ФСБ РФ, ЛСД № Р–23914 на Тухачевскую–Аронштам Н. Е., л. 9.

16. Там же, л. 13.

17. Личный архив В. И. Уборевич. Письмо Орловой В. Д.

от 19.06.88. Рукопись.

18. Личный архив В. И. Уборевич. Письма В. И. Уборевич к Е. С. Булгаковой. Письмо № 11 от 10.07.63 г.

19. ЦА ФСБ РФ, ЛСД № Р–23914 на Тухачевскую–Аронштам Н. Е., л. 19.

20. Там же, л. 21.

21. Там же, л. 24—25.

22. Там же, л. 39.

23. Там же, л. 48—49.

24. Там же, л. 65.

25. Личный архив В. И. Уборевич. Письма В. И. Уборевич к Е. С. Булгаковой. Письмо № 6 от 30.06.63 г. Рукопись.

26. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–23914 на Тухачевскую–Аронштам Н. Е., л. 49—50.

27. Там же, л. 52—53.

28. Там же, л. 63—65.

29. Там же, л. 66.

30. Там же, л. 89.

31. Там же, л. 92.

32. Там же, л. 93.

33. Там же, л. 94.

34. Там же, л. 94–95.

35. Там же, л. 108.

36. Там же, л. 110.

37. Личный архив В. И. Уборевич. Письма В. И. Уборевич к Е. С. Булгаковой. Письмо № 11 от 10.07.63 г. Рукопись.

38. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–23914 на Тухачевскую–Аронштам Н. Е., л. 170.

39. Там же, л. 119.

40. Там же, л. 120.

41. Личный архив В. И. Уборевич. Письма В. И. Уборевич к Е. С. Булгаковой. Письмо № 8 от 03.07.63 г. Рукопись.

42. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9003 на Тухачевского Н. Н., л. 25.

43. Там же, л. 26.

44. Там же, л. 32.

45. Там же, л. 32об.

46. Там же, л. 41.

47. Там же, л. 34—34об.

48. Там же, л. 35.

49. Там же, л. 35об.

50. Там же, л. 76об. — 77.

51. Там же, л. 77об.

52. Там же, л. 78–78об.

53. Там же, л. 53.

54. Кантор Ю. Михаил Тухачевский, маршал Советского Союза:

«Я хочу сделать вывод из этой гнусной работы» // Известия, 21 февраля 2004 г.

55. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–5159 на Бейер (Тухачевскую) М. В.

Конверт. Заявление председателю Особого Совещания от 19.03.1949 г., л. 1–1об.

56. ГАРФ, АСД, П–63124, ф. 10035, оп. 1, л. 5.

57. Там же, л. 4.

58. Там же, л. 8.

59. Там же, л. 9.

60. Там же, л. И.

61. Там же, л. 13.

62. Там же, л. 15.

63. Там же, л. 16.

64. Там же, л. 20.

65. Там же, л. 31.

66. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–4329 на Тухачевскую З. Ф. Т. 1 (1948 г.).

Конверт: заявление Тухачевской З. Ф. Сталину от 24.04.1938 г., л. 1–4.

67. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–3325 на Арватова Ю. И., л. 3–4.
68. Там же, л. 31–32.
69. Там же, л. 32–33.
70. Там же, л. 48.
71. Там же, л. 50.
72. Там же, л. 124.
73. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–3454 на Арватову–Тухачевскую Е. Н., т. 1.(1937 г.), л. 12.
74. Там же, т. 2. (1948 г.), л. 23–24.
75. Там же, л. 25.
76. Там же, л. 60.
77. Личный архив Н. А. Тухачевского. Аудиокассета с записью воспоминаний Е. Н. Арватовой–Тухачевской.
78. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–3454 на Арватову–Тухачевскую Е. Н., т. 2 (1948 г.), л. 61.
79. Там же, л. 27.
80. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–18091 на Протас А. Я.
81. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–12805 на Кузьмину Ю. И.
Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения от [б. д.] июня 1937 г., л. 4.
82. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–12805 на Кузьмину Ю. И., л. 18.
83. Там же, л. 21.
84. Там же, л. 27.
85. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–12805 на Кузьмину Ю. И.

86. Там же.
87. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–4328 на Гейман–Тухачевскую О. Н., т. 1, л. 9.
88. Там же, л. 12.
89. Там же, л. 14.
90. Там же, л. 7.
91. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–4328 на Гейман–Тухачевскую О. Н., т. 2, л. 17.
92. Там же, л. 23.
93. Там же, л. 50.
94. Там же, л. 78–80.
95. Там же, л. 81.
96. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–4330 на Тухачевскую–Владимирову М.Н., т. 1 (1948 г.), л. 31.
97. Там же, л. 32.
98. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–10195 на Владимирову М. А., л. 1–2.
99. Там же.
100. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–4330 на Тухачевскую–Владимирову М. Н., т. 1 (1948 г.), л. 15.
101. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–12028 на Тухачевскую С. Н., л. 6.
102. Там же, л. 8.
103. Там же, л. 13.
104. Там же, д. 14.

105. Личный архив Ю. В. Хитрово. Письмо Х. М. Петровой. Машинопись.
106. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–41897 на Тухачевскую С. М. и др., л. 212.
107. Личный архив В. И. Уборевич. Письма В. И. Уборевич к Е. С. Булгаковой. Письмо № 8 от 03.08.63 г.
108. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–41897 на Тухачевскую С. М. и др., л. 215.
109. Там же, л. 216.
110. Там же, л. 217–218.
111. Там же, л. 219, 223.
112. Личный архив В. И. Уборевич. Письма В. И. Уборевич к Е. С. Булгаковой. Письмо № 12 от 14.07.63 г. Рукопись.
108. Там же.
- 113.. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–41897 на Тухачевскую С. М. и др., л. 277–278.
114. Там же, л. 269.
115. Личный архив В. И. Уборевич. Письма В. И. Уборевич к Е. С. Булгаковой. Письмо № 13 от 22.07.63 г. Рукопись.
116. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–41897 на Тухачевскую С. М. и др., л. 281.
117. Личный архив В. И. Уборевич. Письма В. И. Уборевич к Е. С. Булгаковой. Письмо № 14 от 28.07.63 г.
118. Личный архив Ю. В. Хитрово. Арбатова–Тухачевская Е. Н.
- Воспоминания. Машинопись.

13. ЭХО РАССТРЕЛА

Не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма»¹ В. М. Молотов

Дело военных закончилось расстрельным залпом, и его эхо разнеслось далеко за пределы Советского Союза. За происходившим внимательно следили противники, которым через два года, в 1939–м, предстояло стать друзьями, а еще через два, в 1941–м, — заклятыми врагами. Колоритные воспоминания оставил гитлеровский министр пропаганды Й. Геббельс. Два дня спустя после казни Тухачевского и других военачальников, 15 июня 1937 года, он зафиксировал в дневнике:

«Кровавые приговоры в Москве ужасают. Там уже ничего не разберешь. Там все больны. Это единственное объяснение происходящего там. Огромное потрясение во всем мире»².

На следующий день:

«Бойня в Москве вызывает большое потрясение во всем мире.

Говорят об очень серьезном кризисе большевизма... Россия терпелива »³.

Днем позже:

«Пляски смерти в Москве возбуждают отвращение и негодование.

Опубликованный список расстрелянных за короткое время показывает всю глубину болезни»⁴.

Внутри страны карательная работа велась в заданном Сталиным направлении. 21 июня 1937 года был издан совместный приказ НКО и НКВД «Об освобождении от ответственности военнослужащих участников контрреволюционных и вредительских фашистских организаций, раскаявшихся в своих преступлениях, добровольно явившихся и без утайки рассказавших обо всем ими совершенном и своих сообщниках»⁵. Этот приказ был доведен до сведения личного состава армии и флота. Он закономерно усилил поток доносов, способствуя деморализации военнослужащих.

Военные при службе в частях и перемещениях из округа в округ, из соединения в соединение всегда получали аттестации.

Они подписывались старшими военачальниками.

И как только подписавшего такой документ командира арестовывал НКВД, положительная оценка, данная подчиненному, становилась уликой и даже приговором для последнего.

Третий Рейх ждал подробностей о процессе военных.

Военный атташе Германии в Москве Э. Кестринг 21 июня 1937 года докладывал в Берлин:

«Секретно. О закулисной сути процесса Тухачевского и других пока что ничего достоверного сказать не могу. Мне нужно некоторое время, чтобы узнать подробности. Если это вообще возможно, т. к. изоляция иностранцев, — в особенности, естественно, немцев, — теперь абсолютна. Невозможен никакой разговор с кем-либо из русских. С каждым днем возводимая вокруг Советского Союза китайская стена становится все мощнее и выше.

Таким образом, об истинных причинах процесса пока сказать ничего нельзя. Мои впечатления таковы:

а) В шпионаж расстрелянных не верят ни иностранцы, ни широкие массы местного населения.

б) 8 осужденных были лицами, имевшими доверие. Возможно, они пытались контактировать с Германией, не из любви к нам, а потому, что понимали, какая опасность... в случае военного развития может им угрожать с нашей стороны»б.

Кестринг, отлично знавший ситуацию в Советской России, приходил к логичному выводу:

«Подозрительность Сталина и всех против всех была достаточной для их приговора. Кроме того, Сталин... знал, что вокруг таких личностей, как Тухачевский, в стране может выкристаллизоваться круг из множества недовольных. Самое надежное — «ликвидировать».

Мертвые не могут навредить. Итак, голова с плеч! ...Наблюдаемая повсеместно неуверенность, недоверие каждого к каждому воздействуют на дееспособность армии вредоносно. Расстрелянные имели, однако, своих приверженцев. Преследование мнимых шпионов и вредителей, находившихся с ними в связях, становится все более расширяющимся, как и в других структурах. Вновь созданные Военсоветы пытаются доказать свою необходимость»7.

И резюмировал:

«Очевидные факты, что грубые руки подозрительного политика, разрушающе действуют на лучшее, армию, можно только приветствовать »8.

Состояние советской армии после 1937-го — предмет пристального внимания Гитлера. Геббельс зафиксировал в дневнике:

«01.07.37. Фюрер разговаривал с нашим послом в Москве Шуленбургом. Шуленбург дает мрачную картину России. Террор, убийства, интриги, предательство, коррупция — и только. И это государство трудящихся! Много рассказывал и делился впечатлениями.

Фюрер смеялся от всего сердца... 10.07.37. Разговор с фюрером.

Он (Гитлер) не может себе объяснить ситуацию в России.

Сталин болен мозгами. Иначе нельзя объяснить его кровавый режим.

Но Россия не знает (не хочет знать), ничего кроме большевизма.

Это — опасность, которую мы должны пресечь»9.

Смещенный к началу Второй мировой войны со всех постов бывший командующий вермахта Бломберг в 1943 году возвращался в воспоминаниях, публикуемых здесь впервые, к «процессу военных»:

«Им предсказывали большое будущее, но вместо этого пришли репрессии. Мы так до сих пор и не узнали, почему Сталин учинил эти массовые убийства в высшем командовании армии. Поводом послужило обвинение в предательских контактах с заграницей, причем имелась в виду главным образом Германия. В этом нет и тени правды. Потому что, даже если бы нечто подобное было в действительности, я как главнокомандующий должен был бы об этом знать. Ни малейшей попытки в этом отноше-

нии нами сделано не было. Имели ли место внутривнутриполитические заговоры, мне не известно. Мне такое толкование представляется неправдоподобным.

Ближе к истине лежит предположение, что Сталин убрал людей, которые не признавали его тиранического единовластия и от которых он мог ожидать последнего сопротивления. Я называю имена, которые вновь всплыли в моей памяти: Блюхер, Тухачевский, Уборевич. Конечно, этот ряд имен далеко не полный. Просто именно эти люди произвели на меня лично сильнейшее впечатление»¹⁰.

А. А. Жданов на торжественно–траурном заседании в январе 1938 года, посвященном 14–й годовщине со дня смерти В. И. Ленина, подчеркнул:

«1937 год войдет в историю выполнения ленинских заветов и предначертаний как год разгрома врагов народа»¹¹.

Лучше не скажешь.

В РГАСПИ сохранилась стенограмма совещания политработников РККА, проходившего 3—4 августа 1937 года.

«...т. Смирнов (начальник политуправления РККА):

Политическое настроение нашей РККА прочное и хорошее.

...Мы уже проделали за последнее время порядочную работу.

Всего из армии уволено за последние месяцы около 10 тыс. человек, и около половины из них как исключенные по политическими мотивам. Но... если бы мы успокоились на этом... это было бы не

верно...

...Выкорчевывание всей враждебной сволочи — эта задача — стоит перед нами...

Как реагировала РККА на раскрытие шпионских банд? Приведение в исполнение приговора над Тухачевским, Уборевичем и Якиром было встречено и рассмотрено как воля РККА... Встрепенулась буквально вся РККА... Сейчас десятки, сотни тысяч писем поступают... за последнее время поступило более 10 т. Сейчас бдительность народа безусловно поднялась.

т. Троянкер (Военный совет Московского округа).

В течение известного периода времени было известное напряжение у части ком.состава. Основная масса нач.става отнеслась к этим увольнениям и к тому процессу очищения, который мы провели, совершенно правильно. Часть командиров, особенно те, которые чувствовали, что до них дойдет очередь... заметно нервничали...

У этой части наблюдалось упадочное отношение к своей работе...

Если в момент опубликования приговора Верховного Суда были такие настроения... что никому верить нельзя, настроения панические,

упаднические, ...в основном эти настроения сейчас прекратились»¹².

И все же, несмотря на бодряческие реляции, падение авторитета командиров и начальников невозможно было проигнорировать.

Во время того же совещания Смирнов (сменивший на посту начальника Политуправления Гамарника) отметил, что на общем фоне положительных настроений

«есть очень много отрицательных и прямо контрреволюционных высказываний. Эти настроения идут, главным образом, по линии разговоров о подрыве авторитета руководителей партии и правительства, о подрыве авторитета огульно командирского состава... Элементы растерянности захватили некоторую часть руководителей, которые потеряли волю и выпустили вожжи из рук.

Есть некоторый упадок дисциплины, много происшествий, аварий, самоубийств, поджогов, увечья людей... Число дисциплинарных проступков очень велико. С 1 января 1937 года по 1 мая 1937 года мы имеем здесь астрономическую цифру — 400 тысяч»¹³.

Еще несколько «астрономических» цифр, свидетельствующих о катастрофическом изменении психологического климата в вооруженных силах страны. О разрушительном влиянии репрессий можно судить и по резко снизившемуся уровню воинской дисциплины: увеличилось число суицидов и аварий. По данным Главного управления РККА, количество самоубийств и покушений на самоубийство во втором квартале 1937 года по сравнению с первым кварталом выросло в ЛВО на 26,9 процентов, в БВО — на 40, в КВО — на 50, в ОКДВА — на 90, 9, на Черноморском флоте — на 200 процентов¹⁴.

Если за период, предшествовавший «Делу военных», с 1 января по 15 марта 1937 года, в ВВС было 7 катастроф и 37 аварий, во время которых погибло 17 человек и ранено 9, то в 1938 году за такой же период произошли 41 катастрофа и 55 аварий, в которых погибло 73 человека и ранено было 2215. Всего по РККА за один 1939 год во время чрезвычайных происшествий погибло 1178 и было ранено 2904¹⁶.

Репрессии не воспринимались как чрезвычайное происшествие — были обыденностью.

Во время выступления члена Военного совета СевероКавказского военного округа Прокофьева состоялся примечательный диалог:

«Сталин. А как красноармейцы относятся к тому, что были командные кадры, им доверяли и вдруг их хлопнули, арестовали? Как они к этому относятся?»

Прокофьев. Я докладывал, товарищ Сталин, что в первый период у ряда красноармейцев были такие сомнения, причем они высказывали соображения [о том, как получилось], что такие люди, как Гамарник и Якир, которым партия доверяла на протяжении ряда лет большие посты, оказались предателями народа, предателями партии.

Сталин. Ну да, партия тут прозевала.

Прокофьев. Да, партия, мол, прозевала.

Сталин. Имеются ли тут факты потери авторитета партии, авторитета военного руководства? Скажем так: черт вас разберет, вы сегодня даете такого-то, потом арестовываете его. Бог вас разберет, кому верить?

Голоса с мест. Такие разговоры действительно были. И записки такие подавали»¹⁷.

Когда же один из следующих ораторов стал заверять Сталина, что авторитет партии, авторитет армии не подорван, Сталин прервал его и заявил: «Немного подорван»¹⁸.

Вождь, вероятно, сам был ошарашен масштабами происходившего, если счел возможным публично сделать такое признание.

Репрессии шли и по национальному признаку. В конце декабря 1937 года по указанию Ворошилова из округов были затребованы списки на всех немцев, латышей, поляков, литовцев, эстонцев, финнов и лиц других «несоветских»

национальностей. Кроме того, Ворошилов рекомендовал выявить всех родившихся, проживавших или имеющих родственников в Германии, Польше и других иностранных государствах, и наличие связи с ними¹⁹. Списки были, естественно, получены, и все эти командиры вне зависимости от их заслуг, партийности, участия в Гражданской войне были уволены из РККА в запас. А списки уволенных подлежали направлению в НКВД.

Обращает на себя внимание речь Сталина, произнесенная в конце 1937 года на встрече с руководящим составом РККА:

«Главное заключается в том, что наряду с раскрытием в армии чудовищного заговора продолжают существовать отдельные группировки, которые могут перерасти в определенных условиях в антипартийные, антисоветские группировки. В данном случае идет речь о такого именно рода группировке, которую мы имеем в лице Егорова, Буденного и Дыбенко. По-моему, Тимошенко здесь схватил суть этой группировки правильно. Это не группировка друзей, а группировка политических единомышленников, недовольных существующим положением в армии, а может быть и политикой партии. Тут многие товарищи говорили уже о недовольстве Дыбенко, Егорова и Буденного.

(Любопытно, что в числе опальных фигурирует и Буденный. Однако, как показали последующие события, ему, в отличие от Егорова и Дыбенко, удалось «выкрутиться». — Ю. К.). Само по себе недовольство отдельными

ми моментами отношений к ним вполне законно. Мы не против того, чтобы товарищи были недовольны теми или иными фактами. Не в этом дело. Важно, чтобы они пришли и вовремя сказали Центральному Комитету, что тем-то и тем-то мы недовольны»²⁰.

В сталинском спиче слышен внятный отсыл к делу военных: Тухачевскому в июне 1937 года инкриминировали формирование группировки из людей, недовольных своим положением в армии.

«Недовольны тем, что, якобы, их мало выдвигают. Это неправильно.

Нас можно упрекнуть в том, что мы слишком рано или слишком много выдвигаем и популяризируем таких людей, как Буденный, Егоров и др. Нас нельзя упрекнуть в том, что мы затираем талантливых людей. Это все неправильно»²¹.

Дальнейшая аргументация великолепна — как с логической точки зрения, так и с военно-политической.

«Возьмем хотя бы такой факт как присвоение звания маршалов Советского Союза. Известно, что у нас 5 маршалов Советского Союза. Из них меньше всего заслуживал этого звания Егоров, я не говорю уже о Тухачевском, который, безусловно, этого звания не заслуживал, и которого мы расстреляли, несмотря на его маршальское звание. Законно заслужили звание маршала Советского Союза Ворошилов, Буденный и Блюхер. Почему законно?

Потому что, когда мы рассматривали вопрос о присвоении звания маршалов, мы исходили из следующего: мы исходили из того, что они были выдвинуты процессом гражданской войны из народа. Вот Ворошилов — невоен-

ный человек в прошлом, вышел из народа, прошел все этапы гражданской войны, воевал неплохо, стал популярным в стране, в народе, и ему по праву было присвоено звание маршала. Буденный — также сын народа, вышел из глубин народа, заслуженно пользуется популярностью в народе, поэтому ему по закону присвоено звание маршала. Блюхер — прошедший все этапы гражданской войны от партизанских ее форм, до регулярной армии, также заслуженный и пользуется популярностью народа, сам вышел из народа и поэтому ему присвоено звание маршала.

Егоров — выходец из офицерской семьи, в прошлом полковник, — он пришел к нам из другого лагеря и относительно к перечисленным товарищам, меньше имел право к тому, чтобы ему было присвоено звание маршала, тем не менее, за его заслуги в гражданской войне мы это звание присвоили, чего же ему обижаться, чем он не популярен, чем его не выдвигает страна»²².

Итак, для того, чтобы заслужить звание маршала, достаточно «неплохо воевать» (хотя для Ворошилова и такая формулировка — большой комплимент), иметь пролетарское происхождение и пользоваться популярностью среди народа. Заметим, что наличие этих качеств не спасло от репрессий ни Блюхера, ни Дыбенко.

«Иные думают, — продолжал Сталин, — что сила армии в хорошем оснащении техникой, техника—де решает все. Вторые думают, что армия крепка и вся сила ее в командном составе, — это также неправильно. (Сталин опять апеллирует к недавнему расстрелу военных — на этот раз он пытается убедить слушателей в «нефатальности» случившегося по его воле. — Ю. К.) Главная сила армии заключается в том, правильна или неправильна

политика правительства в стране, поддерживают ли эту политику рабочие, крестьяне, интеллигенция. Армия ведь состоит из рабочих, крестьян и интеллигенции. Если политикой партии довольна вся страна, довольна будет и армия. Мы против политики нейтралитета в армии. Мы за то, чтобы армия была бы теснейшими узами переплетена с политикой правительства в стране. Правильная политика правительства решает успех армии. При правильной политике техника и командный состав всегда приложатся»²³.

Один из серьезнейших западных исследователей советско-немецких политических контактов первой половины XX века Алан Кларк, в своей знаменитой монографии «План Барбаросса» анализирует отношения армии и государства в СССР и Германии.

«В России, как и в Германии, взаимоотношения армии и государства носили деликатный характер. В обеих странах перед диктатором стояла проблема дисциплины личного состава и подчинения его своим политическим целям. В обеих странах это было достигнуто, но совершенно различными путями, что в свою очередь имело далеко идущие последствия. Гитлер взял верх над своими генералами искусным маневрированием и через несколько лет добился их исключения из области политики, где до этого они целых полвека правили, как арбитры. Затем подкупами, лестью, запугиванием он переключил их энергию и опыт в единственную область — обеспечение высокой боеготовности... Но русский офицерский корпус не был изолирован, он был раздавлен. После чисток Красная армия стала покорной до идиотизма; преисполненной чувством долга, но не имеющей опыта; лишенной политического веса или притязаний ценой утра-

ты инициативности, склонности к эксперименту или нововведениям»²⁴.

Да как же не быть покорной до идиотизма, когда прямо говорится:

«Если вы пойдете в противоречие с политикой партии и правительства, если вы эту политику не признаете, — народ вас сметет, выгонит и не задумается над тем, что маршалы Вы или нет, хорошие ли вы командиры или плохие. При правильной политике даже средние командиры могут сделать гораздо больше, чем самые способные командиры буржуазных государств, у которых политика неправильная, политика которых не поддерживается в армии массой солдат»²⁵.

Свирепые заклинания Сталина никоим образом не обманывали заинтересованных наблюдателей извне.

«Красная армия представляла загадку для западных разведывательных служб, в том числе и Германии. Ее оснащение, по всем данным, было впечатляющим (действительно, у нее было столько же самолетов и больше танков, чем во всем остальном мире), но насколько способны его применять советские командиры? Ее резервы живой силы казались неисчерпаемыми, но одна солдатская масса не имеет ценности при отсутствии надлежащего руководства, а коммунистические приспособленцы, отобранные по признаку политической надежности, будут так же беспомощны на поле боя, как дворцовые фавориты в окружении царя. Даже прирожденная храбрость и стойкость русского солдата, проявленные в ряде европейских войн, по мнению некоторых специалистов, были подорваны идеологической обработкой»²⁶.

Упомянутую загадку в Германии разгадали, с удовлетворением отметив в секретном докладе разведотде-

ла Генерального штаба сухопутных войск Германии 15 января 1941 года:

«В связи с последовавшей после расстрела летом 1937 г. Тухачевского и большой группы генералов «чисткой», жертвой которой стали 60–70% старшего начальствующего состава, имевшего частично опыт войны, у руководства «высшим военным эшелонem» (от главнокомандования до командования армией) находится совсем незначительное количество незаурядных личностей... Преобладающее большинство нынешнего высшего командного состава не обладает способностями и опытом руководства войсковыми объединениями »²⁷ Де-юре наверху военно-политической лестницы в 1941-м стоял Государственный комитет обороны (ГКО), председателем которого был Сталин, а членами Молотов, Ворошилов, Маленков и Берия. Ему подчинялась Ставка — аналог Генерального штаба. Она номинально являлась «комитетом равных » и состояла из восьми офицеров сухопутной армии и четырех комиссаров (среди которых был Булганин), которые должны были следить за генералами. Фактически руководство Ставкой было сосредоточено в руках начальника штаба маршала Шапошникова и его заместителя генерала Жукова, которые оба непосредственно подчинялись Сталину. Ни ГКО, ни Ставка не могли вмешиваться в автократическую верховную власть Сталина, как не могли ограничить всемогущества Берии и НКВД, которые, обладая компрометирующими досье и карательными органами, через сеть комиссаров и политруков держали армию в узде.

Начальник германского генштаба генерал фон Бек, оценивая военное положение летом 1938 года, сказал, что с русской армией можно не считаться как с воору-

женной силой, «ибо кровавые репрессии подорвали ее моральный дух, превратили ее в инертную машину»²⁸.

Ворошилов, выступая на заседании Военного совета при НКО СССР 29 ноября 1938 года, не преминул коснуться темы репрессий в РККА, сохраняя при этом оптимистическую тональность.

«Когда в прошлом году, — заявил он, — была раскрыта и судом революции уничтожена группа презренных изменников нашей Родины и РККА во главе с Тухачевским, никому из нас и в голову не могло прийти, не приходило, к сожалению, что эта мерзость, эта гниль, это предательство так широко и глубоко засело в рядах нашей армии. Весь 1937-й и 1938 годы мы должны были беспощадно чистить свои ряды, безжалостно отсекая зараженные части организма, до живого, здорового мяса, очищались от мерзостной предательской гнили...

Вы знаете, что собою представляла чистка рядов РККА... Чистка была проведена радикальная и всесторонняя... с самых верхов и кончая низами... Поэтому и количество вычищенных оказалось весьма и весьма внушительным. Достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше 4 десятков тысяч человек. Эта цифра внушительная.

Но именно потому, что мы так безжалостно расправлялись, мы можем теперь с уверенностью сказать, что наши ряды крепки и что РККА сейчас имеет свой до конца преданный и честный командный и политический состав»²⁹.

Эпидемия арестов в армии в 1938 году, после таких заявлений превзошла по размаху год 1937-й. Из 845 человек, входивших на 1 января 1938 года в высший командсостав РККА (от комбрига и выше), и 269 человек — в

высший политсостав (от бригадного комиссара и выше), на протяжении 1938 года были арестованы два маршала Советского Союза, два командарма 1-го ранга, два (единственный в то время) флагман флота 1-го ранга, один (единственный в тот период) армейский комиссар первого ранга, два последних командарма 2-го ранга производства 1935-го года, двадцать комкоров, три флагмана 1-го ранга, тринадцать корпусных комиссаров, сорок девять комдивов, тридцать шесть дивизионных комиссаров, девяносто семь комбригов³⁰.

За 1937—1938 годы были сменены все (кроме Буденного) командующие войсками округов, 100% заместителей командующих округов и начальников штабов округов, 88,4% командиров корпусов и 100% их помощников и заместителей; командиров дивизий и бригад сменилось 98,5%, командиров полков — 79%, начальников штабов полков — 88%, командиров батальонов и дивизионов — 87%; состав облвоенкомов сменился на 100%;

райвоенкомов — на 99%³¹.

Всего в 1937 и 1938 годах из армии и военно-морского флота было уволено около 44 тысяч человек командно-начальствующего состава. В том числе более 35 тысяч из сухопутных войск, около 3 тысяч из военно-морского флота и более 5 тысяч из ВВС. Почти весь высший и старший командный состав и политические работники этого уровня были после ареста расстреляны, многие умерли в заключении ³².

Катастрофичность происходящего была очевидна даже многим членам сталинского Военного совета. Смелость признать это, хотя бы в дискуссии, была чревата подозрениями в неблагонадежности.

«Дыбенко(Л [енинградский]ВО). Частью дивизий командуют сейчас бывшие майоры, на танковых бригадах сидят бывшие капитаны.

Куйбышев (Зак[авказский]ВО). У нас округ обескровлен очень сильно.

Ворошилов. Не больше, чем у других.

Куйбышев. А вот я Вам приведу факты. На сегодня у нас тремя дивизиями командуют капитаны. Но дело не в звании, а дело в том, товарищ народный комиссар, что скажем. Армянской дивизией командует капитан, который до этого не командовал не только полком, но и батальоном, он командовал только батареей.

Ворошилов. Зачем же вы его поставили?

Куйбышев. Почему мы его назначили? Я заверяю, товарищ народный комиссар, что лучшего мы не нашли. У нас командует Азербайджанской дивизией майор. Он до этого не командовал ни полком, ни батальоном и в течение шести лет являлся преподавателем училища...

Буденный. За год можно подучить»33.

Дыбенко расстреляли несколько месяцев спустя.

Об интеллектуальном потенциале РККА и ее профессиональном образовательном уровне в предвоенное время можно судить и по таким данным: на сборах командиров полков, проведенных летом 1940 года, из 225 командиров полков ни один не имел академического образования, только 25 окончили военные училища и 200 — курсы младших лейтенантов! В 1940-м, предвоенном году более 70% командиров полков, 60% военных комиссаров и начальников политотделов соединений работали в этих должностях около года. Значит, все их предше-

ственники (а порой не по одному на этих постах) были репрессированы 34.

В целом в период сталинских репрессий было истреблено высшего и старшего командного состава больше, чем СССР потерял за все четыре года Великой Отечественной В Красной армии перед войной было:

из них репрессировано:

— пять маршалов Советского Союза — трое (Тухачевский, Егоров, Блюхер);

— два комиссара армии первого ранга — оба;

— два флагмана флота 1 ранга — оба;

— два флагмана флота 2 ранга — оба;

— шесть флагманов первого ранга

— все шестеро;

— пятнадцать флагманов 2 ранга — девять — четыре командарма 1 ранга (что соответствует современному званию генерала армии) -два;

— двенадцать командармов 2 ранга — двенадцать;

— пятнадцать комиссаров 2 ранга — пятнадцать;

— 67 командиров корпусов — шестьдесят;

— 28 корпусных комиссаров — двадцать пять;

— 199 командиров дивизий—136;

— 97 дивизионных комиссаров—79;

— 397 командиров бригад—221;

— 36 бригадных комиссаров—3435 войны. В письме всемирно известного публициста Эрнста Генри к И. Г. Эренбургу есть характерные строки:

«Никакое поражение никогда не ведет к таким чудовищным потерям командного состава. Только полная капитуляция страны после проигранной войны может иметь следствием такой разгром. Как раз накануне решающей схватки с вермахтом, накануне величайшей из войн Красная Армия была обезглавлена. Это сделал Сталин»36.

Та же точка зрения отражена, в частности, и в посвященной советско—немецким отношениям 1933—1941 годов книге авторитетного западного исследователя Филиппа Фабри:

«Ни в одной войне, даже Второй Мировой, ни одна страна не потеряла такое количество высшего и среднего командного состава.

Даже капитулировавшие страны — Германия и Япония — потеряли значительно меньше. Даже если бы произошел полный военный обвал, он не смог бы привести к таким потерям»37.

Потому, если, по мнению А. Кларка, перед чисткой Красная армия представляла собой мощный, ориентированный на новые цели, прекрасно оснащенный организм, то после репрессий «нововведения пошли черепашьим темпом; техника исчезла...

те выработанные рефлексy, которые могут оживлять массу и делать ее грозной силой, были уничтожены»38.

Страна осталась с обезглавленной и деморализованной армией. Перспективные военно–научные исследования были фактически остановлены. В частности, был практически «прикрыт» Реактивный Научно–исследовательский институт, основанный по приказу Тухачевского в 1933 году.

Репрессиям подверглись А. Н. Туполев и С. П. Королев и еще сотни изобретателей и инженеров–конструкторов.

Потому знаменитые «катюши» появились на фронте только в 1943 году, потому основной авиационной единицей к началу войны был фанерный У–2. Характерный пример:

до 1937 года испытания новейших технических средств противовоздушной обороны (ПВО) проходили под Москвой, где по предложению Тухачевского была создана специальная зона ПВО. Она была ликвидирована после его ареста. К идеям Тухачевского вернулись только 9 июля 1941 года, когда государственный комитет обороны принял решение «О противовоздушной обороне Москвы», а 9 ноября — «Об усилении и укреплении противовоздушной обороны Советского Союза». Большое внимание Тухачевский уделял развитию бронетанковых и механизированных войск. В начале марта 1932 года под его руководством состоялось заседание комиссии по реализации большой танковой программы. Было решено внести изменения в существующую организацию механизированных бригад и корпусов. В частности, в корпусе предполагалось иметь две–три механизированные бригады, один–два пулеметнострелковых батальона на транспортерах. К сожалению, это предложение в дальнейшем было забыто. В июне 1940 года началось формирование ме-

ханизированных корпусов, включавших две танковые и одну моторизованную дивизию, мотоциклетный полк и 1031 танк. Эти громоздкие соединения оказались категорически неприменимыми в «живых», не учебных боях. А идея «старых военспецов», поддержанная Тухачевским и Якиром, о формировании механизированной (танковой) армии в приграничных округах была намертво забыта. Только в 1942 году Ставка осознала необходимость создания подобных армий. О состоянии вооружения ярче всяких официальных сводок говорит плакат осени 1941—го: «Товарищ! Вступай в ряды народного ополчения. Винтовку добудешь в бою». На 30 ополченцев в июне 1941 г. приходилась одна винтовка...

А тогда Сталин сделал ставку на дипломатию, решив, что ему удастся «перехитрить» Гитлера. На кону в 1939 году стояла судьба Европы. СССР и Германия предпочли забыть идеологические разногласия. Так родился пакт Молотова—Риббентропа.

После переговоров на уровне послов и министров Гитлер и Сталин обменялись телеграммами.

Телеграмма Гитлера от 20 августа 1939 года:

«Господину Сталину, Москва.

1. Я искренне приветствую подписание нового германо—советского торгового соглашения как первую ступень в перестройке германосоветских отношений.

2. Заключение пакта о ненападении с Советским Союзом означает для меня определение долгосрочной политики Германии. Поэтому Германия возобновляет политическую линию, которая была выгодна обоим государствам в течение прошлых столетий. В этой ситуации

имперское правительство решило действовать в полном соответствии с такими далеко идущими изменениями.

3. Я принимаю проект пакта о ненападении, который передал мне ваш министр иностранных дел, господин Молотов, и считаю крайне необходимым как можно более скорое выяснение связанных с этим вопросов.

4. Я убежден, что дополнительный протокол, желаемый советским правительством, может быть выработан в возможно короткое время, если ответственный государственный деятель Германии сможет лично прибыть в Москву для переговоров. В противном случае имперское правительство не представляет, как дополнительный протокол может быть выработан и согласован в короткое время.

5. Напряженность между Германией и Польшей стала невыносимой.

Поведение Польши по отношению к великим державам таково, что кризис может разразиться в любой день. Перед лицом такой вероятности Германия в любом случае намерена защищать интересы государства всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

6. По моему мнению, желательно, ввиду намерений обеих сторон, не теряя времени вступить в новую фазу отношений друг с другом. Поэтому я еще раз предлагаю принять моего министра иностранных дел во вторник, 22 августа, самое позднее в среду, 23 августа. Имперский министр иностранных дел имеет полные полномочия на составление и подписание как пакта о ненападении, так и протокола. Принимая во внимание международную ситуацию, имперский министр иностранных дел не сможет

остаться в Москве более чем на один–два дня. Я буду рад получить ваш скорый ответ.

Адольф Гитлер»39.

21 августа 1939 года Сталин ответил Гитлеру:

«Канцлеру Германского государства господину А. Гитлеру.

Я благодарю вас за письмо.

Я надеюсь, что германо–советский пакт о ненападении станет решающим поворотным пунктом в улучшении политических отношений между нашими странами.

Народам наших стран нужны мирные отношения друг с другом.

Согласие германского правительства на заключение пакта о ненападении создает фундамент для ликвидации политической напряженности и для установления мира и сотрудничества между нашими странами.

Советское правительство уполномочило меня информировать вас, что оно согласно на прибытие в Москву господина Риббентропа 23 августа.

И. Сталин»40.

23 августа 1939 года Риббентроп был уже в Москве.

В тот же день состоялась его первая трехчасовая беседа со Сталиным и Молотовым в присутствии германского посла фон Шуленбурга. Ее результатом стала ратификация на внеочередной сессии Верховного Совета СССР (31 августа) советско–германского договора о ненападении.

Выступая на сессии, Молотов заявил:

«...Всем известно, что на протяжении последних шести лет, с приходом национал–социалистов к власти, политические отношения

между Германией и СССР были натянутыми. Известно также, что, несмотря на различие мировоззрений и политических систем.

Советское правительство стремилось поддерживать нормальные деловые и политические отношения с Германией. Сейчас нет нужды возвращаться к отдельным моментам этих отношений за последние годы, да они вам, товарищи депутаты, и без того хорошо известны.

Следует, однако, напомнить о том разъяснении нашей внешней политики, которое было сделано несколько месяцев тому назад на XVIII партийном съезде... Товарищ Сталин предупреждал против провокаторов войны, желающих в своих интересах втянуть нашу страну в конфликт с другими странами. Разоблачая шум, поднятый англо–французской и североамериканской прессой по поводу германских «планов» захвата советской Украины, товарищ Сталин говорил тогда: «Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых к тому оснований»».

Как видите, товарищ Сталин бил в самую точку, разоблачая происки западноевропейских политиков, стремящихся столкнуть лбами Германию и Советский Союз... Заключение советско–германского договора о ненападении свидетельствует о том, что историческое предвидение товарища Сталина блестяще оправдалось. (Бурная орация в честь тов. Сталина)»41.

Украина с самого начала Великой Отечественной являлась одним из значимых для Германии регионов — еще задолго до начала войны Гитлер, выступая перед партийной элитой, не скрывал захватнических планов насчет «Украины с ее необозримыми плодородными землями»⁴². Гениальное предвидение товарища Сталина «оправдалось», когда уже осенью 1941 года пал Киев. В июне 1937 года Сталин имел возможность прочесть собственноручные показания арестованного маршала Тухачевского, написанные на Лубянке:

«Украинское направление. В стратегическом отношении пути борьбы за Украину для Германии те же, что и для борьбы за Белоруссию, т. е. связано оно (направление. — Ю. К.) с использованием польской территории. В экономическом отношении, Украина имеет для Германии исключительное значение. Она решает и металлургическую и хлебную проблемы. Германский капитал пробивается к Черному морю. Даже одно только овладение правобережной Украиной и то дало бы Германии и хлеб, и железную руду.

Таким образом, Украина является той вожделенной территорией, которая снится Гитлеру, германской колонией. В стремлениях к Украине среди германских военных кругов играет немаловажную роль и тот факт, что немцы в 1918 году оккупировали Украину, но были оттуда выбиты, т. е. стремление к реваншу. Итак, территорией, за которую Германия вероятнее всего будет драться, является Украина. Следовательно, на этом театре войны наиболее вероятно появление главных сил германских армий»⁴³.

Еще один документ, характеризующий ситуацию, — допрос В. К. Путны от 2 июня 1937 года Сталинские стра-

теги просто не могли не усмотреть в нем крамолу. Товарищ Сталин «бил в самую точку», за два года до пакта ликвидировав способных видеть реальность.

«В период пребывания Тухачевского в Лондоне и на обратном пути в СССР Тухачевский имел со мной ряд бесед, в которых сообщил, что теперь после прихода к власти Гитлера... военное положение СССР на западном театре резко ухудшилось, и СССР может быть разгромлен... Тухачевский в беседах развивал вопросы соотношения сил, особенностей театра военных действий, значение отдельных оперативных направлений и роль различных родов войск (конница, авиация, мото-мехсилы и т. д.) в войне. Он доказывал, что обстановка на случай войны изменилась по сравнению с 1927–1931 гг... что против СССР будут действовать... резко повысившиеся и продолжающие прогрессировать мобилизационные способности Германии (в прошлом резко отстававшей в этом деле в связи с версальскими соглашениями). Он допускал, как вполне реальную, мысль, что Франция, в случае вооруженного выступления коалиции европейских держав против СССР не выполнит своих обязательств перед последним и СССР, в лучшем случае имея действующего союзника в лице Чехословакии, вынужден будет принять на себя удар»⁴⁴.

2 сентября 1939 года в «Правде» было опубликовано сообщение ТАСС:

«Берлин, 1 сентября (ТАСС).

По сообщению Германского информационного бюро, сегодня утром германские войска в соответствии с приказом верховного командования перешли германо-польскую границу в различных местах. Соединения гер-

манских военно–воздушных сил также отправились бомбить военные объекты в Польше»⁴⁵.

9 сентября Молотов послал Риббентропу телефонограмму:

«Я получил Ваше сообщение о том, что германские войска вошли в Варшаву. Пожалуйста, передайте мои поздравления и приветствия правительству Германской Империи.

Молотов»⁴⁶.

Германский посол в Москве Шуленбург докладывал в министерство иностранных дел Германии:

«...Молотов ...просит, чтобы ему как можно более точно сообщили, когда можно рассчитывать на захват Варшавы...»⁴⁷ В ответ на эту любезность Советский Союз предупредил о необходимости проследить за тем, чтобы германские самолеты, «начиная с сегодняшнего дня, не залетали восточнее линии Белосток— Брест—Литовск—Лемберг(Львов). Советские самолеты начнут сегодня бомбардировать районы восточнее Лемберга»⁴⁸.

Началась Вторая мировая война.

Текст правительственной ноты от 17 сентября 1939 года, разосланной всем послам и посланникам государств, имеющих дипломатические отношения с СССР, беспрецедентен по цинизму:

«Польско–германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства... Предоставленная самой себе и оставленная без руководства Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское прави-

тельство не может более относиться к этим фактам безразлично.

Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, остались беззащитными.

Ввиду такой обстановки советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

Одновременно советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы выволить польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

Примите, господин посол, уверение в совершенном к вам почтении.

Народный Комиссар Иностранных дел СССР В. Молотов»⁴⁹.

27 сентября Риббентроп снова прилетел в Москву и 28 сентября им и Молотовым был подписан новый германосоветский «Договор о дружбе и границе между СССР и Германией». Этот договор официально и юридически закреплял раздел территории Польши между Германией и Советским Союзом, к нему прилагалась соответствующая карта, на которой была указана новая граница, и эту карту подписали Сталин и Риббентроп. А потом был советско-нацистский парад 1939 года в Бресте под руководством С. М. Кривошеина и Г. Гудериана.

Молотов на сессии Верховного Совета осенью 1939 года заявил:

«Известно, что за последние несколько месяцев такие понятия, как «агрессия», «агрессор», получили новое конкретное содержание, приобрели новый смысл... Теперь, если говорить о великих державах Европы, Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера еще ратовавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира. Роли, как видите, меняются...

Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов... не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма»»⁵⁰.

Оказав неоценимую помощь Гитлеру сначала уничтожением практически всей армейской вертикали и деморализацией собственных вооруженных сил, Сталин затем отказался от сопротивления национал-социализму и на идеологическом уровне.

Предельно внятную оценку предтечам упомянутой Молотовым смены ролей дал шеф политической разведки Третьего рейха Вальтер Шелленберг:

«Таким образом, дело маршала Тухачевского явилось подготовительным шагом к сближению между Гитлером и Сталиным. Оно явилось поворотным пунктом, ознаменовавшим решение Гитлера обеспечить свой восточный фронт союзом с Россией на время подготовки к нападению на Запад»⁵¹.

Сталин не только прекратил антифашистскую пропаганду внутри страны, через Коминтерн он направил обязательную для выполнения всеми компартиями директиву:

свернуть борьбу против немецкого фашизма. В ней агрессором объявлялся англо–французский империализм, именно против него требовалось направить пропаганду и агитацию всех коммунистических партий.

Вот что писала нацистская газета «Мюнхенер нойсте нахрихтен»:

«С момента заключения этого пакта Германия создала себе свободный тыл. Опыт мировой войны, когда Германия сражалась на нескольких фронтах, на этот раз был учтен. Победоносный поход в Польше, Норвегии, Голландии и Бельгии и, наконец, в Северной Франции был бы значительно более трудным, если бы в свое время не было достигнуто германо–советское соглашение. Благодаря договору успешно развивается германское наступление на западе»⁵².

А к наступлению на востоке Гитлер теперь мог готовиться не спеша. Подготовившись, фюрер заявил в январе 1941–го:

«Поскольку Россию в любом случае необходимо разгромить, то лучше всего это сделать сейчас, когда русская армия лишена руководителей и плохо подготовлена»⁵³.

И, утверждая план «Барбаросса», подытожил:

«Ныне существует возможность разбить Россию...

Русские вооруженные силы — это глиняный колосс без головы»⁵⁴.

Это понимали и в Кремле.

«Мы знали, что война не за горами, что мы слабее Германии, что нам придется отступить. Весь вопрос был в том, докуда нам придется отступить — до Смоленска или до Москвы, это перед войной мы обсуждали...»⁵⁵ — уже после войны признался Молотов.

Беспомощность РККА проявилась в полной мере в позорной советско–финской войне, о которой глухо молчали даже советские учебники истории.

При разборе дела Берии в 1953 года выяснилось, что в 1941 году Сталин, Берия и Молотов обсуждали вопрос о капитуляции. Они договорились между собой отдать немцам Прибалтику, Молдавию и часть других республик ⁵⁶. Молотов назвал это возможным вторым Брестским договором.

А на Лубянке лежал «План поражения»^[36], написанный перед расстрелом маршалом Тухачевским. На протяжении всего следствия с бесконечными, круглосуточными допросами и очными ставками он все пытался говорить об опасности, которая угрожает СССР после прихода к власти Гитлера.

Тухачевскому дали сутки для написания «признаний».

И он, найдя в себе силы абстрагироваться от лубянского кошмара, нарисовал четкую картину захватнических планов Гитлера и их мотивировок, практически безошибочно определил основные направления наступления вермахта в 1941–м и основные стратегические цели фашистов на каждом из них.

³⁶ Полностью «План поражения» публикуется в приложении к книге.

Писал своим обычным, узнаваемым стилем, так контрастирующим с косноязычием стенограмм допросов и машинописных «собственноручных признаний». Графологическая экспертиза «Плана поражения» констатировала:

«Признаки выполнения в необычном состоянии выражены достаточно объемно, но при этом доминирует заинтересованность автора предметом излагаемого материала (курсив мой. — Ю. К.), поэтому дополняются такими признаками, как наличие ретуши, зачеркиваний, исправлений путем дописки или дорисовки отдельных элементов букв, подчеркивания «важных» фрагментов текста. (Авторский текст)»⁵⁷.

Тухачевский называл векторы движений войск противника, перечислял виды его вооружений и техники, предлагал действенные «рецепты» контрударов, сопоставлял воззрения на оперативную обстановку и результаты военных игр других военачальников, подробно анализируя советский оперативный план...

Почерковедческий анализ выявил и большое количество «вдикованных фрагментов», нарушающих авторскую структуру излагаемого текста и искажающих ее подлинный смысловой ряд. Вот характерный пример:

«Я предложил... облегчить немцам задачу, путем диверсионновредительской сдачи ...укрепленного района. ...Если подготовить подрыв ж.д. мостов на Березине и Днепре, то задача поражения будет выполнена еще более решительно... Уборевич и Аппога получили задание иметь, на время войны, в своих железнодорожных частях диверсионные группы подрывников⁵⁸».

А далее, после этой бредовой «заплаты» — детальный анализ действий советских Белорусского, Украинско-

го и других фронтов с учетом оперативно–стратегической обстановки и конкретными рекомендациями по выполнению реальных оборонительных задач. Тухачевскому было ясно, что «наш оперативный план не учитывает... главных интересов гитлеровской Германии» и «построен все так же, как если бы война ожидалась с... Польшей»⁵⁹.

Он писал о том, каковы оперативные планы Гитлера, имеющие целью господство германского фашизма.

«Основной для Германии вопрос — это вопрос о получении колоний.

Гитлер прямо заявил, что колонии, источники сырья, Германия будет искать за счет России и государств Малой Антанты...

...Необходимо поэтому проанализировать возможные театры войны гитлеровской Германии против СССР с экономической точки зрения, т. е. сточки зрения удовлетворения колониальных appetитов Германии.

Немцы безусловно без труда могут захватить Эстонию, Латвию и Литву и из занятого плацдарма начать свои наступательные действия против Ленинграда, а также Ленинградской и Калининской (западной ее части) областей. Финляндия, вероятно, пропустит через свою территорию германские войска. Затруднения, которые немцы встретили бы при этой операции были бы следующие: во-первых, ж. д. сеть Эстонии, Латвии и Литвы слишком бедна и отличается слишком малой провозоспособностью, чтобы она могла обслужить действия крупных сил. Потребовалось бы либо вложение крупных капиталов в железные дороги этих стран в мирное время, либо развитие этих дорог во время войны, что сильно сковало бы и осложнило действия германских армий. Во-вторых, СССР не позволил бы Германии безнаказанно занять прибал-

тийский театр для подготовки в нем базы для дальнейшего наступления в пределах СССР. (Этот театр СССР использовал сам — после пакта Молотова-Риббентропа. — Ю. К.) Однако, с военной точки зрения, такая задача может быть поставлена и вопрос заключается в том — является ли захват Ленинграда, Ленинградской и Калининской областей действительным решением политической и экономической задачи по подысканию сырьевой базы. На этот последний вопрос приходится ответить отрицательно. Ничего, кроме дополнительных хозяйственных хлопот, захват всех этих территорий Германии не даст. Многомиллионный город Ленинград с хозяйственной точки зрения, является большим потребителем. Единственно, что дал бы Германии подобный территориальный захват — это владение всем юго-восточным побережьем Балтийского моря и устранение соперничества с СССР в военно-морском флоте. Таким образом, с военной точки зрения результат был бы большой...

Второе возможное направление германской интервенции при договоренности с поляками, это белорусское. Совершенно очевидно, что как овладение Белоруссией, так и Западной областью никакого решения сырьевой проблемы не дает и потому для Германии неинтересно. Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если Гитлер поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву...

Очень часто имеют место предположения, что Германия не захочет значительно удаляться своими армиями от своей территории.

Это зависит исключительно от политических задач, которые будут поставлены перед армией. Если этой зада-

чей будет захват советской территории, то германская армия не может не стремиться на эту территорию»⁶⁰.

Это написано в июне 1937-го. Но кого в Кремле интересовали размышления человека, в отношении которого уже дана команда: «Пли!»

До 22 июня 1941 года оставалось четыре года.

Источники и литература

1. Карпов В. Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира // Знамя, № 10, 1989, с. 70.

2. Bundesarchiv Koblenz. Joseph Gobbels Tagebuch, 37 NL 118/64 fol. I, s. 287.

3. Ibid, s. 289.

4. Ibid, s. 291.

5. Карпов В. Указ. соч., с. 38—39.

6. General Ernst Kostring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921—1941. Bearb. Von Hermann Teske. Frankfurt am Main, 1965, s. 180.

7. Ibid, s. 181.

8. General Ernst Kostring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921—1941. Bearb. Von Hermann Teske. Frankfurt a. M., 1965, s. 181.

9. Bundesarchiv Koblenz. Joseph Gobbels Tagebuch, 37 NL 118/64 fol. 1, s. 331.

10. Bundesarchiv Militärarchiv Freiburg № 52/2 Blomberg:

Lebenerinnerungen — handschriftlich Band III, s. 152—153.

11. Партийно–политическая работа в РККА, 1938, № 3, с. 73.

12. РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 62. ЦК ВКП(б). Совещание политработников РККА, л. 7–29, 63–64.

13. Сувениров О. Ф. Всеармейская трагедия // Военно–исторический журнал, 1989, № 3, с. 43.

14. Там же.

15. Там же, с. 43–44.

16. Там же, с. 44.

17. Там же, с. 43.

18. Там же.

19. Карпов В. Указ. соч., с. 39.

20. «Правильная политика правительства решает успех армии» // Источник, № 3, 2002, с. 73.

21. Там же, с. 73.

22. Там же, с. 73–74.

23. Там же, с. 75.

24. Кларк А. План «Барбаросса». Крушение Третьего рейха. 1941—1945 / Пер с англ. Н. Б. Черных–Кедровой.

М.: Центрполиграф, 2002, с. 48.

25. «Правильная политика правительства решает успех армии», с. 75.

26. Кларк А. Указ. соч., с. 34.

27. Якушевский А. С. Особенности подготовки вермахта к нападению на СССР // Военно–исторический журнал, 1989, № 5, с. 74.

28. Никулин Л. Тухачевский: Биографический очерк. М., 1964, с. 194
29. Справка о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене Родине, терроре и военном заговоре // Военно–исторический журнал, № 2, 1993, с. 73.

30. Рубцов Ю. В. Маршалы Сталина. Ростов–н/Д.: Феникс, 2002, с. 52.

31. Карпов В. Указ. соч., с. 42.

32. Там же, с. 41.

33. Рубцов Ю. В. Указ. соч., с. 53.

34. Карпов В. Указ. соч., с. 41.

35. Там же, с. 40.

36. Дружба народов, 1988, № 3, с. 234.

37. Fabry Philipp. Die Sowjetunion und das deutsche Reich. Eine dokumentierte Geschichte der deutsch–sowjetischen Beziehungen von 1933 bis 1941. Stuttgart 1971, s. 331.

38. Кларк А. План «Барбаросса», с. 41.

39. Карпов В. Указ. соч., с. 60—61.

40. Там же, с. 61.

41. Там же, с. 64—65.

42. Domarkus Max. Hitler. Reden und Proklamationen. 1932—1945.

I Band. Triumph, 1962, s. 642.

43. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др. Т. 1 «План поражения», л. 193.

44. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др.

Т. «Судебное производство». Протокол допроса Путьны В. К.

от 2 июня 1937 года, л. 205—206.

45. Карпов В. Указ. соч., с. 67.

46. Там же, с. 67.

47. Там же.

48. Там же.

49. Там же, с. 68.

50. Там же, с. 70.

51. Шелленберг В. Лабиринт: Мемуары гитлеровского разведчика / Пер. с англ. М.: Дом Бируни, 1991, с. 40.

52. Карпов В. Указ. соч., с. 70—71.

53. Кантор Ю. Соль на раны // Известия, 6 мая 2005 г.

54. Минаков С. Сталин и его маршал. М.: Яуза, Эксмо, 2004, с. 9.

55. Павлов А. Запасная столица. 2–е изд. Самара: Самарский дом печати, 2002, с. 14.

56. Там же, с. 75.

57. Заключение по результатам графологического анализа рукописных текстов показаний Тухачевского М. Н. Подготовлено главным экспертом ЭКЦ ГУВД СПб и АО Сысоевой Л. А., с. 3.

58. ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др. Т. 1 «План поражения», л. 222—223.

59. Там же, л. 196.

60. Там же, л. 190–193.

Послесловие

«Тухачевский был и всегда, в любой ситуации, оставался профессиональным военным. Его мысли вертелись исключительно вокруг военных вопросов...Он был специалистом в ужасной профессии. Его профессия заключалась в том, чтобы шагать через трупы, и как можно успешнее», — вспоминал о Тухачевском Шостакович. Но без специалистов этой «ужасной» профессии не может существовать ни одно государство.

«Делом Тухачевского» большевистская система укрепила свою власть, одновременно лишив граждан страны и внутренней опоры, и защиты от внешнего врага. Тухачевский, будучи эрудированным и перспективным военным специалистом, не являлся истиной в последней инстанции, хотя, возможно, и считал себя таковым. Но «Дело военных» уничтожило и единомышленников маршала, и достойных его оппонентов.

Судьба М. Н. Тухачевского — «образец» того, как поступки, даже совершаемые из чувства патриотизма (и тем более, прикрываемые им), способны привести к катастрофе — личной и социальной. Его насыщенная, полная противоречий жизнь — путь к кажущейся великой цели, путь ставший тупиком, в который приводят малые внутренние компромиссы.

Его личность — «индикатор» невозможности сохранить недеформированным собственное «я», играя по правилам человеконенавистнической Системы.

Вопрос, «заговорщик» ли Тухачевский, не выдерживает критики. Как не выдерживает критики и вопрос — был ли он до конца, бездумно предан Системе. Он не был

безоговорочно лоялен но был — бесспорно амбициозен. И способен (и вождь знал это) группировать вокруг себя единомышленников, и успешно делал это... Сталин видел в Тухачевском врага своей системы, где «шаг вправо и шаг влево» карались расстрелом. «Оппозиционность» Тухачевского не шла дальше непубличных, отслеженных Лубянкой, жестко критических рассуждений о сложившейся в стране ситуации. Поведение Тухачевского, судя по изученным документам, не дает считать его «борцом антисталинского сопротивления». Стал бы он со временем таковым?

История не терпит сослагательного наклонения, потому параллель между маршалом Тухачевским в сталинской России и полковником Штауффенбергом в гитлеровской Германии априори некорректна при всей внешней схожести «начал». Штауффенберг, потомственный дворянин, профессиональный талантливый военный, в юности увлекся националсоциализмом как идеологией, способной возродить страну. Он, делая успешную карьеру при Гитлере, тем не менее, планомерно готовил покушение на вождя, собрав вокруг себя крепкий военный костяк. Устранение фюрера было для него только первым шагом «освобождения нации».

Штауффенберг отнюдь не был лишен карьерных устремлений, не был ни пацифистом, ни, тем более, гуманистом.

И государство, которое он, судя по сохранившимся документам, планировал построить, было бы весьма далеким от демократического... В 2004 году 60-летие покушения на Гитлера отмечалось не только в Германии, где Штауффенберг считается национальным героем, но и во

всей Европе — как акт сопротивления тоталитарной системе.

Цель книги «Война и мир Михаила Тухачевского» — не только ввести неизвестные ранее документы в сугубо научный оборот, но и сделать их открытыми для широкого информационного пространства. Эта монография основана на подлинных архивных материалах, «обрамленных» мемуарами и фактами социокультурной реальности. Они интересны тем, кому небезразлична история нашей страны, а значит, и ее будущее.

Рубеж тысячелетий вновь принес России драматические катаклизмы, вновь поставил вопрос о выборе пути и, соответственно, об оценках прошлого. Без прошлого нет будущего, — перманентные попытки начать историю с чистого листа, этот «лист» непоправимо марают. Наблюдая за стремительно меняющимся настоящим, тем более, участвуя в изменениях повседневной реальности, трудно оценить, «что было впервые, что — вновь». Возможно, именно сейчас наступило время для документов, пролежавших под спудом 70, а то и 90 лет. Это не мы выбираем время, — это время выбирает нас.

ПРИЛОЖЕНИЕ

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ [37]

М. Н. Тухачевский

Тухачевский Михаил Николаевич родился в 1893 г.

в имении Александровское Смоленской губернии, из дворян. Русский. Член партии с апреля 1918 г.

С 1912 г. служил в царской армии, в 1914 г. окончил Александровское военное училище в Москве, поручик.

Участник первой мировой войны. В 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию. В годы гражданской войны командовал армиями на Восточном и Южном фронтах, затем Кавказским и Западным фронтами.

После гражданской войны командующий войсками Западного и Ленинградского военных округов, начальник Военной академии РККА, помощник и заместитель начальника, затем начальник штаба РККА, заместитель наркома обороны СССР и начальник вооружений РККА, первый заместитель наркома обороны и начальник управления боевой подготовки, член Военного совета при наркомате обороны СССР. 10 мая 1937 г. назначен командующим войсками Приволжского военного округа.

М. Н. Тухачевский сыграл большую роль в строительстве, реконструкции и перевооружении Красной Армии, в создании военно-воздушных и бронетанковых сил.

³⁷ Биографические справки: М. Н. Тухачевский, А. И. Корк, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, В. К. Путна, Р. П. Эйдеман, В. М. Примаков, Б. М. Фельдман, Я. Б. Гамарник// Известия ЦК КПСС, 1989, с. 70–73.

Как автор ряда крупных военно–теоретических трудов внес большой вклад в развитие советской военной науки.

Неоднократно избирался в руководящие партийные и советские органы: был членом Смоленского губкома, Ленинградского и Московского обкомов партии. На XVII съезде партии избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Избирался членом ЦИК СССР всех созывов.

Награжден орденами Ленина и Красного Знамени, Почетным революционным оружием. В 1935 г. одним из первых удостоен звания Маршала Советского Союза.

22 мая 1937 г. арестован. 11 июня 1937 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР лишен воинского звания и приговорен к расстрелу.

12 июня 1937 г. расстрелян.

31 января 1957 г. военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор в отношении М. Н. Тухачевского и дело за отсутствием состава преступления прекратила.

В партийном отношении реабилитирован решением КПК при ЦК КПСС от 27 февраля 1957 г.

А. И. Корк

Август Иванович Корк родился в 1887 г. в д. Ардлан Лифляндской губернии, в крестьянской семье. Эстонец.

Член партии с 1927 г.

В 1908—1917 гг. служил в царской армии. Окончил Чугуевское пехотное училище, Академию Генерального штаба, Военную школу летчиков–наблюдателей.

Участник первой мировой войны, подполковник.

В 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию, в которой занимал ряд командных должностей: начальник оперативного отдела штаба Западного фронта, начальник отдела штаба 11-й армии и начальник штаба Эстляндской армии, помощник командующего 12 армией, командующий 6-й и 15-й армиями.

После гражданской войны командующий Харьковским военным округом, помощник командующего вооруженными силами Украины и Крыма, помощник начальника управления воздушного флота РККА, командующий Туркестанским фронтом, командующий войсками Западного и Ленинградского военных округов, военный атташе в Германии, начальник управления снабжения РККА. С 1935 г. начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе, член Военного совета при наркомате обороны СССР.

Активно участвовал в разработке военно-теоретических проблем, автор статей по вопросам военной теории и истории, стратегии и тактике.

А. И. Корк был членом ЦИК СССР. Награжден тремя орденами Красного Знамени и Почетным революционным оружием. В 1935 г. ему было присвоено звание командарма 2-го ранга.

14 мая 1937 г. арестован. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 11 июня 1937 г.

лишен воинского звания и приговорен к расстрелу.

Расстрелян 12 июня 1937 г.

Приговор в отношении А. И. Корка военная коллегия Верховного суда СССР отменила 31 января 1957 г. за отсутствием в его действиях состава преступления.

В партийном отношении реабилитирован КПК при ЦК КПСС 27 февраля 1957 г.

И. Э. Якир

Иона Эммануилович Якир родился в 1896г. в г. Кишиневе в семье аптекаря. Еврей. Учился в Базельском университете (Швейцария), Харьковском технологическом институте. Член партии с апреля 1917 г.

В 1915—1917 гг. работал токарем на военном заводе в Одессе. После Февральской революции вел антивоенную пропаганду среди солдат. В декабре 1917 г. избран членом Бессарабского Совета, членом Одесского губпарткома и губревкома.

С января 1918 г. командир красногвардейского отряда, отряда Особой армии, член Реввоенсовета 12-й армии, начальник и комиссар 45-й и 3-й Кавказской армий.

После гражданской войны командующий войсками Кавказского военного округа, командир и комиссар 14-го стрелкового корпуса, командующий Украинским военным округом, начальник штаба РККА, член коллегии Наркомвоенмора и член Реввоенсовета РККА.

С 1925 г. командующий Киевским военным округом, с 1936 г. член Военного совета при наркомате обороны СССР. 10 мая 1937 г. назначается командующим войсками и членом Военного совета Ленинградского военного округа, 20 мая — Закавказского округа.

И. Э. Якир внес значительный вклад в разработку советской военной техники, стал одним из создателей советской военной доктрины. Был редактором журнала «Военный вестник», опубликовал ряд военно-научных работ.

Неоднократно избирался в состав партийных и советских органов — Киевского губкома партии, Политбюро ЦК КП(б)У, ВУЦИК и ЦИК СССР. На XVI съезде партии избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б), на XVII съезде членом ЦК ВКП(б). Награжден тремя орденами Красного Знамени. В 1935 г. ему присвоено звание командарма 1-го ранга.

28 мая 1937 г. арестован, 11 июня 1937 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР лишен воинского звания и приговорен к расстрелу.

12 июня 1937 г. расстрелян.

Военная коллегия Верховного суда 31 января 1957г.

приговор в отношении И. Э. Якира отменила и дело за отсутствием состава преступления прекратила. 27 февраля 1957г. решением КПК при ЦК КПСС реабилитирован в партийном отношении.

И. П. Уборевич

Иероним Петрович Уборевич родился в 1896 г. в д. Антандриус Виленской губернии в крестьянской семье.

Литовец. Член партии с 1917 г.

Учился в Петербургском политехническом институте.

В 1915 г. окончил Константиновское артиллерийское училище, участник первой мировой войны, подпоручик.

Добровольно вступил в Красную Армию в 1918 г.

В годы гражданской войны был командиром Двинской бригады, начальником 18-й стрелковой дивизии, командующим 14-й, 9-й и 13-й армиями.

После гражданской войны помощник командующего вооруженными силами Украины и Крыма, командующий 5-й армией и войсками Восточно-Сибирского военного округа, военный министр Дальневосточной Республики и командующий Народно-Революционной Армией ДВР, заместитель командующего и начальник штаба Украинского военного округа, командующий войсками Северо-Кавказского и Московского военных округов, член Военного совета при наркомате обороны СССР, заместитель председателя РВС СССР и начальник вооружений РККА. В 1931—1937 гг. командующий войсками Белорусского, а с 20 мая 1937 г. Среднеазиатского военных округов.

Избирался членом бюро Северо-Кавказского крайкома и Западного обкома ВКП(б), на XVI и XVII съездах — кандидатом в члены ЦК ВКП(б). Член В ЦИК с декабря 1922 г. Награжден тремя орденами Красного Знамени и Почетным революционным оружием.

В 1935 г. ему было присвоено звание командарма 1-го ранга.

29 мая 1937 г. арестован. 11 июня 1937 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР лишен воинского звания и приговорен к расстрелу. 12 июня 1937 г. расстрелян.

Военная коллегия Верховного суда СССР 31 января 1957 г. приговор в отношении И. П. Уборевича отменила и дело за отсутствием состава преступления прекратила.

27 февраля 1957 г. решением КПК при ЦК КПСС реабилитирован в партийном отношении.

В. К. Путна Витовт Казимирович Путна родился в 1893 г. в д. Мацконяй Виленской губернии в крестьянской семье. Литовец.

Член партии с 1917 г.

В царской армии служил с 1915 г., окончил школу прапорщиков в 1917 г. В 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию. Занимал должности комиссара Витебского губернского военкомата, командующего войсками Витебской группы, военкома 1-й Смоленской дивизии, командира 228-го Карельского полка, командира бригады 26-й стрелковой дивизии, начальника 27-й дивизии.

После гражданской войны командующий войсками в районе Нижней Волги, начальник Саратовского гарнизона, начальник и комиссар Управления боевой подготовки Красной Армии, начальник Управления военноучебными заведениями РККА, командир 6-го и 2-го стрелковых корпусов. В 1927—1931 гг. военный атташе в Японии, Финляндии, Германии. С 1931 г. командир и комиссар 14-го стрелкового корпуса командующий группой войск Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии. С 1934 г. военный и военновоздушный атташе в Великобритании.

Неоднократно избирался в состав партийных и светских органов, был делегатом IX Всероссийского съезда Советов. Награжден тремя орденами Красного Знамени. В 1935 г. ему было присвоено звание комкора.

Арестован 20 августа 1936 г. 11 июня 1937 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР лишен воинского звания и приговорен к расстрелу.

12 июня 1937 г. расстрелян.

Военная коллегия Верховного суда СССР 31 января 1957 г. приговор в отношении В. К. Путны отменила и дело за отсутствием состава преступления прекратила.

27 февраля 1957 г. решением КПК при ЦК КПСС восстановлен в партии.

Р. П. Эйдеман

Роберт Петрович Эйдеман родился в 1895 г. в местечке Леясциемс Лифляндской губернии в семье учителя.

Латыш. Член партии с марта 1917 г.

Учился в Лесном институте в Петрограде. В 1916 г.

окончил Киевское военное училище, прапорщик. После Февральской революции избран председателем полкового комитета и председателем Каннского Совета солдатских депутатов. В октябре 1917 г. избран заместителем председателя Центрального исполнительного комитета Сибири (Центросибирь).

Добровольно вступил в Красную Армию. С мая 1918 г.

занимал должности командира Омской группы 1-й партизанской армии, начальника Средне-Уральской и Особой дивизий, начальника 16-й, 41-й и 46-й стрелковых дивизий, начальника тыла Юго-Западного фронта, командующего 13-й армией, Каховской группой войск, командующего войсками внутренней службы Южного и Юго-Западного фронтов.

После гражданской войны помощник и заместитель командующего войсками Украины, командующий войсками Сибирского военного округа, начальник и комиссар Военной Академии им. М. В. Фрунзе, член Реввоенсовета

СССР, член Военного совета при наркомате обороны СССР, с 1932 г. председатель Центрального Совета Осоавиахимма СССР.

Внес вклад в военно–научную работу. Его перу принадлежит значительное количество научных работ, в частности, о техническом оснащении армии, а также по вопросам военной истории. Он был ответственным редактором журнала «Война и революция», членом редколлегии газеты «Красная Звезда» и журнала «Книга и пролетарская революция».

Р. П. Эйдемман избирался делегатом XIV, XVI, XVII съездов партии, был членом Московского комитета ВКП(б), делегатом съездов Советов. Награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды.

В 1935 г. ему было присвоено звание комкора.

22 мая 1937 г. был арестован. Постановлением Специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 11 июня 1937 г. был лишен воинского звания и приговорен к расстрелу. 12 июня 1937 г. расстрелян.

Военная коллегия Верховного суда СССР 31 января 1957г. приговор в отношении Р. П. Эйдемана отменила и дело за отсутствием состава преступления прекратила.

В партийном отношении реабилитирован решением КПК при ЦК КПСС от 27 февраля 1957 г.

В. М. Примаков

Виталий Маркович Примаков родился в 1897 г. в семье учителя, в местечке Семеновка Черниговской губернии.

Украинец. Член партии с января 1914 г. Окончил Высшие военно–академические курсы комсостава РККА

(1923г.), учился в военной академии германского Генштаба в 1931 г.

За революционную деятельность в 1915 г. был арестован и сослан в Енисейскую губернию. После возвращения из ссылки с июня 1917 г. член Киевского комитета РСДРП (б).

С августа 1917 г. рядовой Черниговского запасного полка, от которого был избран делегатом II Всероссийского съезда Советов. Во время Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде во главе красногвардейского отряда участвовал в штурме Зимнего дворца.

Добровольно вступил в Красную гвардию в январе 1918 г. Во время гражданской войны был командиром конного полка, командиром и комиссаром 1-й дивизии Червонного казачества, затем 1-го корпуса Червонного казачества.

Участвовал в борьбе с басмачеством в Средней Азии.

После гражданской войны командир и комиссар Высшей кавалерийской школы Ленинградского военного округа. В 1925—1926 гг. военный советник в Китае, командир и комиссар 1-го стрелкового корпуса Ленинградского военного округа, военный атташе в Афганистане и Японии, командир и комиссар 13-го корпуса Приволжского военного округа, помощник командующего войсками Северо-Кавказского военного округа, инспектор высших учебных заведений РККА. С января 1935 г. заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа, член Военного совета при наркомате обороны СССР.

В. М. Примаков избирался членом областного комитета ВКП(б) Юго–Западной области, губкома ВКП(б) Подольи, Уральского обкома, Северо–Кавказского крайкома партии. Был членом ВЦИК и ЦИК СССР.

Награжден тремя орденами Красного Знамени. В 1935 г. ему присвоено звание комкора.

14 августа 1936 г. арестован. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР 11 июня 1937г.

лишен воинского звания и приговорен к расстрелу. Расстрелян 12 июня 1937 г.

31 января 1957 г. военная коллегия Верховного суда СССР приговор в отношении В. М. Примакова отменила и дело за отсутствием состава преступления прекратила.

В партийном отношении реабилитирован решением КПК при ЦК КПСС от 27 февраля 1957 г.

Б. М. Фельдман

Борис Миронович Фельдман родился в 1890 г. в г. Пинске Минской губернии, из мещан. Еврей. Член партии с 1920 г.

В 1905—1913 гг. рабочий. В 1913 г. призван в армию, участник первой мировой войны. В марте 1918 г. добровольно вступил в Красную Армию. Был помощником начальника оперативного отделения штаба 13–й армии, начальником штабов 1–й стрелковой бригады и 57–й дивизии, начальником 55–й дивизии, командиром отдельного Тамбовского корпуса, начальником штаба Народно-революционной армии Дальневосточной Республики.

С 1921 г. по окончании Военной академии РККА командир и комиссар 17–го и 19–го корпусов, начальник штаба войск Ленинградского военного округа. С 1934 г.

начальник Управления по начальствующему составу РККА, затем с 15 апреля 1937 г. заместитель командующего войсками Московского военного округа. Член Военного совета при наркомате обороны СССР.

Избирался членом Дальневосточного крайкома партии, членом Ленинградского горкома ВКП(б). Награжден орденом Красного Знамени. В 1935 г. Б. М. Фельдману присвоено звание комкора.

15 мая 1937 г. арестован. 11 июня 1937 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР лишен воинского звания и приговорен к расстрелу. 12 июня 1937 г. расстрелян.

Военная коллегия Верховного суда СССР 31 января 1957 г. приговор в отношении Б. М. Фельдмана отменила и дело за отсутствием состава преступления прекратила.

Решением КПК при ЦК КПСС от 27 февраля 1957 г. реабилитирован в партийном отношении.

Я. Б. Гамарник

Ян Борисович Гамарник родился в 1894 г. в г. Житомире в семье служащего. Еврей. Учился в Петербургском психоневрологическом институте и Киевском университете.

Член партии с сентября 1916 г.

До октября 1917 г. член и секретарь Киевского комитета РСДРП(б). В марте 1918 г. избран в ЦИК Советов Украины.

Являлся членом Оргбюро по подготовке 1-го съезда КП(б)У.

В период германской оккупации и захвата Украины буржуазными националистами был членом подпольного Всеукраинского центра, одним из руководителей Одесской, Харьковской и Крымской подпольных партийных организаций, вел работу по развертыванию партизанского движения и разложению войск противника. В конце 1918 г. — начале 1919 г. член Харьковского ревкома, председатель Одесского губкома КП(б)У. Затем член Реввоен совета южной группы войск. 12-й армии, комиссар 58-й стрелковой дивизии. В 1920—1923 гг. председатель Одесского и Киевского губкомов, председатель Киевского губревкома и губисполкома.

В 1923—1928 гг. председатель Приморского губисполкома.

Дальревкома, Дальневосточного крайисполкома, секретарь.

Далькрайкома ВКП(б) и член Реввоенсовета Сибирского военного округа. С конца 1928 г. первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии и член Реввоенсовета Белорусского военного округа.

С октября 1929 г. начальник Политуправления Красной Армии и член Реввоенсовета СССР, ответственный редактор газеты «Красная Звезда». С июня 1930 г. одновременно заместитель председателя Реввоенсовета СССР и заместитель наркома по военным и морским делам, первый заместитель наркома обороны, член Военного совета при наркоме обороны СССР. 13 марта 1937 г. назначен уполномоченным Наркомата обороны при Совнаркоме РСФСР по вопросам оборонной работы. 20 мая 1937 г.

утвержден членом Военного совета Среднеазиатского военного округа.

На XIV съезде партии был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б), на XV–XVII съездах членом ЦК ВКП(б), с ноября 1929 г. член Оргбюро ЦК ВКП(б). Награжден орденами Ленина и Красного Знамени. В 1935 г. ему было присвоено воинское звание армейского комиссара 1-го ранга.

30 мая 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение отстранить Я. Б. Гамарника от работы в Наркомате обороны СССР и вывести из состава Военного совета при наркомате обороны СССР за связь с участниками так называемой «антисоветской троцкистской военной организации». 31 мая 1937 г. покончил жизнь самоубийством.

Президиум ЦК КПСС по представлению Генерального прокурора СССР 6 августа 1955 г. признал необоснованными обвинения Я. Б. Гамарника в антисоветской деятельности.

В партийном отношении реабилитирован решением КПК при ЦК КПСС от 7 октября 1955 г.

ПЛАН ПОРАЖЕНИЯ [38]

ЦА ФСБ РФ, АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н. и др., т. 1, л. 190–240

Центр антисоветского военно–троцкистского заговора тщательно изучил материалы и источники, могущие ответить на вопрос: каковы оперативные планы

³⁸ Текст «Плана поражения» приведен в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации.

ГИТЛЕРА, имеющие целью обеспечение господства германского фашизма в Европе?

Основной для Германии вопрос — это вопрос о получении колоний. ГИТЛЕР прямо заявил, что колонии, источники сырья, Германия будет искать за счет России и государств Малой Антанты.

Опыт войны 1914—1918 гг. учит Германию тому, что без обеспечения себя основными видами сырья, в особенности, железной рудой, нефтью и хлебом, — ей невозможно участвовать в большой и длительной современной войне. Все эти виды сырья имеются на Украине и в Румынии, частично в Чехословакии.

Если подойти к вопросу о возможных замыслах ГИТЛЕРА в отношении войны против СССР, то вряд ли можно допустить, чтобы ГИТЛЕР мог серьезно надеяться на разгром СССР. Максимум на что ГИТЛЕР может надеяться, это на отторжение от СССР отдельных территорий.

И такая задача очень трудна и сколько-нибудь серьезно может мыслиться только при войне СССР на два фронта: на западе и на Дальнем Востоке. При этом успехи социалистической экономики СССР из года в год насколько велики, что и эти ограниченные военные цели Германии и Японии станут скоро вообще неосуществимыми.

Итак, немцы должны будут поставить перед собой ограниченную цель войны — отторгнуть часть территории от СССР и отстоять обладание этой частью территории до конца войны. Немецкие военные теоретики очень высоко ценят такой метод войны, считая творцом его Фридриха великого (семилетняя война). Этот вид войны с ограниченной целью очень обстоятельно рассматривает и КЛАУЗЕВИЦ. Само собою понятно, что подобного рода

война с ограниченной целью ведет свои операции именно на той территории, которой она должна, в конце концов овладеть. Необходимо поэтому проанализировать возможные театры войны гитлеровской Германии против СССР с экономической точки зрения, т. е. с точки зрения удовлетворения колониальных appetitов Германии.

Немцы безусловно без труда могут захватить Эстонию, Латвию и Литву и из занятого плацдарма начать свои наступательные действия против Ленинграда, а также Ленинградской и Калининской (западной ее части) областей. Финляндия вероятно пропустит через свою территорию германские войска. Затруднения, которые немцы встретили бы при этой операции были бы следующие: во-первых, ж. д. сеть Эстонии, Латвии и Литвы слишком бедна и отличается слишком малой провозоспособностью, чтобы она могла обслужить действия крупных сил. Потребовалось бы либо вложение крупных капиталов в железные дороги этих стран в мирное время, либо развитие этих дорог во время войны, что сильно сковало бы и осложнило действия германских армий. Во-вторых, СССР не позволил бы Германии безнаказанно занять прибалтийский театр для подготовки в нем базы для дальнейшего наступления в пределах СССР. Однако, с военной точки зрения, такая задача может быть поставлена и вопрос заключается в том — является ли захват Ленинграда, Ленинградской и Калининской областей действительным решением политической и экономической задачи по подысканию сырьевой базы. На этот последний вопрос приходится ответить отрицательно. Ничего, кроме дополнительных хозяйственных хлопот, захват всех этих территорий Германии не даст. Многомиллионный город Ленинград, с хозяйственной точки зрения, является большим потребителем. Единственно, что дал бы Германии

подобный территориальный захват — это владение всем юго-восточным побережьем Балтийского моря и устранение соперничества с СССР в военно-морском флоте. Таким образом, с военной точки зрения результат был бы большой, зато с экономической — ничтожный.

Не могут немцы не учитывать и того, что Ленинград, как центр военной промышленности, уже не играет для нас той решающей роли, которую он играл до переноса военной промышленности к востоку.

Второе возможное направление германской интервенции при договоренности с поляками, это белорусское.

Совершенно очевидно, что как овладение Белоруссией, так и Западной областью никакого решения сырьевой проблемы не дает и потому для Германии неинтересно.

Белорусский театр военных действий только в том случае получает для Германии решающее значение, если ГИТЛЕР поставит перед собой задачу полного разгрома СССР с походом на Москву. Однако я считаю такую задачу совершенно фантастической.

Остается третье, украинское направление. В стратегическом отношении пути борьбы за Украину для Германии те же, что и для борьбы за Белоруссию, т. е.

связано оно с использованием польской территории.

В экономическом отношении, Украина имеет для Германии исключительное значение. Она решает и металлургическую и хлебную проблемы. Германский капитал пробивается к Черному морю. Даже одно только овладение правобережной Украиной и то дало бы Германии и хлеб, и железную руду. Таким образом, Украина является той вожделенной территорией, которая снится

ГИТЛЕРУ, германской колонией. В стремлениях к Украине среди германских военных кругов играет немаловажную роль и тот факт, что немцы в 1918 году оккупировали Украину, но были оттуда выбиты, т. е.

стремление к реваншу.

Итак, территорией, за которую Германия вероятнее всего будет драться, является Украина. Следовательно, на этом театре войны наиболее вероятно появление главных сил германских армий.

Очень часто имеют место предположения, что Германия не захочет значительно удаляться своими армиями от своей территории. Это зависит исключительно от политических задач, которые будут поставлены перед армией. Если этой задачей будет захват советской территории, то германская армия не может не стремиться на эту территорию.

Только в том случае, если политической целью Германии была бы ограниченная задача поддержки Польши в войне с нами, только в этом случае можно допустить, что германские армии не уйдут далеко от своих границ.

Но даже и в этом случае надо учитывать принципы германского генерального штаба, доказанные ходом войны 1914—1918 гг., заключающиеся в том, что германский Генеральный штаб не занимается политиканством, а бросает свои армии туда, куда потребуют послать стратегические соображения. Так, например, немцы неоднократно бросали свои войска на территорию Австро-Венгрии для борьбы с Сербией, Румынией и Италией. Поэтому не следует обольщать себя надеждами на то, что немцы не уйдут далеко от своих границ.

Однако, вывод, который только что сделан в отношении Германских намерений насчет Украины, является относительным. Дело в том, что даже, если Германия и поставила бы перед собой задачу вести войну с ограниченной целью, то все же эта война не может не превратиться в большую и длительную войну, при чем как минимум создались бы два фронта: белорусский и украинский.

СССР слишком силен, чтобы согласиться даже на малейшую территориальную уступку. Длительная же война с СССР несомненно может вовлечь в войну с Германией и Францию и Англию. Другими словами, война, цель которой ограничивается захватом одной только Украины, превращается в войну большую, которая требует все того же предварительного решения сырьевой проблемы.

В силу этого, мне представляется весьма вероятным, что Германия, до войны с нами, постарается захватить Чехословакию и Румынию. Не исключена такая обстановка в Европе, когда ни одна из стран не сможет во время поддержать Чехословакию против Германии. Если только нападение Германии на Чехословакию будет подержано с юга ударом венгерской армии, что весьма вероятно, то участь Чехословакии может быть решена очень быстро. Следует еще учесть, что в Чехословакии орудуют германские фашистские организации, которые могут дезорганизовать оборону страны. Имеются разведывательные данные, говорящие о том, что немцы разрабатывают план захвата Чехословакии в трехдневный срок. Действительно положение вытянутой с запада на восток Чехословакии, находящейся под ударами с запада, севера, юга и, наконец, изнутри — является чрезвычайно тяжелым. Если даже речь будет идти и не о трехдневном сроке, во всяком случае о столь коротком, в который заинтересо-

ванные страны могут и не успеть принять какие либо решительные контр–мероприятия.

Что касается войны Германии против Румынии, то со стратегической точки зрения немцы хорошо знают, как можно оккупировать территорию этой страны. Опыт 1916 г. немцами хорошо изучен.

Что же может дать немцам оккупация Чехословакии и Румынии в экономическом отношении? Статистика говорит о том, что Румыния экспортирует ровно столько хлебных злаков, сколько Германия импортирует их в мирное время (до гитлеровских ограничений). Румыния добывает, если память мне не изменяет, 14 миллионов тонн нефти. Румыния и Чехословакия богаты многими металлами. Наконец, утверждение германского капитала в Румынии означало бы его монополию на Балканах, в Турции и выход его опять–таки в Черное море. Только железная руда, по–прежнему, являлась бы узким местом германского народного хозяйства и требовала бы захвата Криворожья. Не исключена возможность того, что немцы, правильно поставив разведку недр, сумеют найти железную руду и в Румынии. Таким образом, захват Германией Чехословакии и Румынии может обойтись без большой войны, зато для большой войны этот захват значительно упорядочивает сырьевой вопрос в германском народном хозяйстве, уменьшает зависимость Германии от Польши при войне против СССР и, наконец, исходный базис для войны против СССР, со стратегической точки зрения, становится гораздо более выгодным.

В конечном счете можно сделать вывод, что независимо от того, будет ли предшествовать войне против СССР война Германии с Чехословакией и Румынией или не будет, все равно главные интересы гитлеровской Гер-

мании направлены в сторону Украины. Из этого должен исходить, это должен учитывать наш оперативный план. Однако наш оперативный план этого не учитывает.

Он построен все также, как если бы война ожидалась с одной только Польшей.

Рассмотрим теперь западные наши границы и западные театры войны, исходя из политической задачи «бить противника на его территории».

На ближайший отрезок времени, пока существует Чехословакия и Румыния, «бить противника на его территории» практически означает бить польско-германские силы на польской территории. Со значительной долей вероятности дело будет обстоять именно так. Вряд ли в прибалтийские страны немцы пошлют более одного-двух экспедиционных корпусов.

Решающее значение операции должны принять тогда, когда с поражением польско-германских сил, должна будет пасть буржуазная Польша. Такое сражение может иметь место в районе: Кенигсберг—Львов—Краков—Данциг. Каковы же пути движения наших армий для того, чтобы выйти в этот район в наиболее выгодной группировке и с наиболее широкой охватывающей базой?

Стратегически наиболее выгодным путем является быстрый разгром армиями вторжения вооруженных сил Эстонии, Латвии и Литвы с тем, чтобы выход наших главных сил, действующих севернее Полесья, на линию Кенигсберг—Брест—Литовск произошел в условиях, когда эти главные силы будут иметь за собой широкий, охватывающий тыл, обеспечивающий организацию наиболее бесперебойного транспорта и наиболее удобного боевого размещения авиации на аэродромах. Этот вариант, к сожалению, натолкнулся на трудно преодолимые в полити-

ческом отношении затруднения, а именно на то, что лимитрофы могут сохранить нейтралитет. Так как повторение «Бельгии» признается недопустимым, то от этого плана пришлось отказаться. Вот почему неправ КОРК, когда он говорит, что агрессивная роль прибалтов вредительски затушевывалась. Наоборот, агрессивная политика прибалтов позволила бы нам воспользоваться наилучшим вариантом стратегического решения.

Не агрессия, а нейтралитет прибалтов сорвал применение наиболее решительного плана и отмена последовала не ведомственным военным решением, а решением правительства.

Я, в дальнейшем, еще вернусь к этому варианту, так как в связи с вероятным нападением на нас немцев и огромным значением, которое будет играть Восточная Пруссия, при нашем движении вглубь Польши, а также учитывая то, что мы строим в Балтике большой военно—морской флот, — этот вариант будет иметь в будущем еще более решающее значение.

Нейтралитет прибалтов играет для нас очень опасную роль. Если, скажем, он продолжится даже только две недели, то и тогда он сыграет свою вредную для нас роль. В силу сохраняемого нейтралитета мы должны будем отказаться от наиболее выгодного варианта и через две недели, если нейтралитет будет прибалтами нарушен, исправить дело будет уже невозможно, т.е. невозможно в процессе стратегического сосредоточения.

В ходе операций, конечно, многое можно будет выправить.

Однако, считаясь с политическими требованиями в отношении уважения нейтралитета, надо искать другие,

хотя бы и менее выгодные в стратегическом отношении пути.

Севернее Полесья остается один путь: между Латвией и Литвой с севера и самим лесисто–болотистым Полесьем с юга. Этот стратегический коридор и без того узкий продольно разбивается как бы еще на две части лесисто–болотистым районом верховьев Березины, Налибакской пущей, средним течением Немана и Беловежской пущей. Помимо того он имеет и поперечные преграды:

р. Вилия, вернее течение Немана, Неман и Шора на участке Гродно—Слоним, Нарев, Ясельда, Западный Бус. Однако, самым слабым местом «белорусского коридора» являются его выходы на территорию этнографической Польши. Армии, наступающие по этому коридору, будут находиться в этом районе в очень тяжелом положении. Коснусь этих положений.

Напрасно стали бы мы ждать, как это делает у нас Генеральный штаб, что немцы первые нарушат нейтралитет Литвы. Это им невыгодно. В этом случае, немцы имели в Литве слишком плохо обеспеченный путями сообщений тыл. Между прочим, во время одной из полевых поездок, кажется в 1911 г. МОЛЬТКЕ как это описывает ФОРСТЕР в своей книге «За кулисами Германского генерального штаба», обсуждал вопрос о возможности направить наступление германских армий из В. Пруссии в направлении на Вильно и пришел к выводу о том, что это исключено ввиду слабости ж. д. сети на территории Литвы. Характерно и то, что ГИТЛЕР сам предложил Литве закончить пакт о ненападении. Таким образом, раз немцы не будут нарушать нейтралитет Литвы, то нашим армиям придется своим правым флангом, двигаясь через

Гродно и далее на запад, подвергаться опасности удара с севера, из Восточной Пруссии. Но это еще не все.

В том случае, если главные силы Белорусского фронта форсируют Неман у Гродно и южнее, немцы могут нарушить нейтралитет Литвы, имеющей каких-нибудь три дивизии и накоротке выйти в тыл Белорусского фронта в направлении Ковно—Вильно. Если глубокое вторжение в Белоруссию, через Литву, для немцев было бы опасно, с точки зрения организации тыла, то операция с коротким замахом является вполне закономерной.

В дальнейшем, Белорусский фронт должен будет искать взаимодействия с украинским фронтом в направлении Брест—Литовска, стремиться к поражению польско-германских сил на Варшавском направлении, обеспечивать свой фланг со стороны В. Пруссии и свой тыл со стороны Ковно—Вильно.

Совершенно очевидно, что решать все эти задачи одновременно совершенно невозможно. Командование Белорусским фронтом должно будет наметить определенную последовательность в разрешении этих задач.

Весьма возможно, что прежде всего обстановка заставит приступить к радикальному решению задачи обеспечения своего правого фланга, т. е. к разгрому германских сил в В. Пруссии. В этом случае было бы крайне важно для нас пройти по территории Литвы, что может быть можно будет и не считать нарушением нейтралитета, т. к. по договору между Литвой и РСФСР от 1920 г. район Молодечно—Лида—Гродно также входит в состав Литвы и следовательно Красная армия уже

ходом вещей будет действовать на литовской территории.

Не исключена возможность, что, организовав прочное обеспечение своего правого фланга и тыла, путем выставления сильного заслона для обороны, Белорусский фронт атакует противника на главном направлении совместно с Украинским фронтом. Однако в этом, последнем, случае главные силы Белорусского фронта будут, во-первых, значительно ослаблены выделением крупных сил на обеспечение своего флота и тыла, а во-вторых — все же немцы могут нанести поражение флангу и тылу Белорусского фронта, путем организации удара из В. Пруссии как непосредственно на юг, так и через Литву на Ковно—Вильно. Эта угроза особенно реальна потому, что В. Пруссия обладает богаторазвитой ж. д. сетью, позволяющей в сутки подвозить не менее шести пех. дивизий. Столько же можно перебрасывать и по шоссейным путям В. Пруссии на автотранспорте.

Наконец, особенно опасным может стать положение Белорусского фронта, если произойдет разрыв между ним и подходящим к району Брест—Литовска Украинским фронтом. Тогда возможна концентрическая атака главных сил Белорусского фронта. Главное командование должно организованно вывести в этот район внутренние фланги обоих фронтов.

Итак, Белорусский фронт, при своем выходе на границу этнографической Польши, должен расширять полосу своих действий, в то время как тыл его остается все в том же узком коридоре. До прихода Гитлера к власти Вост. Пруссия являлась для правого фланга Белорусского фронта надежным прикрытием. Так это было и в 1920 г. Но с установлением гитлеровского режима картина резко

изменилась. Задачи Бел. фронта стали неизмеримо сложнее, силы, которые он встретит в решительном сражении вырастут, вероятно, вдвое и в тоже самое время цели, которые были поставлены фронту и силы, ему представленные, остались без изменения.

В этом несоответствии задач и средств кроются большие опасности, грозящие при стечении неблагоприятных условий, серьезным поражением армиям Белорусского фронта.

Получается такое положение, что в самый тяжелый момент армиям Белорусского фронта придется наступать раструбом из узкого стратегического коридора.

Все преимущества перегруппировок будут на стороне врагов. Кроме того, немцы и поляки будут иметь по сравнению с Белорусским фронтом, огромные преимущества в отношении широкого и глубокого размещения авиации, а также в отношении охватывающего и выгодно рассредоточенного расположения тылов. В самом деле «белорусский коридор» имеет тесно сжатые железнодорожные коммуникации и столь же тесно сжатые шоссейные пути.

Точно также и скученное размещение авиации, исключаящее широкий маневр по передислокации по фронту авиационных соединений, будет иметь следствием большой урок нашей легкой авиации по сравнению с потерями врагов на их аэродромах. Немцы, имея полную возможность рассредоточивать свою авиацию по Вост. Пруссии и Северной Польше, будут иметь преимущества в авиационном маневре.

Наши стесненные коммуникации будут нести от авиации большие потери, будут давать перебои, будут задерживаться с восстановлением разрушений и т. д...

Рассмотрим, теперь, стратегический путь между лесистоболотистым Полесьем с севера и границами Румынии и Чехословакии с юга. Этот путь также представляет собой стратегический коридор, вполне доступный для наступления крупных сил хотя и перерезан поперек целым рядом не слишком крупных речных преград и имеет отдельные районы, неудобные для действий, как, например, Дубненский район.

Нависание над левым флангом Украинского фронта границы Румынии, в стратегическом отношении, сходно со значением Латвии для Белорусского фронта.

Однако, дальше идет граница Чехословакии и в это отношении удобства глубокого наступления находятся на стороне Украинского фронта. В самом деле, границы Румынии с СССР надежно прикрыты системой укрепленных районов, а северный участок границ Румынии с Польшей горист, неудобен для действий больших войсковых масс и крайне беден железными дорогами. В этом районе сравнительно нетрудно организовать прочную оборону, выставив надежный заслон в сторону Румынии. В 1920 г. Румыния сыграла неприятную роль. Она притягивала к себе встревоженное внимание главного командования, а это последнее оттягивало к границам Румынии силы из главной группировки юго-западного фронта. Во всяком случае, организация надежного прикрытия своего фланга и тыла со стороны Румынии является несравнимо более простой задачей, чем прочное обеспечение фланга Белорусского фронта.

При выходе Украинского фронта примерно на линию Брест—Литовск—Львов, перед его командованием встанет основная задача нанесения главным силам противника удара совместно с главными силами Белорусского фронта. В этом случае левый фланг будет прикрыт чехословацкой территорией, и все внимание войск фронта может быть сосредоточено на главных силах противника. Только в том случае, если по ходу операции, к моменту выхода правого фланга Украинского фронта в район Ковель—Люблин, образовался бы между ним и Белорусским фронтом разрыв, только в этом случае могла бы создасться угроза удара противника во фланг со стороны Брест—Литовска. Роль главного командования должна заключаться в том, чтобы не допускать разрыва между фронтами.

Вопрос о размещении авиации и тылов для армий, наступающих в «украинском коридоре» отличается теми же трудностями и неудобствами, с которыми армии встречаются и в «белорусском коридоре». В этом отношении — «украинский коридор» имеет только одно преимущество, заключающееся в том, что, когда армии Украинского фронта подойдут в район последнего решающего столкновения, немцы и поляки не будут иметь того охватывающего положения над внешним флангом, какое они имеют со стороны Вост. Пруссии.

Таким образом, театр наступления южнее Полесья является, выгодным для наступления к району решающего столкновения в центре Польши. Однако наступление в одном лишь направлении южнее Полесья не может дать решения генеральной операции и генерального сражения.

Необходимы согласованные действия обоих фронтов. Вопрос заключается лишь в том, которому из фронтов дать преимущественно решающее значение.

При варианте первоочередной ликвидации лимитрофов все преимущества за белорусским направлением. Эти преимущества сохраняются при условии нейтралитета Германии. Зато при условии нахождения Германии в составе врагов, а с другой стороны при условии дружественной позиции Чехословакии — все преимущества сосредоточения главных сил переходят к украинскому направлению.

Выгоды украинского направления особенно должны сказаться, если Чехословакия будет участвовать в войне с Германией. Конечно, помощь Чехословакии будет очень небольшой, т. к. ее западная половина будет быстро ликвидирована немцами и венграми. Но, тем не менее, восточная часть Чехословакии, гористая и неудобная для действий крупных войсковых масс, может упорно обороняться и обеспечивать левый фланг наших армий. Помимо того, не исключена возможность наступления чехословаков с самого начала войны на Краков, находящийся очень близко от чешской границы. Если этот крупнейший железнодорожный узел будет, хотя бы на время выведен из эксплуатации. То переброски польскогерманских сил на украинском направлении будут основательно расстроены и поведут к опозданию окончательного сосредоточения этих сил. При этих условиях, между прочим, не исключена возможность захвата Львова силами армии вторжения. Даже временное овладение этим пунктом и разрушение его крупнейшего железнодорожного узла опять таки приведут к замедлению сосредоточения главных польско-германских сил.

Надо отметить, что только при условии избрания украинского направления, как главного, можно в какой-то степени использовать помощь чехословацкой армии. Во всех прочих случаях Чехословакия будет раздавлена совершенно отдельно, не принеся никакой пользы для наступления Красной армии.

Чтобы сделать анализ стратегического положения более конкретным, необходимо обратиться к рассмотрению возможного соотношения сил сторон.

Польша (цифры привожу по памяти) выставляет, по мобилизации, 55 пех. дивизий и еще 6 пех. дивизий формирует в первые месяцы войны.

Германия утраивает свои 36 пех. дивизий по мобилизации, т. е. выставляет 108 пех. дивизий. Помимо того, Германия развернет ландверные дивизии, число и сроки развертывания которых я сейчас не помню. Сверх того, Германия имеет несколько десятков бригад штурмовиков, которые вряд ли годятся для полевой войны, но которые безусловно могут быть использованы для обороны тыла, отдельных участков укреплений и т. п.

Генеральный штаб РККА, исчисляя те силы, которые Германия сможет выдвинуть против СССР, правильно исходит из предпосылок, что Франция может оказаться к началу войны в таком состоянии, что не сможет выполнить своих договорных обязательств и не выступит против Германии.

Предположим также, что Германия не предпринимала агрессии против Чехословакии, хотя на самом деле, для нее выгоднее было бы сразу же захватить Чехословакию, чтобы быстро высвободить свои силы и не разбрасывать их на вставление заслонов. Исходя из таких предпосылок, положим, что Германия оставит в полосе

своих укрепленных районов на французской границе 30 пех. дивизий, на границах с Чехословакией 7 пех. дивизий и в резерве главного командования еще 10 пех. дивизий, не считая ландверных. Допустим, что Польша на чехословацкой границе оставит 5 пех. дивизий. Тогда Красная армия может встретить перед собой на польской территории 61 германскую и 50 польских пехотных дивизий, а всего 111 пех. дивизий.

В авиации мы имеем превосходство над немцами, но, во-первых — потребности Дальнего Востока всегда могут оттянуть часть авиации с запада, во-вторых — как было показано выше, мы, по мере углубления в Западную Белоруссию и в Западную Украину будем находиться в невыгодных аэродромных условиях, по сравнению с польско-германской авиацией и в третьих, все же в сухопутных операциях практически расчет должен вестись по числу пех. дивизий, артиллерии и танков.

Наши механизированные соединения несомненно сильнее польско-германских, но при этом следует учесть, что и поляки и немцы непрерывно развивают свои механизированные соединения вводя на вооружение пушечные танки, что немцы уже сформировали пять механизированных дивизий, примерно соответствующих нашим механизированным корпусам, что поляки формируют механизированные бригады и, наконец, что немцы, а за ними и поляки вводят на вооружение большое число противотанковых пушек в пехотных дивизиях, что резко повышает их способность вести бой с механизированными частями. Таким образом, наше преимущество в механизированных соединениях над немцами и поляками, хотя и имеется, но это преимущество не может служить основа-

нием для самоуспокоивания по поводу нехватки у нас достаточного числа стрелковых дивизий.

Точно также не может изменить этого положения и наше преимущество над врагами в отношении конницы.

Конница будет нести очень тяжелые потери от авиации и химии противника.

На изложенных выше соображениях о том громадном значении, которое имеет число пех. дивизий, независимо от преимущества в авиации, механизированных соединениях и коннице, потому приходится так подробно останавливаться, что этими вреднейшими и опаснейшими рассуждениями организационный отдел Генерального штаба РККА добивался торможения в развитии числа пехотных дивизий, развертываемых по мобилизации.

Каково же было то реальное число стр. дивизий, которое по нашему действующему оперативному плану двигалось в глубину территории Польши для того, чтобы бить противника на его территории. Точно я этого числа не знаю, но приблизительно оно должно быть,

около девяноста стр. дивизий, может быть на несколько дивизий больше. Остальное число стр. дивизий, из общего числа 150-ти, развертываемых по мобилизации, идет на обеспечение Дальнего Востока, границ с Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией, на охрану границ Кавказа и Средней Азии.

Получается странная картина. Наши Белорусский и Украинский фронты должны втянуться в глубину территории Польши, втянуться в самых неблагоприятных обрисованных выше, условиях и своими 90, пусть даже 100 стр. дивизиями должны разбить 111 пех. дивизий противника, на стороне которого остаются все преимущества

маневра, использования авиации и организации тыла. К этому еще надо добавить, что поляки, как этому учит опыт 1920 г., дерутся у себя дома очень хорошо.

КЛАУЗЕВИЦ считает, что для надежного поражения противника, над ним надо иметь по крайней мере полуторакратное общее превосходство в силах. Этот коэффициент во всяком случае не преувеличен. Однако, возьмем меньшее число потребных стр. дивизий, например, 140, а не 166 (полуторакратное превосходство).

В этом случае число дивизий в РККА должно быть значительно большим. Положим, что на Дальнем Востоке надо иметь не менее 35 стр. дивизий (во время войны), на границах с Финляндией 7, на границах Эстонии и Латвии — 7, на границах с Румынией — 8, на Кавказе — 3, в Средней Азии — 2, в резерве главного командования — 5 стр. дивизий. Тогда общее число потребных для РККА стр. дивизий поднимется до 207-ми. На самом деле эта потребность значительно выше. Германия, во время войны 1914—1918 гг. подняла число своих пехотных дивизий до 248-ми. Борьба на два фронта требует большого числа войск и для нас значительно большего, чем для Германии, т. к. наши расстояния и железнодорожные условия не позволяют нам производить те переброски сил с востока на запад и обратно, которые с таким успехом проводили немцы в прошлую империалистическую войну.

Мы же разворачиваем всего только 150 стр. дивизий.

К этому нашему недостатку в числе стр. дивизий надо еще добавить исключительно слабое развитие артиллерийского и танкового резерва главного командования для усиления стр. дивизий и корпусов на решающих направлениях.

Дело в том, что для подготовки атаки против бое-способного, хорошо вооруженного и прочно укрепивше-гося противника требуется до 80–ти орудий на один километр фронта атаки. Участие танков не снижает этой артиллерийской нормы. Англичане и французы, даже при наличии танков, количество артиллерии на один кило-метр фронта доводили до 130 и более орудий.

Между тем, по условиям ввода в атаку пехоты, глав-ный удар стр. дивизии не может быть уже двух километ-ров, т. е. своими артил. средствами стр. дивизия может обеспечить лишь до 40 орудий на километр, откуда сле-дует, что для крупных операций требуется удвоение ар-тиллерии дивизии.

Собственной артиллерии стр.дивизии хватит только в условиях очень подвижной войны, когда противник не успевает как следует укрепиться.

Также точно и собственных танков стр.дивизии не хватит, при выполнении его сложных и ответственных наступательных операций. Для усиления войск, действу-ющих на главных направлениях, организуется артилле-рийский и танковый резерв главного командования.

Однако, этот резерв организован у нас в совершен-но недостаточном размере, что не позволяет создать не-обходимого качественного усиления на участках решаю-щих сражений. Вовсе нет у нас пулеметного резерва главного командования, для усиления стр. дивизий, зани-мающих оборонительные фронт. Французы такой пуле-метный резерв имеют.

Как же будут развиваться операции Белорусского и Украинского фронтов, в соответствии с ныне действующим планом, если принять во внимание несоответствие

между силами и средствами и теми решительными целями, которые ставит этот план?

Положим, что Белорусский фронт получает 55, а Украинский фронт 35 стр. дивизий (не считая дивизий, стоящих в укрепленных районах на границе с Румынией). Силы Белорусского фронта закончат свое сосредоточение примерно в 15 дней, а Украинского в 20 дней.

Значительное наше замедление в перевозках позволяет польско-германским силам упредить нас в сосредоточении и, применяя польскую терминологию, «выпадочными действиями» дезорганизовать район нашего сосредоточения и заставить нас отнестись таковой несколько глубже на нашу территорию. Обратная картина развертывания на наших западных границах большого числа механизированных, кавалерийский и стрелковых соединений в штатах близких к штатам военного времени, а также размещения в БВО и КВО крупных авиационных сил. Эти мероприятия позволили нам, в свою очередь, поставить вопрос о том, чтобы сразу же после объявления войны вторгнуться в Западную Белоруссию и Украину и дезорганизовать район сосредоточения противника, отнеся таковой глубоко в тыл, примерно на линию Гродно-Львов.

Если война вспыхнет неожиданно и поляки не будут иметь в своем распоряжении предмобилизационного периода, то действия наших армий вторжения будут носить еще более решительный характер, т. к. по польскому плану мобилизации, призываемое в приграничных с нами районах население, перебрасывается в тыл для укомплектования расположенных в этнографической Польше частей. Само собой понятно, что быстрые действия армии вторжения, поддержанные сильной авиацией, могут со-

рвать эти мобилизационные перевозки и поставят мобилизуемую польскую армию в очень тяжелое положение.

Далее, операции вторжения дезорганизуют аэродромную полосу приграничной полосы противника, заставляя его отнести развертывание своей авиации в глубину, сокращая тем самым радиус полезного воздействия его легкой авиации на наши железнодорожные перевозки, осуществляющие стратегическое сосредоточение.

Таким образом, операции вторжения срывают сроки сосредоточения противника; если война началась без предмобилизационного периода, что наносят ощутительный удар по польской мобилизации; наконец, операции вторжения наиболее надежно обеспечивают собственное стратегическое сосредоточение.

УБОРЕВИЧ указывает на то, что вредительством являются операции вооружения, если они имеют разрыв во времени с окончанием сосредоточения главных сил. Это неправильное ошибочное заключение.

Операции вторжения именно потому и предпринимаются, что запаздывает стратегическое сосредоточение и его надо обеспечить заблаговременным вторжением. В зависимости от успехов сосредоточения на том или другом фронте, части армий вторжения могут быть поддержаны соединениями из состава главных сил и смогут обеспечить этим последним более удобные рубежи развертывания. Однако, даже, если такое удержание за собой территории противника армиям вторжения и не удастся, то их задачу следует считать выполненной, если они расстроят и оттеснят назад сосредоточение противника и тем самым обеспечат бесперебойность собственного стратегического сосредоточения.

Само собой понятно, что армии вторжения, выполняя свои операции, неизбежно понесут потери.

Конница будет быстро таять от воздействия авиации и химии. Вообще конь трудно защитим от авиахимического нападения. Гужевые парки, обозы и пр. будут нести еще большие потери, чем конница. Механизированные соединения будут напряженно расходовать свои моторесурсы. Поэтому ответственнейшей задачей фронтового и главного командования будет определение того предела использования армий вторжения, который диктуется как интересами окончания сосредоточения, так и состоянием войск армии вторжения, т. е. их моральными и физическими силами и материальными ресурсами. Безусловно неправильный пример использования успеха армии вторжения имел место на стратегической военной игре в январе месяце с. г., когда белорусский фронт пачками вводил в наступление эшелоны главных сил, до окончательного их сосредоточения, только для того, чтобы развить частный успех армии вторжения.

Что касается указаний УБОРЕВИЧА на то, что им разрабатывался вредительский план овладения Барановичским укрепленным районом конницей, поддержанной лишь слабовооруженными мех. бригадами, без всякого участия пехоты, то это служит лишь примером того, как проводилось вредительство в оперативном плане, но никак не служит доказательством вредности операций вторжения.

В результате операций вторжения, в соответствии с нашим оперативным планом, мне кажется весьма вероятным, что линия польско-германского развертывания будет оттеснена на рубеж Гродно—Слоним—Лунинец—Львов. Вряд ли полякам удастся отстоять Виленский укреп-

ленный район. Строительство Виленского и Барановичского укрепленных районов поляками относится к тому времени, когда у нас не было армий вторжения.

Наше стратегическое развертывание, может быть с некоторым опозданием, но примерно к тому же сроку, закончится вдоль государственной границы. Поэтому первые крупные сражения произойдут на польской территории.

Как же будут развиваться оперативные действия к северу и к югу от Полесья?

Положим, что из 111 пех. польско–германских дивизий 50 будет противопоставлено Белорусскому и 55 Украинскому фронтам, при оставлении 6–ти пех. дивизий в резерве.

Белорусский фронт, нанеся поражение целому ряду польских частей еще в период операций вторжения, имея некоторый общий перевес в силах, значительный перевес в механизированных соединениях и в авиации и, наконец, находясь примерно в одинаковых условиях театра военных действий с поляками и немцами между Литвой и Полесьем, — может быть и имеет кое–какие шансы на наступление с конечным выходом к границам этнографической Польши. Но зато с подходом к этим границам положение Белорусского фронта резко меняется в худшую сторону. Об этом уже говорилось выше. Тыл Белорусского фронта вытягивается в узком и длинном коридоре, стесняющем маневр войск, размещение авиации и работу коммуникаций.

Основное же затруднение встанет перед командованием Белорусского фронта в смысле выбора направления дальнейших действий. Несомненно немцы будут оборонять района Гродно—Осовец, прикрывая пути в Вост.

Пруссию и готовя из этой последней удар во фланг и тыл главным силам Белорусского фронта, в случае их движения на Белосток и Брест–Литовск.

Оборона немцев в этом районе будет очень прочна, т.к. августовские леса, целая сеть озер между Неманом и Восточной Пруссией, болотистые берега Нарева и Мазурские озера с крепостью Летцен — создают исключительные удобства обороны этого района как по фронту, так и на всю его значительную глубину. Если к этим природным условиям, обеспечивающим оборону, добавить еще систему железобетонных укреплений из быстротвердеющего цемента, то прочность германской обороны в этом районе будет исключительно серьезной.

С другой стороны, поляки могут превратить в трудноодолимый оборонительный район систему р. Ясельда с очень широкой и болотистой долиной и Беловежской пущей.

Командующему Белорусским фронтом придется решить вопрос о последовательности действий: преодолеть ли сначала оборону поляков на р. Ясельда и, овладев Брест–Литовском, войти во взаимодействие с армиями Украинского фронта, выставив на это время прочный заслон против Восточной Пруссии или, наоборот, сначала овладеть хотя бы Мазурскими озерами Вост. Пруссии и лишь после этого обратить главные силы фронта на Брест–Литовск.

Слабым местом первого решения является то, что, удаляясь к Белостоку и Брест–Литовску, Белорусский фронт растягивает свои коммуникации, оставляя их в непосредственной близости от фронта возможного перехода немцев в наступление из В. Пруссии. Если только немцы коротким ударом овладеют районом Гродно— Волко-

выск, то пути отхода и подвоза для Белорусского фронта фактически будут отрезаны. Поэтому такое решение заставило бы выделить в заслон против В. Пруссии столь большие силы, что для выполнения задач, стоящих в главном направлении, потребных там сил уже и не оказалось бы.

Второе решение, т. е. первоначальный удар в направлении В.Пруссии потребует слишком много времени и войск. Этим войскам Белорусский фронт, как и в первом случае, в своем распоряжении не имеет.

Итак, наличных сил Белорусского фронта недостаточно для того, чтобы решить стоящую перед ним задачу поражения польско–германских сил в глубине польской территории. Положение Белорусского фронта, вышедшего на подступы к Белостоку и на рубеж р. Ясельда, легко может стать угрожающим, если немцы бросят свои резервы через В. Пруссию в направлении Гродно и Волковыск, а может и на Вильно через Ковно. Ежедневно, как это уже указывалось выше, ж. д. В. Пруссии могут перебрасывать шесть пехотных дивизий и примерно столько же дивизий можно перебросить на автомобилях по шоссейной сети В. Пруссии.

Используя это свое колоссальное преимущество, путем ли подачи стратегических резервов или путем временной переброски сил с украинского направления, немцы могут нанести тяжелое поражение Белорусскому фронту.

Остановившись на 1–ом и 2–ом оперативных вариантах, приведенных в показаниях УБОРЕВИЧА, необходимо заметить, что они отличаются один от другого лишь тем рубежом, на котором польско–германские силы переходят в решительное наступление. По первому варианту

немцы переходят в наступление на Лида—Барановичи с целью захвата Минска и Слуцка. Этот вариант УБОРЕВИЧА вытекает из хода стратегической военной игры в апреле 1936 г. В этой игре УБОРЕВИЧ увлекся наступлением в Вильно—Ковенском направлении, сосредоточив на нем свои главные силы, и получил удар главными польско—германскими силами в свой левый фланг, в минском направлении. Это вполне возможный вариант, однако не основной. Дело в том, что Генеральный штаб РККА, в порядке руководства военной игрой, предложил германскому командованию нарушить нейтралитет Литвы, что вряд ли будет иметь место на самом деле, и потому УБОРЕВИЧ, ошибочно полагая, что немцы двинут на Литву основную массу своих войск, и сам двинул на Вильно—Ковно свои главные силы и за эту ошибку получил удар во фланг основной группы польско—германских армий.

Что касается указаний УБОРЕВИЧА насчет моих советов о движении главных сил Белорусского фронта севернее или южнее Немана, то должен сказать, что на все случаи оперативной обстановки трудно дать общий совет надо ли двигать главные силы Белорусского фронта севернее или южнее Немана. Такой вопрос нельзя решать предвзято. Правильным и неправильным может оказаться и то, и другое движение, если оно не будет отвечать конкретно складывающейся обстановке.

Решение такого вопроса, между прочим, будет связано и с той задачей, которую поставить перед собой командующий фронтом в отношении обеспечения своих действий со стороны В. Пруссии. Как правильное руководство действиями фронта, так и вредительское обязательно должно учитывать конкретную обстановку.

Второй оперативный вариант УБОРЕВИЧА предусматривает отход польско–германских сил на Белосток—Пружаны и удар главных германских сил из Вост.

Пруссии в общем направлении Гродно. Этот вариант весьма вероятных и я его изложил выше, в стратегической военной игре в январе текущего года, УБОРЕВИЧ, увлекшись наступлением в Брест–Литовском направлении, подставил свой фланг и тыл в районе Гродно под удар немцев из Восточной Пруссии. Положение было выправлено вмешательством главного руководителя военной игры.

Соображения, приводимые УБОРЕВИЧЕМ, в отношении преимуществ оперативного размещения германской авиации, по сравнению с нашей, вполне справедливы, как я выше это отметил.

Соображения о вероятности поражения конницы ипритом вполне правильны. Нельзя забывать, что теперь имеются и несравнимо более мощные накожные ОВ.

Совершенно правильны замечания УБОРЕВИЧА в отношении превосходства немцев в отношении моторизованных дивизий и автотранспорта. Мы, пока не имеем мотодивизий, хотя оперативная потребность в них очень велика. Не следует, помимо оперативных требований, упускать из виду и то обстоятельство, что мы практически не умеем ни организовать мотодивизию, ни наладить ее обучения, когда подходим к созданию импровизированных мотосоединений. Необходимо иметь постоянные мотодивизии, учиться вводу их в бой, регулировке движения и т. п. моментам, которых не знают общевойсковые командиры. В отношении автотранспорта основное преимущество немцев заключается в том, что они имеют

постоянно существующую организацию фашистского автомобильного корпуса.

Этот корпус по несколько раз в году тренируется в массовых перебросках войск и фашистских организаций на далекие расстояния. Мы же, хотя и получаем, по мобилизации, большое количество автотранспорта, но даем ему импровизированную, не сколоченную организацию и не предусматриваем крупных автомобильных соединений.

В силу этого, мы не имеем опыта в эксплуатации больших автомобильных масс в полевой обстановке.

Обратимся, теперь, к рассмотрению условий наступления наших армий на Украинском фронте.

Соотношение сил Украинского фронта и действующих против него польско-германских армий, как это показывают приводившиеся выше расчеты, крайне невыгодно для нас. В самом благоприятном для самого Украинского фронта случае, против него могут быть выставлены равные ему силы. Это в том случае, если польско-германское командование обратит свои главные силы сначала против Белорусского фронта. Даже в этом, наиболее для него благоприятном случае, Украинский фронт вряд ли сможет выполнить поставленную ему задачу войти во взаимодействие с Белорусским фронтом в районе Брест-Литовска, т. к. при равных силах нельзя надеяться на глубокое продвижение по территории противника. В случае же, если польско-германское командование бросит свои главные силы на украинское направление, а этот вариант все равно неизбежен, даже в том случае, если первый удар наносится Белорусскому фронту, — положение Украинского фронта становится очень тяжелым. Он не только не сможет выполнить стоящей перед ним

задачи войти во взаимодействие с левым флангом Белорусского фронта, но и сам может подвергнуться серьезному поражению.

Из приводившегося выше расчета видно, что против Украинского фронта без труда может быть выставлено 55 польско–германских пех. дивизий, а если к этому добавить и неприятельские резервы, то всего будет около 60 пех. дивизий, т. е. почти двойное превосходство по сравнению с силами Украинского фронта.

Решающее сражение может произойти, учитывая результаты операции вторжения, примерно на полпути между линией наших укрепленных районов и Львовом.

В результате атаки превосходящих сил неприятеля, Украинский фронт должен будет начать отход и достигнет линии своих укрепленных районов примерно к тому сроку, к которому Белорусский фронт, в случае своего успеха, может достигнуть линии Гродно—Пружаны.

В этом расхождении фронтов, разделенных широкой полосой лесисто–болотистого Полесья, кроется, благодаря недостатку в силах, огромная опасность последовательного поражения обоих фронтов.

Достигнув рубежа наших укрепленных районов на Украине, польско–германское командование может применить два способа действий. Во–первых, начать методическую подготовку к атаке Летичевского и южной части Житомирского укрепленных районов и возможно к вспомогательной атаке Новоград–Волынского укрепленного района. Овладение этими отдельными участками укрепленных районов требует некоторого времени и крупных артиллерийских средств. На этот период польско–германское командование могло бы перебросить часть своих

сил с юга на север для нанесения частного поражения Белорусскому фронту, о чем уже

говорилось выше. Во-вторых, польско-германское командование может форсировать овладение укрепленными районами и сразу же начать наступление по правобережной Украине.

Второй вариант позволяет польско-германскому командованию быстро развить свои операции в направлении Киева и в направлении Криворожья. Воспрепятствовать этому продвижению нам будет очень трудно, т. к. подавляющее превосходство германских и польских сил может обеспечить нанесение армиям Украинского фронта серьезного поражения. В результате этого поражения, польско-германские армии могут начать операции по последовательному занятию территории.

Однако, оперативный план немцев и поляков вряд ли ограничится только этим. Следует ожидать развития немцами и поляками успеха в направлении примерно на Мозырь—Жлобин, в глубокий тыл Белорусского фронта.

Задача эта нелегкая. Придется преодолеть лесисто-болотистые пространства, овладеть Мозырским укрепленным районом, форсировать Припять и т. д., но, тем не менее, эта задача оперативно вполне разрешима и стратегически чрезвычайно расширяет возможный масштаб поражения наших армий.

Как я показывал уже в первом разделе, во время стратегической военной игры в апреле 1936 г. я по вопросам оперативного положения наших армий обменивался мнениями с ЯКИРОМ и УБОРЕВИЧЕМ. Учитывая директиву ТРОЦКОГО о подготовке поражения того фронта, где будут действовать немцы, а также указание генерала РУМШТЕДТ, что подготовку поражения надо организо-

вать на Украинском фронте, я предложил ЯКИРУ облегчить немцам задачу, путем диверсионно-вредительской сдачи Летичевского укрепленного района, комендантом которого был участник заговора САБЛИН. В случае сдачи Летичевского района, немцы легко могли обойти Новоград–Волынский и Житомирский укрепленные районы с юга и, таким образом, опрокинуть всю систему пограничных с Польшей укрепленных районов КВО. Вместе с тем, я считал, что если подготовить подрыв ж.д. мостов на Березине и Днепре, в тылу Белорусского фронта, в тот момент, когда немцы начнут обходить фланг Белорусского фронта, то задача поражения будет выполнена еще более решительно.

УБОРЕВИЧ и АППОГА получили задание иметь, на время войны, в своих железнодорожных частях диверсионные группы подрывников. Самые объекты подрывов не уточнялись.

Само собой понятно, что подрыв ж. д. мостов в тылу Белорусского фронта неизбежно повлечет зашивку и без того перегруженных и сжатых в тесном коридоре коммуникаций, которые, благодаря своему положению, будут непрерывно находиться под воздействием авиации противника. Учитывая, что подрыв ж. д. мостов, во время напряженных операций, может быть осуществлен не только диверсиями, но и воздушной бомбардировкой, а также выброской парашютистов–подрывников, необходимо принять ряд радикальных мер для того, чтобы обеспечить непрерывность работ ж. д. мостов во все периоды операции. Одним из существенных мероприятий является отрывка, еще в мирное время, подъездных путей на уровень летних вод реки, заготовка ряжевых или бетонных устоев для наводки простейшими способами двутавровых

балок (возможны, кажется, 22-х метровые пролеты, при двутавровых балках метрового сечения;

пока их у нас не изготавливают, но производство их необходимо наладить).

Таких запасных мостов на пониженном уровне должно быть по крайней мере два около каждого наиболее ответственного моста. Подъездные пути должны быть отлогого профиля, во избежание слишком замедленного движения поезда. У крупных мостов с каждой стороны, у начала подъездных путей к временным мостам, должны быть организованы разъезды, что позволит избежать излишних задержек в движении. Мосты на пониженном уровне, даже в случае их подрыва, очень быстро восстанавливаются.

Помимо того, при наличии у моста зенитных средств, противник будет менее настойчив в атаках на мост, т. к. он будет видеть резервные возможности в железнодорожной переправе, а сам будет подвергаться напрасным потерям.

У крупных ж. д. мостов придется постоянно держать плотничьи, с механизированным инструментом, команды, а также запас заготовленных ряжей, как для восстановления мостов на пониженном уровне, так и для укрепления каменных устоев в случае, если они дадут трещины от попадания авиабомб в воду. Эти исправления можно будет производить очень быстро.

Помимо того, с обеих сторон крупных ж. д. мостов необходимо подготовить сильно развитые станции с тем, чтобы можно было перебрасывать войска и грузы на автомобилях от станции до станции, в случае повреждения моста. В случае повреждения ряда мостов, такие переброски придется делать, иногда, на значительном рассто-

янии. Отсюда приходится сделать вывод, что вдоль основных ж. д. путей следует прокладывать шоссейные дороги и иметь в важнейших узлах резерв автомобильного транспорта.

Помимо мостов на пониженном уровне в некоторых пунктах необходимо построить ж. д. участки, позволяющие в случае капитального разрушения моста, передачу составов на другое направление. Так, например, к Полоцку подходит три железных дороги, а от Полоцка по направлению к фронту идет лишь одна пересекая у самого города Западную Двину на очень высоком уровне. Подрыв ж. д. моста и систематическое его бомбардирование могут поставить армии, базирующиеся на Полоцк, в очень тяжелое положение. Поэтому совершенно необходимо проложить двухпутный участок Полоцк—Витебск по южному берегу Зап. Двины. Конечно, этот участок надо соединить с Лепелем и далее вести на м. Березино—Минск—Слуцк—Новоград—Волынск—Жмеринка. При наличии такой железной дороги, вывод из строя ж. д. переправы, например, через Березину у Борисова, не мог бы воспрепятствовать подаче эшелонов из Орши в Минск через Лепель, конечно, при условии развития необходимой пропускной и провозной способности этой железной дороги и т. д.

Для Белорусского фронта чрезвычайно важна ж. д. переправа через Днепр у Жлобина. Поэтому весьма важно до предела развить основную рокаду фронта: Витебск—Орша—Жлобин—Мозырь—Жмеринка. Само собою разумеется, что такие же мероприятия надо провести по линии Украинского фронта. В частности ж. дороги, идущие от Днепропетровска и Запорожья на Казатин и Жмеринку, должны быть развиты, т. к. днепровские ж. д. мо-

сты этих дорог наиболее удалены от противника и наименее подвергаются опасности ежедневных налетов.

Итак, рассмотрение плана действий Белорусского фронта, построенного на задаче разгромить польскогерманские силы на варшавском направлении, говорит о том, что план этот не обеспечен необходимыми силами и средствами. Вследствие этого поражение не исключено даже без наличия какого бы то ни было вредительства.

Само собою понятно, что проявление вредительства, даже в отдельных звеньях фронтового и армейского управления, резко повышает шансы на поражение.

Из области реально осуществленной вредительской работы, непосредственно отражающейся на оперативном плане, необходимо отметить, в первую очередь, ту задержку, которую организационный отдел Генерального штаба РККА (АЛАФУЗО) осуществил в вопросе увеличения числа стр. дивизий, задержку, которая создает основную оперативную опасность для наших армий на Белорусском и Украинском фронтах. Такая же опасная задержка проведена в вопросе широкого развертывания артиллерийского и танкового резерва главного командования.

Каковы же те силы, которые нужны Белорусскому фронту для того, чтобы он мог выполнить поставленную ему задачу, ведущего, решающего значения? Здесь можно сделать прикидку следующего порядка. Если бы польско-германское командование, по ходу обстановки, решило главные силы сосредоточить против Белорусского фронта, то против Украинского ему было бы достаточно оставить 30—35 пех. дивизий, т. е. на белорусском направлении могло бы сосредоточиться до 76—81 пех. дивизий (из всех 111-ти). Отсюда ясно, что только для то-

го, чтобы не потерпеть отдельного поражения, при настойчивом продвижении вглубь Польши, Белорусский фронт должен иметь, по крайней мере, столько же стр. дивизий, а для того, чтобы получить возможность нанести противнику поражение, число дивизий, входящих в его состав, должно значительно вырасти.

Конечно, использовать столь большое число стр. дивизий в полосе от Гродно—Кобрин Белорусскому фронту

нелегко. Слишком узок «белорусский коридор» и слишком беден он даже грунтовыми путями. Однако, к западу от меридиана Гродно возможности и необходимость использования этих сил значительно возрастают. Наилучшие оперативные условия для использования этих масс создались бы при упомянутом выше варианте первоочередного и стремительного разгрома лимитрофов.

При этом варианте и более крупные силы можно было бы концентрически подвести к фронту Тильзит—Гродно—Брест—Литовск. Если же пользоваться только «белорусским коридором», то по всей вероятности придется применить оперативное эшелонирование с тем, чтобы в нужную минуту подвести к фронту все эшелоны.

Но тыл, при этом варианте, был бы перенапряжен до крайности и потребовалась бы организация массового автомобильного транспорта и широкой постройки автомобильных дорог.

Каковы же должны быть те силы, которые необходимо предоставить Украинскому фронту, для выполнения последним поставленной ему задачи? Как видно было из сделанных выше подсчетов, польско—германское командование может выставить против Украинского фронта около 60—ти пех. дивизий. Надо оговориться, что эти расчеты могут касаться лишь 1937—го года не позже, т. к.

несомненно в 1938-м году германская армия, выставляемая по мобилизации, значительно вырастет; даже 1937 год за счет ландверных дивизий, германская армия будет несколько сильнее, чем это выше взято в расчет.

Очевидно, что, имея против себя около 60-ти пех. дивизий, Украинский фронт также должен их иметь не меньше 60-ти. На самом деле, учитывая активные задачи, стоящие перед фронтом, его силы должны быть значительно большими.

Итак, из сравнительного рассмотрения возможных группировок противника и потребных нами фронтами сил, выяснилось, что без пересмотра основных установок ныне действующего оперативного плана, Белорусскому фронту требуется около 80-ти дивизий, а Украинскому — около 60-ти, а всего 140 стр. дивизий.

Рассмотрим как могли бы развиваться, при наличии таких сил, совместные действия Белорусского и Украинского фронтов. При производстве подсчетов предполагалось, что если главный удар немцы будут наносить на Украине, то они выставят на этом направлении до 60-ти пех. дивизий. Очевидно, что при наличии в со ставе Украинского фронта также 60-ти стр. дивизий, можно предположить бои с переменным успехом на территории противника между Полесьем и румынской границей. Может быть, даже, Украинский фронт будет иметь преимущественный успех, т. к. вероятно он будет сильнее германо-поляков в отношении механизированных соединений. В этом случае, на белорусском направлении, германо-поляки смогут выставить около 50-ти пех. дивизий. Совершенно очевидно, что Белорусский фронт, при наличии 60-ти стр. дивизий может нанести польско-германским армиям поражение и постепенно установит опе-

ративного взаимодействия с Украинским фронтом в районе Брест–Литовска.

Возьмем другой вариант, когда польско–германское командование бросает против Белорусского

фронта до 80–ти пех. дивизий, оставляя на украинском направлении до 30—35–ти пех. дивизий. Совершенно очевидно, что Украинский фронт своими 60–ю дивизиями нанесет польско–германской армиям поражение и содействуя Белорусскому фронту в общем направлении на Брест–Литовск, в конце концов, оттянет на себя часть неприятельских сил, обеспечит наступление своего северного соседа и в дальнейшем оба фронта, находясь во взаимодействии и имея общее превосходство в силах над противником, нанесут ему общее поражение.

Итак, расчеты безусловно доказывают, что Белорусский и Украинский фронты, имеющие в своем составе около 90 стр. дивизий подвергаются опасности последовательного поражения, при выполнении ими активных задач, которые ставятся им оперативным планом. Эти задачи посильны будут этим фронтам только в том случае, если германия не выступит на стороне Польши.

При войне против нас Германии и Польши и при наличии в составе Белорусского и Украинского фронтов около 90 стр. дивизий, активные наступательные задачи по поражению противника на его территории для этих фронтов заведомо непосильны.

С другой стороны, расчеты показывают, что эти задачи могут быть выполнены, при условии увеличения состава обоих фронтов до 140 стр. дивизий.

Трудности в выполнении этого необходимого условия нашего боевого успеха заключаются в двух направлениях:

в формировании кадров и накоплении материальной части для новых 50-ти стр. дивизий, разворачиваемых по мобилизации и в развитии железнодорожных и шоссейных путей для своевременного сосредоточения дополнительных сил к границам. Однако, несмотря на запущенность того и другого вопросов они являются вполне разрешенными и за разрешение их необходимо взяться немедленно и с величайшей энергией.

Необходимо, чтобы все стр. дивизии были одинаково вооружены. Опыт войны 1914—1918 гг. показал, что в ходе войны все равно дивизии разделяются как бы на два класса: на наступательные и оборонительные. Наступательные дивизии сильнее вооружены артиллерией и имеют более мощные тыловые службы, способные обеспечить маневр дивизии. Оборонительные дивизии сильно оснащаются пулеметами, зато в артиллерийском отношении слабее и тылы имеют в сокращенном составе.

Очевидно, часть новых дивизий можно будет сформировать как оборонительные дивизии. Это облегчит формирование с точки зрения потребности в материальной части артиллерии.

В отношении количественных показателей нашего командного состава запаса, эти формирования особых трудностей не встретят. В качественном отношении уровень командиров запас очень низок, но, будучи призваны в армию, эти командиры быстро повысят уровень своей подготовки.

Ускорение сосредоточения достижимо путем внеочередной автоблокировки ж. д. линий, осуществляющих

стратегические перевозки. Проводя автоблокировку и развивая соответствующим образом разъезды можно добиться почти удвоения провозной способности ж. дороги.

Это мероприятие можно провести очень быстро. Помимо того, необходимо, конечно, строить и новые ж. дороги.

Ускорения сосредоточения можно достигнуть и путем расположения парков, обозов и проч. Тылового имущества частей, подлежащих переброске, в тех укрепленных районах, в направлении которых они направляются по плану оперативных перевозок. При тщательной организации хозяйства и при условии разрешения командиром дивизий инспектировать имущество, принадлежащее их дивизиям, необходимый порядок может быть соблюден.

Мне кажется, что даже эти два мероприятия помогут уложить стратегические перевозки в нужные сроки.

Если к этому прибавить постройку новых железных дорог, то быть может, сроки сосредоточения удастся даже сократить, что крайне желательно и даже более того, совершенно необходимо.

Начавшееся строительство автострад не Минск и Киев также должно быть использовано для ускорения сосредоточения, путем применения автотранспорта.

После всего вышеизложенного, где было обосновано положение, что мы не имеем на сегодняшний день достаточных сил, чтобы выполнить задачи, поставленные оперативным планом, встает, естественно, следующий вопрос: каковы же должны быть те задачи, которые оперативно следует поставить Белорусскому и Украинскому

фронтам, учитывая те силы, которые они реально могут получить в 1937 году?

Должен прямо сказать, что этот вопрос мною ни разу не прорабатывался. Опять таки повторяю, что если в войне будет участвовать одна Польша, то действующий оперативных план соответствует наличным силам и средствам. Потребуется только принять действительные меры обеспечения флота со стороны Вост.Пруссии.

что же касается плана действий против соединенных польско–германских сил, что на этот вопрос ответить гораздо труднее. Я думаю, что надо серьезно проработать этот вопрос, однако, сейчас постараюсь высказать общие соображения на эту тему.

Операции вторжения должны остаться в силе. Они обеспечивают выигрыш времени, дезорганизуя районы намечаемого противником сосредоточения. Помимо того операции вторжения сразу же переносят военные действия на территорию врага. Наконец, в случае вынужденного отхода, войска армии вторжения, усиленные необходимыми техническими средствами, будут капитально разрушать за собой железные дороги и шоссе, что будет влиять на расстройство тыла противника. Более того, армии вторжения, могут захватить значительную часть пограничной территории противника, например, для Белорусского направления вполне возможен захват района Вильно–Лида–Барановичи. Эти действия армии вторжения должны быть поддержаны войсками главных сил так, чтобы неприятель не мог без серьезных боев возвращать свою территорию. В упорных боях противник будет углубляться по двум описанным выше коридорам: белорусскому и украинскому, со всеми проистекающими отсюда трудностями и неудобствами, т. е. ослаблением своих

сил на обеспечение флангов в сторону соседних государств, сужением площади размещения авиации, затруднениями в организации маневра войсковых соединений, в перенапряжении работы коммуникаций и пр. Наши армии, наоборот, приближаясь к своим базам, будут получать преимущества в маневрировании, в использовании авиации и в работе тылов.

Помимо того Белорусский и Украинский фронты, отходя к основным железнодорожным заходам на нашей территории, получают возможность как взаимной поддержки, так и поддержки со стороны главного командования, в то время как фронты польско–германских армий, все более разделяемые Полесьем и отрывающиеся от своей хорошо налаженной железнодорожной сети, все более и более лишаются возможности поддерживать друг друга и потому, в конце концов, может наступить момент, когда главное командование сможет принять решение о нанесении одному из фронтов противника (южнее или севернее Полесья) отдельного поражения.

Для этого потребуется накопить крупный резерв главного командования. Полагаю, что такой вариант возможнее, т. к. польско–германские силы в свою очередь не обладают достаточным превосходством над силами Белорусского и Украинского фронтов для совершения глубокого наступления (111 дивизий против 30—100 дивизий) и будут, конечно, ослаблены и истощены этим глубоким наступлением. В такой обстановке, при наличии достаточного резерва главного командования, поданного в нужный момент на один из контр–фронтов и направленного в наиболее ослабленный фронт противника, может оказаться возможным последовательное поражение

противника сначала на одном направлении, а далее на другом.

Повторяю, что этот вариант мною совершенно не проработан и я здесь пока высказываю пока лишь самые предварительные соображения.

Вновь возвращаясь к варианту первоочередного разгрома прибалтов, хочу сказать, что именно этот вариант особенно благоприятствует вести активную оборону на территории врага. Захват территории Эстонии, Латвии и Литвы и захват армией вторжения Белорусского фронта территории Западной Белоруссии, до линии Гродно–Слоним, позволил бы нашим армиям, опираясь на свою охватывающую базу упорно обороняться, а в случае наступления противника, ставить его в труднейшее положение, когда ему придется, развивая свои действия по эксцентрическим направлениям.

Между прочим, этот вариант станет совершенно необходимым, когда нами будет построен в Балтике большой линейный флот. Такой флот во время войны не может базироваться ни на Кронштадт, ни на Лужскую губу. Ему потребуются базы в открытом море и эти базы имеются на территории Эстонии и Латвии: Ревель, Рига, Виндава, Либава. Вопросы о Финляндии я, в разрезе анализа плана первоочередного поражения лимит рофов касаться не буду, т. к. война с Финляндией представляет для нас совершенно самостоятельную проблему; в достаточной степени сложную.

Ожидая с наибольшей вероятностью наступления главных германских сил на украинском направлении ни в каком случае не следует считать исключенным наступление немецких армий как на белорусском направлении,

так и на территории прибалтов. Оперативный план должен предусматривать и отдельные, частные варианты.

Что касается нашего стратегического положения, в случае если Германия еще до войны с нами захватит Чехословакию и Румынию, то этот вопрос требует специального изучения и в первую очередь требует такой постановки агентурной работы, чтобы мы действительно знали о всех конкретных мероприятиях германского генерального штаба, направленных к подготовке этого захвата.

Система укрепленных районов, построенная от Карельского перешейка через Полоцк до Летичева и Тирасполя включительно, в общем и целом вполне отвечает интересам развертывания армии. В связи с увеличением германской угрозы я думаю, что следовало бы построить Слуцкий укрепленный район в Белоруссии, а на Украине крайне важно было бы развить Летичевский укрепленный район в глубину и закрыть промежуток между ним и Житомирским укрепленным районом. Летичевское направление является наиболее решительным для немцев. С проломом на этом направлении дальнейшие действия немцев и поляков по развитию успеха на правом берегу становится значительно более легкими. В связи с возможностью решительных действий германских армий, необходимо вернуть Киевскому и Мозырскому укрепленным районам их прежнее крупное значение и внимание, которое за последние годы понемногу забылось.

Каковы же были основные вредительские мероприятия, разработанные центром антисоветского военнотроцкистского заговора, которые должны были использовать наши затруднения на фронтах сражений с германскими и польскими армиями в целях поражения наших красных армий.

Я уже показывал, что изучив условия возможного развертывания операций немцев и поляков против БВО и КВО во время апрельской военно–стратегической игры 1936–го г. и получив незадолго до этого установку от германского генерального штаба через генерала РУМШТЕДТ на подготовку поражения на украинском театре военных действий я обсудил все эти вопросы, сейчас же после игры с ЯКИРОМ и УБОРЕВИЧЕМ, а в общих чертах и с прочими членами центра. Было решено оставить в силе действующий оперативный план, который заведомо не был обеспечен необходимыми силами. Наступление Белорусского фронта с приближением, а тем более с переходом этнографической границы Польши должно было стать критическим и с большой долей вероятности опрокидывалось ударом немцев или из В.Пруссии в направлении Гродно, или через Слоним на Минск.

Украинский фронт, в первую очередь или после нанесения удара немцами на севере, также, по всей вероятности, потерпит неудачу в столкновении со значительно превосходящими силами польских и германских армий.

В связи с такой обстановкой на УБОРЕВИЧА была возложена задача так разрабатывать оперативные планы Белорусского фронта, чтобы расстройством ж.д. перевозок, перегрузкой тыла и группировкой войск, еще более, перенапрячь уязвимые места действующего оперативного плана.

На ЯКИРА были возложены те же задачи, что и на УБОРЕВИЧА, но кроме того, через САБАИНА, он должен был организовать диверсионно–вредительскую сдачу Аетичевского укрепленного района.

И УБОРЕВИЧ, и ЯКИР должны были в течение лета разработать через штабы БВО и КВО практические ме-

роприятия, вытекающие из этих вредительских установок.

Что успели сделать штабы БВО и КВО во исполнение этого задания мне неизвестно, так как «(о чем я уже показывал раньше) в связи с арестом ряда видных участников заговора летом 1936» года, центром заговора решено было временно прекратить всякую практическую работу. Об отдельных вопросах вредительских разработок, известных мне, я покажу дальше. В связи с временным прекращением работ заговора я не согласовывал с генералом КЕСТРИНГОМ намеченных центром заговора оперативных мероприятий по подготовке поражения наших армий, это согласование я должен был сделать по окончании практических оперативных разработок в БВО и КВО.

КАМЕНЕВ С. С. должен был разработать, по своей линии, мероприятия, направленные к тому, чтобы дезорганизовать противовоздушную оборону железных дорог в БВО и КВО и тем внести расстройство как в стратегическое сосредоточение армий, так и в работу последующих снабженческих и оперативных перевозок.

Из отдельных вредительских мероприятий, подготовлявшихся в штабах БВО и КВО, мне известны нижеследующие:

Разработка плана снабжения с таким расчетом, чтобы не подвозить для конных армий объемистого фуража, со ссылкой на то, что фураж есть на месте, в то время, как такового заведомо не месте не хватает, а отступающий противник уничтожает и остатки. Засылка горючего для авиации и механизированных соединений не туда, где это горючее требуется. Слабая забота об организации оперативной связи по тяжелым проводам, что неиз-

бежно вызовет излишнюю работу раций и раскрытие мест стоянки штабов. Недостаточно тщательная разработка и подготовка вопросов организации станции снабжения и грунтовых участков военной дороги. Размещение ремонтных организаций с таким расчетом, чтобы кругооборот ремонта затягивался.

Плохая организация службы ВНОС, что будет затруднять своевременный вылет и прибытие к месту боя истребительной авиации.

Что касается Дальнего Востока, то оперативный план последнего центром военного заговора не обсуждался в целом. Дальним Востоком специально занимался ГАМАРНИК. Он почти ежегодно ездил в ОКАВА и непосредственно на месте давал указания и решал многие вопросы.

Мне известно, что ПУТНА и ГОРБАЧЕВ в их бытность на Дальнем Востоке стремились дезорганизовать систему управления в ОКАВА. В дальнейшем эту работу проводил ЛАПИН. Эти работники стремились расшатать субordi...

в ОКАВА, путем дискредитации командования.

ЛАПИН усиленно пропагандировал в ОКАВА теорию о том, что действия крупноорганизованными массами, состоящими из разных родов войск, для ОКАВА не годятся. На Дальнем Востоке нужна мол, особая, горно-таежная тактика, которая тянула боевую подготовку армии в сторону тактических форм малой войны.

ЛАПИНУ удалось в этом отношении кое-что протащить в жизнь.

ЛАПИН не обеспечил непрерывную боевую готовность авиации ОКАВА на аэродромах, то было бы очень

просто сделать, если бы он добивался введения сменных экипажей на самолеты.

Дальневосточный театр войны крайне слабо обеспечен от воздействия японцев через МИР в направлении Читы и кругобайкальской железной дороги. В этом отношении ни ОКАВА, ни ГАМАРНИК не ставили вопросов о необходимости прокладки ж. д. пути от Байкала, хотя бы до Улан-Батора. В случае нападения на нас японцев наше положение в направлении МНР будет чрезвычайно тяжелым.

С точки зрения организационной, ГАМАРНИКОМ было проведено на Дальнем Востоке решение о расформировании строительных частей, после объявления мобилизации для целей пополнения кадровых частей. Это, конечно, неправильно, т. к. строительные части выгоднее развернуть как второочередные дивизии, в кадровые части содержать в штатах более близких к военному времени, чтобы до минимума сократить потребность в подвозе пополнений. Наши силы на Дальнем Востоке крайне слабы и надо использовать всякую дополнительную возможность к увеличению числа войсковых соединений.

* * *

Показания о вредительской работе будут изложены мною дополнительно.

Тухачевский

БИБЛИОГРАФИЯ

Российские государственные федеральные, региональные и ведомственные архивы

Центральный Архив ФСБ РФ АСД № Р–9000 на Тухачевского М. Н., Якира И. Э., Уборевича И. П., Корка А. И., Эйдемана Р. П., Фельдмана Б. М, Примакова В. М. и Путны В. К.

Т. «Судебное производство», т. 1, т. 15 «Стенограмма судебного заседания», т. 17, т. «Вместо тт. 25—26».

АСД № Н–212 на «Приволжскую шпионскую организацию»¹, т. 1, 3, 4.

АСД № Р–10195 на Владимирова М. А. АСД № Р–12028 на Тухачевскую С. Н.

АСД № Р–12805 на Кузьмину Ю. И. АСД № Р–18091 на Протас А. Я. АСД № Р–23800 на Блюхера В. К.

АСД № Р–23914 на Тухачевскую–Аронштам Н. Е. АСД № Р–3325 на Арватова Ю. И. АСД № Р–34523 на Гриневича Е. К. АСД № Р–3454 на Арватову–Тухачевскую Е. Н. АСД № Р–3802 на Домбаля Т. Ф. АСД № Р–41897 на Тухачевскую С. М. и др. АСД № Р–4328 на Гейман–Тухачевскую О. Н. АСД № Р–4329 на Тухачевскую З. Ф. АСД № Р–4330 на Тухачевскую–Владимирову М. Н. АСД № Р–4876 на Енукидзе А. С.

АСД № Р–5159 на Бейер (Тухачевскую) М. В. АСД № Р–9003 на Тухачевского Н. Н. 1 Здесь и далее знаком отмечены документы, публикуемые впервые.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф. 10035, оп. 1, АСД № П–63124 на Тухачевского

А. Н. Ф. 1235, оп. 79, д. 20, д. 33.

Ф. 130, оп. 2, д. 688.

Ф. 749, оп. 1, д. 39.

Ф. Р–1235, оп. 93, д. 501.

Российский государственный архив социально–политической истории (РГАСПИ) Ф. 17, оп. 165, д. 58, д. 60, д. 62.

Ф. 558, оп. 11, д. 446, д. 447.

Российский государственный военный архив (РГВА) Ф. 157, оп. 2, д. 159.

Ф. 37605, оп. 2, д. 2.

Российский государственный военно–исторический архив (РГВИА) Ф. 2584, оп. 1, д. 2971.

Ф. 291, оп. 1, д. 43, д. 44, д. 49, д. 50.

Государственный архив Самарской области (ГАСО) Ф. 136, оп. 1, д. 20.

Самарский областной государственный архив социально–политической истории (СОГАСПИ) Ф. 3500, оп. 1, д. 284, д. 256.

Фонды Государственного музея политической истории России (ГМПРИР) Ф. 2, оп. 3470, ф. Личные архивы Тухачевского А. Н.

Аудиокассета с записью воспоминаний Е. Н. Арватовой Тухачевской Поколенная роспись рода Тухачевских (по материалам:

архива Древних актов, Военно–исторического архива и др.).

Уборевич В. И.

Филатова Е. Воспоминания о доме нашего детства.

Большой Ржевский, д. 11. Машинопись.

Письмо М. Н. Тухачевской В. И. Уборевич.

Письмо В. Д. Орловой от 19.06.88. Рукопись.

Письма В. И. Уборевич к Е. С. Булгаковой. Письма № 1—14. Рукопись.

Хитрово Ю. В.

Арватова–Тухачевская Е. Н. Воспоминания о М. Н. Тухачевском.

Машинопись.

Арватова–Тухачевская Е. Н. Воспоминания. Машинопись.

Письмо Н. И. Шишикина Е. Н. Арватовой–Тухачевской.

Письмо Х. М. Пеловой. Машинопись.

Шостакович И. А.

Ф. 4. Письма К. М. Павловой–Давыдовой. 1967 г. Blombergs P. Privates Archiv.

«Reise des Chefs des Truppenamts nach Russland».

(August/September, 1928).

Иностранные архивы Bayer. Hauptstaatsarchiv Munchen, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Inf. Brig. № 289, № 119/1.

Bundesarchiv Koblenz. Joseph Gobbels Tagebuch, 37 NL 118/64, 118/63.

Bundesarchiv Militärarchiv Freiburg № 52/2 Blomberg:
Lebenerinnerungen — handschriftlich.

Государственный архив Службы безопасности Украины (ГА СБУ), ф. 6, АСД № 52210—ФП.

Опубликованные документы «Правильная политика правительства решает успех армии» // Источник, 2002, № 3.

18 лет Красной Армии (Материалы для докладов и бесед) // Пропагандист РККА, 1936, № 4.

7-й Всебелорусский съезд Советов, май 1925 г.: Стенографии, отчет. Минск, 1925.

В свой полк из плена через шесть границ. Новые документы о М. Н. Тухачевском/ Сост. В. М. Шабанов // Военно-исторический журнал, 1996, № 5.

Временный Полевой устав РККА. М., 1926.

Девятая конференция РКП (б). Сентябрь 1920 года.
Протоколы. М., 1972.

Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). М., 1969.

Директивы командования фронтов Красной Армии.
М., 1969, т. 4.

Документы и материалы по истории советско--польских отношений. М-, 1964, т. 3.

Документы о подавлении восстания // Белая гвардия, 2002, № 6.

Заключение по результатам графологического анализа рукописных текстов показаний Тухачевского М. Н. Подготовлено главным экспертом ЭКЦ ГУВД СПб и АО Сысоевой А. А.

Коминтерн и идея мировой революции: Документы. М., 1998, с. 313.

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. Антоновщина: Документы и материалы.

Интерцентр, Государственный архив Тамбовской области и др. Тамбов, 1994.

Кронштадт 1921 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева.

М.: Международный фонд «Демократия».

Кронштадт в марте 1921 г. Публикации документов / Отечественные архивы, 1996, № 1.

Кронштадтская трагедия 1921 г.: Документы. М., 1999.

Ленин В. И. Политический отчет ЦК РКП (б). Стенограмма выступления на IX конференции РКП(б) 22 сентября 1920 г. // Исторический архив, 1992, № 1.

Ленин В. И. Военная переписка. М.: Воениздат, 1987.

Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891—1922.

М., 1999.

Мы все видим и все знаем. Крик души красного командира // Источник, 1998, № 1.

Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 годы): Документы и материалы. М.: Политиздат, 1962.

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову, 1925— 1936 гг.: Сб. документов. М., 1995.

Политбюро ЦК РКП (б)— ВКП(б). Повестки дня заседаний.

Посетители кабинета Сталина // Исторический архив, 1998, № 3—4.

Посторонкин В. Неизвестное о Тухачевском // Военноисторический журнал, 1990, № 12.

Приказ войскам Западного фронта № 1423 от 2 июля 1920 // Военно—исторический журнал 1990, № 5.

Приказ народного комиссара обороны Союза ССР К. Е. Ворошилова № 072 от 07.06.1937 г. // Военноисторический журнал, 1990, № 5.

Коминтерн и идея мировой революции: Документы. М., 1998, с. 313.

Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919—1921 гг. Антоновщина: Документы и материалы.

Интерцентр, Государственный архив Тамбовской области и др. Тамбов, 1994.

Кронштадт 1921 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева.

М.: Международный фонд «Демократия».

Кронштадт в марте 1921 г. Публикации документов / Отечественные архивы, 1996, № 1.

Кронштадтская трагедия 1921 г.: Документы. М., 1999.

Ленин В. И. Политический отчет ЦК РКП (б). Стенограмма выступления на IX конференции РКП (б) 22 сентября 1920 г. // Исторический архив, 1992, № 1.

Ленин В. И. Военная переписка. М.: Воениздат, 1987.

Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891—1922. М., 1999.

Мы все видим и все знаем. Крик души красного командира // Источник, 1998, № 1.

Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918—1920 годы): Документы и материалы. М.: Политиздат, 1962.

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову, 1925—1936 гг.: Сб. документов. М., 1995.

Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б). Повестки дня заседаний.

Посетители кабинета Сталина // Исторический архив, 1998, № 3—4.

Посторонкин В. Неизвестное о Тухачевском // Военноисторический журнал, 1990, № 12.

Приказ войскам Западного фронта № 1423 от 2 июля 1920 // Военно-исторический журнал 1990, № 5.

Приказ народного комиссара обороны Союза ССР К. Е. Ворошилова № 072 от 07.06.1937 г. // Военноисторический журнал, 1990, № 5.

Тухачевский М. Н. Красная Армия на 6-м году Революции // Красная присяга, 1923, № 18.

Тухачевский М. Н. Мощь Красной Армии непреодолима.

Речь на VII съезде Советов СССР. 30 января 1935 г. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.

Тухачевский М. Н. О характере современных войн в свете решений 6-го Конгресса Коминтерна: Доклад на заседании военной секции при Комакадемии 16.12.1929 г. / Записки Коммунистической академии.

М., 1930, т. 1.

Тухачевский М. Н. Популяризация военных знаний // Военный вестник, 1925, № 1.

Монографии на русском языке Аралов С. И. Ленин вел нас к победе. Госполитиздат, 1962.

Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. 12, 14.

Архипов И. Л. Российская политическая элита в феврале 1917: Психология надежды и отчаяния.

СПб.: Издательство С. — Петерб. ун-та. 2000.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма.

М.: Наука, 1990.

Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. А.: Аениздат, 1991.

Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. М., 1957.

Бонч-Бруевич М. Д. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции. М., 1931.

Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М.:

Центрполиграф, 2002.

Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940). М., 1965.

Вышчельский Л. Варшава 1920 / Пер. с польского П. С. Романова. М.: АСТ; Астрель, 2004. (Серия «Великие битвы и сражения».) Гнутов М., Федоров Г. Боевой восемнадцатый год.

Ульяновск, 1963.

Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917—1918 годах. Ревель, 1937, т. 1.

Горлов С. А. Совершенно секретно. Альянс «МоскваБерлин» 1920—1933. М.: Олма-Пресс, 2001.

Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. Пг., 1918.

Гражданская война 1918—1921 гг., т. 2, 3. М., 1928.

Гуль Р. Б. Красные маршалы: Тухачевский, Ворошилов, Блюхер, Котовский. М.: Мол. гвардия, 1990.

Гуль Р. Ледяной поход. М., 1990.

Дайнес В., Краснов В. Неизвестный Троцкий. М., 2000.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Репринтное воспроизведение. М.: Наука, 1991. Т. 1, вып. 1, 2.

Дневники императрицы Марии Федоровны (1914—1920, 1923 гг.) М.: Вагриус, 2005.

Драбкина Е. Зимний перевал. М.: Политиздат, 1990.

Драма российской истории: большевики и революция.

М.: Новый хронограф, 2002.

Евланов В. А., Петров С. Д. Почетным оружием на-
гражденные.

М.: Просвещение, 1988.

Записки секции по изучению проблем войны Кома-
кадемии, 1930, т. 1.

Зарождение и развитие советской военной историо-
графии 1917—1941. М., 1985.

История гражданской войны в СССР, М., 1957, т. 3.

Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война.
1918—1921, СПб.: Полигон, 2002.

Какурин Н. Е., Медиков В. А. Война с белополяками
1920 г. М., 1925.

Кантор Ю. З. Петербург. Эрмитаж. Пиотровские.

СПб.: Искусство–СПб., 2004.

Керенский А. Ф. Издалека: Сб. статей (1920—1921).

Париж, 1922.

Кларк А. План «Барбаросса». Крушение Третьего
рейха. 1941—1945 / Пер с англ. Н. Б. Черных–Кедровой.

М.: Центрполиграф, 2002.

Краснознаменный Приволжский: Исторический
очерк. 2-е изд. Куйбышев, 1980.

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине, М., 1957.

Ларина–Бухарина А. М. Незабываемое. М.: Изд-во
АПН, 1989.

Ленин В. И. Полное собр. сочинений. Т. 37, 38, 39,
41,51,54.

Литвин А. Красный и белый террор в России. 1918—1922 гг. М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Майский И. М. Демократическая контрреволюция.

М. — Пг., 1923.

Макаров Ю. Моя служба в Старой Гвардии 1905—1917 г. Мирное время и война. Буэнос-Айрес, 1951.

Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников.

М.: Воениздат, 1965.

Маслов С. С. Россия после четырех лет революции.

Париж, 1922.

Медведев Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918—1919 гг.). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1974.

Минаков С. Сталин и его маршал. М.: Яуза, Эксмо, 2004.

Млечин Л. М. Иосиф Сталин, его маршалы и генералы.

М.: Центрполиграф, 2004.

Млечин Л. М. Русская армия между Троцким и Сталиным.

М.: Центрполиграф, 2002.

Наумов И. В. История Сибири: Курс лекций. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003.

Никулин Л. Тухачевский: Биографический очерк. М.: Воениздат, 1964.

Павлов А. Запасная столица. 2–е изд. Самара: Самарский дом печати, 2002.

Первая Мировая война. Дискуссионные проблемы истории / Отв. ред. акад. РАН Ю. А. Писарев, д. ист. н.

В. Л. Мальков. М.: Наука, 1994.

Путна В. К Висле и обратно. М., 1927.

Ростунов И. И. Генерал Брусилов. М., 1964.

Рубцов Ю. В. Маршалы Сталина. Ростов–н/Д.: Феникс, 2002. Серия «Исторические силуэты».

Русское прошлое. Историко–документальный альманах, № 2. СПб., 1991.

Самарская губерния в годы Гражданской войны (1918—1920). Куйбышевское книжное издательство, 1958.

Самойло А. А. Две жизни. М., 1958.

Серебрякова Г. Собр. соч. в 6 т. М.: Худож. лит., 1979, т. 5.

Симбирская губерния в 1918—1920 годах: Сб. воспоминаний.

Ульяновск, 1958.

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. М., 1988.

Симонов Н. Военно–промышленный комплекс СССР в 1920—1950–е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления.

М., 1996.

Соколов Б. В. Тухачевский. Жизнь и смерть красного маршала. М.: Вече, 2003.

Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР 1930—1931 годы. М., 2000.

Тодорский А. И. Маршал Тухачевский. М.: Политиздат, 1966.

Толстой С. Н. Осужденный жить: Автобиографическая повесть. М., 1998.

Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. М., 1923, т. 1.

Троцкий Л. Д. Сочинения. М., Л., 1926, т. XVII, ч. 1.

Трубецкие, кн. Россия воспрянет. М., 1996.

Фрунзе М. В. Избранные произведения. М., 1957, т. 2 Черемных В. М. На защите завоеваний революции.

Военно—организационная деятельность ВЦИК в первые годы революции. М., 1988.

Шамбаров В. Е. Белогвардейщина. М.: Эксмо, Алгоритм, 2004.

Шелленберг В. Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика / Пер. с англ. М.: Дом Бируни, 1991.

Шостакович Д. О времени и о себе (1926—1975).

М.: Сов. композитор, 1980.

Шумихин В. С. Советская военная авиация. 1917—1941. М., 1986.

Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М., 1996.

Яров С. В. Горожанин как политик. Революция, военный коммунизм и НЭП глазами петроградцев.

СПб., 1999.

Монографии на иностранных языках Bucheier H. Carl-Heinrich v. Stulpnagel. Soldat — Philosoph — Verschworer. Berlin — Frankfurt a. M., 1989.

Domarkus Max. Hitler. Reden und Proklamationen.

1932–1945.1 Band. Triumph, 1962.

Fabry Philipp. Die Sowjetunion und das deutsche Reich.

Eine dokumentierte Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen von 1933 bis 1941. Stuttgart, 1971.

Fervacque P. Le chef de l'... armee Rouge — Mikail Touratchevski. Paris, 1928.

General Ernst Kostring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921— 1941. Beard. Von Teske Hermann. Frankfurt a.

M., 1965.

Groehler Olaf. Selbstmörderische Allianz. Deutsch-russische Militärbeziehungen 1920—1941. Berlin, 1992.

Hilger Gustav. Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen, 1918—1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. Frankfurt a. M. — Berlin, 1964.

Ingolstadt im Ersten Weltkrieg. Das Kriegsgefangenenlager.

Ingolstadt, 1999.

Mayenburg Ruth von. Blaues Blut und rote Fahnen.

Molden taschenbuch Verlag, 1977.

Rosenfeld Gunter. Sowjetru.land und Deutschland.

1917–1922. Berlin, 1984.

Rouquerol. L'aventure de Admiral Koltchak. Paris, 1929.

Ruge Wolfgang. Deutschland von 1917 bis 1933. Berlin, 1978.

Wagner Gerhard. Deutschland und der polnisch–sowjetische Krieg 1920. Wiesbaden, 1979.

Zeidler Manfred. Reichswehr and Rote Armee.

1920—1933. Wege und Statinen einer ungewunlichen Zusammenarbeit. Munchen, 1993.

Статьи на русском языке «И впредь беспощадно уничтожать врагов народа».

Резолюция митинга рабочих завода «Калибр» // Известия, № 137 (6299), 12 июня 1937.

«Не дадим житья врагам советского союза» // Известия, № 137 (6299), 12 июня 1937.

Абрамов Н. Дело Тухачевского: новая версия // Новое время, 1989, № 13.

Ананьич Б. В., Панеях В. М. «Академическое дело»

1929—1931 гг. и средневековые политические процессы в России (сравнительная характеристика) // Россия в X—XVIII веках. Проблемы истории и источниковедения.

М.: РГГУ, 1995.

Аптекарь П. А. Крестьянская война // Военно–исторический журнал, № 1, № 2, 1993.

Архипов И. Последний отзвук революции // Ленинградский университет, 26 апреля 1991.

Архипов И. Л. Кронштадт 1921 года: революционный мятеж? // Слово и дело, 18—24 марта 1993, №9.

Архипов И. Л. Три с половиной года мы не видали белой булки и тайного голосования // Время новостей, 17марта 2005, № 44.

Ахтамзян А. А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920—1933 гг. // Новая и новейшая история, 1990, № 5.

В защиту маршала Тухачевского. Перевод из Уоркерс вангард № 321, 14 января 1983 г. с некоторыми исправлениями // Бюллетень Спартаковцев, осень 1990.

В Комиссии политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40—х и ачала 50—х годов // Известия ЦК КПСС, 1989, №4.

Вольский В. К. Судьба учредительного собрания // Исторический архив, 1993, № 3.

Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне // Военно—исторический журнал, № 2, 1993.

Дайнес В. О. Михаил Николаевич Тухачевский // Вопросы истории, № 10, 1989.

Дайнес В. Предисловие // Тухачевский М. Поход за Вислу. — Пилсудский Ю. Война 1920 года.

М.: Новости, 1992.

Деникин А. И. Очерки русской смуты // Вопросы истории, 1992, № 11/12.

Драма начиналась в Кремле // Вечерний Минск, № 35 (8844), 23 февраля 1998.

Егоров А. И. Киевское сражение 1920 г. // Военноисторический бюллетень, 1936, № 3.

Ермолаев И. Вся власть Советам. О событиях в Кронштадте 1—18 марта 1921 года // Дружба народов, № 3, 1990.

Есиков С. А., Канищев В. В. Антоновский НЭП (Организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии. 1920—1921 гг.) // Отечественная история, 1993, № 4.

Зайцов А. А. Семеновны в 1914 году. Гельсингфорс, 1936.

Зданович А. Тайные лаборатории рейхсвера в России // Армия, №1, 1992.

Иссерсон Г. Судьба полководца // Дружба народов, 1988, № 5.

Иссерсон Г. Записки современника о М. Н. Тухачевском // Военно-исторический журнал, 1963, № 4.

Источники истории о Михаиле Тухачевском // Гутен Таг, 1988, № 10.

Кантор Ю. Соль на раны // Известия, 6 мая 2005.

Кантор Ю. Адмирал Колчак: роман перед расстрелом.

«Я вас больше чем люблю...» // Известия 06 февраля 2004.

Кантор Ю. Михаил Тухачевский, маршал Советского Союза: «Я хочу сделать вывод из этой гнусной работы» // Известия, № 32(26589), 21 февраля 2004.

Карпов В. Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира // Знамя, № 10, 1989.

Касаткин-Ростовский Ф. Воспоминания о Тухачевском // Семеновский бюллетень, 1935, № 15.

Кораблев Ю. И. Советская власть и военные специалисты // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. М.: Раритет, 2002.

Ленин В. И. Речь красноармейцам, отправляющимся на польский фронт // Правда, № 96, 6 мая 1920.

Маршал Жуков. Воспоминания. (По записям К. Симонова.) // Огонек. 1986. № 48.

Маяковский В. В. // Литературная энциклопедия.

М.: ОГИЗ, 1932, т. 6.

Можайский В. Психофизиологический кабинет // Революция и война, № 2, 1922.

Моряк К. Колодочкин // Известия ВРК Кронштадта, 9 марта 1921 год.

Опишня И. Тухачевский и Скоблин. Из истории одного предательства // Возрождение. Париж, 1955.

Тетрадь, № 39.

Писарев А. Семеновцы // Родина, 1999, № 2.

Писарев Е. В. Газовая атака // Белая гвардия, 2002, № 6.

Поливанов А. Пока не потеряно знамя // Родина, 1999, № 1.

Пфафф И. Прага и падение Тухачевского // Военно-исторический журнал, 1988, № 11, с. 53.

Савинков В. Записки // Родина, 1999, № 7.

Симонова Т. Мир и счастье — на штыках // Родина, № 10, 2000.

Спирин А. М. В. И. Ленин и создание командных кадров // Военно-исторический журнал, 1965, № 4.

Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины: Сб. статей о русской революции. М., 1990.

Сувениров О. Ф. Всеармейская трагедия // Военно-исторический журнал, 1989, № 3.

Толстой А. К. Родина! // Известия, № 138 (6300), 14 июня 1937.

Троцкий Л. Герои, на Варшаву! // Правда, № 180, 15 августа 1920.

Троцкий Л. К польским рабочим, крестьянам и легионерам!

// Правда, № 131, 18 августа 1920.

Утреннее заседание 11 июня // Волжская коммуна, № 133, 12 июня 1937.

Фатуева Н. В. Организация и методы деятельности повстанческого движения в Тамбовской губернии в 1920—21 годах // Белая гвардия, № 6, 2002.

Хорее А. Маршал Тухачевский // Красная звезда, 1988, 4 июня.

Черных М. Н. Предисловие к статье Ю. Мархлевского «В. И. Ульянов—Ленин (1870—1920)» // Ленин и Польша: проблемы, контакты, отклики. М.: Наука, 1970.

Шарикова Э. Замечательный полководец // Волжская коммуна (г. Куйбышев) 16 февраля 1963, № 40.

Якушевский А. С. Особенности подготовки вермахта к нападению на СССР // Военно-исторический журнал, 1989, № 5.

Яров С. В. Кронштадтский мятеж в восприятии петроградских рабочих // Звенья: Историч. альманах.

Вып. 2. М., СПб.: Феникс — Atheneum, 1992.

Статьи на иностранных языках Spalcke Karl. Gespreche in Moskau // Die Gegenwart, 13(1958).

Student Kurt. Reichswehr und Rote Armee // Internationale Luftwaffen revue, 1/2 (1968).

Treffer G. Der Hauptmann Charles de Gaules in Ingolschtatter Kriegsgefangenschaft.// Sammelblatt des Historischen Vereins Ingolstadt 91 Jahrgang 1982.

Treffer G. Zur IngolstKdter des Sowjetmarschalls M. N. Tuchatschewski//Sammelblatt des Historischen Vereins Ingolstadt 89 Jahrgang 1980.

Художественная литература

Гашек Я. Похождения бравого солдата Швейка, т. 1. М.: Правда, 1958.

Куприн А. И. Юнкера // Куприн А. И. Собр. соч. Т. 6. М.: Худож. лит., 1958.

Ремарк Э. М. На Западном фронте без перемен. Лениздат, 1959.

Тургенев И. С. Дворянское гнездо // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах.

Т. 6. М.: Наука, 1981.

Интернет сайты <http://www.hrono.ru/> <http://www.lvin.ru/> <http://www.saharov-center.ru/>

ФОТО

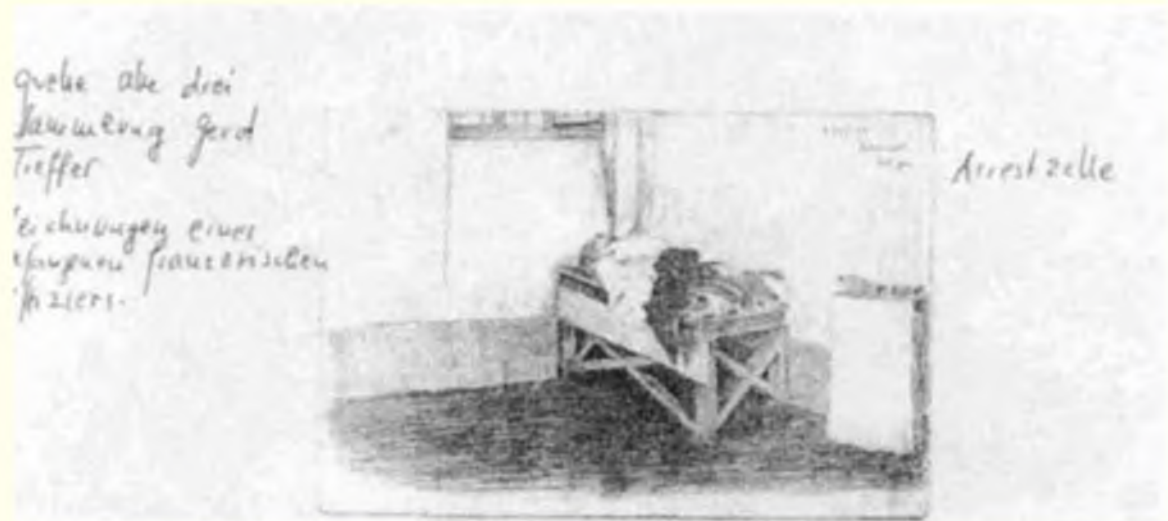
М. Н. Тухачевский. 1897 г.

Офицерская камера. Лагерь Ингольштадт. Рисунок одного из французских пленных офицеров. 1916 (?) г. Из личного архива Г. Треффера.

Штрафной изолятор. Лагерь Ингольштадт. Рисунок одного из французских пленных офицеров. 1916 (?) г. Из личного архива Г. Треффера.

Офицерская мастерская. Лагерь Ингольштадт. Рисунок одного из французских пленников офицеров. 1916 (?) г. Из личного архива Г. Треффера.

Генерал Й. Петер. Bayer .Haupt-staatsarchiv München.
Публикуется впервые.

М. Н. Тухачевский. 1920 г.

Письмо бежавшего поручика Тухачевского коменданту Ингольштадтского лагеря Петеру. 1917 г. Bayer. Hauptstaatsarchiv München, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Inf. Brig. 1889. Публикуется впервые.

Советские военачальники. 1921 г. В первом ряду: крайний слева - М. Н. Тухачевский; в центре - С. М. Буденный; крайний справа - П. Е. Дыбенко.

М. Н. Тухачевский и Н. Е. Тухачевская. 1921 г. Фото из личного архива Ю. В. Хитрово.

М. Н. Тухачевский. Не позднее 1923 г. ЦА ФСБ РФ. А С Д № Р-9000. Публикуется впервые.

Е. Н. Тухачевская с дочкой Мариной. 1928 г. Фото из личного архива Ю. В. Хитрово.

*М. Н. Тухачевская. 1928 г. Фото из личного архива
Н. А. Тухачевского. Публикуется впервые.*

Ю . И . Арватов. Не позднее 1930 г. ЦА ФСБ РФ. АСД № Р-4328. Публикуется впервые.

Е. К. Гриневич. Тюремное фото. 1931 г. ЦА ФСБ РФ. АСД № Р-34523. Публикуется впервые.

*М. Н. Тухачевский. 1932 г. Открытка. Репродукция
картины И. Бродского.*

*Н. Е. Тухачевская с дочерью Светланой. 1932 г. ЦА
ФСБ РФ. А С Д № Р-23914. Публикуется впервые.*

*С. Н. Тухачевская. 1932 г. Фото из личного архива
Ю. В. Хитрово. Публикуется впервые.*

И.П.Уборевич с женой -Н. В. Уборевич. Не позднее 1934 г. Фото из личного архива В. И. Уборевич.

Светлана Тухачевская и Владимира Уборевич. 1934 г. Фото из личного архива В. И. Уборевич.

Генерал Советского Союза
Г. Г. Тухачевский

М. Н. Тухачевский 1935 г. Открытка. ЦА ФСБ РФ. А С Д № Р-5159.

М . П . Тухачевская. 1 9 3 5 г . Ц А Ф С Б Р Ф . А С Д № Р-4328. Публикуется впервые.

Михаил и Нина Тухачевские. 1935 г. Фото из личного архива Н. А. Тухачевского.

Н. Н. Тухачевский. 1936 г. ЦА ФСБ РФ. А С Д № Р-5159. Публикуется впервые.

Ю. Пилсудский и Й. Геббельс. На переговорах в Варшаве. 1935 г.

Nr. 11370.

Ab. samtl. Aktenheft Tuchatschewski

an das

Bayer. Kriegsarchiv

München

zur gefl. Kenntnisnahme zurückgesandt.

München, den 29. Juni 1936.
Bayerische Staatskanzlei

I. A.

Handwritten signature

II. Inf. Brig.

BAYER. KRIEGSARCHIV

Handwritten notes and signature
Nr. 577

Zu den Gerichtsakten der stellv. II. Inf. Brig.

- 7/18 -

Mchn, 5.7.36

J. A.

Handwritten signature

Ответ Имперского Военного министерства на запрос Имперского министерства пропаганды в отношении М. Н. Тухачевского 1936 г. Bayer. Hauptstaatsarchiv München, Abt. Kriegsarchiv, Gerichtsbestand stellv. II. Inf. Brig. ?119/1 von 1917. Публикуется впервые.

*Т. Ф. Домбаль. Тюремное фото. 1936 г. ЦА ФСБ РФ.
АСД № Р-3802. Публикуется впервые.*

Д-526 201/67

ВЕРИМ

С С О Р

Народный Комиссариат Внутренних Дел

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ ВЧК—ОГПУ—ИНВД

Год принудения 19

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО № 19/15

по обвинению *Гуляевской, Л. И.*

Получено по адресу: Ленинградский филиал
Института истории и архивоведения
Переходящему адресу: Ленинградский филиал
Института истории и архивоведения
в Ленинградском филиале Института истории
и архивоведения
СССР

12-900

Том 1
Ленинградский филиал
Института истории и архивоведения

Ленинградский филиал
Института истории и архивоведения

*Обложка следственного дела М.Н .Тухачевского.
1937 г . ЦА ФСБ РФ АСД . Р-9000. Публикуется впервые.*

И. М. Леплевский. 1937 г. ЦАФСБ РФ.

*Собственноручные показания М.Н. Тухачевского.
1937 г . ЦА ФСБ РФ АСД № Р-9000. Публикуется впервые.*

Handwritten notes in the left margin, including a list of names and dates, possibly related to the main text's subject.

Handwritten notes in the top right margin, possibly a date or a reference.

Handwritten title or section header, possibly "Handwritten notes" or similar.

Main body of handwritten text, organized into columns by vertical lines, containing the primary content of the document.

Handwritten notes in the bottom left margin, possibly a list or a summary.

Handwritten notes in the bottom left margin, possibly a list or a summary.

Handwritten text at the bottom of the page, possibly a signature or a concluding note.

Собственноручные показания М. Н. Тухачевского.
1937 г. ЦАФСБРФАСД № Р-9000. Публикуется
впервые.

к 52^м сборнику.

Забелман, Каминский, ^{Димур} Армаков, ~~Давид~~ Зоревский, ^{Димур} ~~Григорьев~~ с
которыми были тесно связаны
Тамарчук и Корк, - давали раз-
личные устные показания в отношении
установки Дид^{ов} Давидовича,
внешней связи и внешне прояв-
ления Дуреманов. Моей целью
редко обращаясь в полном
смысле, исходя из соображе-
ний конспирации. Ранее
всего, соображалось об отделении
мелочи, которая ^{была} ~~была~~ по какому-
либо случайному делу Дид^{ов}
содержалась в тюрьме.

Собственноручные показания М. Н. Тухачевского.
1937 г. ЦАФСБРФАСД № Р-9000. Публикуется
впервые.

Н. В. Уборевич. Тюремное фото. 1939 г. Фото из личного архива В. И. Уборевич. Публикуется впервые.

*Н. Е. Тухачевская. Тюремное фото. 1937 г. ЦА ФСБ
РФ. АСД № Р-23914. Публикуется впервые.*

*М. Н. Тухачевская. Тюремное фото. 1937 г. ЦА ФСБ
РФ АСД № Р-4330. Публикуется впервые.*

*Е. Н. Арватова-Тухачевская. Тюремное фото. 1948 г.
ЦА ФСБ РФ. АСД № Р-3454. Публикуется впервые.*

*М. В. Бейер-Тухачевская. Тюремное фото. 1938 г. Ц
А Ф С Б Р Ф . А С Д № Р-5159. Публикуется впервые.*

А. Я. Протас. Тюремное фото. 1937 г.

ЦА ФСБ РФ. А С Д № Р-18091. Публикуется впервые.

Ю. И. Кузьмина. Тюремное фото. 1937 г.

ЦА ФСБ РФ. А С Д № Р-12805. Публикуется впервые.

*С. М. Тухачевская. Тюремное фото. 1944 г.
ЦА ФСБ РФ. АСД № Р-41897. Публикуется впер-
вые.*

В. Я. Гамарник. 1937 г. Фото из личного архива В. И. Уборевич. Публикуется впервые.

*С. М. Тухачевская. ЦА ФСБ РФ. АСД № Р-23914. 1939
(?) г. Публикуется впервые.*

В. И. Уборевич. 1951 г. Фото из личного архива В. И. Уборевич. Публикуется впервые.

С. М. Тухачевская (вторая слева) и В. И. Уборевич с мужьями. 1958 г. Фото из личного архива В. И. Уборевич. Публикуется впервые.

С . М . Тухачевская и Е . Н . Тухачевская. 1958 г. Фото из личного архива Ю. В. Хитрово.

Дети «врагов народа».

В. И. Уборевич, С. М. Тухачевская, П. И. Якир. 1971 г. Фото из личного архива В. И. Уборевич. Публикуется впервые.

Дети «врагов народа». Слева направо: В. Я. Гамарник, М. Н. Тухачевская (дочь Н. Н. Тухачевского), С. М. Тухачевская, В. И. Уборевич, Ю. В. Примаков.

Начало 60-х. Фото из личного архива В. И. Уборевич. Публикуется впервые.

В. И. Уборевич, 2005 г.

Вход в форт Ингольштадтской крепости, 2005 г.

Литературно–публицистическое издание

Серия «Диалог»

Издательский дом «Огонёк»

«Время»

МОСКВА 2005 ББК 83.3Р

К19

Федеральная целевая программа «Культура России»

Поддержка полиграфии и книгоиздания России

Оформление и макет Валерий Калныньш

Фотографии из ЦА ФСБ РФ и личных архивов Ю. З. Кантор, Н. А. Тухачевского, В. И. Уборевич, Ю. В. Хитрово Кантор Ю. З.

К19 Война и мир Михаила Тухачевского. — М.: Издательский дом «Огонек»;

«Время»,

2005. — 576 с,

илл. — (Серия «Диалог»)

ISBN 5–89947–007–0

редакторы Наталья Николаева, Татьяна Тимакова

художественный редактор Валерий Калныньш

верстка Иван Земляченко

технический редактор Диана Фомичева

Подписано в печать 29.07.2005.

Формат 84 x 108 1/32 Бумага писчая.

Печать офсетная.

Тираж 3000 экз. Заказ № 583.

«Время»

115326 Москва, ул. Пятницкая, 25 Телефон (095)
231 1864 <http://books.vremya.ru> e-mail: Ietter@vremya.ru
ЗАО «Издательский дом «Огонек»

101461 Москва, ул. Правды, 24. Телефон (095) 257
34 74.

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620219 Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru>

e-mail: book@uralprint.ru

Примечания

1

Во введении перечислены лишь основные документы и материалы, впервые вводимые в научный оборот. Подробный список всех использованных архивных документов приводится в приложении — в указателе источников (с.)

2

Предки Софьи Валентиновны, в девичестве Гаспариш, — французы. Остались в России после войны 1812 года. Она была женой Николая Александровича Тухачевского, смоленского губернского секретаря. Seriously занималась музыкой, брала уроки у Николая Рубинштейна.

3

Орфография и пунктуация сохранены.

4

Высочайше утвержденные правила по принятию прошений и просьб, приуроченных к празднованию столетия войны 1812 года, опубликованные в № 48 Правительственного вестника от 20.02.1912.

5

Имя генерала А. А. Брусилова вошло в учебники истории прежде всего в связи с наступлением армий Юго-Западного фронта летом 1916 года. — так называемым Брусиловским прорывом. «В ходе наступательной

операции русские армии (573 тыс. человек, 1770 орудий) прорвали позиционную оборону австро–венгров (448 тыс. человек, 1301 орудие) и продвинулись на 60—150 км, нанеся противнику огромный урон (1,5 млн.

человек). Потери наступавших составили 0,5 млн. человек. Однако развить не поддержанное другими фронтами наступление не удалось» (Российские офицеры // Военно–исторический журнал № 1,1994, с. 49).

6

В Ломже был похоронен убитый при штурме Варшавы прадед Михаила Тухачевского, полковник–семеновец, герой 1812 года.

7

Витнихово расположено примерно в 8 км к северу от Ломжи.

8

Директор Баварского музея армии, доктор архитектуры Эрнст Айхнер рассказал об этом мне во время беседы в музее.

9

На ее территории я побывала в сопровождении директора Баварского военного музея и пресс–атташе части.

10

Сокамерником Тухачевского в лагере Цорндорф был Ролан Гарос. — Ю. К.

11

С доктором исторических наук, специалистом по проблематике Первой мировой войны и, в частности, по истории Ингольштадтского лагеря, автором ряда исследований, посвященных его узникам, Гердтом Треффером я встречалась в Ингольштадте.

12

Доктор Герд Треффер рассказал об этом в беседе со мной зимой 2005 года.

13

Они публикуются впервые в России в данной монографии.

14

Текст этого документа на русском языке публикуется впервые.

15

В Семеновском резервном полку кроме самого М. Н. Тухачевского служили и его братья Н. Н.Тухачевский и А. Н.Тухачевский, числившиеся в полковых списках соответственно как Тухачевский 2–й и Тухачевский 3–й.

16

Сохранена оригинальная орфография.

17

Сохранены оригинальные орфография и пунктуация.

18

Так назвал Россию и Германию после Версальских соглашений Ллойд–Джордж.

19

Пилсудский Юзеф (1867—1935), польский политический и государственный деятель, маршал Польши (1920). Из дворян. В 1892 г. примкнул к Польской социалистической партии (ППС), возглавил ее националистическое крыло. В 1906 г. исключен из ППС, один из организаторов националистической ППС — «революционной фракции». Участник I мировой войны, командовал 1-й бригадой Польских легионов в австро–венгерской армии.

11 ноября 1918 г. (после революции 1918—1919 гг. в Германии) Регентский совет в Варшаве (создан оккупантами в сентябре 1917 г.) передал Пилсудскому военную, а 14 ноября — гражданскую власть.

В мае 1919 г. Пилсудский установил отношения с Петлюрой. В январе 1920 г. пригласил в Польшу Б. Савинкова (финансировал деятельность его организаций), содействовал формированию (в составе польской армии) банд Булак–Балаховича и др. Заключил с Петлюрой Варшавское соглашение 1920 г. и руководил наступлением польских войск на Советскую Россию. Был вынужден заключить Рижский мирный договор 1921 г. с Советской Россией. Расцветом польско–советских отношений стали 1932—1934 гг. В 1932 г. был подписан договор двух стран о ненападении, а в Варшаву прибыл советский посол В. Антонов–Овсеенко. После прихода Гитлера к власти в январе 1934 г. Польша подписала пакт с Германией о неприменении насилия.

20

Мысль о независимости польского государства, видимо, беспокоила Маяковского и несколько лет спустя, когда он, отражая советский взгляд на итоги войны, написал «Стихи о советском паспорте», и упомянул о паспорте польском.

«На польский глядят, как в афишу коза, На польский выпяливают глаза В тупой полицейской слоновости: Откуда, мол, и что это за Географические новости!
»

21

Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885—1939). Родился во Львове, в австрийской Галиции. Закончил Краковский университет, с гимназических лет занимался революционной деятельностью. Состоял в социал-демократической партии (СПП). В 1906 г. был арестован в Варшаве за революционную деятельность вместе с Лео Йогишес (Тышко) и Розой Люксембург. Переехав в Германию, примкнул к леворадикальному течению в германской социал-демократии, возглавлявшемуся Р. Люксембург. После высылки из Германии обосновался в Швейцарии, где его и застала война. Будучи участником Циммервальдской (1915 т.) конференции, познакомился и тесно сотрудничал с Лениным и Зиновьевым. Переехавшись в Стокгольм, К. Радек по поручению РСДРП и в качестве ее представителя поддерживал связь с иностранными «интернационалистско-революционными кругами».

В октябре 1917 г. приехал в Россию. С 1919 г. — по предложению Ленина — член ЦК РКП(б), член Президиума Исполкома Коминтерна;

в 1920 г. — секретарь ИККИ. В 1924–1927 гг. — член ЦИК СССР. Исключен из партии на XV съезде как член «троцкистско–зиновьевской оппозиции» и сослан на Урал. В мае 1929 г. реабилитирован и восстановлен в партии. Снова арестован в 1936 г. и после «признаний»

в японском шпионаже, подготовке убийства Сталина и т. п. приговорен к 10 годам лишения свободы. Убит уголовниками в тюремной камере.

Реабилитирован в 1988 г.

22

Керзон Джордж Натаниел (1859—1925), государственный деятель Великобритании, дипломат. Консерватор. В 1899—1905 гг. — вице–король Индии. В 1919—1924 гг. — министр иностранных дел. Один из организаторов интервенции против Советской России. В июле 1920 г. направил Советскому правительству ноту, в которой требовал прекратить наступление Красной армии на линии, рекомендованной Верховным советом Антанты в декабре 1919 г. в качестве восточной границы Польши — «линия Керзона» (Гродно — Брест–Литовск — восточнее Пшемьсля до Карпат). На Лозаннской конференции 1922—1923 гг. добился принятия направленного против Советской России решения вопроса о черноморских проливах, ставившего их фактически под контроль империалистических держав. В мае 1923 г. направил Советскому правительству меморандум правительства Великобритании — провокационный ультиматум, содержащий угрозу новой интервенции против СССР (так

называемый «ультиматум Керзона »). Эта провокация была отвергнута Советским правительством.

23

Домбаль к этому моменту будет уже арестован «как польский шпион » и расстрелян в августе 1937 г. Реабилитирован в 1955 г.

24

Фош Фердинанд (1851—1929), французский военный деятель, маршал Франции (1918), президент Высшего военного совета Франции (1919), британский фельдмаршал (1919), маршал Польши (1923), член Французской академии (1918). Во время первой мировой войны — командующий армией, группой армий, затем (1917—1918) начальник Генштаба Франции.

6 и 7 ноября 1917 г. генерал Фош участвовал в антигерманской конференции в Рапалло близ Генуи, на которой было принято решение образовать Верховный совет союзников (Антанту), что явилось первым шагом к объединению командования.

В конце января 1918 г. Фош был назначен председателем Военного комитета союзников. В ноябре 1918 г. Антанта во главе с Фошем вынудила Германию подписать перемирие на небывало тяжелых для последней условиях. Как главнокомандующий Антанты подписал 28 июня 1919 г. в Версале договор, положивший конец Первой мировой войне. Как председатель высшего военного совета Антанты Фош стал одним из организаторов военной интервенции против Советской России в годы Гражданской войны. Под руководством Фоша Антанта провела несколько операций против Советской России: мятеж чехо-

словацкого корпуса летом 1918 г., французскую военную экспедицию на Украину и в Крым в начале 1919 г., миссию генерала Жанена в Сибирь в 1919—1920 гг. Продолжением антисоветской интервенции стало подавление Венгерской революции 1919 г. и миссия Вейгана летом 1920 г. во время контрнаступления Красной армии на Варшаву.

25

Вторичный захват Радзимины, создание плацдарма на р. Вкре, приближение войск к Модлину.

26

С Джульеттой Леоновной Чавчанидзе я встречалась при работе над этой монографией.

27

Бломберг Вернер фон (1878—1946). Участвовал в Первой мировой войне офицером Генштаба. С 1919 г. в рейхсвере — начальник отдела боевой подготовки министерства рейхсвера (1925—1927 гг.).

В 1927—1929 гг. начальник войскового управления (т. е. замаскированного Генштаба). С января 1933 г. — министр рейхсвера, с 1935 г. — военный министр и главнокомандующий вермахта.

24 июня 1937 г. Бломберг подготовил отчет о международном положении, содержащий аргументы противников агрессивной политики, которую готовил Гитлер. Отправлен в отставку в 1938 г.

28

Речь идет о маневрах Украинского военного округа, проводившихся в 1926 г. Цель маневров — отработка взаимодействия военно–морского флота и сухопутных родов войск при проведении боевой операции.

29

В начале 1933 г. в Ленинградском военном округе была сформирована первая воздушно–десантная бригада особого назначения, в 1936 г. — еще две в Киевском и Белорусском военных округах, в 1938 г. имелось уже 6 бригад, а в марте — апреле 1940 г. началось развертывание 5 воздушно–десантных корпусов, которые к началу Великой Отечественной войны на удалось, однако, обеспечить боевой техникой и достаточном количестве.

30

После окончания процесса знамя Лейб–Гвардии Семеновского полка было передано в музей НКВД, а затем в Артиллерийский исторический музей. В 1950 г. вместе с коллекцией знамен оно перешло в Государственный Эрмитаж. В Эрмитаже знамя было отреставрировано, а в декабре 2000–го — апреле 2001 г. экспонировалось на временной выставке, посвященной 300–летию Российской Гвардии.

31

Этими воспоминаниями В. И. Уборевич поделилась в беседе со мной, во время работы над этой книгой В 1936 году Тухачевский воспринимался партийным руководством как военный стратег номер один. Не случайно именно ему было поручено выступить на Второй сессии

ЦИК Союза ССР с программным докладом, посвященным задачам обороны СССР.

32

В материалах архивно–следственного дела № Р–3802 на Томаша Домбаля содержится следующая информация: «В обвинительном заключении ГУГБ НКВД СССР от 13 августа 1937 г. по ст.ст. 58–1 «а», 58–8 и 58–11 УК РСФСР ему вменялось: 1. с 1912 г. как член «пилсудчиковских» организаций вплоть до момента ареста вел «активную провокаторскую, шпионско–диверсионно–террористическую работу в пользу Польши»; 2. по заданию ПОВ и будучи резидентом 2 отдела Польского Главного штаба проник в ряды КП Польши, затем, в 1923 г., под видом политэмигранта прибыл в СССР, где вел активную «разведывательную, диверсионную и террористическую работу»; 3. в соответствии с задачами ПОВ привлек к своей «шпионской диверсионно–террористической деятельности десятки лиц» и создал под своим руководством ряд террористических групп, «в задачу которых входила организация террористических актов над вождями ВКП(б) и советского правительства».

На закрытом судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР (ВК ВС СССР) Т. Ф. Домбаль виновным себя не признал, показания, данные им на предварительном следствии, не подтвердил и заявил, что ни в чем не виноват. 21 августа 1937 г. приговорен к расстрелу ». Реабилитирован в 1955 г.

33

В квадратных скобках то, что в подлиннике протокола зачеркнуто «начиная с февраля 1934 года входил в состав единого антисоветского центра» и «осуществлял

связь между центром и антисоветской организацией в НКВД — через Ягуду и между центром и военной организацией через Тухачевского»⁴⁸.

Также А. С. Енукидзе обвинялся, в частности, в следующем:

1) вел подготовку «вооруженного переворота внутри Кремля и разработал план этого переворота», а также «был руководителем и организатором подготовки вооруженного переворота и группового террористического акта в отношении руководителей партии и правительства» («убийство членов Политбюро путем отравления »);

2) «по заданию антисоветского центра вел переговоры в 1934 г. в Берлине с заместителем Гитлера по национал-социалистской партии Гессом, в целях установления контакта с германскими правительственными кругами в борьбе за свержение советской власти»³⁹.

34

Фамилия в деле указана полностью, однако, мы не публикуем ее из этических соображений, так как у автора заявления, возможно, есть потомки.

35

Фамилия в деле указана полностью, однако мы не публикуем ее из этических соображений, так как у автора заявления, возможно, есть потомки.

36

Полностью «План поражения» публикуется в приложении к книге.

37

Биографические справки: М. Н. Тухачевский, А. И. Корк, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, В. К. Путна, Р. П. Эйдеман, В. М. Примаков, Б. М. Фельдман, Я. Б. Гамарник// Известия ЦК КПСС, 1989, с. 70–73.

38

Текст «Плана поражения» приведен в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации.